

КИНОСЦЕНАРИИ

● АЛЬМАНАХ 1976

КИНОСЦЕНАРИИ АЛЬМАНАХ · 1976

Ю. Нагибин

*Б. Васильев
К. Рапопорт*

*Ю. Николин
Э. Яковлев*

*К. Исаяев
Э. Кеосаян*

В. Спирина

Р. Хуснутдинова

Г. Панфилов

*В. Владимиров
П. Финн*

И. Квирикадзе

*Р. Габриадзе
Р. Ибрагимбеков*

А. Баталов

А. Видугирис

ГОСКИНО СССР

МОСКВА 1976

3. ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЛЕГЕНДА

37. ШЛИ СОЛДАТЫ...

77. ТРИ МИНУТЫ ЛЁТА

107. БАГРОВЫЙ ЗАКАТ

137. ТАКАЯ ДЛИННАЯ ЗИМА

175. РИШАД, ВНУК ЗИФЫ

205. ЖИЗНЬ ЖАННЫ Д'АРК

267. ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН

СЦЕНАРИИ КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ
ФИЛЬМОВ

309. ПОМОГИТЕ МНЕ ВОЗВРАТЬСЯ НА ЭЛЬБРУС

320. СПАСАТЕЛЬ

324. ПИРАТ

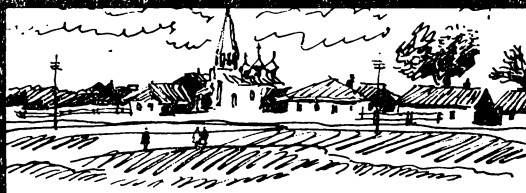
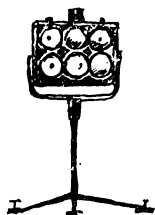
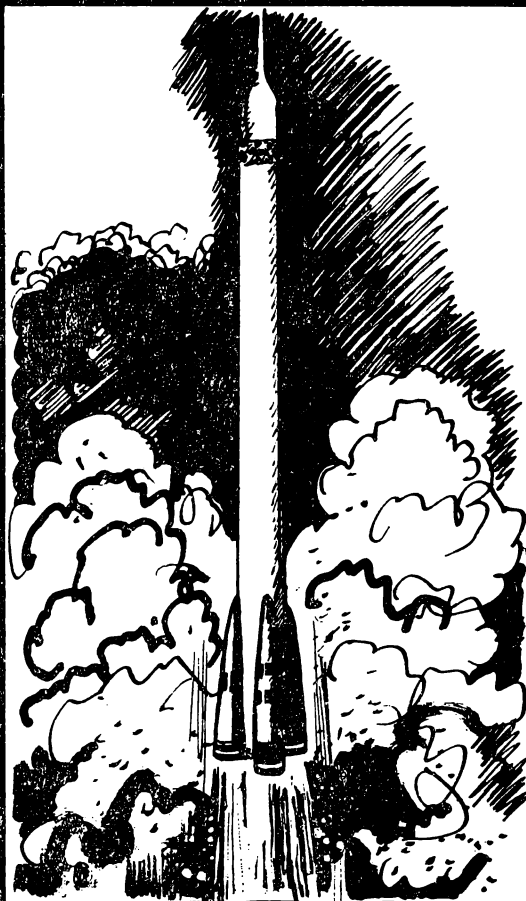
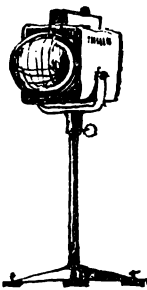
СЦЕНАРИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА

331. ТОКТОГУЛЬСКАЯ ГЭС

ОТ РЕДАКЦИИ

Внимание читателей предлагается четвертый выпуск ежегодного альманаха «Киносценарии» (первый вышел в свет в 1973 году). Здесь представлены литературные киносценарии известных советских писателей и драматургов — К. Исаева, Ю. Нагибина, Б. Васильева, В. Спириной; молодых авторов — Р. Хуснутдиновой, П. Финна, Р. Габриадзе, Р. Ибрагимбекова и др. Отбирая произведения для очередного выпуска альманаха, редакция стремилась ознакомить широкий круг читателей с литературными киносценариями разной тематики и жанров, находящимися в производстве на разных киностудиях.

ЮРИЙ НАГИБИН

ТАҚ НАЧИНАЛАСЬ ЛЕГЕНДА

ЮРИЙ МАРКОВИЧ НАГИБИН (родился в 1920 году) учился на сценарном факультете ВГИКа. С третьего курса ушел на фронт, был политработником, а затем — военным корреспондентом газеты «Труд». Первая книга «Человек с фронта» вышла в 1943 году. С тех пор опубликовал более трех десятков сборников рассказов и повестей. По сценариям Ю. Нагибина на киностудиях страны поставлен ряд фильмов, в их числе: «Самый медленный поезд», «Председатель», «Бабы царство», «Директор», «Дерсу Узала» и др.

Фильм по сценарию «Так начиналась легенда» ставит режиссер Б. Григорьев на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. М. Горького.

Пасмурный ноябрьский денек. Ветер морщит воду разлитых луж, затопивших деревню Шахматово, что лежит посреди гжатской равнины. По окоему луж изгнивает палая листва. У крыльца избы-пятистенки застоявшаяся тройка переминается в жирной грязи. Позвякивают бубенчики на дуге коренника, хомутах и сбруе пристяжных. В их гривы и хвосты вилетены алые ленты. Кони запряжены в телегу, пышно набитую просяной соломой.

Распахнулась дверь из сеней — сваха и дружка вели невесту, в фате и стареньком плюшевом пальтеце поверх белого венчального платья. Из-под юбки виднеются грубые мужицкие сапоги. У невесты терпеливое, приветливое, крепкое в скулах лицо, легкая, будто сострадательная улыбка.

Следом выходят немногочисленные родственники. Невесту подхватили под руки и трижды обвели вокруг возка. Чавкают по грязи сапоги. Дружка помог невесте забраться в телегу. Она истово перекрестилась на все четыре стороны.

— Родителей сюда! — зычно крикнул нарядный возница с перьями на шапке.

— Нету родителей, — отозвался дружка. — Сироту выдаем!..

Возница дернул вожжи. Кони выхватили телегу из грязи и враз пошли ходко.

Венчание в деревенской церкви. Темные лики святых, свечи, ладанный дым. Перед аналоем невеста и жених. Избранник шахматовской сироты — примерно одних с ней лет, поджар, смугловат, с темным озорным взглядом.

Священник спрашивает, согласна ли раба божья Анна взять в мужья раба божьего Алексея и согласен ли Алексей принять Анну...

Повизгивая полозьями, размашисто бежали розвальни от Гжатска, зримо низкорослой окраиной и дымами труб, в равнинный снежный простор. Алексей Иванович Гагарин, «повзрослевший» на двенадцать лет, вез жену из родильного дома, твердой рукой укрощая резвого меринка. Анна Тимофеевна бережно прижимала к себе большой конверт с новорожденным.

Дома их с нетерпением ждали старшие дети: Валентин и Зоя.

— Вот, Юрку вам привезли, — сказала Анна Тимофеевна, опуская конверт с младенцем на кровать.

— Юрка! — добродушно, во весь рот улыбается Валентин.

— Юрка! — вторит ему белобрысая Зоя. Видимо, почувяв неладное, Анна Тимофеевна поспешно и ловко — третий ведь! — распеленала младенца. Так и есть — мокро.

— Ну вот, поплыл по морю, корабельщик! — любовно сказал счастливый отец.

Младенец шевелит руками и ногами, каждым пальчиком поврозь, но, вместо того, чтобы разораться, как положено каждому писуну, улыбается своим маленьким розовым ртом...

Здесь возникает название фильма и первые титры...

...Разливистой весной 1961 года, в двенадцатый от начала апреля день, Алексей Иванович, не ведая о том, что уже стало достоянием всего мира, с инструментом в продолговатом ящичке за спиной и пилой в рогожной завертке на плече отправился из Гжатска в Клушино по своему плотницкому делу. В этом сильно постаревшем человеке мудрено высмотреть того молодого,

смуглого парня с горячим темным глазом, каким мы видели его на свадьбе.

Сильно припадая на левую больную ногу, добрался он до переправы через Гжать и попросил дедушку-перевозчика доставить его на ту сторону.

— Только побыстрей, Петрович, запозднелся я.

— Куда путь-то держишь?

— Да в Клушино. Подрядился новую чайную под крышу подвести.

Гагарин сложил в лодку свой инструмент, забрался сам.

Оттолкнувшись веслом, старик погнал лодку против мелкой волны.

— Слышь, Юрка твой в каком чине-звании?

— До старшего лейтенанта уже допер! — значительно сказал Алексей Иванович. — Будь здоров!..

— Значит, не он, — решил перевозчик. — По радеву говорили: майор Гагарин на Луну полетел.

— Мало ли Гагариных летает, — философски заметил Алексей Иванович. — Может, когда и мой на Луну соберется... А тот, видать, отважный, всежки, парены! Перевозчик согласно кивнул головой.

...Продолжаются титры. Теперь они идут на фоне хроникальных кадров полета космического корабля.

В Париже люди вырывают друг у друга свежие листы специального выпуска «Юманите».

В Берлине инвалид на протезе раздает прохожим непросохшие листовки с сообщением ТАСС.

Ликуют Лондон... Прага... София... Лагос... Мехико... Гавапа...

Тысячи москвичей загрохотали Красную площадь. Качают летчиков. Над толпой появляется плакат с портретом Гагарина.

На весь экран ложится чудесная гагаринская улыбка, заворожившая современников, затем медленно истаявает, замещаясь видом опаленной войной Гжатчины...

Стелятся над равниной темные дымы. Бомбардировки уже сделали своё дело: горят железнодорожные строения, склады, горят деревни, стога сена, рощи, перелески. Ползут по дорогам нестройные толпы беженцев из Белоруссии, со Смоленщины, движутся навстречу им части подкрепления...

Угол зрения камеры все сужается, и наконец в зримом пространстве остается лишь околица Клушина и малый дом, куда двадцать лет назад Алексей Гагарин ввел молодую жену, шахматовскую сироту Анну.

Небогатое, но опрятное крестьянское жилье: русская печь в свежей побелке, деревянные лавки, табуреты, чисто отскобленный стол, поставец с выцветшими фотографиями в углу, рядом — две-три похвальные грамоты, цветы на подоконниках, искоженные, но стиранные половики, широкая кровать с горой белейших подушек.

Анна Тимофеевна собирает сына в школу. Она намазывает маслом ржаные толстые блины и заворачивает в газету. Кладет завтрак вместе с тетрадками, учебниками и пеналом в самодельный, обтянутый козлом ранец. Восемилетний Юра, чистенько одетый, причёсанный и наглаженный, с волнением следит за сборами.

— Ты все положила?

— Все, все, сынок, падевай свою амуницию.

От волнения Юра никак не может попасть в лямки ранца. Анна Тимофеевна берет руку сына и просовывает в ремennую петлю. Он нахлобучивает кепку и идет к двери.

— Не балуйся, сынок, слушайся учитель, — папугует мать.

Юра быстро шагал по деревенской улице. Школа была расположена в другом конце деревни, за церковью и погостом. На церковной ограде, на стенах соседствующего с храмом сельсовета наклеены плакаты начала Великой Отечественной вой-

В роли Юры Гагарина — Олег Орлов

Фото В. Кузина

пы: «Родина-мать зовет!», «Будь героем!», «Смерть немецким оккупантам!». Поблизости с десятком деревенских жителей под командой ветерана-инвалида занимались разучиванием ружейных приемов и шагистикой. Боевое оружие, не имевшееся в наличии, заменяли гладко обструганные палки.

— К но-ге!..— кричал ветеран.— На плечо!.. Смир-на!.. Разучиваем парадный шаг!..

Юра Гагарин подошел к школьному крыльцу, украшенному еловыми ветками; сюда тоненькими струйками стекались со всех сторон деревенские ребятишки...

...Анна Тимофеевна из-под руки следила за сыном. Прихрамывая, подошел Алексей Иванович Гагарин. Его костистое лицо при-темнилось.

— Не берут, чтоб им повылазило! — проговорил всердцах.— Как сруб сгонять, так Гагарин, а как отечество защищать — пошел вон! Здоровьем я, вишь, им не угодил, чертям наповаженным!..

— Будет тебе, Алеша! — успокоительно и печально сказала жена.— Никого не обойдет эта война проклятая.

— И то правда! — вздохнул Гагарин.— Люди сказывают, он к самой Вязме вышел.

— Неужто на него управы нет?

— Будет управа в свой час.

— Когда же он настанет, этот час?

— Когда народ терпеть утомится...

Первый школьный день приближался к концу. Учительница Ксения Герасимовна предложила каждому новобранцу учебы прочесть свое любимое стихотворение. Сейчас, заикаясь и проглатывая слова, читала маленькая конопатая девочка:

...В каждом доме, в каждом чуме,
На полях, в фабричном шуме
Имя Ленина живет!..

И вспыхнув всеми веснушками, девочка вернулась за парту.

— Молодец, Былинкина! — одобрила учительница.— Лупачев, теперь ты.

К столу учительницы шагнул толстый, молочный мальчик, похожий на мужичка с ноготок. Он аккуратно одернул свой се-

рый пиджачок, прочистил горло и сказал, что любимого стихотворения у него нет.

— Ну так прочти, какое хочешь,— улыбнулась учительница.— Пусть и нелюбимое.

Лупачев снова одернул пиджачок, откашлянул и сказал:

— А зачем мне нелюбимое запоминать? — И спокойно вернулся на свое место, ничуть не смущенный хихиканьем класса.

— Очень плохо, Лупачев, что ты не любишь стихов,— огорченно сказала Ксения Герасимовна.— Стихи делают красивее нашу жизнь... Гагарин!..

Она еще не договорила фамилии, а Юра выметнулся из-за парты и стремглав — к учительскому столу.

— Мое любимое стихотворение! — объявил он звонко, скользя по классу загоревшимися глазами.

Он не заметил, что в окно за ним наблюдала мать, обеспокоенная долгим отсутствием сына,— первый школьный день, действительно, что-то затянулся.

Мой милый товарищ, мой летчик,
Хочу я с тобой поглядеть,
Как месяц по небу кочует,
Как по лесу бродит медведь.
Давно мне наскучило дома...

До этого места все шло прекрасно, на высшем вдохновении, но тут заело:

Давно мне наскучило дома...
Давно мне наскучило дома...

— Что ты, как испорченный граммофон,— прервала его учительница.— Давай дальше.

— Давно мне наскучило дома...— сказал Юра затухающим голосом.

Класс громко рассмеялся. Юра поглядел возмущенно на товарищев, сердито на учительницу, и тут пронзительно прозвенел звонок — вестник освобождения.

— Ну, хоть тебе и наскучило дома, а придется идти домой,— улыбнулась Ксения Герасимовна.— Занятия окончены!

Ребята захлопали крышками парт.

— Не разбегаться! Стройтесь в линейку!

— Как это — в линейку, Ксения Герасимовна?

— По росту.

Началась катавасия. Особенно взволнован Юра. Он мерился с товарищами, проводя ребром ладони от чужого темени к своему виску, лбу, уху и таким способом неизменно оказывался выше всех. Со скромной гордостью Юра занял место правофлангового, но отсюда его бесцеремонно теснили другие, рослые ученики, и он в конце концов очутился почти в хвосте.

Но и тут не кончились его страдания. Лишь две девочки, в том числе конопатая Былинкина, согласились считать себя ниже Юры, но, оглянув замыкающих линейку, учительница решительно переставила Юру в самый хвост.

Он стоял, закусив губы, весь напрягшись, чтобы не разрыдаться. А во главе линейки невозмутимо высился толстяк Лупачев, не знавший ни одного стихотворения.

— До свидания, ребята! По домам! — сказала учительница.

Юра опрометью кинулся из класса и угодил в добрые руки матери. Она все видела, все поняла.

— Не горюй, сыночек, ты еще выше всех вымахашь!..

По деревенской улице гнали стадо. Спихавшись крутыми боками, покорно брели черно-белые остфризы, потушив печальные, терпеливые морды, словно ведали, какой долгий и нелегкий путь им предстоит. За коровами шли бычки-годовики, толкаясь короткими рожками. И в слезах бежала за ними ослепшая от горя заведующая фермой Анна Тимофеевна Гагарина.

Она нагнала пожилого ветеринара, мужниного брата Павла Ивановича Гагарина.

— Иваныч, побереги теляток-то! Доставь в целости и сохранности!..

Тот ничего не ответил, только поглядел грустно и понимающе да перекинул в губах погасший окурок.

— Паша... Пышкова...— обратилась Анна Тимофеевна к молодой женщине, сопровождавшей стадо.— Послаще им травку-то выбирай. А то грех на тебе будет.

— Не сумлевайся, Тимофеевна,— отозвалась Паша.

Замыкая стадо, прошла старая большая корова с иссякшим выменем, а за ней прокатилась войлочная груда овец, похожая на громадный ком репейника. И в клубах пыли скрылось уходящее от войны колхозное стадо.

— Мам, не плачь, не надо! — просит невесть откуда взявшийся Юра.

— Как не плакать, сыночек, ведь сколько сил, сколько трудов отдано!...— утираясь, произнесла Анна Тимофеевна.

Тишина разорвалась оглушительным треском моторов. Кинулась врассыпную деревенская живность, отыскивающая корм в траве обочь дороги, завыли цепные псы. Дико, невероятно и жутко, как в большом сне, над деревней пронеслись два краснозвездных самолета, за одним из них тянулся хвост черного дыма. Внезапно возникнув, они так же внезапно скрылись, только грохот их еще колебал воздух. Казалось, самолеты сели на картофельное поле за деревней.

Юра оторвался от матери и бросился в поле. Еще несколько деревенских ребятишек последовало его примеру.

Их ожидало разочарование: на обширном поле за деревней не было и следа самолетов. В разных местах подымались дымы, но то были костры пастухов, угоняющих на восток смоленские стада, костры беженцев или же то догорали строения, подожженные немецкими зажигалками.

— Улетели, видать...

— К базе своей потянули...

Ребятишки повернули назад. Юра остался. Он жадно оглядывал окрестность, вдруг сорвался и побежал через поле к

можевеловой поросли, за которой в низине лежало болото.

Там они и оказались. Один самолет, целехонький, стоял на твердой земле, другой исходил последним дымком в темной жиже торфяного болота. Видно, его погасило болотной влагой.

Юра подошел совсем близко, но пилоты не замечали его. Старший бинтовал своему молодому белобрысому товарищу раненую руку. Тому было очень больно, и, чтобы скрыть это, он на все лады честил Гитлера:

— В бога... в душу... в мать Адольфа!..

— Больно, да? — спросил старший.

— Чепуха!.. Если б не ты, стучаться бы мне у райских врат.

— Ладно!..

— Я тебе этого сроду не забуду.

— Не трави баланду! — сердито оборвал старший. Он кончил бинтовать и заметил Юру.— Эй, пацан, это что за деревня?

— Это не деревня — село,— застенчиво пробормотал Юра.

— Вот формалист! Ну, село...

— Клушино.

Летчик достал из планшета карту, развернул.

Юре очень хотелось посмотреть, что это за карта, но, уважая военную тайну, он пересилил себя.

— Понятно,— пробормотал летчик.— Как звать-то?

— Юра... Юрий Алексеевич.

— Ого! А фамилия у тебя есть?

— Гагарин.

— Хорошая фамилия, княжеская.

— Не, мы колхозные.

— Того лучше. Председатель у вас толковый?

— Ага...— И вспомнив слова, что говорили взрослые, Юра добавил серьезно: — Хозяйственный и зашибает в меру.

Оба летчика рассмеялись.

— Вон как здорово! Записку ему отнесешь.

Подложив планшет под листок, вырван-

ный из блокнота, пожилой летчик принял-ся что-то писать.

— Дядь, а вас на фронте подбили? — спросил Юра раненого.

— Факт, не в пивной, — морщась, ответил тот.

— А он чего так низко летел? — спросил Юра о старшем.

— Меня прикрывал.

— Как прикрывал?

— От врагов оборонял. Это, браток, взаимовыручкой называется. Запомни это слово.

— Я запомню. Дядь, а когда летаешь, звезды близко видны?

— Еще бы! — усмехнулся раненый. — Как на ладони.

— А там кто есть?

— Вот не скажу. Так высоко мы еще не залетали. А сейчас и вовсе не до звезд. Начнешь звезды считать, тут тебе немец и выпьет.

— Значит, вы звезды считали?

— А тебе пальца в рот не клади! Я ихнюю колонну поливал и от спаряда не уберегся.

— Слушай, Юрий Алексеевич, тебе боевое задание, — сказал пожилой летчик. — Передашь вот эту записку вашему предку. Понятно?

— А вы не улетите? — с тоской спросил мальчик.

Летчики переглянулись.

— Мы здесь зимовать останемся, — пошутил молодой.

— Нам воевать надо, — серьезно сказал старший. — А ну-ка, исполнять! Живо! Одна нога здесь, другая там!

Юра опрометью кинулся выполнять первое в своей жизни боевое задание...

По пути он чуть не спиб с ног горбатенькую соседку, тетю Пашу.

— Ишь, оглашенный!.. Глаза потерял?..

— Теть Паша, ты председателя не видела?

— На площади он... Ополченцев провожает.

Юра попал на «площадь» — утоптанное

малое пространство перед правлением колхоза с биллом посередине, — когда председатель Сурганов заканчивал напутственное слово клушинским народным ополченцам.

— ...От века клушинцы бесстрашно ломали горло врагам России. Не посрамит боевой славы нашей земли клушинское народное ополчение. Ждем вас с победой, товарищи!..

Председатель, вроде, хотел еще что-то добавить, но тут его кто-то сильно потянул за локоть. Он оглянулся и увидел гагаринского мальчонку.

— Чего тебе?..

Юра таинственно поманил его в сторону. Сурганов удивленно повиновался и получил в ладонь записку летчиков. Пока он разбирал наспех набросанные строки, ополчение построилось в походный порядок, развернулось и двинулось в сторону Гжатска. «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед», — хрипловато и дружно понеслось над Клушином.

— Все ясно, — сказал председатель. — Они на болоте?

— Ага, за вырубкой.

— Ладно. Задание ты выполнил. Можешь быть свободен. Только — ни-ни! — Скрывая улыбку, Сурганов прижал палец к обветренным губам. — Военная тайна...

Анна Тимофеевна не без любопытства наблюдала за таинственными переговорами сына с председателем, но тут внимание ее отвлек Алексей Иванович, возникший невесть откуда и присоединившийся к колонне ополченцев. Он был повязан ремнем поверх своего вытертого пиджака, в сапогах и старой армейской фуражке, с «сидором» за плечами. Она охнула, бросилась было к нему, но вдруг раздумала.

Командир ополчения подошел к непрошеному хромому добровольцу и что-то сказал ему. Алексей Иванович сделал вид, что не слышит, и продолжал шагать в строю. Командир, приблизив ладонь ко рту, бросил какую-то команду, ополчение прибавило шаг. Гагарин изо всех сил старался не

отставать. Ополчение перевалило через бугор и двинулось чуть не на рысках полем в ту сторону, где небо обливалось зарницами залпов. Гагарин отстал. Он старался изо всех сил, по против рожна не попрешь — не позволяла калеченая нога. Он отставал все сильнее и сильнее. Потом остановился, грустно и сердито поглядел вслед уходящим, плюнул и повернул назад.

Анна Тимофеевна успокоилась. Теперь внимание ее переключилось на сына.

— О чем это ты с председателем шептался? — спросила она подозрительно.

— Военная тайна, маманя.

— Вот всыплю горячих, будешь знать военную тайну! — обозлилась Анна Тимофеевна.

— Да за что?.. — вскрикнул Юра, предупредительно отступив.

— Самостоятельные больно стали!.. — проворчала Анна Тимофеевна.

И тут она заметила, что Алексей Иванович пробирается задами, сквозь заросли крапивы и чертополоха, к дому. И щадя его потерпевшее урон самолюбие, сказала:

— Давай к тетке Дарье заглянем, она мне дрожжей обещала.

Мать с сыном пошли другой улицей...

...Алексей Иванович раздвинул ветви жимолости и почти наткнулся на чернявого цыганского мужика, смолившего цигарку у плетня. Мужик поглядел на него насмешливо:

— Что — не угнался?

— А тебе какое дело? — огрызнулся Гагарин.

— Не горюй, Иваныч, — с той же насмешкой продолжал цыганистый мужик, — целей будешь. От этого воинства затрапезного и кучки дерьма не останется.

— Ну ты, полегче! — вскипел Гагарин. — Люди на бой пошли!..

— Какой бой, Иваныч? Чем они биться-то будут? Учебными винтовками — одна на десятерых?

— Рано, гляжу, тебя из тюрьги выпустили.

— Не-ет!.. — мужик явно издевался. — В самый, как говорится, раз! Ты еще убедишься, Иваныч, что в самый, самый час свой вышел я на волю!

Это прозвучало угрожающе. Но Гагарин был не из пугливых.

— Я-то, правда твой, не угнался. А ты, похоже, в кусты?..

— Грыз у меня, Иваныч, — нарочито жалобно сказал мужик. — Однокамерники каблуками все кишки отшибли.

— Доносил, что ли?

— Грубо, Иваныч! Есть культурное слово: ин-фор-ми-ро-вал..

— А по мне: как донос ни называй, он все равно донос!

...По пути Анне Тимофеевне и Юре попался холмик с деревянной оградой и белым, источенным мохом камнем, на котором не разобрать было надписи. Холмик усыпан поздними осенними цветами: астрами, георгинами, золотыми шарами.

Анна Тимофеевна сдержала шаг.

— Видал? Хорошо было, все забросили могилу Ивана Семеныча, пришло лихо — вспомнили, кто тут Советскую власть делал.

— Мамань, его белые убили?

— Мятаж контрики подняли, сразу после революции. Ну, которые деревенские коммунисты в подполье ушли, а Сушкин Иван Семеныч отказался. Я, говорит, ничего плохого не сделал, зачем мне прятаться! Чистой, детской души был человек. Прискакали сюда конные, взяли Ивана Семеныча прямо в избе, повели на расстрел, да не довели, насмерть прикладами забили.

Постояли, посмотрели на могилу первого клушнинского коммуниста мать с сыном и двинулись дальше...

Ночью Юра ворочался, стонал во сне, вскрикивал. То ему снились проносящиеся над деревней с яростным грохотом самолеты, то гордый сельский коммунист Иван

Семенович Сушкин, не склонивший голову перед мятежной конторой...

Он вскочил ни свет, ни заря, когда вся семья еще спала, и опрометью кинулся к своим друзьям-летчикам.

Юра бежал напрямик сквозь мокрый от росы орешник, через овраг, острекался злой осенней крапивой, но все равно опоздал. Летчиков не было. Лишь в темной торфяной жиже сиротливо торчал полузатонувший истребитель. Носовая его часть была разворочена и черна от сажи — перед отлетом летчики вывели из строя мотор.

Юра с грустью поглядел на пепельный кружок костра, на глубокие борозды, оставленные самолетом, унесшим летчиков. А потом, перепрыгивая с кочки на кочку, добрался до полузатонувшего самолета и залез внутрь. Занял место пилота, положил руки на штурвал, и его детское лицо исполнилось недетской серьезности. Он чуть повернул штурвал, перед ним распахнулось небо, а внизу легла земля в квадратах полей и лесов, в тенях облаков.

...И сместилось время — курсант Саратовского аэроклуба Юрий Гагарин совершает первый в жизни самостоятельный полет.

Гагарин сделал круг над аэродромом и приземлился возле посадочного знака. Спрыгнул на землю и, стараясь не выдать обуревавшего его восторга, отрапортовал инструктору Мартянову:

— Товарищ инструктор летного дела, задание выполнено!

— Молодец! Поздравляю! — Он шагнул вперед и крепко обнял Гагарина.

— Для первого полета совсем не плохо, — заметил подошедший к ним седоусый генерал авиации со звездой Героя на кителе. — Какой путь себе избрали? — обратился он к курсанту.

Гагарин смехался, за него ответил Мартянов:

— Индустриальный техникум кончает, будет литейщиком.

— Хорошее дело, — наклонил крупную голову генерал. — А только он прирожден-

ный летчик. Мог бы стать пилотом с большой буквы.

— Я хочу летать, товарищ генерал! — вдруг звонко сказал Гагарин. — Я ничего другого не хочу!..

— Вон как! — Генерал внимательно посмотрел на курсанта. — Фамилия?

— Гагарин.

— Хорошая фамилия, княжеская, — усмехнулся генерал.

— Не, мы колхозные, — как во сне произнес Гагарин.

— Боже мой! — Генерал приложил пальцы к седому виску. — Я уже слышал однажды эти слова...

— Под Клушином... за Гжатском... в начале войны... — взволнованно проговорил Гагарин.

— Надо же!.. Вот уж правда: гора с горой не сходятся, а человек с человеком!.. Значит, звезды по-прежнему зовут?

— Зовут, товарищ генерал, — ответил Гагарин...

...Очнулся за штурвалом восьмилетний Юра, провел рукой по глазам. На лице его затухает странная улыбка. А вокруг все то же: мертвый самолет, пустынное болото, тающий туман, дымы по окоему прострательства, ворчание приближавшейся войны...

Учительница Ксения Герасимовна повела первоклассников на экскурсию. Совсем недалеко — просто за околицу.

Гжатская земля, село Клушино и его окрестности не раз оказывались ареной ожесточенных битв русского воинства с иноземными захватчиками. А в глубокую старину русские богатыри стояли тут на страже молодого зарождающегося государства.

И сейчас учительница показывает ребятам округленную насыпь, по которой проложена узкая дорожка.

— Эти насыпи называются «жилища богатырей», — поясняет Ксения Герасимовна. — Кто знает, почему?

Ребята молчат.

— Тут богатыри жили? — высказал предположение толстый мальчик Лупачев.

— Не просто жили, а землю русскую охраняли. И друг с дружкой перекликались.— Учительница вскарабкалась на насыпь и, поднеся ладонь рупором ко рту, закричала.— Ого-го!.. Спокойно ли у вас, други-витязи?.. Не тревожит ли рать вражеская?..

Она очень трогательна сейчас, эта молодая женщина со восторженными ветром седыми волосами. Юра Гагарин пристально смотрит на учительницу. В ушах его звучит:

— Нет покоя нам, други-витязи!.. Тучей черной ползет рать вражеская!..

Юра встряхнул головой, прогнав наваждение.

Ксения Герасимовна подвела ребят к могильному кургану.

— А здесь покоятся русские воины, которые в семнадцатом веке гетмана Жолкевского на Москву не пускали. Страшная была битва. Воевода Дмитрий Шуйский, царев брат, чуть не всю рать положил. Но и от воинства гетмана немного уцелело. Жолкевский говорил: «Еще одна такая победа, и нам конец»... А вот скажите, ребята, кто еще через Клушино на Москву шел?

— Наполеон!..— враз вскричало несколько учеников.

— Правильно, Наполеон... Вот какое историческое место наше Клушино!

— Ксения Герасимовна, а Гитлер сюда придет? — спросил Лупачев.

— С чего ты взял? — вспыхнула учительница.

— Беженцы говорят, он уже под Гжатском.

— Москвы Гитлеру не видать, как своих ушей,— твердым голосом сказала Ксения Герасимовна, уклонившись, однако, от прямого ответа.

Дети это почувствовали.

— Ну, а к нам? — настаивал Лупачев.

Ответа не дождался. Из-за леса на низком, почти бреющем полете стремительно

вынесся немецкий самолет и хлестнул пулеметной очередью.

— Ложитесь! Ложитесь! — закричала Ксения Герасимовна.

Дети распластались на земле где кто стоял. Им отчетливо были видны пауки свастик на крыльях и черные кресты на фюзеляже. Самолет пошел на деревню. Громко, отчетливо забили его крупнокалиберные пулеметы.

— Зажигалки! — крикнула Былинкина.— Он кидает зажигалки!

Дети вскочили на ноги.

В стороне деревни взметнулось пламя, столбами повалил черный дым.

— Школа горит! — крикнул Гагарин.

Со всех ног дети кинулись к деревне.

— Стойте, ребята!.. Куда вы?..— тщательно зывала Ксения Герасимовна.

Никто её не слушал, и учительница тоже побежала.

Когда они достигли Клушина, немецкий самолет, сделав свое черное и бессмысленное дело, убрался восвояси. Деревня горела в разных концах. Пылал коровник, водокачка, несколько изб, горела школа.

Неподалеку от школьного крыльца лежала расстрелянная с самолета молодая женщина.

— Дуня... Позднякова...— узнали ребята клушинскую почтальоншу.

Ксения Герасимовна сняла с головы шерстяной платок и прикрыла лицо погибшей.

От конторы подбежали мужики, с ног до головы испачканные глиной,— видать, отлеживались в огороде. Они подняли Дуню и унесли.

И тут все услышали плач, прерывистый, вздох, похожий на кудахтанье.

На чурбаке, у поленницы дров, сидела маленькая девочка и горько плакала, прижимая кулаки к глазам.

Ребята окружили девочку. Ксения Герасимовна опустилась перед ней на землю.

— Ты кто такая?

Рыдания стали громче.

— Откуда ты, девочка?

Ксения Герасимовна сильно и умело отвела кулаки девочки от глаз. Открылось мокрое веснушчатое личико с заплаканными черными глазами. Она была невиданно весновата, лицо её напоминало апельсин, и дети сразу оценили это маленькое чудо.

— Вот это да! — восхитился толстяк Лупачев. — Она пестрей Людки Былинкиной!

— Сравнил тоже! — подхватил чернявый как жук Пека Фрязин. — Людке до нее, как до небес!

— Помолчите, ребята! — строго сказала Ксения Герасимовна. — Ты откуда, девочка?

— Мясоедовские мы, — по-взрослому ответила девочка.

— Как тебя звать?

— Настя.

— А фамилия?

— Жигалина.

— Постой, ты не предколхоза дочь?

— Ага.

— А как ты здесь очутилась?

— Меня мамка привела. К тете Дуне жить...

— Дуня вам родня?

— Ага. Она тети Валина дочка.

— А где же твои родители?

— Папка в этом... ополчении, а мамка в госпитале.

Ксения Герасимовна чуть помолчала, что-то соображая про себя.

— Слезами горю не поможешь, — решительно сказала учительница. — Пойдем, будешь у меня жить...

...Клушинская школа расположилась в помещении колхозного правления. Сюда же переколотили школьную вывеску.

После уроков, когда ребята гуртом выкатились на улицу, толстяк Лупачев предложил Пеке Фрязину:

— Эй, жук, давай из новенькой масло жмать!

— Лучше из тебя жмать, жиртрест! — огрызнулась новенькая — Настя Жигалина.

Ей бы помолчать — из новеньких всегда жмут масло, и ничего страшного тут нет, но её насмешка обозлила Лупачева, а строптивость — Пеку Фрязина. И «жмать» её стали с излишним азартом.

— Да ну вас!.. Дураки!.. Пустите!.. — крикнула Настя. — Да ну вас, черти паршивые!.. — В голосе её послышались слезы.

Но её вопли лишь придавали прыти «давилщикам», они разбегались и враз сжимали девочку с боков. Настя захныкала. И вдруг, вместо податливого Настинного тела, Лупачев встретил чье-то колючее плечо, ушибся о него ребрами и отлетел в сторону.

— Ты чего?.. — пробормотал он обиженно, но сдачи не дал, ибо отличался миролюбивым нравом и задевал лишь тех, кто был заведомо слабее него. А с Юркой Ггарипным, известно, лучше не связываться. Вот Пека Фрязин попробовал и оказался на земле. Вскочил, сжал кулаки и снова уткнулся носом в грязь. И главное, Юрка не злится вовсе, губы улыбаются, глаза веселые, блестящие и... опасные. А крепок он, как кленовый корешок. Нет, лучше с ним не связываться. Да и на кой она сдалась, эта конопатая плакса! И Лупачев пошел себе потихоньку прочь, а за ним, ругаясь и грозясь, ретировался отважный Фрязин.

— Не плачь, — сказал Юра девочке. — Они же в шутку.

Настя дернула носом раз-другой и успокоилась.

— Какой ты сильный! — сказала она восхищенно. — Здорово дал!

— Да это понарошку, — отмахнулся скромный рыцарь. — Слушай, ты умеешь хранить тайну?

— Ага!

— Побожись, что никому не скажешь.

— Гада буду!.. — веснушчатое Настино лицо выражало трепетное любопытство.

— Тогда пошли!..

И ребята быстро зашагали по деревне в сторону околицы...

... — Видишь? — Гагарин показал на торчащие из болота останки самолета.

— Чего? — в глазах Настя полнейшее равнодушие.

— Как чего? Самолет! — И с гордостью: — Это мой самолет, никто о нем не знает.

— Ну да? — вежливо удивилась Настя.

— Рыжим буду!.. Тут наши летчики сели. Одного немцы подбили, а другой его прикрывал. Взаимо-выручка, — выговорил он важно, хоть и не без труда. — Хочешь, покатаемся?

— А он же сломанный, — резонно заметила Настя.

— Да нет же!.. Знаешь, как летает? Будь здоров! Надо только залезть туда и сильно, сильно захотеть. Я сколько раз летал!.. Правда.

Настя весьма скептически относится к Юркиному энтузиазму, но как существо женственное, чувствует, что это из тех мужских глупостей, которым лучше верить или хотя бы делать вид, будто веришь, если не хочешь потерять друга.

— Ну, давай!.. — Она шагнула вперед и сразу провалилась в торф. — Топко!..

— Полезай на закорки!

Юрка пригнулся, Настя обхватила его руками за шею и повисла у него за спиной. Он пересек узенькую полоску болота и опустил ее на крыло самолета. Вскарабкался сам и помог ей забраться в кабину.

— Держись крепче. Сейчас мы взлетим.

Он делает вид, будто заводит мотор, берет на себя штурвал и отменно имитирует воющий звук самолета.

Чуть побледнев, Настя смотрит на плывущие по небу облака.

— Поднимаемся! — ликует Юра. — Чувствуешь, как высоко?

То ли налетел ветер, убыстрив ход облаков и облив тугими струями искалеченный фюзеляж и разгоряченные щеки, то ли такова власть чужой убежденности и веры, но Настино сердце на миг испытало

ощущение полета. Она зажмурилась и закинула голову назад, маленький рот чуть приоткрылся. Вслед за тем она испуганно распахнула глаза и крикнула:

— Назад хочу!

— Идем на посадку! — радостно откликнулся Юра.

Он перенес Настю на твердое.

— Понравилось летать?

— Ага, — сказала она равнодушно и уже совсем иным тоном — живым и мечтательным: — Пирожка бы сейчас!

— Оголодала?

Настя замотала головой.

— Я сытая. Пирожка охота... У нас каждый, каждый день пироги пекли. С яйцами, грибами, капустой, рисом, с яблоками, вишнями, черникой!..

— А ты, видать, балованная! — засмеялся Гагарин.

— Конечно, — с достоинством подтвердила Настя. — Я моленное дитя.

— Как это — моленное?

— Папка с мамкой никак родить не могли. И бабка покойная меня у бога вымолила.

— А разве бог есть? — озадачился Юра.

— Только у старых людей. У молодых его не бывает.

— Жалко! — снова засмеялся Юра. — А то бы мы пирожка намолмили!

— Посмейся еще! — обиделась Настя. — Я с тобой водиться не буду.

— Знаешь, — осенило Юру, — пойдем к нам. Мать вчера тесто ставила. Насчет пирогов — не знаю, а жамочку или пышку наверняка стрельнем.

— Пышки с вареньем — вот вкусно-то! — плотоядно зажмурилось моленное дитя...

...Но пока настал черед сладким пышкам, им пришлось отведать кисленького. У Гагариных сидела встревоженная и обозленная Ксения Герасимовна.

— Явились — не запылились! — приветствовала она появление нежной пары. — Я тут с ума схожу, а им и горюшка мало. Куда вы запропастились?

— Да куда,— подернул плечами Юра.— Просто гуляли.

— Дышали свежим воздухом,— присо-вокупила Настя.

— Видали! — всплеснула руками Ксения Герасимовна, и седые волосы её взметнулись дыбом от возмущения.— Воздухом они дышали! — Она повернулась к Анне Тимофеевне, с укоризной поглядывающей на сына: — Недовольна я вашим парнем, Анна Тимофеевна, очень недовольна.

— Чего он еще натворил? — огорченно спросила Гагарина.

— Ведет себя кое-как...

В избу вошел Алексей Иванович и остановился у печи, чтобы не мешать разговору.

— ...дерется, товарищей обижает.

— Сроду никого не обижал,— сумрачно проворчал Юра.

— Вспомни, что было после уроков...

— А зачем они с меня масло жмали? — вмешалась Настя.

— Не «жмали», а жали, Жигалина,— по учительской привычке поправила Ксения Герасимовна и слегка покраснела.— Прости, Гагарин, я не знала, что ты заступался... Ладно, пошли домой, Настасья!

Зоя внесла кипящий самовар, поставила на стол.

— Может, чайку попьете, Ксения Герасимовна? — предложила Гагарина.— С горячими пышками.

— Спасибо, Анна Тимофеевна. Мне еще гору тетрадок проверять. Бывайте здоровы.

Учительница увела разочарованную Настю, но Юра успел — уже в сенях — вручить своей подруге кулечек с теплыми пышками...

...Семья Гагариных в полном составе чаевичает под семейной лампой. Не скоро соберутся они так вот вновь за общей домашней трапезой. Меньшой, Борька, сидит на коленях матери.

— Гагарины всегда отличались бойцовой породой,— рассуждает Алексей Ива-

нович, направленный в это воинственное русло известием о подвигах сына...

— Ладно тебе, Аника-воин! — Анне Тимофеевне не по душе такие разговоры.

— Правду говорю. Батяка мой Иван Гагара — первый кулачный боец во всем уезде был.

— Сказал бы лучше, первый выпивоха и дебошир.

— И это верно. Он мог ведро принять — и ни в одном глазу. А ты элишься, что он ваших шахматовских завсегда колотил.

— Подумаешь, заслуга! В моей семье не дрались. Мы народ пролетарский, путиловской закваски.

— И мясоедовских пластал,— не слушая, продолжал Алексей Иванович.— Никто против него не мог устоять.

— Папань, а правда, он, поддамши, избу разваливал? — спросил Валентин.

— Не разваливал, а разбирали по бревнышку. И в тот же день обратно складывал. Золотые руки! Отменный мастер, герой, победитель!..

— Шатун, перекасти поле... — вставила Анна Тимофеевна, которая явно была настроена против героизации этого гагаринского предка.

Но парни, кроме несмышлениша Борьки, и даже женственная Зоя слушали отца с восторгом: светила им легендарная фигура основоположника рода.

— Все Гагарины волю любят,— веско сказал Алексей Иванович.— Я вот тоже побродил по белу свету...

— А чего хорошего? — перебила Анна Тимофеевна.

— Как чего? Людей поглядел, чужие города, места разные интересные, озера, реки. Человеку нельзя сиднем сидеть. Ему вся земля нужна...

— И все небо,— будто про себя проговорил Юра.

— Правильно, сынок! И все небо, и все звезды...

— Размечтались!.. Шумел, колобродил Иван Гагара, а пропал ни за грош.

— Убили?.. — охнула Зоя.

— Заснул и под поезд угодил.

— А все равно он жить умел, радоваться умел. Великое это дело — радость любить, тогда ничего не страшно.

— Тут я с тобой согласная, что б ни случилось — держи хвост морковкой! — заключила Анна Тимофеевна...

На рассвете Гагариных разбудил рев танков. Выскочили из дома — к околице, жуя землю гусеницами и разбрызгивая грязь, подошли два черных, обгорелых, с оплавившейся броней танка и подрулили к колодцу. Тоже черные, в крови и копоти, танкисты выскочили из горячих машин и стали жадно пить, остужая раскаленное утро.

— Роденькие, как там положение у нас? — обратилась к ним Горбатенькая.

Ничего не ответили танкисты, только ружьем махнули. Забрались назад в танки и ушли, но не к фронту, а в обратном направлении.

— Не туда наступайте, ребята! — крикнула им с болью Горбатенькая.

А вскоре процокала копытами и конная часть, видать, тоже из боя. Под фуражками бинты, кровь на ватниках. Иные лошади шли в поводу, выбили их седоков из строя.

Мрачно смотрели клушане на отходящее воинство. Ничего уж не спрашивали, и так все было ясно...

Вечером в просторной и пустой избе Горбатенькой набилось чуть не полдеревни женщин — все безмужние, среди других и Ксения Герасимовна с Настей. Миром не так страшно лихо встречать. Унылые велись речи:

— Немцы уже в Гжатске...

— Не иначе, ночью придут...

— Что-то с нами будет?..

— Самое, говорят, страшное — первые дни...

Горбатенькая и Ксения Герасимовна шептались в уголке:

— А председатель наш убрался? — спрашивала Горбатенькая учительницу.

— Убрался. Все оставшиеся коммунисты в лес ушли.

— И слава богу! Их бы не помиловали.

В избу явилась со всеми чадами Анна Тимофеевна. Четырнадцатилетняя рослая Зойка, измазанная сажей, в залосненном ватнике и драном платке, испуганно жалась к матери.

— Ты чего это оделась, как от долгов? — подскочила к ней Горбатенькая.

— Для маскировки, — сумрачно отозвалась Зоя.

— А чтоб они Зоиньку не обидели, — пояснила Анна Тимофеевна. — Её все за взрослую принимают.

— Будто они малолетками гребуют, — бросила Горбатенькая.

— Примешь гостей, Пашунчик? Или у тебя без нас тесно?

— Та чего там, Тимофеевна, устроимся! — отозвалась Горбатенькая. — Хозяина-то куда дела?

— На печи лежит. Ногу ему схватило.

Пришедшие устраиваются на полу, возле Ксении Герасимовны. Горбатенькая дает им подушки без наволок, разное тряпье, старый тулуп. Они ложатся. Анна Тимофеевна одной рукой обняла дочь, другой — младшего Борьку.

Юра толкнул в спину Настю и незаметно передал ей гостинец. Настя накрылась с головой одеялом и захрумкала.

— Не бойтесь, Тимофеевна, — шепнула учительница. — Мы врагу не дадимся. — И показала старый музейный пистолет.

— Где же это вы откопали? — ужаснулась Анна Тимофеевна.

— Из реквизита драмкружка. Наполеоновский!

— Спрячьте его подальше, за ради бога! Беды с ним не оберешься.

Горбатенькая потушила лампу. Темнота. Тишина. Громко тикали ходики. Завыла собака на улице. И выла так истощ-

но, выматываяще и долго, что не было сил терпеть. Опять настала тишина, только стучали ходики, будто отсчитывая последние мгновения жизни. И никто не знал, в глухую ночь или под утро деревня наполнилась ревом моторов, чужими страшными голосами, топотом, лязгом.

Дверь распахнулась, ударил свет электрического фонарика. Световой кружок забегал по лицам. Люди жмурились, закрывались рукой, бортом ватника, ветошкой, иные вперяли в зашельда полные ужаса глаза.

Анна Тимофеевна, будто в сонном беспомоществе, навалилась на дочь, закрыла её собой. Ксения Герасимовна сжимала в руке наполеоновский пистолет. Настя капризно куксилась и терла глаза кулаками.

Немец продолжал водить фонариком, не пропуская никого в избе. Он видел ужас, страх, притворство, растерянность, настроженное любопытство, смятение, но ничто не задевало очерствевшего сердца старого солдата. И тут лучик его фонаря упал на спящего. Да, в этом напуганном человеческом месиве один продолжал крепко спать — мальчик лет восьми. Солдат приблизил фонарик к его лицу. Не было никаких сомнений — он действительно спал, мерно и глубоко дыша, посреди этой грозной ночи. Что-то вызывающее было в этом спокойном безмятежном сне.

Немец усилил свет фонарика и направил луч прямо в глаза мальчика. Тот сморщился, чихнул, открыл круглые блестящие глаза и, не жмурясь, поглядел прямо в свет фонаря и улыбнулся, то ли незнакомцу в зеленой ядовитой шинели, то ли еще не истаявшему в нем сновидению, то ли побудке, обещающей продолжение жизни.

И Ксения Герасимовна, цепенеющая рядом, одна поняла те странные слова, которые сказал на своем языке немолодой, с усталым лицом немецкий солдат.

— Ну и глаза у этого мальчишки! Ну и глаза!.. Какие же сны ему снятся, если он может так смотреть!..

Свет фонарика погас, скрипнули половицы, захлопнулась за солдатом дверь.

— Юр, Юр, что тебе снилось? — шепотом спросила учительница.

— А как мы раков решетом ловили... — зевнув, ответил мальчик...

С того утра стало Клушино не советской колхозной деревней, а оккупированной территорией. Всюду звучала немецкая речь, немецкие песни, немецкие марши. По улицам бегали солдаты в зеленых шинелях. Рычали немецкие грузовики. Тарахтели немецкие мотоциклы.

Во двор к Гагариным въехал небольшой грузовик, а в нем тридцатилетний румяный верзила с фельдфебельскими погонами. Он вошел в дом, хозяйским взором окинул скромный крестьянский уют, сбросил на пол рюкзак, автомат, противогаз, швырнул на чистую крахмальную постель грязную зеленую шинелишку и произнес такой монолог, мешая немецкие и русские слова:

— Их бин фельдфебель Альберт Фозен, аус Мюнхен. Тут у вас ганц гут, карашо, кейне швейнерей. Их блейбе хир. Буду прожывать.— Он сильно втянул носом воздух и аж задрожал под мундирчиком, почуяв запах печеного хлеба.— Эй, матка, давай брот, булька, хлиб!

— Никст, пан, брот,— ответила по-немецки Анна Тимофеевна.— Откуда хлебуто взятсья? Твои камрады утресь заходили, весь брот, всю муку забрали.

Фельдфебель потыкал в свой нос.

— Врать, врать! Рус всегда врать! Хлиб есть!..

— Нет, пан!.. Никст!.. Не веришь, сам поищи!..

Альберт выскочил наружу и позвал сидевшего в кабине переводчика, прыщавого малого в немецких брюках и ватнике. Переводчик понимающе закивал головой, они вдвоем вошли в дом.

— Будет вам дурочку строить,— сказал толмач.— Вы немца обмануть можете, только не меня. Пекли вы хлеб, нешто я запаха не чувствую.

— А мы и не отказываемся. Пекли. Только забрали у нас все до крошки.

— Кто забрал? Укажите.

— Помилуй, пан! Нешто мы в них разбираемся? Все на кузнечиков похожи. Такие же оголодавшие товарищи, как вот этот,— Анна Тимофеевна кивнула на фельдфебеля Фозена.

Толмач посмотрел сумрачно.

— Помалквай, целее будешь.

— Спасибо за добрый совет.

Тут фельдфебель что-то заорал, брызгая слюной от ярости, а руками показывая на дверь.

— Он говорит, чтобы вы катились отсюда к чертовой матери.

— Куда же мы пойдем из собственного дома?

Немец понял и без переводчика:

— Цум тейфель!.. Ин дрек!.. Ин бункер!.. Ин келлер!.. Ин шайсе!..

— Вон сколько мест, чего и выбрать!..

— Переселяйтесь в погреб, коли не хотите, чтобы вас вовсе со двора выгнали,— порекомендовал толмач.

Альберт продолжал выкрикивать какие-то раздраженные фразы.

— Он говорит: забудьте, что это ваш дом. Это его дом. Он будет здесь жить всегда. Он привезет сюда свою жену Амалию и деток. А вы будете служить им, и ваши дети будут служить, и ваши внуки.

И тут с печи, крепко напугав немца, прыгнул в одних подштанниках занедуживший Алексей Иванович Гагарин.

— Ладно, заткни фонтан! Мы и сами тут не останемся. Нам вольного воздуха не хватает. Забирай, мать, барахло! — И стянув с вешалки ворох старой одежды, он первый направился в огород...

...До позднего вечера трудилась всей семьей Гагарина, приспособившая под жилье холодный погреб. Копали землю, натаскивали дерну, утепляли, оборудовали печурку с трубой. А тем временем Альберт Фозен превращал их сарай в мастерскую для зарядки аккумуляторов...

Фельдфебель Альберт Фозен, зарядчик аккумуляторов во славу гитлеровского оружия, пошел в огород опорожнить поганое ведро и увидел, что несколько деревенских ребятшек копаются в сбросе свежей земли у бункера Гагариных, извлекая оттуда то обломок штыка, то старинного литья пулю, то разрубленную кирасу, то проржавевший ружейный ствол. Альберт, заинтересованный, подошел к ребятам.

— О, кугель!.. Эйне флинт!.. Дас ист ферботен!.. Запрещено!..

— Старое... От французов осталось,— пояснил Юра.

— Францозен? Варум францозен?..

— Наполеон через наше Клушино на Москву шел.

— Нах Москау?.. Мы тоже ходить нах Москау.

— Ага! Сперва «нах», а потом «цурюк»! Ребята засмеялись.

— Мы не «цурюк»! — разозлился Альберт.— Нур дранг нах Остен!

— Дранг нах Остен, драп нах Вестен! — закричали ребята и кинулись врассыпную.

Альберт бросился за ними, но всю ватагу будто ветром сдуло. Остался лишь маленький Гагарин — Борька. В младенческом неведении он жевал черную корку и радостно смеялся, сам не зная чему. Альберт схватил его, поднял на воздух и повесил за шарфик на сук ракиты. Борька обронил корку и ужасно закричал. Теперь пришла очередь смеяться Альберту. Отсмеявшись вдоволь, он вернулся к своим аккумуляторам...

Анна Тимофеевна ведать не ведала, какая беда стряслась с её меньшим, когда в землянку вбежал Юра.

— Мам, Борьку повесили!

Без памяти, простоволосая, Анна Тимофеевна бросилась во двор.

Борька уже не кричал, а хрипел, красный, полузадохшийся. Он висел высоко, матери было не дотянуться. И тогда от беспомощности крупная, крепкая в кости женщина стала жалко прыгать вокруг ракиты в тщетной надежде достать сына.

Рыжий Альберт видел все это и от души веселился.

— Мам, посади меня,— попросил Юра.

Анна Тимофеевна подняла Юру, и он быстро освободил братишку.

Альберт расстроился, хотел было вмешаться, но тут подкатило какое-то начальство, и ему пришлось отложить свои мелко мстительные планы...

Из машины вылезли лейтенант, сержант и полицейский — тот самый чернявый, цыганского обличья мужик, с которым имел столкновение Алексей Иванович Гагарин. Он разительно изменился: приосанился, раздался в плечах, будто выше ростом стал. На нем была зеленая немецкая курточка, сапоги с короткими голенищами, ватные брюки и советская командирская фуражка без звездочки. Вся команда направилась к землянке Гагариных.

— Хозяин дома? — спросил полицейский Анну Тимофеевну.

— Болеет он...

— Все болеют. Раз не помер, пуцай выйдет.

Анна Тимофеевна мигнула Юрке, тот опростомельно кинулся в погреб.

— Чего им надо, Сергун? — спросила Анна Тимофеевна полицейского.

— Какой я тебе Сергун, халда? — обозлился тот. — Господин Дронов, заруби себе на носу.

Тут вышел Алексей Иванович, красный, в жару, глаза воспалены.

— Кому я тут зандобился? — спросил, глядя в землю.

— Ну, что Иваныч, рановато меня выпустили, или, может, в самый раз? — пошмеиваясь, спросил Дронов.

— В самый раз,— пробурчал Гагарин.

— Хальт мауль! — невесть с чего завелся лейтенант. — Будешь мельница работать.

— Вот-те раз! — удивился Гагарин. — Я плотник, столяр, кого хошь спросите, какой из меня мельник?

Лейтенант злобно глянул на полицейского.

— Врет он, ваше благородие, как си-

вый мерин. Плотник, столяр!.. А когда в голодуху на заработки шлялся, ты где вкальвал? На мельнице. В Малых Липках, под Брянском. Что, выкусил? У меня память железная.

— Вон что вспомнил! Когда это было!..

— Молшаты!.. — сказал лейтенант. — Немецкий армей не нужен столяр, немецкий армей нужен моллер. Форвертс!..

Гагарина схватили, скрутили и потащили к машине...

Скрипят крылья старого ветряка и будто отсчитывают дни, недели, месяцы. То сквозь дождь, то сквозь снег, то сквозь весеннюю крупу проносятся они и замирают на фоне чистого, прозрачного майского неба...

Алексей Иванович Гагарин объясняется с немецкими солдатами, привезшими на мельницу зерно для помола:

— Не выйдет, господа хорошие! Никст винд!..

Немцы что-то лопочут по-своему, но Алексею Ивановичу слышится лишь бессмысленное:

— Ла-ла-ла-ла-ла!..

— Да что там «ла-ла-ла», никст винд. Вона! — Он послонил палец и завертел им во всех направлениях. — Ветра нету, мельница стоит.

Немцы опять принялись за свое «ла-ла-ла», и пальцами в грудь тычут: мели, мол, и никаких! Тут на мотоцикле подкатили двое: переводчик и полицейский Дронов. Немецкие солдаты — к ним. Толмач стал переводить:

— Они говорят: когда своим молоть, всегда ветер, а когда немецким солдатам, у тебя никогда ветра нет.

— А ты им объясни: нешто это от меня зависит? Может, русский ветер им служить не хочет.

— Сам объясни, если ты в обиде на свою задницу.

— Саботажник он! Работать не хочет! — с ненавистью прохрипел Дронов.

Переводчик вздрогнул и что-то сказал немцам. Главный из них нацарапал несколько слов на листке бумаги и сунул Гагарину:

— В комендатур!..

— Допрыгался, гнида! — злорадно сказал Дронов.

Алексей Иванович своим неспешным прихрамывающим шагом двинулся в поход. Он с грустью примечал все порухи, наделанные войной. Много домов было сметено во время бомбежек, много погорело. Деревня стала сквозной, во все стороны проглядывалось ровное поле, окаймленное лиственным лесом. Там, где улица делала крутой поворот к центру села, он обнаружил сына Юру и окликнул его:

— Эй, сударь, ты чего смутный такой?

— Живот чегой-то болит.

— Переел, видать, — усмехнулся отец. — Перепопаться потуже, враз пройдет.

— А ты куда, папань?

— В комендатуру. Записку велели снести.

— Зачем?

— Я так полагаю: просят выдать мне десять кил шоколада.

— Не ходи ты за ихним шоколадом, папань.

— Нельзя, сынок. Этак худшее зло накличешь. А то пострадают для порядка, и делу конец.

Юра пошел с отцом. Они миновали гигантскую старую ветлу с мощным изморщившим стволем, необъятной кроной, и была та ветла под стать древнему дубу.

— При деде моем стояла, — с нежностью сказал Алексей Иванович о дереве. — Может, оно еще в дни царя Петра посажено!

— Папань, ты что — спятил? — спросил сын. — Я же миллион раз это слышал.

— Неужто миллион? — удивился Алексей Иванович. — Стал быть, я повторяюсь? Видать, старею, сынок.

Впереди, на горюшке, возникла красивая церковь, справа от нее находилась контора, превращенная немцами в комендатуру. За конторой лежал колхозный

двор, пустующий ныне, только в конюшнях немцы держали своих заморенных лошадей.

— Полтораста лет назад так же вот были мы под неприятелем, — отвечая собственным мыслям, проговорил Алексей Иванович. — Выдюжили тогда, выдюжим и сейчас.

— Папань, а скоро его прогонят?

— Теперича, должно, скоро.

— А почему знаешь?

— По терпению своему. Мало его осталось.

В комендатуру Юру не пустили. Отец ушел, а сын остался снаружи и стал наблюдать в окошко, как в караулке отдыхающие немецкие солдаты борются с вшами. Они задирали подол рубахи, снимали вошь и, не догадываясь её щелкнуть, кидали на пол, приговаривая:

— Капут, партизан!

Из комендатуры вышел Алексей Иванович, бледный, но спокойный, в сопровождении известного всей округе палача, толстомясого Бруно.

— Папань! — кинулся к нему Юра.

— Ничего, сынок, поугатать хотят...

Юра уцепился за отцов ватник. Бруно отшвырнул его прочь.

Алексея Ивановича отвели на конюшню. Здесь уже поджидал прыщавый переводчик. Гагарина поставили к яслям, велели снять ватник и обхватить стойку руками. Палач что-то буркнул.

— Штаны спусти, — перевел прыщавый.

Гагарин повиновался.

— Кальсоны тоже.

Гагарин вздохнул:

— А советь у вас есть? Я же в отцы вам гожусь.

— Живо! — сказал переводчик.

Гагарин подчинился.

Старая кавалерийская лошадь со стертой в кровь спиной подняла костлявую умную голову и с удивлением, печально, поглядела на дела человеческие...

...Юра услышал свист плети и кинулся к конюшне. Немецкий часовой отшвырнул

его, но Юра снова кинулся. Часовой схватил его за плечи, повернул, ударил что было силы ногой пониже спины. Мальчик отлетел далеко прочь и распластался на земле...

...Бруно опустил плеть, что-то буркнул переводчику.

— Он спрашивает, почему ты не кричишь?

— Нельзя мне, сын может услышать,— прохрипел Гагарин.

— Может, он слишком слабо бьет?

— Бьет — не гладит.

Бруно посипел, отдышался и снова принялся за работу. На челе его выступил трудовой пот. Но вот он снова опустил замлевшую руку.

— Он спрашивает, ты будешь кричать?

Гагарин ответил не сразу, дыхание со свистом вырывалось из его груди.

— Пусть не сердчает... Мне бы самому легче... Да ведь сын рядом.

— Он только что пообедал и не в руке.

— А у меня претензий нету...

Бруно снова заработал, но быстро выдохся.

— Покричи хоть для его удовольствия,— сказал толмач.

— Пап...— через силу проговорил Гагарин,— в другой раз. Когда один буду. Нельзя, чтоб мальчонка слышал...

— Он очень расстроен,— сообщил толмач.— Начальство подумает, что он плохой экзекутор, и отошлет его на фронт. А у него трое малых детей. Пойми его как отец.

— Коли надо, могу ему справку выдать... Так сказать, с места работы.

— Допрыгаешься ты, Гагарин! — угрожал переводчик.

— Уже допрыгался!..

Бруно хлестнул плетью раз-другой и опустил руку.

— Он говорит, что не хочет даром тратить силы,— сказал толмач.— Ты и так получишь с привесом. Одевайся.

Лицо Гагарина мокро, как после парилки. Он молча оделся и шаткой, неверной поступью пошел с конюшни. У бочки за-

держался, зачерпнул горстью воды, умыл лицо, потом припал к бочке и долго пил...

...Сын поджидал его возле комендатуры.

— Папаны, сильно они тебя?

— Попугали и только. Не думай об этом.

— А чего ты шатаешься?

— Вот-те раз! Я ж хромым. А ты чего скривился?

— Я вичего... нормально.

— Врешь! Ты же итти не можешь!

— Да это я к тебе приравливаюсь.

— Избили тебя?..— ослабшим голосом спросил Алексей Иванович.

— Юрка! — услышался радостный вопль.

К ним подбежала Настя. Отец с сыном остановились. Девочка с размаху обхватила Юру, тот побледнел от боли и чуть не упал.

— Что с тобой? — спросила Настя.

— Ничего...

— Какой-то ты не такой...

— Ногу подвернул...— небрежно сказал Юра.

Настя чуть подумала и нашла самое верное лекарство для своего друга. Она вынула из кармана комок серого клейкого теста и протянула Юре.

— Что это?

— Пирог с хлебом. Ксень Герасимовна испекла.

— Я сытый,— соврал Юра.

— Возьми на потом. У меня еще есть.

— Тили, тили, тесто, жених и невеста!..— услышалась старая как мир детская дразнилка.

Настя яростно обернулась. Какой-то сопляк в большой взрослой кепке со сломанным козырьком кочевряжился по другую сторону буерака.

— Всыпь ему хорошенько! — попросил Юра.— Я бегать не могу.

Настя с воинственным кличем устремилась в погоню, а отец с сыном поспешно заковыляли прочь...

Как из тумана выросла перед ними старая ветла.

— Знаешь, какое это дерево?..— каким-то далеким голосом прозвнес Алексей Иванович.

— При царе Петре посаженное? — тоже издали отозвался Юра.

— Да нет. Это целебное дерево. Коснись его, и всякую хворь как рукой снимет.

Сошли они с дороги, добрались, шатаясь, до ветлы, и прижались к её шершавому стволу...

Видать, и впрямь сообщила им целебная сила дерева. Когда явились домой, собиравшая на стол Анна Тимофеевна даже и не заметила, что муж с сыном малость не в себе.

— Садитесь! — сказала она, ставя две жестяные миски на одноногий, грубо сколоченный столик.

Те переглянулись и взяли тарелки в руки.

— Чего же вы не садитесь? — удивилась Анна Тимофеевна.

— Знаешь, мать, — сказал Алексей Иванович, — мы решили принимать пищу по красивому заграничному способу.

— Это еще что такое?

— Как на званных, исключительных приемах, по-нашему — встojк, по-ихнему — а ля фуршет...

Ночь в землянке. Слабо падит самодельная коптилка. Юра лежит на животе, задумчиво жуя «пирог с хлебом». Отец постанывает во сне и будто сам себя обрывает. Зоя и Бориска спят тихо. Валентин пытается читать, но плохо видно, и сон клеит ему глаза. Анна Тимофеевна чинит какую-то одежду.

— Мам, — шепотом говорит Юра, — для чего люди женятся?

— Вот-те раз! Чтоб детей иметь.

— А вон Нюшка Голикова сроду замужем не была, а у нее двое.

— Больно ты вострый!.. Ну, чтобы всегда вместе быть. И чтобы все пополам — и горе, и радость. Заботиться друг о друге, никогда не разлучаться.

— А как женятся?

— Мы с отцом в церкви венчались.

— Нет, без церкви.

— Ну чего пристал? Не знаю я, как нынче окручиваются. Сроду в загсе не была. А мы женились красиво...— сказала она мечтательно, уносясь памятью к далеким дням юности.

На задах деревни, в заброшенном сарае, ставшем на сегодня церковью, Юра и Настя сочетаются браком. На голове Настя фата из бинта, белая марля увивает ее с головы до пят, означая невестино платье. Венчание производит священник Лупачев в ризе из мешковины с огромным желтым крестом на пузе и другим — деревянным — в руке. Дружка Фрязин и сваха Былинки на держат в руках огарки свечей.

— Согласна ли ты, раба божья Настасья, взять в мужья раба божьего Юрия?

— Ага.

— А ты, раб божий Юрий, согласен ли взять в жены рабу божью Настасью?

— Согласен!

Священник подает им проволочные кольца, они надевают их на пальцы друг другу.

— Со святыми упокой!..— заводит басом Лупачев.

— Очумел? — оборвал его Фрязин. — Ты что, на похоронах?

— А я думал, так положено.

— Поцеловаться они должны, — сказала сваха.

— Это обязательно? — смущенно спросил Юра.

— Иначе свадьба не считается.

Небольшое замешательство. Молодая оказалась смелее, она стала на цыпочки и чмокнула суженого в щеку. Мучительно покраснев, Юра закрыл глаза и наугад клюнул её в веснушчатый нос.

— Ну вот, — по-взрослому сказала Настя, — теперь дети пойдут...

Матримониальные заботы не мешали главному — борьбе с оккупантами.

По дороге, ведущей из Клушина в Гжатск, мчится мотоцикл. За рулем человек в кожанке и кожаном шлеме с очками. И вдруг на всем ходу спускает передняя шина, словно рассеченная ножом. Мотоциклист не успевает притормозить и летит через руль в канаву, туда же заваливается и мотоцикл. Вертятся по инерции колеса.

Мотоциклист поднялся, с трудом втащил на дорогу машину. Он поднял на лоб очки — это прыщавый толмач. Горестно осмотрел колесо и обнаружил большой гнутый гвоздь. Сунул гвоздь в карман, погрозил кому-то незримому кулаком и, прихрамывая, пошел к деревне, волоча за руль мотоцикл.

Скрывавшиеся в придорожных кустах Юра Гагарин, Лупачев и Пека Фрязин обменялись усмешливо-торжествующим взглядом. Впрочем, у Лупачева усмешка выглядела несколько натянутой.

— Пошли! — сказал Юра.

— Может, хватит? — просительно сказал Лупачев.

— Не видишь, что ль, колонна ползет?

Вдалеке на дороге, в стороне Гжатска, червячком извивалась колонна грузовиков.

— Ну, вижу... Тошнит меня что-то, — пожаловался Лупачев. — Видать, собачьим салом отравился.

— Будет врать-то! — сказал Пека Фрязин.

— Ей-богу! Мне бабка Соломония для легких прописала. — И он рыгнул, чтобы показать, как ему плохо.

— Сказал бы прямо — дрейфить!

— Кто дрейфит-то?.. Подумаешь, герой!..

— Ладно вам, — остановил друзей Юра. — Нашли время!.. — Он чуть улыбнулся Фрязину. — Не видишь, что ли, человек болен, тяжелое отравление. Ты давай скорее домой, — повернулся он к Лупачеву. — Не то померешь здесь, что тогда делать?

Лупачев глянул на него искоса и с постной миной побрел прочь. Но отойдя не-

много, перестал притворяться и со всех ног устремился к деревне.

— Такой больной, а побег, как здоровый! — заметил Фрязин.

— Да ладно тебе!.. Пошли!..

Пригнувшись, они двинулись вдоль дороги. Карманы у ребят были набиты ржавыми гвоздями, осколками стекла, острыми железяками. Широким жестом сеятеля Юра швырнул пригоршню железок на дорогу, Фрязин тоже размахнулся, но Юра схватил его за руку.

— Гляди!..

В стороне, там где шли немецкие грузовики, послышалась частая ружейная и пулеметная пальба. Немецкие солдаты выскакивали из кузовов и стреляли по лесным зарослям, подходящим вплотную к дороге. Оттуда полетели связки гранат. Один грузовик взлетел на воздух, другой загорелся.

— Партизаны! — обмирающим голосом произнес Юра, и мальчики со всех ног кинулись к деревне..

На задах русского погоста выросло белыми, свежеструганными крестами новое — немецкое — кладбище. На каждый крест насажена рогатая каска. Алексей Иванович Гагарин, первый клушинский столяр и плотник, передает могильщикам очередной, сработанный на славу крест.

— Побольше бы такой работки! — шепнул он помогавшему ему Юре.

Подшел немецкий лейтенант, комендант Клушина, за ним в почтительном отдалении следовали толмач и полицай Дронов. Оглядел лейтенант ровные ряды светлых стройных крестов, и строгий порядок порадовал его прусскую душу.

— Гут! — одобрил работу Гагарина.

— Рад стараться! — нарочито дурашливо рявкнул тот.

Немецкий лейтенант благосклонно кивнул, довольный такой готовностью, но хитрый Дронов прекрасно понял второй смысл выходки Гагарина.

— Доберуся я до тебя, гнида!.. — прошипел он сквозь зубы...

И опять пришла зима, а с ней новое лихо.

На площади перед разбитой церковью — плач и стон: угоняют в немецкую неволю деревенских парней и девушек. Они стоят, сбившись в тесную кучу, испуганные, потерянные, выплакавшие глаза, в армячках, зипунишках, толсто подшитых валенках, с дорожными котомочками. Охрана из пожилых нестроевиков не мешает матерям совать им на дорожку сухарей, еще салца, еще теплых вещич, целовать мокрыми от слез губами, обнимать родимую, жалостную плоть. Среди гонимых в неволю — Зоя и Валентин Гагарины.

Ревет, заходится маленький Борька, кусает губы в кровь Алексей Иванович, чтобы не разрыдаться, из последних сил держится гордая Анна Тимофеевна и все советует своим детям:

— За ногами следите. Боже упаси, в пути ноги сбить... Холодного не пейте, чтобы грудь не застудить...

Юра крепится, хотя слезы застилают ему глаза, он набивает карманы брата подсолнухами, жареными тыквенными семечками.

И где-то неуместно, будто в насмешку, немецкий патефон наяривает сентиментальную песенку:

Ах, майн лйбер Аугустин,
Аугустин, Аугустин...

Но вот прозвучала отрывистая, похожая на хриплый собачий лай команда — колыхнулась и тронулась в долгий путь колонна. Заголосили женщины. Не выдержал Юра, заплакал, уткнувшись в материнский подол...

Неумолчно звучит над Клушином било. Его тугие, с отзвоном удары тяжело падают в тишину зимнего подвечера.

Пожилые солдаты немецкой комендатуры вместе с подручными полиция Дропова обходят избы, колотят прикладами автоматов, палками и просто кулаками в окна, двери, сгоняя народ на площадь. «С деть-

ми!» — хрипит подручный полиция.

Женщины, испуганные, смятенные, торопливо одевают детей, заматывают головы платками и, не попадая в рукава, выбегают на улицу. На бегу клушане перекидываются короткими фразами:

- И председателя взяли?..
- Всю головку...
- Кто ж их выдал?..
- Дронов выследил...
- Все ходы и выходы знает... Иуда!..
- Как его земля носит?..
- Поносит, поносит, да и сбросит!..
- Ох, скорей бы!..

Посреди площади высилась наспех сколоченная виселица. Под темной перекладной стояли на табуретках с петлей на шее осужденные — партизаны разгромленного карателями отряда. На лицах черной коркой запеклась кровь, и одежда, и руки, и босые ноги измараны кровью. Автоматчики держат на прицеле деревенскую толпу, согнанную к лобному месту с окрестных деревень.

Комендант зачитывает приказ, толмач переводит:

— ...Впредь за убитого немецкого солдата мы будем казнить каждого десятого жителя деревень: Клушино, Шахматово, Мясоедово...

Полицай Дронов расхаживает за спиной осужденных. Вот он поравнялся с председателем клушинского колхоза.

— Допрыгался, Сурганов?..

Председатель молчит, половина его лица затекла иссиня-черным. Дронов носком сапога покачал под ним табуретку.

— Заплатишь ты мне нынче свой должок...

— Папаня!.. — прозвенел над площадью отчаянный девчачий голос.

И осужденный, стоявший рядом с Сургановым, дернулся, чуть не упал с табурета. Худощавый, с мальчишеским веснушчатый лицом, он привстал на цыпочки,

сiallyсь высмотреть в толпе узнавшую его дочку.

Полицай вломились в толпу, но люди не расступались, они нарочно создавали заторы, будто в испуге и обалдении.

Ксения Герасимовна схватила на руки и с силой прижала к себе Настю, накрыла её голову полой жакета.

— Молчи, молчи, молчи!..— шептала она истуленно.

Анна Тимофеевна протиснулась к ним и загородила своей широкой фигурой.

Ищейки отступили, поняв, что им не пробиться.

Комендант сложил приказ и сунул за обшлаг шинели. Затем резко махнул рукой.

Ударом ноги Дронов вышиб табурет из-под осужденного, стоявшего с краю. Тетивой напряглась веревка, вытянулись босые ноги.

Широко открытыми, немигающими глазами смотрел Юра на казнь. Он и хотел бы отвернуться, да не мог — страшное зрелище притягивало против воли. И почему-то его зрение сфокусировалось на большом, корявом сапоге Дронова с толстой, на гвоздях, подметкой и подкованным каблучком. Вот подымается этот ужасный сапог, чуть задерживается на весу, примериваясь к табуретке, затем резко выбрасывается вперед, и вытягиваются босые ноги повешенного.

— Да здравствует Советская!..— не договорил Сурганов, задушило в нем голос.

— Смерть Гитлеру! — успел крикнуть Настин отец, прежде чем дрововский сапог вышиб из-под него опору.

И все было кончено. Вместо восьми израненных, избитых, изувеченных, но все же живых людей, осталось восемь безгласных трупов.

Толпа молча и поспешно расходилась, никто не глядел друг на друга.

Лишь завернув за угол, осмелилась Ксения Герасимовна опустить Настю на землю. Девочка не плакала. Лицо её было сухо и странно спокойно.

— Н-ну, н-ничего... Н-ничего...— губы учительницы тряслись.

Девочка не отозвалась.

— Настя, что с тобой? Почему ты молчишь? — еще больше испугалась вдруг она странного взгляда девочки.— Ну скажи мне что-нибудь... Ты меня слышишь?

Девочка медленно кивнула.

— Ты не хочешь говорить?

Настя увела взгляд.

— Ты не можешь говорить?!

Настя снова медленно наклонила голову...

Утро. Фельдфебель Альберт Фозен, жилец Гагариных, возится в своей мастерской. Что-то случилось с движком, и Альберт тщетно пытается его завести. Но движок, пыхнув раз-другой, вновь замирает.

К сараю подъехал грузовик. Из кабины высунулся белобрысый унтер и закричал по-немецки:

— Альберт, гони аккумулятор, я привез шнапс! — И потряс в воздухе бутылкой с сырцом.

Фозен высунул из дверей перепачканное маслом злое лицо:

— Придется обождать, Гапс-Гейнц, движок заело.

— Хорош специалист! Не может движок наладить!

— А поди ты!..— рассвирепел Альберт и скрылся в сарае.

Грузовик умчался, а фельдфебель вновь начал проделывать все ритуальные действия, которые призваны были оживить замолкший двигатель: отвинчивал какие-то гайки, что-то продувал, подкачивал, завинчивал и до седьмого пота крутил заводную рукоятку. Но тщетно.

Послышался резкий, требовательный сигнал комендантского «опеля». Фозен выскочил наружу, вид у него был разнесчастный.

— Извините, господин лейтенант, ночью стал движок. Зарядка прекратилась.

«Идиот», «дубина», «проклятый лентяй», «олух» были самыми мягкими определениями человеческой и профессиональной сути фельдфебеля Фозена в устах разгневанного коменданта. Затем он сунул наручные часы к носу Фозена, погрозил ему кулаком и умчался.

Фельдфебель чуть не заплакал. Он вернулся к движку, всердцах стукнул его кулаком и взвыл от боли. Несколько секунд метался по сараю, сжимая отшибленную кисть, затем в полной растерянности отвинтил пробку радиатора и обнаружил в нем тряпку. Потянул и вытащил длиннющие обтирочные концы. Он стал ковыряться в радиаторе, оттуда лезли и лезли тряпки. Тогда он заглянул в глушитель, в карбюратор и с проклятиями выскочил из сарая.

Ударом ноги Фозен распахнул дверцу и ворвался в подземное жилье Гагариных. Алексей Иванович лежал с грелкой на животе, Борька чего-то мастерил, но при виде фельдфебеля забился в угол, Анна Тимофеевна стряпала. Изрыгая страшные проклятия, Фозен потребовал, чтоб ему представили сию же минуту «омерзительного бандита и преступника Юрку».

Анна Тимофеевна наконец разобрала в яростном потоке немецкой речи имя сына.

— Нет его, пан. Не ночевал он дома, вот-те крест! Мы уже думали, в комендантуру его забрали!

Фозен, надрываясь, орал, что этот уголовник испортил ему движок и что он застрелит его собственной рукой. Но по построенному лицу Анны Тимофеевны он понял, что она говорила правду. Незвестно, чем кончилось бы это объяснение, но снаружи сильно и плотно забили зенитки. Фозен выскочил. Анна Тимофеевна последовала за ним.

Над деревней низко шла шестерка красновоздушных бомбардировщиков, направляясь к ближним немецким тылам. Давно уже не видели в Клушине советских самолетов, и все жители высыпали на улицу, не обращая внимания на осколки зенит-

ных снарядов. И немецкие солдаты, в том числе Альберт Фозен, глазели с тревогой и злобой на уверенный ход мощных бомбовозов.

Самолеты скрылись, истаял в воздухе их звуковой след, а фельдфебель Альберт, как-то разом утратив боевой пыл, скрылся в своей мастерской.

Анна Тимофеевна понимающе усмехнулась. Кто-то тронул ее за подол. Оглянулась — Настя.

— Что тебе, маленькая? — спросила с нежностью.

Настя поманила её.

— Куда ты меня зовешь?

Настя приложила пальцы к губам. Она настойчиво тащила её за собой, и Анна Тимофеевна повиновалась.

Настя привела её к дому Ксении Герасимовны, но зайти не дала, а поманила дальше, за огород, к старой заброшенной баньке. Толкнула кособокую дверцу. Из темноты на пришедших глянули блестящие глаза Юры.

— Что же ты делаешь, парень?.. Мы с отцом чуть с ума не сошли.

Юра молчал, потупив голову.

— Альберт убить тебя грозится. Видать, крепко ты ему досадил.

Юра махнул рукой. Что-то новое появилось в его лице, взрослое, что ли?

— Чепуха!.. Понимаешь, мамань, я должен был что-то сделать... Должен! — Он мучительно сморщился, не в силах выразить словами владевшее им чувство.

— Я понимаю, сынок, — тихо сказала Анна Тимофеевна. — Только побереги себя. Теперь уже недолго осталось. Наши наступают.

— Ладно, маманя. Ты не беспокойся. Я здесь отсижусь.

— Может, тебе чего нужно?

— У меня все есть. А понадобится — вот мой связной, — он с улыбкой кивнул на Настю. — Вы там тоже...

Он не договорил. Послышался слитный гул возвращающихся с работы бомбовозов. Юра выглянул наружу. Машины шли тем

же четким строем, но теперь их осталось только пять.

— Видать, сбили одного,— вздохнула Анна Тимофеевна.

Нет, не сбили, хотя и ранили. Он появился над деревней и шел низко, почти задевая верхушки старых берез, темный хвост дыма тянулся за ним. Немцы открыли по самолету бешеный огонь. Пули дырявили фюзеляж. Самолет вспыхнул. Уже объятый пламенем, он развернулся и врезался в колонну немецких грузовиков у заправочной станции. Раздался взрыв, и все задержалось черным дымом.

Наши наступали. На востоке небо то и дело обливало алым. И все нарастал грохот орудий, все ближе подходил фронт к Гжатску. Уже первые снаряды советской дальнебойной артиллерии разорвались на улицах Клушина. Гарнизон спешно эвакуировался.

Собираясь в дорогу и беспокойный постоялец Гагариных Альберт. Подогнал к дому грузовичок, погрузил в машину движок, но оставил в сарае аккумуляторы и прочее оборудование, считая, что в ближайшее время оно ему не пригодится. Зато щедро напихал в кузов уазы с гагаринским имуществом: постелями, скатертями, занавескам, домашней утварью. Даже керосиновой лампой не побрезговал.

Анна Тимофеевна, стоя во дворе, срамила ворюгу:

— Куда же вы, герр Альберт? А ведь обещали супругу свою привезти и все семейство. Мы бы вас обукожидали, и дети наши, и внуки служили бы вам верой и правдой...

— Хальт мауль! — огрызнулся Альберт, втаскивая в грузовик старую швейную машинку.

— Ох ты! Ух ты! Испугал!.. А вещички побереги, они трудом и потом нажитые. Мы еще за ними в твой Мюнхен явимся.

Рука Альберта невольно потянулась к кобуре, но в опасной близости Алексей

Иванович тесал жердину топориком, и фельдфебель почел за лучшее не связываться.

— Руссише швейне! — процедил сквозь зубы привычное ругательство.

— Ан свиньей-то ты вышел!.. У нас все чисто. Мы на чужое барахло не заримся, в чужой карман лапу не суем...

Может, и нарвалась бы Анна Тимофеевна на крупные неприятности, но тут два советских дальнебойных снаряда разорвались рядом, через дорогу... Альберт прыгнул в кабину — и ходу.

Камень, пущенный меткой рукой ему вдогонку, пробил стеклышко, что аккурат позади водителя. Альберт схватился за шею и увидел на руке кровь.

— Их штербе! — произнес он жалобным голосом, уверенный, что его настигла пуля, и откинулся на спинку сиденья.

Но обнаружив, что жизнь его теплится в нем, снова схватился за руль. Не дав машине опрокинуться в кювет, газанул до отказа.

— Хорошо, сынок,— одобрил Юрий бросок Алексей Иванович,— прямое попадание!

Немцы драпали из Клушина. Не в силах вывезти технику и оборудование, они взрывали зенитные установки, склады, поджигали все, что способно гореть. И улепетывали на грузовиках, пикапах, легковушках, мотоциклах, кованных фурах, верхом на тяжеловозах.

За околицей, в Гжатской стороне, полицай Дронов и его прыщавый подручный пытаются уйти вместе с хозяевами. Но все машины и повозки переполнены, и мрачные автоматчики грубо отшвыривают своих вчерашних помощников, бьют по пальцам, суют прикладами в лицо. Дронов действует молча и ожесточенно, он не привык никого щадить и не ждет от других снисхождения, но подручный совсем развалился.

— Роденькие, не бросайте!.. — молит он.— Миленькие, спасите!.. Мы-то... вам-то!.. Будьте отцами!..

Но весь этот жалкий лепет не произво-

дит никакого впечатления на профессионалов войны, озабоченных спасением собственной шкуры.

И тут более крепкому, сильному Дронову удалось наконец зацепиться за борт полтурки. Он подтянулся на руках, лег животом на борт. Пожилой солдат с косым шрамом через щеку хотел сбросить его, но толстый палач Бруно заступился за коллегу. Оказавшись в кузове, Дронов, то ли желая услужить немцам, то ли чтобы избавиться от лишнего свидетеля своих дел, поднял ногу в подкованном сапоге и тем же ударом, каким вышибал табуреты изпод осужденных, отбросил подручного.

Подручный упал на дорогу прямо под гусеницы бронетранспортера.

— Своего?! Сволочь!..— взревел солдат со шрамом на лице и выбросил Дронова из грузовика.

Отскочив на обочину, Дронов в слепой ярости выхватил пистолет и открыл огонь по грузовику. Автоматчик с бронетранспортера дал, не глядя, короткую очередь по Дронову. Полицай выронил пистолет, упал, скатился в кювет и пополз в поле, пятная снег темной кровью.

Красный флаг висит над дверью колхозного правления. Где-то весело, с переборами разливается гармонь.

Анна Тимофеевна с помощью Юры и Борьки перетаскивала в избу из землянки уцелевшее имущество, когда перед ними предстал глава семьи в дубленом полушубке и шапке-ушанке со звездочкой.

— Рядовой Гагарин убывает для прохождения воинской службы!

— Добился-таки! — всплеснула руками Анна Тимофеевна. — Да как тебе удалось?

А Юра и слова не мог молвить, пораженный блистательным обликом отца-воина.

— А я командованию минные поля показал и все проходы, — объяснил причину своего возвышения Алексей Иванович.

— Палая, ты кто: пехотинец, артил-

лерист, сапер?.. — обретя дар речи, спросил Юра.

— Пехота. Царица полей, — горделиво ответил Гагарин.

— А где же твоя винтовка?

— В Гжатске выдадут. На складе.

— На каком складе?

— На военном, каком же еще? Не все мне картошку сторожить. Буду охранять военное имущество! — похвалился Алексей Иванович, не замечая глубокого разочарования сына.

Клушинские ребята вновь принялись за учебу. Школа, как известно, была уничтожена еще в начале войны, и сейчас занятия возобновились в доме Ксении Герасимовны. Все ребята принесли с собой «учебные пособия».

— Ксения Герасимовна, вот чернила! — Конопатая Былинкина ставит перед учительницей бутыл с темной жидкостью.

— Что это?

— Свекольный отвар, густой, густой!..

Пека Фрязин высыпает на стол патронные гильзы:

— Палочки для счета.

— Бумага! — Лупачев кладет на учительский столик ворох всевозможной макулатуры: тут и обрывки обоев, и какие-то фрицевские приказы, и старая оберточная бумага.

— Вот.. вместо учебника, — Юра достает из кармана «Боевой устав пехоты».

— Отличная хрестоматия! — говорит учительница. — Читать не совсем разучились? Гагарин Юра, начинай!

И Юра читает по складам: «За-щи-та Ро-ди-ны есть свя-щен-ный долг ка-ждо-го...»

В сторонке отрешенно сидит Настя...

Лето. Свежи и зелены деревья, густы рослые травы в яркой россыпи цветов.

Юра выгоняет со двора рыжую корову. Его поджидает на улице Настя. «Немтая» — зовут её в деревне.

Размахивая хвостотиной, Юра гонит корову на выгон. Настя поспешает за ними. Юра без устали работает языком, ведь ему приходится разговаривать за двоих — за себя и за Настю.

— Знаешь, нам дали Буянку как семье фронтовика. А папаня в гжатском госпитале лежит. То животом мается, то по-ясницей, так до фронта и не добрался...

Буянка пощипывает спорыш обочь проезжей части улицы.

— До чего умная скотина! — восхищается Юра. — Худую траву нипочем есть не станет, а хорошую всюду найдет. Вчера мы с ребятами на выгоне пасли. Ихние коровы морду воротят — кругом ядовитая купальница да чистотел, а Буянка пырей нашла, козлобородник, борщевик и знай себе хрумкает. Такая умница!..

Они вышли из деревни, по сторонам раскинулось полевое разнотравье, а впереди открылось небо в наплыве огромной сизой тучи, по которой пробежали бледные сполохи.

— Гроза будет, — сказал Юра. — То-то парит...

Буянка потянулась и стала ощипывать молодой клеверок.

— Видишь, чего делает? Это ж колхозные поля. Такая несознательная скотина!.. — Он замахнулся хвостотиной на Буянку: — Пошла, пошла, тебе говорят!..

Буянка покосилась на него глазом, только что не подмигнула, и продолжала уплетать колхозную траву.

— И всегда так, никакого уважения к общественной собственности. Буянка, предик!.. — крикнул он вдруг испуганным голосом.

Буянка тут же отпрянула на дорогу и с невинным видом затрусилась вперед.

Настя чуть улыбнулась. Юра был счастлив.

— Я с ней в цирке выступать могу! — похвастал он.

Они свернули с шоссе на большак, потом пустырем двинулись к лесной опушке. Здесь Юра пустил Буянку по тощеватой

траве, отведенной для выпаса частного скота. Ребята расположились в тени орешника.

Они набрали хворосту и сложили теплячок. У Юры в мешочке было несколько картофелин, он сунул их в костер. Потом достал потрепанную книжку:

— Продолжим?

Настя кивнула. Юра оперся спиной о тугие ветви орешника, Настя пристроилась рядом.

— «Луиза уже ждала Рауля»... Ну вот, опять про любовь! — сказал он разочарованно. — Терпеть не могу! Я про сражения люблю и когда на шпагах дерутся. Может, пропустим?

Настя отрицательно мотнула головой.

— Ладно, — сказал он покорно. — «Луиза уже ждала Рауля. Она радостно вскрикнула, услышав на дворе знакомый цокот копыт».

Блеснула молния и сразу мощно ударил гром.

— Ого! Будет дело!.. «Когда юноша вбежал в комнату, Луиза сделала ему навстречу несколько быстрых шагов. Увы, бедняжка хромала еще сильнее, чем в их последнюю встречу».

Снова ударил гром. Ветер затрепал листья орешника. Первые крупные капли гулко ударили по траве и лопухам.

— Бежим! — Юра схватил Настю за руку и потащил к Буянке.

Они едва успели забраться под её брюхо, как мощным хлестом ударил ливень. Громадные вздутия буянкиных боков не давали секущим каплям ужалить детей. Кругом неистовствовала разбушевавшаяся стихия, а детям было сухо, уютно и надежно под доброй защитой терпеливой Буянки.

Ливень отшумел так же быстро, как и начался. Сильные грозы редко бывают долгими. Туча ушла к деревне, а здесь опять во всю сияло солнце с чистого, омытого неба. Сверкали капли в манжетках и чашечках распрямившихся цветов. Гудели шмели над медовосами, мир был опять прекрасен, только Юре ужасно не хоте-

лось читать про любовные мерихлюндии Луизы и Рауля. Он предложил неуверенно:

— Давай сбегает на болото. Как там мой самолет? Я с тех пор туда не ходил. Помнишь?..

Настя кивнула.

— Пойдем?..

Она снова кивнула. И дети помчались через поле, вмиг забрызгавшее их с головы до пят дождевой влагой.

Их ожидало разочарование. Болото поглотило самолет, воссало его в себя, так что и малого следа не осталось.

— Надо же! — потрясенно сказал Юра.

Постояли дети, погоревали и побрели назад. А здесь их ожидал удар похуже — пропала Буянка.

Вот и орешник, и погасший костерок с мокрыми картошками, и мешочек, а Буянки нет, как и не бывало.

— Может, в лес ушла? — высказал предположение Юра. — Ты обшарь кустарник на опушке, — распорядился он, — а я маленько вглубь пройду. Ты не бойся, я аукать буду..

Густой смешанный лес с высокими соснами, темными разлапистыми елями, старыми березами, с плотным подростком и буреломом меж деревьев принял мальчика в свою парковую духоту, прелый жар. Юра крался, сбрасывая клейкую паутину с лица, осторожно раздвигая ветви. Он и сам не мог бы объяснить, почему так напряжен и осмрителен стал его шаг. Дети, особенно мальчики, очень впечатлительны и порой, неведомо для самих себя, начинают вести себя так, как действовали бы их любимые герои в сходных обстоятельствах. Через лес сейчас шел не деревенский мальчонка, а Следопыт, Зверобой, Разведчик.

Юра перепрыгнул через ручей, вскарабкался по крутому бережку и вдруг замер, удивленный странными, хорошо знакомыми и вовсе неуместными в лесу звуками. Он прислушался, сделал несколько быстрых шагов и раздвинул ветви.

На краю полянки спокойно стояла Бу-

янка, лениво перекатывая в челюстях жвачку. Чьи-то большие, узловатые, загорелые руки дергали её за дойки, и струи молока позванивая бежали в мягкое жестяное ведро.

Юра чуть посунулся вперед. К великому его изумлению, воровским делом занимался мужчина. Странный мужчина — с худым, вылученным лицом, заросшим седой бородой, с темными, острыми глазами, в изношенной, выгоревшей гимнастерке и ватных драных штанах. И долец увидел Юру. Несколько мгновений они молча разглядывали друг друга, руки человека продолжали ритмично двигаться. Затем он неловко поднялся.

— Ах ты гад! — закричал истощно Юра. — Молоко воровать! Настя!.. Ребята!..

Щербатый рот человека злобно дернулся. Он поднял ногу, и корявый, подкованный сапог с силой опрокинул ведро. Пролилось на траву белое молоко. И мигом пробудилась Юрина память: виселица, табурет, Настин отец с петлей на шее, толсто подшитый, окованный сапог..

— Полицай! — вскрикнул он и, сунув пальцы в рот, пронзительно засвистел.

Рука Дронова дернулась к ножу на поясе, но тут же он повернулся и побежал через поляну, сильно припадая на раненую ногу..

Дронов хорошо знал лес, в котором скрывался, залечивая раны, уже несколько месяцев. Он полагал, что без труда уйдет от преследователей и отсидится в своем логове, сколько надо будет.

Попетляв одному ему ведомыми тропками, почти неразличимыми в траве, валянике и палых иглах, он вышел из чащи в солнечный просвет, огляделся и в конце узкой просеки увидел две детские фигурки. Он сразу узнал давешнего мальчонку. «Хитер стервец!» — усмехнулся Дронов, вспомнив, как тот звал подмогу. — «Дать бы тебе по башке, и вся недолга!»

Если б не покалеченная нога, Дронов, сильный, выносливый мужик, без труда ушел бы от этой жалкой погоня. Но он не

мог бежать, к тому же быстро уставал. Самое простое было — напугать детей, выгнать их из леса. Он поднял суковатую палку, обломил кривой конец и, опираясь на нее, сильно, размашисто зашагал в сторону детей.

Они и не думали бежать. Спокойно стояли на свету, и это Дронова смутило. Может, на живца берут?.. Он сдержал шаг, потом вовсе остановился, тяжело дыша. Но выхода не было, и Дронов передвинул поудобнее ремень с ножом и устремился вперед со всей быстротой, на какую только был способен. Покалеченной ногой он зацепил за корягу, чуть не упал, с трудом удержал равновесие, а когда вновь взглянул вперед, детей не было. Видно струсил, чесанули из леса. Он повернулся и не спеша побрел назад. На пересечении проспекта оглянулся. Дети шли за ним.

Дронов вломился в чащу, прошел по ручью, чтобы не оставить следов, вскарабкался наверх и забрался на старую ветвистую сосну.

Через некоторое время он увидел детей. Они вышли к ручью, недоуменно остановились, затем девочка пошла по берегу в одну сторону, а парень — в другую, к сосне.

Дронов спустился чуть ниже и вынул нож.

Мальчишка приближался, сейчас он окажется под деревом, и дело будет сделано. Но обшарив окрест быстрыми, цепкими глазами, мальчишка отскочил назад. Дронов аж зубами заскрежетал от злости и разочарования. Мальчишка сунул пальцы в рот и громко засвистел, призывая девочку. Его свист ударил Дронова по нервам, он примерился и бесшумно спрыгнул в толстый бархатный мох.

Мальчишка не шелохнулся, похоже, не заметил и не услышал его соскока. Секунду-другую Дронов колебался — прикончить ли парня или тихо смыться. Выбрал второе.

Мох скрадывал его шаги. Перед ним был овраг, дальше начиналось болото, за

которым — новый дремучий лес. Дронов прибавил шагу...

Он достиг болота и оторвался от преследователей. Тыча палкой в топкую почву, стал перебираться через болото. Внешне безобидное, оно скрывало под темно-зеленой осокой страшные засасывающие глубины. Дронов был предельно осмотрителен и точен в движениях. Он одолел больше половины пути и лишь раз оступился в торфяную жижу. Сорвав пук травы, соскреб с сапога тяжелые ошметья грязи, примерился к ближайшей кочке и увидел на бугре за болотом, куда он держал путь, своих преследователей. Как они там оказались?.. Видать, лучше него знали окрестности...

От огорчения бывший полицейский сделал неосторожное движение и провалился в жирный торф. Ухватился за корешок, ободрал в кровь ладонь, но все-таки втащил себя на кочку. Кочка оказалась плавучей, она перевернулась, и Дронов погрузился по пояс в топь. Рванулся вперед и ушел по горло.

— Помогите!.. — безотчетно заорал Дронов.

Он видел, как дети сбежали вниз, потом мальчишка вернулся на бугор и стал подавать кому-то призывные знаки, размахивая рубашкой и что-то крича.

Дронов услышал ворчание трактора. Он делал нечеловеческие усилия, чтобы вырваться из трясины. Ворчание стало ревом, и вдалеке показался трактор. Это было спасение, это была гибель. Дронов подался грудью вперед, хлебнул черной тухлой жижи и внезапно нащупал твердь.

Сильное тарактенье раздалось над самой его головой. «Кукурузник» ПО-2 шел так низко, что летчик, наверное, видел барахтающегося в болоте человека. Дронову показалось, что самолет делает заход на посадку. Помочь хотят, мать их!.. Отчаяние придало ему силы — он вырвался из трясины и вытащил на берег свое измученное тело. Он был весь облеплен торфом, трава набилась в сапоги.

Дронов с трудом стал на ноги и, оставляя мокрые следы, побрел к лесу. Оглянувшись, увидел, что дети, прыгая с кочки на кочку, перебираются через болото. Рука его потянулась к поясу, ножны были пусты — он обронил нож, пока барахтался в воде.

Болотистые кочки надежно держали легкие тела детей, а трактор уже взползал на бугор. Самое разумное было воспользоваться полученной форой и уйти как можно дальше. Дронов так и сделал...

...Он и сам не знал, сколько времени плутал по лесу. День приметно склонился к вечеру. Он смертельно устал, жажда саднила гортань. Внезапно он услышал впереди стук топора и звоп пллы. Перед ним был стан лесоповальщиков: брезентовая палатка, у входа — кадка с водой. Кадки заходил по горлу. Но Дронов пересилил себя, снова углубился в лес и вскоре набрел на бочажок. Став на колени, он потянулся к воде. Навстречу всплыло страшное, черное, незнакомое лицо с лихорадочно блестящими из глубоких провалов глазами. Дронов глядел на себя и не узнавал, и тут что-то стукнуло его между лопаток. Он взвизгнул от страха и вскочил. Кругом — ни души. Только на сосне, склонившейся над бочажком, белка грызла орехи. Дронов погрозил ей кулаком, опустился на колени, напился и стал пробираться к своему логову.

Вот и его землянка под неохватным полусгнившим стволом поверженного молнией старого ясеня. Дронов огляделся и юркнул внутрь. Без сил рухнул на еловый лапник...

...Проснулся Дронов среди ночи. Он передохнул и вновь был полон сил. Хотя ему удалось уйти от погони, оставаться в этом лесу было опасно, надо менять логово. Он быстро собрался, сунул за пояс топор и выбрался наружу.

Большая, чистая, круглая луна стояла над островерхими елями, заливая лес серебристо-голубоватым светом. И в призрачном этом сиянии Дронов увидел в не-

скольких десятках метров от землянки сидящих на поваленном дереве детей. Девочка, похоже, дремала, мальчишка разбудил девочку, они слезли со ствола и не спеша отошли в тень.

Дронов замотал головой, ему показалось, что он сходит с ума. Эти вездесущие дети принадлежали не яви, а кошмару. По здравому рассуждению, даже подраненный, даже истомленный лишениями, но закаленный, крепкий Дронов, прошедший огонь и воду и медные трубы, должен был уйти от маломощных преследователей. Но разве знал Дронов, что за ним гнался не просто деревенский мальчик. Ребенок — личинка взрослого человека, в нем заложены все те качества, которые достигнут расцвета с приходом зрелости. И маленький Юра Гагарин уже был заряжен той нерядовой выносливостью, нерядовым мужеством, нерядовой наблюдательностью и смелостью, нерядовой выдержкой, что в свой срок заставят выбрать именно его из десятка первоклассных парней для первого космического полета.

Но пусть Дронов и не представлял, с какой исключительной душевной и телесной организацией свела его судьба, он понял главное — мальчишка дьявольски смышлен, смел, вынослив и настырен, впился в него, как клещ. Значит, остается одно. Не бежать, не скрываться, а самому преследовать, загнать и уничтожить.

И выхватив топор, Дронов кинулся на детей. Они сразу разбежались в разные стороны, но девочка не интересовала Дронова, хотя ее проще было догнать: сжав челюсти и пренебрегая болью в ноге, бывший полицейский устремился за мальчишкой. Раз-другой он почти настигал его, но бить хотелось наверняка, а тот метался из стороны в сторону и не давал примериться к удару. Дронов опять начал задыхаться, больно закололо в боку, но ведь и мальчишка не железный, выдохнется когда-нибудь.

Кусты, ветви, стволы... Из света в тень и опять в свет, и снова в тень... Сколько

это длилось — час, сутки, год, вечность? Дронов спотыкался, падал и снова бежал, пот заливал ему глаза. И вдруг в неправдоподобной близости он увидел перед собой узкую мальчишескую спину. Дронов размахнулся и метнул топор. Лезвие ослепительно блеснуло и врезалось в светлую ткань рубашки между лопаток. Дронов остановился, сбросил пот с лица. В стволе сосны торчал его топор. Он зыркнул глазами — мальчишка стоял на лужке, залитом лунным светом.

Шатаясь, Дронов подошел к сосне и с усилием извлек топор... Нет, ему не настичь этого гаденыша. Кончится тем, что тот выведет его к стану лесорубов или на проезжую дорогу. Надо уходить. Дронов вломился в щазу.

Он петлял, как заяц, между стволами и, когда наконец вышел в просвет, то подумал, что преследователем удалось обмануть. Но они шли прямо на него по просеке. Их тени, увеличенные луной, скользили по земле, подбираясь к его ногам. Дронов попятился, поджимая ноги, словно тени могли ожечь его. И вдруг, всхлипнув, метнулся прочь.

Он потерял ориентировку, путал стволы с прозорами между ними, когда же снова выбрался на просеку, по седой бороде текла кровь. Дети шли на него. Теперь они сами стали подстать своим теням, вытянувшись вровень с деревьями, и лунный нимб мерцал вокруг их голов.

Дронов повернул вспять, но и оттуда надвигались осяняные луной великаны.

— Врешь! — сказал полицай и отступил за куст. — Врешь, не возьмете Дронова!

Юра медленно и осторожно шел по узкой просеке. В нескольких шагах за нимковыляла измученная Настя. Вдруг он резко шатнулся назад: на него впритык уставилось иссиня-бледное лицо Дронова с вытаращенными глазами и закушенным меж длинных резов языком.

Дронов был мертв, он повесился на рем-

не, привязав его к стволу осины и подогнув ноги.

Подошла Настя, глянула и отвернулась.

— Идем отсюда! — Юра взял её за руку.

— Какая я усталая!.. — сказала Настя.

За Настей приехала мать — военно-медицинская сестра. Она забрала Настю с собой в Можайск, где находился госпиталь, в котором она служила.

Провожали Настю все её немногочисленные деревенские друзья во главе с плачущей Ксенией Герасимовной, но девочка, счастливая возвращением матери, никого не замечала. И Юра напрасно крутился возле госпитальной машины, Настю записали медали на груди матери, звездочка на ее ушанке, белый мех романовского полубубка, медная пряжка ремня, Юру она не видела. И дело даже не в радости свидания с самым родным и близким человеком, но Настя после леса выздоровела. Не только от потрясения, немоты, а и от всей здешней жизни, которая хотела быть доброй к ней, но против воли оказалась жесткой и страшной. Немцы и полицай, ужасная казнь отца, вечный страх, недоедание, тоска, погопя за Дроновым — все это было выше её малых сил. Об этой жизни — всей — лучше скорее забыть, выбросить её из головы и сердца. В сущности, то было естественное стремление здоровой и дюжинной натуры. Настя выздоровела и от Юры Гагарина с его слишком страстной дружбой.

И когда машина тронулась, и Юра сперва пошел вровень с кабиной, потом затрусил, потом побежал, не разбирая дороги, в надежде на какое-то чудо, Настя лишь на выезде из деревни повернула к нему свое веснушчатое лицо, улыбнулась рассеянно и махнула рукой...

А дома Юру встретила опечаленная мать. На столе валялся раскрытый солдатский треугольничек.

— Прощайся, сынок, с Клушином. Отец в Гжатск зовет.

Юра вопросительно глянул на мать.

— Демобилизовали его по болезни. В Гжатске легче работу найти.— Анна Тимофеевна внимательно посмотрела на сына.— Что грустный такой?.. За Настей скупаешь? Привыкай к такому, сынок. Вся жизнь из разлук и встреч состоит...

Пасмурный, не летний вовсе, а безнадежно печальный осенний день, с серым, низким, сочащимся небом, с холодным настойчивым ветром и хлюпающими под ногами лужами.

По дороге, ведущей из Клушина в Гжатск, медленно движется возок. В оглоблях — терпеливая Буянка; телега гружена скудным гагаринским имуществом, наверху сидит закутанный в платки Борька. Анна Тимофеевна Гагарина и Юра идут за возом.

Далеко вытянулась, аж за горизонт, темная от дождя, узкая лента дороги...

...Но куда более длинной кажется космонавту-1 та красная дорожка, по которой он должен прошагать на глазах всего мира, чтобы отрапортовать Советскому правительству о «взятии» космоса.

И жадно прикинула к телевизору с круглой линзой большая деревенская семья. Толкают друг дружку, смеются и шепчутся веснушчатые дети; их четверо, старшей лет двенадцать, младшему и трех нету. Надувается, играет бровями, гордясь земляком, слегка выпивший на радостях глава семьи с широким обветренным лицом пахаря. Почти до слез взволнована хозяйка, в которой сквозь напластования лет, трудов, усталости, лишений легко узнать хотя бы по конопатой седловине носа, бывшую девочку Настю.

Настя вглядывается в прекрасное лицо Гагарина, видит его серьезные и радостные глаза, его сжатые, но готовые к улыбке губы, и былое сладко и больно щемит сердце женщины.

— Господи,— шепчет она,— ведь сказать кому — не поверят...

— Ты о чем? — рассеянно осведомляет ее супруг.

— Ведь знала я Юру Гагарина, дружила с ним... Надо же!..— И чувствуется, что она сама этому не верит...

...Далеко за горизонт протянулась мокрая грустная дорога, по которой, еще не ведая своей судьбы, бредет за возом чудесный мальчик...

Осенним днем двое охотников — в комбинезонах, плащ-палатках, резиновых сапогах, с ружьями в твердых чехлах и дичью в ягдташах — подошли к речному перевозу и попросили древнего деда-перевозчика доставить их на ту сторону.

— Спдайте! — сказал дед, и охотники быстро погрузились в лодку.

— До Гжатска далеко, отец?

— До какого Гжатска?

— Вот-те раз! По Гжати возишь, а Гжатска не знаешь!

— Я город Гагарин знаю,— веско сказал старик.

Охотники переглянулись.

— Прости, отец, не в привычку еще... Далеко до Гагарина?

— На бугор подымитесь, и станцию видать.

Перевозчик дернул шнур, затарахтел слабенький мотор, лодка поползла по тихой воде.

— Вы местный? — спросил пожилой охотник.

— Здесь родился, здесь и в землю лягу.

— А Юрия Гагарина встречали?

— Мы с его отцом Алексеем Иванычем по корешам. А Юра завсегда меня проводывал.

— Небось, сильно тут переживали его гибель?

Старик вздохнул, насупился:

— Вынули наше сердце...

— Такая блистательная жизнь, такая нелепая смерть! — будто про себя провнес молодой охотник.

Старик вскинулся, как боевой копь при звуке трубы.

— Это чем же пеллепая? Какая жизнь, такая смерть — самая лепая!..

— А ты, отец, знаешь, как он погиб? — чуть удивленно спросил молодой охотник.

— Я-то знаю, мы все тут знаем!... Вот вы, похоже, не больно знаете! — с горечью сказал старик.

— Ну, расскажи,— попросил молодой охотник.

— Они с задания шли, а им в мотор многогороднее тело попало...

— Инородное, — поправил пожилой охотник.

— Ежели ты лучше моего сведом, так и рассказывай, а я послушаю. Или молчи и не перебивай. Какое еще инородное тело? Летящая тарелочка, что ли? Так их и в заводе нету. А иногороднее тело — пузырь, каким погоду измеряют. Он гдей-то оборвался, ветром его припесло и в мотор засосало. Самолет сразу клюнул и на лес пошел. Товарищ Серегин, он за командира был, говорит: «Приготовиться сгять с нарапшютом!» Это, конечно, не зонтик, а цельная машина, она летчика вместе с сидением выбрасывает. Нажал кнопку, пружи-

на тебе под зад как даст, и ты со всем удобством высигиваешь. Ну Юра, конечно, отвечает по военной краткости: «Есть приготовиться!» Товарищ Серегин другую команду дает: «Пошел!» И тут у него заедает кнопка. И понимает командир корабля, товарищ полковник Серегин, что ему не спастись. И еще видит он, что Юрий Гагарин сидит на своем месте и палец на кнопке держит. «Почему не выполняешь приказа?» А Юра ему: «Приказ для нас обоих, один не буду». «Отставить разговорчики! Я твой командир и приказываю»... «Нет, товарищ командир, только с вами вместе!» — Голос старика дрожит, он шумно сморкается, утирает глаза. — А лес уже вот он, вот он, под самым брюхом самолета!..

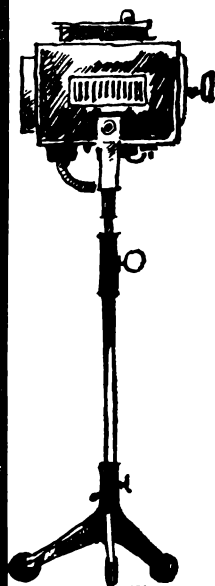
Мощный оглушительный вой и надсадный грохот заполняют тишину простора, и сидящие в лодке видят, как погнулся темный лес на берегу, как пошло срезать незримой бритвой верхушки сосен, елей, берез, вязов. Белесым частоколом выстроился обезглавленный лес. И раздался взрыв...

Потом все исчезло, остался лишь большой серый камень на том месте, где погиб Юрий Гагарин...

ОТ АВТОРА

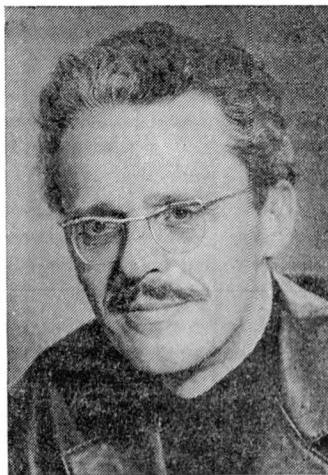
«Так начиналась легенда» — сценарий художественного фильма, следовательно, здесь позволителен и домысел, и метафора, дающие возможность концентрированно показать те или иные обстоятельства жизни героя, сгустить материал действительности, оставаясь при этом верным правде образа. Этот прием использован в сценах исхода полицая Дронова. В остальном же сценарий построен на подлинных событиях детских лет жизни Юрия Гагарина. Тут нет ничего придуманного. Это относится и к школьным делам, и к обстоятельствам прихода немцев в Клушино (бесчинства фельдфебеля Альберта, экзекуция над Алексеем Ивановичем), и к Юриной мести оккупантам, и к освобождению деревни. Материал я черпал не из книг, которых в начале моей работы над гагаринской темой просто не было, за исключением автобиографии героя, а получал из первых рук. О Юрином детстве дней войны мне рассказывали Анна Тимофеевна, Алексей Иванович и Зоя Гагарины, а также их односельчане. Кое-что я узнал от самого Юрия Гагарина, с которым имел счастье быть знакомым.

Б. ВАСИЛЬЕВ, Н. РАПОПОРТ

ШЛИ СОЛДАТЫ...

БОРИС ЛЬВОВИЧ ВАСИЛЬЕВ (родился в 1924 году) участник Великой Отечественной войны, закончил военную Академию бронетанковых и механизированных войск. В 1956 году прошел курс сценарной мастерской Н. Ф. Погодина и с тех пор работает как киносценарист. На разных студиях страны поставлены фильмы по его авторским сценариям — «Очередной рейс» и «Длинный день», — а также по сценариям, написанным им в соавторстве с Кириллом Рапопортом, — «Сержанты», «След в океане», «Королевская регата», «На пути в Берлин», «Офицеры». С середины 60-х годов Б. Васильев активно работает и как прозаик. Наиболее известные его произведения: «...А зори здесь тихие», «Иванов кагер», «Не стреляйте в белых лебедей», «В сплечах не начинался». Многие из этих произведений впоследствии получили экранную интерпретацию. За участие в создании фильма «...А зори здесь тихие» Б. Васильев был удостоен звания Лауреата Государственной премии СССР за 1975 год.

КИРИЛЛ ИОСИФОВИЧ РАПОПОРТ (родился в 1926 году) участник Великой Отечественной войны, закончил военный институт иностранных языков. В 1956 году учился в сценарной мастерской А. Я. Каплера. К. Рапопорт является автором и соавтором литературных сценариев: «Солдатское сердце», «Ты не один», «Сержанты», «След в океане», «Королевская регата», «Офицеры», «Инспектор уголовного розыска», «Петерс» и др. Его пьесы «Ракетчики», «Вторая стрелковая», а также написанные совместно с М. Маклярским «Пресс-атташе в Токио», «Сайгонская баллада», «Высшая мера» поставлены на сценах многих театров страны.

Фильм по литературному сценарию «Шли солдаты...» ставится на Киевской киностудии им. А. Довженко, режиссер-постановщик Леонид Быков.

По залитому асфальтом полковому плацу, расчерченному белыми линиями для строевой подготовки, шла рота. Солдаты, в выходных тужурках и парадных фуражках, гулко топали надраенными ботинками и, старательно держа равнение, косили глазами на двух старших офицеров, которые стояли посередине плаца: могучего полковника и майора, казавшегося щуплым рядом с рослой фигурой командира полка.

— Рота, смирр-на! — пропел усатый прапорщик, шагавший впереди. — Равнение напра-во!

Полковник и майор подняли руки к козырькам. Пропуская роту, полковник, чья тужурка была украшена несколькими рядами муаровых планок, спросил:

— Что, комбат, жалко лучшего ротного отпустить?

— Ничего не поделаешь, товарищ гвардии полковник, — слегка вздохнул майор. — Как говорят французы, такова се ля ви.

Полковник зычно хохотнул:

— По-французски ты лихо наострился, майор, но смотри: если при новом командире первая рота снизит показатели хоть по одному виду, я тебе такую «се ля ви» устрою.

— Понятно, товарищ гвардии полковник, — невесело произнес майор и посмотрел в сторону казармы, откуда по направлению к ним бежали два молодых офицера: худощавый смуглый капитан с белесыми, выгоревшими на солнце ресницами и коренастый старший лейтенант с обветренным лицом. Подбежав, офицеры перешли на строевой шаг и, остановившись на уставном расстоянии, замерли, дружно вскинув руки к головным уборам.

— Товарищ гвардии полковник, — с привычной четкостью доложил капитан, — представляюсь по случаю сдачи первой роты второго батальона вверенного вам полка.

— Товарищ гвардии полковник, — вторил ему другой офицер, — старший лейтенант Алексеев роту принял. Все в порядке.

— А я и не сомневался, что все в порядке, — наклонившись, полковник поздоровался с офицерами. — Ничего иного от первой роты не ждал. Иди, майор, представляй нового командира.

Майор и старший лейтенант побежали к роте, а полковник, дружески взяв под руку капитана, пошел вместе с ним к штабу полка.

— Завидую я тебе, капитан, — басил на ходу полковник. — Вот, говорят, отрицательная эмоция вредная, а завидую. Молодости твоей завидую. Что в Москву едешь. В академию. И что все у тебя впереди, а у меня — увь! — в прошлом. — Он усмехнулся. — Помню, в академии учился, так начальник курса казался нам старым человеком, а было-то ему ровно столько, сколько сейчас мне: сорок шесть лет, понятно — нет?

— Все это относительно, товарищ полковник, — рассудительно заметил капитан. — В прошлом веке в тридцать лет стариками числили. Полковнику Болконскому тридцать было.

— Так точно, — согласился полковник. — Только вот беда, капитан: для человека важно не сколько ему лет, а на сколько он чувствует себя, но для управления кадров — иногда как раз наоборот.

Они подошли к штабу.

— Мы вас вечером ждем, товарищ полковник,— прощаясь, сказал капитан.— Пожалуйста. Проводы — дело святое. И Веру Семеновну ждем. Очень прошу, товарищ полковник!

— Благодарю, капитан,— сказал командир полка.— Я взгляну непременно, а Вера Семеновна, к сожалению, не может: внука нам подкинули. Такой архаровец: на минуточку оставить нельзя, понятно — нет?..

Пожилой худой человек стоял возле кассы продовольственного магазина военного городка. Старомодные очки его запотели, и, поскольку в одной руке старика была авоська с покупками, он никак не мог протереть стекла и беспомощно топтался у кассы, пытаясь наощупь выбрать мелочь из кошелька. Магазины в этот час были пусты, поэтому для молоденькой продавщицы и пожилой кассирши происшествие с покупателем было маленьким развлечением. Некоторое время они переглядывались между собой, пока наконец кассирша, сжалившись над стариком, не сказала:

— Давайте ваш кошелек, папаша. Не бойтесь, не обсчитают.

Старик охотно отдал кошелек, и кассирша, пощелкав клавишами аппарата, выбросила полоску чеков.

— Спасибо, доченька,— улыбаясь, покивал старик.— Дай бог тебе здоровья...

Заметно трясущимися руками он затолкал покупки в авоську и, запахнув куртку, перешитую из старой офицерской шинели, пошел из магазина.

— И чего ходит? — проворчала ему вслед кассирша.— В таком возрасте на печи сидеть, а не по магазинам бегать. Аж трясется весь...

— Да он не старый,— зевнув, отозвалась из-за прилавка молодая продавщица.— Это Любкин отец. Он не старый, он контуженный. С фронта еще. Вот и трясется...

Капитан и старший лейтенант Алексеев шли по аллее, которая вела от расположения полка к военному городку. Вдоль аллеи стояли аляповатые щиты с цитатами из уставов и наставлений.

— Да, чуть не забыл,— сказал капитан.— Насчет Манукяна. Механик-водитель он отличный, но запомни: перед каждым серьезным делом его надо непременно ругнуть. Не слишком, но ругнуть. Но? — Алексеев кивнул.— А Рыжов — напротив. С ним поделкатнее. Жутко обижается, когда его ругают...

Они шли мимо Дома офицеров. В сквере, на высоком бетонном постаменте, стоял танк «Т-34» — памятник, какие встречаются почти в каждом гарнизоне, особенно танковом. На фронтальной стенке постаменту золотыми буквами были написаны фамилии и звания офицеров, сержантов и солдат дивизии, погибших в боях.

— Вот еще что,— продолжал капитан, проходя мимо памятника и не замедляя шагов,— перед принятием присяги молодых солдат непременно приводи сюда, к памятнику. Форма одежды — парадная, цветы и так далее. И прикажи, чтобы комсорг речь толкавал, но только не длинную, ясно?

— Так точно,— сказал Алексеев.

— Традиция. Формальность, конечно, но знаешь: армейские ритуалы вообще мобилизуют. Особенно молодежь. А раз так — значит, надо!

Старик с авоськой сидел на скамье во дворе, со всех сторон замкнутом жилыми домами. Посередине двора был залит коток, где ловко выписывала круги девочка лет семи, одетая в юбочку с меховой оторочкой. Подкатив к скамейке, на которой сидел старик, девочка поставила на нее ногу и стала поправлять шнурок. У нее не получалось.

— Давай помогу,— улыбнулся старик и стал неумело завязывать шнурок дрожа-

щими пальцами.— Кем ты хочешь стать, Машенька, Пахомовой или Родниной?

— Я — в одиночном,— махнув головой так, что косички разлетелись в стороны, серьезно ответила девочка.— У нас в этом виде с медалями плохо.— И деловито кивнув на прощанье, укатила прочь.

Старик засмеялся, покрутил головой и, немного понаблюдав за девочкой, взял авоську и пошел к дому, осторожно ступая чинными яловыми сапогами.

Капитан и старший лейтенант шли по улице военного городка. Здесь все знали друг друга, поэтому молодые офицеры то и дело отвечали на приветствия встречных, военных и гражданских.

— Одно меня беспокоит,— говорил капитан,— наш старик. Все время о нем думаю, а с Любашей еще не говорил. По правде сказать, тяну. Не решаюсь. Понимаешь, тащить его с собой в Москву невозможно. Первое время придется наверняка в общежитии, а туда его вообще могут не пустить. Но даже если удастся снять квартиру...— Капитан замолчал.

— А здесь его нельзя оставить? — спросил старший лейтенант.— Пенсию он ведь получает?

— Получает. Дело не в деньгах,— махнул рукой капитан.— Я бы ему еще присылал. Беспомощный он какой-то, неприспособленный. Вечно всем помочь норовит, суетится, а ничего у него не выходит: руки трясутся, видит плохо... Потом ему совершенно нельзя пить.

— Он разве пьет?

— Нет, он не пьет. Но сейчас за ним Любаша присматривает, а если останется один, знаешь, как бывает: уговорят, разжалобят, затянут. А для старика две-три рюмки — это конец...

— Но ведь у Любы, как будто, брат есть? — спросил Алексеев.— В Куйбышеве, что ли?

— В Сызрани,— ответил капитан.— Жена у него — стерва. Боюсь, обижать будет

старика. Какой-то он безответный, совершенно не умеет за себя постоять... Но я принял решение: предложу Любаше отправить его к брату. Жаль, конечно, а что поделаешь: другого выхода у меня нет...

Старик стоял на лестничной клетке и, перехватывая авоську с продуктами из руки в руку, пытался открыть почтовый ящик. Давалось ему это нелегко, но наконец попав ключом в замок, он откинул крышку и вытащил из ящика газеты. Скользя, на ступеньку упала открытка. Покряхтев, старик поднял ее и, вскинув на лоб очки, принялся читать, придвинув открытку близко к глазам и медленно шевеля губами:

— «Дорогой друг! — было написано в открытке.— Наши отцы погибли в одном бою. Если хочешь почтить их память, приезжай шестого марта, в годовщину боя, на станцию Подбедня».

И пока старик рассматривал открытку, написанную крупным, явно женским почерком, и закорючку, стоявшую вместо подписи, возник гулкий стук сотни пар сапог об утоптанную землю казарменного плаца и послышался рыкающий старшинский голос:

— Рраз-два-трри! Рраз-два-трри! Рраз! Левое плечо вперед, марш! Ррота, ножку!

Рота курсантов военного училища вытягивалась на плац. Восемьдесят шесть пар новеньких кирзачей старательно выколачивали пыль из земли. Роту вел кряжистый старшина, подавая команды с обычным для училищных старшин удваиванием рычащих звуков:

— Ррота... стой! Напра-во! Падрравняйся!.. Смирр-на! Стоять вольно!..

Рота стояла посередине плаца, повернувшись фронтом к накрытому красной скатертью столу, на котором стоками были сложены офицерские погоны.

Кабинет начальника училища выходил окнами на плац. Возле раскрытого окна стоял сам начальник, старый полковник с седыми игольчатыми бровями, и рядом с ним — крутощекий, улыбающийся майор, в рюмочку перетянутый португеей, с медалями на щегольски отутюженной гимнастерке.

— Орлы, товарищ полковник! — Майора прямо-таки распирало от радости. — Орелики! До чего же мне, товарищ полковник повезло: без волокиты, без ожиданий получаю у вас целый курс лейтенантов. Восемьдесят шесть душ. Аж на три души больше, чем заказывал фронт!

Начальник училища подвигал бровями и хмуро покосился на развеселившегося майора.

— Ваши ребята не засидятся, товарищ полковник, — распинался тот. — Через месяц гарантирую каждому орден.

— А жизнь? — скучно спросил полковник.

— Война, товарищ полковник, — заводил руками майор. — Либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Полковник вздохнул:

— Относительно голов вы правильно высказались, майор. Исключительно правильно.

Майор хотел было обидеться, но передумал и снова заулыбался:

— Эх, жаль оркестра у вас нет, товарищ полковник! Такой день! Ведь вот зачете вы сейчас приказ, и весь этот строй из курсантского превратится в офицерский. Надо бы оркестр. Личные поздравления каждому. Персональное рукопожатие. Чтобы запомнилось на всю жизнь.

— Жизнь, — повторил полковник и снова вздохнул. — Вы, майор, под словом «жизнь» понимаете завтрашний день плюс что-то бесконечно длинное. Не так ли?

— Так точно, — улынулся майор. — А вы, товарищ полковник?

— Гм, гм... — хмуро покашлял начальник училища. — Я этих мальчишек, майор, каждые четыре месяца выпускаю. Посему

за словом «жизнь» вижу только их путь до фронта плюс еще несколько дней до первого боя. А там — как повезет. — Он одернул китель и двинулся к дверям. — Идемте на плац, майор. Пора.

— Товарищ полковник, — проникновенным голосом попросил майор, — уважьте личную блажь!

Полковник остановился, чуть поднял брови.

— Разрешите зачитать поименный список личного состава, — продолжал майор, — ведь моя хлопца будут. Хочу к фамилиям привыкнуть.

— Сделайте милость, — пожал плечами полковник, — можете и приказ.

— Нет, приказ лучше вы лично. Чтобы звучнее. А уж я — фамилии.

— Сделайте милость, — повторил полковник и пошел из кабинета.

Выпускная рота — восемьдесят шесть курсантов — замерла в строю, держа равнение на середину, где среди группы офицеров стоял начальник училища и будничным голосом заканчивал чтение приказа:

— «...всех поименованных ниже курсантов считать закончившими ускоренный курс училища с присвоением им воинского звания «младший лейтенант». Приказ подписал начальник главного управления кадров Советской Армии. — Пожевав губами, полковник добавил: — Фамилии получивших офицерские звания сейчас будут зачитаны.

Начальник училища передал приказ розовощекому майору, и тот обвел строй сияющим взглядом.

— Прошу названных мной офицеров делать шаг вперед, — воодушевленно произнес майор и, взглянув в список, вдруг заорал неестественным басом: — Младший лейтенант Анджапаридзе!

Мирно дремавшие в пыли воробья, подивясь перестукиваемому крику, вспорхнули с плаца и стали кружить над строем.

— Младший лейтенант Бабаев! — продолжал орать майор. — Младший лейтенант Дулин!

Строй с трудом сдерживал смех.

— Что он разорался? — спросил рослый курсант, стоявший правофланговым.

— Отставить рразговорчики, Пригуда! — не разжимая губ, грозно прорычал старшина.

— Младший лейтенант Зайченко! — с радостным пафосом продолжал кричать майор. — Младший лейтенант Иванов!

Пожилой подполковник, стоявший рядом с начальником училища, негромко сказал:

— Напрасно доверили, товарищ полковник. Сейчас они заржут как лошади.

— Смех службе не помеха, — отозвался полковник.

Строй еще держался, хотя лица восьми-десяти шести курсантов налились краской. Многие покусывали губы, чтобы не расхохотаться.

— Младший лейтенант Суслик! — с особенным щегольством прокричал майор.

По рядам прокатился смешок, но никто не двинулся с места.

— Лейтенант Суслик! — с еще большим восторгом крикнул майор. — Где лейтенант Суслик?

Старшина свирепо оглядел строй и беззвучно выругался.

— Лейтенант Суслик! — в третий раз воззвал майор.

Стоявший в первой шеренге новоявленный младший лейтенант Суслин покраснел, надулся и, шагнув из строя, мрачно произнес:

— Я — Суслин. Суслин, а не Суслик.

— А у меня написано: Суслик, — взглянув в список, сказал майор. — Суслик.

— А я Суслин. Суслин!

— Значит, это не вы.

— Значит, не я, — согласился Игорь Суслин и вернулся в строй.

И тут всех словно прорвало. Строй разразился смехом. С молодым злорадным

удовольствием хохотали уже объявленные и еще не объявленные младшие лейтенанты. Смеялись офицеры училища. Даже суровый полковник позволил себе усмехнуться.

— Отставить смех! — побагровев, кричал старшина, сам изнемогая от сдерживаемого хохота. — Прре-ккратить! Смиррна!

Но строй хохотал, не в силах совладать с собой. Хохотал гомерически. Не смеялись только двое — растерянный краснощекий майор и Игорь Суслин, обиженный и насупившийся...

— Па... вагонам! — пел розовощекий майор.

Толпа младших лейтенантов, скрипя новенькими португееми, ремнями и кобурами, побежала садиться в теплушки эшелона, поданного на первый путь.

Мимо стоявшего в стороне Суслина пробегал рослый Пригуда. Весело хлопнув товарища по плечу, сказал, не пытаясь скрыть распиравшего его счастья:

— Прощай, Игорек. Не тужи. Сейчас не едешь, в другой раз повезет!

И побежал. Потом вдруг вернувшись, сунул в руки Игорю потрепанный командирский планшет:

— Держи на память. Мне на фронте другой дадут. Счастливо!

И убежал, радостно тоная сапогами.

Улучив момент, Игорь подошел к румяному майору:

— Разрешите, товарищ майор? — спросил он, вскинув руку к пилотке. — Младший лейтенант Суслин. Начальник училища разрешил обратиться непосредственно к вам.

— Что у вас? — буркнул майор, не глядя на Игоря.

— Возьмите меня, товарищ майор, — умоляюще попросил Игорь. — Вы же всех взяли. Одно меня оставили!

— Сказал — не возьму, значит не возь-

му,— отрезал майор.— Мне восьмидесяти пяти хватит. Ясно?

— Почему же именно меня? — упавшим голосом спросил Суслин.

— Потому что вы недисциплинированы, Суслин,— с категоричностью, не допускавшей возражения, сказал майор.— На фронте с такими, как вы, одна маята. Скидаете сразу, потому что маменькины дети!

— Вы же меня совсем не знаете, товарищ майор,— вспыхнул Игорь.

— И знать не хочу,— сухо сказал майор.— Вот поможаетесь по резервам, пока не дозреете до кондиции. На третьей норме тылового довольствия. Тогда, может, и выйдет из вас фронтовой офицер...

Приложив руку к козырьку полевой фуражки, майор зашагал к головному вагону. Раздался паровозный гудок, затем второй, глухо лягнули сцепления, состав дернулся несколько раз и пошел.

Немногочисленные провожавшие разошлись, и на пустом перроне остался лишь младший лейтенант Суслин, который долго еще стоял и с тоской глядел вслед ушедшему на фронт эшелону...

Вечером у капитана состоялись прощанья. Небольшая комната была набита гостями: молодые офицеры и их жены тесно сидели за столом, во главе которого громоздилась мощная фигура командира полка. Первые тосты были уже провозглашены, за столом царил общий разговор, слышалось позвякивание ножей и вилок, шутки, отдельные реплики, смех. Рядом с капитаном сидела его жена, раздумывавшая красивая женщина с вальняжной осанкой и русой, уложенной короной кося.

Полковник басовито прокашлялся, и сразу же, несмотря на неофициальность обстановки, все замолчали, повернув головы к командиру полка. Полковник поднялся в полный рост, едва не коснувшись головой потолка и, сжав огромной ладонью хрупкую рюмку, заговорил:

— Товарищи, разрешите от имени командования пожелать одному из лучших в дивизии офицеров счастливого пути и, как говорится, успехов в учебе и личной жизни. Казалось бы, совсем недавно мы, командиры среднего поколения, которые были подростками в военные годы, принимали части и соединения из рук тех, кто командовал ими в годы войны. Разумеется, мы благодарны им и не забываем. Вот, к примеру, бывший командир нашего полка гвардии полковник Чуркин.

— Иван Сергеевич,— подсказал кто-то.

— Так точно, Иван Сергеевич,— согласился полковник.— Так вот, живет он у нас в городке, на заслуженной пенсии. Но мы, сами знаете, на все торжественные вечера непременно приглашаем его в президиум, на почетное место, понятно — нет? Так что не забываем, не забываем... Но я вот что хочу сказать. Не за горами время, когда и нам придется передавать командование в ваши руки, товарищи.— Командир полка повернулся к капитану: — И как знать, быть может, ты, Константин, закончив академию, вернешься в родную дивизию, в свой полк. И это очень хорошо, товарищи. Хорошо и правильно! А посему я предлагаю тост за вечное движение жизни. За преемственность. За дружбу офицеров разных поколений!

Гости чокнулись, выпили. Полковник под одобрительный говорок сел на место. Поднялся Константин. Дождавшись, когда стих шум за столом, заговорил, просто и негромко и с какой-то привычной легкостью:

— Мне отлично известно, что я счастливчик, а потому я не могу сочувствовать неудачникам. Моя собственная жизнь дает мне право на эти слова. Отец мой погиб на фронте, когда я только еще должен был родиться. Мать умерла через три года. Я вырос в детдоме. Мне было труднее, чем многим другим, но я знал свою цель и шел к ней. Прошу извинить, что слишком часто употребляю местоимение «я», но мы — офицеры, и наши боевые приказы не знают

яной формы, кроме «я решил». Так вот, за решения, которые мы принимаем...

Когда шум, вызванный неожиданным тостом, улегся и гости снова занялись закуской, старший лейтенант Алексеев спросил:

— А где контроль, Костя?

— Какой контроль?

— Контроль за решениями, которые мы принимаем.

— Жизнь, — ответил Константин. — Жизнь — самый суровыйверяющий. Она сама отбрасывает негодные решения.

— Значит, контроль вне человека?

— А может, внутри него? — спросил кто-то.

Константин не успел ответить, потому что полковник отвлек его вопросом:

— Твой отец в котором погиб, Костя?

— В сорок четвертом, — ответил капитан. — Кстати, мне напомнили об этом. — Он повернулся к жене: — Любаша, где открытка?

Люба поднялась, поискала на отодвинутом к стене письменном столе, принесла открытку и протянула полковнику. Тот прочитал, пустил по рукам:

— Странное послание. И без подписи...

— Между прочим, почерк женский. Учти, Люба.

— Где это — Подбедня?

— Может, розыгрыш?

— Нет, не розыгрыш, — сказал Константин, получив открытку и перечитывая ее. — Когда мне в детдоме отцовский орден вручали, помню, был разговор насчет станции Подбедня.

— Какой орден? — спросил кто-то из гостей.

— Отечественной войны, — ответил капитан. — Любаша, где орден?

— Может, в папиной коробке? — сказала Люба. — Посмотри в кухне, на полке. Круглая такая коробочка была, из-под конфет...

В маленькой кухне, возле заставленного посудой стола, сидел на табуретке Любин отец с ножом в руке и горько плакал. Ста-

рик сопел, всхлипывал и не утирал слез, которые стекали по его худым, поросшим седой щетиной щекам.

— Что с вами, Илья Иванович?! — испуганно спросил вошедший в кухню Константин. — Вам плохо?

Старик, сопя, улыбался сквозь слезы:

— Лук режу. Любаша велела луку нарезать, а он, понимаешь, больно вредный оказался...

— А почему к столу не идете? — спросил Константин, открывая дверцы навесной полки. — Неудобно получается, Илья Иванович.

— Ты уж извинись за меня, Костя, — попросил старик. — Не лѣчу я молодой компании. Первое дело — не пью. Острого тоже не ем. Только испорчу вам всю обедню. К тому же полковник ваш там...

— Ну и что — полковник? — Константин выставлял на стол разные кухонные предметы. — Съест он вас, что ли, полковник?

— Да что ты, Костя, — замахал руками старик. — Я их смолоду боюсь — и полковников, и генералов. Я и лейтенантов-то робел всю дорогу. А с живым полковником, может, всего раз в жизни и разговаривал. Когда орден получал. Ты чего ищешь?

— Орден отцовский, — ответил Константин. — Любаша сказала, в коробке из-под конфет. Где эта чертова коробочка?! Ага, вот она!

Константин вытащил круглую жестяную коробку из-под леденцов и, сдвинув посуду, вывалил на стол содержимое: здесь была целая гора оборонных медалей на старых залоснившихся колодках, орден Отечественной войны с облупившейся эмалью и несколько выцветших фронтовых фотографий тридцатилетней давности.

— Вот он, — сказал Константин, выбирая из кучи наград орден Отечественной войны.

— Это не тот, — покачал головой старик. — Этот Второй степени. У твоего бати Первой степени был. — Он достал из ящика

стола красную коробку.— Я его отдельно припрятал.

— Спасибо, Илья Иванович.— Константин взял коробку.— Уберите все это, ладно?

Старик кивнул. Капитан вышел из кухни, а Илья Иванович принялся складывать в коробку солдатские медали. Делал он это неторопливо, разглядывая каждую медаль в отдельности, иногда качал головой и, вспоминая, грустно улыбался чему-то. Последней он взял со стола фотографию с оторванным уголком. На карточке стояли два солдата в сдвинутых на затылок пилотках, с автоматами на груди и множеством наград и нашивок за ранения на гимнастерках. Поза их, их улыбки были неестественны и напряженны, потому что солдаты явно позировали фронтовому фотографу. Фоном для снимка служили руины какой-то немецкой крепости. Возможно, то был Кенигсберг. Несмотря на давний срок и на потрепанность фотографии, в одном из солдат можно было узнать молодого Илью Ивановича...

Орден Отечественной войны Первой степени лежал на широкой ладони командира полка. Гости рассматривали награду.

— Да, весомая вещь,— полковник взвесил орден на ладони.— Маленькая, а весомая. Выходит, ты, капитан, ни разу на отцовской могиле не был?

— Так ведь я, в сущности, не знал, где эта могила,— ответил Константин.— Впервые из открытки выяснил. Теперь надо будет как-нибудь съездить. В отпуск. Или на каникулы...

— Обязательно поезжай,— одобрил командир полка.— Тебе когда в академию являться?

— Ровно через неделю,— ответил Константин.

Полковник вернул ему орден:

— Тогда зачем тянуть? Выезжай на день-два раньше, и все! Непременно поезжай к батьке, Костя. Святое это дело — отцовской могиле поклониться. Особенно пе-

ред таким рубежом как академия, понятно — нет?

Капитан не ответил. Он уложил орден в красную коробочку и, закрыв крышку, по барабанил по ней пальцами, но стука Костиних пальцев по поверхности коробочки мы не услышали, потому что в это время уже звучал ляг винтовок, взятых к ноге в три приема. И голос:

— Вздод, смирно! Равнение на середину! Слушай переключку: рядовой Абрамов!

— Я!

— Рядовой Бесымбаев!

— Я!..

В узком коридоре дощатого барака с запылившимися окнами и двумя рядами трехъярусных нар был построен взвод маршевого батальона. Места было немного, и командиру взвода младшему лейтенанту Игорю Суслину, одетому в аккуратную гимнастерку с белоснежным подворотничком, приходилось вжиматься в проход между нарами. Во главе строя стоял степенный усатый помкомвзвода сержант Гарбузенко и хрипло выкрикивал фамилии личного состава:

— Рядовой Гусев!

— Я! — отозвался высокий тощий солдат.

— Пат без Паташона,— негромко, но внятно произнес стоявший в строю Виктор Святкин, востроносый ефрейтор с золотой нашивкой за ранение и облупившимся орденом Красной Звезды на гимнастерке.

— Рядовой Глебов!

— Я!

— Иван Четвертый,— сказал Святкин.— Но не Грозный!

— Рядовой Кодеридзе!

— Я!

— Абрек,— пояснил Святкин.

— Рядовой Лавкин!

— Я!

— Калуга,— произнес Святкин, и стало понятно, что у каждого во взводе есть свое

прозвище и что автор прозвищ не кто иной, как ефрейтор Святкин.

— Младший сержант Сайко!

— Я,— отозвался рослый сержант, стоявший на правом фланге.

— Ванька Первый!— уважительно заявил Святкин.

— Ефрейтор Святкин!

— Я!— гаркнул Виктор и добавил:— Сват.

— Рядовой Хабанев!

— Я!

— Хабанера,— сказал Святкин.

— Отставить!— крикнул Суслин и, ткнув пальцем в Святкина, приказал:— Ефрейтор Святкин, выйти из строя!

Святкин сделал два строевых шага и повернулся лицом к шеренге.

— Товарищи бойцы!— басом заговорил Суслин, грозно вода бровями.— Сегодня я принял третий взвод. Командир батальона поставил задачу: в кратчайший срок подготовить ударный взвод истребителей танков. И что же? На первом построении я нахожу исключительную расхлябанность и разгильдяйство!

— Я думал, вам интересно прозвища узнать,— простодушно объяснил Святкин.

— Ефрейтор Святкин, два наряда вне очереди!— четко сказал Суслин.

— За что, товарищ младший лейтенант?— притворно удивился Святкин.— Я же, так сказать, в порядке ознакомления с личным составом вверенного вам взвода.

— Три наряда!— распаяясь, крикнул Суслин.

— Есть три наряда,— согласился Святкин.— Только на кухне!

— Четыре!— крикнул Игорь.

— А вот это уж дудки,— осклабился Святкин.— Только три. Четыре устав внутренней службы не позволяет. Вы взводный, я ефрейтор. Больше трех нарядов у вас прав нет, товарищ младший лейтенант.

Суслин был озадачен. По шеренге пробежал смехок.

— Отставить смех!— приказал Суслин и снова заговорил «командным» басом:—

Командир батальона поставил задачу, чтобы третий комсомольский взвод стал примером для маршевого батальона. Примером во всем. В боевой подготовке. В ношении формы. В дисциплине. И я хочу, чтобы вы знали с первого же дня: в боевой подготовке не будет никаких поблажек. Напротив. Трудности и еще раз трудности! Будут внезапные тревоги. Ночные броски. «Тяжело в учении — легко в бою!» Знаете, кто это сказал?

— Так точно, знаем!— радостно рявкнул Святкин.— Генерал-исimus Суворов!

— Какой еще «исимус»?— недоумевающе спросил Суслин.

— А как же,— пришлось простодушно объяснять Святкин,— бывают генерал-майоры, генерал-лейтенанты, гоперал-полковники, а Суворов был генерал-исимус!

Строй заржал.

— Отставить смех!— крикнул Суслин.— Слушай задачу занятий по тактике.

Но тут раздался голос дневального, стоявшего возле дверей:

— Смирпо!

В казарму вошел командир батальона, бравый усатый капитан с палочкой, не вполне оправившийся после ранения. Суслин бросился к командиру:

— Товарищ капитан, третий взвод первой роты вверенного вам батальона построен для полевых занятий. Командир взвода младший лейтенант Суслин.

— Отставить полевые занятия,— сказал комбат.— Оружие — в пирамиду. Взвод — на разгрузку капусты!

— Есть на разгрузку капусты,— упавшим голосом сказал Суслин.— Сержант Гарбузенко, выводите личный состав.

— Напра-во,— приказал помкомвзвода.— Не в ногу, на выход, шагом марш!

Сломав строй, взвод выходил из казармы.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться?— спросил Суслин, когда они остались вдвоем в казарме.

Командир батальона оглядел его с ног до головы, поморщился:

— Больно уж вы аккуратный, лейтенант. Какой-то слишком уставной.

— Не понял, товарищ капитан.

— Хоть бы гимнастерку укоротили, что ли,— с досадой сказал капитан.— Или козырек на фуражке пальца на два среза-ли, как другие...

— Так ведь не положено, товарищ капитан,— обескураженно произнес Суслип.

— Это точно, что не положено,— вздохнул комбат.— Ну докладывайте.

— Относительно ефрейтора Святкина,— сказал Суслип.— Недисциплинирован. Дерзок. Такой может взвод разложить. Прошу перевести его от меня, товарищ капитан.

Командир батальона помолчал, потом сказал:

— Святкин — фронтовик. В последнем своем бою он подбил три танка, за что в госпитале ему вручили орден. Человек он нелегкой судьбы. Из беспризорников. Что пельзя не учитывать. Рекомендую найти подход. Из взвода Святкина убирать не будем. Ясно? — Суслип кивнул.— У вас в школе прозвище было?

— Никак нет,— покраснев, ответил Суслип.

— Теперь будет,— утешил капитан.— Святкин непременно придумает. Вопрос исчерпан. Отправляйтесь за взводом и возглавьте работу по разгрузке капусты. Действуйте, младший лейтенант!

Вытянувшись в цепочку, взвод выгружал капусту с платформы, стоявшей на запасном пути. Солдаты перебрасывали друг другу кочаны, сопровождая работу шутками, смехом, звучным хрустом капустных листьев на молодых зубах.

Младший лейтенант Суслип выгружал капусту вместе с остальными солдатами. Сейчас он не чувствовал себя их командиром, а всего лишь одним из сорока азартно работавших парней. Но вдруг Суслип увидел, что командир отделения сержант Мятников, стоявший наверху, выбрал из кучи два больших кочана, перебросил их через противоположный борт платформы.

— В чем дело, сержант Мятников? — грозно крикнул Суслип, подбегая к платформе.— Почему разбазариваете продовольствие?!

— Я не разбазариваю,— хмуро ответил Мятников.— Просто отдал два кочана.

— Кому отдал?! — запальчиво крикнул Суслип и оглянулся.

На путях стояла худенькая девочка лет пятнадцати в ватнике и сапогах. Сунув кочаны в мешок, она собралась бежать, но бдительный Суслип остановил ее:

— Девочка, стой!..

Девочка остановилась и, прижав к груди мешок, испуганно смотрела на лейтенанта.

Взвод бросил работу. Солдаты смотрели на командира, и в их посерьезневших глазах он прочитал осуждение.

— Почему здесь посторонние? — кипятился командир взвода, но уже без прежнего металла в голосе.

— Она не посторонняя, товарищ младший лейтенант,— хмуро ответил Мятников.— Она сирота. Отец у ней погиб на фронте. А мать умерла.— И, повернувшись к девочке, сказал: — Иди, Наташа, иди. Ничего...

Девочка благодарно кивнула и пошла по железнодорожным путям. Суслип не остановил ее. Он стоял возле платформы и смотрел вслед Наташе, уносившей казенное «продовольствие», и у себя за спиной услышал команду Гарбузенко:

— Взвод, приступить к работе!

И сразу же вновь раздался звучные удары бросаемых кочанов, смех и перебранка работавших солдат. Суслип смотрел вслед уходившей по рельсам худенькой девочке, по-прежнему звучали веселые голоса солдат, а на экране уже возникала иная картина...

...После перемены ученики десятого класса рассаживались по партам, поспешно дожевывая завтраки, доставали из портфелей учебники, тетради, готовальни.

На последней парте Игорь Суслин и красивый юноша с уже пробившимися усиками, одетый в коверкотовую, перешитую из отцовской, гимнастерку, сцепили руки, и по тому, что третий мальчик, перегнувшись через парту, разбил рукопожатие ребром ладони, стало понятно, что ребята спорят.

Игорь выбрался из-за парты и пошел к доске, где стояла хрупкая большеглазая девочка с русой косой и стирала тряпкой написанные мелом формулы. Суслин подошел к девочке и положил руку ей на плечо. Она не сбросила его руки, только вопросительно улыбулась. Игорь медленно повел вниз по натянутому платью, дошел до груди и вдруг сильно сжал ее ладонью. Сжал на глазах у всего класса. И отшатнулся, ожидая удара.

Но удара не последовало. Девушка только посмотрела ему в глаза, и Игорь понял, что ударил-то — он!..

И вдруг все исчезло. Младший лейтенант Суслин по-прежнему стоял возле железнодорожной платформы с капустой и смотрел, как весело перекидывают друг другу кочаны солдаты его взвода.

Он смотрел, но не слышал их шуток и их голосов. И мы тоже не слышали солдат, потому что теперь звучал только голос Игоря Суслина:

— Как же мне стало стыдно, Кимка! И стыд этот не прошел до сих пор. Если я когда-нибудь увижу тебя, милая моя Кимка, я попрошу прощения. Только, наверно, я не увижу тебя. Я даже не знаю, где ты теперь, Кима Виленстович?..

Суслин стоял возле железнодорожной платформы, задумчиво глядя перед собой.

— Что это командир наш, офонарел? — спросил Святкин, принимая очередной кочан. — Все-таки он не того. — Ефрейтор повертел пальцем возле виска.

— Задумался человек, — добродушно отозвался Сайко. — Ты ему прозвище уже дал, Сват?

Святкин помедлил секунду:

— Суслик. Младший лейтенант Суслик.

— Да он не похож на суслика, — протянул Сайко.

— Не скажи, — ловко перебрасывая через голову кочан, усмехнулся Святкин. — Есть в нем что-то от грызуна: въедливость эдакая...

— Тیشه ты, — прервал его Сайко. — Услышит!

Но Суслин не слышал этого разговора. По-прежнему отсутствующим взглядом смотрел он на солдат, вслушиваясь в собственный голос-воспоминание:

— Ты помнишь, Кимка, когда мы принимали тебя в комсомол, то все допытывались, почему у тебя иностранное имя? А ты сказала тогда, что папа назвал тебя так в честь Коммунистического Интернационала Молодежи. Только женского рода. И сейчас мне кажется... Нет, я знаю, что люблю тебя, Кимка, мой Коммунистический Интернационал женского рода!..

— Амба! — Веселый крик Святкина прервал размышления Игоря. — Хана, корешки!

К Суслину подошел неторопливый Гарбузенко.

— Товарищ младший лейтенант, — доложил он. — Взвод работу по разгрузке капусты закончил.

Игорь оглянулся. Перед ним стояла пустая железнодорожная платформа...

Было поздно. Гости разошлись. За стеной надсадно кашлял Илья Иванович: никак не мог заснуть, поэтому Люба и Константин разговаривали на кухне неестественным шепотом, что придавало их беседе драматический характер. Люба мыла тарелки и передавала их мужу, а он, вытирая каждую, ставил в шкаф.

— Посуди сама, Любаша, — говорил Константин, — это же неразумно. Ты не хочешь трезво оценить обстановку. К чему нам всем троим маяться? Ведь пока мы здесь жили, я слова против не сказал. Вспомни. Ты сама гораздо чаще меня на

него раздражалась. Но одно дело — в войсках, когда я с подъема до поздней ночи в части, совсем другое — в Москве... В академии мне придется много заниматься. Во время сессий — наверняка ночами. Тем более, я поставил перед собой задачу: закончить только с отличием. А Илья Иванович иную ночь, вот как сейчас, всю напролет прокашляет, а иную — по комнате бродит. Или на кухне сидит, курит. Как все это будет происходить в Москве, когда мне надо будет заниматься, а?..

— Что же ты все-таки предлагаешь? — стараясь быть терпеливой, спросила Люба.— Бросить его одного?

— Я предлагаю отправить его в Сызрань, — мягко сказал Константин.— К Ивану.

— Ему же там даже спать негде! — воскликнула Люба.— У Вани однокомнатная квартира. Маленькая дочка. К тому же, представляю, какую жизнь устроит отцу Клавка. Да он и сам не согласится. Ты же знаешь: он не любит людей стеснять...

Константин закурил:

— Иного выхода нет, Любаша. Ну ладно. Пускай они возьмут его хоть на время. Может, нам удастся снять в Москве двухкомнатную квартиру. Поговори с Ващей, Любаша, ладно?

Она не ответила и, приняв ее молчание за согласие, Константин продолжал уже увереннее:

— Итак, я принимаю решение. Утром звонишь Ивану в Сызрань и стараешься уговорить его взять старика. Я поеду вперед. На денек задержусь в Подбедне. Полковник прав: перед академией надо па могиле отца побывать. А то слыхала, как он вчера спросил с подковыркой, дескать, что ж ты, капитан?.. Я человек не сентиментальный, без предрассудков. Но долг, Любаша, есть долг. Долги надо платить. Денежные. Офицерские. Сыновние. Всякие... Оттуда поеду в Москву и буду тебя там ждать. Насчет старика Ивану скажи, что временно, мол. Пока не устроимся в

Москве. А там видно будет. Договорились, Любаша?

Константин обнял жену, но она молча высвободила плечи и пошла к двери. Остановилась на пороге и, повернувшись к мужу, сказала каким-то бесцветным голосом:

— Одно я знаю, Костя: если бы это был твой отец, ты так бы не рассуждал.

И вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Константин отошел к окну. За стеклом было темно. Густо валил снег. И вдруг откуда-то, из этой зимней темноты, послышался задохнувшийся в беге голос командира взвода младшего лейтенанта Суслина:

— Взвод, к бою! Танки — справа, мотоциклы — слева! Бронебойщики, вперед!..

Суслин стоял посередине заметенной снегом дороги и кричал на взвод, уставший после длительного марш-броска. Зимний ветер со снегом бил в лица солдат, задувал под завязанные шапки, покрывал инеем стволы промерзших винтовок.

— Бронебойщики, к бою! — продолжал выкрикивать «вводную» Суслин, пятясь назад и несолидно размахивая руками: — Пулеметчики, туда! Танки — справа!..

Сайко и Хабанев ринулись в разные стороны. Токаревская бронебойка сползла с плеч. Они поймали ее и стали отчаянно тянуть каждый к себе: Сайко за приклад, Хабанев — за пядульник.

— Куда тянешь, дура, куда, салага?! — хрипел Сайко.

— Так он же туда показывал!

— Танки-то справа!

— Так он же туда тыкал!

— Пулеметчики, куда вас черт в сугроб понес? — надсадно кричал Гарбузенко. — Соображать надо, где мотоциклы ездят!

— Завопил, будто на раздатке его на пайку хлеба обсчитали, — хмуро ворчал сержант Мятников, возвращаясь на дорогу.— Да не тычь ты стволом в снег, не тычь, зелье тыловая!

Наконец, разобравшись, солдаты разбежались по сугробам, залегли, изготовили оружие.

— Молодцы! — бодро крикнул Суслин, ощущая гризлив командирской гордости. — Пулеметчикам, следить за флангами! Сержант Мятников, вас убило!

— Во, повезло, — сипло обрадовался Мятников. — Можно встать?

— Так убило же вас, — азартно пояснял Суслин. — Убило, потому что высовываетесь и подставляете себя под интенсивный огонь противника. Где вторая бронебойка? Где Святкин?!

— Тут я, — раздался у него за спиной спокойный голос. — Спички не найдется, товарищ младший лейтенант? Что-то моя «катушка» не фуркает.

Суслин круто повернулся: перед ним стоял ефрейтор Святкин и одеревенелыми пальцами оглаживал цыгарку.

— Святкин, почему вы здесь?! — грозно спросил Суслин. — А бой?!

— Какой бой?

— Танки же! — рявкнул Игорь. — Я же сказал: танки справа! Там ваши товарищи гибнут, там атака, а вы... вы...

— Ах, танки, — лениво протянул Святкин. — Так те танки, про которые вы сказали, я отбил.

— Как отбили?

— Отважно, — серьезно ответил Святкин.

— Так доложите, как положено!

— Докладываю: все в порядке, бобик содох.

— Какой бобик? — не понял Игорь.

— Фрицевский, — охотно пояснил Святкин. — Тридцать семь танков я лично пронзил одной пулей. Остальные разбежались: их там Калуга доколачивает. Прикладом.

— Слушайте, Святкин, что вы дурочку строите? — свирепая, сказал Суслин. — Какое это, интересно, были танки?

— Танки типа «сила», товарищ младший лейтенант.

— Все! — крикнул Суслин, поворачива-

ясь ко взводу. — Отбой! Ефрейтор Святкин все танки перестрелял!

— Молодец, товарищ ефрейтор, — громко произнес Кодеридзе. — Что значит фронтовой опыт.

— Отставить разговоры! — обиженно крикнул Суслин. — Разберись по отделениям! За мной бегом, марш!..

Придерживая оружие, взвод рысдой побегал по дороге следом за своим командиром.

Взмокшие так, что пар шел от шинелей, солдаты вбежали в расположение маршевого батальона.

В канцелярии возле окна стоял командир батальона и, любуясь пышущими жаром «истребителями танков», говорил, обращаясь к маявшемуся рядом сердитому старшему лейтенанту с нашивками за тяжелые ранения:

— Вот, ротный, вам и отличный взвод! Bravo, Суслин, bravo! Хороший выйдет из него командир. Вот жаль только нету боевого опыта.

— Жаль, — согласился ротный.

— Но с другой стороны — образование, — размышлял вслух комбат.

— Это точно: образование вещь полезная, — хмуро согласился ротный.

Ефрейтор Святкин стоял перед строем, понурился голову, а младший лейтенант Суслин, горя незаслуженной обидой, говорил речь:

— Я не стапу вас наказывать, ефрейтор Святкин. Надеюсь на вашу солдатскую совесть. Дайте слово мне, вашему командиру, и своим боевым товарищам, что впредь вы никогда не сорвете тактических занятий нашего взвода.

— Я не бу, — растроганно сказал Святкин.

— Что «не бу»? — опешил Игорь. — Что значит «не бу»? Ду?

— Я не ду, — всхлипнув, сказал ефрейтор. — Потому я и не бу...

Четыре десятка глоток заржали, словно

табун. Солдаты гоготали, хрюкали, кашляли.

— Ведите их в казарму, товарищ младший лейтенант,— посоветовал Гарбузенко.— Замерзли хлопцы. И жрать им давно пора.

— Командуйте сами,— Суслин вяло махнул рукой и, повернувшись, пошел в расположение...

Константин лежал на верхней полке вагона с открытыми глазами, вслушиваясь в стук колес и в звуки ночной поездной жизни. Не спалось.

Состав замедлил ход. Зашипев тормозами, остановился. Громыхнула входная дверь, и в коридоре послышался голос проводницы:

— Куда я вас дену? Куда? Сказано, мест нет, а все равно лезут!

— Не волнуйтесь, пожалуйста,— сказал женский голос.— Я здесь постою, в коридоре. Я не могу не ехать. Просто не могу! Я же объяснила вам, как вы не понимаете?..

— Понимаю, понимаю,— проворчала проводница и, видимо, ушла в служебное купе, потому что в коридоре опять стало тихо.

Поезд тронулся. Слова застучали колесами...

Длинный дощатый стол казармы был завален паклей, тряпками, ежиками на шомполах, манерками с маслом и щелочью. Взвод занимался чисткой оружия. Суслин медленно ходил за спинами солдат, не вмешиваясь в их ленивый разговор.

— Нетерпеливый ты, Кодеридзе,— ворчал Мятников.— Не дерь паклей ствол, не дерь. Гладь — пулемет ласку любит. Ты что, девок никогда не гладил, что ли?

— Зачем так о женщинах говоришь? — сердился Кодеридзе.— У меня жена есть, мне обидно, понимаешь.

— Жена? — недоверчиво протянул Мят-

ников.— Ну ты даешь, Абрек! И ребенка успел сделать?

— Зачем опять обидно говоришь? Спроси: дети есть? Отвечу: есть. Сын есть, понимаешь.

— Сын? — удивился сержант.— Ну извини, не знал. Извини, друг. Сын... Это, брат, здорово! Ты молодец, что сына заимел. По себе знаю: у меня, брат, двое.

— А у меня — девочка,— расплылся в улыбке Хабанеев.— Я ей самое красивое имя нашел. Такое...

— Ты бы лучше пружину нашел, Хабанера,— прервал его Сайко.— Баланду травить вы все мастера, а вот, интересуюсь, где наша пружиночка?

— Должно, уронили, товарищ младший сержант.

— Уронил, так ищи, салага! А то девочка твоя в первом же бою сироткой останется.

Хабанеев покорно полез под стол и стал искать злополучную пружину, ворча под нос:

— Ходят тут, ходят, а потом удивляются, что оружие не стреляет...

— Вы, что ли, обо мне, Хабанеев? — нахмурился Суслин.

— Никак нет,— отозвался из-под стола Хабанеев.— О старшем сержанте Гарбузенко, товарищ младший лейтенант. У него сапоги сорок шестого размера: затвор можно унести, не то что пружиночку.

— А где Гарбузенко? — спросил командир взвода.

— К старшине пошел,— пояснил Мятников, любовно протирая ветошью ствол пулемета.— Мыло канючить.

— Нам же выдавали мыло,— сказал Суслин.

— Тому мылу кто-то ноги приделал,— сообщил Сайко.

— Тю-тю наше мыльце,— вздохнул из-под стола Хабанеев.— Теперь газетами мыться будем. Говорят, если взять подшивку за полгода и тереть спину...

— Что вы разглагольствуете под столом, Хабанеев? — недовольно спросил Сус-

лин.— Почему вы вообще не вылезаете?

— Пружину ищут,— объяснил Хабанев.— Бронбойка без пружины не стреляет. А насчет газет — точно. Сами у начальника спросите. Говорят, есть у старых подшивок мылящая способность...

— Прекратите глупые остроты! — поняв, что его снова разыгрывают, вспыхнул Суслин.— Лавкин, почему вы один петеэр чистите? Где ваш первый номер? Где ефрейтор Святкин?!

По уши перемазанный маслом Лавкин, в одиночку трудившийся над бронбойкой, обреченно вздохнул:

— Это... Товарищ ефрейтор приказали, чтобы все блестело, а сами...— Лавкин замолчал.

— Ну что же они сами? — нетерпеливо спросил Суслин.

— Сами дрыхнут,— пояснил Мятников.— Ну и сачок! На все сто с походом... Уж он всегда...

Святкин действительно сладко посапывал в дальнем углу верхнего яруса нар. Снизу его не было видно. Суслин взгромоздился на табурет, привстал на цыпочках и лишь тогда обнаружил спавшего ефрейтора.

— Встать! — крикнул Суслин.

Святкин не пшевельнулся, но по его замершему дыханию было ясно, что он прикидывается, соображая, как бы лучше выйти из положения.

Солдаты перестали чистить оружие, с интересом ожидая начала очередного «спектакля».

— Ефрейтор Святкин, встать! — Игорь дернул спящего за ногу.

— Рань,— вдруг с тихим стоном сказал Святкин.

— Какие еще рань? При чем тут рань?

— При мне,— умиравшим голосом пояснил ефрейтор.— Застудил в период героического отражения танковой атаки. Скрутило.

— Скрутило? — Суслин в растерянности оглянулся и увидел сорок молодых, заготовивших улыбки лиц.

Спрыгнув с табуретки, Игорь спокойно, даже неторопливо пошел к выходу.

— Куда это он? — шепотом спросил Хабанев.

— Может, за доктором? — предположил Крынкин.

— Скажешь тоже,— возразил Глебов.— Небось, командиру роты жаловаться побегал, Суслик...

Суслин вдруг резко повернулся, шагнул к солдатам и заговорил негромко, до звона напряженно:

— Ладно, я плохой командир. Я не могу справиться со Святкиным. Я не умею командовать. Я не способен руководить. Но вы же комсомольцы! Комсомольцы, а кругом война, а вы смеетесь, ржете, пока гибнут товарищи. Это честно, по-вашему? Это по-комсомольски? Я не виноват, что я ваш командир. Я готов хоть сейчас стать рядовым. Готов поменяться с любым из вас! Не потому, что боюсь ответственности, а потому, что вы мои товарищи. Вы же товарищи мои, мы же вчера в школе за партами вместе сидели. А вы... Вы предаете меня. Да, предаете! И мне стыдно. Стыдно...

Чувствуя, что вот-вот не удержит слез, Игорь оборвал себя, постоял, опустив голову, и вышел из барака.

В казарме возникла странная тишина. Посерьезневшие солдаты вдруг все как один двинулись по направлению к нарам, где лежал ефрейтор Святкин и по инерции все еще улыбался...

Вечером младший сержант Сайко докладывал командиру взвода Суслину:

— Товарищ младший лейтенант, во взводе вечерняя поверка произведена. Личный состав налицо. За исключением ефрейтора Святкина. Дежурный — младший сержант Сайко.

— А где Святкин? — спросил Суслин.

— Отправлен в санчасть, товарищ младший лейтенант.

— Опять рань?

— Никак нет,— ответил Сайко и пояс-

нил: — С нар упал. Аккурат после разгово-
ра с вами.

— То есть, как это — упал? — нахму-
рился Суслин.

— Не спрашивай ты ни о чем, лейте-
нант, — с грубоватой фамильярностью отве-
тил Сайко. — Не спрашивай, и все нормаль-
но будет. Поговорили с ним ребята малень-
ко. Вот и все. По-солдатски, как говорится,
без выноса сора из казармы.

И он дружелюбно улыбнулся младше-
му лейтенанту Суслину...

Константин сел на верхней полке. На-
щупал в кармане тужурки сигареты. Ста-
раясь не разбудить соседей, прыгнул вниз
и вышел из купе.

В коридоре было пусто. Только возле
одного из окон стояла молодая женщина
в расстегнутой шубе и брошенном на пле-
чи платке. У ног ее громоздился объеми-
стый чемодан.

Константин закурил и, раздвинув што-
ры, стал всматриваться в редешную за
окном темноту: на улице круто мело.

— Метет, — сказал он, не поворачивая
головы. — Как в феврале.

— Март. Грачи прилетели, а тут
вдруг — метель, — отозвалась женщина.

Улыбнувшись, Константин взглянул на
нее и, встретив огромные внимательные
глаза, спросил невольно:

— Вы биолог? То-есть, я хотел спро-
сить — ботаник?

— Почему ботаник? — пожала плечами
женщина. — Я терапевт. Работаю на ско-
рой помощи.

— И не страшно?

— Нет, — просто ответила женщина. —
Привыкла.

— Я к тому, что не женское дело с раз-
давленными возиться.

— Это — крайность, — по-прежнему спо-
койно ответила она.

— Но случается?

— Случается. Наш город на автостраде.
А вы что, водитель?

— В некотором роде, — снова улыбнул-
ся Константин. — Механик-водитель пер-
вого класса...

Вагон просыпался. Пассажиры с поло-
тенцами потянулись умываться. Из слу-
жебного купе вышла проводница со стака-
нами чая на подносе. Проходя мимо, ска-
зала:

— Вы просили предупредить насчет
Подбедни, товарищ капитан. Следующая.
Учтите, стоянка три минуты.

— Спасибо, — сказал Константин.

Женщина с улыбкой смотрела на него:

— Вас зовут Константином?

— Так точно, — удивленно ответил ка-
питан.

Она протянула руку:

— Тогда здравствуйте. Анна. Это я при-
слала вам открытку. Наши отцы погибли
в одном бою...

Суслин стоял в крохотной ротной кан-
целярии.

— Товарищ старший лейтенант, я же
все продумал досконально, — убеждал он
мрачного ротного. — Десять километров ту-
да, десять — обратно. С полной выкладкой.

— Мороз гарантируют. С ветерком, —
хмуро сказал ротный. — Поморозишь ребят,
младший лейтенант.

— Ну, знаете, тяжело в учении — легко
в бою, — возразил Суслин.

— Легко у мамы, — поправил ротный. —
Тебе все хаханьки, в считалочки играть:
«Аты-баты, шли солдаты». А я год в око-
пах под Ржевом проторчал. Хреновина все
это, парень.

— Что? — с обидой спросил Игорь.

— Да все: броски, тревоги, построения.
Мина не разбирает, ученый солдат или
недоученный. Шарахнет — и привет Алек-
сандру Васильевичу.

— Какому Александру Васильевичу? —
не понял Суслин.

— Суворову, — объяснил ротный.

— Ну, знаете, так относиться к боевой
подготовке...

— **Ладно.** Это мое дело. Как командир роты, я твою вредную инициативу запрещаю. Никаких бросков, понял?

— Понял,— вздохнул Игорь.

В канцелярию вошел командир батальона. Поздоровался с офицерами:

— О чем речь?

— Да вот, лейтенант марш-бросок задумал,— мрачно объяснил ротный,— проявляет инициативу. Таких инициативных надо по линии военторга использовать, а не в пехоте. Мороз тридцать градусов, а он — бросок...

— А ну как впрямь поморозите? — спросил комбат.

— Так ведь бегом,— пояснил Суслин.— Бегом ведь — не шагом, товарищ капитан.

— Бегом — не шагом,— задумчиво повторил комбат и вдруг оживился: — Кстати, строевой ваш взвод занимается?

— Занимается,— не очень убедительно сказал Игорь.— С места с песней.

— Это хорошо. Запевала есть?

— Ефрейтор Святкина.

— Поверяющий приезжает,— доверительно сообщил комбат.— Сверху, понимаете? А всеверяющие имеют одну слабость. Какую?

— Какую? — чистосердечно переспросил Суслин.

— Не знаете вы службы, Суслин,— улыбнулся комбат.— Поверяющие любят прохождение с песней. Непременно разучите хорошую строевую песню, будете защищать честь батальона.

— А бросок? — уныло вздохнул Игорь.

— Ах, бросок? Это как ротный решит.

— Я — против,— отрубил командир роты.

— Да, поверяющий может зайти в расположение,— сказал комбат.— Сегодня же проверьте казарму на предмет лишнего барахла. Все убрать. Чтобы было чисто и пусто!

Когда Суслин вошел в казарму, там был один дневальный.

— Товарищ младший лейтенант,— до-

ложил оп,— взвод занимается по расписанию. Дневальный — рядовой Глебов.

— Срочно проверить тумбочки, Глебов,— приказал Суслин.— Лишнее — на стол!

— А что — лишнее?

— Кроме умывальных принадлежностей, кружек, ложек и книг, все. Ясна задача?

— Ясна,— сказал Глебов.— А махорка?

— Махорку можно оставить.

Суслин и Глебов начали проверять тумбочки, стоявшие в два этажа возле стены.

— Из дому пишут, Глебов? — спросил Суслин, осматривая содержимое тумбочек: зачитанные книги, стопки писем, фотографии, кружки да ложки.

— Писать некому,— помедлив, ответил дневальный.— Мать с сестренкой в Германию угнали. Отец партизанит где-то. Если жив. Одна бабка осталась, а она уже и не видит ничего.

— А вы что же в партизаны не ушли?

— Я-то?.. Пахал я.

Младший лейтенант оторвался от очередной тумбочки, с презрительным сожалением посмотрел на Глебова:

— На немцев, значит, трудились?

— Немцы пайки давали.

— Странно, странно, — протянул Игорь.— И много вас таких пахарей было?

— Было уж,— нехотя ответил Глебов и вдруг оживился, вытащив из тумбочки три куска хозяйственного мыла: — Товарищ младший лейтенант, мыло! То самое, ворованное. Он его за фанеркой сховал.

— Та-ак,— со злым торжеством констатировал Суслин.— Чья тумбочка? Святкина?!

— Крынкина!

— Ко мне его! Живо!

Глебов рванулся к двери и вскоре вернулся, пропуская вперед тщедушного Крынкина.

— Товарищ младший лейтенант,— начал докладывать тот,— по вашему приказанию...

Но Суслин не дал ему окончить. Отсту-

пив в сторону, открыл лежавшее на тумбочке мыло:

— Объясните, Крынкин, как это мыло попало в вашу тумбочку?

Крынкин подавленно молчал. Только краснел. Медленно и мучительно.

— Вы меня слышите, Крынкин?

— Я это... виноват,— тихо произнес он.

— Украли? — напирал командир взвода.— Украли у своих же товарищей?!

Крынкин покивал, ушанка смешно заерзала на его круглой стриженной голове.

— Эх, вы, комсомолец,— вздохнул Суслин.— Пока комсомолец! Надеюсь, до первого собрания.

— Простите, товарищ...

— Берите мыло и идем ко взводу,— приказал Суслин.— Сами все объясните товарищам.

Крынкин поднял голову: по лицу его катились слезы, но солдат, не моргая, смотрел на командира. Игорю стало не по себе, и он отвел глаза.

— Мамане послать хотел,— тихо заговорил Крынкин.— Маманя голодует у меня. И сестры. Сильно голодуют. Отца убили у нас. И брата. На брата похоронка пришла, у мамани ноги отнялись. По избе еще ходит, а так... Думал, мыла им, хлеба чтоб купили. Голодно. Голодно сильно им, товарищ младший лейтенант.

— Мне жаль вас, Крынкин,— помолчав, сказал Игорь.— И родных ваших тоже жаль, и вообще... Но вы же украли. Украли!..

— Украл,— покорно вздохнул Крынкин.— Думал, мамане. Думал, это...— И замолчал.

— Простите вы его, товарищ младший лейтенант,— сказал Глебов.— Я насчет голода знаю. Когда мать есть хочет, так не то что мыло — хлеб украдешь. Я знаю. Простите Крынкина.

— Оставьте ваши советы, Глебов,— поморщился Суслин.

— А я скажу, что я украл! — вдруг зло выкрикнул Глебов.— Пусть в штрафную меня, пусть куда угодно, лишь бы на фронт

поскорее! Вы под немцами не были, а я был. И не просто был, а пахал под ними, да! И все равно скажу, что я мыло украд, а не Крынкин. Он же слабый, не видите, что ли? А я злой, мне ничего не страшно. Так что либо я, либо...

— А что — либо? — тоже закричал Суслин.— Ну что — либо?! Что?! Снова в тумбочку запихать? За фанерку? Ну что вы молчите? Глебов?!

— Был бы я командиром,— сказал дисвалный,— я бы знал что...

— Так подскажите мне!

— А вы будто сами не знаете? — усмехнулся, покрутил головой Глебов.

— Не знаю,— сердито сказал Игорь.

— Пойдите на почту и отправьте мыло крынкиной мамане. От имени взвода.

— Не надо! — вскрикнув, крикнул Крынкин.— Не надо это! Не надо!

— Нет, надо! — резко сказал Глебов.— Надо, чтобы ты, гад, на всю жизнь запомнил, как у товарищей воровать!

— Идите, Крынкин,— сказал младший лейтенант.— И помалкивайте там. Пока.

Шмыгая носом, Крынкин вышел.

— Не понимаю я вас, Глебов,— вздохнул Игорь.— С одной стороны, вроде бы... А вообще непедагогично. Непедагогично, и я вас не понимаю.

— Не голодали вы, товарищ младший лейтенант,— колюче глядя на Игоря, сказал Глебов.— Не голодали...

Когда Константин вошел в стационарный буфет, там было пусто. Только молодая голстая буфетчица разговаривала из-за стойки с Аней, которая завтракала за столиком возле окна.

— Замуж-то вышла, Анюта? — спрашивала буфетчица.

Аня взглянула на подходившего к ее столику Константина и сказала, слегка запнувшись:

— Вышла.

— Муж не пьет?

— Ему нельзя,— смутившись, улыбну-

лась Аня.— Он у меня летчик. Садитесь, Костя, завтракайте.

Константин сел за стол.

— Закомпостировали билет? — продолжая улыбаться, спросила Аня.

— Да. Поезд завтра вечером. В двадцать два. Так что все отлично устроилось.

Аня перестала улыбаться:

— Вы не забыли, какого числа погибли наши отцы? Шестого марта. Все только послезавтра съезжаться начнут.

— Что поделаешь,— сказал Константин.— В Москве ждут. Схожу на могилу, возложу букет — и в путь!

— Люся, поспяттай, пожалуйста. — Аня повернулась к буфетчице.

— Вместе считать? — спросила та, щелкая костяшками счетов.

— Я заплачу,— полез в карман Константин, но, встретив холодный взгляд Ани, отсеялся.

— Отдельно,— сказала Аня буфетчице и отвела глаза от глаз Константина.— А вы спросите автобус на Ильинку, товарищ капитан. От Ильинки они тогда прошли совсем немного, доберетесь пешком. Только напрасно вы не привезли с собой букет для возложения. Здесь цветов не достать: придется ограничиться еловой веткой.

Буфетчица получила деньги, отошла. Константин молча смотрел на Аню.

— Ну что сидите? — злась, спросила она.— Вы же спешили отдать сыновний долг и отбыть в столицу нашей родины.

— Вы местная? — спросил вдруг Константин.

— Нет.

— Родственники тут?

— Почти родственники,— нехотя ответила Аня и, помолчав, добавила: — Я здесь в пятнадцатый раз.

— В пятнадцатый? — удивился Константин и, только теперь начиная понимать, спросил: — И всегда в марте?

— Всегда в марте,— ответила Аня.— Однажды была летом. Отпуск здесь провела. Но это не в счет. Это — в шестнадцатый раз.

— Значит, вы ездите сюда половину вашей жизни?

— Отец и есть половина жизни,— сухо сказала Аня.— Половина жизни — отец. Другая половина — мама.

— Здесь живет кто-нибудь, кто был в том бою? — помолчав, спросил Константин.

— В бою погибли все,— ответила Аня.— Немцы добились даже раненых. Но одна девочка из Ильинки пряталась в кустах. То есть, это тогда она была девочкой. Теперь она Валентина Ивановна. Я у нее останавливаюсь.

Константин внимательно рассматривал нахмурившуюся женщину, а потом добродушно улыбнулся и сказал:

— Не сердитесь на меня, Аня. У каждого свое. Ничего не поделаешь, жизнь есть жизнь. Скажите, что я должен делать?

Аня тоже улыбнулась, на щеках ее образовались ямки:

— Вы должны помочь дотащить мой чемодан до Ильинки. А то он очень уж тяжелый...

Офицеры маршевого батальона были построены на заснеженном плацу. Поверяющий, кругленький усталый генерал, натянув папаху на отморозенные уши, кричал обиженным голосом:

— Немец не дурак, лейтенанты! Не дурак, понятно? На «ура» с ним не надейся! Я его еще с четырнадцатого постиг! Солдату на войне всех тяжелей, понятно? Он прямехонько на смерть побежит. Обманет — удача, не обманет — слава вечная. И коли он чего не умеет, то не он виноват, а командир, понятно? Солдат никогда не ленится — его командир ленив. Все с вас спрошу, лейтенанты, все с вас! Если солдату мы землю свою доверили, то вам солдат — самое дорогое, что у нас есть. Дороже не придумаешь. Кто командир взвода, где сегодня ефрейтор первой гранатой макет танка разнес?

— Младший лейтенант Суслин! — покраснев от удовольствия, гаркнул Игорь.—

Третий комсомольский взвод истребителей танков!

— Комсомольский? Отменно! — похвалил генерал.— Фамилия молодца?

— Ефрейтор Святкин, товарищ генерал,— выпучив глаза, кричал Суслин.— Взводный запевала!

— Два раза молодец,— сказал генерал.— Твой взвод выделен для прохождения?

— Так точно, товарищ генерал!

— Ну, лейтенант, командуй,— приказал генерал.— Да скажи Святкину, чтобы порадовал меня песней, как порадовал меткостью на учениях. Иди!..

Суслин бросился ко взводу, построенному на другом конце плаца.

— Суслик бежит, — сказал Святкин, увидев спешившего через плац младшего лейтенанта.

— Взвод, смирно! — подал команду Гарбузенко.

Подбежал Суслин. Тяжело дыша, взволнованно заговорил:

— Значит, как махну рукой — запевай! И — ножку, чтоб земля гудела! Товарищ ефрейтор Святкин, генерал лично!.. Лично, понятно?..

...Печатаю ногу, взвод шагал по утоптанному плацу. Суслин шел впереди, ступая легко и упруго, радостно ощущая единый ритм со своим взводом истребителей танков. Направляя взвод к наспех сколоченной трибуне, Суслин молодецки развернул плечи и махнул рукой.

Взвод стал особенно отчетливо впечатывать ножку, а ефрейтор Святкин, закинув голову, запел:

Аты-баты, шли солдаты,
Эх, шли солдаты на войну!..

Взвод весело подхватил припев:

Пам бы кралю, нам бы кралю,
Пам бы кралю хоть одну!

Взвод шагал мимо генеральской трибуны. Услышав ошарашивающе незнакомую мелодию и текст песни, Суслин невольно

оглянулся, сбив шаг и нелепо засеменял, пытаясь поймать ритм.

А взвод, топя сапогами, то молодецки выкрикивал: «Эх!», то скорбно выдыхал: «Ох!».

Эх, нам бы кралю, нам бы кралю!
Ох, нам бы кралю хоть одну!..

— Ну, оболтусы! Ну, разгильдяи! — свирепо сопел на трибуне генерал.— Взводного — ко мне!..— Он постоял, подумал, потом махнул рукой и ухмыльнулся в усы: — Впрочем, отставить! Песня как песня. Пускай поют!..

Аня и Константин тряслись в сельском «газике». Женщина сидела рядом с шофером, капитан боком примостился на заднем сиденье, где стоял Анин неподъемный чемодан.

— Значит, вам к памятнику надо? — спросил водитель.— Полчаса делов. Я мимо того памятника дважды в день езжу.

— Он сильно облез? — спросила Аня.

— Есть немного,— ответил шофер.— Краски хреновые, что ли. Или сырость особая от реки. Каждый год подправляют, а к весне — опять разводы. Надо бы пленкой прозрачной покрыть. Или лаком в три слоя.

— Надо,— согласилась Аня.

— Вот и написали бы куда,— сказал парень.— Мол, туристы случайно заинтересовались, то да се. А то наших не прошибешь: то денег у них нет, то еще чего. Только к юбилеям и спохватываются. Главное, мужики там лежат стоящие: восемнадцать «тигров» подбили!

— Так уж и восемнадцать? — усомнился Константин.

— Точно говорю,— обиделся шофер.— Я, правда, не местный, но мне ильинские рассказывали, как они тут, солдаты то есть, танки рвали. Главное, пушек-то у них не было, вот какое обстоятельство. Одни гранаты, значит. Вот они обвяжутся гранатами — и под «тигра». Восемнадцать

хлопцев — восемнадцать «тигров». Такая арифметика.

Кончилась белая от берез и снега роцица, дорога покатила вниз, а машина остановилась. Все трое выбрались из «газика» и увидели памятник.

— Вот она — братская, — сказал шофер.

Памятник стоял, насквозь продуваемый ветрами. Это был стандартный четырехгранный обелиск, облицованный плитами из белого мрамора, с площадкой для венков, огражденной металлической решеткой. В стороне от памятника тянулась к бетонному мосту наезженная дорога. А вокруг, куда доставал взгляд, белело покрытое снегом поле.

— Пойдемте к памятнику, — предложил шофер. — На нем фамилии. С трех сторон.

— Да, жизнь прожить — не поле перейти, — сказал Константин и, прикрывшись от ветра, закурил сигарету.

— Вы о чем? — спросила Аня.

— Подумал, что это поле перейти было труднее, чем иному прожить целую жизнь, — сказал Константин. — Вернее — не перейти, а не дать, чтобы перешли другие. Не отдать его, это поле. Наверно, куда труднее, куда страшнее...

— Пойдемте к ним, Костя, — сказала Аня.

— Сейчас. Докурю.

— Ничего. Они не обидятся.

Аня взяла Константина за руку и повела по протоптанной в снегу тропинке. Шофер шел сзади.

Они приблизились к памятнику. Стояли и смотрели на обелиск, на приваренные к подножью остатки оружия: погнутый ствол противотанкового ружья, разбитый автомат, обломок винтовки. И на каску. На ржавую каску с дыркой вместо звездочки.

— До сих пор находят, — сказал шофер сзади. — Как выпашут чего трактористы, так — сюда.

Аня и Константин прошли в ограду и остановились рядом с обелиском. Аня отпустила руку своего спутника и тихо сказала:

— Здравствуй, папка.

Шофер смотрел на нее, удивленно вытаращив глаза.

— Надо бы чемодан принести, — сказала Аня.

— Я принесу! — Шофер со всех ног бросился к машине.

Аня отступила в сторону и стала негромко читать фамилии, написанные с боковой стороны обелиска:

— Абрамов Георгий. Бейсымбаев Токкул. Глебов Иван. Кодеридзе Реваз. Крынкин Иван...

Звучал Анин голос, называвший фамилии восемнадцати солдат, лежавших в братской могиле, а Константин вдруг увидел...

...строй одинаково одетых девочек и мальчиков. Они чинно стояли в зале детского дома и замороженно смотрели на большой торт с кремовой надписью: «С днем рождений!» И пока за кадром был слышен голос Ани, одну за другой называвшей фамилии погибших солдат, детдомовские мальчики и девочки выходили из строя и, получив от директорши кусок торта, возвращались назад...

Потом голос Ани замер. Константин стоял и смотрел на гипсовый орден Отечественной войны на обелиске, а сам слышал другой женский голос, усталый голос директорши детского дома:

— Это орден Отечественной войны, Костя, которым посмертно награжден твой отец. Он хранился здесь, в детском доме. Теперь я передаю его тебе, чтобы он хранился у тебя как самая дорогая реликвия. Ты мечтаешь стать офицером. Солдатом, как твой отец. Будь же достоин отцовской памяти, Костя. Доброго тебе пути!..

— Еле доволок, — сказал шофер, затаскивая в ограду Анин чемодан. Аня открыла его. Чемодан был доверху набит банками с краской.

— Берите кисточку, Костя, — сказала Аня. — Тут часа на три работы. К вечеру будем в Ильинке.

— Я заеду,— сказал шофер.— Я бы помог, по мне надо на ферму. Через три часа заеду. В Ильинке есть у кого остановиться?

— Есть! — сказала Аня.

— Так ждите обязательно! Меня Сергеем зовут.

— Спасибо, Сережа,— сказала Аня.

Шофер пошел к машине, Аня и Константин стали вынимать из чемодана кисти и банки с краской...

Воинский эшелон стоял на маленькой прифронтовой станции. Командир роты, тыча пальцем в развернутую карту, объяснял Суслину:

— Мы сейчас здесь. На станции Подбедня. Найди Ильинку. От Подбедни — прямо. Куда ты полез на соседний участок? Маршрут — Ильинка, там заночуешь. Потру от Ильинки потопашешь на Румянцево. Доложишься старшему, укомплектуешься там оружием. Полностью по штатному расписанию, и — куда пошлют.

— А вы? — совсем не по-военному спросил Игорь.

— Бойшься без начальства остаться? — усмехнулся ротный. — А ты не бойся. Начальство всегда найдется.

— Кормить-то их чем? — растерянно вздыхал младший лейтенант. — И спать где?

— Довольствие у старшины получишь на двое суток. А насчет того где спать, сам что-нибудь сообрази. И побольше самостоятельности, взводный, побольше дела! А то песни дурацкие разучивать инициативы хватает, а солдат спать устроить, так без ротного — ни в зуб ногой.

— Я же ничего не знал, товарищ старший лейтенант, потому что...

— После завтрака выступишь,— перебил ротный. — И учти, фронт рядом. Идти боевым порядком, с дозорами и снаряженным оружием.

— Есть,— снова вздохнул Игорь, аккуратно складывая карту в планшет.

— Слушай, а может, забрать у тебя это... как его? Ну запевалу твоего? — предложил ротный.

— Ефрейтора Святкина? — обиделся Игорь. — Благодарю за заботу, товарищ старший лейтенант. — Я справлюсь и сам.

— Ну, крой,— сказал ротный, протягивая руку. — Надеюсь, в Румянцево увидимся. Если еще куда не зашлют...

Растянувшись длинной цепочкой, взвод шел по обочине раскисшей дороги. Фронт был рядом: ветер доносил раскаты артиллерийской канонады. По дороге, обгоняя взвод, ехали машины, груженные ящиками с боеприпасами. Устав от длинного перехода, солдаты тащились медленно.

— Долго еще топать? — догнал командира взвода сержант Мятников. — Животы подвело. Где эта чертова Ильинка?

— Минут сорок — сорок пять,— не очень уверенно сказал Игорь. — Придется потерпеть.

— Часок потерпеть можно,— согласился Мятников. — Только надо бы нам квартирьера выслать, товарищ младший лейтенант. Поди, не одни мы в этой Ильинке будем...

— Правильно,— обрадовался Игорь. — Вот вы и...

— Пусть лучше Святкин,— улыбнулся Мятников. — Уж он-то отыщет, будьте уверены. Да и причина у него...

— Какая причина? — насторожился Суслин.

— Потом узнаете. Так передать Святкину ваш приказ?

— Передайте...

Мятников побежал назад. Усталые солдаты, не соблюдая интервалов, медленно брели по обочине дороги в затылок друг другу.

Зацепившись за борт машины, обгоняющей взвод, ефрейтор Святкин перекинулся в кузов и укатил, помахав рукой солдатам...

Константин проснулся в узкой светелке. За дощатой стеной слышался шепот, звякашь посуды. Капитан шумно вздохнул, и в светелку заглянула Аня:

— Вы живы?

— У вас есть основания сомневаться? — привстал Константин.

— Во всяком случае, вчера были. — Она присела на край кровати, профессионально поймала пульс: — Пожалуйста, помолчите минутку. — Поскольку Константин собирался что-то сказать, Аня прикрыла ему рот ладонью и стала считать пульс. — На сердце никогда не жаловались?

— У меня нет сердца, — улыбаясь, ответил Константин. — У меня, как раньше пели, «вместо сердца дизельный мотор»...

— Пели: «пламенный», — поправила Аня. — Но это категория не медицинская. Мне кажется, вы невропат, что довольно странно при вашей профессии. Ни с того, ни с сего брякнулись в обморок. Испортели людям вечер.

— Извините, — тихо сказал Константин. — Со мной это впервые в жизни.

— Я-то привычная, — улыбнулась Аня.

— Ночь не спал, — пояснил Константин. — И день вышел такой нервный...

Аня подвинулась:

— Вставайте. Самовар стынет.

— Подождите, Аня. Как странно. Вы сидели здесь, рядом со мной, молодая красивая женщина, а я почему-то представил, что вы — моя мама. Она умерла, когда мне было три года. Я не помню ее. Много раз пытался представить... Нет, не лицо, не фигуру, а ее руки, взгляд, ее жест, походку. А самое главное — ее ласку. Материнскую ласку. Как она держит руку у меня на губах... И не мог. А сейчас представил. Совершенно отчетливо...

Аня молча смотрела на него, потом грустно улыбнулась и исчезла за занавеской, отделявшей светелку от общей комнаты.

Когда Константин вышел из светелки, за столом сидела только хозяйка дома Валентина Ивановна, улыбающаяся дородная женщина лет за сорок.

— Доброе утро, Валентина Ивановна, — сказал Константин. — А где Аня?

— На вокзал поехала. Гостей встречать, — ответила женщина. — Садись чай пить.

Валентина Ивановна налила чай из самовара, пододвинула сахар, масло, творог. Неожиданно спросила:

— Ты женат?

— Женат.

— Жену любишь?

— Люблю. — Константин недоуменно взглянул на нее.

— Будь мужиком, Константин, не крути Аньке голову, — сказала Валентина Ивановна. — Ей совсем не так весело живется, как тебе кажется.

— А что такое?

— Захочет — расскажет. А не расскажет, значит, и знать тебе не надо.

— Что со мной случилось вчера, Валентина Ивановна?

— Ешь творожок, Костя. Свой. Такого в Москве не попробуешь. Что случилось-то?... Держался ты, держался, а потом, видать, не выдержал. Тебе бы поплакать — легче бы стало, а ты... Погоня, что ли, не позволяют? Нервный ты какой-то, Константин. Служба такая?

— Служба как служба, — сказал Константин.

— Родные могилы слезы отворяют, — продолжала женщина. — Ты бы слез не стеснялся, капитан. Потому что это святые слезы. Прежде и богатыри святых слез не стеснялись. Я вот простая баба: четверо детей да два мужа — вот и весь мой капитал. Один муж сам помер, другого не стерпела. А почему не стерпела? Потому что слеза его только в пьяном виде и прошибала. А отец без слезы — не отец, а «унтерцер», как бабка моя говорила. Нам, бабам, ведь не мужья нужны. Нам отцы нужны. Отцы детям нашим. А где их взять?

— Убили отцов, — сказал Константин.

— Так ведь не всех убили, — возразила

женщина.— К тому же пора и новым вырасти, а?

— Валентина Ивановна,— преодолевая волнение, спросил Константин,— Аня говорила, что вы видели, как раненых добивали?

— Видела,— сказала она.— Я в кустах хорошилась. Шла в Некрасовку да на немецкий дозор натолкнулась. Вот и пришлось в кустах-то, как мышке.

— Моего тоже доби́ли? — тихо спросил Константин.

— Я не помню, как погиб твой отец, Костя,— так же тихо ответила Валентина Ивановна.— Ты уж извини, врать не хочу: не помню. Анькиного помню, как доби́ли. А твоего... Твоего не помню совсем. Ты уж прости меня...

Взвод разместился на ночлег в большом колхозном сарае с прошлогодним залежанным сеном. Солдаты устало валились на сено и молчаливо ожидали, пока Гарбузенко и Кодеридзе поделят продукты на суткодачи.

Святкин оживленно докладывал командиру взвода:

— В деревне раненых полно. Еле крышу раздобыл. Спасибо, местное население помогло. Вот Валентина Ивановна. Валюха.

Он показал на стоявшую рядом девочку лет четырнадцати, одетую в солдатский ватник и в огромные латанные валенки.

— Тут в каждой хате по палате,— продолжал Святкин.— Рапесы, сапитарки, врачи. Сборный пункт, что ли. Эвакуации ждут.

— Большие бои? — спросил Суслин.

— Немцев в колючку взяли,— пояснил Святкин.— Слышали дием дальнобойную? Их обрабатывали. Так что мы, считайте, в тылу.

— Я пойду,— сказала девочка, с любопытством рассматривая усталого младшего лейтенанта.— Завтра вставать рано. В Некрасовку побегу.

— Там же, говорили, немцы? — спросил Игорь.

— Нет,— девочка открыто, по-детски улыбалась в глаза Суслину.— Там бабушка наша. Немцы отступили, а она под ними была.

— Ну счастливо тебе, Валюха,— сказал Святкин.— Спасибо за помощь.

Девочка убежала. Святкин продолжал топтаться возле командира взвода. Подошли Гарбузенко, Мятников и Сайко.

— Тут вот какое дело,— степенно говорил Мятников.— Двадцать лет — это ведь не шутка, правда, товарищ младший лейтенант? Не баран чихнул, как говорится.

— Дата,— увесисто подтвердил Сайко.

— А будет ли у парня очко или сразу перебор — неизвестно,— заметил Гарбузенко.— Война, она и не такие банки срывала. Верно, хлопцы, говорю?

Суслин молчал. Сержанты переглянулись.

— Так как, товарищ младший лейтенант? — спросил Мятников.

— Что — как?

— Уважим?

— Ничего не понимаю, — сказал Игорь.— Что вы крутите, Мятников?

— Чего там не понимать? — удивился Гарбузенко.— Двадцать лет Витьке Свату стукнуло, вот и все понимание.

— Двадцать лет? — проницески переспросил Суслин.— Какое совпадение: не успели из роты уйти, и сразу...

— Чтобы мне провалиться! — вдруг зарорал Святкин.— Чтобы меня в первом бою разорвало, чтоб мне век свободы не видеть, чтоб... — И не найдя слов, он щелкнул ногтем большого пальца о зубы: — Вот!..

— Ну поздравляю,— сказал Суслин, озадаченный его горячностью.— И что дальше?

— А дальше война будет,— отрезал Святкин.— Дальше — пиф-паф. Может, завтра, может, через неделю. Так имею я право свой день рожденья отметить или нет у меня такого права? В селе есть ви-

но. Меняют на сахар. Вот я и прошу, в первый и последний раз прошу, лейтенант, позволь сегодня выпить. Просто так, по глоточку. Я беспризорник, это мой первый день рожденья. Первый, ребята, а может, и последний. Вот!

Святкин замолчал. Молчали и остальные. Ждали, что решит командир. Суслин тоже молчал, потому что не знал, как ему поступить.

— Позвольте, товарищ лейтенант,— негромко сказал Гарбузенко.— Все хлопцы просят.

— Фронтowych сто грамм нам еще не положено, товарищ Гарбузенко,— официально изрек Суслин.

— Так трепачей-то у нас нет,— улыбнулся Сайко.— Ни трепачей, ни стукачей.

Игорь насупленно молчал. Кодеридзе с грохотом швырнул котелок и подошел к Святкину.

— Друг,— звонко сказал он.— Мне нечего подарить тебе в этот твой большой праздник. Возьми мой сахар, возьми мой хлеб, возьми мою сеledку. Больше у меня ничего нет. Извини, дорогой.

— Спасибо, Абрек,— тихо сказал Святкин.— Ты мировой кореш, я всегда это знал.

— А что вы молчите, товарищ младший лейтенант? — громко спросил Хабанеев.— Неужели непонятно, что надо делать? Неужели вы не можете...

— Сахар принадлежит взводу,— деревянным голосом перебил Суслин.

— Ура! — завопил Хабанеев.— Поъем, ребята, без сахарку? За здоровье Виктора Святкина?

— Весь сахар — ефрейтору,— сказал Глебов.— И сегодняшний и завтрашний. Так, что ли, Крынкин?

— Так,— послушно сказал Крынкин.— Это правильно.

— Ну спасибо, лейтенант,— улыбнулся Сайко.— Я понимаю, трудно такие решения принимать без привычки... Погодите с шамовкой, ребята. Мы с Хабанерочкой сахарок мотанем...

...Женщины накрывали на стол в большой комнате. Привезенные Аней со станции сыновья и дочери бродили по хате, не зная, куда себя девать.

— Вы бы познакомились друг с другом,— посоветовала Аня, неся миску с квашеной капустой.

К Константину подошел начинающий полвель мужчина в очках, представился:

— Сайко, Юрий Иванович. Доктор наук. Профессор.

— А я Костя,— капитан усмехнулся и пожал руку профессору.— Костя-капитан. Смотрели такую постановку?

Доктор наук смутился и отошел. Подскочил невзрачный белобрысый малый без возраста:

— Лавкин. Леня Лавкин. Может, сообразим со встречей? С морозца, а?..

— В свое время, Леня,— крикнула от стола Аня.

Красивая женщина протянула Константину руку:

— Хабанеева, Юнесса. Солдатская дочь и мать троих детей.

— А это сестры Крынкины,— сказала Аня, указывая на двух похожих друг на друга, одинаково одетых женщин, одинаково же собиравших в платочки слезы.

— Глебов. Племянник,— представился коренастый мужчина в дорогом костюме и сапогах.

— Эх, скучно, братцы,— снова подал голос Лавкин.— Сообразить бы хоть на четверых. Я и сбегать могу.

— Не торопите события,— улыбнулся профессор.— Вам же сказали: все в свое время.

— Так время для нас или мы для времени? — справился Лавкин.

— Видите ли, для пловца, плывущего по течению, вода не меняется,— принялся солидно объяснять профессор.— А вот для тех, кто плывет против течения, она всегда новая. Если вы плывете вместе со временем, то становитесь рабом времени. Но если вы преодолеваете время, сражаетесь с ним, тогда каждый завоеванный час —

это ваш час. Тогда вы из пассивного раба времени превращаетесь в его активного повелителя.

— Видать, образование у вас большое,— с уважением констатировал Глебов-племянник.

— А нам мыло прислали,— сказала вдруг одна из сестер Крынкиных.— Мама наша померла, и аккурат посылка прибыла. С мылом. Мы хотели хоть обмылочек, а навсегда сохранить. Да затерялся где-то. Как в новую избу перебирались, так затерялось то же мыло.

— Вот какие люди были,— несмело добавила вторая.— Война ведь, и голод, и смертушка. А они за всех думали. За всех они болели. За все времена и за всех детишек, как вот правильно товарищ говорит...

В хате повисла пауза.

— Как относительно преодоления времени, товарищ профессор и доктор наук? — усмехнулся Константин.

— Да,— загоняя вздох, сказал профессор.— Велика ты, Россия, и не объять тебя самым современным умом. Нет ли у вас папиросы, товарищ капитан?

— У меня сигареты.

— Безразлично: я неделю назад курить бросил.

— Так, может, не давать?

— Все равно закурю,— мотнул головой профессор.— Не сейчас, так к вечеру. Когда, понимаете ли, сотрясение воздуха, а тут — посылка с мылом, так не то что закуришь, а и за рюмкой потянешься.

— Это точно! — засмеялся Лавкин.— Это ты правильно выразил, товарищ профессор.

Распахнулась дверь, и вошел высокий красивый грузин с двумя корзинами.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я не ошибся?

— Здравствуйте, Тенгиз, — сказала Аня.— Товарищи, знакомьтесь: это Тенгиз Кодеридзе.

Все окружили вновь приехавшего, протягивали ему руки, познакомились...

Самогонка была разлита по кружкам. Хлеб и селедка поделены. Именинник — Святкин — уселся на почетное место. Глебов разжигал костер у входа в сарай.

— Там девочки прогуливаются,— сообщил Сайко.— Может, пригласить их, товарищ лейтенант?

— Какие еще девочки? — нахмурился Суслин.

— Санитарочки.

— Ну, не знаю,— неуверенно произнес Игорь.— Ну попробуйте.

— Хабанерочка, изобрази,— сказал Сайко.

— Есть изобразить.— Хабанеев выскочил из сарая.

— Именинник просит к столу,— провозгласил Мятников.

Все расселись. Скрипнула дверь. В сарай вошли две девушки в военной форме. Следом за ними шел Хабанеев.

— Здравствуйте, — сказала первая. — С именинником вас.

Взвод радостно зашумел:

— Здравствуйте, девочки! Проходите, проходите! К нам, девушки. Нет, к имениннику!..

Девушки шагнули в освещенный костром круг. И младший лейтенант Суслин вдруг вскочил, опрокинув кружку. Он узнавал и не узнавал. И боялся верить. И смотрел во все глаза.

В отблесках пламени костра стояла Кима Виленстович...

Стол в большой комнате был накрыт. Аня, сидевшая рядом с Константином, встала и, подождав, пока стихнут гости, заговорила, волнуясь:

— Товарищи! Дорогие мои друзья. Сыны, дочери, родные наших дорогих... Ровно тридцать лет назад — ровно, день в день — здесь, в Ильинке, праздновали двадцатилетие одного человека. Сегодня ему было бы пятьдесят. Полвека. Но он не дожил. Он погиб как герой. Погиб на следующий день...

У Ани перехватило дыхание. Все поднялись. Справившись со слезами, Аня продолжала:

— Но мы не будем сегодня горевать. Мы радоваться будем, что такой человек жил и прекрасно отдал свою жизнь. Мы будем пить за это. И за его сына, который сейчас здесь, вместе с нами. За капитана Константина Викторовича Святкина...

Константин дрогнувшей рукой поставил рюмку на стол, обвел всех повлажневшими глазами и, резко повернувшись, вышел из комнаты.

Он стоял, прислонившись спиной к бревенчатой стене дома. На крыльцо вышла Аня:

— Вам нехорошо, Костя?

— Мне хорошо, Аня. Так хорошо мне не было никогда в жизни.— Он помолчал.— У нас в детдоме день рождения праздновался один раз в году. Для всего детского дома. Коллективно. Я говорил вам, что плохо помню маму. Отца же я не знал совсем... И вот сегодня вы вернули мне его. Кожкетного. Реального отца. Со своей жизнью. Со своим днем рожденья. И со своей смертью... Спасибо, Аня...

Они стояли на крыльце и смотрели в глаза друг другу. Просто смотрели друг другу в глаза. И пока длилась эта безмолвная пауза, мы услышали другие голоса...

— Я искал тебя, Кимка.

— Не надо выдумывать, Игорь.

— Я хотел написать тебе, но не знал куда. Как ты оказалась на фронте?

— Так же, как ты.

— Но я мужчина.

— А я женщина. Кому-то надо вас перевязывать и стирать ваши гимнастерки.

— Кимка, если бы ты знала, как я счастлив, что встретил тебя!

— Не надо, Игорь. Счастлив будет тот, кто переживет эту войну...

Кима Виленгович и Игорь Суслин шли по улице деревни Ильинки. Артил-

лерия смолкла, было тихо, только поскрипывал снег под сапогами.

— Кимка!

— Что?

— Ничего. Просто мне приятно повторять твоё имя.

— Не надо выдумывать, Игорь.

— Я не выдумываю, Кимка.

Кима остановилась. Посмотрела на Суслина, точно прикидывая, говорить или не говорить:

— Месяц назад погиб Боря Яценко.

— Борька?!

— Сгорел в танке. Мне написала Катя.

— Борька сгорел... Первый из нашего класса.

— Третий, Игорек,— мягко сказала Кима.— Гриша Рубин и Володя Самохвалов тоже погибли. Третий — Боря. Кто следующий?

— Я не знал, что они погибли, Кимка. Я потерял еще в училище всех ребят, ни с кем не переписывался.

— Скоро останемся мы одни,— вздохнула Кима.— Одни девчонки. Мальчики, мальчики, что вы делаете с нами?

— Всех не убьют.

— Да, всех не убьют,— она помолчала.— Ты правда, рад, что встретил меня?

— И ты еще спрашиваешь! Знаешь, сколько раз я признавался себе, что...

— Не надо,— Кима закрыла ему рот рукой.— Ничего не надо говорить. Говорить будем после войны, а сейчас...— Она зябко повела плечами.— Холодно. Зайдем ко мне, если хочешь.

Они стояли возле здания бывшей школы. Сквозь щели маскировки из окон пробивались узкие полоски света.

— Здесь наш госпиталь,— сказала Кима.— Надо девочкам сказать, что я пришла.

— Я подожду.

— Нет, пойдем вместе. Только тихонько: раненые спят.

Они вошли в тускло освещенный школьный коридор, забитый ранеными.

Кима ушла, а Игорь остался ждать возле дверей.

— Суслин?! — удивленно спросил кто-то совсем рядом. — Это ты, Игорь? — Суслин недоуменно оглядывался. — Да здесь я, балда! Шагни влево и нагнись.

Игорь сделал шаг влево и присел:

— Кто здесь? Пригуда? Сеня Пригуда?!

— Здорово! — С соломы поднялась массивная фигура с перебинтованной головой. — Вот так встреча! Откуда и куда?

— На фронт. С маршевой ротой. Ты ранен?

— Пустяки: голову царапнуло, — не без гордости сказал Пригуда. — Можешь поздравить, я уже лейтенант. К ордену представлен. А медаль уже отхватил! — Он откинул шинель, тускло сверкнув медалью «За отвагу». — А ты, значит, в тылах ошибался?

— Ну, знаешь, в армии не выбирают.

— Игорь! — окликнула Кима из глубины коридора.

— Меня зовут, — сказал Суслин. — Ну поправляйся, Пригуда. Может, еще увидимся...

Пригуда недобро засмеялся и стал говорить громко, в голос, чтобы слышали окружающие:

— Санитарочку подцепил? Ай да тыловики: орденов нет, так девки наши! Ну правильно, Суслин, не теряйся! Особо, пока мы раненые...

Его громкий смех звучал вслед шедшему по лестнице Суслину.

— Что это он, Игорек? — спросила Кима, показывая дорогу.

— Товарищ по училищу, — вздохнул Игорь. — Уже лейтенант с медалью. А я тыловая крыса, ловкач...

— Вот дурачок-то, господи, — сказала Кима, поднимая люк. — Сюда полезай, на чердак.

На чердаке было темно, и Игорь остановился возле люка, не зная, куда идти.

— Ну где ты там? — шепотом спросила Кима. — Закрой люк и иди сюда.

Игорь закрыл люк и пополз куда-то в

полной темноте, пока не треснулся лбом о балку.

— Это ты ударился? — спросила Кима с другого конца чердака.

— Я.

— Где же ты?

— Не знаю.

— А что там делаешь?

— Чешу голову.

— Фонарь у тебя есть?

— Теперь есть. На лбу.

Кима рассмеялась.

— Похоже, мы обречены ползать по чердаку, пока не рассветет, — тихо смеясь, сказал Игорь.

— Я не ползаю, — отозвалась Кима. Я сижу на своей постели.

— А где это?

— Тут.

— А где это — тут?

И они снова рассмеялись.

— Если я расскажу девочкам, они ни за что не поверят, — сквозь смех сказала Кима. — Они скажут, что я вычитала это у Марка Твена.

— У Твена, по-моему, этого нет.

— А «Простаки за границей»?

— Не читал, — признался Игорь. — Я опять поползу, ладно? Два фонаря — пара. А ты смейся, Кимка. Смейся. Я буду ползти на твой смех как на маяк.

Кима тихо смеялась. Игорь преодолел наконец темное пространство, и их руки встретились. Настала молчаливая пауза, потом Кима спросила:

— Ты с кем это на выпускном вечере целовался?

— Я?! — с возмущением воскликнул Игорь. — Я никогда ни с кем не целовался.

— А Катька написала, что ты с ней в раздевалке целовался.

— Как ей не стыдно! — выпалил Игорь. — Если хочешь знать, единственный человек, которого я хотел поцеловать... — Он замолчал.

— Я знала, что Катька врушка, — после паузы сказала Кима. — Почему же ты не

целовал меня, когда мы в походе ушли за хворостом? Я ведь ждала!

— Я так мечтал, Кимка, но... Мне казалось, что ты сердиться на меня.

— Сержусь? За что же, господи? — Она вздохнула. — Ничего-то вы, мальчишки, не понимаете! Разве я могла на тебя сердиться? Любая девчонка поняла бы, что не могла. Даже страшная дура поняла бы, а ты...

— Ты сердилась на меня, — упрямо повторил Игорь. — Мне очень стыдно, Кима, честное слово, стыдно. И всегда было стыдно. Мне и сейчас стыдно, но тогда я поспорил с Борькой Яценко...

— Он погиб, — вздохнула Кима.

— Ты говорила. Я всегда думал, что ты была в него влюблена.

— Вот глупости-то! Какие же вы, мальчишки, дураки! Говори, о чем вы поспорили?

— Ну мы поспорили... Что я... дотронушь до тебя, — с усилием рассказывал Игорь. — Ты стояла у доски, а я положил тебе руку на плечо. Вот... А потом взял и провел рукой... Ну там, где нельзя проводить...

— А где нельзя?

— Ну там... Ну сама знаешь...

— Знаю, — Кима тихоенько засмеялась. В темноте было слышно какое-то шелестящее и шуршание, что-то негромко щелкнуло. — Да, да, это ужасно! Ты нарушил табу...

— Вот, — тяжело вздохнул Игорь. — А ты на меня тогда посмотрела, будто я тебя ударил. И мне стало стыдно. И стыдно до сих пор.

— Иди сюда, — сказала Кима. — Ближе. Еще. Еще. Тут места хватит. Дай руку. Значит, тут нельзя? — вдруг почти беззвучно шепнула она. — Тут, да? Тут?..

Она была совсем близко. В полутьме Игорь увидел и ощутил ладонью упругую девичью грудь:

— Кимка!

— Молчи, — бессвязно говорила девушка. — Можно, понимаешь... Можно, потому что вас убивают... а мы остаемся... Можно, потому что я люблю тебя... Можно, дурак

ты несчастный, и я, дура несчастная, и пусть хоть наши дети будут счастливее нас...

— Кимка, Кимка, Кимка! — шептал Игорь.

Одна из корзин Тенгиза была полна гвоздик. Кодеридзе охапками доставал цветы из корзины, а Юнесса, Валентина Ивановна и сестры Крынкины складывали их в букеты.

— Подумать, гвоздики в марте месяце, — сказал профессор. — На такую корзиночку можно, я полагаю, «Волгу» купить?

— Можно, — спокойно согласился Тенгиз. — Можно купить «Волгу». А можно положить на могилу отца.

— Вопросы будут, профессор? — ехидно спросил Лавкин.

— Извините меня, Тенгиз, — виновато произнес Сайко. — Я имею глупую привычку неудачно остричь.

— Я тоже люблю шутки, — сказал Тенгиз. — Только сегодня не место для шуток. Так мне кажется. Извините.

Аня и Константин сидели в узкой светелке и молчали, то ли прислушиваясь к разговорам в соседней комнате, то ли думая о своем. Наконец Аня спросила:

— Сколько же ему лет?

— Кому? — не понял Константин.

— Илье Ивановичу, — пояснила Аня. — Отцу вашей жены. Вы что, забыли? Вы же только что рассказывали о нем...

— А-а... — протянул Константин. — Позвольте, сколько же ему?.. Да, пожалуй, лет шестьдесят пять. Признаться, я точно не знаю...

— Значит, вы его день рожденья не отмечали? — спросила Аня. — Ни разу не отмечали?

— Да как-то не получалось, — виновато произнес Константин. — Знаете, как в части: то учения, то стрельба, то еще что-нибудь...

В соседней комнате разговаривали:

— А что у вас в другой корзине, Тенгиз? — спросил голос профессора.

— «Цоликаури», профессор, — ответил Тенгиз. — Ровно восемнадцать бутылок «цоликаури». Мы будем пить его вечером, говорить хорошие тосты и вспоминать наших отцов.

Ночью Валентину Ивановну разбудили чьи-то приглушенные рыдания. Присев на кровати, женщина вслушалась и поняла, что это плачет Аня, спавшая рядом с ней в той же светелке.

— Ты что, Анюта? — спросила Валентина Ивановна и с силой повернула к себе плачущую Аню. — Что с тобой?

Аня не ответила. Припав лицом к груди Валентины Ивановны, она рыдала безудержно, дрожа всем телом.

— Ну, ну, Анюта, ну, успокойся! — Валентина Ивановна гладила ее по голове, целовала мокрые от слез щеки. — Ну что ты?! Влюбилась, что ли?.. Влюбилась, да?.. — Всклипывая, Аня покивала. — Так сказать ему надо, дурочка!..

— Что вы, что вы, Валентина Ивановна!.. — Аня испуганно замотала головой. — Я ему уже сказала, что замужем. В первый же день сказала...

— Господи! — всплеснула руками Валентина Ивановна. — Это еще зачем? Почему?!..

— Потому что я в таком уже возрасте, — постепенно успокаиваясь, ответила Аня, — когда узнают, что незамужем, начинают жалеть. А это противно...

— Ну хочешь, я с ним поговорю, — предложила Валентина Ивановна. — Объясню все как есть, а, Анюта?..

— Ни в коем случае!.. — Аня замахала руками. — Простите, Валентина Ивановна, что так вышло. Я просто, как подумала, что, видно, это уж последний раз в жизни, так стало себя жалко... Извините, что разбудила... Давайте спать. Завтра день трудный...

Утром приехавшие собрались возле дома Валентины Ивановны. У женщин в руках алели букеты гвоздик.

К дому подкатила «Волга» со столичным номером. За рулем машины сидел мужчина с актерским лицом, в шубе с бобровым воротником.

— Как проехать к памятнику? — опустив стекло, спросил приехавший.

— Вы, вероятно, Мятников? — в свою очередь спросила Аня.

— Можно проехать к памятнику на машине? — ни к кому не обращаясь, снова спросил мужчина. — Дорога хорошая?

— Прекрасная, — сказал профессор.

— Скатертью дорога, — буркнул Лавкин.

Машина, рывком взяв с места, укатила.

— Мятников? — глядя вслед, произнесла Юнесса. — Тот самый? Знаменитый певец? Народный артист?!

— Интересно знать, зачем этот народный прехал? — неодобрительно спросила Аня. — Пошли, товарищи!

Процессия двинулась в путь. Миновали околицу, вышли на дорогу. Шедшая впереди Аня внезапно свернула в сторону, пошла по целине к краю поля и остановилась. Остальные последовали за ней.

— Здесь погиб связной, которого младший лейтенант Суслин послал за помощью, — сказала Аня, и мужчины сняли шапки. — Связным был Реваз Кодеридзе...

Тенгиз подошел к Ане, вынул из букета несколько гвоздик, сделал еще шаг по снегу и, опустившись на колени, положил цветы.

На белоснежном покрове алели гвоздики. А мы услышали встревоженный девичий голос:

— Буди своего лейтенанта, Кимка! Тяжелого полковника привезли. В операции он. Срочно требует кого-нибудь из офицеров! Буди же лейтенанта, Кимка!..

В операционной лежал умирающий полковник. Худое, матово-бледное лицо его было неподвижным как у мертвеца.

— Товарищ полковник,— склонившись над ним, доложил Игорь,— по вашему приказанию младший лейтенант Суслин.

— Оставьте нас с офицером,— с усилием проговорил полковник.— Скорей. У меня мало сил...

Двое пожилых врачей в белых халатах — мужчина и женщина — вышли, притворив за собой дверь.

— Немцы прорвались из окружения,— медленно, с трудом проговорил полковник.— Механизированная группа. С танками и бронетранспортерами...

— Понял, товарищ полковник.

— Обожди. Не перебивай. Идут на Ильинку. Здесь полно раненых. Я доложил о прорыве. Помощь будет. Но ты должен задержать немцев. Сколько у тебя бойцов?

— Взвод истребителей танков. Комсомольский.

— В Ильинку ведут две дороги. Постарайся перекрыть обе. Продержись. Продержись, лейтенант!

— Продержусь. Разрешите выполнять?

— Никому ни слова. Помочь тебе не смогут. Только возникнет паника. А помощь придет. Слово даю: придет...

— Понял.

— Продержись, сынок. Здесь раненые, женщины. Немцы всех передают. Всех! Помните об этом, сынки. И все — бегом, бегом. Встреть немцев как можно дальше от деревни. Седлай дороги. По целине они не пройдут. Снегу много. Ну ступай. Ступай, сынок...

В коридоре толпились врачи и сестры. Игорь прошел к Кима.

— Ну пока,— сказал он.— Тороплюсь.

— Что сказал полковник? — спросила Кима.

— Чтобы я тебя поцеловал,— выпалил Суслин.— Скоро увидимся. Жди!

Смутившись, Кима подставила щеку. Он прикоснулся к ней губами. Вышел на крыльцо. Кима догнала его здесь, обняла, прошептала:

— Только уцелей, Игоречек! Только

уцелей!.. Прощу тебя, родной мой, уцелей! Пожалуйста!..

Игорь вырвался из ее рук и побежал, придерживая планшетку и кобуру с пистолетом. Кима стояла на крыльце госпиталя, смотрела вслед Суслину, и губы ее что-то беззвучно шептали.

Кима все еще стояла на крыльце госпиталя, а Анин голос произнес:

— Вот мы и пришли. Это поле их боя.

Чистое снежное поле полого сбегало вниз к замерзшей реке, к новому бетонному мосту, к памятнику, который теперь был отчетливо виден с бугра, где стояла возглавляемая Аней процессия. Все молчали.

— В ружье! — раздался громкий голос младшего лейтенанта Суслина...

— В ружье! — кричал Суслин, с грохотом распахнув дверь в сарай.

Разобрав оружие, солдаты выбегали на улицу. Пока взвод строился на дороге, Игорь отозвал в сторону Гарбузенко. Развернув карту, поставил боевую задачу:

— Танки и бронетранспортеры немцев прорвались из окружения. Наша задача — держать дорогу. Часа три-четыре. Так приказал полковник.

— С марша бой не выдержим,— вздохнул помкомзавода.— Надо бы заранее позицию подыскать, укрепиться.

— Станьте на этой высоте,— Суслин ткнул пальцем в карту.— Тут болота кругом, не обойдут. А я их в низинке возле речки задержу. Может быть, мост удастся взорвать.

— Лады,— опять грустно вздохнул Гарбузенко.— Ну прощай, лейтенант.

— Вы что? — нахмурился Игорь.

— На всякий случай.

— Вы эту мистику оставьте,— сердяно сказал Суслин.— И чтоб без паники! Кто первым встретит противника, выпшет связного. Пока не придет связной, позиций не оставлять.

Младший лейтенант замолчал, потому что к сараю подошла девочка.

— Стой, куда идете? — остановил ее Игорь. — Зачем?

— Мне в Некрасовку надо, — объяснила она. — К бабушке.

— По дороге движение запрещено, — строго сказал Суслин.

— Так это же Валюха, — крикнул из строя Святкин. — Свой человек это!

— Я лесом пойду, — сказала Валя. — Тут за полем лесок. Мы всегда там ходим.

— Ну давайте, — сдался Суслин. — Только быстро.

Когда девочка пробегала мимо строя, Святкин окликнул ее.

— Погоди, Валюха. Письмо жене отправить не успел. — Он сунул ей в руки сложенное треугольником письмо. — Будь другом, Валюха, отошли.

Девочка кивнула, спрятала письмо под ватник и убежала. Суслин пошел к взводу:

— Третье и четвертое отделения, два шага вперед, марш!

Солдаты перестроились. Теперь взвод, поделенный на две части, стоял на дороге.

— Старший сержант Гарбузенко, командуйте, — приказал Суслин. — Сержант Мятников и рядовой Крынкин — головной дозор. Маршрут следования: Ильинка — мост через реку Хрипань. Первое и второе отделения, за мной бегом — марш!

Полувзвод бежал по дороге, позвякивая оружием.

— Не иначе, наш Суслик опять маршбросок затеял, — на бегу говорил Святкин. — Ночь прокантовался, юбку какой-то девочке завернул и решил смыться, пока мама ее не проснулась.

— Черт его знает, — с сомнением отозвался бежавший рядом Сайко. — Может, и правда фрицы прорвались? Чего на войне не бывает.

— Чтобы наши фрицев из колечка выпустили? — крикнул Святкин. — Да не в хвост, Ваня, не те времена!

Полувзвод вбежал на пригорок и остановился. Заснеженное поле спускалось к

реке, обозначенной деревянным мостом. За рекой на дороге виднелись дозорные: Мятников и Крынкин уже подходили к лесу.

— Занять оборону у моста, — задыхаясь от бега, прокричал Суслин. — Бронебойщикам — у дороги! Пулеметчикам — на флангах! Первое отделение — слева, второе — справа от дороги. Быстро!

Отделения рассыпались, занимая оборону...

В стороне от памятника стояли два автобуса. Людей не было видно, но когда родственники погибших приблизились, из автобусов появились школьники и оркестр.

Пришедшие молча высыпали к подножью обелиска цветы. Много цветов, целую грудку гвоздик, алых, как кровь на снегу...

Взвод окапывался. Мелькали лопаты, летели в воздух комья снега, мерзлой земли.

— Успеть бы поглубже зарыться, — вздыхал Суслин. — Здесь они нас обойти не смогут, правда?

— Не должны, — согласился Сайко. — Лед подтаял, не выдержит. Хорошо бы мостик рвануть.

— А чем? — спросил Игорь. — Надо бы в Ильинке тол спросить, а я не подумал. Может, гранатами?

— Гранатами не возьмешь. — Сайко еще раз оглянул мост, прикинул. — Я, пожалуй, мостик Витьке Свату поручу. Не возражаешь, лейтенант?

— Ну поручите.

— Святкин! — крикнул Сайко. — К командиру!

Подбежал разгоряченный работой Святкин без шинели:

— Скажите честно: играем или в правду фрицев ждем?

— Играем, — вздохнул взводный. — Атыбаты, шли солдаты.

— Витя, мостик тебе поручается, — сказал Сайко. — Взорвать не удастся. Постарайся пробочку организовать.

— Это мысль, Ваня.

— На мотоциклистов сил не трать: мы их на пулеметик напомним,— продолжал Сайко.— Сиди себе тихонько и жди. Либо танк, либо транспортер.

— Сообразил, кореш,— кивнул Святкин.— Пойду местечко подберу.

— Обожди.— Сайко повернулся к Игорю: — Я правильно ваш приказ передал, товарищ младший лейтенант?

— Приказ? — Игорь помолчал, соображая.— Да, спасибо. Только оденьтесь, Святкин. А то простудитесь.

— Это точно,— усмехнулся ефрейтор.— Как бы насморк не схватить.

И побежал к мосту.

— Спасибо,— Игорь смущенно посмотрел на Сайко.— Это, знаете, как-то по-настоящему. По дружбе.

— Дело не в дружбе, лейтенант. Дело в службе,— веско поправил Сайко.— Давайте отделения проверим: как они там устроились, куда стрелять думают.

— Ну да, уточним ориентиры и сектора обстрела,— сказал Суслин.

Они двинулись вдоль цепочек окопавшихся солдат, но тут из-за леса донеслись пулеметные очереди. Гулко громыхнул взрыв.

— Вот вам, здрасьте,— сказал Сайко.— Похоже, идут, лейтенант.

— По местам! — протяжно крикнул Суслин.— Всем укрыться! Без команды не стрелять!

Игорь побежал, проваливаясь в подтаявший снег. Не успел он добраться до своего места, как на противоположной стороне реки появился Мятников. Грохоча сапогами, он промчался по мосту и, задыхаясь, упал рядом с командиром взвода:

— Моторазведка. Ванька, дурень, сунулся и сразу — поперек груди. Я гранатой рванул — разведгруппа назад поскакала.

— А Крынкин? — тихо спросил Игорь.

— Наповал: четыре дырки в груди.— Мятников горстями хватал снег с бруствера, запихивал в рот, никак не мог отды-

шаться.— А они вот-вот пожалуют: моторы слышать было. Тут низинка да и лесок прикрывает, а там, на горе, грохочут, что твоя дивизия...

На этих словах Мятникова зазвучал далекий духовой оркестр.

Колхозный оркестр играл знаменитую александровскую песню «Вставай, страна огромная!..» Все стояли возле памятника, взявшись за руки, и слушали...

Уплывали звуки духового оркестра. К Суслину побежал Кодеридзе:

— Вызывали, товарищ младший лейтенант?

— Вот верхняя дорога,— показал на карте Игорь.— Здесь на высотке — Гарбузенко. Бегом к нему, Кодеридзе. Скажете, что немцы идут на нас: пусть немедленно продвигается сюда! Маршрут запомнили?

— Запомнил. Разрешите бежать?

— Давай, Абрек, бегом! И пусть они не задерживаются там. Пусть тоже бегом! Тоже!..

Кодеридзе убежал. Солдаты смотрели туда, где дорога ныряла в лес. Там было пусто и тихо. И вдруг рывкнул выстрел. Танковый снаряд прочертил небо и разорвался где-то за их спинами, возле кустов.

— Бегом, Кодеридзе, бегом,— не сводя взгляда с дороги, машинально повторял Суслин.

Но Кодеридзе уже не бежал никуда. Не успев добраться до кустов, он лежал, раскинув руки, смятый страшным ударом разорвавшегося поблизости танкового снаряда...

Колхозный оркестр взял последние такты. Звякнули тарелки, ухнули литавры, и мелодия «Священной войны» смолкла. Тенгиз шагнул к памятнику и, вынув из кармана орден Отечественной войны, положил его в цветы.

Остальные, вслед за Тенгизом, один за другим, доставали из карманов и сумочек новенькие ордена Отечественной войны и бережно опускали их в цветы, к подножью обелиска. Одна только Аня не двинулась с места.

Стояла тишина. И вдруг в этой звонкой тишине возникли грохот и лязганье приближавшегося танка. Грохот нарастал...

Низкий приземистый танк, покачиваясь на ухабах, с растущим гулом катился по дороге.

— «Тигр»,— испуганно прошептал Суслин.— Бронебойки не возьмут! Что делать?..

Солдаты лежали, ждали команды и смотрели, как неудержимо катятся на них десятки тонн металла.

«Тигр» на мгновение притормозил перед мостом, точно присматривался, а потом двинулся вперед. Бревчатый настил содрогнулся под его тяжестью, но выдержал. Когда же танк дополз до середины моста, из окопчика привстал Святкин. Широко размахнувшись, он метнул противотанковую гранату и упал вниз, под прикрытие мостовых устоев. Рванул взрыв. В воздух полетели доски, обломки бревен. «Тигр» с хода развернуло на порванной гусенице и он стал боком, загородив пролет моста.

— Ура! — восторженно заорал взвод.— Ура Святкину!

Танковая башня поползла вправо, пулеметная очередь распоролa снег.

— Бей по щелям! — крикнул Сайко.— Бей по триплексам! Не давай ему глядеть!

Взвод открыл беспорядочную стрельбу. Пули с визгом рикошетировали от брони, а танк, медленно поводя башней, прошивал снег длинными очередями.

Из леса ударили пулеметы. Первые мины с выматывающим визгом взлетели в воздух. Они звонко рвались на поле, пятная снег черными розетками разрывов.

— Сейчас пойдут! — крикнул Сайко.— «Тигру» гляделки заткните, ребята!

Из-под моста, с кормы танка, снова показался Святкин.

— Убьют! — закричал Суслин, как будто ефрейтор мог его услышать.— Убьют, Святкин, назад!

Присмотревшись, Святкин швырнул гранату и полетел вниз, под мост. Грохнул взрыв, башня замерла. Пулемет еще бил, но теперь в одну точку: осколки гранаты заклинили погон.

— Хабанера, тащи патроны! — Сайко, схватив противотанковое ружье, вскочил на ноги.

— Куда? — не понял Хабанеев.

— Не дрейфь, Хабанерочка! Раньше смерти не умрешь! А сдрейфишь — застрелю!

Пригибаясь, Сайко перебежал мост. Хабанеев следовал за ним, таща цинки с патронами. Забрались под танк. Сайко выставил ружье между катков:

— Видал, брат, какая позиция мировая! Экстра-люкс! Автомат взял?

— Ну взял, ну?

— Левее тебя, в днище,— люк. Поглядывай, чтобы танкисты не открыли. А то шарахнут нам по задницам...

От взрывов и от рева моторов дрожала земля. Из лесу показались танки. Они катились по дороге и под их прикрытием шли транспортеры и мотоциклы. Ливень огня обрушился на взвод. Закричали первые раненые. Растерявшийся Лавкин вскочил и тут же упал.

Святкин скатился в окопчик командира взвода:

— Калуга мой накрылся! Ко мне, видать, хотел Лавкин, а тут...

— «Пантеры»! — отчаянно крикнул Суслин.— Не видишь, что ли?!

— Танки жечь мы сами будем,— спокойно сказал Святкин.— Твое дело за флангами следить. Видишь, автоматчики по целине обходят? Держи фланги, а я за ружьем смотаюсь: «петээр» у Калуги осталось...

Резко били противотанковые ружья. Один из немецких бронетранспортеров за-

горелся: автоматчики попрыгали в снег, а шедший следом танк столкнул горячий бронетранспортер с дороги. Гулко взорвались баки.

— Ай да мы, Хабанерочка, ай да мы с тобой! — Сайко подмигнул напряженно серьезному Хабанееву. — Недолго музыка играла, недолго ффраер танцевал!

— Танки! — хрипло крикнул Хабанеев. — Танки...

— Они эту «тигру» в речку хотят столкнуть: им мост нужен. Слушай, Хабанера, у тебя патефон был когда-нибудь?

— Какой патефон? — не понял Хабанеев.

— У меня тоже не было. Жалко, правда? Держи ружье.

— Ты куда?..

— Я с той стервой-«пантерой» поговорю, а то ведь раздавят нас с тобой под танком и фамилий не спросят...

Сайко сунул за пазуху гранаты, выбрался из-под днища и пополз по кювету навстречу немцам.

Ловя на мушку бронетранспортер и нажимая на спусковой крючок, Хабанеев искоса поглядывал на ползущего вперед товарища.

Сайко подбирался к «пантере»; встав, швырнул гранату, но не упал, а почему-то согнулся и, прижав руки к животу, пошел навстречу танку. На дороге грохнул взрыв. Сайко швырнуло в сторону; «пантера», заюзив на снегу и развернувшись, расстелила по дороге разорванную гусеницу.

— Ваня!.. — закричал Хабанеев. — Ва..а.. ня!..

Плакал у памятника профессор Сайко. Стекла очков его запотели, и профессор едва различал сквозь них расплывшиеся очертания обелиска и лица окружающих его людей.

Повторялся и повторялся душераздирающий крик Хабанеева:

— Ваня!.. Ай, Ваня!.. Ваня!..

Хабанеев стрелял, крича и трясясь. Слезы мешали ему целиться. Всклипывая, он размазывал их по щекам; сбитыми в кровь пальцами заталкивал очередной патрон в патронник и снова ловил цель. Хабанеев стрелял так ожесточенно, что не слышал, как открылся люк в днище танка, не видел выглянувшей оттуда головы в черном шлеме и руки с парабеллумом. Он даже не услышал трех выстрелов, которыми его расстреляли в спину, в упор...

Прижавшись к Ане, плакала Юнесса Хабанеева. Аня гладила ее по растрепавшимся на ветру волосам и тоже плакала...

Немецкие автоматчики, не сумевшие переправиться через подтаявший лед, откатывались к лесу. Бой затихал.

— И чего они, дурни, в лоб перли? — Мятников устало упал в снег рядом с командиром взвода. — Либо на силу наделись, либо совсем офонарели...

— Первую-то отбили!.. — возбужденно кричал Суслин. — Отбили ведь, Иван Иванович, а?!

— погоди радоваться, лейтенант, — рассудительно сказал Мятников. — Сейчас он минометом ударит...

И тотчас же начался интенсивный обстрел. Немцы били прицельно, перепахивая минометными шквалами почерневший от гари снег.

— Я к мосту, ребят прикрыть!

Мятников вскочил, но совсем рядом с окопчиком ударила мина, рой осколков впились в спину сержанта и он, выпустив пулемет, рухнул лицом в снег...

Распахнув пальто, сняв шапку, сорвав махеровый шарф, пел народный артист Мятников. И сильный, всемирно известный баритон его разносился далеко вокруг. Никогда в жизни Мятников не пел так, как сейчас. Ни на концертах, ни на смотрах, ни

на конкурсах. Ни на родине, ни за границей не пел он так, потому что сейчас он пел для своего отца...

И эта песня, посвященная памяти павших, песня о гремящем до наших дней эхе великой войны звучала на протяжении всего последующего эпизода...

Обстрел прекратился внезапно. И почти тотчас в окопчик командира взвода свалился ефрейтор Святкин.

— Сейчас в последнюю пойдут,— сказал он.— И жить нам, сколько продержимся. Готовь гранаты, лейтенант. Вот он, наш с тобой последний, решающий. Эх, и красиво же мы о нем пели!..

— Где же Гарбузенко? — в отчаянии повторял Суслин.— Где Гарбузенко?!

Святкин выглянул из окопчика.

Немецкие автоматчики, отгеснив от моста последние группы защитников, сделали основное — захватили мост, сбили огневой заслон, и теперь за их спинами танкисты лихорадочно ремонтировали разбитую гусеницу «тигра».

— Сейчас они своему «тигру» лапты накиннут, и все наши смерти — коту под хвост! — Святкин бросил пустой автомат, сунул за ремень гранаты.— Прикрой огнем, Суслик.

— Бежать?! — не сдерживая дрожи, закричал Суслин.— Струсил, да?! Струсил?!

— Дурак ты, лейтенант,— спокойно сказал Святкин.— Прикрой, говорю, огнем, а то коту же под хвост вся работа! — Сверкнув глазами, он вдруг отчаянно-громко зашел: — «Я беспризорничком родился и беспризорничком помру!..» — И выскочил из окопа.

Суслин стрелял, прикрывая подбравшегося к мосту Святкина. Но вдруг ефрейтор куда-то пропал. Игорь в нетерпении привстал, чтобы разыскать его и увидел, что Святкин уже добрался до танка и одну за другой метнул в него гранаты. Ударил в зарывы.

Это было последнее, что увидел младший лейтенант Суслин, потому что страш-

ный удар в голову швырнул его к противоположному откосу окопа...

Искромсанное осколками тело Святкина лежало у сломанных перил моста, а рядом стоял «тигр», подорванный последней гранатой ефрейтора...

Немецкие мотоциклисты и автоматчики ходили по полю: добывали раненых, стреляли в мертвых.

Тяжело раненный Глебов поднял голову и сквозь пот и кровь, заставшие глаза, увидел, что из кустов выглядывает девочка и делает ему знаки.

Немцы тоже увидели девочку и двое мотоциклистов с автоматами наперевес побежали к кустарнику.

— Валя, беги!.. — отчаянно крикнул Глебов и, из последних сил встав на ноги, выпустил в бегущих длинную очередь.— Здесь я, гады!.. Здесь!..

Немцы повернули к Глебову. Несколько очередей одновременно прошли солдата. Глебов повернулся, но прежде чем упасть, услышал грохот и посмотрел вверх...

Там, на самом гребне холма, появился развернутый строй советских танков «тридцатьчетверок»...

На дощатой, выструганной добела крышке стола стояло восемнадцать бутылок «поликаври». Вокруг стола сидели родные и близкие погибших и перед каждым — стакан с золотым вином. Но люди не пили, не плакали и не смеялись.

Они говорили.

Тенгиз Кодеридзе:

— Когда человек рождается на свет, он обязательно плачет, а все вокруг улыбаются и говорят: «Здравствуй, дорогой!» Пусть каждый проживет свою жизнь так, чтобы, когда придет его час, он один улыбался, а все бы кругом плакали и говорили: «Прощай, дорогой!» Как сегодня мы говорим нашим отцам. За честную жизнь, за последнюю улыбку, за гордую улыбку человека!..

Профессор Сайко:

— Древние говорили: «Мemento мори».

Помни о смерти. То есть, не бездельничай, успеешь сделать все, что в твоих силах, ибо величина скорби при расставании с тобой и есть истинная мера твоей жизни...

Юнесса Хабансева:

— Трое ребят у меня. Недавно младший со двора пришел, спрашивает: «Мама, ребята дразнятся: «Гитлер». Что это — Гитлер?». Ему шесть лет, не знает. А я подумала, может, это хорошо, что не знает? Может, пускай в нас эта война кончится? Все страшное пускай в нас умрет. А в детях наших пусть только живет память о погибших...

Сестра Крынкина:

— Мыло он нам прислал. У нас мыло тогда на рынке сотню рублей кусок стоил. Жаль, затеряли мы где-то обмылок. Все берегли, берегли, а затеряли...

Другая сестра Крынкина:

— За нас перед смертью болел, защитничек наш родной. О нас душой болел, братик наш...

Аня читала стихи:

Отцов не убивают на войне
Ни выстрелом, ни миной, ни снарядом.
За немоту любимые вдвойне,
Они шагают с нами рядом.
Отцов не убивают на войне...

Валентина Ивановна выложила на стол пожелтевшее от времени письмо, свернутое треугольником:

— Это письмо твоего отца, Костя. Я хранила его тридцать лет. Он перед боем просил отправить, да адрес не успел написать. Когда Аня нашла всех, хотела я то письмо по почте тебе послать, да она не велела. Сказала: «Сам приедет, отдашь...»

Константин развернул письмо, но читать не смог: строчки плыли перед глазами. Протянув письмо сидевшей рядом Ане, попросил:

— Прочтайте, пожалуйста.

— «Здравствуй, Варюха моя...» — начала читать Аня.

— Это мама.

Аня продолжала читать:

— «Пишу тебе, потому что сегодня мне двадцатка стукнула. И такого дня у меня еще не было. Я ведь беспризорником родился — какие там дни рождения. Шамовник перехватил, морду не набили — вот и праздничек! А тут ребята — ну все, Варюха, весь наш боевой взвод — загоношились. Суслика нашего уломали сахарок на самодевичку — и гульнули! И как все хорошо было, Варя, весело, дружно! И все речи толкали. Говорили, как после войны жить будут. Лет, эдак, через тридцать. И будут ли помнить нас и как будут помнить? А надо бы помнить, какая дружба была на войне, как за товарища под пули шли, как последний хлеб отдавали, как шинелькой одной укрывались... И еще насчет детей, конечно, разговор был. Ты себя, Варюха, береги: ты же в мамы готовишься. Уж как-нибудь харчись маленько. Родись сына — Костей назови. Мне это имя очень нравится. Жалко, что меня так не называли. И смотри, Варюха, если не вернусь, расти так его, чтобы человек вышел, а не дешевка какая-нибудь...»

Еще звучал голос, читавший отцовское письмо, а Константин и Аня шли по дороге, ведущей к памятнику. На этот раз они шли вдвоем.

— А я никогда не получала писем от папы. Он не писал в ту ночь перед боем. Он был с мамой. Это была единственная ночь в их жизни, и поэтому я — Анна Вилленстович, а не Анна Суслина. И ордена у нас нет. Он у бабушки хранится, у папиной мамы. А бабушка мою маму не признала и орден нам не отдала.

Константин взглянул на нее.

— В те годы редкая любовь приносила счастье, — тихо продолжала она, — но мама всю жизнь считала себя счастливейшей из женщин. Странно, правда?

— Странно, — ответил Константин. — А может быть, нет. Нам трудно судить: у них были другие единицы измерения и счастья и несчастья. Выше наших.

— Неизмеримо выше,— согласилась Аня.

Некоторое время они шли молча.

— Что-то случилось со мной за эти дни,— сказал Константин.— Сам не знаю что, но чувствую: что-то важное, особенное, чего никогда не случилось, за всю жизнь...

Аня чуть отстала. Она смотрела на Константина, в глазах у нее были слезы, но капитан продолжал говорить, не замечая ни ее взгляда, ни ее слез:

— Мне не в чем себя упрекнуть, не подумайте, Аня. Живу нормально, как все. Служу честно. Делаю, что положено. Но может быть, именно в этом все дело: только то, что положено. Не меньше. Но и не больше.— Он опять немного помолчал.— Но теперь-то я знаю точно, что не смогу жить, как жил раньше...

Они подошли к памятнику и остановились возле ограды. И долго стояли молча. Потом Аня стала негромко читать написанные на обелиске фамилии. То была символическая переключка двух поколений. Отцов, ушедших из жизни в двадцать-двадцать пять, и детей, которым уже за тридцать.

— Младший сержант Сайко!

Мы видим серьезное лицо профессора.

— Рядовой Хабанеев!

Красивое лицо Юнессы.

— Рядовой Кодеридзе!

Четкий профиль Тенгиза.

— Сержант Мятников.

Мы увидели народного артиста.

— Рядовой Лавкин!

Улыбался Леня.

— Рядовой Глебов!

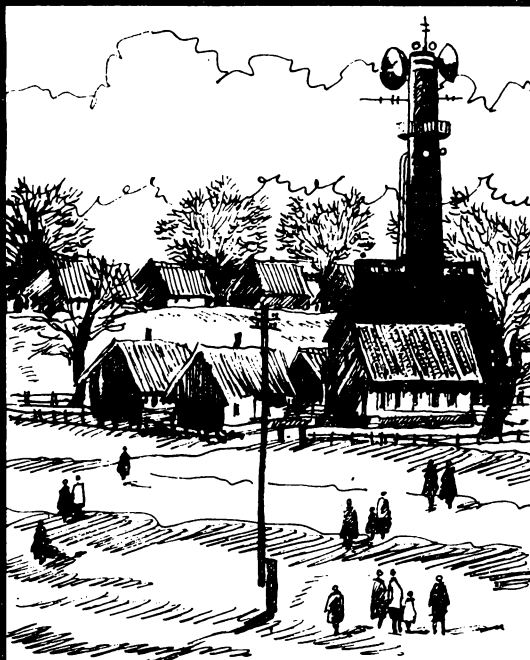
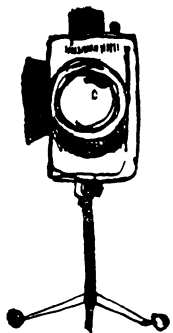
Мы увидели племянника.

— Ефрейтор Святкин!

И тогда снова заговорил капитан Константин Святкин. Он говорил негромко, просто и очень серьезно. Таким серьезным мы не видели его никогда.

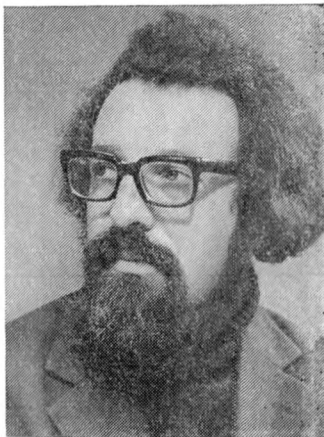
— Вы хорошо сказали в своих стихах, Аня. «Отцов не убивают на войне»... Да, их не убивают при одном условии: если мы помним о них. Помним обо всех, кто дал нам жизнь. О тех, кто защитил ее. Помним обо всех, кто пал в боях. И о тех, кто еще, по счастью, живет среди нас. Если мы помним их всех до одного. И каждого поименно. Тогда они будут жить вечно, потому что все они — наши о т ц ы!...

Ю. НИКОЛИН, Э. ЯКОВЛЕВ

ТРИ МИНУТЫ ЛЁТА

ЮЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОЛИН (родился в 1941 году) после окончания юридического факультета МГУ поступил на заочное отделение сценарного факультета ВГИКа, которое и окончил в 1971 году. Работал в московских газетах и журналах, переводил грузинских поэтов. По сценариям Ю. Николина поставлено несколько документальных фильмов.

ЭРНСТ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯКОВЛЕВ (родился в 1937 году) окончил операторский факультет ВГИКа и в течение нескольких лет работал кинооператором на «Ленфильме».

Сценарий «Три минуты лёта» подготовлен на Центральной сценарной студии Госкино СССР и намечен к постановке на Рижской киностудии.

Трам-трам-трам-та-ра-рам. Трам-та-ра-рам...

Деревянные изогнутые палочки, похожие одновременно на узкие ложки и на куриные когти, опускаются на струны. Ну до чего же странный инструмент эта титра?!

Из какого дерева смастерили ее? Все забыто — и дерево и секрет изготовления инструмента. Темное ложе титры, темные струны, узорчатые, закопченные прорези, а звук — живой...

Трам-там-та-та-там, трам-та-там-там...

Франц важно бренчит палочками по струнам, шевелит губами, напевая мелодию. Волосы белые, глаза выпуклые, на щеках стариковский румянец.

Титра чуть вздрагивает у него на коленях. Брюки старые, жеваные, и пиджачок лоснящийся, и ковбойка под пиджаком, точно собака, свесила длинное ухо воротничка, а на ногах кеды.

Трам-та-та-рам, там-там-та-ра...

— Это первая песенка, которую я играл... мне четырнадцать было... Русские солдатики научили еще при царе Николае, знаете ее...

Трам-та-та-там...

Он откладывает палочки и тонким дребезжащим голосом выводит:

— Солдатушки, бравы ребятушки... знаете? *

От костела они ехали на подводе. В гриву лошади были вплетены полевые цветы. На подороге подвода застряла в непролазной грязи.

* В фильме предполагается участие колхозника села Пуша Латвийской ССР народного музыканта Франца Шавловского.

Жених и невеста остались сидеть, а гости подталкивали телегу, выводили под уздцы лошадь.

К дому добрались грязные, но веселые. Ворота — старые, перекошенные — были закрыты. Перед воротами лежало на козлах бревно и рядом — пила.

— Давай, давай, доказывай, — кричали с разных сторон гости.

Жених и невеста стали перепиливать бревно. Работали умело, радостно. Со всех сторон их подбадривали, давали озорные советы.

Звонко и неразборчиво играла титра. Должно быть, Франц играл ту единственную песенку, которой научили его заезжие русские солдатики.

Рухнуло перепиленное бревно, и тут же появилась перед воротами колыбелька с куклой: невесте предстояло доказать свое искусство быть матерью.

И вот уже целенаправленно невеста куклу, и кто-то пищит, изображая ребенка, и играет титра, звонко-звонко...

— А когда было кино, которое не говорило, я играл музыку... Там поезд идет, а я песенки играю, — рассказывает Франц.

И бьют палочки по струнам титры, и непонятная легкая песенка возникает из этих однообразных звуков...

...Словно в немом кино, возникает костел и знакомые уже нам жених и невеста: идет крещение ребенка.

По-деревенски неприхотливый ксендз крестит дочь бедняка: немного суматошно, торопливо...

Ребенок попадает в руки матери, и теперь уже не куклу, а дочь свою, наречен-

ную Юстиной, торопливо пеленает счастливая мать.

— Юстину я помню с этого самого... с рождения,— слышится голос Франца.— Помню, я играл тогда эту песенку, я ее всегда при крещении играл...

И слышно, как он поет дребезжащим голосом, аккомпанируя себе на титре:

А в нашей деревне,
Лали-лали-ла.
Девушка ребенка родила.
Облаками пеленала,
Родниками умывала,
Сына Юстом нарекала...

— Или Юстиной... если девочка родится.
Та-ла-ла-ла-ли-ла...

Около крепкого богатого дома в бешенстве лаяли собаки. Отец Юстины, не обращая на них внимания, прошел к одной из хозяйственных пристроек позади дома. Собаки бросались на него, но не дотянувшись, в ярости отскакивали.

— Якоб! — позвал хозяина зычным голосом отец Юстины.— Якоб!

Из дверей конюшни вышел Якоб, рослый пожилой мужчина, небогато одетый, но с лицом властным и напряженным.

— Якоб,— без тени заискивания начал отец Юстины,— я опять к тебе...

— Ты мне еще за прошлое должен,— понял Якоб.

— Год тяжелый, Якоб. Все бьемся, а то, что посеяли, то и собрали.

— Сколько дочери твоей, Юстине? — спросил Якоб.

— Пятнадцать,— сурово ответил отец Юстины, догадываясь, к чему клонит богатый Якоб.

— Пятнадцать,— повторил Якоб и задумался, будто что-то высчитывая.

Из дома вышла Магда, жена Якоба, отогнала собак, подошла к мужчинам. Молча поздоровалась с отцом Юстины.

— Отдай Юстину к нам работать— после недолгого размышления предложил

Якоб,— нам не хватает работников... я плачу хорошо... тебе помощь будет...

Отец Юстины молчал.

Молчал и Якоб, сохраняя достоинство.

— Юстине хорошо будет,— вступила Магда,— и тревожиться тебе не надо — мы люди известные, надежные...

— Я вас знаю,— подтвердил отец Юстины.

— В школу ходить будет,— загораясь, говорила жена Якоба,— и мне на душе легче: ведь сам знаешь, обделил нас господь детьми...

— У меня дочь одна,— ответил отец Юстины.

— Ты решай...— сказал Якоб и ушел в конюшню.

Пошел домой и отец Юстины.

А Магда смотрела ему вслед...

Было еще темно, когда Юстина выскочила из дома Якоба и побежала доить коров. Они встретили ее ласковым мычанием. Лилось струйками в ведро парное молоко. Юстина тихо напевала знакомую песенку:

А в нашей деревне лали-лали-ла
Девушка ребенка родила.
Не кормила, не поила...

— Доченька,— услышала она голос Магды.

Юстина поднялась ей навстречу.

— Доченька,— Магда вошла в коровник,— давай я, мне все равно не спится.

— И мне,— радостно сообщила Юстина.

— У тебя через месяц экзамены,— тихо, заговорщически сказала Магда,— ты бы занималась лучше, а хозяин ничего, он добрый...

Юстина усмехнулась.

— Он, правда, добрый,— заступилась за мужа Магда,— но понимаешь, сам трудится от зари до зари и другим спуску не дает...

Замычала корова, и Юстина устремилась к ней.

Магда посмотрела вслед девочке и с за-

таенной тоской облизнула пересохшие губы.

А-а-а, началась война,
То тут, то там
По лесам, по полям,
Не ячмень, не рожь,
А могилы найдешь...
Трам-там-трам-трам, а-а-а...

Слышится голос Франца. Играет титра.

Так уж случилось, что война, опалившая города и села, пришла на хутор, где жила Юстина, без выстрелов, без ожесточения, пришла, приняв облик спокойного немца с автоматом за спиной.

Якоб, Магда и Юстина работали в огороде, когда их кто-то окликнул. С опозданием залаяли собаки.

С трудом распрямив затекшие спины, все трое смотрели на немца, который, не решаясь войти во двор, косился на собак и что-то кричал им. Они вслушивались в незнакомую речь, пожимали плечами, переглядывались...

Немец объяснил знакам, чтобы они шли за ним.

Недалеко от хутора завязла в грязи легковая машина.

— Айн, цвай, драй,— выкрикивал немец, и все дружно толкали машину. Изпод колес летела жидкая грязь...

Немец забрался в машину, которая теперь уже стояла на дороге, улыбнулся и бросил в открытое окно плитку шоколада. Юстина ловко поймала. Машина уехала. Юстине стало как-то неловко, она протянула шоколад Магде.

— Ешь,— строго сказал Якоб,— немецкий шоколад — хороший.

Потом они долго, поливая друг друга из кувшина, отмывались от грязи...

Немцы часто появлялись на хуторе. Они уединялись с Якобом, о чем-то говорили. Юстина видела, что Якоб бывал недоволен, когда немцы иногда отрывали его от повседневной работы и увозили с собой. Когда Якоб возвращался, то всегда привозил

аккуратные пакеты, перевязанные подарочной ленточкой.

И шестнадцатилетняя Юстина свыклась с тем, что война совсем не страшна, свыклась настолько, что не обращала внимания на немцев — ни на тех, кто приходил в дом Якоба, ни на тех, которых она встречала по дороге в школу.

Но однажды Юстина, затосковав по дому, обратилась к Якобу:

— Завтра суббота,— сказала она,— можно мне сбежать домой?

Ей никогда в этой просьбе не отказывали, и поэтому она очень удивилась, увидевшемуся за столом напряженному молчанику.

— Не надо,— лаконично сказал Якоб, отрезая ломоть хлеба.

— Почему? — Юстина была поражена.

— Доченька,— вмешалась Магда,— понимаешь, там никого нет...

— Как нет?.. А мама? Отец?

— Они ушли,— сказал Якоб,— они ушли в лес...

— В какой лес? — Юстина не могла понять, о чем они говорят.

— Этого не знает никто,— сказал Якоб.

На рассвете Юстина сбежала домой. Уже было совсем светло, когда она поднялась по косогору и увидела родной хутор. Бегом, сквозь кусты, устремилась она к дому. По-прежнему кособоко висели ворота, но дома не было. Юстина пришла на пепелище.

Она не стала плакать. Не бросилась к соседям. Она не умом, а чутьем угадала, что происходит нечто страшное, от чего она была ограждена крепкими стенами дома Якоба, но теперь, у пепелища, она поняла, что у нее остался один путь — к родителям в лес.

И она пошла в лес.

Лес был знаком и незнаком. Юстина блуждала по перелескам, выходила на поляны и, останавливаясь, кричала, звала родителей: Рута! Езе!..

Но лес молчал. Она шла дальше, по инерции каклонялась, увидев грибы, но не срывала их... И шла дальше...

Уже вечерело, когда она остановилась на поляне и стала собирать ягоды — голод брал свое. И тут она услышала, как изда лека, над лесом, пронеслось: Юстина-а... тина... И она закричала в ответ и побежала на крик. Теперь они все время перекликались, и вскоре лес расступился, и она увидела лошадей и... Якоба, который звал ее. Юстина остановилась. Якоб медленно подошел к ней, но как всегда сдержанный, остановился в нескольких шагах.

— Пошли домой, Юстина, — сказал он, — за родителей не бойся, они вернуться...

— Когда? — не трогаясь с места, спросила девочка.

— Когда уйдут немцы.

— А почему они ушли? — спросила Юстина. Этот вопрос не давал ей покоя.

Якоб молчал.

— А почему вы не ушли? — допрашивала Якоба Юстина.

— Им нечего было оставлять, — неожиданно зло сказал Якоб, — а у меня есть что!

Они замолчали.

— Темнеет, — сказал Якоб и взял лошадь под уздцы. Юстина пошла за ним.

Так уж случилось, что и освобождение от оккупации прошло для Юстины без единого выстрела.

Как-то ночью она проснулась от шума в доме. Хозяин поспешно собирал вещи. Во дворе была запряжена двуколка, к задку привязаны коровы.

Среди всей сумятицы отъезда только Магда с отрешенным лицом сидела на стуле, ни в чем не принимая участия.

— Что случилось? — спросила Юстина. Ее била дрожь.

— Собирайся, — коротко бросил Якоб. — Уезжаем.

— Куда?

Якоб не ответил.

— Я не поеду, — сказала Юстина, — не поеду!

— Нам нельзя оставаться, доченька, — тихо сказала Магда и посмотрела на Якоба, — завтра уходят немцы.

— И родители вернуться? — обрадовалась Юстина.

Якоб бросил на нее короткий взгляд. Он укладывал вещи, перевязывая их нелепыми нарядными немецкими ленточками, оставшимися от прежних подарков.

— Доченька, — позвала Магда, — пойдись сюда...

Юстина подошла. Магда обняла ее, заглянула в глаза.

— Доченька... они не вернуться... их уже нет... совсем нет... ни дома твоего... ни отца, ни матери... у тебя только мы... а нам надо уходить...

Юстина не заплакала, не закричала, но только затверженно повторяла:

— Не поеду, не поеду...

— У тебя только мы, — терпеливо объясняла Магда, — и у нас только ты... надо ехать...

— Нет, нет! — Юстина вырвалась и убежала в свою комнату, упала на кровать и только тут безутешно зарыдала.

К дому подъехал, слепя фарами, мотоцикл. Якоб вышел навстречу немцам. Они о чем-то поговорили. Мотоцикл уехал. Якоб отвязал коров от телеги и повел их в сарай. Вернулся в дом.

— Пусть остается, — сказал он жене, — надо уезжать сейчас же...

Магда торопливо поднялась по лестнице и остановилась перед дверью комнаты Юстины. Постучала — никто не отозвался. Попыталась открыть дверь — заперта. Позвала:

— Юстина!

Ответа не было.

— Магда! — звал снизу Якоб. — Магда!

И Магда заметалась между закрытыми дверями в комнату Юстины и властно зовущим голосом мужа. Ей надо было решать, но она не могла решить...

— Якоб! — взмолилась она, но ее оставил холодный, решительный взгляд.

— С коровами не успеем, — сказал Якоб. — Надо их зарезать, чтоб не оставлять. — Магда отрешенно смотрела на мужа. — Иди, заколи свиней, а я коров...

Они вместе вышли из дома. Якоб направился в коровник, Магда — в свинарник.

...Юстина все еще лежала и рыдала в подушку, когда из-за двери раздался властный голос Якоба:

— Юстина, иди помоги мне...

Юстина покорно встала, открыла дверь и пошла вслед за ним во двор. Спустилась по лестнице, прошла к свинарнику.

На полу лежало тело Магды с перерезанной веревкой на шее. Другой конец веревки болтался, привязанный к балке.

— Похорони, — тихо сказал Якоб, — я уже не успею...

Он повернулся и вышел из свинарника. Сел в двуколку, стегнул лошадей кнутом. И почти тут же скрылся за близким лесом. Бешено крутились на цепях собаки...

Франц отложил титру, но палочки остались в руках. Он рассказывал, а руки его по какой-то странной инерции вздрагивали, будто искали музыку к словам.

— Пришли русские солдатики и ушли дальше, и оттуда все время канонада, канонада... будто громы в воробиную ночь... Спать не могли, а потом все равно привыкли. Вот только те, что ушли в лес, не возвратились.

Юстина по-прежнему жила в доме Якоба. Кормила свиней, работала на огороде. Здесь ее и застал Игнас.

Он сразу узнал Юстину, хотя никогда ее раньше не видел. И она тоже сразу узнала его, хотя никогда не видала его и не слышала о нем. Так бывает, когда узнают не человека, а свою любовь.

Как описать этот танец сближения,

замедленность взглядов, нерешительность жестов...

Игнас был в гимнастерке и сапогах, на голове у него была обычная кепка, за плечами узелок.

На Юстине было платье, а поверх — мужской старый пиджак, а ноги босые, а на голове косынка.

Они смотрели друг на друга и не знали слов, которые могут сказать друг другу. Первым заговорил Игнас, но все, о чем они говорили, было лишь малой частью того, о чем они молчали.

— Ты Юстина?!

— Я...

— Я сразу тебя узнал...

Оба молчали.

— Мне о тебе говорил твой отец... Я из леса... Меня ранили...

Игнас приподнял гимнастерку. Шрам был совсем свежий.

— Можно я перевяжу?

— Перевяжи...

Юстина перебинтовала Игнаса длинным куском мягкой холстины. Он сидел на лавке и смотрел на деревянный потолок.

— Хорошо здесь... сухо, тепло, — сказал Игнас и покачал головой.

Юстина молчала, не решаясь спросить о родителях.

Но Игнас понял невысказанный вопрос.

— Их добили в болоте, — тихо сказал он, — знаешь болото за хутором Яниса?

— Знаю, — кивнула Юстина.

И снова наступило молчание.

— Ты останешься здесь? — спросила Юстина.

— Я вернусь сюда, — ответил Игнас, — но сначала я хочу, чтоб они тоже узнали, что такое умирать в болоте... Я все время думаю об этом, все время... Или у них в Германии нет болот?!

Юстина молча смотрела на нового для нее Игнаса, и ей было страшно.

— Ненавижу! — Игнас вскочил, подошел к окну. — Их ненавижу и этих. — Он стукнул кулаком по прочной стене дома

Якоба.— Зачем ты живешь здесь?! Ты должна уйти!..

Юстина непонимающе смотрела на Игнаса.

— Твой хозяин тоже виноват,— резко продолжал Игнас,— я больше всего ненавижу этих ручных зверей. Они тихие, пока их кормят, но однажды они перегрызут горло за объединенную кость и бросятся не глаза в глаза, а сзади... Нам жить среди них. Помни: кое-кто не жалеет масла, чтобы патроны были целы!

Юстина пожала плечами, и Игнас неожиданно смягчился.

— Темная ты, Юстина,— сказал он,— но... такая светлая.

Она улыбнулась:

— Хочешь есть?

— Очень...

Они сидели за длинным деревянным столом и быстро ели, молча поглядывая друг на друга.

— Вкусно? — спросила Юстина.

— Вкусно... тепло, сухо.— Игнаса клоунило в сон.

Вдали грохотала канонада.

— Не ходи туда,— тихо сказала Юстина,— там тебя могут убить... там война.

— А если останусь и начну создавать колхоз,— Игнас вдруг усмехнулся,— в ход пойдут пули, пули, смазанные домашним маслом. Но все равно и там победим и здесь, слышишь меня, Юстя, будет колхоз, будет новая жизнь и никаких Якобов!

Юстина кивнула.

— Ты создашь колхоз? — спросила она.

— Мы с тобой,— сказал Игнас,— согласна?

— С тобой... — повторила Юстина.— Не уходи... я без тебя не смогу, я ведь еще такая темная...

— Светлая! — сказал Игнас, подошел к Юстине, и она поднялась ему навстречу.— Светлая,— снова повторил он, крепко обнял Юстину и прижал к себе.

— Есть хочешь? — спросила она, пряча губы.

— Хочу и сейчас съем,— ответил Игнас.

Юстина ожидала Игнаса во дворе дома Тадеуша.

— Это мой дом,— говорил в это время Игнасу Тадеуш,— мне и знать, кого взять жить.

— Слушай,— резко возразил Игнас,— ты видел дом Юстины... пойди, посмотри на пепелище, может, совесть отогреется... Вы выросли на одной земле, как ты можешь отказывать, добро бы жил в тесноте, а так...

— Это мой дом,— упрямо повторял Тадеуш,— моя земля... она меня знает, там пот мой... Я никого не хочу на мою землю. Строй, солдат, свой дом... Будет у тебя своя земля, поймешь меня тогда...

— Слушай,— еле сдерживал себя Игнас,— земля — она всегда общая. Будет колхоз, зачем тебе держаться за свой клочок, когда вся земля будет твоей...

Тадеуш покачал головой.

— Значит, непустишь нас жить? — с угрозой спросил Игнас.

— Зачем тебе меня просить? — со злой усмешкой сказал Тадеуш.— Сделаешь колхоз, выгонишь меня из дома... если, конечно, сделаешь...

— А маслица у тебя не найдется? — неожиданно спросил Игнас.

— Отчего же, найдется,— растерялся Тадеуш.

— Продай!

Тадеуш ушел в дом, а Игнас помахал Юстине, развел руками: мол, не получается.

Вышел Тадеуш. В руках у него на чистом листе было масло. Игнас понюхал масло.

— Свежее,— обиделся Тадеуш.

— Патронами пахнет,— резко в лицо бросил ему Игнас, вернул масло и пошел со двора.

— Солдат,— окликнул его Тадеуш,— можешь не спешить, завтра еще колхоза не будет, до него еще дожить надо...

И он недобро усмехнулся.

Что ж, он был прав: первые колхозы

появились на этой земле лишь через пять лет, и дожить тоже оказалось не так просто...

В дом Якоба они вернулись под вечер. Игнас выглядел смущенным. Юстина стала развязывать узелки, потом подошла к Игнасу, погладила его волосы.

— Дай им привыкнуть, Игнас,— тихо сказала она,— дай им понять... Объясни им, как мне объяснил... Мы ведь еще темные, хуторские... и масло патронами портить не будем... Патроны нам не нужны, а масло нужно...

Игнас обернулся, пристально посмотрел на Юстину.

— Трудно здесь,— сказал он.— Если бы я был родом отсюда, проще было бы...

— Погоди,— тихо сказала Юстина,— дай им привыкнуть к тебе... Придут на свадьбу нашу... полюбят нас... полюбят и поймут, как я тебя поняла...

— Кто это, интересно, придет на нашу свадьбу? — усмехнулся Игнас.

— Все,— просто сказала Юстина,— свадьба же радость, а всем так хочется радости...

— Пусть, конечно, приходят,— сдался Игнас.— Чем только угощать будем?

— Радостью,— сказала Юстина,— а еду они сами принесут — что есть, то и принесут.

Игнас пристально смотрел на Юстину.

— Что ты? — смутилась она.

— Есть хочу,— тихо сказал он.

И Юстина, поняв, светло и легко бросилась в его объятия.

За окнами было еще темно. С порога Игнас обернулся. Юстина тихо спала, и что-то вроде улыбки коснулось губ Игнаса. Он поправил винтовку и вышел в ночь, переходившую в рассвет.

Он шел по дороге, вяло сутулясь от предрассветной прохлады. Винтовка ерзала за его плечом.

Он шел мимо одиноких хуторских домов, вглядываясь в темные окна. Кое-где его встречали тревожным лаем собаки, но хозяева не выходили на лай своих сторожей — может быть, они наблюдали за ним сквозь занавески на окнах...

Так он дошел до пепелища, где когда-то стоял дом Юстины. Молча постоял и пошел дальше. Он шел тем напряженным шагом, каким идет солдат в разведке, каждое мгновение ожидая выстрела. Он шел мимо крепко сколоченных домов и снова мимо пепелищ, и вся история жестокой борьбы на этой земле была зримо выражена в чередовании хуторов и пепелищ.

Наступило утро. Пора было возвращаться.

Уже недалеко от дома Якоба Игнас увидел смятенную, торопливо идущую Юстину. Она облегченно вздохнула, увидев его.

— Я так испугалась,— задыхаясь, сказала она.— Куда ты ушел?

Он молчал.

— Зачем? — снова спросила она.

— Я вызывал их драться лицом к лицу,— сказал Игнас сквозь зубы,— но они попрятались...

— Игнас,— Юстина положила ему руку на плечо.— Игнас, ты очень устал, я лучше знаю, война прошла... ее уже даже не слышно, прислушайся.

Стояла абсолютная тишина.

— Видишь,— продолжала Юстина,— ее уже не слышно...

Она взглянула на отрешенное лицо жениха.

— Ты не понимаешь,— неожиданно резко сказал Игнас,— война идет, неслышная война... я не знаю, кто здесь друг, а кто враг. Знаю, что ты со мной... Я хочу, слышишь, я хочу, чтобы ты была не просто женой, чтобы ты была рядом со мной на этой войне, слышишь, Юстина?

Она покорно кивнула.

— Ты умеешь стрелять? — спросил он. Она улыбнулась.

— Стреляй,— он протянул ей винтов-

ку.— Вот так — затвор, вот мушка, под об-
рез, вон дерево, стреляй...

Юстина неловко взяла винтовку, вы-
стрелила.

— Стреляй, пока не попадешь,— требо-
вал Игнас,— стреляй, так, так... стреляй!

В тишине гремели выстрелы.

— Плечу больно,— сказала Юстина.

— Стреляй,— повторял Игнас,— стре-
ляй...

Пуля вонзилась в дерево, поемпалась
кора.

— Вот так,— сказал Игнас,— вот так,
стреляй! Ты должна уметь стрелять!

И долго еще в утреннем лесу гремели
выстрелы.

— Война войной, Игнас, а свадьба —
свадьбой,— сказал Ромуальд, старый лат-
гальский учитель,— мы все так соскучи-
лись по свадьбам...

И он улыбнулся. Юстина кивнула.

— Самая моя любимая ученица,— ска-
зал Ромуальд и положил руку на плечо
Юстины.

— Самый мой любимый, единственный
учитель,— улыбнулась Юстина.

Как хорошо было с ними, как спокойно.
Игнас тоже улыбнулся.

— Ну, выходит, я самый неученый из
вас,— весело сказал он,— научите меня то-
же...

— Чему тебя учить,— сказал Ро-
муальд.— Любить Юстину — ты ее и так
любишь, уважать ее, сам понимаешь, бе-
речь...

— Чтоб не похитили,— вставила Юсти-
на.

— У меня не похитят,— усмехнулся
Игнас.

— Да ты не понял,— рассмеялась Юсти-
на,— у нас обычай такой есть: на свадьбе
гости в шутку похищают невесту — вот же-
них и должен ее охранять.

— Да, да,— подтвердил Ромуальд,— ох-
ранный, но только помни, что это шуточный
обычай, а то гостей перестреляешь.— Он

обернулся к Юстине.— Уж и не пойму, кто
у него невеста: ты или винтовка?

— У меня не похитят,— повторил Иг-
нас.

— Ну и хорошо,— сказал Ромуальд,—
будет ваша свадьба первой послевоенной
латгальской свадьбой.

— Война не кончилась,— покачал голо-
вой Игнас.

— Здесь кончилась,— ответил Ромуальд.

Ах, если бы знать ему тогда, какая кро-
вавая выйдет эта латгальская свадьба. Но
радостно улыбался Игнас, радостно улыба-
лась Юстина, и улыбался их будущему
счастью учитель Ромуальд.

Ох, ох сестрица,
Жаль твоего красного венка,
Лучше обойтись без мужа,
Чем остаться без венка.

Франц играл на своей титре обрядовую
свадебную песенку. Он сидел на деревян-
ной лавке во дворе дома и терпеливо пере-
бирал палочками по струнам. А в это вре-
мя шла подготовка к латгальской свадьбе.

В глубокий чан ссыпали свежий ячмень.
Плели венки.

Отжимали творог и, завязав его в тря-
пицу, клали под пресс — круглые гранит-
ные камни.

И бежали к чану смотреть, не пророс
ли ячмень.

И тащили колыбельку, чтобы поставить
ее перед воротами дома.

И сооружали козлы, и ставили на них
бревно.

И мастерили легкие, увитые зеленью
переносные ворота.

И уже бежал мальчишка и кричал, что
ячмень пророс...

И все возвращались к чану.

Пожилой крестьянин аккуратно напя-
ливал на нос тонкие дамские очки, осмат-
ривал ячмень, удовлетворенно кивал, и тут
же несли в ведрах воду и заливали ячмень.
Крестьянин снимал очки: это означало, что
нужно ждать.

И украшали невесту.

И готовили подарки.

И предлагали жениху пиджак, но он отмахивался, предпочитая оставаться в гимнастерке.

И ставили ворота, увитые зеленью, по всей дороге...

И вплетали в гривы лошадям венки...

И уже пожилой мастер надевал свои очки и коротко говорил:

— Несите тмин.

И несли тмин, и как на таинство смотрели, как он фильтрует настоянную ячменем воду через тмин.

Густой сырец пива медленно стекал в другой чан.

Что-то языческое и по-язычески одухотворенное было во всем этом процессе.

И в радостном предвкушении гости смотрели, как создается любимый традиционный народный напиток...

Радостны были лица, и трудно было заметить среди гостей одно озабоченное, хотя и улыбающееся лицо. Его запомнили много позже, но уже навсегда.

— Дрожжи, — приказал мастер, и появились дорогие, закутанные в тряпицу дрожжи. Мастер разминал их в руках и медленно сыпал в чан.

И слова снял очки. Теперь надо было ждать отстоя.

Будет пир, пир горой, и всего-то пиво да творог...

...А Франц все играл и играл одну и ту же песенку, и от этого непрерывного повторения радостных звуков неясная тревога вселялась в сердце.

Но кто же будет тревожиться, когда свадьба, свадьба!

Но вот малозаметное лицо сближается с другим, и слабое движение губ выдает шепот. И глаза устремлены на невесту. И все улыбаются малознакомым людям, потому что ясно, что они задумали традиционную свадебную игру — похищение невесты.

Свадьба, свадьба, любимая свадебная игра, ах, как хочется забыть, что вокруг

война, борьба! Забыть хоть на день свадьбы.

А Франц все играет и играет на титре.

Седлайте коней,
Гонитесь сто миль,
Гонитесь за ней сто миль,
Настигайте нашу сестрицу,
Может быть, сестрицу настигнем
На краю третьей согни.

Бренчат звонкие палочки, бьют, точно куранты. Что за время отмеряет вечный Франц? Время торжества или время жизни?

Но вот начинается торжественный обряд, иначе не назовешь процесс сливания пива в бочку. Все ликующе смотрят на пьяняще пахнущую струю пива.

Мастер добавляет сахар и протягивает руку, и в руке мастера тут же оказывается кран, который он несколькими сильными и точными ударами вбивает в бочку.

Все! Пиво готово!

Франца сажают на бочку. Он играет на титре, сидя на бочке, и первая кружка пива — ему.

Но вот уже наливается вторая, двухлитровая. И пена дрожит у края.

А потом была свадьба. Уже темнело, уже валялись по столу пустые кружки и жбаны, уже осоловевший Франц просто лупил палочками по струнам, а все плясали и под эту музыку, потому что музыкой была радость в душе каждого.

Все быстрее, быстрее музыка, все оглушительнее и беззащитнее смех, все смешивается, летит — руки, ноги, лица танцующих. Хохочет Игнас, улыбается Юстина, и среди всего этого гомона, веселья, пляски вновь появляется малознакомое нам лицо. Оно улыбается, оно приглашает Юстину танцевать, и Юстина идет и видит, что односельчане подмигивают ей. И Юстина понимает, что сейчас ее похитят, и ей легко и беззаботно, и озорная улыбка появляется на ее лице.

А дальше все быстро, все головокружительно быстро.

Юстину хватают на руки — и в повоз-

ку, и вожжами по крупам лошадей, и стремителен их бег по сумеречной дороге. Юстина смеется, смотрит назад, когда же покажется жених, преследующий похищенную невесту.

Настигайте нашу сестрицу,
Может быть, сестрицу настигнете
На краю третьей сотни...

А вот и Игнас появляется из-за поворота. Скачет на неоседланной кобыле, грозит рукой, смеется.

Отстал, исчез и снова нагоняет. Юстина тянет к нему руки, вот уже близко, близко...

Повозка останавливается. Игнас настигает их, и в этот момент — выстрел!

Он раздается где-то рядом, за спиной, и Юстина в первую секунду не понимает, что это выстрел.

И снова выстрел, и, раскинув руки, Игнас головой вниз сползает с лошади.

Юстина оборачивается и видит позади себя ствол и спокойное холодное лицо человека.

Человек слезает с повозки, подходит к лежащему Игнасу. Вскидывает ружье. И тут к нему устремляется Юстина, хватается руками за ствол, пытается отвести дуло. И все молча, молча.

Только звенит в ушах титра Франца.

Убийца оборачивается к Юстине, смотрит ей в глаза, и в его взгляде она читает приговор себе. Она бросается бежать, ожидая выстрела, но не выстрел, а тяжелое дыхание за спиной...

Второй похититель выскочил на пригорок и по перелеску наперерез. Ухватил Юстину, опрокинул ее, но она вырвалась, платье в клочья и бегом, бегом, пока не настгла ее рука, обрушившаяся на голову тяжелым ударом...

Она вернулась под утро, когда ее не ждали. На ней была гимнастерка Игнаса в темных пятнах крови и рваных разрывах от пуль.

Она вошла во двор, где уже замирало веселье, и остановилась у ворот. К ней бросились, но оцепенели под ее взглядом.

Теперь они долго будут встречать этот взгляд Юстины. В ее глазах не было боли, отчаяния, страха.

Ее глаза были мертвы.

И только пьяный Франц все еще колотил палочками по титре. Ах, свадьба, кровавая латгальская свадьба!

Сказать «шло время» было бы неправильно: для кого оно шло, а для кого застыло. Если определять течение времени по внешним приметам, то Юстина так же, как всегда, вставала на рассвете, кормила оставшийся в доме Якоба скот, работала на огороде, ела, напряженно глядя в тарелку, а потом с окаменевшим лицом шла по дороге, по лесу к болотам.

В гимнастерке Игнаса, с винтовкой за плечом, она шла широким мужским шагом, взглядываясь в лица случайных встречных. И от этого ее взгляда, от винтовки через плечо, от рваных следов пуль на гимнастерке любой крестьянин чувствовал себя неуютно. Страшная, затверженная решимость была в ее взгляде, и каждый останавливался и ждал, пока Юстина, взглядевшись в его лицо, снова опустит голову и пойдет дальше...

Вслед ей смотрели с болью и страхом...

Однажды, под вечер, идя у края заболоченного перелеска, Юстина вдруг услышала странное металлическое позвякивание. Она замерла, прислушалась, потом, вскинув винтовку, решительно пошла прямо. Позвякивание приближалось. Юстина взвела курок, еще несколько шагов и... она неожиданно увидела перед собой маленького мальчика в грязной рваной одежде, который сидел на земле и постукивал ложкой по пустому ведру. Юстина опустила винтовку. Мальчик без страха смотрел на нее. Потом неожиданно улыбнулся.

— Ты кто? — спросила Юстина.

— Ольгерт, — ответил мальчик.

- Где ты живешь?
- В землянке.
- А дом твой?
- Спалили.
- Идем со мной,— сказала Юстина.—

Будешь жить у меня.

Ольгерт вскочил на ноги и, не выпуская из рук ведра и ложки, пошел вслед за Юстиной. Но вдруг остановился.

- А мама? — спросил он.
- А где твоя мама?
- В землянке... Мы все там живем.

— Будете жить здесь,— сказала Юстина,— дом большой. Хозяйство есть. Делить хозяйство не будем. Все будем работать, все нашим общим будет.

Мать Ольгерта недоверчиво смотрела на Юстину.

— А ведро и ложки мои,— сказал Ольгерт.

— Твоя,— подтвердила Юстина.— Но теперь ты нам их подаришь, и они будут и твои и наши. Хорошо, Ольгерт?

Мальчик замаялся.

— Хорошо,— со вздохом решимости сказал он и протянул Юстине свои сокровища.

Дом Якоба обретал новую жизнь. Во всех комнатах здесь жили те, кого война лишила крова. Здесь были и молодые и старые. Весь день на огороде и в хозяйственных постройках кипела работа. Но вечерами семьи уходили в свои комнаты.

Однажды, в один из таких вечеров, Юстина, уставшая за день, лежала в своей комнате, где на стене были приколоты фотографии родителей в день свадьбы и солдатская фотография Иггаса. Она смотрела на фотографии, светившиеся в темноте, и думала о своем.

За стеной, в соседней комнате ели. Было слышно, как постукивают ложки о миску. Ели молча.

Юстина поднялась, открыла дверь в со-

седнюю комнату. При свете тоненькой свечки она увидела двух пожилых крестьян, которые оторвались от еды и молча смотрели на нее. Пожилой крестьянин по инерции облизал ложку.

— Нет,— сказала Юстина,— так нельзя... надо всем вместе...

Она взяла горевшую свечу со стола и понесла ее вниз, в столовую Якоба. Пожилые крестьяне недоуменно шли за ней, за тонким пламенем свечи.

А Юстина входила в комнаты, и вот уже на большом столе стояло много свечей...

— Ну вот,— сказала она, обращаясь к столпившимся жителям дома,— мы все-таки одна семья — будем теперь все вместе... У каждого из вас мало еды и мало света, а вместе будет много еды и много света...

— Что-то ты путаешь, Юстина,— сказал пожилой крестьянин после паузы,— сколько есть, столько и будет — откуда же лишний кусок хлеба возьмется?

— Смотри,— Юстина показала на свечи,— свечей столько же, да? А света стало больше, чем в каждой вашей комнате... и еды, когда она вся на всех, тоже будет больше.

— Свет — это понятно, а вот с едой... — усмехнулся крестьянин.

— Попробуй — сам увидишь,— сказала Юстина и села за стол.— Ну, будем ужинать или как?

...Уже давно была съедена скудная пища, но расхотеться не хотелось: может быть, впервые за долгие годы эти люди сидели за ярко освещенным столом, сидели все вместе, как на празднике.

И вроде бы праздника не было и не то, что веселья, разговора даже не было, а все-таки какой-то дух мира, общности и спокойствия рождал этот общий стол в поздний вечерний час.

И это ощущалось в лицах людей, в их непринужденных позах. Юстина оглядела стол и неожиданно для себя улыбнулась, улыбнулась впервые с той самой страшной ночи...

Солнце клонилось к закату, а обитатели дома Юстины работали на земле, не разгибая спины. Работали все, даже маленький Ольгерт таскал в своем ведерке клубни картофеля и ссыпал их в общую кучу.

Они оторвались от работы только тогда, когда к дому Якоба подлетел на лошади молодой парень, Стасис. Он очень торопился — тем не менее, соблюдая традиции, спешился и степенно поздоровался с земляками.

— Здравствуй, Стасис,— нестройно отвели люди.

Ритуал был исполнен, и Стасис уже торопливо закричал:

— Кончайте работать! Вы что, забыли? Собрание у нас! Все должны быть! Начальство уже прикатило!

Люди нехотя оторвались от работы.

— Бек не собирался,— пробормотал пожилой крестьянин.— И чего созывают?

— Чего, чего! Колхоз организовывать будут!

— А чего это такое — колхоз?

— А это, когда все вместе,— ответил Стасис.

— А мы и так все вместе...

И все-таки пришлось оторваться от работы и нестройной толпой отправиться в просторную конюшню, в которой должно было состояться общее собрание.

Впереди шла Юстина, а рядом с ней, забыв о коне, неторопливо следовавшем за хозяином, шагал Стасис. Он все порывался что-то сказать, но не решался. Наконец, так и не найдя слов, он легко коснулся руки Юстины. Она вздрогнула, пристально посмотрела на него.

— Юстя...— с нескрываемой нежностью прошептал Стасис.— Юстя,— повторил он, пытаясь в звуке ее имени высказать все, что заставляло трепетать его сердце.

Но Юстина только отрицательно покачала головой и ускорила шаг.

В президиуме сидел представитель района и рядом с ним серьезный человек в го-

родской одежде. Крестьяне выступали активно.

— А кто говорит, что этот вот гражданин, фамилию не запомнил, плохой работяга... хороший, может быть, но ведь незнакомый нам...— говорил Збигнев,— а жрать нам, простите, и сегодня нечего! И нам и коровкам нашим...

В зале загудели.

— А мы народец темный, упрямый,— продолжал Збигнев,— что с нас взять? Вот если он на нас кричать не будет, можем и разбаловаться, а ежели начнет — то кто ж ему позволит кричать на нас: чужой он, гражданин-то ваш...

— Это несерьезный разговор, товарищи,— с места сказал представитель района,— мы товарища знаем, потому и направили к вам. Он, между прочим, человек известный.

— А пусть бы и работал, где он известный,— крикнул из зала молодой парень.

А на сцену уже решительно шла старая Марта.

— Вот что я скажу вам,— начала она,— вы хотите, чтобы мы богато жили, вот и председателя привозите, а вы нам лучше зерна привозите или корму для скота, а уж председателя мы сами найдем... среди своих...

— Товарищи, товарищи! — вмешался представитель района.— Давайте посерьезнее! Поймите же, колхоз — дело новое, ответственное. Чтобы руководить им, нужен человек с опытом.

Все замолчали.

— Опыт работы у вас есть,— продолжал представитель района,— а организовать, руководить?

— Можно я скажу? — раздалось из глубины конюшни. Поднялся пожилой крестьянин, один из жильцов дома Якоба.

— Есть у нас такой человек,— сказал он.— Мы еще про ваши колхозы ничего не слышали, а он уже организовал колхоз. Только без названия.

— Точно,— подхватил другой крестьянин.— У нас уже есть колхоз! Я вот про

себя скажу: и колхоз есть и результаты есть.

— Какие такие результаты? — недоверчиво переспросил представитель района.

— А они, — продолжал крестьянин, — горой картошки в доме Якоба насыпаны. Вот если у вас такой колхоз будет и такой председатель, как у нас, тогда я двумя ногами пойду туда!

— Юстина? — изумленно выдохнул Збигнев.

И все зашептали: Юстина, Юстина...

— Юстина? — спросил представитель района и изумленно посмотрел на лес рук, поднявшихся в ответ.

— Это еще пятидесятого года не было, а колхоз уже сделали. Помню, Юстина пришла ко мне и молчит... А я слышал, что в этот колхоз надо все отдавать, а у меня что есть? Титра одна да палочки! Я-то ее отдавать не хотел, а она молчит и молчит... Тут я испугался — согласился... — рассказывает Франц.

Был вечер. Шумел темный, тревожный лес. Тяжело ступая по пустынной дороге, шла Юстина. Позади нее послышалось ржание лошади и скрип колес. Но она продолжала идти, не оборачиваясь.

— Юстина! — окликнул ее человек, ехавший на телеге. Это был Ромуальд, учитель. Он соскочил с телеги и пошел рядом.

— Ты даже не обернулась, — сказал он, — а ведь так тревожно кругом, и ты одна...

Юстина пожала плечами.

— Ты уже ничего не боишься, — сказал Ромуальд.

— Ничего, — подтвердила Юстина.

— Поэтому ты и пошла в председатели, — задумчиво произнес Ромуальд.

— Нет, нет, — неожиданно страстно заговорила Юстина, — не поэтому... и, может быть, не только из-за Игнасы... Я хотела

жить, учитель... И знать, ради чего жить... Теперь я знаю, ради чего я живу...

— Колхоз, это, конечно, неплохо, — вздохнул Ромуальд. — Но жить ради колхоза, не знаю... Колхоз колхозом, а жизнь — это жизнь...

— Если ради колхоза стоило погибать, то жить точно стоит! — упрямо ответила Юстина.

Ромуальд долго молча смотрел на нее.

— Ну, успеха тебе, председатель, — наконец сказал он, впервые назвав Юстину не по имени.

Сколько дней прошло с той поры, месяцев, а может быть, и лет... Но разве считает труженик закаты и рассветы?! Он, человек природы, сливается с ней в незаметности труда, в повседневности усилий, и только когда наливаются соком плоды и тяжело склоняют стебель зерна, становится ясно, что прошло время и время наступило — время жатвы, время праздника, время, материализовавшее труд в щедрую дань изобилия.

— Подпиши, председатель...

Только что кончился ужин в доме Якоба, но из-за стола никто не уходил.

— Что это? — спросила Юстина у колхозника, протягивающего ей клочок бумаги.

— Да леса бы надо... дом строить... свой! — ответил тот.

— Вам здесь плохо? — спросила Юстина.

— Неплохо, — ответил колхозник, — но сама пойми, пришла пора строить!

— Ну строй, — вздохнула Юстина и подписала заявление.

И тут она увидела, как смотрят на этот клочок бумаги бывшие погорельцы, жители дома Якоба. Было видно, что и им пора строить.

...Все меньше и меньше свечей загоралось теперь вечерами в столовой дома

Якоба. И однажды, когда Юстина спустилась к ужину, неся в одной руке еду, а в другой горящую свечу, она увидела, что на столе стоит лишь одна свеча и Рихард с женой как-то смущенно смотрят на нее.

— Давайте,— сказала она,— подпишу...

Они облегченно вздохнули.

Ели молча, но когда пришла пора расходиться, Рихард, не выдержав, положил ей руку на плечо и сказал:

— Построим дом — и твоим он будет. Мы ведь теперь навеки одна семья...

Так опустел этот большой и мрачноватый дом, который стал пристанищем погорельцам в трудные послевоенные годы. Так закончила свое существование одна большая бедная семья, где главой, матерью была Юстина.

Так начался новый этап в жизни колхоза и в жизни людей колхоза. Что ж, в этом тоже была высокая справедливость, ставшая приметой времени — времени строить!

Но последней точкой в исчислении этого времени стал тот день, когда Юстина, идя по дороге, вдруг остановилась. Она не столь поняла, сколь почувствовала — что-то изменилось в окружающей ее природе, что-то очень важное, будто она потеряла свою близость с этой дорогой.

Юстина стояла и смотрела пристально на широкую вырубку у дороги, на свежие пеньки, но не могла вспомнить, и вдруг перед ее глазами встало дерево со следом пули, с медленно облетающей корой, дерево, в которое она стреляла из винтовки Игнаса. Дерево было перед глазами, но на самом деле его уже не было — только пенек, один из пеньков.

Все. Прошлое ушло. Дерево срубили. Кто же теперь найдет его след в новой избе. Глаз не отыщет, разве что память.

И Юстина тут же вернулась в дом Якоба, собрала свои немудреные пожитки, крепко заперла дом и ушла жить в маленькую комнатку при конторе.

Уходя, она обернулась. Дом Якоба стоял на отшибе, большой и мрачный, будто там никогда и не жили.

Комнатка при правлении, в которой поселилась Юстина, была маленькой и обставленной только самым необходимым. Стол, два стула, кровать и вешалка. И по обстановке, казалось, ничего нельзя было бы сказать о личности хозяина, если бы не фотографии на стене: отец и мать в день свадьбы — типичное произведение провинциального кустаря, и солдатская фотография со следом от печати — маленький прямоугольник в большом паспарту — портрет Игнаса.

Вот и все. Вся жизнь Юстины.

Поздно вечером, перед тем, как лечь спать, Юстина долго смотрела на фотографии, не в силах отвести взгляд. Она знала эту ночную пору, эту вяжущую тоску и поэтому старалась возвращаться в свою комнатку уже обессиленной, когда падаешь в постель и не хватает дыхания загасить свечу. Протянешь руку, прижмешь фитиль, и темнота, темнота и тишина...

Однажды поздно вечером в эту комнатку заглянул Ромуальд. Юстина усадила его на стул, села напротив.

— Учитель,— сразу начала она разговор по существу,— как наши дети учатся?

— Как обычно,— усмехнулся Ромуальд неожиданному вопросу,— кто как...

— Голодные? — спросила Юстина.

— Не сытые,— уклончиво ответил Ромуальд.

— Послушайте, учитель,— задумчиво сказала Юстина,— вы знаете, что мы еще небогаты, из нищеты еле-еле выкарабкиваемся, но ведь дети не должны страдать.

Ромуальд не понимал, к чему клонит Юстина.

— Я добьюсь, чтобы колхоз кормил детей бесплатно прямо в школе, от всего оторвем — накормим. Но я хочу, чтобы они знали, чего стоит хлеб, чтобы они заслужили его.

— Дети не должны заслуживать еду,— уверенно сказал Ромуальд,— они дети!

— Нет,— Юстина была очень упряма,—

нет, они должны... Мы будем слушать на протяжении их двойки — первым вопросом.

— Юстя,— неожиданно нежно сказал учитель,— ты и жестока, и добра — это потому, что у тебя нет своей семьи... А я знаю человека, который тебя любит... пусть он старше тебя, но любит и будет любить и тебя и твоих детей... Надо забыть прошлое, Юстя!

— Я не могу забыть... и не понимаю, как можно заставить себя забыть...— Юстина уже вся была в прошлом.

— Ты права,— учитель внимательно смотрел на Юстину,— заставить себя забыть нельзя... Но когда появляются дети, с первого крика малыша новая жизнь вытеснит память, Юстя!

Юстина молча слушала или не слушала его, склонив голову.

— Я понимаю,— тихо продолжал учитель,— что самое трудное кого-то полюбить... но ребенка... ребенка ты полюбишь новой любовью, и это не будет изменой прежней любви, поверь мне, Юстя...

Юстина молчала. Было уже совсем темно, света не зажигали.

— Ты хочешь стать матерью для всех детей,— медленно говорил Ромуальд,— но это потому, что у тебя нет своего, а любовь уже есть... она живет в тебе. Ты молода, тебе надо родить ребенка для своей любви...

Он протянул руку через стол и нежно, почти невесомо, положил ее на руку Юстины. Она подняла голову.

— Я не хочу забыть...— тихо и твердо сказала она.

— Получай, хозяин.— Возчик выгружал мешки с мукой у свинофермы.— Расти своих хряков.

Зоотехник развязал один из мешков, пощупал муку. Покачал головой.

— Такой продукт переводить... Наш председатель на свиньях помешалась: все рацион, рацион... А свинья она и есть свинья, все сожрет, хоть траву, хоть что...

— Мука верней,— рассмеялся возчик.—

Председатель говорит, что свиньи нас в люди выведут.

— Они и так выведут,— мрачно пробормотал зоотехник.

Стасис угрюмо сидел в углу конторы и терпеливо ждал, пока освободится Юстина. Юстина несколько раз поднимала голову и с тревогой посматривала в его сторону. Наконец ушел последний посетитель и Юстина кивнула Стасису.

Они прошли в комнатку Юстины. Сели. Стасис молчал.

— Проститься пришел? — спросила Юстина.

— Уже знаешь? — усмехнулся Стасис.— Колхозная разведка донесла?

— Что с того, что знаю,— небрежно сказала Юстина,— видишь — не побежала за тобой, не закричала: не уходи, пожалей колхоз... Уходишь — уходи!

— Я не прощаться пришел,— раскручивая самого себя, начал Стасис,— нет, чего прощаться... Я хотел, чтобы ты поняла меня, чтобы не думала, что просто бегу...

— Конечно, бежишь,— усмехнулась Юстина.

— Нет, ты не понимаешь! Бегут от трусости, а знаешь, сколько надо смелости, чтобы решиться бросить дом, родных... тебя...

— Ну вот, опять! — вспыхнула Юстина.— Забудь об этом, забудь... Этого не забудет никогда!

— Все равно не забуду...— сказал Стасис.— Но трудно мне, пойми. Я все здесь оставляю, голым ухожу... Здесь я самый богатый: и уважение мне, и дом, и ты... Подумай, почему я ухожу в город, если здесь все имею?

Юстина смотрела в окно, будто там увидела что-то интересное.

— Пойми же,— понизил голос Стасис,— дом, богатство, даже родная земля — это еще не все, не вся жизнь... Я думал: ну пройдет тридцать лет, я стану старым, и что? Что было за эти тридцать лет — все

одно и то же... а жизнь это все время новое, новое, понимаешь?

— Не понимаю,— сухо сказала Юстина.— И никогда не пойму. Громкие слова изобрел ты, Стасис. Жизнь, жизнь! Что жизнь?! Дом, деньги, еда? Нет, жизнь — это быть с людьми и быть для них, а ты все про себя да про себя... скучно слушать тебя!

— Тоже громкие слова,— резко сказал Стасис,— не хочешь понять, о чем я говорю!

— Ладно,—махнула рукой Юстина,— считай, что простился, иди ищи свою жизнь!

Стасис встал.

— Работа, работа! Молодым себя не чувствуешь! — крикнул он.— Молодым!

— Танцев что ли захотел? — небрежно бросила Юстина.

— Да хотя бы танцев! — И Стасис, резко повернувшись, вышел.

Юстина осталась одна. Она вся напряглась, борясь с желанием зарыдать. Потом быстро вскочила, распахнула окно и крикнула:

— Стасис! Стасис!

Склонив голову, она ждала, пока к окну подойдет Стасис. Он молча ждал.

— Стасис,— сказала Юстина, не поднимая головы,— у меня к тебе одна большая личная просьба... не уезжай, Стасис. Не уезжай...

Поздним вечером Юстина обходила свое хозяйство. Несмотря на сумрак, она легко шла по дороге, и сразу было видно, что дорога эта ею хожена-перехожена. Войдя в ворота свинофермы, она уверенно потянулась рукой в угол, где висела керосиновая лампа, зажгла ее и... замерла: свиньи лежали вповалку и почти не дышали, казалось, что они спали. Но Юстина, потомственная крестьянка, с первого взгляда определила, что произошло что-то неладное. Она бросилась к ним, тормозила, била сапогом, пытаясь разбудить, но они не шевелились.

Лицо Юстины исказилось: она дико закричала и бросилась из свинарника.

— Ян, Ян!.. Ян, черт побери!

Из сарайчика вышел пьяный Ян. Он еле держался на ногах.

— Ян, свиньи сдохли!

— Да-а-а?.. Разве? — Ян был очень удивлен, но по-пьяному спокоен.

— Убью тебя! — крикнула Юстина так, что Ян поежился.

— Да спят они, спят...— сказал он и высморкался.

— Спят?! — Юстина бросилась обратно. Ян поплелся за ней.

— Спят?! — кричала Юстина, пиная свиней ногами.— Спят?! Спят?!

Удары сыпались на несчастных животных. И вдруг Юстина рухнула и, рыдая, стала обнимать туши свиней... Потом вскочила:

— Что ты стоишь, идол?! Беги за фельдшером!

Ян неожиданно ухмыльнулся. Юстина коротко глянула на него и побежала по ночной дороге. Потом, тяжело дыша, сменила бег на шаг и снова, пересиливая себя, побежала...

— ...Они пьяны. Тяжелая алкогольная интоксикация,—браврируя термином, сказал сонный фельдшер.— Утром те, кто сильнее, будут на ногах...

Юстина смотрела на Яна. Он снова пьяно ухмыльнулся.

— Мука продукт дорогой,— сказал он,— а от браги свиньи еще лучше растут, я это дело хорошо знаю...

...В эту ночь, несмотря на усталость, Юстина не могла заснуть. Стоило ей закрыть глаза, как всплывали перед ее глазами «мертвые» свиньи, пьяный Ян и, уже неизвестно откуда, странное лицо убийцы. Прошлое возвращается к нам в моменты душевной боли, нервных срывов, безумной усталости.

Юстина открыла глаза — за окном уже светало... На стене высветлилась солдатская фотография...

Шло общее собрание колхоза.

— Второй вопрос: об исключении из колхоза заведующего свинофермой. Все уже знают, что он гнал из муки, предназначенной свиньям, самогон, а свиньям давал брагу. Ясно, что он — вор, мошенник и пьяница. Я предлагаю его исключить, — сказала Юстина и села на место.

Вскочил Ян.

— Ну, было, я ведь не отрицаю! Все знают — свекор у меня помер, на поминки все ведь придут, вот я и сварил, — закричал он. — Но свиньи же не сдохли — это раз! Во-вторых, я сам в науке читал, что брага полезна.

— Свиньям, что ли? — крикнули из зала.

— И людям, — резво отозвался Ян.

— Во плетет, — незлобно откликнулись из зала, раздался смех.

— Ну чего там, все мы все понимаем, — обрадовался смеху Ян. — Да если так, я хоть сегодня из колхоза готов уйти, подумаешь! Но гнать человека, позорить его из-за каких-то свиней, где это слыхано?!

В зале молчали.

— Да нигде! — крикнул Ян. — Это только нашей волю дать, она бы пристрелила меня на месте, так и кричала: убью, убью!

— И убила бы, — негромко сказала Юстина.

— Видите, сами видите, — обратился к залу Ян, — помешанная она, то на коровах племенных, то на свиньях этих помешанная!

По залу прошел ропот. Юстина встала.

— Кто ел хлеб из такой муки, которую свиньям мы ради рациона отдали, кто?! От себя оторвали, чтобы выбиться, чтобы лучше жить! Если бы ты хлеб спек, и то прощения тебе бы не было, а ты самогонку... Ставлю вопрос на голосование: кто за то, чтобы исключить его из колхоза?

Ни одна рука не поднялась в зале. Юстина прищурилась.

— Кто против?

И снова ни одна рука не поднялась в зале.

— Так, — сказала Юстина. — Вижу, вы только за глаза смелые. Ставлю вопрос на голосование: кто за то, чтобы не исключать его из колхоза.

И снова ни одной руки.

— Принято единогласно, — усмехнулась Юстина. — Вали из колхоза... поддец... Третий вопрос: об организации танцплощадки...

Франц играл вальсы, и на деревянном кругу танцплощадки кружились пары. Здесь были и совсем молодые ребята, и те, кому было уже за тридцать, ровесники Юстины. Юстина стояла в стороне и смотрела на Стасиса. Он танцевал с молоденькой девушкой, танцевал неумело, но так радостно, что впору было позавидовать ему. И Юстина улыбнулась, только улыбка у нее вышла грустная.

И звучало «На сопках Манчжурии» и «Амурские волны», и все были беззаботны, кроме Юстины. Но о чем она думала в этот час, глядя на своих танцующих сверстников? И почему не было у нее даже мысли самой танцевать, и никто не понимал, что можно пригласить ее...

А Франц все играл и играл...

Прошло время, пробежали годы, и вот уже на бетонном кругу танцплощадки ритмично танцует молодежь. Шейк, шейк! Не пары, как раньше, а все вместе — и в ритме, и в движении улыбаются случайному визави, и дальше новое лицо. Да и улыбка реже, ибо это танец для всех, и значит, для одного.

На помосте мощные динамики. На помосте парни с электронными инструментами. Они тоже танцуют, только на месте, танцуют телом, лицом и слитностью с музыкой. Шейк, шейк... Но чего нам недостает в этом измененном времени, в этом символе времени — танцплощадке?! Ах, как дать почувствовать, что недостает нам... Франца...

Рихард добивал шкаф. Комод уже лежал на боку рядом с другими перевернутыми и поломанными вещами, и Рихард в каком-то экстазе выламывал дверцу шкафа.

— Будешь знать, будешь знать,— повторил он, обращаясь к шкафу, хотя в гнев была повинна его жена, которая молча стояла в углу, заплаканная, не решаясь воспрепятствовать мужу.

— Пусть твой пьяница шкаф тебе покупает! — кричал Рихард, отбрасывая поломанную дверцу и ища взглядом — что бы еще сломать. — Бутылки за ним сдавать будешь!

Он бросился к телевизору, но ломать его не решился, а просто перевернул.

— Да не было ничего, не было,— кричала жена.

— Шлюха,— продолжал кричать Рихард,— все у тебя есть, так ты из дома бежать! На тебе, на!

Жену он бить не решался, а вот посуду... посуду бил с наслаждением... За этим занятием его и застала Юстина — по-видимому, кто-то из соседей сообщил ей, что у кузнеца в доме погром.

— Здравствуй, Рихард,— сказала Юстина. — Бьешь? Бей, бей.

— Чего тебе? — открылся Рихард.

— Кто-то эти вещи делал, а ты бьешь... ну, бей — чего остановился?

— Кто тебя звал? Зачем пришла... почему не постучала?

Юстина улыбнулась.

— А я не привыкла стучать,— сказала она.

— А ведь привыкнуть надо! — кричал Рихард. — Это все-таки мой дом!

— Твой-то твой, но тебе его колхоз построил,— жестко сказала Юстина.

— Задаром построил, да?! Или я с утра до ночи не вкалывал?! Уходи!

— Так не поступают, Рихард,— сказала она,— семейные дела не битьем надо решать.

— Это мой дом, мне и решать! Чего ты вмешиваешься?! — заорал Рихард. — Если я на работе сорвусь — давай, валяй, а здесь

не смей! Нечего в личные дела чужим соваться!

— Чужим — конечно,— с достоинством сказала Юстина,— но разве я чужая?

— А то своя!.. Тоже свояченица нашла,— сердито, но уже успокаиваясь, сказал Рихард.

— Как знаешь,— Юстина поднялась,— но в семье так не живут, стыдно так жить!

— А что вы-то понимаете в семье, председатель? — неожиданно вмешалась жена Рихарда. — Вот уж нашла — во всем понимает! Да у вас самой семьи-то никогда не было, а тоже гляди — все знает!..

— У меня была семья — большая, не такая богатая, чтобы телевизоры переворачивать, но была добрая, человеческая семья. Или вы уже забыли дом Якоба... Что ж, я уйду... Я ведь не научилась забывать,— горько сказала Юстина и вышла из дома.

Рихард помолчал. Потом сказал:

— Дура ты и шлюха, за что вдову-то обидела?.. Помогли!

И они стали переворачивать телевизор.

В комнату правления заглянул Ольгерт, крутя на пальце ключи от машины. Вопросительно посмотрел на Юстину. Это был тот самый Ольгерт, которого мальчишкой Юстина взяла в дом из землянки.

— Едем? — безразлично спросил он.

— Едем,— ответила Юстина.

...Гремел кассетный магнитофон. Юстина села в машину.

— Кто это? — она кивнула на магнитофон.

— Дюк Элингтон,— небрежно бросил Ольгерт.

— Это хорошо? — спросила Юстина.

— Хорошо,— чуть свысока ответил Ольгерт.

И они понеслись по дороге в ритме музыки.

— А помнишь,— неожиданно спросила Юстина,— как мы тебя когда-то за двойки разбирали?

— Что-то было,— небрежно ответил Ольгерт.

— Ты мне тогда исправить двойки обещаал...

Ольгерт с удивлением посмотрел на Юстину.

— И вы помните? Я не помню, а вы помните... чудеса...

— Ты еще тогда сказал, что не можешь любить математику, потому что любишь музыку. Жаль, что ты не стал музыкантом,— сказала Юстина.

— Мне не жаль, а вам жаль... чудеса...— повторил Ольгерт и сделал звук громче.

Юстина хотела еще что-то сказать, но промолчала.

— Куда едем? — небрежно спросил Ольгерт.

— В школу,— ответила Юстина.

...Ромуальд усадил ее за учительский стол, а сам присел за парту. Помолчал, выжидая.

— Учитель,— сказала Юстина,— я ничего не понимаю... Я всегда была им нужна, и не только на работе... А теперь я какая-то уважаемая, но обуза.. Я не знаю, не понимаю, чем я виновата.

— Ничем,— тихо сказал Ромуальд.— Просто, когда были бедны, ты была их кормилицей, и тебе все было можно... А теперь, теперь они богаты, уверены в себе, они хотят жить сами...— И добавил после паузы: — И имеют на это полное право.

— Кому же нужна я?

— Мне,— сказал Ромуальд.

Юстина молчала, Ромуальд вдруг рассмеялся.

— Смешно, я сказал «мне»,— он покачал головой.— В декабре мне будет шестьдесят девять, а в семидесятом, если доживу... если доживу — семьдесят...

— Неужели богатство так портит людей,— продолжала размышлять о своем Юстина,— все замкнулись, все сами по себе и даже работать лишнего не хотят, потому что... ты не поверишь, учитель, потому что жить хорошо стало... Надо о здоровье ду-

мать, говорят. Мы не скряги, говорят... Но мне... что делать мне, Ромуальд?

— Жить,— сказал Ромуальд.

Юстина только усмехнулась.

— Чем жить? Я всегда жила их заботами, их голодом, их детьми, чем мне жить теперь?!

— Когда тебе будет семьдесят, ты поймешь, что можно жить самой жизнью,— ответил старик.

— Думаю, что не пойму,— ответила Юстина.

И снова она сидела одна поздним вечером в своей комнатке и смотрела на фотографии... И снова не могла заснуть... Издалека до нее доносились звуки музыки... И, пожалуй, неожиданно для самой себя Юстина встала, оделась и пошла, еще не сознавая того, что она идет на звуки музыки.

Так она появилась около танцплощадки. Постояла в стороне, а потом вошла на бетонный круг и стала поодаль, прислонившись к перилам.

Вначале на Юстину обратили внимание, но скоро забыли о ней. Играл оркестр, шейк сменился твистом, твист — боссоновой, и вдруг оркестр заиграл «вальс свежий»... Молодые танцевали... Народу все прибывало, и Юстина с искренним любопытством всматривалась в свободные, раскрепощенные для ритма и чувства лица парней и девушек, стараясь понять молодежь, ее вкусы и всей душой желая полюбить это новое, чего она была лишена в юности.

И в какой-то миг улыбка скользнула по ее лицу: ей нравилось это свободное парение в танце, эта бездумность, эта необязательность...

Долгим был этот вечер. Юстина устала и присела на деревянную лавочку. Еще танец... и еще танец.. И вот-вот она уйдет, но тут произошло невозможное: среди знакомых и малознакомых лиц мелькнуло одно... Мелькнуло, и Юстина сначала не по-

няла, почему она тут же стала глазами отыскивать это лицо в толпе танцующих... И снова мелькнуло, и Юстина вся напряглась, но все еще не осознала, чем знакомо ей это лицо... Она встала со скамейки и, пользуясь перерывом в танцах, стала отыскивать это лицо. И отыскала...

Парень стоял, облокотившись о барьер, и болтал с девушкой. И вдруг Юстина поняла, поняла, почему она стала искать это лицо, она вспомнила и онемела... Это было лицо убийцы Игнаса. Это лицо она видела во сне, в ночных кошмарных видениях и страшных одиноких бессонницах... Перед Юстиной был ее смертельный враг.

И она пошла через танцплощадку необычной для себя походкой — походкой зверя перед смертельной схваткой, в безумном напряжении перед тем, как впитаться в горло...

И все смотрели на нее, потому что весь ее облик привлекал внимание. Оркестранты тоже не играли, а смотрели на нее.

Она подошла к этому человеку. Он с удивлением и тревогой смотрел на нее.

— Белый танец,— сказала она.— Я приглашаю вас.

Он растерянно кивнул. Оркестр молчал, и они одни вышли в круг и стали неопределенно покачиваться в полной тишине.

— Ты узнаешь меня? — тихо спросила Юстина, крепко сжимая его руками.

— Простите, нет,— ответил он.

— Ты помнишь латгальскую свадьбу? — спросила она.

— Какую? — вежливо спросил он.

— Ты помнишь дорогу, и гимнастерку, и как стрелял из-за плеча в Игнаса?

Парень попытался освободиться, но Юстина цепко держала его.

— Вы меня с кем-то путаете,— нервно сказал он.— Я никогда ни в кого не стрелял...

— Вот уже тридцать лет, как я мечтаю убить тебя,— тихо сказала Юстина.

Он дернулся, снова попытался высвободиться, но Юстина повисла на нем... Со всех

сторон к ним спешили люди. Ее пытались оттащить от парня.

— Оставьте меня! Какие тридцать лет, когда мне всего двадцать пять! — вдруг закричал он.

И тут Юстина сразу обмякла. Она пришла в себя, она заглянула в лицо парня и поняла, что память, как безумие, далеко завела ее.

— Где твой отец? — тихо спросила она через головы державших ее людей.

— Его уже нет,— ответил парень.

— Убили?

— Нет-нет,— парень говорил с ней, как с больной,— успокойтесь, у него был нефрозонефрит... Вот уже пять лет, как он умер...

— Нефрозонефрит...— повторила Юстина,— пустите меня,— она освободилась от державших ее людей,— пустите... я опоздала.

И она, сгорбившись и не оборачиваясь, пошла с танцплощадки.

Она шла по лесу к селу. Позади нее было молчание... Она пристально смотрела себе под ноги... И вдруг... вдруг она услышала звуки джаза. Она замерла...

Да, на танцплощадке снова играл оркестр. Танцы продолжались.

Юстина все еще не спала, когда утром у окна просигналил Ольгерт.

— Едем в город,— сказала Юстина, садясь в машину. В голосе ее звучала решимость.

Гремела в газике музыка, но Юстина на этот раз не спросила: «Кто это?»

— Это Дейв Брубек,— не выдержал Ольгерт.

— Это хорошо? — машинально спросила Юстина.

— Отлично,— ответил Ольгерт и сложил голову помчал машину.

Машина остановилась около магазина. Юстина вошла в него, а Ольгерт терпеливо ждал, раскачиваясь в такт музыке. Он не

сразу сообразил, что в машину села Юстина. На ней было все новое: платье, туфли, поверх — распахнутое пальто, в руках она держала большой сверток, свои старые вещи.

— Что — хорошо? — нервно спросила Юстина.

— Отлично! — ответил Ольгерт и прищелкнул.

Заседало правление. Выступал член правления, молодой парень:

— Вот я тут одну статейку из журнала перевел, так там сказано, что применение ядохимикатов повышает урожайность, знаете, во сколько раз?

— Не знаю, — резко сказала Юстина, — и знать не хочу. Нечего травить природу, ее отравим — себя отравим.

— Никто не отравился, одни мы отравимся, — усмехнулся парень.

Юстина упрямо покачала головой.

— Ты, председатель, по-моему, уж так на все привыкла говорить «нет», что слово «да» забыла, — неожиданно вмешался Стасис.

— Она говорит «да» только своим идеям, — усмехнулся Збигнев, новый секретарь парткома.

— Я говорю «да» — удобрениям, я говорю «да» — строительству полосы для сельхозавиации, я говорю «да», когда транжирят колхозные деньги на этот ваш громкий оркестр, — горячо возразила Юстина. — Но вы меня не убедите, что нужны яды!

— Да ее убедить невозможно, — пожал плечами парень, — ставьте вопрос на голосование, у нас все-таки демократия...

— А чего голосовать, — Збигнев обвел глазами всех членов правления, — мы все за, она одна против.

— Я — против! — крикнула Юстина. — И не дам применять яды!

— Слушай, — вдруг раздраженно сказал Стасис, — зачем ты платье надела, а?! Тебе больше гимнастерка шла...

Это было неожиданно. Неожиданно и жестоко. Юстина потеряла дыханье...

— Хорошо, — очень тихо сказала она, — я поняла, мне пора... я уйду...

И она, тяжело поднявшись, вышла из правления... Все молча сидели... Первым очнулся Стасис — он выскочил за Юстиной.

— Юстя, — неожиданно мягко сказал он, догнав ее, — Юстя, извини...

Юстина молча шла.

— Юстина... У меня к тебе одна личная просьба...

Юстина остановилась, отрицательно покачала головой.

— Одна личная просьба, — повторил Стасис.

Юстина стояла, прикрыв глаза.

— Не уходи, — тихо сказал Стасис.

Юстина ничего не ответила, из-под сжатых век текли слезы...

В эти дни и состоялась последняя встреча Юстины с Ромуальдом. Старый учитель, прослышав о событиях последних дней, сам пришел к Юстине. Он был уже очень стар, плохо слышал, все время вытирал слезящиеся глаза.

— Я все знаю, — сказал он, когда Юстина усадила его на стул, — все-все... Я хочу тебе кое-что сказать, Юстина.

Он говорил чрезмерно громко, как все глуховатые люди.

— Слушай меня. Ты не поняла этих людей, они тебя любят...

— Кто? — спросила Юстина.

— Что? — Ромуальд приглядывался к губам, чтобы лучше понять слова.

— Кто меня любит, ты? — повторила Юстина.

— Я! — старик кивнул. — Но любовь старого человека — пустой звук. Перед смертью всех начинаешь любить... Тебя они любят, эти люди, но любят, как выросшие дети... понимаешь... Они не показывают своих чувств, но будет повод, ты увидишь...

— Повод?! Это речи на кладбище, да?!

— Что? Прости, я плохо слышать стал.

— Ничего,— сказала Юстина,— у меня есть моя работа, и мне не надо ни любви от них, ни жалости... Конечно, у меня не в порядке нервы, но разве можно столько прожить, столько терять, сквозь такую кровь пройти... и быть спокойным... Нормальный человек этого не может... никогда...

— Да, да,— тихо, будто бы сам себе, сказал Ромуальд,— ты умеешь сеять, но не умеешь пожинать... Да-да, ты такая...

— Учитель, тебе совсем плохо? — спросила Юстина.— Я хотела бы тебе чем-нибудь помочь...

— Помочь поздно... Но знаешь, прости меня, Юстина, за глупость мою... за ту ночь... за твою свадьбу...

— Поздно,— сказала Юстина,— нефрозолефрит... он умер в своей постели... ведь это же с ума сойти можно...

— Что? — переспросил Ромуальд.

— Ничего,— жестко сказала Юстина.— Работать буду. Пока я работаю, меня не одолеть.

Ромуальд кивнул.

— Хочешь чаю с вареньем? — спросила Юстина.

— Нет.— Ромуальд пожал плечами.— Зачем он мне теперь...

И он пошел к двери, забыв попрощаться. Да и что прощаться, когда уходишь на веки...

У входа на кладбище висело объявление: «Сегодня день памяти умерших».

К вечеру стали сходить люди. Они были празднично одеты, но черная повязка или платок говорили о том, что сегодня торжественно-траурная церемония. В руках у людей были продолговатые свертки. Все сдержанно здоровались.

Появились какие-то старички с духовыми инструментами. Они примостились неподалеку, достали из карманов маленькие блокноты с нотной записью, будто бы не играли одну и ту же мелодию тысячи раз...

Несколько девушек в синих до пят платьях с ромашками на груди шептались с краю.

Появилась Юстина. На ней было скромное темное платье.

Все замолчали. Юстина вышла вперед. — Товарищи,— начала она,— сегодня мы пришли на день памяти умерших. Сегодня мы вспомним о всех наших близких, которые ушли от нас...

И она отступила назад. Старички подняли трубы, и траурный марш Шопена поплыл над заросшим лесным деревенским кладбищем.

И снова Юстина шагнула вперед. Старички продували трубы. Она подождала мгновение и стала говорить: конечно, она соблюдала древний, выработанный веками ритуал, но в каждое слово она вкладывала личную боль, личное страдание.

— Сегодня мы вспомним наших матерей... Давно или недавно они ушли от нас, но боль наша никогда не иссякнет, и мы по-прежнему в мгновение опасности и отчаяния, в трудные минуты зовем мать. Мы зовем ту, которая нам ближе всех, чья потеря невозполнима... Пусть многие из нас сами стали матерями, отцами, а, может быть, и бабушками... Мы стали матерями нашим детям, но сами мы до конца жизни останемся сиротами... Вспомним о наших матерях...

Девушки в синих платьях с ромашками вышли вперед и запели тихими проникновенными голосами народную песню о матери:

Маменька моя
Лежит под зеленым дерном,
Там положены милые слова,
Там толстые зеленые покрывала.
Вставай, моя маменька,
Я сниму зеленый дерн.
Уже довольно ты полежала,
Уж и я горькими слезами
Наплакалась...

Пели девушки и пели люди, собравшиеся на кладбище, но это был не хор — каждый пел для себя. Кто-то шептал слова... многие просто плакали...

Дряхлый старик, но с крепким костяком, не позволявшим ему согнуться, стоял с другой стороны ограды. Он пропительным взглядом смотрел на Юстину, и Юстина вздрогнула от этого взгляда: она узнала Якоба...

— Вспомним сегодня о наших мужьях и женах, ушедших от нас, они любили нас, они наделяли нас чувством любви, и они ушли от нас, оставив в нашем сердце любовь... Вспомним, но не простим себе, если наша гордыня, наша слепота загубила доброго друга, добрую жену... Я вспоминаю о тебе, Магда,— резко продолжала Юстина,— ты не требуешь отмщения, потому что ты любила своего мужа, любила, страдая, и умерла, страдая, когда потеряла в нем человека...

Никто не понял неожиданной нетрадиционной резкости и обращения к Магде, которую мало кто уже помнил, но Якоб склонил голову и, повернувшись, пошел прочь. Он едва передвигал ногами, но шел, не сутулясь...

— Вспомним, и пусть каждый вспомнит не только близкого своего, но и других, родных не по крови, по жизни...

И запели девушки:

Цвети, цвети луг.
Уж я больше не зацвету,
Мои цветы высыпались
На конце женихова стола.

— Вспомним сегодня о наших друзьях, верных, бескорыстных... Их уже нет среди нас, но дружбой своей они помогли нам стать людьми. Вспомним тебя, мой учитель, верный Ромуальд, разве только словам и цифрам ты учишь меня? Нет, ты учишь жить, жить и жить. Ты любил нас всех, учитель, и ты умел любить и учил любить. Вспомним о тебе, учитель...

У Юстины перехватило дыхание, но она лишь опустила голову и тут же, высоко подняв ее, громко продолжала:

— Мы привыкли в этот день говорить только о родных и знакомых, да, это так. Но разве не время нам вспомнить не только тех, кого мы знаем по именам, но и

безымянных солдат, которые лежат в одной могиле здесь, среди наших матерей и братьев, жен и рано ушедших детей. Вспомним солдат войны, вспомним солдат, погибших после войны... вспомним и не забудем их бескорыстной доброты.

И она отступила назад. Оркестр заиграл траурный марш Шопена. Люди разбрелись по кладбищу. Они доставали из свертков свечи и ставили их на могилы. Среди темных надгробий горели в сумерках разновеликие свечи, легкий ветер бил их пламя...

Юстина поставила две свечи у темного креста, на котором были имена ее родителей, потом зажгла свечу у ровной плиты со слабо очерченной солдатской звездочкой — могилы Игнаса, потом у небольшого холмика с деревянной временной табличкой, где покоился Ромуальд... потом у креста на могиле Магды, потом у братской могилы.

На братской могиле уже горело множество свечей. И она казалась костром, откуда разлетались по всему кладбищу искорки...

Горели свечи на маленьком сельском кладбище...

И горели свечи у памятника сожженной деревни Аудринь...

И горели свечи у мемориала жертвам Саласпилса.

Горели свечи, плакали женщины. Быстро стужались сумерки...

В райцентре машина остановилась около конторы «Сельхозтехники». Юстина вышла из машины, вошла в здание.

Ольгерт зевнул, включил магнитофон, но слушать музыку почему-то не хотелось. Он вылез из машины, перешел на другую сторону улицы и стал рассматривать витрину магазина. На витрине стояли бутылки бальзама. Ольгерт очень удивился и вошел в магазин.

— Бальзамчик есть? — спросил он.

— Нет,— коротко отрубила продавщица.

— А на витрине?

— То витринный... Не продается...

— Ну, а пачку сигарет дашь?

Продавщица улыбнулась:

— Курить вредно,— сказала она, кокетничая.

— Тогда бутылочку бальзама,— улыбалась, ответил он.

...Он вышел из магазина с завернутой в бумагу бутылкой. Обернулся по сторонам, вдруг заметил в окне второго этажа Юстину: она что-то яростно доказывала, энергично помогая себе руками. Ольгерт покачал головой и пошел к машине.

— Пробыли? — спросил он, когда Юстина села в машину.

— Пробыла,— ответила довольная Юстина.

— Железная вы все-таки,— сказал Ольгерт.

— Железная,— усмехнулась Юстина.— И железо пробила.

— «Жигули»? — спросил Ольгерт.

— Лучше. Больше и лучше.

— «Волгу»?

Юстина засмеялась:

— Нет, чешскую. Только ты, Ольгерт, на ней ездить не будешь. А впрочем, если захочешь...— загадочно сказала Юстина.— Отличный чешский комбайн, травяной.

— Комбайн! — протянул разочарованно Ольгерт.

— У кого что болит...— ответила Юстина, и они оба рассмеялись.

Они приехали на ферму, и коровы, узнавая ее, вытягивали шеи и мычали. Она шла, поглаживая их, называя по кличкам, придирчиво осматривая, все ли в порядке. Рядом с ней шагала заведующий фермой, с которым она обменивалась короткими деловыми репликами.

Потом она ехала в поле, беседовала с агрономом, разминала в руках зерно... Потом на сеносушилке она протиснула руку в глубину сена, проверяя, насколько эффективно работают вентиляторы... Быстро поела в столовой, но что-то заставило ее пойти на кухню, посмотреть калькуляцию и резко поговорить с заведующим производством... К концу дня было правле-

ние, и снова деловые разговоры, споры, подписание бумаг... Когда она вышла с правления, Ольгерта с машиной не было. Она оглянулась по сторонам и, махнув рукой, пошла пешком на свиноферму.

Когда она собралась в обратный путь, уже наступил вечер.

Она шла по дороге, и ее неожиданно потянуло в лес. Она вошла в лес, сняла сапоги и потопала босыми ногами по мягкому влажному мху, потом села на землю и стала собирать чернику. У нее уже были синие губы и синее пятнышко на щеке. Совсем стемнело, когда Юстина нашла свои сапоги и медленно, устало пошла домой.

Но когда она подошла к дому, ей безумно не захотелось входить в свое пустое жилище. Она остановилась, ища повод не идти домой, прошла мимо, остановилась у ближайшего дома, намереваясь зайти туда. В доме было темно, лишь голубой отсвет в окне выдавал работающий телевизор, да еще звук, громкий, суетливый: шел репортаж о международной встрече по футболу.

— Внимание, внимание, внимание!.. Мы ведем репортаж из Испании, с центрального стадиона Барселоны. Встречаются сборные команды...

Юстина пошла дальше. Звук исчез за спиной, но вдруг снова стал нарастать — в соседнем доме тоже смотрели телевизор:

— ...судья из ФРГ назначает одиннадцатиметровый штрафной удар в ворота нашей сборной...

Юстина шла дальше, и из каждого дома несло:

— ...испанские болельщики высыпали на поле, что творится! Нет, нет, все эти выходки далеки от спорта...

Она повернулась и медленно пошла назад. И, то нарастая, то отдаляясь, ее преследовал матч из Барселоны.

...Она ворочалась на постели. Встала, открыла окно. Потом закрыла окно, поохотилась за комаром. И снова легла, укрывшись с головой.

После обычного трудового дня началась обычная ночь Юстины...

И вдруг в конторе зазвенел телефон. Юстина вскочила с постели, босая, в ночной рубашке, побежала в контору, не успев зажечь свет, нащупала телефонную трубку.

— Председатель,— спросила в трубке телефонистка колхозной АТС,— вас Рига!

— Алло, алло,— раздалось в трубке.

— Да, да! Я слушаю! — закричала Юстина.

— Мне Юстину Езеповну! — прокричал в трубке незнакомый голос.

— Слушаю, я слушаю,— повторила Юстина.

— Доброй ночи,— смягчился мужской голос,— извините меня, что я так поздно, вы меня не помните, я из газеты, приезжал несколько раз к вам...

— Да, да, что-нибудь случилось? — спросила Юстина.

— Ничего, Юстина Езеповна, просто я хотел вас поздравить с пятидесятилетием!

— С чем? — не поняла Юстина.

— Меня плохо слышно? — громче зазвучал голос.— Я поздравляю вас с днем рождения, Юстина Езеповна! Успехов вам, счастья, а главное — здоровья...

— Спасибо, спасибо,— Юстина закусила губу.

— У вас, наверное, еще гости, я не стану вас отрывать... Я вам хочу сообщить редакционную тайну: сейчас в набор пошел номер, там Указ, вас наградили орденом Трудового Красного Знамени!

— Спасибо, спасибо,— Юстина едва сдерживалась, чтобы не зарыдать.

— Всего вам доброго,— прокричал мужской голос,— всего доброго...

В трубке слышались частые гудки. Юстина все еще стояла с трубкой в руке. Ее душили слезы.

— Боже мой,— сдавленно сказала она вслух,— боже мой... я ведь никогда не знала своего дня рождения... никогда...

Она медленно опустила трубку на рычаг и пошла, зажигая повсюду свет.

Она оделась, обулась, стала накрывать на стол: поставила хлеб, творог, колбасу и безнадежно шарила в поисках бутылки вина. Но вина не было, и тогда она достала кувшин с молоком и поставила его на стол.

Затем она села за стол... Посидела, глядя на него, облокотившись и зажав рот одной ладонью... потом встала и... пошла гасить повсюду свет...

Уже в темноте она разделась и рухнула в постель...

А в это время телефонистка лихорадочно звонила по всем известным ей телефонам.

Она втыкала штекер в гнездо и терпеливо ждала, пока ответят, потому что на дворе была глубокая ночь и все спали.

— Агроном! — кричала она в прикрепленный к подбородку микрофон.— Вы спите, агроном, вам не стыдно?!

— А кто это? — зевая, спрашивал агроном.

— Никто, телефонистка! Вы знаете, что сегодня председателю исполнилось пятьдесят, в Риге вспомнили, а вы... вы!

И она отключала связь и втыкала штекер в другое гнездо.

— Алло,— кричала она в микрофон,— это телефонистка, сейчас звонили председателю из Риги, у нее сегодня день рождения, пятьдесят! Ее наградили орденом, а вы спите, вам не стыдно спать, когда она там рыдает?

— Кто рыдает? — спрашивали спящие.

— Юстина, я сама слышала,— кричала телефонистка и уже вставляла штекер в новое гнездо...

Уже светало, но Юстина не спала. Она лежала в постели, пристально смотрела все на те же фотографии на стене. В душе ее не было покоя — наступило какое-то странное оцепенение. Она не вспоминала прошлое, нет, она просто смотрела на фотографии...

А село уже не спало. Ольгерт мчался

по дороге и, приехав на хутор, резко и настойчиво стучал в окна домов...

К реке подъехали два грузовика, и с них разгрузили деревянные столы и лавки...

Из нескольких домов вынесли бочки с пивом и покатали их к реке...

Молодые парни волокли хворост и складывали его в большой костер...

Ольгерт стремительно ворвался домой, открыл буфет, вытащил бутылку бальзама.

— Ольгерт! — окликнула его проснувшаяся мать. — Ты куда это с бутылкой? Как тебе не стыдно!

— Да не пить я! — возмутился Ольгерт. — У Юстины сегодня день рождения. Пятьдесят ей. Так вот, в подарок...

— Глухой ты, Ольгерт, — сказала мать, — женщине цветы дарить надо. Погоди, я сейчас розы пойду срежу.

И она, крихтя, не торопясь, в одной ночной рубашке, пошла в сад, где в утренней дымке светились росой матовые бутоны...

А к реке уже приволокли ось телеги с одним колесом, и теперь смазывали ее мазутом... втыкали в землю...

Плели венки...

Вытаскивали из-под пресса сыр...

Расставляли по столам кружки и жбаны...

Примчался Ольгерт, сунул в жбан огромный букет роз и во главу стола поставил бутылку с бальзамом...

Стасис стучал в какой-то дом.

— Нет его, — отвечала пожилая женщина, — до утра не ждите...

— Инструмент оставил? — спросил Ольгерт.

— Угу...

— Давай трубу...

К реке сходились парни из джаз-оркестра. Подошел Стасис с трубой. Парни удивленно посмотрели на него.

— А вы играть-то умеете?

— Научите — сумею, — ответил Стасис.

Парни рассмеялись.

— Надо дуть, — сказал один из них, —

но так, чтобы музыка была...

И они снова рассмеялись.

Разгорался большой костер. Все было накрыто, все в сборе. Было уже светло, но солнце еще не встало.

— Давай за председателем, — сказал Стасис Ольгерту.

И Ольгерт, крутя на пальце ключи, пошел к машине.

— Погоди, Ольгерт, — окликнул его Збигнев, — надо на машине... Я ее привезу по обычаю — на лошадях.

И Стасис улыбнулся и кивнул в ответ.

И вот уже легкая повозка, запряженная двумя лошадьми в венках, подкатила к конторе.

А Юстина все еще не спала. Она была в каком-то забытье и не сразу отозвалась на стук в дверь.

— Кто там? — крикнула она, торопливо одеваясь.

— Давай, председатель, выходи, — крикнул Збигнев.

Юстина вышла. Она не сразу сообразила, что случилось и почему лошади, почему Збигнев... Ее обуяла тревога.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил Збигнев, — садись, поехали, сама увидишь!

И они помчались по селу и выскочили к реке. Горел костер. Стояли столы. Все ждали Юстину.

— Садись, председатель, вот твое место, — торжественно сказал Збигнев. — Сегодня общее собрание.

И Юстину усадили во главе стола. Поднялся Збигнев. Поднял кружку с пивом.

— Друзья, — сказал он. — Сегодня у нас в семье праздник — сегодня день рождения нашей общей матери — Юстины! Мы все, вне зависимости от возраста, ее дети! И как любые дети, мы и плохие, и хорошие, и ворчливые, и неласковые, но все мы любим нашу Юстину и все отмечаем ее пятидесятилетие, как наш народный праздник — Лиго!

Оркестр заиграл туш. Лишь Стасис на трубе, хоть и старательно, но дул не в лад.

Из-за стола выскочил Ольгерт, взял у Стасиса трубу.

— Еще раз! — крикнул он.

И оркестр снова грянул туш. Все поднялись, сдвинули кружки с пивом.

— Стойте, стойте! — Молоденький парнишка выскочил откуда-то с фотоаппаратом в руках.

— Одну минутку. — Он то подходил, то отходил — видно, не все уместались в кадре.

Все стояли с поднятыми кружками и вдруг начали смеяться.

Щелкнул затвор, и вслед за этим все облегченно ударили кружками и залпом до дна — за Юстину.

И начался Лиго. Лиго в честь Юстины.

Подожгли вращающееся колесо на тяжелой оси, и оно крутилось, разбрызгивая пламя фейерверком...

Прыгали через пылающий костер...

Пили пиво...

Стегали камышом по голым ногам...

Дарили друг другу сыр и платки...

Смелись, кричали, суетились, и все время подносили Юстине свежее пиво...

В разгар танцев и грома оркестра Стасис пригласил Юстину танцевать. И она, улыбувшись, пошла с ним, но никак не могла попасть в такт и вдруг остановилась, задумалась.

— А где Франц? — спросила она.

Стасис пожал плечами.

— Франц, Франц, — повторяла Юстина, — я поеду за ним...

Ольгерт, увидев ее призывный жест, отбросил в сторону трубу, легко побежал к ней.

— К Францу, — сказала она, и они помчались по дороге, пока не свернули к хутору и остановились у старого дома.

И тут они увидели старого Франца и его жену, Катерину, которые шли к дому. Впереди шла Катерина с косой в руке. Она шла, наклонившись вперед, крупным мужским шагом, от которого билась по ногам ее широкая юбка. Она шла как будто в наступление, но не согнувшись, а только

выставив немного вниз и вперед тяжелую лобастую голову. И коса болталась в такт ее шагам.

За ней плелся дряхлый Франц, мелко переступая ногами.

Если бы мыслить символами, то эта престарелая чета и должна была бы символизировать прошлую и почти исчезнувшую с лица земли деревню. И Юстина понимала это, потому что на ее глазах так стремительно разошлись молодость и старость.

— Франц, — сказала она, — у меня сегодня день рождения. Бери Катерину и едем со мной.

— Да... ага... — неопределенно прошамкал Франц.

— Франц, — умоляла его Юстина, видя, что Франц не понимает обращенных к нему слов. — Франц, у меня день рождения. Я никогда, никогда не праздновала день рождения. Даже не знала о нем, это первый мой день рождения, — все время повторяла Юстина, пытаюсь понять, дошли ли до Франца ее слова. — Я тебя очень прошу, поедем со мной...

— Он устал... Он больше никуда не поедет, — ответила Катерина.

— Франц, возьми титру, будешь играть, как раньше. Франц, ты хочешь играть на титре?!

— Титра, — Франц оживился. — Титра дома, — он показал рукой на свой дом. — Но я не могу играть... забыл, как играть... разучился... — И слезы, слезы старика или ребенка, потекли по его лицу.

...Когда Юстина и Ольгерт вернулись на берег реки, веселье шло полным ходом! И все, пожалуй, забыли причину торжества. Торжество, празднество само владело людьми и само правило пиром. И в этом празднике затейливо и в то же время естественно сочетались старые традиционные танцы, песни, игры и ультрасовременный джаз, танцы, объятия.

Было уже утро, когда Юстина пошла домой. Она шла лесом, и позади нее слышалась музыка. И сама Юстина что-то

мурлыкала про себя. Ее не обижало, что веселье продолжается и после ее ухода. Она чувствовала себя усталой, но легкой и счастливой...

— Председатель, председатель! — услышала она чей-то крик, когда уже подошла к дому.

На велосипеде к ней мчался мальчик-фотограф. Одной рукой он сжимал вихляющий руль, а в другой на весу держал тонкий лист бумаги.

Юстина остановилась. Мальчишка на ходу соскочил с велосипеда, подбежал к ней, протянул свежую, еще влажную фотографию.

...Она снова была в своей маленькой комнатке при конторе. По-прежнему был накрыт вечерний стол с кувшином молока вместо пива. Юстина усмехнулась, достала кнопки и приколотла свежую фотографию на стенку рядом с фотографией своих родителей и солдатской фотографией Игнаса. Прошлое рядом с настоящим.

И еще долго она, лежа в постели, смотрела на эти фотографии, смотрела новым для себя взглядом. И, улыбаясь, она уснула крепким, свежим сном.

А через несколько часов у ее окна проиграла машина. Юстина торопливо стала одеваться.

— Добрый день, председатель, — крикнул Ольгерт из окна машины, когда Юстина вышла, — летчики тебя уже заждались...

...Машина мчалась среди полей. Впереди они увидели АН-2 сельскохозяйственной авиации.

— Пилоты-то полосу нашу похвалили, говорят, как в Риге... Смеются, наверно, — сообщил Ольгерт.

— Смеются, — подтвердила Юстина, — но полоса нормальная, по всем правилам.

Они подкатили к самолету. Под крылом сидел летчик и грыз стебелек.

— Ты — хозяйка? — спросил он.

— Я, — ответила Юстина.

— Ну садись, полетим, покажешь, где что удобрять...

И тут Юстина как-то замешкалась, суетливо оглянулась на Ольгерта, но он жестом показал ей, что, мол, покажи им, раз хозяйка.

Летчик пытливо посмотрел на Юстину, усмехнулся, помог ей сесть в самолет. Юстина хотела примоститься где-нибудь в набитом мешками салоне, но пилот провел ее в кабину и показал на маленький табурет между двумя пилотскими креслами.

— Привет, хозяйка, — сказал второй пилот, — поехали?

Юстина кивнула.

Взревел двигатель, пилоты согласованными движениями подняли машину в воздух.

Юстина лихорадочно пыталась ухватить ртом воздух, самолет качнуло, и он поплыл над полями. Юстина напряженно сидела, не решаясь посмотреть вниз.

— Да ты что, хозяйка, не летала, что ли?! — спросил пилот.

Юстина отрицательно покачала головой.

— Да ты не бойся, сейчас на землю вернешься, все твое хозяйство из конца в конец — три минуты лёта, — улыбаясь, подбодрил второй.

— Три минуты лёта, — повторила Юстина, — вся моя жизнь — три минуты лёта...

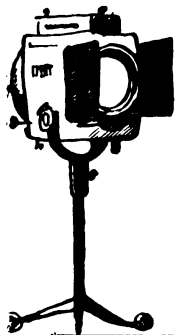
Самолет низко шел над землей, и видны были и поля, и река, и кладбище с костелом, и машина на дороге, и снова леса, и поля, земля Юстины...

Трам-трам-та-ра-рам, трам-пам-па-рам...

Бренчат палочки по струнам титры. Нехитрая мелодия, звонкие звуки. Старенькая титра, а руки, которые держат палочки, — юные!

Маленькая девочка в народном костюме старательно играет на старом инструменте. Вот она подняла напряженное лицо и смущенно улыбнулась.

Н. ИСАЕВ, Э. НЕОСЯН

БАГРОВЫЙ ЗАКАТ

КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ ИСАЕВ (родился в 1907 году) учился в Одесском политехническом институте. Литературной деятельностью занимается с 1932 года. Кинематографический дебют К. Исаева состоялся в 1934 году, когда по его сценарию был поставлен фильм «Большая игра». К. Исаев — автор и соавтор сценариев фильмов: «Подвиг разведчика», «Секретная миссия», «Садко», «Верные друзья», «Неоконченная повесть», «Чрезвычайное поручение», «Неподсуден» и др. За участие в создании фильмов «Подвиг разведчика» и «Секретная миссия» К. Исаеву дважды присуждались Государственные премии СССР.

ЭДМОНД ГАРИГИНОВИЧ КЕОСАЯН (родился в 1943 году) окончил режиссерский факультет ВГИКа. На киностудиях «Мосфильм» и «Арменфильм» им поставлены фильмы: «Стряпуха», «Неуловимые мстители», «Корона Российской империи», «Мужчины».

Фильм по литературному сценарию «Багровый закат» режиссер Э. Кеосаян ставит на киностудии «Мосфильм». В прокат фильм выходит под названием «Когда наступает сентябрь...»

Самолет ИЛ-18 косо идет на посадку. Над самой посадочной полосой входит в багровый блеск заходящего солнца и почти исчезает в потоке света. Слышится голос диктора аэропорта:

— Совершает посадку самолет, прибывший с опозданием из Еревана рейсом 892...

А в салоне самолета царит возбуждение, которое всегда охватывает пассажиров, совершивших благополучную посадку. Конечно, вопреки предупреждению стюардессы, все толпятся в проходе, мешая друг другу и торопливо натягивая, в самых неудобных позах, пиджаки и плащи. Сквозь эту толчею протискивается пожилой человек. Лицо его крепко продублено солнцем, седые усы топорщатся, морщинки вокруг до странности молодых глаз. Он проталкивает перед собой застенчивого хрупкого человечка, который перед всеми извиняется и шепчет своему спутнику:

— Ну подождем лучше! Ну бог с ним! Все равно не успею... Ну еще десять минут, ей-богу...

— Что он говорит?! Десять минут? За десять минут наш самолет пролетал сто километров! Сто! Понял? Даже больше! Извини, дорогая мама, подвинься, чуть-чуть! Вот так! Большое спасибо. Этот человек сам не знает, что говорит! Слушай, в конце концов, кто опаздывает? Ты опаздываешь или я опаздываю? Я никуда не опаздываю! Меня не ждут в Болгарии. В Болгарии не сходят с ума, гадая, почему меня нет! Молодой человек, я слышал, тебя зовут Сережа, уступи место старшему, тебя не учили таким пустякам?

— Пожалуйста, не толкайтесь! — с достоинством сказала полновесная дама в больших голубых очках. — Что за люди!

— Извини, пожалуйста, дорогая, он нечаянно. Торопится человек, войди в положение, чуть-чуть подвинь свою красивую фигуру, позволь, я тебе помогу снять сумочку сверху...

Таким способом, осыпаясь неодобрительными междометиями, но, в общем, без особых происшествий, они добрались до выхода на трап, который уже подъезжал. Выход охраняла кокетливая стюардесса. От нее наших героев отделяла молодая женщина с младенцем на руках.

— Здесь мы первые не будем! — засмеялся Левон Погосян. — Здесь первой будет молодая мама, она всюду должна быть первой, а мы успеем, ты не бойся!

— Вы не сердитесь на нас, — сказала молодая мама, — говорила же я вам — не берите его на руки! Мы еще маленькие!

— О чем разговор? Все уже почти вышло. Вот! — Он похлопал ладонью по пиджаку. — Вы заметили, сколько он написал? Ведро! Это богатырь будет, клянусь вам!

— Спасибо вам большое...

— Спасибо надо не мне! Спасибо летчикам надо... Дочка! — повернулся он к стюардессе. — Передашь летчикам спасибо. Как, ты говорила, зовут командира?

— Пилот первого класса Пантелеев! — улыбнулась стюардесса.

— Передай привет. Скажи, хотел лично зайти, но вот... Видишь, человек опаздывает, не успею...

— Передам. Он вас знает?

— Откуда? Но ему будет приятно. От доброго слова никто еще в обморок не падал. О! Вот лестница! Вперед, солдаты! Мама, дай руку. Ребенка я повесу.

Он переложил в одну руку маленький чемоданчик, бочоночек с самодельной руч-

кой и связку красных авосек, из которых торчали пучки зелени. Подхватил ребенка и побежал вниз по трапу, успев крикнуть стюардессе:

— Будь счастлива, дочка!

Потом они проталкивались сквозь толпу в здании аэропорта, и каждый желающий (или протестующий) получал информацию о том, что они опаздывают. Робкий спутник, увлекаемый могучим темпераментом, был настроен пессимистически:

— Теряете на меня время, дорогой Погосян. Неудобно как-то и даже нехорошо с моей стороны. Ведь невозможно успеть... Из Домодедова до Москвы и потом еще в Шереметьево и... регистрация... Нет, куда там! Ай, как это нехорошо все получится...

— Слушай! — Погосян остановился и с ожесточением сплюнул. — Что ты за человек? Что ты плачешь? Опоздаешь — будешь плакать! А я тебе говорю: не опоздаешь! Не имеешь права опаздывать! Тебя ждут хорошие люди, и ты им нужен по хорошему делу! Красиво будет опаздывать? Отвечай!

— Что и говорить!..

— Вперед! Ты, как наша тетя Асмик. Плачет сегодня, что завтра будет плохо себя чувствовать!

Когда они выбежали на площадь перед аэропортом, картина обнаружилась неутешительная. Очередь на такси с чемоданами, баулами, корзинками, пакетами такая, что даже старик на мгновение заколебался. Но только на мгновение. Он схватил спутника за руку и повлек вдоль очереди, к загибающейся ее голове, выкрикивая:

— Ничего. Люди все поймут. Это наши люди, советские люди! Мы у себя дома, а тебе надо за границу! К друзьям, но все-таки! Да? Дорогие товарищи! Все-таки!..

Но очередь была настроена отнюдь не так благодушно. Посыпались реплики: «Это еще что?», «Становитесь, как все!», «Выискались!», «Меня родные ждут, волнуются, а я стою!», «Совесть надо иметь!» и так далее, и тому подобное. Все это одновременно,

водопадом. Но в то же самое время, выкрикивая свое, старик неуклонно продвигался вперед, волоча упиравшегося спутника.

— Подождите! Люди добрые! Вы же меня не слышите. Тут особое дело. Тут Болгария. Там вино. Тут солнце. Тут друзья, которые были у нас в Араратской долине и поехали в болгарскую долину, и повезли саженцы, и ждут. Ждут мастера, ждут волшебника, вот его. Его! Вот он. Выйди, не прячься за меня, покажись людям, поклонись им. Они поймут, что таких гостей нельзя заставлять ждать. А один самолет опоздал, второй улетит. На все — минуты, только минуты, но ведь есть еще московские шоферы, мы слышали про них! Болгарские волшебники дождутся араратского волшебника, и родится новое вино, густое, как смола, красное, как кровь...

— Одно вино на уме! — сердито сказала толстая старуха, вся увешанная узелками. — А у меня дочка вот-вот родить должна...

— Все будет хорошо. Она, даст бог, родит красавца-сына, и на его свадьбе будут пить это вино, пахучее, как три сада, сладкое, как та жизнь, которую я желаю твоей дочке...

— Спасибо на добром слове! — растрогалась старуха.

Огромный малый, который загоразивал подход к машинам широкой, как лопата, ладонью, сказал:

— Пусть садятся. Я тут, граждане, полчаса простоял, но пусть старики садятся, раз такое дело. Я не против, пусть, хрен с ними.

— Ну? — Старик сиял. — Что я тебе говорю? Люди всюду люди.

Он торопливо усаживал смущенного спутника в подошедшее такси.

— Передай привет от меня. Так и скажи: привет от Левона Погосяна. Им будет приятно... Стой! — крикнул он отчаянно, когда машина тронулась, и рванул дверь. — Куда ты уезжаешь? Ты же не знаешь телефон моей дочки, вернешься — не смь-

жешь позвонить, как и что! Запиши. Я долго здесь буду, целую неделю. Сразу позвони, ночью, днем, утром — когда хочешь. Чтоб я не беспокоился. Что значит — нечем? Водитель, у тебя есть карандаш? Молодец! По лицу видно. Пиши: 295-41-31... Удачи вам обоим!

Такси отъездало. Левон вытер взмокшее лицо, улыбаясь оглядел очередь.

— Родственник твой? — спросила старуха.

— К сожалению, нет, мама. Но хороший человек, замечательный человек, я его как родного люблю...

— Друг старый! — догадался верзила. — Корешок.

— В самолете познакомились. Я сам из Аштарака, а он из Арташета. Три часа разговаривали. Он мне все рассказал, я ему все рассказал. Душа в душу. Золотой человек...

— Что ж это получается? — плаксиво сказали из очереди. — Выходит, теперь они двое в двух машинах без очереди уедут?

— Что ты, что ты, гражданка-джан! Я не тороплюсь, у меня дочка отдельную квартиру получила, когда хочешь приезжай! Час туда, час обратно, какая разница... — Он двигался вдоль очереди в обратном направлении, размахивая руками, блестя молодыми глазами, и говорил безумолку. — Отдельная квартира, две комнаты, воздух, они писали, лес прямо тут начинается, за домом, для внука лучше не надо. Муж Володя — бо-ольшой мастер, бригадир, материю делает, людей одевает...

— Папаша! — крикнул верзила. — Куда тебя потянуло, иди сюда, поезжай, машина идет...

— Нет, дорогой, зачем. Я по очереди, время есть. Пусть едет, кто спешит. У каждого свои заботы, своя спешка. А у меня внук завтра в школу идет. Первый раз в первый класс. Слышал такую песню? — Он остановился против хорошенькой девушки с газельими глазами, испуганно на него смотревшую.

— Как ты думаешь, почему я приехал

сегодня? Не знаешь? А ты, красавица? Я приехал, чтобы повести внука в школу. Я поведу. Понимаешь? — Он поднял палец и радостно засмеялся. — Он на всю жизнь запомнит этот день. Дед прилетел, чтобы повести в первый раз! А?.. Она молодая, еще не может понять, но ты, друг, понимаешь?

И солидный человек академической внешности серьезно кивнул.

Двухкомнатная квартира в одном из новых районов Москвы. Нунэ Кондрикова (в девичестве Нунэ Погосян) распределяет бигуди в великолепной черной гриве. Сосредоточенно и отрешенно разглядывает себя в зеркале. Впрочем, что-то ее отвлекает и даже вызывает досаду. Мы не сразу замечаем, что это треньканье гитары. Тихое, упорное, повторяющее два-три такта.

Гитарой занят Володя Кондриков. Муж. Он сидит в трусах на краешке тахты, свесив белесый чуб. На коленях — гитара, на стуле — ноты. Володя добивается нужного ему звучания, проявляя при этом свойственное ему тихое, но непреклонное упорство.

Нунэ опускает руки, поворачивается и смотрит на мужа. Никакого впечатления — он продолжает играть. Она сосредоточивается, пытается придать темным глазам магнетическую силу. Результат тот же. Володя ищет на потолке что-то недостающее. Не находит и снова склоняется к нотам. Нунэ в негодовании выходит в соседнюю комнату.

Там спит сын, семилетний сколок Володи. Такой же белесый, только чубчик маленький. Одеяло сбито, ноги, руки торчат во все стороны. Нунэ заботливо укрывает сына, любит его им.

Возвращается она совсем в другом настроении и застаёт все ту же картину: Володя поднимает глаза к потолку, мычит, упоенно дергая гитарные струны. Нунэ все ясно: жена для него не существует.

— Ты меня не любишь! Больше того, с

каждым днем мне становится яснее: ты меня никогда не любил!..

Володя опускает гитару и возвращается на грешную землю. Он не сразу соображает, что вступил на зыбкую почву.

— О чем ты, Нунка?

— Тысячу раз просила не называть меня этим собачьим именем! Ты слышал, что я сказала?

— Конечно, Нуночка...

— Что?

— Ну... вообще... что спать пора ложиться... и ты права...

— Я. Сказала. Что ты. Меня. Не любишь! Не смей трогать меня...

Это в ответ на то, что Володя, вскочив, попытался продемонстрировать свою любовь. Теперь оскорбился муж.

— Нуно! Опять двадцать пять?!..

— Опять! Опять и тысячу раз опять! Ты даже не посмотрел на меня за весь вечер! Нет, помолчи теперь, я выскажусь на коноц! Нет больше сил молчать!..

— Нунка, это уже несправедливо! Ты высказываешься каждый вечер!

— И буду! Я все понимала, когда мы жили на Воронцовке. Но теперь, когда мы здесь. Я думала: наконец у меня тишина, нормальная семья — муж, сын! Но нет, сын у меня разбойник, а муж — певец!

— Ну, Нуночка! Левка, конечно, разбойник...

— Не смей говорить так о моем ребенке!

— Ладно. Но какой же я певец? Это же общественная нагрузка. Вот отыграем...

— Общественная нагрузка — это депутат райсовета!

— Так я ж и депутат!

— Ты несерьезный человек, вот ты кто! Не думай, что я такая уж дурочка...

— Ей-богу, не думаю!

— Думаешь, думаешь! Интересно, что б ты сказал, если б у себя в лаборатории я начала показывать стриптиз?!..

— Ну, Нунка... Я...

— Ты! Немолодой уже мужчина, двадцати девяти лет, семейный, радуется, ко-

гда три тысячи девчонок пялят на него глаза и млеют...

— Нунка, у нас всех ткачих-то шестьсот, половина старухи...

— Видела я этих старух!

Володя тяжело вздохнул, подошел к жене, преодолевая сопротивление, обнял ее, прижал к себе. Нунэ потрепыхалась и затихла.

— Все-таки ты у меня дурочка сто-процентная.

Нунэ всхлипнула, подняла прекрасные влажные глаза:

— Володечка! Уходи с этой работы. Мне так хочется, чтобы все у нас было хорошо.

В этот момент раздался звонок. Они недоуменно переглянулись. Ночь стояла за окном. А звонок звенел не переставая, кто-то, приложив палец, не отпускал его. Володя побежал в прихожую. Нунэ крикнула вслед:

— Посмотри в глазок...

Но Володя не стал терять время, распахнул дверь. За ней, широко улыбаясь, стоял Левон Погосян. У ног маленький чемоданчик, деревянный бочонок и три связанных вместе авоськи, из которых торчала зелень. Володя оторопел, но сразу пришел в себя и гаркнул:

— Нуно! Гляди, кто приехал!.. Входите, отец, милости просим!

Нунэ влетела и бросилась отцу на шею. Объятия, поцелуи, бессвязные вопросы.

— Па! Где совесть? Почему не дал телеграмму? Почему мы не встретили?..

Старик обнимал детей радостно, но торопливо, все время оглядываясь.

— Зачем? Какие встречи? Что я из Объединенных наций? А вы сами не могли догадаться, что я приеду? Такой день! А где он, где мой внук, который завтра идет в школу?

— Па! Оглянись! Ночь! Он спит уже два часа! — Нунэ хохотала и плакала одновременно. Володя топтался вокруг.

— Пусть спит. Я хочу его увидеть. Где он, мой внук?

— Па! Отдохни с дороги. Я сейчас соберу на стол.

— Собирай. Правильно. Я — гость! Володя, возьми этот бочонок, поставь на стол. А я иду посмотреть моего внука. Тихо. Я буду не буду.

— Как же,— сказал Володя,— разбудить его. Я однажды для смеху вниз головой его подержал, все равно спит!

— Мой внук! — с гордостью сказал старик.— Я спал под Волоколамском до самой атаки. Всю артподготовку проспал...

— Не смейте позорить моего сына! — крикнула Нунэ из кухни.

Старик с восторгом рассматривал спящего мальчика. Размахивал руками и говорил свистящим шепотом:

— Вылитый. В детстве я был точно такой! Мой нос, ты замечаешь?

Володя кивал, хотя по правде говоря, в белобрысом внуке не было ничего даже отдаленно похожего на старого Погосяна.

Нунэ пришла из кухни.

— Готово. Па, ты будешь спать в той комнате с Володей, а я здесь с Левончиком.

— С Левончиком буду спать я! Я приехал к нему, а не к вам, глупая ты женщина!

Ночь. Раскладушка рядом с постелью внука. Старик тяжело поворачивается на скрипящем ложе. Приподымается. Опираясь на локоть, смотрит на внука, кричит. Стараясь не шуметь, сползает с раскладушки, наклоняется, смотрит. Внезапно лицо его искажает гримаса. Он прижимает ладонь к боку, трет. С трудом разгибается. Прислушивается. Все тихо. Идет на кухню, отыскивает кран. Пьет. Добирается до табурета, садится. Боль потихоньку отпускает.

...Володя и Нунэ у себя в комнате перешептываются:

— Не спит!

— Разнервничался. Новое место.

— Может, плохо?..

Нунэ вскакивает, набрасывает халатик, бежит на кухню.

— Па, почему ты не спишь? Тебе не хорошо?

— Вах! Новости! Попробовал здешнюю воду. Иди к своему мужу, дочка.

— Па! Опять железо лезет?

Старик смеется.

— Тридцать лет оно из меня лезет! Ну и что? Молодой Баграт, дай ему бог долгих лет, уже защитил на моих железках кандидатскую диссертацию. Одиннадцать раз резал меня, тащил! Молодец!.. Хорошего сына родила Галустовна. Помнишь ее? Привет тебе от нее! Семьдесят лет на днях отмечали...

В кухню входит недоумевающий Володя.

— Присаживайся! — говорит старик.— Палей нам по стаканчику!

— Завтра на работу... — нерешительно замечает Нунэ.

— Ничего. Стакан не помеха. Я вижу, ты забыла Галустовну! Что с тобой стало, баладжан? Она тебя помнит! Такая женщина, такого сына родила! Где ты научилась забывать людей?

— Я помню, отец, помню...

— Ай, яй! Деда Сымбата помнишь? Сторож. Сын погиб в сорок пятом, героем был. В этом году орден его отыскивали. Там однополчане собрались, родник посредине села камнем обложили в его честь. Люди приходят, пьют воду, вспоминают. Помнят. А ты забыла Галустовну...

— Помню я, помню...

— А тетю Асмик? Вот тут у меня ее фотография с детьми. Сейчас...

Он отстегивает булавку во внутреннем кармане пиджака и вываливает на стол грудку фотографий, подбадривая Володю:

— Смотри, Володя-джан, смотри. Гляди веселей! Я тебе сейчас все о них расскажу. Это все — родные люди. Возьми стул...

Утро первого сентября в московском микрорайоне. Прекрасное утро. Главные сейчас на улице — первоклашки. Их ведут

В роли Левона Погосяна — Армен Джигарзян; Нунэ — Лаура Геворкян

мамы, бабушки, дедушки. Изредка попадают и молодые отцы. В числе прочих ведет Левоника старый Левон.

— Дедушка,— спрашивает Левоник,— почему все с цветами, а у нас нет?

— Потому что мы мужчины, внук мой! И у нас есть кое-что получше.— Он встряхивает знакомый нам бочоночек и победно закидывает голову.

Во дворе школы торжественный сбор. Десятиклассники выстроились, чтобы вручить новичкам первые книги. Гул взволнованных взрослых и писклявых детских голосов.

А потом малышей вызывали по фамилиям. В первый раз в жизни — по фамилиям. И взволнованные родители подводили их к заветным дверям.

Девочка, которая стояла рядом с Левоником, сразу произвела на него неотразимое впечатление. Он влюбился с первого взгляда. На макушке у нее развевался каштановый «конский хвост» из таких тоненьких волосков, что они шевелились от

бурного дыхания Левоника, как от сильного ветра. Ее держал за руку суровый широкоплечий человек со шрамом через всю щеку и чуть кривыми ногами кавалериста. Видно, тоже дедушка. Но он не интересовал Левоника. Ему очень хотелось попробовать потрогать волосы соседки. Девочка смотрела на него укоризненно. А фамилии тем временем выкликали:

— ...Иванова Ира. Иванов Костя. Еще одна Иванова, Катя...

Девочка с дедушкой пошла.

— Кондриков Лева! — И немного погодя еще раз: — Кондриков!

Левоник дернул деда за пиджак.

— Дедушка! Кондриков — это я!..

— А? Да, да, да! Ты — Кондриков, конечно! Че? Кондриков здесь!

Проводив внука к дверям, он захохотал и начал объяснять всем, кто был рядом:

— Видали старого дурака? Стою и жду, пока выкрикнут Погосяна! Погосян это я! А он Кондриков! Левоник! Мой внук! Но он и Погосян тоже... Понятно? Мой внук.

Сын моей дочери Нуна. Моя кровь! Он не посрамит наш род в этих священных стенах! И ваши дети тоже! А? Люди, я неверно говорю?

И снял и поворачивался во все стороны. Это было непривычно, немножко неудобно. И все же вызывало не только смущение, но и ответные улыбки.

— Да, вроде, все верно, отец! — сказал молодой папаша, неуверенно улыбаясь.

— Все верно, сынок! — загремел старик. — Ты уж мне поверь. Я три тысячи верст летел по небу, чтоб сказать тебе это! А теперь, люди, мы должны отметить этот день, чтоб запомнить его на всю жизнь! Пусть он на календаре напечатан черной краской, но в нашем сердце он красный! Да? Не так? Подходите ко мне, люди, стапьте в круг!

Он вытащил из кармана пластмассовые стаканчики, рассовал их по рукам растерянных людей и вытащил пробку из своего боночочка.

— Вроде бы не с руки тут... — смущенно сказал кто-то со стороны. — Школа, а?.. Не так, чтобы...

— Как может быть не так, когда люди радуются? А это — радость, сделанная хорошим человеком для себя, для друзей, той же радости! В такой день...

— Ты что это? — На него сурово и твердо смотрел человек со шрамом через щеку. — Зачем людей путаешь? Хочешь принять банку, иди лакай, да и то в сторонку, не здесь, где дети!

— Ну зачем уж так! — робко сказала молодая мама. — Он же...

Погосян измерил неожиданного противника пылающим взором, но вдруг негодование погасло. Снова улыбка.

— Хотел я тебе плохое слово сказать, брат-джан, но передумал. У тебя глаз скучный, ты веселья не любишь, тебя люди раздражают, да? Ты прямой человек, что думаешь, то говоришь, да? Но думать ты не умеешь! Это не их беда, — он обвел широким жестом всех стоящих вокруг. — Это твоя беда! Возьми этот стаканчик и выпей

не водку, не паршивый коньяк! Выпей вино розовое, как невеста, молодое и легкое, как наши дети, которые теперь там, в этом доме...

— Не нужно мне твой невесты! — буркнул оппонент и пошел в сторону, широко и твердо переставляя кривоватые ноги.

— Не нужно на него обижаться! — тихо покачал головой старик. — Мы не знаем, может, у него беда случилась, горе...

Человек со шрамом отошел уже довольно далеко и оглянулся. Он увидел толпу, сгрудившуюся вокруг Погосяна, услышал отдаленный и оживленный голос, что-то рассказывающий, и дружный смех.

День склонялся к вечеру, когда Погосян появился в новом микрорайоне, обвешанный пакетами, как новогодняя елка в детском доме.

У подъезда стояли дворник в фартуке и лейтенант — участковый. Они беседовали, и Погосян счел своим долгом вмешаться.

— Что-нибудь случилось, дети мои?

— А вам чего, гражданин? — недовольно спросила квадратная, налитая сизым румянцем дворничиха. — Идете, ну и идите себе...

— Ну чего ж так, Настасья Васильевна? — улыбнулся молоденький лейтенант милиции. — Товарищ интересуются и могут оказаться полезным. Наше дело такое: любой случай может на толк навести. Вот, к примеру, вы пожилой гражданин, у вас глаз острый, не заметили вчера, так часов около двенадцати, кого-нибудь возле тех вон сереньких «Жигулей»?

— Ночью? — загорелся старик. — Ночью я как раз смотрел в окно!

Лейтенант покачал головой.

— Не почью, то-то, что не ночью. Днем. В одиннадцать ноль-ноль владелец поставил машину, в тринадцать вышел — и привет. Четырех колпаков как не было.

— В двенадцать дня, сын мой, — торжественно сказал Погосян, — я был в Ере-

ване, на аэродроме. Меня провожало одиннадцатый человек. Я летел в Москву к моей дочке Нунэ, чтобы...

— Полезный! — ядовито сказала дворничиха. — Небось, и без прописки!..

— Женщина! Дважды подумай, потом скажи. Держи! — Он сунул в руки растерявшейся дворничихе несколько свертков, отстегнул карман, вытащил паспорт. — Вот, лейтенант, я знаю, порядок должен быть! А ты, женщина, перебила старшего. Мужчину! Знаешь, что сделал бы мой отец, если б женщина его перебила?

— Слышали, товарищ лейтенант? Угрозы! Я их прямо боюсь, они женщину за человека не считают. Да возьми ты свои покупки, а то на землю кину!

Лейтенант отвел руку с паспортом, замесаясь.

— Не нужно, папаша. Гостите на здорье, если... А на Настасью Васильевну не обижайтесь. Она расстроена. Всегда у нас порядок на участке, и вдруг такое происшествие. Ничего, найдем!

— Найдешь! Слово тебе даю — найдешь! И я, Левон Погосян, тебе помогу, потому что ты, лейтенант, хороший человек! И прошу тебя, будь гостем в нашем доме. Седьмой этаж, квартиры сорок девять, будет твой дом...

— Спасибо, папаша, взгляну как-нибудь. А теперь — дело у нас...

— Вот, товарищ лейтенант, не хотите слушать меня, — кисло вставила дворничиха, — а я говорю: Генку-слесаря с его дружкой прищемите. До ночи вчера какие-то баки в котельной варили. А какие баки, почему? Подозреваю. Вот так. Подозреваю, и все!

Погосян уже отошел, но остановился, обернулся. Поцокал языком:

— Ай-яй-яй! Ты ее не слушай, сынок. Не знаю, о ком она говорит, но ты не слушай злой ее язык. Так я чувствую!

И он скрылся в подъезде. Поднялся в лифте. Вошел в пустую еще квартиру, вывалил покупки на стол. Стал разбирать, любоваться. Над одной из покупок заду-

мался. Это была гигантская кружевная грация. Разложенная на столе, она производила устрашающее впечатление. Старик усомнился. Он вытащил из кармана длинный, как египетский папирус, свиток и сверился. На пятнадцатой строке сверху стояло: «Тетя Гоар. Розовая грация. Размер 10».

Он сунул грацию подмышку и вышел на лестничную площадку. Позвонил в соседнюю дверь. Ему открыла пожилая женщина, приветливая и недоумевающая.

— Здравствуйте! Я Левон Погосян, ваш сосед. Отец Нунэ, знаете?

— Здравствуйте. Извините, не знаю. Еще не познакомился. Но вы заходите, что ж на пороге-то...

Погосян зашел, укоризненно качая головой.

— Такие близкие соседи! Это ж почти родные. Что у вас тут делается? Я с вашим сыном сегодня в лифте познакомился. Вел внука в школу, в первый раз. Дедушка приехал повести внука в школу, а?

— По-моему, это просто замечательно! — улыбнулась женщина.

— Правда? Вы — хороший человек. Вы должны полюбить мою дочь, стать ей матерью. Она тут одна, молодая женщина... Муж и сын — это муж и сын, а женская рука... Моя Рэпсимэ умерла, лучшей женщины на свете не было, но я вам еще расскажу об этом. Сейчас я зашел посоветоваться как с близкой. Вот я купил то, что хотелось тете Гоар. Тетя Гоар это человек с золотым сердцем. Пусть у нее будет радость. Но мне показалось, что это даже слишком большая радость. Вы женщина... Как по-вашему, а?..

Развернутая грация произвела на соседку впечатление. Она задумчиво сказала:

— Ваша знакомая... очень полная?

— Тетя Гоар родила девятерых! — с гордостью сказал старик.

— А-а-а! Конечно, может быть... редко, конечно... Ой, что это, неужели опять?

С потолка прямо на грацию упала тяжелая капля и сразу вслед за ней побежала

струйка. Соседка отбросила грацию, всплеснула руками:

— Второй раз за десять дней! Только потолок побелели! Опять протекло из однокомнатной над нами. Прямо несчастье!

Они ринулись вверх по лестничному маршу.

Еще на площадке услышали отчаянный женский крик из-за двери:

— Пятый раз звоню! Пятый! Где слесарь? Почему не могу допроситься слесаря? Как послал? Когда? Я буду жаловаться...

Женщина с высокой башней крашенных волос на голове открыла дверь, продолжая орать в телефонную трубку. Ей даже было неинтересно, что пришли совершенно незнакомые люди. И только повесив трубку, она опомнилась и набросилась на Погосяна.

— Почему вы приходите так поздно? Я пятый раз звоню. Дождалась, слава богу! Потоп. Квартира испорчена. Почему вы пришли без инструментов. Вы что, беседовать со мной пришли или ремонт делать?

— Подожди, красавица моя,— невозмутимо сказал Погосян.— Сейчас все сделаю. Покажи, где течет...

— Не видишь, да? Не видишь?

Из-под двери уборной выползала небольшая лужа. Пришедшая с Погосяном соседка тихо сказала распаленной владелице квартиры:

— Это не слесарь. Это наш сосед...

— Сосед?! — возопила та.— Так какого черта ему здесь нужно?

Погосян уже копался возле труб. Течь он обнаружил сразу. Засмеялся, потирая руки.

— Он там напортит что-нибудь! — вопила женщина.— Все берутся за все. Где слесарь?!.. Где слесарь, я вас спрашиваю!

— А вот он я! — сказал добродушный голос.— Чего у вас тут приключилось, граждане?

И Гена-слесарь возник на пороге. К тому времени уже открылись три двери на

лестничной площадке и появились привлеченные воплями соседи, до этого не знавшие друг друга. Все оживленно переговаривались и дружно успокаивали потерпевшую.

Гена возился у трубы, затягивая фланец, старик висел над ним.

— Ты Гена? Слесарь?

— Точно, отец. А ты откуда меня знаешь?

— Я всех знаю. А ну встань, посмотри мне в глаза!

Гена выпрямился и с удивлением уставился на старика. Тот взглянул ему в глаза и поцокал языком:

— Нет. Не ты! Памятью моей матери клянусь, не ты!

— Слушай, отец, ты меня не разыгрывай, у меня делов полон рот!

— Слушай, сынок, за что тебя женщина дворник не любит?

— А за что ей меня любить? В кино она меня приглашала, а на что она мне в кино, когда в ней девяносто пять килограммов в легкой форме, не считая злости?

Старик захохотал.

— Молодец! Я тебя люблю, Гена-слесарь!.. Потому, что ты не любишь злых людей. Ты не взял колпаки с чужой машины...

— Что-о? Куда гнешь, отец?

— Не я гну, тебя гнули, Гена-слесарь, но я не дал. Ты слесарь, я механик, мы все друг про друга знаем. Будешь в Армении, приедешь в Апшарак, я тебя таким шапльком угощу, что ты его с пальцами съешь!

Соседи стояли вокруг и, разинув рты, слушали этот диалог.

— Зачем так далеко? — ухмыльнулся Гена.— Ты меня тут угости!

Погосян поднял руки к потолку:

— О! Если б у меня был мой мангал!.. Сделай мне мангал, Гена-слесарь! Ты же все можешь!

— Я все могу! — скромно сказал Гена.— Нарисуй, сделаем.

— Люди! Соседи! Вы слышали? Он мо-

жет! Я всех вас зову в гости. Седьмой этаж. Квартира сорок девять. Будет ваш дом!

— Спасибо! — сказали все.

Он появился дома, когда вся семья сидела за столом. Левоник, рот в молочных усах, допивал вторую чашку. Володя тыкал вилкой в жареную картошку и терпеливо слушал очередной выговор.

— Ты никогда меня не дослушаешь, — говорила Нунэ. — Мои дела тебе безразличны. Я могу волноваться, умирать — ты будешь смотреть и думать о своем...

— Ну, Нунка...

— ...совета от тебя не дождешься...

— Все равно ведь не послушаешься. По-своему сделаешь!

— Я бы все, все сделала, только бы услышать дельный совет от самого близкого на свете человека! Но нет! Ему все равно!

— Да не все равно, Нунка! Я ведь говорил, такого человека, как Евгений Викторович, надо пригласить в самый лучший ресторан. В «Прагу», я считаю...

— Конечно! Чтобы он посчитал нас дешевыми пияжонами! Пыль пускать в глаза! Кому? Он не только мой руководитель, он самый чуткий в мире человек! Интеллектуал в самом высоком смысле слова! В «Прагу»!

— Ну за город давай в выходной. Пикник...

— Принимать пожилого человека на мокрой траве, да?

Володя в отчаянии жевал картошку. Старик переводил взгляд с дочери на зятя.

— О чем спор, дети мои? Почему при моем внуке спор? Левоник, иди к себе в комнату! Что вы не поделили? Дочь моя, почему ты споришь с мужем? В каком доме научилась ты этому обычаю?..

— Па! Теперь ты! Что за наказание!

— Кого вы хотите пригласить?

— Ее научного руководителя, — пояснил Володя. — Чудный человек, любит Нунку.

Мы были у него в гостях на даче, теперь надо...

Старик ударил кулаком по столу. Тарелки подпрыгнули.

— Надо! Конечно надо! И вы смеете говорить о ресторане? Дорогого человека надо звать в дом! В свой дом! Человек, который переступил твой порог, — близкий человек! В доме ему тепло! Ресторан... Пхе! В ресторане горячие слова текут из жидкого сердца! Здесь! Только здесь, это тебе отец говорит!

Нунэ неестественно захохотала.

— В этих клетушках? Что я приготовлю? Курицу сварю? Буду бежать с работы, куплю готовый ромштекс?

— У тебя есть отец, дочь моя! Он здесь! Зови своего профессора... — Он поднял глаза и пошевелил губами, подсчитывая на пальцах. — Через два дня! Завтра я отведу Левоника, и перед тем как забрать его обратно, поищу настоящую баранину. И я найду ее, клянусь памятью твоей матери! И буду делать бастурму!

Нунэ в страхе посмотрела на мужа, но не посмела ничего сказать. Володя растянул рот до ушей.

На следующее утро дед вел внука в школу. Несмотря на разительное внешнее несходство, кое-что унаследованное от дедушки, бесспорно, в Левонике просматривалось. Скорей всего, взрывная энергия.

— Знаешь, дедушка, я решил жениться!

— Да? — осторожно спросил Погосян. — На ком?

— На Кате! Помнишь девочку, которая стояла рядом с нами в первый день? Мы с ней сидим за одной партой. Она мне сразу понравилась. А вчера мы с ней поговорили. Она согласна.

— Быстро решил, — задумчиво сказал старый Левон. — Вы так недавно знакомы...

— Позавчера, — напомнил внук.

— Время, конечно, но... не рано ли? Ты еще молодой.

Левоник снисходительно усмехнулся. Они уже подходили к школе.

— Не сейчас, дедушка. В пятом классе!

— Да-да-да! Я понимаю. У меня, правда, были другие планы. Я думал, что ты женишься на племяннице тети Асмик. Женщины из этой семьи — чистое золото. Но... раз мужчина из нашего рода дал слово...

— Надо сказать маме!

— Я бы на твоём месте пока подождал. Ну-у... ближе к свадьбе.

В глубине школьного двора плачущий женский голос взметнулся до истошного крика. Левоник навострил уши. Дед подтолкнул его к дверям школы.

— Беги, внук мой! Это не для детей! Беги, а то кто-нибудь украдет у тебя невесту...

Мальчик нырнул в двери.

Худенькая женщина, с молодым, но изможденным лицом, сорвала с головы косынку, утерла злые слезы. К ней прижимался такой же худенький, как она, мальчик с испуганными глазами. Его за руку тащил одутловатый, с пропитым лицом субъект, но в солидных роговых очках, которые он то и дело поправлял. Костюм его и скрученный галстук свидетельствовали о ночевке в походных условиях. Женщина рвала мальчика к себе.

— Долго я буду муку эту терпеть, глаза твои бесстыжие? Меня не жалеешь, ребенка пожалей!

— Уймись, Валентина! — солидно бубнил пропойца. — Веди себя, как подобает советской труженице-матери. Домой вернись!

— Удавлюсь прежде! Ты психику ребенка искалечил, ты кровь мою по капле выточил...

— Граждане! — воззвал пропойца к людям, которые помаленьку собирались вокруг и неловко переглядывались. — Вы слышите? Будьте свидетелями! Отца от его ребенка прочь отрывает! Есть у тебя такое право по советским законам?

— Дома бы разобрались! — недовольно сказала чья-то бабушка. — Нашли место...

— Вася! — сказала молодая мама моло-

дому папе. — Скажи ему, пусть ребенка за руку не рвет, ну что это такое?

— Да неудобно. Семейное дело, как-то... встревать. Шут их знает!

— Сын ему нужен, — кричала женщина, — копейки ему мои нужны, пропивать стало нечего, тянуть не с кого! Он, граждане, билет мой сезонный украл. На одну бутылку! Я три месяца пешком на работу бегала, в пять утра вставала... Девяносто пять я получаю, проживем с сыночком, только б его глаза мои не видели!..

— Не выйдет, Валентина! — с торжественным криком пропойца. — Не можешь ты растить сына без отца!

И он снова рванул мальчика к себе. Люди зашевелились, кто-то недовольно крикнул:

— А вы бы потише!

— Ну, ну! Кого не касается, тот молчи!

Сзади выдвинулась новая фигура. Большая, толстая, обросшая сальными волосами, помаргивающая свинными глазками. Женщина всплеснула руками.

— Вон и он тут! Дружок его, собутыльничек! Ну ударь меня, ударь!

— Эй ты, плохой человек, отпусти ребенка!

Это подросел Левон Погосян. Глаза его сверкали. Он сильно ударил по руке, тянувшей мальчика. Пропойца испугался, удивился, отступил.

— Граждане! Отца бьют! Гоша, бьют меня, друга твоего бьют!

Толстяк выступил вперед и неожиданно сгреб Погосяна за грудь, почти приподнял, ухмыльнулся в лицо.

— А вот мы сейчас...

Но он ничего не сделал и даже не договорил. Человек со шрамом развернул его к себе и без предупреждения, без особого азарта страшным ударом сбил с ног. Упал толстяк, упал и Погосян, которого он увлек за собой. И уже совершенно самостоятельно, без постороннего вмешательства, просто от страха рухнул и завизжал пропойца.

Кричал он, кричала жена, плакал, прижимаясь к матери, ребенок. Толстяк, опас-

Погосян — Армен Джигарханян, Нунэ — Лаура Геворкян, Володя — Владимир Пашов

ливо косясь, поднимался, отряхивался, бормотал угрозы. Человек со шрамом сказал сквозь зубы, негромко:

— Вон! Оба! По счету три! Раз...

И незадачливые пропойцы убралась. Ушла мать, бормоча слова благодарности. Повела сына в школу. Разбрелись люди. Они были довольны, но испытывали чувство неловкости. Особенно молодой муж под взглядом молодой жены.

— Сам бы дал ему, паразиту, не успел только.

Человек со шрамом оглянулся. Он искал Погосяна. Того рядом не было. Он сидел в стороне, скорчившись на садовой скамье, и держался за бок. Твердо шагающие, кривоватые ноги остановились подле скамьи, твердый голос спросил:

— Ушибли тебя, старик?

— Не-ет, друг-джан! Ох! Опять проклятое железо зашевелилось...

— Какое еще железо?

— Обыкновенное, друг-джан. В сорок четвертом накрыло осколочным. С тех пор

осколки лезут. Три месяца в госпитале вытаскивали и тридцать лет лезет. То само, то режут. На этот раз думал, ну, все! Молодой Баграт меня резал, дай ему господь долгой жизни, сын Галустовны. Я ему сказал: ну, сынок, теперь все! Диссертацию ты на моих осколках защитил, теперь все! А он так вот скривился и говорит: нет, дядя Левон, не все. Не уезжай! Я еще над ним посмеялся! А вот видишь... Ну ничего! Вот уже отпускает. Пусть еще одну диссертацию напишет, пусть еще раз порежут...

— Так. В каких частях служил?

— В шестьдесят пятой. Батовской. Второй Белорусский...

— Соседями были. Давай знакомиться. Подполковник в отставке Иванов Николай Николаевич.

Погосян попытался подняться. Подполковник удержал его.

— Как же, товарищ подполковник! Положено. Я — старшина. Погосян Левон...

— Сиди, старик. Мы с тобой оба солдаты в отставке.

Он присел на скамью, внимательно посмотрел на Погосяна.

— Из госпиталя обратно в свою часть вернулся? Нашел?

— А как же!

— Не долечился?

— Говорили — потом...

Подполковник кивнул. Погосян тем временем немного оправился, глаза снова заблестели, спина выпрямилась.

— Ничего! — сказал он. — Лучше пусть из меня осколки лезут, чем в меня! Че? Не так, товарищ подполковник?

— Брось! Без чинов! И не выкай мне. Сказано тебе: мы старые солдаты, и все! Точка. Отвоевались — и точка. — Он поджал губы, остро поглядел. — Где тебя штопают нынче? В военном госпитале или штатские мальчишки?

— Я же говорил: сын Галустовны, золотые руки, тридцать два года ему, а...

— Мальчишка. Что он может понимать в старых ранах?

— Э-э-э! Не говори, подполковник-джан...

— Паром гнал? В парной был?

— Э-э-э! — Погосян хвастливо подмигнул. — Вот этими руками сам в Аштарак ванну поставил. Воду из родника провел.

— Глупость! — отрубил подполковник. — Серость! Паром надо было гнать. На третьей полочке. Давно забыл бы! Пойдешь со мной в парную, сам тебя пропарю. Как солдат солдата!..

В парной подполковник распоряжался всеми. Он размахивал метлой, не доверяя ее даже банщику, и до поры не пускал посетителей в парную, причем они охотно подчинялись. Погосян в полотенце, обернутом вокруг бедер, смотрел на всю процедуру с большим удовольствием, хотя и дышал с трудом в непривычной атмосфере.

— Не напирайте! — командовал подполковник. — Эй, тоже метлу возьми! Листья

гоните за дверь. Чтоб чистота была. Пол подтирайте. Вот так! Насухо! Нам пар сухой нужен, нам мокрый пар ни к чему! Так, теперь находите! Стоп! Ты, старик, полезай сюда! Нет, на третью тебе еще рано, богу душу отдашь без привычки. Сюда! Так! Веник мне! Ну-ка пару поддай! Так! Еще разик! Терпи, то ли еще терпеть приходилось!.. Для пользы!

Старик лежал на животе, вздрагивая тощим задом. До того, как он лег, подполковник рассматривал его грудь, испещренную большими и малыми шрамами, старыми рубцами швов. Теперь ту же картину он увидел на боку и на спине. Наклонился, покачал головой.

— Крепко тебя разрисовали, солдат. Ничего не скажешь!

Его собственный шрам на щеке дернулся. Да и на предплечье виднелся глубокий рубец, словно кто-то зубами вырвал кусок мяса. Но он недолго предавался созерцанию, свирепо взмахнул веником.

— Ой, командир! — хрипел Погосян через силу. — Не дал мне с детьми попрощаться...

— Жив будешь — спасибо скажешь! Еще разик попарись, и все немецкое железо из тебя посыплется, как труха!..

...А потом они сидели в уютном предбаннике, закутанные в мягкие простыни, находясь в том разнеженном состоянии, какое бывает только в этом единственном на свете месте. Сидели и пили холодное пиво. Суровые черты подполковника разгладились, и из-под них проглянуло совсем иное лицо. Такое, каким оно было в далекой молодости.

— Приеду в Аштарак, — восторженно говорил Погосян, — баню буду строить! Стариков соберу, молодых... Сюда, люди! Радайтесь!

— Так-то брат! Как у нас на Красной Пресне. Там, солдат, я родился, там париться меня научили, там и помереть хотел... Только помирать мне нельзя пока. Высшая инстанция не позволяет...

— Зачем тебе помирать, хороший ты

человек! Живи сто двадцать лет и еще столько!

— Сто двадцать мне не нужно. А годов пятнадцать обязан. Такое дело.

— Зачем о смерти говоришь, брат-джан? Где она? Пока мы есть, ее нету! Она придет — нас не будет! Я хочу жить вечно. Жить хорошо, брат-джан!

— Верно, солдат. Мы от смерти не бегали, может, она от нас побежит. А годков пятнадцать мне нужно, нужно!

— Есть причина, джан? — осторожно спросил Погосян. Щедрой своей душой он почувствовал тяжесть в словах собеседника.

— Об этом потом как-нибудь. Не будем удовольствия портить. Ты скажи мне: помолодел? Игру в косточках чуешь?

— Как двадцать лет мне! Ничего не болит!..

Они подняли тяжелые стеклянные кружки и, улыбаясь, смотрели поверх толстого стекла, покрытого шапкой пены.

В квартире блаженная тишина. Нунэ кормит мужа обедом. Оба недавно пришли с работы. Володя явно порывается что-то сообщить, но удерживает себя, не решаясь.

— Нунка...

— Я сейчас,— слышится из кухни.— Одну минутку... Что?

— Что я тебе хотел сказать... из головы выскочило... Ты чего сегодня позже? Опять Евгений Викторович задержал? Новый эксперимент, что ли?

Нунэ подозрительно косится на мужа.

— Для этого ты меня звал?

Володя глупо ухмыляется, шевелит пальцами ног в носках. Тапочки стоят рядом.

— Пальцами шевелишь? Опять хочешь соврать что-нибудь? Говори сразу, все равно не поверю.

— Опять заводисься. Где Левка?.. С тех пор, как дед приехал, я сына не вижу. Куда дед, куда он...

— Удивляешься? — крикнула Нунэ.—

Разве в моей семье хоть один мужчина может быть нормальным? Такую судьба послала мне генетическую программу!

— Ну ты даешь! Причем тут программа?

— А что? Старый раненый человек бежит как чумовой по всей Москве, покупает подарки для целого района! Это нормально? Мальчик за ним, а если заикнешься — крик! Я должна молчать, я — дочь, я — мать! Но ведь у мальчика есть отец. Вернее должен быть отец! Но его нет! Он только удивляется. Это нормально? Другие отцы интересуются своими детьми, своей женой! А этот... удивляется!

— Нунка, ну что плохого, если мальчишка после школы гуляет с дедушкой. Он его любит. Старик-то ведь у нас с тобой первоклассный! Ты ведь его тоже любишь...

— Я люблю. Да! Мальчик любит деда, дед любит мальчика! А кто любит меня... Добился своего. Сейчас я буду плакать!..

Володя отодвинул тарелку, вскочил, готовый прибегнуть к испытанному способу утешения. Нунэ схватила его шею руками и, покрывая лицо мелкими быстрыми поцелуями, зашептала:

— Володенька... ну прошу тебя... уходи с этой фабрики! Володенька, родной мой, хороший, работай там, где только мужчины... Я... я не выдержу, я сама себе жизнь испорчу... Пусть я психованная, пусть дикарка, говори, что хочешь, но уходи отсюда...

— Это же срамотища, Нунка,— гудел Володя, крепко обнимая ее,— это ж черт-те что! Откуда в тебе ревность, пережиток этот проклятый? На пустом же месте, ну ничего же, вглядь ничего... Ведь меня не то что не отпустят, меня на смех подымут! Смогу я любить тебя после этого?

Нунэ оттолкнула его.

— А теперь ты меня любишь?

Она многое могла бы еще сказать, но затрещал телефон в прихожей. Нунэ остановилась с открытым ртом, побежала на звонок.

— Вас вызывает Ереван! — сказала трубка.

В проводах долго гудело. Нуэ тревожно оглядывалась на Володю, дула в мембрану.

— Я вас слушаю, слушаю... Да, да! Кто это? А-а-а, доктор Баграг? Здравствуйте, здравствуйте... Отец? Нет, его нету... Бега-ет. Ну что вы его не знаете разве? Как себя чувствует? По-моему, прилично, говорит, что помолодел здесь, у нас... Что? Нет, я не знала, что он вам ничего не говорил об отъезде... Доктор Баграг, доктор Баграг... А? Что? Вы мне скажите, ради бога!.. Нет... Ох! Под наблюдением? Что? Он — сумасшедший? Передам! Так и передам...

Она положила трубку и вернулась в комнату, прижимая руку к сердцу.

— Ох, как я испугалась. Все похолодело внутри...

— Что-нибудь случилось? — встревожилась Володя.

— Ничего, слава богу. Просто он должен был пройти еще одно обследование и вместо этого уехал. Как будто мы не могли сами сводить Левочку в школу! Ужасный человек!..

Раздался звонок и «ужасный человек» появился в квартире, ведя за руку внука. Старик довольный, внук — встревоженный. Чуткая мать немедленно это зафиксировала.

— Что случилось? — спросила она.

— Все хорошо! — ответил старик. — Мы немножко заволновались, одна наша знакомая не пришла сегодня в школу. Мало ли почему? Но мы с внуком горячие люди, мы — кавказцы, мы беспокоимся! Если завтра не увидим, сами пойдем...

Левоник потащил деда в другую комнату и там начал допрашивать с пристрастием.

— Правда, дедушка?

— Слово мужчины! Не чужие люди, мало ли что...

Он собрался произнести по этому поводу речь, но его прервал звонок. В прихо-

жую открывать дверь вышли все. Так уж получилось.

На пороге стояло удивительное существо с чемоданчиком. Девушка, очень некрасивая, с уныло висящим носом и красивыми, но очень злыми глазами. Одета она была с яркой пестротой — очевидно, старалась принарядиться для этой поездки.

После некоторого замешательства Погосян радостно вскричал:

— Джульетта! Это ты! Заходи, милая, заходи как домой! Я тебя не узнал сначала в этой красивой шляпе! Ты приехала из нашего Аштарака?

Джульетта переступила порог и сказала трагическим контральто:

— Я приехала из Ленинграда! Дядя Левон! Вы дали мне этот адрес, и вот я... Куда теперь лететь, кому кричать? Не знаю! На этой земле правды нет!..

— Ай, дочка, говоришь, не подумав! Заходи, раздевайся! Сейчас чай будем пить с дорогой гостьей. Нуэ!

Нуэ дернула плечом и молча вышла в кухню. Володя ошарашенно разглядывал дикийвинную гостью.

— Идемте же в комнату! — наконец спохватился он. — Отец, проси!

Но Джульетта не двинулась с места.

— Дядя Левон! Меня не приняли в театральный институт! Меня! Вы слышите, дядя Левон. — Она захохотала неожиданным трагедийным басом. — Я понимаю, почему это произошло в Ереване! Но в Ленинграде... Вы не поверите, я им показала мои лучшие сцены! Вы помните эти сцены, дядя Левон...

— Помню? Весь Аштарак это помнит! Весь район помнит! Ай-яй... Но может быть, ты стеснялась, Джульетта?

— Я?!.. Сцена — моя жизнь! На сцене я, как птичка в небе!

— Да, да! — Старик повернулся к Володе: — У нее громадный талант! А какой она зубной врач! Вырвала тете Асмик зуб, мало ли что... Она даже не почувствовала. Наша Джульетта! Лечит, играет у нас в клубе! — Он повернулся к Джульетте: —

Нет. Здесь что-то не так! Ошибка! Они уже наверно жалеют...

Джульетта снова трагически захохотала:

— Люди без совести ни о чем не жалеют! Набрали одних бездарей и радуются. Поэтому у нас такой театр! На кого смотреть? На кого смотреть, я вас спрашиваю?

— Володя, ты должен увидеть, как играет Джульетта. Не каждый день такое увидишь! Оставь свой чемодан в углу, дочка. Заходи.

Появившаяся в дверях Нунэ сказала железным голосом:

— Чай на столе...

— Я уезжаю! — величественно сказала Джульетта. — Только сейчас, в эту минуту, я поняла, что мне нечего делать в этих годах.

— Без чая никуда не поедешь! — крикнул старик. — Что это за мода приходить, уходить, не отведав чего-нибудь? И неужели ты не доставишь нам радость и не сыграешь... Это... Ну... твою знаменитую лилицу...

Погосян закатил глаза, показывая, какая это будет потеря.

— Правда, — вежливо сказал Володя. — Не уходите. Я ведь тоже выступаю в самодеятельности. У нас как раз завтра концерт.

— Да? — спросила дрожащим голосом Нунэ. — Я об этом ничего не знала...

— Я все собирался тебе сказать...

— Собирался?.. — Нунэ, едва сдерживая себя, повернулась к Джульетте: — Заходите, заходите... У нас дом для артистов!..

— Хорошо! — милостиво согласилась Джульетта. — Для вас я сделаю маленький показ. А потом уеду!

— Зачем? — с трудом двигала губами Нунэ. — Оставайтесь здесь, живите сколько хотите, играйте сколько хотите!

— Вот это по-моему! — крикнул Погосян. — Моя дочь!

— Нет! — отрезала Джульетта. — Я уеду! У вас есть рояль?

— Нет! — виновато сказал Володя. — Есть гитара!..

— Хорошо! Пойдемте! Мне нужно большое помещение. Расстояние до зрителей...

Все отправились в комнату, уселись на стулья. Джульетта отступила к стене, ужасно перекосила лицо и величественно подняла руку.

— Я прочту то, что просил дядя Левон. Говорят, мне это удавалось. Басня. Ворона и лисица... — И она начала бессмертную басню: — Вороне где-то бог послал кусочек сыра...

Не будем описывать, как Джульетта читала. Это надо увидеть. Достаточно сказать, что она играла за всех. Играла ворону, лисицу и даже кусочек сыра. Играла умиление, раскаяние, досаду и хитрость. Лицо ее меняло выражение с пугающей быстротой.

Погосян наслаждался от всей души. Нунэ, которая и без того была в истерическом состоянии, вскочила и, задышав, выбежала из комнаты, выдавив:

— Кажется, позвонили... Я сейчас...

— Кто б это мог звонить? — задумчиво спросил Погосян. — Кто-нибудь из соседей пришел в гости. Хорошо! Они тоже послушают...

В эту минуту и в самом деле позвонили. Слышно было, как Нунэ отворяет, потом все услышали ее крик и одновременно скрежущий, железный грохот. Все вскочили. Джульетта так и не закончила басню...

В прихожей стояла, прижав руки к сердцу, Нунэ, а перед ней улыбающийся во весь рот Генка.

— Крикнула, аж я испугался! Вот твоя печка, отец! Вари свой шашлык на здорье!

— Мангал! — заликовал Погосян. — Ай ты молодец, Гена-слесарь, ай умница! Первым гостем будешь!

На полу лежал метровый мангал. Старик встал на колени и разглядывал его с восторгом.

— Все точно сделал, все, как я нарисовал. Золотые руки. Ты не там родился. Ге-

на-слесарь, ты должен был родиться в Аштараке!

— Что это? — шептала Нунэ. — Что это?..

— Я уезжаю! — вконец разобидевшись, заявила Джульетта, но большинству было уже не до нее.

Ночью Левоник поднял голову с подушки и спросил шепотом:

— Дедушка, ты спишь?

— Нет еще. А тебе давно пора...

— Дедушка, мы ходим завтра к Кате?

— Я ведь дал слово мужчины! Спи и ни о чем не беспокойся, внук!

На следующий день они поднимались на четвертый этаж пятиэтажного дома без лифта. Старый Левон шел тяжело, прижимая ладонь к боку. Левоник держал в руке бумажку с адресом и прыгал через ступени, нетерпеливо оглядываясь.

Дверь им открыла сама Катенька. Горло у нее было обвязано толстым шарфом. Она обрадовалась гостям.

— А у меня были вот такие налеты в горле, — похвасталась она, показав руками, как велики были налеты. — Теперь почти все прошло! Заходите, пожалуйста...

Катя была радушна, приветлива, а Левоник стеснялся, как и полагается влюбленному. Даже осторожно дернул Катю за волосы. Она великодушно улыбнулась.

— А дедушка твой здоров? — спросил Погосян, оглядываясь.

— Дедушка на кухне, показать вам?..

— Нет, бала-джан, я найду. Вы поговорите тут с Левоником...

Подполковник гладил на кухне широкие голубые ленты. Делал это старательно, педантично и неумело. На веровочке, протянутой от газовых труб, висели Катины штанишки. Подполковник выпрямился и хмуро посмотрел на Погосяна. Какой мужчина обрадуется, если его застанут за та-

ким занятием? И Погосян понял это, вспыхнул сочувствием, закричал:

— Не обращай внимания, подполковник-джан! Старый солдат все понимает! Когда мы воевали, наши женщины разве не делали мужскую работу?! Я пришел, незванный, в гости, думал, может, ты заболел, может, соседская помощь нужна. Нет? Помни — друг у тебя есть! Это — Погосян Левон из Аштарак!

— Ладно, ладно, — проворчал подполковник. — Не я захворал, Катюшка. Мне болеть нельзя. Помнишь, я в бане тебе говорил. Так-то, брат! — Он пристально и хмуро посмотрел на Левона — рассказывать, не рассказывать. На него смотрели открытые, молодые глаза на старом лице. Решился: — Вдвоем мы с Катюхой. Так у нас жизнь повернула. Старуха моя только два года после блокады ленинградской протянула, сглодало ее. А дочка с мужем... Погибли в одночасье, год назад. На Памире. В сель попали, в грязевой поток. Геологи они были. Так что мы с Катюшкой вдвоем теперь. И болеть мне никак невозможно. Поднять должен. А ты, стоп! Слов не говори! Слов не нужно...

Он отвернулся. Погосян молчал, глядя ему в спину горящими глазами.

...В соседней комнате сидели дети, прижавшись головами друг к другу. Катя показывала Левонику фотографии, трещала:

— А это мои мама и папа! Они уехали так далеко, так далеко, что их даже найти не могут! Но они вернуться. До того, как я вырасту. И мы будем все вместе.

— А как далеко? — спросил Левоник, у него это не укладывалось в голове. — А письма?

— Так далеко, что даже письма не приходят, дедушка говорит...

— Хочешь, я их для тебя найду. Найду и привезу к тебе.

— А ты можешь?

— Могу! — вспыхнул Левоник. — Только скажи...

— Я очень хочу... — прошептала Катя.

...Старики продолжали свой разговор.

— Дочери моей позволь сказать,— угориварив Логосян.— Она придет, все сделает для хорошего человека. Нельзя без женщины, упрямый ты человек. Нунэ хорошая женщина! Она — Логосян, ясно тебе?

— Ясно, все ясно. Не нужно. Нужно будет, сообщу. Ты лучше скажи, полегчало тебе после парилки?

Логосян опустил глаза — вроде почувствовал себя виноватым, что не выздоровел.

— Легче! Гораздо легче, друг-джан!

— По глазам вижу, что врешь! Опять прихватило?

— Ночью... совсем немножко...

— Та-ак! Вот что, солдат, хватит на мальчишек полагаться. Есть у меня дружок. Давно, правда, не виделись. Генерал медицинский. Все понимает, все знает. Нас, солдат, резал, потрошил и склеивал всю войну. Сколько в строй вернул, не перечсть. Найду его, к нему поедем...

— Сын Галустовны...

— Штатские! Брось! — и решительно добавил: — Сейчас поедем. У него домик в Шереметьеве, найдем!

— Как можно сейчас? — ужаснулся Логосян.— У Володи, у зятя, концерт сегодня. Я тебя пришел пригласить. Вечером всей семьей пойдём!

— Куда я пойду вечером? — усмехнулся подполковник.— А Катюшка? Ладно, завтра с тобой поедем. Не уваливай. Он только посмотрит, и ты враз на ноги становишь!

— Глупости все! — засмеялся Логосян.— Я здоровый как вол!

Он постучал себя кулаком в грудь и засмеялся.

— Сплошные красавицы! — Левон Логосян откинулся на спинку кресла и вздохнул с глубоким удовлетворением. Оглядел превосходный клубный зал. Темные костюмы мужчин мелькали редко. Почти весь зал цвел пестрыми платьями, разноцветными и разнообразными прическами, сверкал молодыми белозубыми улыбками.

Нунэ сидела рядом с отцом, выпрямившись, глядя прямо перед собой неподвижным взглядом.

На сцене у микрофона появилась девушка-конферансье.

— На нашем вечере,— сказала она в микрофон бархатым голосом,— дали согласие выступить наши гости с завода «Кабель», обмотчица Лидия Широкова и чертежник КБ Сергей Тур! Оригинальный жанр!

Она первая зааплодировала, и зал дружно поддержал. Логосян хлопал гулко, громче других, сложив ладони коробочкой.

— Кривляка! — процедила сквозь зубы Нунэ. Отец оглянулся на нее с недоумением. Нунэ смотрела поверх голов.

Оригинальный жанр оказался довольно милой мимической сценкой, повторяющей популярный номер с воздушным шариком. Все пошло недурно, если не считать того, что партнерша, значительно более массивная, чем ее напарник, неловко к нему прислонилась и повалила его. Это никого не смутило. Зал хлопал. Старому Левону очень понравилось все, включая падение, которое он счел составной частью номера.

— В Аштараке такого не увидишь! — сказал он довольно.— Хорошо, что Володя работает в таком веселом месте. Молодцы!

— О господи! — простонала Нунэ.

Тем временем конферансье, сделав многозначительную паузу и подняв голос на два тона, как делают все конферансье, когда предстоит выход любимцев публики, объявила:

— А сейчас перед вами выступит вокальный квартет в составе ткачих Любы Гаврилкиной и Сони Пугачевой, Ирины Валкиной — контролера и Аллы Вавиловой — повара...— Снова многозначительная пауза.— Солист — мастер-наладчик Владимир Кондриков...

Конец фразы потонул в буре аплодисментов. Нунэ так задрожала, что отец недовольно повернулся.

— Чего ты скачешь? — спросил он сварливо.— Чего тут волноваться? Что он, с па-

рашютом прыгает? Попоет, сделает людям удовольствие! — Он помолчал немножко и добавил глубокомысленно: — Интересно, выпил он немножко? Я люблю пить, если немножко выпью...

На эстраде за микрофоном тесно друг к дружке встали четыре прехорошеньких девушки с длинными, распущенными по последней моде волосами, в вечерних платьях, сшитых из продукции фабрики. Они безумно волновались, не знали куда девать руки, а ободряющие крики из зала типа: «Не тушуйся, Люба, держи честь бригады» только усугубляли растерянность.

Конферансье дождалась паузы:

— Новая песня, написанная к столетнему юбилею нашей родной фабрики: «Краса души, краса вещей...»

Нунэ плотно закрыла глаза. Она не хотела ничего видеть. Она хотела оглохнуть, но это было невозможно.

Володя появился у второго микрофона. В противоположность девичьему квартету он был почти спокоен и улыбался своей обычной, широкой и добродушной улыбкой. Очевидно, и вправду был общим любимцем, если судить по буре, которая пронеслась по залу.

— Слышишь? — Нунэ впечилась отцу в рукав. — Слышишь?

— Слышу, дочь моя! — Старик начал догадываться. — Очень приятно, когда ценят родного человека. Я рад. Это надо заслужить!

— Чем? — громко выкрикнула Нунэ, но отец погрозил ей пальцем, и она смирилась и снова закрыла глаза.

А Володя пел. Пел о той радости, которую получает, когда идет по улицам и видит девушек, ставших еще краше в платьях из красивых тканей.

Нунэ кривилась, словно страдала от сильной зубной боли. Когда Володя закончил, отец, отхлопавший ладони вместе со всем залом, посмотрел на дочь подозрительно, однако, на этот раз промолчал. А зал не успокаивался:

— Володя! Володечка! «Приди...» Давай, спой «Приди!», «Приди-и!..»

У микрофона сияющая конферансье:

— По просьбе присутствующих на нашем концерте, Владимир Кондриков исполнит романс «Приди, я жду...»

Володя вернулся на эстраду с гитарой в руках. Улыбка исчезла, лицо несколько испуганное. Возможно, он разглядел в зале Нунэ. Начал он глуховато, но потом мягкий баритон набрал силу, и Володя запел свободно, легко. Зал притих. На Нунэ страшно было смотреть, но Володя уже не видел ее. Со всей простодушной откровенностью старинного ромаса он призывал неведомую возлюбленную, забыв обо всем, целиком погрузился в музыку... Когда прозвучал последний аккорд гитары, зал очнулся не сразу. Но зато что началось потом!..

В крохотной ванной было нечем дышать — для конспирации объяснения Нунэ пустила воду. Пот лил с Володи градом — впрочем, вполне вероятно, что не только из-за влажной духоты...

— Больше я терпеть не намерена! — рыдала Нунэ. — Сегодняшняя демонстрация — последняя капля! Все! Все, все! Яснее невозможно! Но лучше... лучше, честнее, мужественнее было бы просто сказать мне: «Нунка, бери своего ребенка и убирайся на все четыре стороны! Ты мне больше не нужна!» Да! Честнее! И не так больно...

— Нунка! Голубка моя черная...

— Молчи, молчи, молчи! Не нужно лжи! Пусть все хорошее, что мы пережили, останется.

— Нунка! Хоть душ закрой, смотри, ты вся красная...

— Я не от душа красная! От истязаний! Не смей закрывать воду. Пусть отец не знает о моем позоре...

— Нунка, ты учила физику? Это мы его не слышим, а он нас слышит.

— О, если б он услышал, он убил бы тебя на месте! Как собаку!

...Старик сидел в комнате у стола, опустив голову на скрепленные руки. Против обыкновения он не собирался вмешиваться. Ему слышно было почти каждое слово, и он слушал с интересом, не проявляя никакого беспокойства. Только иногда покачивал укоризненно головой и словно ждал чего-то.

...Нунэ заломила руки. Володя попробовал обнять ее, но габариты ванной сильно ограничивали оперативные возможности такого рода.

Проходная текстильной фабрики. Солидная вахтерша за переборкой благодушно ворчит:

— Колготной ты старик, хоть и смешной. Ну как я могу пропустить тебя, милый человек, когда пропуска у нас с тобой нету?

— А внуки у тебя есть, сестра? — осведомился Погосян, причем сделал это с искренним и живым любопытством.

— Внуки у меня есть, — подмигнула вахтерша, — а вот пропуска у тебя нету!

— Пропуск что? — сказал Погосян. — Пропуск я достану. Только времени мне нельзя терять, меня ждут на телефонной станции. Но ведь ты меня пропустишь, сестра, я по глазам твоим вижу, многим людям ты в жизни помогла, поможешь еще одному! Я ведь на одну неделю всего приехал к вам из Аштарак. Внука моего Левоника в школу повести! В первый раз пошел, и дед его повел! А? Он на всю жизнь этот день запомнил!

— Как же! — скептически сказала вахтерша. — Много они помнят.

— Э-э-э, нет, сестра! Ты верь! Ты им поверишь, они тебе поверят. Люди — сразу люди. Маленьким не стал человеком, большим не станешь! Как же я могу уехать, не посмотрев, как работает мой зять. Кто вокруг работает...

...Вскоре Левон Погосян шел по чи-

стенному фабричному двору мимо газонов, оглядывая все с детским интересом. Ему здесь нравилось. На доске почета он сразу высмотрел фотографию Володи. Смutilo немножко окружение: сплошь молодые женские лица в модных прическах. Старик покрутил головой и двинулся в цех.

Володя сидел на корточках подле станка и ковырялся в пусковом механизме. Из карманов спецовки торчали инструменты. Рядом стояла одна из певиц квартета. Косынка ее сбилась на бок, дышала она тяжело, вот-вот заплачет.

— Что же это, Владимир Мартыныч? Я от этого станка на бюллетень пойду! Второй раз за день такое наказание! Какой тут процент дашь!

— Тихо, тихо, Соня, — бормотал Володя. — Береги нервы. Сменяю сейчас эту штуковину, и запоет он у нас...

— Володя! — негромко позвал Погосян.

Володя оглянулся и от изумления выронил гаечный ключ.

— Отец! Как ты сюда...

— Мужской разговор, Володя-джан.

Соня смотрела на них во все глаза.

— Ну сейчас... — Володя затянул болт и распорядился: — Запускай, Соня! Все — как часы! Пойдем ко мне, отец...

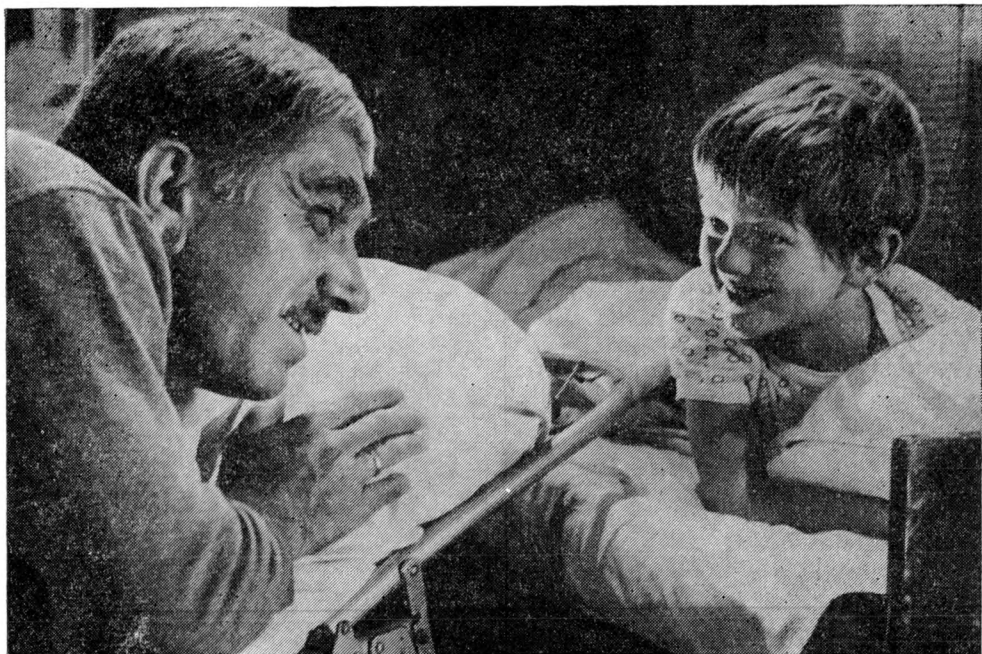
По дороге в свою каморку предупредил:

— Только давай накоротке! Если надо, дома договорим, тут у меня, сам видишь...

— Я, Володя-джан, сам всю жизнь работал, времени не терял. Сюда пришел, чтобы собственными глазами твое дело увидеть. Мои глаза увидят, мои ноги уйдут спокойно! А дома будем говорить о другом.

Из Володиного закутка, сквозь стеклянную стенку просматривался весь цех. Сновали, оглядываясь на них, девушки. Весть о том, что у Володи неизвестный гость, быстро распространилась. Старик хитро щурился.

— Производительность процентов на пять упадет, придется наверстывать! — усмехнулся Володя. — Отец, ты слышал вчера, как Нунка меня мылила. Об этом

Погосян — Армен Джигарханян; Левон, внук Погосяна, — Антон Ильин

хочешь? Давай. Только в темпе. Нунку я люблю, и больше никто мне не нужен. А что она себе в голову забила и что с этим поделать и как — ума не приложу! Мне бы еще ничего, я потерплю, да ведь она, дуреха, мучается. А только с фабрики этой уйти не могу. Сюда дед мой из деревни пришел, здесь отец всю жизнь протрубил, и мне здесь быть! Если ты об этом...

— Нет, Володя-джан, зачем мне глупости подсказываешь? Я сам их могу придумать! Я тут все осмотрел, с женщиной-сторожем говорил, умная женщина, к директору вашему зашел познакомиться, тоже почему-то женщина, но ничего, понимает кое-что, хотя рожала мало. (Глаза Володи округлились.) Они тебя уважают, а я гордился! Ты тут работай, Володя, учись! Я зашел другое сказать.

Он придвинулся совсем близко, таинственно оглянулся, понизил голос:

— Побить нужно немножко, Володя!

— Кого побить, отец? — тоже почему-то шепотом спросил Володя.

— Ну не! Твою жену!

Володя отшатнулся.

— Ты что, отец? Чтоб я Нунку мою... Мать моего ребенка, аспирантка, без пяти минут кандидат химических наук! Ну ты даешь!..

— Кто тебе говорит, кандидата бить? — рассердился старик. — Я тебя прошу жену побить, женщину!

— Ну нет!..

— Да! — с азартом повторил старик. — Для ее счастья! Потом поздно будет! Немножко побить, совсем немножко, без зла. Чтобы знала: мужчина хозяин в доме! Ее мать ангел была, а я ее в самом начале все-таки немножко побил, и тридцать пять лет жили душа в душу, пусть земля будет ей пухом...

Володя закрутил головой.

— Нет, отец, и не проси, и не веди, и не агитируй. Не могу...

В дверь сунулась рыжая голова и вострый носик.

— Владимир Мартыныч. Соня опять плачет...

— Беда мне с вами... Иду!

Володя подхватил со стола инструменты.

Переговорная на Центральном телеграфе. Из кабин доносятся обрывки разговоров, смешиваясь в неясном гуле.

Погосян закончил с кем-то беседу, хлопнул его по плечу и направился к дежурной. Судя по всему, уже не в первый раз. Облокотился о стойку.

— Ну как, дочка?

— Нет еще линии, гражданин! Я вас позову.

— Я б тебя не торопил, дочка, но понимаешь, мне нужно объяснить одному глупому доктору, то есть, он как раз умница, золотые руки, но поступает как дурак! Звонит из Еревана моей дочке, пугает ее! Зачем? Что случилось? Что я — с дерева упал?

— Честное слово, гражданин, как только дадут Ереван на ливию, я вас первого позову...

— Верю тебе!

Он отходит, оглядывается. Его томит жажда деятельности. Взгляд падает на длинные ноги в кедах, высунувшиеся позади крайней кабины. Старик решительно идет туда.

Свесив массивную голову, украшенную рыжей бородой, сидя на плотно набитом рюкзаке, из которого торчит ледоруб, спит, мирно храпявая, здоровенный парень. Клетчатая ковбойка распахнута на широкой груди, тоже в буйной поросли. Погосян присаживается на корточки. Изучает парня, потом трогает его за колено. Тот широко открывает голубые как небо глаза в белесых ресницах.

— А? Прилетели?

— Прилетели, прилетели! — строго говорит Погосян. — Ты чего тут спишь?

— Тьфу! А я во сне слетал на Йошкар-

Олу! — Парень сладко потянулся. — Зря ты меня разбудил, дед! Время бы пробежало...

— Время, сынок, жалеть надо, его нам мало отпущено.

Рыжий окончательно проснулся. Весело огляделся. Ему понравился этот старик с искорками смеха в глазах. Он широко открыл рот, набитый белыми зубами, и захохотал.

— Это ты, дед, меня, полевого геолога, времени обучаешь? Да мы с этим временем всю жизнь будем наперегонки бежать! То на сто лет вперед, то на тысячу назад...

— Тогда почему здесь спишь?

— Потому что мне в Гранд-отеле место не приготовили. Да и не нужно! Ночью полетим дальше. Дождусь только ребят из Сихотэ-Алиня. Они днем должны были подлететь, да вот самолет задержался. Теперь до десяти, самое малое, здесь трубить!

— А почему здесь?

— Ну и дотошный дед! Все ему нужно знать! Ладно, открою тебе государственную тайну: условились — встреча здесь, на Центральном телеграфе. Только, чур, никому ни слова...

И он снова захохотал. Старик тоже было засмеялся, но поджал губы.

— Не дело так спать молодым, — сказал он. — Не война! Вот смотри. Что это? Видишь?

— Вижу. Ключ... От замка, который отпирается гривенником.

— Вот возьми этот ключ, поезжай! Я тебе сейчас объясню, куда. Смело заходи, ложись и спи! Два часа сна там лучше, чем двадцать здесь...

Рыжий вдруг застеснялся.

— Ну что вы, дедушка? Мне и тут неплохо. Я ж привычный. Могу спать в седле, могу на веревке висеть — спать.

— Как мой внук, — кивнул старик. — Но ты со мной не спорь. Берн.

— Я ж просплю...

— Я здесь еще разик с дежурной побеседую, с Ереваном поговорю и домой приеду, разбужу. Успеешь...

Парень задумчиво почесал рыжую бороду.

— Разве и правда придавить минуток сто двадцать?

Лифт остановился на седьмом этаже. Раздвинулись створки, и выпорхнула оживленная Нунэ. В руках портфель и туго набитая авоська.

— Добрый день, Ангелина Петровна! — приветливо поздоровалась она с вышедшей из своих дверей соседкой. За несколько последних дней половина дома стали добрыми знакомыми. — Дивная сегодня погода!

И в наилучшем настроении Нунэ открыла дверь.

Неожиданность ждала ее у самого порога — Нунэ споткнулась о ледоруб. Взгляд ее заметался и наткнулся на огромный рюкзак, из которого торчала половина обугленной, как горелое торфяное болото, сковородки. Нунэ, осторожно передвигаясь на цыпочках, заглянула в комнату. Там никого не было. Но она услышала храп. Хороший, здоровый храп намаевшегося мужчины. Он шел из комнаты Левоника. Нунэ стало страшно, но она все же рискнула открыть комнату сына.

На детском диванчике, свесив ноги на пол, распласталась могучая фигура. Рыжая борода уставилась в потолок, рыжеволосая грудь мерно вздымалась. Нунэ в ужасе отступила, больно ударилась спиной о стенку, и оттуда с грохотом свалился подарок новоселам — выбитое на меди изделие грузинских умельцев «Витязь в барсовой шкуре».

Фигура рывком села. Нунэ застыла и некоторое время с ужасом смотрела в голубые глаза незнакомца. Потом в этих глазах зажегся веселый интерес.

— Вам кого? Предупреждаю: сведения мои крайне ограничены. Я тут сам гость...

— Ни-ни-чего... — заикаясь, пробормотала Нунэ, боком передвигаясь поближе к входной двери.

Подполковник и Погосян ехали в автобусе за город. Промелькнули последние дома Москвы, пошли перелески.

— Напрасно едем беспокоить солидного человека! — досадовал Погосян. — Мало ему дел без нас с тобой! Это тебе каждый скажет. Хочешь, людей спросим?..

Он обернулся, готовый возвать к пониманию всех пассажиров. Подполковник рассердился:

— Сиди и не вертись! Не мешай людям в окна смотреть. Лучше тебя знаю, к кому едем. Хватит в жмурки играть, солдат, подчиняться надо. Генерал нас не только штопал, он нам отцом был. И не болтай там, он не любит. И вообще — отступать некуда, солдат, Москва за нами.

Они сошли на остановке и углубились по тропинке в прозрачный лесок. Стояла рыжая осень. Погосян бурчал под нос:

— Как будто я не знаю — лезет железо, ну и пусть лезет. Тридцать лет лезет, пусть еще тридцать...

Подполковник остановился, хмуро глянул из-под бровей.

— Ты что, трусишь? Трусишь, скажи? Стыда в том нет...

— Я? Я трус? Был бы жив маршал, он бы тебе сказал! Он меня в губы целовал!

— Так не кипятись. Шагом марш!

Они молча зашагали дальше.

Пришли в дачный поселок и остановились у скромного пошатнувшегося заборчика. Открыли аккуратненькую калиточку. Им навстречу, из кустов смородины, возник сухонький старичок с секатором в руках. Он поднял очи на лоб и взгляделся в пришедших цепким взглядом.

— Доброго здорovia, товарищ генерал! — почтительно поздоровался Погосян. — Мне стыдно. Беспокоить по пустякам старшего по званию и по возрасту!..

— Это тот солдат, Иван Лаврентьич, о котором я давеча говорил. Трепло, между прочим! — сказал подполковник.

— Так, так, так! — старичок подал им по очереди жилистую руку. — Приехали, значит? По старой памяти? — Он вдруг

пригляделся и ткнул пальцем в шрам на щеке подполковника: — Мой?

— Ваш, Иван Лаврентьевич. Забыли?

— Упомнишь вас всех! Грубая работа. За такую работу надо руки выворачивать. Небось, в спешке?

— Под сплошным же огнем, Иван Лаврентьевич.

— Не оправданье. Однако пойдете. Не будем терять времени. Моя старуха нынче варенье варит, может мобилизовать в любую минуту...

Погосян лежал на жестком ложе, прикрытом чистой простыней, смотрел вверх. Все стены маленькой комнатки со скрипучими полами были уставлены книгами. У окна пристроен заваленный рукописями стол.

Всякая попытка Погосяна начать: «А у нас в Аштараке...» немедленно пресекалась.

— Помолчите, друг мой!

По обнаженному торсу, иссеченному шрамами, скользили некрасивые, жилистые, изумительные руки. Они ощупывали каждый бугорок. Надавливали. Отпускали. Обводили невидимые контуры. То тут, то там. Голос приказывал:

— Дышать! Не дышать! Можно дышать! Одевайтесь!

Погосян торопливо одевался, поглядывая на генерала. Поглядывал и подполковник. Генерал неторопливо сбросил тапочки и стал надевать башмаки. Спокойно говорил:

— Нашпиговали вас, старшина, добросовестно. Хорошая хозяйка так гуся не нашпиговует. Перейдемте-ка мы, друзья, через улицу. Тут у нас больничка есть. Хоть и незамысловатая, но оборудована прилично. Я там консультирую иногда. И работает там чудесный рентгенолог Михаил Абрамович. Посоветуемся, поглядим...

...В сумраке рентгеновского кабинета видны только тени людей. Горит красная лампочка. Погосян стоит за прямоуголь-

ником экрана. Экран движется направо, налево.

— Шашлык буду делать завтра,— весело говорит Погосян.— Если хотите, мой зять за вами на такси придет. Такого шашлыка вы в Москве ни у кого есть не сможете! Бастурму сам делал, бадриджаны, помидоры из Аштарака привез...

Рука протягивается за экран, поворачивает Погосяна боком. Врачи ведут осмотр, изредка перебрасываясь короткими репликами.

— Видите, Иван Лаврентьевич?

— Вижу... А вот и осколочек... Возможно с него?..

— Почти наверняка... Сам-то зафиксирован вполне спокойно...

Врачи переглянулись. Это был взгляд понимающих, глубоко опечаленных старых людей.

— Пожалуй, все, товарищ Погосян. Можете идти в ту комнату, одевайтесь. Сейчас мы все придем...

Погосян пошел к двери наощупь. У самой двери остановился. Рентгенолог включил свет. Погосян спросил, стараясь сохранить бодрый и веселый тон:

— Что, опять резать надо?

— Не надо, старшина,— улыбнулся генерал.— Осколок маленький, уже приспособился. Нельзя его трогать. Как лежал, так и будет лежать.

Погосян засмеялся, с торжеством поглядывая на подполковника:

— Ну, что я говорил?

Он вышел. За дверь был слышен его смех. Врачи молчали. Подполковник вдруг почувствовал, как что-то противно шевельнулось внутри:

— Что, плохое железо?

Ему ответили не сразу.

— Не железо это, друг мой милый,— грустно сказал генерал,— на этот раз не железо, хотя осколок, вероятно, спровоцировал. Хуже. Много хуже.

— Нет! — крикнул подполковник.— Нет! Не верю.

— Тихе. Сколько полагаешь ему... Михаил Абрамович?

— Трудно сказать... Может, месяца четыре... А может, и один...

— Я жду! — весело крикнул за дверь Погосян.

— Идем, идем... Вы лицо свое приведите в порядок, подполковник! — Генерал, кряхтя, поднялся со стула.

Левоник был исполнен жгучего интереса. Он пристроился подле деда, который сидел на маленьком табурете перед мангалом. Огонь в жаровне уже бушевал. Рядом стояли два больших эмалированных таза, громоздились сизо-синие бадриджаны, алые помидоры, ярко-зеленый перец.

Все это происходило на балконе седьмого этажа.

— Огонь надо большой, — говорил Левон Абрамович. — Смотри внимательно, Левоник-джан! Этого ты, мой внук, не прочтешь ни в одной книге! Это мы передаем от деда к отцу, от отца к сыну. И ты передашь своему внуку. Видел, как я клал дрова? Два так, два так.

Левоник кивал.

— Я все запомнил, дедушка.

— Как ты мог не запомнить? Ты кавказец! Смотри. Теперь я беру бадриджан, видишь? Надрезаю здесь... Боже сохрани, не насквозь. Беру кусочки сала... где сало? Ага! Охай! Закладываем сюда. Надеваем на шампур. Так. Хвостики в одну сторону, слышишь?

Внизу вокруг дворника начала постепенно собираться толпа. Стояли, задрав головы. Дворничиха негодовала:

— Ведь знала, еще ночью сердце щемило! Знала! От этой сорок девятой квартиры добра не жди. Прямо не знаю, в милицию бечь или прямо ноль-один звонить... Спят дом, не сойти мне с этого места!

— Постучаться надо, мало ли что, — сказали со стороны. — Может, не так что-нибудь...

— Нет, звонить побегу!..

Пламя на седьмом этаже стало несколько опадать. Повалил дым.

— А теперь, дедушка, мясо будем натыкать? — спросил Левоник.

— Боже упаси, Левоник-джан! Мясо — это когда огонь седым станет. На угли. Теперь помидоры, помидоры! Попками вниз, попка у них толстая, грубая — не сгорит. А потом верхушечками, они нежные, сразу зашипят...

Бадриджаны густо и жарко закапали в огонь, дым взвился темным столбом. Левоник потерял глаза.

— Ничего, внук мой! Дым для шапльика, как роса для цветка. Дым шапльика — это его песня...

Наверху, справа и слева, захлопали оконные рамы, балконные двери. Поднялась общая тревога, раздался крик:

— Что тут творится?

— Задохнуться можно!

— Безобразия, граждане!

И хладнокровный голос:

— Горим, что ли?

С балкона восьмого этажа свесилась голова в высокой прическе. Веки слезились, окрашенные ресницы моргали.

— Дедушка, что вы делаете! У меня комната дыма полна, дышать нечем!..

Старик поднял глаза, весело крикнул:

— Кончаем, дочка, мы с Левоником кончаем! Через час приходи в гости шапльик кушать, вино пить! — Он поднялся и закричал всем, всем, кто стоял на балконах и в окнах: — Приходите, дорогие! Приглашаем! Не обижайтесь на дым! Дым и шапльик, как рука и сердце! Сейчас бастурму буду надевать, дыма совсем мало будет!..

Внизу завывли пожарные сирены. Во двор вкатили кроваво-красные машины. Навстречу им бежала дворничиха...

— Дедушка, — радостно закричал Левоник. — Пожарные приехали! Пожар где-то!..

— Ай-яй-яй! — старик цокал языком. — Какие неосторожные тут все. Наверно, чайник не выключили. Спешат все. А куда спешить? Подойди, выключи, не будет несчастья!..

За оградой их балкона что-то загудело, а затем выполз конец автоматической пожарной лестницы и возникла голова брандмайора в сияющей каске. Голова строго оглядела мангал.

— Что у вас происходит, гражданин?

Возникновение собеседника по ту сторону балкона несколько озадачило Погосяна. Но ненадолго.

— Шашлык делаем с внуком, — весело сказал он. — Перелезай, гостем будешь!

Брандмайор только успел набрать полную грудь воздуха, чтобы прочесть лекцию о правилах противопожарной безопасности, как на балкон из комнаты влетела пришедшая с работы Нунэ.

— Папа! — крикнула она, задыхаясь от ярости. — Боже мой! Что это?! Как это? Весь дом бегаёт по лестницам вверх и вниз! Боже мой...

— Как? — негодуя спросил старик. — Разве мы не пригласили сегодня твоего руководителя Евгения Викторовича? Это я придумал? Или, может быть, мы могли не подготовиться к встрече дорогого гостя?

Брандмайор пытался соблюсти собственное достоинство, но пробить стену кипящего темперамента отца и дочери оказалось ему не под силу. Он только разевал рот.

— Но люди, люди! — стонала Нунэ. — Что можно объяснить людям?!

— Ничего не надо объяснять! — крикнул Погосян. — Они попробуют кусочек вот этого, — он взмахнул шампуром с наанизанными кусочками мяса, — и душа их станет доброй.

— Где они попробуют? — взвизгнула Нунэ. — Когда?

— Здесь! У нас в доме!

— Папа! Ты пригласил?!

— Граждане! — Брандмайор попытался подвести итог. — Будем заливать...

Но Нунэ ломала руки.

— Что ты наделал, папа? Евгений Викторович... неизвестные люди! Он знает хоть одного? А я их знаю? А ты их знаешь? Что делать? Я опозорена! Навеки!

Я стала посмешищем... стану... с юмором Евгения Викторовича...

Брандмайор еще немного потоптался на лестнице, понял, что никакой опасности нет, и стал принюхиваться. Пятнадцать шампуров распространяли розовый аромат. Во входную дверь звонили первые гости. Левоник побежал отворять.

— Ну и запах! — сказал брандмайор. — От одного запаха можно равновесие потерять.

Сияющий Погосян обернулся к нему.

— Ты еще там, дорогой? Дай руку, иди к нам!

— Спасибо, отец, за приглашение, — церемонно сказал брандмайор, — другим разом. Я при исполнении. Только прошу, еще раз шашлык затеешь, звони ноль-один. Мы дежурную вышлем...

Он махнул куда-то вниз, машина загудела и голова в каске скрылась.

Нунэ продолжала яростное наступление на отца:

— Выдумал тоже — весь дом пригласить! Соседи ему нужны!..

— А что? — Погосян начал сердиться. — Ты кто такая? Ты владетельная княгиня? Родилась в золотой люльке? Кто твой отец? Вот мои руки! Кто твоя мать? Она вырастила вас, она стирала, штопала, варила, кормила... Кто помогал нам в тяжелый час? Соседи! Кто помогал тебе, твоим братьям, твоей матери, когда я был на войне? Соседи! Дай им бог долгой, счастливой жизни!..

Три стола были сдвинуты вместе и накрыты. Гостей, естественно, было больше, чем могла принять скромная квартира. Сервант вынесли в сыновью комнату, и он торчал оттуда сиротливым углом. Гости сидели на разнокалиберных стульях, явно перекочевавших из соседних квартир, однако было весело. Растерянными чувствовали себя только молодые хозяева. Володя улыбался широко и растерянно, Нунэ — вымученно, то и дело бросая тревожные взгляды на профессора: не шокирован ли он столь разношерстной компанией.

На съемке фильма. Справа — режиссер-постановщик Эдмонд Кеосаян
Фото В. Мурашко

А профессор Евгений Викторович, толстячок и гурман, с круглым, крепким как орех, животиком и круглой, лысой головой, наслаждался от души:

— Тает! Прямо тает! Восторг... Ммм... У... А это что? Бадрджаны? Знаем! Синенькие по-нашему... А вот мы их сейчас... Ммм-у!.. Сражен! Левон Погосович, ну что бы вам, голубчик, почаще приезжать. Мы командировочку оформим через институт как экспериментатору и великому мастеру.

— Ну ты силен, отец! — кричал уже слегка захмелевший Гена.

Гости смеялись, шумели, восхищались кулинарным даром старого Погосяна. А тот сиял. Рвал руками лаваш, раздавал гостям, наливал розовое вино из большого графина.

— Ешьте, дорогие, пейте, ваша радость — честь для этой крыши, счастье дома! — Он поднялся, почему-то опершись для этого о плечо подполковника, который сидел рядом с ним. Подполковник метнул

на него быстрый взгляд, опустил глаза.— Евгений Викторович, профессор-джан! Вы впервые переступили порог этого дома. Но я уже люблю вас. Вы веселый человек. Учитель — святое слово. Есть тихий учитель — это хорошо. Есть спокойный учитель — это почтенно. Но есть веселый учитель — это счастье для учеников! Левоник, Катя, запомните этот день! В вашем доме был УЧИТЕЛЬ! Отец дает детям тело. Учитель дает душу, чтобы была красивой и доброй... Вы слышите, соседи? Я пью за учителя и за всех вас! Я завтра уезжаю в мой Апшарак и расскажу там всем, что я оставил моего Володю, мою Нуна, моего Левоника рядом с вами! Им есть куда принести свою радость и свое горе. Соседи! Это большое слово. Люди не всегда это понимают...

— Ну ты силен, отец!

— Гена-слесарь, я пью за тебя! Ты даешь людям воду. Только мы, под нашим солнцем, на нашей земле, знаем, что такое вода! Человек, который дает людям во-

ду, — великий человек. Живи сто двадцать лет. Ты и все вы. И прошу вас всех выпить вместе со мной за моего брата, которого я узнал недавно. За боевого брата! Подожди, подполковник-джан, не мешай мне... Выпейте за него, люди! Он мужчина! Мужчина, который прошел через все и остался с золотым сердцем! Молчи, брат-джан... Мы с тобой должны были встретиться, иначе было бы несправедливо. Завтра я уезжаю, но мы все скоро встретимся. Весной... Но я люблю осень, вот такие дни, как сейчас. И когда весной сеешь или сажаешь дерево, отдаешь земле свой пот, думаешь: что будет осенью? Надеешься и ждешь! И только осенью человек может сам себе сказать, кто он. Поэтому за сегодняшний осенний день, когда мы смотрим друг другу в глаза и говорим: здравствуй...

— Пассажиров, вылетающих по маршруту Москва — Ереван, просят пройти на посадку. Повторяю...

В толпе провожающих — Левон Погосян. Кто-то ему пожимает руку, кого-то он хлопает по плечу... Володю и Нунэ совсем оттеснили. Гена с букетами цветов и несколькими тортами в руках терпеливо следует за стариком, куда бы тот ни двинулся. Погосян приглашает всех:

— Доберетесь до Аштарака, а там покажет любой! Слышишь? Приезжай, будет хорошо! И ты приезжай, дорогой! И ты...

К ним вприпрыжку приблизился кругленький профессор. Задыхаясь, расталкивая провожающих, ухватил Погосяна за руку:

— Ф-фу ты, поспел-таки! Непременно хотел вас проводить, непременно! — Евгений Викторович вытащил из кармана маленький пакетик и подмигнул: — Вот, небольшой сувенир от химиков! Когда обрабатываете свой участок, разведите эту дрянь. Чайную ложку на два литра воды...

— И что будет? — жадно спросил Погосян.

— Сюрприз! Будущей осенью увидите...

Подполковник, который стоял рядом, отвернулся. А профессор приветливо пошел пожимать руки всем, с кем накануне сидел за столом. Нунэ хлопала ресницами.

— Спасибо вам, Евгений Викторович! Как это мило с вашей стороны.

Маленькие, пронизательные глаза глянули исподлобья.

— Ох, Нуночка! Что-то не то вы смыслите про своего родителя. — Он вздохнул. — Впрочем, как и все мы про своих...

Погосян торопливо обнимал всех подряд. Дошла очередь до подполковника.

— Помните: в конце весны жду! Когда вишня зацветет, да? И знаешь, что я подумал: возьми генерала-доктора! Золотая голова, наша голова, фронтовая... Сядем под тутовое дерево, возьмем немножко чаи и вспомним... Нам ведь есть что вспомнить, нам есть кого вспомнить...

Подполковник откашлялся.

— Ладно, ладно! — пробормотал хрипло. — Говорено уже. Ты там... береги себя, что ли...

Погосян еще раз обнял Нунэ и Володю, обоих вместе. Глаза смеялись:

— Володя-джан! Ты все-таки побей ее немножко. Не сильно...

Он оттолкнул их и побежал по проходу, между стеклянных стен, размахивая руками и что-то крича. Гена рванул за ним. Дежурная ухватила его за полу:

— Куда?

Гена рвался и отчаянно вопил:

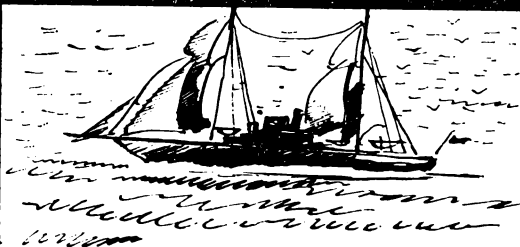
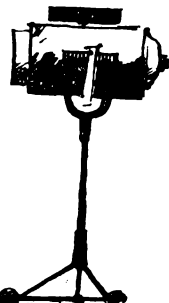
— Тортá же! Цветы же!..

Но Погосян не слышал. Он сбежал по лесенке и заторопился к самолету. Сверху он был совсем маленький.

Подполковник стоял чуть в стороне, отвернувшись. Суровое лицо не изменило выражения. Глубокие морщины, идущие от крыльев носа к углам рта, стали еще жестче. Он смотрел на летное поле, и вдруг глаза его заволокло слезой...

Но, может быть, это было закатное солнце, которое как раз в этот момент ударило в лобовое стекло самолета и вспыхнуло нестерпимым багровым светом.

В. СПИРИНА

ТАКАЯ ДЛИННАЯ ЗИМА

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА СППРИНА окончила сценарный факультет ВГИКа в 1950 году. На киностудии им. М. Горького по ее сценариям сняты фильмы: «Таинственная находка», «Приветствие», «Стучись в любую дверь», «Ох, уж эта Настя!»; на киностудии «Мосфильм» — «Взрослые дети» и «Зеленый огонек»; на телевидении — «Семья, как семья».

Художественный фильм по сценарию «Такая длинная зима» ставит режиссер **И. Николаев** на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. М. Горького.

В небольшом белом зале репетирует ансамбль скрипачей. Буднично одетые мужчины и женщины стоят в ряд и настраивают свои скрипки. Рояль закрыт и перед ним пустой стул аккомпаниатора. Худой, с резким профилем дирижер, тоже со скрипкой в руке, подает едва уловимый знак. И ансамбль начинает играть «Рондо» Моцарта.

Репетиционный зал находится на тринадцатом этаже. В окно сквозь пелену падающего снега видны крыши домов, маков-ка колокольни Ивана Великого.

Внизу оживленная московская улица. Круглая площадь, на которой возвышается огромная новогодняя елка.

У входа в универмаг рабочие укрепляют транспарант: «С Новым годом!» В одном из дворов мальчишки расчищают площадку для катка. На улице суета. Потоки машин, вереницы прохожих. Падает, падает снег, и все вокруг выглядит нарядным, праздничным.

Моцарт в исполнении ансамбля скрипачей продолжает звучать совсем в другом, в далеком краю, у моря. Тут скучный, пасмурный день. Рейсовый автобус «Икарус» мчится по шоссе, кругами спускаясь к морю. Мимо серых скал, мимо почерневших от дождей виноградников, мимо парков, мимо дворцов, которые сейчас, в это время года, кажутся покинутыми, необитаемыми. Пустынно, безлюдно — не сезон.

«Икарус» врывается в узенькую улочку старого курортного городка. Тут чувствуется предпраздничная суета. Прохожие тащат сосны — в здешнем краю они заменяют новогодние елки. В витринах магазин-

чиков мелькают надписи: «С Новым годом!»

Странный новогодний праздник, не-серьезный какой-то: без снежных метелей, без сугробов и со штормовым грохочущим морем.

«Икарус», пролетев через городок, вновь выскакивает на шоссе и бежит вдоль берега.

На секунду он задерживается у ворот санатория, стоящего уединенно на отшибе. И словно бы обронив двух пассажиров и презрительно фыркнув, «Икарус» уходит прочь.

А двое, женщина и мальчик, помедлив, заходят в решетчатые ворота санатория и идут через парк по аллее, обсаженной кипарисами. Тут по-зимнему неприятно и пусто. В парке стоят одноэтажные корпуса с застекленными верандами. И на каждом табличка с названием: «Приморский», «Светлый», «Солнечный» и т. д.

Фанерные стенды отображают жизнь детского санатория за все пятьдесят лет его существования. Фотографии, цифры, диаграммы. Фотография удивленного мальчика в белой панамке, подписанная: «Воспитанник нашего санатория — Герой Великой Отечественной войны Игорь Ковалев».

Бездействующий фонтан с медвежатами, выкрашенными серебряной краской.

На гранитном постаменте, подперев голову рукой, размышляет гранитный старик-профессор, основатель санатория.

На площадке для игр двухметровый дед Мороз. Волны, перекатываясь через парапет, с шипеньем растекаются около него. И сказочный этот персонаж выглядит здесь неприкаянно и грустно. Кругом ни

души. Серые скалы, серое небо, серое беснующееся море.

И ветер, ветер...

Музыка Моцарта резко обрывается.

— Ну не очень-то мне улыбается тут жить...— слышен недовольный мальчишеский голос.

И теперь наконец мы можем как следует разглядеть тех, кого сюда только что доставил рейсовый «Икарус»,— двенадцатилетнего мальчика Колю и его маму.

Коля — крепкий, розовощекий. А мать — худенькая, беспокойная. За спиной у мальчика обклеенная яркими картинками гитара. Держась за руки, Коля и его мама стоят у лечебного корпуса с табличкой «Морской». Этот дом с полукруглой верандой находится у самого моря. На ветру, словно паруса, трепещут, хлопают натянутые на окна белые шторы. И дом напоминает корабль.

Коля смотрит на мать в надежде услышать в ответ слова, которые бы утешили его, отогнали смутную тревогу. Но мать ничего такого не говорит.

— Мужчине идет быть мужчиной, Коля,— пытается она отшутиться.

Но шутка не получилась, и слова ее прозвучали неожиданно серьезно. Как напутствие.

Коля и его мама медленно поднимаются на крыльцо дома.

Белый коридор. Здоровенный семнадцатилетний парень, санитар Валерий, везет на каталке Колю.

Санитар в белом халате, в немых джинсах с бахромой и с цветными, в виде червонных тузов, заплатками на коленках. Он важен и серьезен. Поверх одеяла на каталке лежит все Колино имущество: гитара, фонарик, портфель, набитый книгами.

— Куда вы меня везете? — озираясь, с недоумением спрашивает Коля.— И зачем меня уложили? Я и сам могу идти!

— Привыкай, друг. У нас тут все ле-

жат! — будничным тоном объясняет санитар Валерий.— Некоторые ребята даже по два года.

— Как? И не встанут никогда? — приподнимается на каталке Коля.

— Конечно, нет. Они же в гипсе.

Коля потрясен.

— Значит, и меня в гипс положат?!

— А это уж как Вячеслав Иванович скажет! — Санитар останавливает каталку в конце коридора перед дверью с табличкой «Перевязочная». Он распахивает дверь настежь, и видна сияющая белизной комната, длинный стол, над которым таинственно и тревожно поблескивает лампа.

— Какой Вячеслав Иванович?! Я не хочу лежать! У меня ничего не болит! Только нога чуть-чуть!..— отчаянно восклицает Ксю, намереваясь соскочить с каталки. Глаза его полны ужаса.

— Спокойно, друг,— санитар мгновенно ввозит его в перевязочную. Дверь захлопывается. Тишина.

И сразу же — невероятный, оглушительный шум: смех, разноголосица, музыка.

Полукруглая веранда. До самого потолка возвышается сосна, украшенная елочными игрушками. В разных углах на полную мощность работают сразу два телевизора. На экране одного — хоккей, на экране другого — новогодний концерт.

К стене сдвинуты белые кровати на колесиках, и на них лежат мальчики и девочки, Колины ровесники. К новому празднику все они оделись в пионерскую форму: в белые рубашки и кофточки с красными галстуками.

Колина кровать находится у окна. Теперь он лежит неподвижно на спине. В гипсе. И свободными у него остались только руки. У изголовья висит его пестреющая картинками гитара. Мальчик ошеломлен бедой, своим новым положением. С отчаянием и страхом взирает он на веранду: вот, значит, где теперь придется жить...

А веранда ходит ходуном. Даже сосна пошатывается.

Над кроватями взлетают воланы — дети лежа играют в бадминтон. «Ходячие» мальчишки на костылях гоняют мяч. Они так приворовались, что костыли ничуть не мешают им.

Мелькают лица, руки, бадминтонные ракетки, взлетающие к потолку мячи. Один из мячиков невзначай ударяет Колю по голове, и он, вздрогнув, озирается.

Кто-то читает, кто-то поет, кто-то смотрит телевизор. Некоторые, стремясь ухватить обе программы сразу, беспрестанно вертят головами, глядя то на один экран, то на другой.

И все ребята с интересом посматривают на Колю: новенький! Но Коля сейчас совершенно неконтактен. Он словно бы в шоке.

Лохматый, давно не стриженный мальчик по имени Марат, разбирает шахматную партию. Его сосед Алеша лепит из пластилина коня. Алеша — худенький, глаза у него пронзительно-голубые, восторженные. Они как бы живут отдельно.

Оба мальчика исподволь наблюдают за Колей.

— А новенький-то весь съежился, будто боится, — насмешливо хмыкает Марат.

— Салага! — констатирует Алеша.

Марат, желая обратить на себя внимание Коли, громко, бесшабашно запекает:

Корабль мой упрямо качает,
Крутая морская волна...

Рыжая, вся усеянная веснушками девочка Лена громко, взахлеб рассказывает подружке:

— «...И на ристалище прискакал неизвестный на белом коне!»

Подружка, которую зовут Надя, слушая, наводит на ребят маленькое зеркальце (иначе ей не видно, что происходит вокруг, она «закована» в гипс и не может повернуть головы).

— «Кто ты, о рыцарь?! Назови свое имя! — вскричала толпа», — продолжает Ле-

на, метнув на Колю взгляд, полный любопытства. Надя, поймав в зеркальце Колю отражение, также с любопытством рассматривает его отчаянное, испуганное лицо.

— «И тут рыцарь откинул забрало и произнес: Я — Айвенго!» — вдохновенно заключает Лена.

— Бесподбно! — в упоении восклицает Надя.

Коля не глядит на девочек и даже не слышит их.

В дверях появляется очень румяный, весь круглый, добродушного вида мальчик по прозвищу Помидор.

— Идут! — провозглашает он.

И сейчас же на веранду заходит процессия: дед Мороз, Снегурочка, пожилая няня Лиза, санитар Валерий и медсестра Нина Николаевна.

Медсестре восемнадцать лет, и она очень привлекательна.

Веранда встречает процессию радостным воплем, аплодисментами.

Санитар Валерий выключает оба телевизора и ставит на проигрыватель пластинку. Звучит торжественный, праздничный вальс. Медсестра Нина Николаевна и няня Лиза устраиваются у двери.

«Ходячие» дети поспешно с шумом рассаживаются.

— Здравствуйте, ребята, пионеры и октябрята! — раскланивается дед Мороз. Он долговяз, близорук и, видимо, очень молод.

Ребята дружно хором здороваются.

— Привет, Дмитрий Дмитриевич! — кричит лохматый Марат. — Только где же тут октябрята? Тут все солидные, шестиклассники!

Дед Мороз, он же воспитатель Дмитрий Дмитриевич, близоруко шурясь, строго взглядывает на Марата и продолжает конферанс торжественным, «сказочным» тоном:

Шли мы сюда
Через доли и леса,
Через льды и снега,
Чтоб поздравить ребят!..

— С Новым годом! — тоненьким, взволнованным голосом подхватывает Снегурочка, маленькая девочка в белом одеянии с блестками.

— Спасибо! — дружно гаркает веранда. — Вас тоже!

— Желаем вам, ребята, в Новом году счастья, хорошего настроения! — с чувством произносит дед Мороз. — И пусть в «Морском» все станут отличниками!

— Но куда столько отличников-то? Со скуки пропадешь! — снова выкрикивает Марат.

— Ах, вот, оказывается, почему Марат тройки получает!.. Для веселья! — поворачивается к Марату дед Мороз.

Все смеются.

А дед Мороз уже приближается к Колюной кровати:

— А я вижу, в «Морском» новенький объявился! И с гитарой к тому же.

Над Колей склоняется размалеванное лицо.

— Откуда ты взялся, новенький? Назови нам свое имя! — голос деда Мороза звучит весело, а близорукие глаза из-под косматых бровей глядят на мальчика неожиданно серьезно, участливо.

Веранда на миг притихает. Взоры всех присутствующих обращены на Колю.

— Меня зовут Коля Филатов. Я из Москвы, — без улыбки говорит он.

— Ну, а нас зовут... — дед Мороз замахивает красной рукавицей. По его сигналу, каждый подняв руку, выкрикивает свое имя. И санитар Валерий в том числе.

Шум поднимается невообразимый. Смех.

— Вот и познакомились! — удовлетворенно восклицает дед Мороз.

— А можно окно закрыть? — пожевываясь, хмуро спрашивает Коля.

— Нет. Вячеслав Иванович не позволяет. Окна должны быть открыты круглосуточно, в любую погоду, — уже совсем другим тоном, деловито объясняет дед Мороз. — Привыкай, Коля.

Короткая пауза. Дед Мороз дотрагивается до Колюной гитары, и она звенит.

— Может, сыграешь нам? Для начала знакомства?

Коля молча качает головой. Взгляд у него напряженный, тревожный.

И дед Мороз, оставляя его в покое, поворачивается к детям. И снова торжественным, вдохновенным голосом:

— Раз, два, три! Елка, зажгись!

На сосне вспыхивают разноцветные лампочки.

Аплодисменты, радостные возгласы. Со всех сторон летят ленты серпантина, конфетти. Многие дети надевают мажорандные маски, и на кроватях возникают «волки», «зайцы», «лисы».

Санитар Валерий, также надев маску и обратившись в кота, пританцовывая, кружится между кроватями.

Но вот музыка замолкает. И дед Мороз, чуть-чуть стеснясь, негромко запекает. Ребята моментально подхватывают хором. И звучит песенка про дом «Морской», стоящий на берегу и открытый буйным ветрам. Дом похож на корабль, летящий на всех парусах. Минут опасные рифы, сражаясь со штормами и бурями, стремится корабль в далекий и прекрасный порт, туда, где исполняются желания. А на борту корабля шумная, спокойная, но мужественная команда.

Песенка романтична. Дети поют ее увлеченно.

Коля слушает, как во сне. И глядя на сияющую огоньками сосну, на возбужденные, веселые лица, на маски, на летящие ленты серпантина, он недоумевает, ужасаясь: чему радуются эти ребята? как они вообще могут веселиться?

Желая отключиться от происходящего, он поворачивает голову к раскрытому окну. Там синий сумрак наступающего вечера. Слышен шум моря. В небе четко вырисовываются силуэты кипарисов.

Внезапно Коля замечает тоненькую девочку с «хвостиком» волос на затылке, одетую в джинсы и непромокаемую куртку.

Опираясь на велосипед, она стоит под окном, слушая песенку, доносящуюся с ве-

ранды. И «хвостик» ее трепещет на ветру.

Секунду они смотрят друг на друга: Коля и незнакомка. Он отрешенно, сумрачно, она — с живым интересом. Затем незнакомка двинулась по аллее и исчезла среди деревьев. А Коля продолжает лежать, отвернувшись от всех. Он напряженно раздумывает, пытаясь осмыслить свою внезапную беду.

Кабинет врача Вячеслава Ивановича Огородникова.

На стене развешаны детские рисунки. В рамочке фотография старого доктора, того самого, чей гранитный бюст находится в парке. Хозяин кабинета стоит у окна и внимательно слушает Колину маму. Это высокий сорокалетний человек. Голова его уже начала седеть.

— Вячеслав Иванович, я ничего не понимаю... Ведь Коля приехал в санаторий своими ногами...— сбивчиво говорит Колина мама, терзая, тербя в руках свой пушистый пестрый шарф.— Коля не знал, какая беда ожидает его. Мальчик и опомниться не успел, как вы его в гипс уложили...

Огородников молча смотрит на испуганную, растерянную женщину.

— Коля всегда был очень здоровым ребенком. Он выносливый. Он спортсмен. У него даже разряд по гребле имеется... второй,— взывает мать, словно разговор может еще что-нибудь изменить.

— Ваш сын пролежит у нас долго. Может быть, год. Может быть, больше,— наконец произносит Огородников.— У мальчика поражено бедро. Болезнь Пертеса — тяжелая болезнь, коварная. И всякие могут быть неожиданности.

Намеренно не оставляя матери никаких иллюзий, он держится подчеркнуто строго, даже суховато. Самое трудное сказано, и он снова замолкает, давая матери время опомниться, придти к себе. Мать стоит не певелаясь и только руки ее, вцепившись в шарф, заметно дрожат.

— Откуда такая беда, доктор? — вырывается у нее.

За стеной слышатся детские голоса, смех, танцевальная музыка. Это на веранде продолжается праздник.

В дверь, постучавшись, но не дождав-шись разрешения, врывается уже знакомый нам Помидор.

— Вячеслав Иванович, ну что ж вы не идете-то? — с ходу укоряя и негодуя, начинает он. И перехватив взгляд Огородникова, он запоздало приветствует Колину маму: — Здравсьте! С наступающим Новым годом!

— Здравствуй, деточка,— отвечает мать, разглядывая мальчика, который ни секунды не остается в покое. Он вертится, поводит плечами в такт музыке. И в этот момент за стеной раздается хор голосов, дружно скандирующий:

— Вя-че-слав И-ва-ныч!

Огородников, улыбнувшись, прислушивается.

— Скажи ребятам, что я скоро приду,— говорит он, знаком приказывая Помидору удалиться.

— Только не очень уж опаздывайте! Сейчас подарки будут раздавать,— предупреждает Помидор исчезаая.

— Этот мальчик уже выздоравливает? — спрашивает мать.

— Да. Он пролежал у нас два года.

И снова в дверь деликатно стучат. В кабинет заглядывает медсестра Нина Николаевна.

— Вячеслав Иванович, скоро отбой. А у ребят самое веселье. Что ж теперь, елку гасить?

— Ну хорошо, разрешаю задержать отбой на час,— усмехается Огородников,— ради праздника.

И чрезвычайно довольная Нина Николаевна, просияв, скрывается за дверью.

— Какие у вас помощники молодые,— замечает мать, только чтобы не молчать.

— Да. У нас и воспитатель молодой человек. И санитар — мальчишка. И я ими вполне доволен. Считаю, что около боль-

ных детей должны находиться молодые люди. Они чаще смеются.

Огородников рассказывает по комнате.

— У Коли — Пергера в начальной стадии. Вы вовремя привезли сына, — резюмирует он, заканчивая разговор. — Думаю, что мы справимся. Я не успокаиваю вас, не обнадеживаю. Я говорю правду. — И оставившись: — Советую вам не задерживаться у нас. Уезжайте немедленно.

Мать поднимает на него задроганные глаза.

— Так будет лучше для мальчика, — не давая ей возразить, продолжает он. — Новая, тяжкая полоса в его жизни уже началась. Он должен приноровиться, осмыслить свое положение. А долгое прощание с вами — это лишние волнения, беспорядок в душе.

— Что ж, я еще успею на ночной самолет, — покорно отзывается мать.

— Ну зачем же так буквально понимать, — почувствовав себя неловко, смягчается он. — Подождите до утра. Я устрою вас в санатории...

— Нет. Лучше уж сразу, — с отчаянием перебивает она.

Он смотрит на нее пристально, понимая.

— Желаю вам мужества и терпения.

За стеной снова слышится скандирующий хор голосов:

— Вя-че-слав И-ва-ныч!

Он достает из ящика стола маску «Айболита», надевает. В дверь опять заглядывает Помидор.

— Иду, иду! — поспешно говорит ему Огородников.

Час поздний. Давно уже утомился санаторий. Спят дети. По парку разгуливает ветер. Грохочет море. Во тьме, словно паруса, белеют трепещущие шторы на окнах «Морского». И кажется, будто это корабль, сражаясь с ветром в ночи, плывет невесть куда. На веранде качаются узорчатые тени деревьев.

Коллина мама стоит у окна, заглядывая на веранду.

— Не хочу я тут один оставаться, — продолжая разговор, с отчаянием шепчет Коля.

— Ну почему же один? Тут полно ребят. И ты подружись с ними, привыкнешь, — также шепотом уговаривает мать.

— Нет! Не буду привыкать. Ни за что! — категорически, с каким-то неистовством отвечает Коля. Он крепко держится за мамину руку.

Мать пытается найти слова, которые бы утешили мальчика, взбодрили бы его. И сдерживая волнение и тревогу, она говорит с сыном как с равным:

— Коля, доктор сказал, что многое будет зависеть от твоего поведения. Болезнь побеждают мужественные, выдержанные люди...

Коля, не ответив, вздрагивает.

— Тебе холодно?! — она сдергивает с себя пушистый шарф и закутывает мальчика. — Но мужество — это не только красиво. Это еще и очень трудно. Вот тебя как восхищал старик-мореплаватель. Ну, этот англичанин...

— Сэр Френсис Чичестер, — подсказывает Коля.

— Как думаешь, зачем этот восьмидесятилетний старец мотался по океану на утлой лодчонке?

— На яхте, — поправляет Коля. — На яхте «Джипси Мот-4».

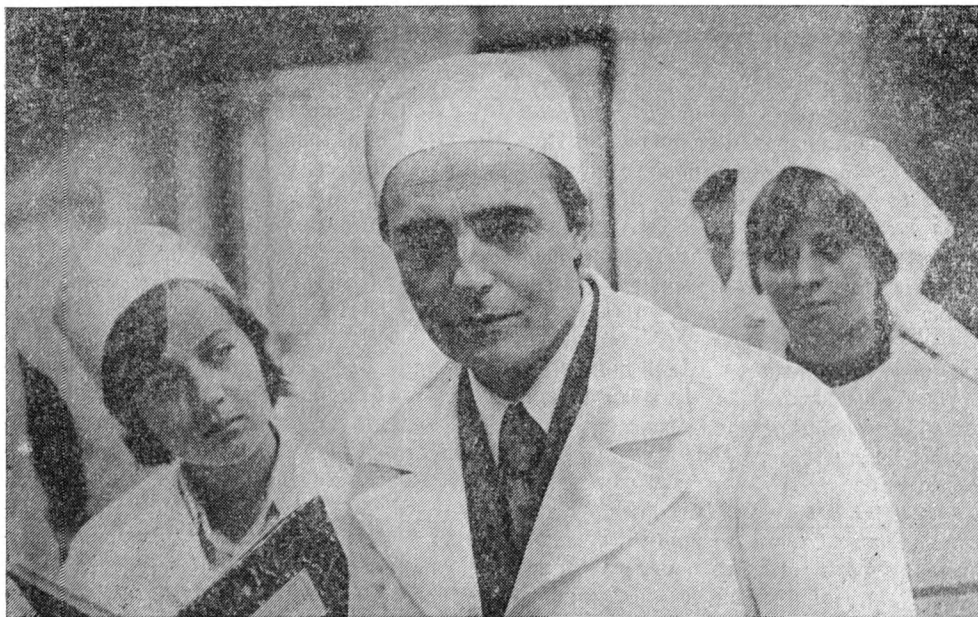
— Ну все равно. Зачем? Яхту он испытывал, что ли? Нет. Себя он испытывал. Мужество свое.

— Сравнила! — горестно хмыкнул Коля. — С океаном сражаться или в гипсе лежать!

— Да, сравнила! Потому что тебе тоже предстоит испытать себя!

На соседней кровати не спит Алеша. Стараясь не шевелиться, слушает он этот необычный ночной разговор. И глаза его блестят в темноте.

В глубине веранды открывается дверь. И в яркой полосе света возникает долговя-

*Нина Николаевна — Н. Воробьева, Огородников — Э. Марцевич,
санитарка — Т. Австриевская*

зая фигура воспитателя Дмитрия Дмитриевича.

Мать, не желая быть замеченной, отпрянув от окна, скрывается. Кажется, воспитатель не заметил ее. Некоторое время он стоит неподвижно, прислушиваясь, оглядывая ряды кроватей. Все спокойно. В тишине, мирно посапывая, спят мальчики. И воспитатель удаляется, осторожно прикрыв за собой дверь.

Мать снова появляется в окне.

— Конечно, этому сэру Френсису легче было, — продолжает она прерванный разговор. — Весь мир с восхищением следил за ним.

— Еще бы, когда он герой! — вставляет Коля.

— Да, это был красивый подвиг. А вот попробуй-ка выстоять один на один с самим собой, когда геройства твоего никто не видит..

Коля, приподняв голову от подушки, глядится в ее лицо, смутно белеющее в черном квадрате окна.

— Мам, я боюсь, — вдруг совсем по-детски вырывается у него.

И мать, забыв сразу все воспитательные, напутственные слова, забыв обо всем на свете, порывисто обнимает мальчика, будто пытаясь его защитить.

Дмитрий Дмитриевич с порога заглядывает в палату девочек. Тут тоже, кажется, все спокойно. И воспитатель беспшумно шагает дальше, по погруженному в полумрак коридору. Теперь, когда он сменил одеяние деда Мороза на служебный белый халат, мы видим серьезного молодого человека в очках.

Воспитателю двадцать четыре года.

В конце коридора уютно светится настольная лампа под зеленым абажуром. На столике накрыт скромный ужин. На электроплитке закипает чайник. Дежурная няня Лиза выметает послепраздничный сор: конфетные бумажки, апельсиновые корки, спутанные ленты серпантина.

— Корпус убери, полы вымой, детей лежачих обслужи, накорми, выкупай. А дети капризничают, не слушаются. Крутишься тут целый день как заводная,— ворчит она себе под нос.— И ночью тебе покоя нет!

Дмитрий Дмитриевич заваривает чай. На плече у него висит маленький транзистор.

— Да я завтра же могу в «Зеленый мыс» перейти. С дорогой душой примут! — не унимается няня Лиза.— Отдыхающие там обходительные, солидные. А работа какая?! Ковры пропылесось и сиди в крахмальном халате. И зарплата такая же!

— Сейчас мы с вами праздничное чаепитие устроим, няня Лиза,— не обращая внимания на ее мрачный монолог, говорит воспитатель.— И проведем новогоднюю ночь, как две Золушки, которых не позвали на бал.

— А то и вовсе на пенсию выйду! — угрожает няня Лиза.

Закончив уборку, она моет руки над раковиной.

Дмитрий Дмитриевич настраивает транзистор. Едва слышно звучат перебивающие друг друга голоса, музыка.

— Вот давно хотел вас спросить, няня Лиза, сколько лет вы тут работаете?

— Сороковой год служу,— строго отвечает она.

— С ума сойти! — искренне изумляется он.

— Да уж всякого тут нагладелась...— Она принимается хозяйничать, нарезать хлеб, делать бутерброды.

— Помню, как Вячеслав Иванович к нам приехал. Из Москвы. Только-только институт кончил. Молоденький был, вроде тебя. Веселый, шустрый.

— А правда, говорят, что у Огородникова была какая-то сложная история? С женой? — интересуется воспитатель.

— Все-то тебе Расскажи,— ворчит она. И помолчав, поджав губы:

— Была у него жена, тоже москвичка. У нас в «Светлом» хирургом работала.

Только она несамостоятельная оказалась.

— Как это несамостоятельная?

— А так! Уехала в Москву в отпуск, да и не вернулась. Надоело ей у нас, видишь... С больными-то детьми не каждый может. Нетерпеливая она была. Все у нее срыву, сбросу.

— Так и уехала?! — недоверчиво и осуждающе вырывается у воспитателя.

— Разошлись ихние пути...— заключила няня Лиза. И круто меняя тему разговора: — Угомонились?

— Спят. Только новенький с мамой беседует.— Дмитрий Дмитриевич с задумчивым видом крутит рычажок транзистора.

— В такой-то час? — даже пугается няня Лиза.— И ты позволил, Дмитрий Дмитриевич?

— Я не позволил. Я будто бы не заметил.

— Потатчик ты! А ну как Вячеслав Иванович узнает? Это же чепе!

Воспитателю наконец удается поймать веселую танцевальную музыку.

— Конечно.— Не сразу отзывается он.— Женщина с больным сыном прощается. Сейчас она уедет, а ребенка своего нам оставит. На неопределенное время. Это ли не чепе?

Распахнув окно, он глубоко вдыхает ночной воздух. Во тьме, раскачивая деревья, бушует ветер.

— Скоро Новый год. А ночь выдалась прямо разбойничья,— вздохнув, замечает Дмитрий Дмитриевич.

И — яркий, сияющий день.

Сверкает залитая солнцем река. На водном стадионе командное состязание по каноэ. На старте замерли юные канойсты с веслами наготове. Среди них и Коля в белой майке с цифрой «1». Он счастливо возбужден, нетерпелив. На разукрашенной разноцветными флажками трибуне полным полно зрителей. В основном тут школьники, пионеры.

— Дистанция тысяча метров! — объяв-

ляет мужской голос по радио.— На старте команда «Юного динамовца!»

Выстрел стартового пистолета — и каноэ одновременно срываются с места.

— По первой воде идет капитан команды Коля Филатов! — сообщает голос комментатора.

Колыни соперники энергично работают веслами. Разгоряченные лица их напряжены и упрямы.

А Коля ведет каноэ легко, с блеском, с упоением. Он полон счастливой уверенности. Вот он резко вырывается вперед, обгоняя команду.

Вдоль паркета мечется молодой парень — тренер и, сложив руки рупором, истошно орет:

— Коля, темп! Держи темп, Коля!

На трибуне шум, азартные выкрики.

Разрыв между Колей и командой все увеличивается.

— На острие атаки Коля Филатов! — восклицает комментатор.

Легит по реке Колина лодка. Коля финиширует. Неистовствует, гудит трибуна:

— Мо-ло-дец! Мо-ло-дец!

Сквозь шум и аплодисменты прорывается голос комментатора:

— Показав время четыре минуты и пятнадцать секунд, капитан Коля Филатов вывел свою команду в лидеры!..

Коля тяжело дышит, ликуяще улыбается и победно поднимает руку...

...Коля открывает глаза, просыпаясь. Озирается, не сразу понимая, где он находится. Во тьме белеют кровати. За окном неистовствует море. И мальчишка, вспомнив все, что с ним произошло, ужасается и горько всхлипывает. На соседней кровати ворочается Алеша. Услышав всхлипывание и отчаянные вздохи, он приподнимается на локте.

— Эй, москвич!... — шепотом окликает Алеша.

Коля замирает.

— Слушай, ты главное не бойсь, — небрежно утешает Алеша.

Коля не отвечает. Он не принимает сочувствия и не желает вступать в разговор.

— Я уж тут целый год. И ничего. Даже нормально, — продолжает шептать Алеша.

Коля молчит. И Алеша, не дождавшись ответа и явно досадуя, что разговор не состоялся, укладывается. Секунду он еще прислушивается, потом закрывает глаза.

А Коля, стараясь успокоиться, тихонько шмыгает носом.

И еще один мальчишка — Марат — слышит его сдержанный плач. Подняв лохматую голову, он вглядывается в темноту.

Синий рассвет. Тишина. Неподвижный, сверкающий после ночного дождя парк. Желтоклювые грачи деловито суетятся в кустах. Зябко кутаясь в мамин пушистый пестрый шарф, Коля смотрит в окно на деревья, на снеговые вершины близких гор, на море.

Внезапно в тишину врывается бодрый женский голос:

— Доброе утро, ребята! В эфире «Пионерская зорька!»

Это включилась трансляция.

— Пролетели веселые зимние каникулы, — продолжает вещать голос, — и наступил первый день занятий! Сегодня вы снова сядете за парты. Желаем вам успеха в третьей четверти, ребята!

И гремит марш «Пионер, не теряй ни минуты!»

Коля, хмурясь, слушает. Обычная эта утренняя передача звучит для него как привет из прекрасного прошлого.

Вдруг он замечает девочку на велосипеде. Оглянувшись на Колю, она проносится мимо окна. За плечами у нее ранец. И «хвостик» ее развеивается по ветру. Должно быть, незнакомка торопится в школу.

Коля провожает ее тоскливым, завистливым взглядом.

...В глубине парка под двумя огромны-

ми столетними платанами стоит старый двухэтажный флигель, в котором живут сотрудники санатория. Огородников выходит на крыльцо. Тихонько подсвистывая в такт звучащему по трансляции пионерскому маршу, он достает из почтового ящика газеты и свежий номер журнала «Экспериментальная хирургия».

Неторопливо перелистав журнал, находит статью, которую, видимо, давно ждал. На развороте напечатано: В. Огородников «Болезнь Пертерса у подростков». И тут же, не сходя с места, он принимается читать собственную статью, заново переживая написанное. Выражение его лица меняется беспрестанно: он хмурится, удовлетворенно посмеивается, смущается. Затем, встретившись, заторопившись, он засовывает журнал в карман пальто и устремляется по аллее.

Стайка птиц, вспорхнув у его ног, перелетев, усаживается на гранитные плечи старика-профессора.

Вздуродраженный, радостно оживленный Огородников шагает через парк, сразу же попадая в привычную атмосферу санаторного утра. У одноэтажного здания кухни стоит грузовик. Шофер и помощник повара выгружают из кузова бидоны с молоком, ящики с овощами. В открытое окно видно, как у плиты снует повар в белом колпаке. Заметив Огородникова, все трое почтительно здороваются с ним.

Мелькая цветными заплатами на коленях, везет на каталке узлы с бельем санитар Валерий. Взяв под козырек, он приветствует Огородникова и, остановившись, с шиком закуривает сигару.

— Ух ты! На сигары перешел?! — удивляется Огородников.

— Гавана. Освежают, — небрежно объясняет Валерий и закашливается.

Огородников, не удержавшись, фыркает. А Валерий, сорвавшись с места, гремя каталкой, вихрем уносится прочь.

Все корпуса ярко освещены. Окна, как обычно, распахнуты настежь. И то с одной

веранды, то с другой доносится хор детских голосов:

— Всем, всем доброе утро!

Это как переключка.

У деревянного домика с табличкой «Аптека» стоят Нина Николаевна и такая же молоденькая медсестра. У обеих в руках по круглой металлической коробке с медикаментами. Девушки оживленно беседуют, то и дело покатываясь со смеху.

— Он, конечно, ко мне разлетелся: вы, говорит, мне напоминаете Жанну д'Арк! С Чуриковой сравнил! Потрясающе!

И новый взрыв смеха. Завидев Огородникова, обе девушки, сразу замолкнув и поклонившись ему, разбегаются в разные стороны.

По дорожкам парка, торопясь на работу, шагают сотрудники санатория. К Огородникову подбегает воспитатель Дмитрий Дмитриевич.

— Вячеслав Иванович, у меня к вам просьба, — поздоровавшись, озабоченно говорит он, — не забирайте ребят с уроков на процедуры. По возможности, конечно.

— Постараюсь, — обещает Огородников.

— Знаете, они разболтались за каникулы ужасно, — объясняет воспитатель. — А третья четверть самая трудная.

— Обижаются на вас ребята, Дмитрий Дмитриевич, — усмехается Огородников, — строгий, говорят, очень.

— Ну правильно, — удовлетворенно хмыкает воспитатель. — Я с них требую. Зато выздоровеют, вернуться в нормальные школы, а там все ахнут: «Откуда такие знания?! Такая самостоятельность мышления?!»

— Что ж, логично, — соглашается Огородников. И кивнув, он взбегает по ступенькам в свой корпус, в «Морской».

Тут привычный гул голосов. Огородникова встречают няня и немолодая, утомленная после ночного дежурства сестра.

— Здравствуйте. Ну, как прошла ночь? — осведомляется он, начиная обычный свой рабочий день.

И — другое утро. Моросит скучный, бесконечный дождь. И парк выглядит уныло.

На веранде, как всегда, шумно. Каждый занят своим делом. Надя, желая знать, что происходит вокруг, наводит зеркальце на ребят. И в ее зеркальце возникают и исчезают разные лица. Помидор, уткнувшись в учебник английского языка, зубрит слова. Рыжая Лена, беспокойно вертается на кровати, зовет:

— Дайте кто-нибудь алгебру списать. У меня с ответом не сходится!

Голубоглазый Алеша лепит из пластилина коня. У него на тумбочке их уже с десяток.

И, наконец, в зеркальце появляется Коля, который что-то пишет в толстой кожаной тетради. На шее у него мамин пушистый пестрый шарф. Видимо, с этим шарфом он не расстанется никогда. Надя наблюдает за ним пристально, с огромным интересом.

— Коля, а ты когда-нибудь в море купался? — спрашивает Алеша, взглянув в окно на пустынное море, проглядывающее сквозь сетку дождя.

Коля, не сразу оторвавшись от тетради, молча качает головой.

— И я тоже нет! У нас в Юрьевске моря нету. У нас зато река Унжа. Широкая. По ней катера ходят, — мечтательно сообщает Алеша.

Надя, с любопытством прислушиваясь, наводит зеркальце то на Алешу, то на Колю.

— Наш Юрьевск знаменитый город. Про него даже в древней летописи написано, — хвалится Алеша, в надежде завязать разговор. Но Коля слушает вежливо-безучастно. — У нашего Юрьевска герб старинный: треугольник, а в нем на синем поле лошадиная голова с длиннющей гривой. А знаешь, почему? Мы уж двести лет чистокровных коней выводим!

— Мы! — встревая, насмешливо хмыкает Надя.

— Мы — юрьевские! — покосившись в ее сторону, объясняет Алеша. — У нас конный

завод. Мой отец там конюхом-наездником работает!

Но и это сообщение на Колю не производит впечатления. Он не поддержал разговора. Чувствуется, что напряжение не оставляет его ни на минуту.

— Коля, а почему ты все время молчишь? — озадаченно смотрит на него Алеша.

— Я не молчу. Я разговариваю, — смущается застигнутый врасплох Коля. И перелистывает свою тетрадь. На первой ее странице аккуратно выведено: Коля Филатов «Дневник и разные мысли».

В это время Помидор, выглянув в коридор, громко сообщает:

— Обход!

На веранду стремительно входит Огородников. Его сопровождает свита: Нина Николаевна, няня Лиза и санитар Валерий.

— Доброе утро! — оглядывает детей Огородников.

— Здравствуйте, Вячеслав Иванович! — дружно приветствует веранда.

— Ну-с, что новенького? — осведомляется Огородников.

Поднимается невероятный шум. Всеобщее оживление. Ребята наперебой сообщают новости:

— Сегодня контрольная по физике!

— Наши в Хельсинки вничью сыграли! Якушев в последнюю секунду счет сравнял!

— А Помидор двойку по английскому схватил! — спешит сообщить Надя.

Помидор пытается испепелить ее взглядом. Все оборачиваются на него.

— Открыл счет в новой четверти, — хихикает кто-то.

— Я завтра исправлю, — бурчит Помидор.

— Да уж сделай милость, — досадует Огородников. — И учтите: ни за кого просить не буду. А то как конец четверти, хожу за учителями и клячу: «Переспросите Надю, спросите Витю». Со стыда сгорьшишь с вами.

Проходя мимо Марата, он взлохмачивает его волосы:

— А почему Марат до сих пор нестриженный?

— Так он не дается. Моду соблюдает,— ябедничает няня Лиза.

— Валерий! Сегодня же приведешь шахматиста в подобающий вид! — приказывает Огородников.

— Будет сделано! — Санитар, выхватив из кармана халата ножницы, щелкает ими в воздухе.

Лицо Марата вытягивается.

— Ну что за жизни! Покоя не дают человеку!

— Не горюй! — утешает его санитар.— Сам Бобби Фишер недавно подстригся!

Смех. Веранда жужжит как улей. Одиак Коля не принимает участия в разговорах. Издали он напряженно следит за Огородниковым, с нетерпением ожидая его приближения.

А Огородников, шествуя по веранде и верша чья-то судьбы, вселяя надежды и уверенность, уговаривает, шутит, приказывает. Он приближается к Лене. Девочка не замечает его, она самозабвенно читает книгу. Он заглядывает на обложку — это «Овод» Войнич. Лена поднимает голову, лицо ее в слезах.

— Что случилось, Лена?

— Артур уехал в Буэнос-Айрес... навсегда...

— Ну не переживай! — улыбается Огородников.— Артур еще вернется во Флоренцию и встретится с Джеммой...

— Не рассказывайте дальше! — предупреждая восклицает Лена.

Он бегло осматривает девочку. Нога ее в гипсе.

— Тут все нормально. Назначения прежние. Кварц увеличить до десяти минут,— говорит он Нине Николаевне, которая неотступно следует за ним. Она записывает его указания в журнал.

Лена снова утыкается в книгу. А Огородников подходит к Наде.

— Вячеслав Иванович! Ну когда же я встану?! — сердито спрашивает она.

— Вот сделаем новый снимок, посмотрим...

— Не хочу я ничего смотреть! — раздраженно обрывает Надя.— Помидор позже меня приехал, а уже ходит! И даже без костылей!

— Чуть что — сразу Помидор! — обиженно шмыгает носом Помидор.

Глаза Огородникова становятся виноватыми.

— Надя в последнее время капризничает, не слушается и грубит,— начала было жаловаться Нина Николаевна, но Огородников останавливает ее взглядом.

— Ты мне всегда так помогала, Надя. Не хныкала, не ныла,— огорченно говорит он.

Надя непримиримо молчит и даже смотреть на него не желает.

— И теперь, в самый разгар сражения, ты хочешь сдать... Я очень тебя прошу, потерпи еще немного. Через недельку сделаем с тобой снимок. И давай будем надеяться на победу.

Серьезный, дружеский его тон действует на девочку. И она постепенно успокаивается, приходит в себя.

— Ладно уж. Потерплю,— не сразу, мрачно обещает она.— Но только немного. Чуть-чуть.

— Ты у меня молодец,— искренне и с уважением произносит он.

Веранда, притихнув, слушает этот разговор. И Коля тоже слушает.

— Продолжим инъекции алоэ и гормоны,— отдает Огородников приказания сестре и направляется к Алеше и Коле.

— Алексея на этой неделе будет смотреть консилиум,— объявляет Огородников.

— И на ноги поставите? — весь засветившись от радости, восклицает Алеша.— Мне уже давным-давно ходить пора!

Веранда возбужденно гудит.

— Дождался Алешка! — весело кричит Марат.

— А я, между прочим, ничего не обе-

щал,—серьезно замечает Огородников.— Я только сказал про консилиум.— И обратился к сестре: — Отвезите его на рентген. На большой перемене.

— Вячеслав Иванов! — умоляюще восклицает Алеша.

— Нет, Дмитрий Дмитриевич не велел вас забирать с уроков. А уж тем более с контрольной по физике. Ничего не могу для тебя сделать.

— Все-таки Дмитрий Дмитриевич тяжелый человек! — возмущается Алеша.

Огородников подходит к Коле. Тот молча смотрит на него. Во взгляде мальчика нетерпение, тревога, надежда.

— Как ты себя чувствуешь, Коля?

— У меня ничего не болит! — поспешно отвечает Коля.

И все ребята оборачиваются на него: этот замкнутый, молчаливый мальчик определенно интересует здешнее общество.

— Коляка Печорина из себя строит, — свесившись с кровати и наклонившись к Наде, шепчет Лена.

— А он, правда, напоминает Печорина, — наблюдая за Колей в зеркальце, шепчет Надя. — Такой же задумчивый и гордый...

Огородников осторожно снимает со стены Колину гитару и с любопытством рассматривает наклеенные на ней картинки — изображения знаменитых певцов.

— Все хочу тебя спросить: кто это такие? Артисты?

— Певцы. Хампердинг. Шарль Азнавур. Сальваторе Адамо, — показывая, объясняет Коля.

— А эти косматые барышни?

— Французская группа «Суингл сингерс», — на миг оживает Коля. — Знаете, они фуги Баха поют.

— Да что ты?! — недоверчиво восклицает Огородников.

— Старинная музыка сейчас в моде. Многие группы исполняют Генделя и Моцарта. Очень современно звучит, — со знанием дела рассказывает Коля, а сам не

сводит с Огородникова напряженных вопрошающих глаз.

Мальчик обложен книгами. На кровати у него целая библиотека. И Огородников, повесив гитару на место, просматривает некоторые из книг: «Спартак», «Повесть о настоящем человеке», «Путешествие на Кон-Тики» Тура Хейердала.

— Опять новые книги?

— Это мама прислала, — вздохнув, отвечает Коля.

Огородников внимательно вглядывается в мальчика. И помолчав, поворачивается к сестре:

— Тут также все остается по-прежнему. Никаких новых назначений.

Она записывает.

— Рано, Коля. Совсем еще мало прошло времени, — отвечает он наконец на невысказанный вопрос мальчика. — Мы с тобой только начали сражение.

Коля, сникнув, тщетно пытается принять независимый безразличный вид.

— Я буду смотреть тебя через два месяца, — продолжает Огородников, — тогда уже будет виден первый результат. И может быть, первая победа.

И в глазах Коли вновь вспыхивает надежда.

Вечер. За окном темень.

На веранде обычная бурная жизнь. Гвалт, разговоры. К потолку взлетает мяч. Работают оба телевизора. На одном экране — «Танцевальный зал», на другом заканчивается программа «Время». Девочки с упоением смотрят танцы, а мальчишки слушают новости спорта.

Помидор вертится, пытаюсь углядеть обе программы, и выражение его лица соответственно меняется: он то сосредоточенно хмурится, то улыбается.

А Коля, как всегда, наедине с самим собой. Отстранившись от происходящего, он что-то пишет в свой дневник.

Но вот зазвучала знакомая мелодия «погоды», и Коля, встрепенувшись, пово-

рачивает голову к телевизору. Остальные, мгновенно затихнув, смотрят на экран, где, быстро сменяясь, мелькают зимние пейзажи.

— У нас дома снегопад,— мечтательно произносит Алеша.— Небось, все замело.

— А у нас ветер слабый до умеренности,— хвалится Помидор.

— А у нас оттепель. Солнечно,— вздыхает Лена.

— Зато у нас мороз минус двадцать пять,— говорит Марат, и в голосе его откровенная тоска по дому, по настоящей морозной зиме, по обыкновенной нормальной жизни.

Коля, стараясь ничего не пропустить, глядит на зимние московские улицы, на заснеженные бульвары, на потоки машин и оживленных прохожих.

Программа «Время» закончилась. Секунду все молчат.

— Отбой! Все по домам! — весело нарушает тишину санитар Валерий.

И снова шум, суматоха. Санитар и няня Лиза двигают кровати, собираясь увозить девочек в палату.

— Еще минуточку! Это же кубинская румба! — глядя на великолепную пару, танцующую на экране, умоляет Лена.

— Никаких танцев! — Безжалостная Нина Николаевна выключает оба телевизора.

Валерий и няня Лиза вывозят с веранды кровати девочек. Марат и Помидор кидаются подушками. Между ними, утихомиривая, мечется Нина Николаевна.

Коля, закрыв свой дневник, раздумывает. И вдруг, забеспокоившись, зовет:

— Нина Николаевна!

Медсестра оборачивается.

— Нина Николаевна, привяжите меня к кровати,— решительно говорит он,— пожалуйста!

— Это еще зачем? — недоумевает медсестра.

Все, притихнув, изумленно уставились на Колю.

— Вдруг я во сне нечаянно заворочаюсь, дернусь и ногу погревожу?!

— Потрясающе! — восклицает Нина Николаевна. И обращаясь к ребятам, назидательно: — Вот человек серьезный! Как к лечению относится! А вас таблетки принимать не допросишься!

Алеша смотрит на Колю уважительно и чуть растерянно. А Марат веселится во всю:

— Привяжите его ремнями, Нина Николаевна! Как в самолете! Для безопасности!

Взрыв смеха. Коля вспыхивает.

— Это излишняя мера, Коля. Не волнуйся. Гипс достаточно фиксирует,— объясняет медсестра.

Коля, не обращая внимания на пересмеивающихся ребят, закрывает глаза.

— Ну все! Спокойной ночи! — Нина Николаевна гасит свет и выходит, оставив дверь открытой.

Наступает тишина. Только Марат никак не может уговориться.

— Это кому рассказать! Обсмеешься,— презрительно шепчет он.— На пятерку лежать старается!

Кто-то хихикает.

— Да вот, стараюсь,— не выдержав, громко восклицает Коля. И приподняв голову от подушки, с вызовом: — Вам тут нравится?! Ну и лежите! А я зато через месяц домой уеду!

Все растерянно молчат. Один Марат насмешливо фыркает:

— Ну да?! Клянись там Москве.

На веранду заглядывает Нина Николаевна:

— В чем дело?

И все окончательно затихают.

Коля лежит неподвижно. Руки его сжаты в кулаки. Глаза возбужденно блестят.

Все в том же белом зале на тринадцатом этаже репетирует ансамбль скрипачей. Только теперь за роялем аккомпаниатор — Колина мама.

Таня — Катя Гражданская, Коля — Саша Копов

Дирижер постучал смычком по потному пюпитру. Колина мама взяла первые аккорды. И музыканты заиграли «Арию» Генделя.

За окном морозный солнечный день. Видны белые крыши домов, маковка колокольни Ивана Великого. Внизу оживленные московские улицы. Потоки машин, вереницы прохожих. В одном из дворов — каток. Мальчишки с азартом играют в хоккей. Ослепительно сверкает снег на солнце...

...Музыка Генделя продолжает звучать у штормового моря. Бушует ветер, раскачивая деревья. Сорванные листья в неистовом хороводе кружат по парку. Серые волны, вздымаясь над парашютом, с ревом разбиваются о прибрежную скалу «Лягушку». Брызги, разлетаясь, ударяют в стекла «Морского». Коля, скрестив руки на груди, смотрит на шторм из окна. И возможно, сейчас он чувствует себя капитаном, который ведет в одиночестве свой ко-

рабль. И вдруг вспомнив, он достает из тумбочки лист бумаги с нарисованным специально календариком на два месяца. Прожитые дни вычеркнуты. Коля подсчитывает, сколько дней еще осталось.

На веранде идет урок литературы.

На классной доске написано: «Характеры героев повести «Тарас Бульба».

— Составим сравнительную характеристику, — громко говорит Дмитрий Дмитриевич, расхаживая между кроватями. — Что общего у сыновей Тараса? И чем они отличаются друг от друга?

Ребята поднимают руки. Желающих отвечать много.

Помидор, нетерпеливо ерзая на месте, тянет руку вверх.

— Ну Вася? — вызывает его Дмитрий Дмитриевич.

Тот не реагирует на свое имя, продолжает тянуть руку.

— Василий! Ты что, не слышишь? — строго смотрит на него учитель.

— Помидор! — кричат ребята.

И Помидор, услышав свое прозвище, моментально вскакивает.

— Я не понимаю, — шмыгнув носом, говорит он. — Остап нормальный парень. А Андрей — предатель. Ну что же между ними общего-то?

— Даже смешно! — передергивает плечами Марат.

— Примитивно рассуждаете! — восклицает Лена, подняв руку.

— Ну Лена? — кивает ей учитель.

— У Андрея Бульбы есть положительные черты. Он красивый, нежный. Он хорошо учился... — отвечает Лена.

— Да он же изменник! — возмущенно перебивает Алеша. — Товарищей предал из-за какой-то полячки!

— А Андрей не мог бороться со своим чувством, — вздохнув, серьезно говорит Надя. — Он ее полюбил. Хоть он и отрицательный.

— Ну любовь это не оправдание! — категорически заявляет Марат.

— Много ты в чувствах понимаешь! — ругается тоненький девчачий голосок.

— Андрей храбрый. Только он неуравновешенный, — продолжает Лена.

— Да его сам Гоголь презирает! — кричит Марат. — И я тоже.

Страсти разгораются. Крик, шум. Учитель внимательно слушает. Звенит звонок, но на него никто не обращает внимания.

Коля с живостью реагирует на спорщиков. И учитель, перехватив нетерпеливый взгляд мальчика, вовлекает его в разговор:

— Коля, а ты как считаешь?

Надя сейчас же наводит на Колю зеркальце и, насторожившись, ждет, что он ответит.

— Я не одобряю Андрея Бульбу. Он безвольный. Поддался на уговоры панпочки. И потерял свою честь, — говорит Коля. И добавляет пренебрежительно: — В общем он немужественный.

— А что такое мужество по-твоему? — спрашивает Дмитрий Дмитриевич.

— Мужественный человек преодолевает все. И побеждает! — убежденно, даже с какой-то одержимостью отвечает Коля.

Все, обернувшись на него, с интересом слушают.

Надя слушает восхищенно: замкнутый, странный мальчик кажется ей загадочным, необыкновенным. И только Марат насмешливо усмехается:

— Отрапортовал!

И в этот момент санитар Валерий взоит на веранду каталку.

— Алексея на консилиум! — весело объявляет санитар.

И сразу становится очень тихо. Тридцать пар возбужденных и беспокойных ребячьих глаз усталились на Алешу.

— Скорей, Валерий, — изменившись в лице, торопит Алеша.

— Поспеем. Без нас не начнут, — солидно отвечает санитар. Он ловко и умело перекладывает Алешу с кровати на каталку.

Около мальчика суетятся взрослые. Нина Николаевна торопливо причесывает его, поправляет на нем рубашку. Няня Лиза укрывает одеялом. Дмитрий Дмитриевич подсовывает ему под голову подушку.

Коля не сводит с него напряженных глаз: Алеша уже находится в другом качестве, он отмечен судьбой.

Момент торжественный. Тишина. Слышен грохот моря.

— В путь! — командует санитар Валерий.

— «Давай, космонавт, потихонечку трогай», — храбрясь, запекает Алеша.

Санитар, подхватив песню, лавируя между кроватями, мчит каталку к выходу.

— Ну, в добрый час! — Дмитрий Дмитриевич поднимает над головой сцепленные руки.

И опять поднимается шум. Ребята, будто провожая Алешу в дальний путь, выкрикивают напутствия и советы. И Ко-

ля, тоже желая Алеше удачи, машет рукой.

— Сама главврач Елена Георгиевна будет Алексея смотреть,— с беспокойством отмечает няня Лиза.

...В кабинете Огородникова на кушетке лежит освобожденный из гипсового плена Алеша. Он в трусиках и майке.

Мальчика осматривает главврач санатория Елена Георгиевна Никитина. Ей шестьдесят пять лет, но старухой ее никак не назовешь. Высокая, худощавая. Ослепительно белый халат сидит на ней как-то особенно элегантно. Седые волосы тщательно, по моде причесаны. Рядом стоят Огородников и еще один врач, серьезный толстяк средних лет. Медсестра Нина Николаевна застыла у двери. На лице ее выражение нетерпеливого ожидания и стремительной готовности. Деловая, сосредоточенная тишина.

Елена Георгиевна легко поворачивает Алешу, измеряет сантиметром его ноги, сгибает их в коленях.

— Так больно? А так? — изредка спрашивает она.

Алеша молча качает головой и тревожно оглядывается на Огородникова. Тот отвечает ему успокаивающим жестом.

— Сколько времени точно пролежал ребенок? — спрашивает толстяк-доктор, наблюдая за осмотром.

— Год, три месяца и десять дней,— отвечает Огородников. Сейчас он держится как ученик на решающем экзамене и не сводит внимательных глаз с Елены Георгиевны. Но лицо ее непроницаемо.

— Давайте-ка еще раз просмотрим все рентгены.

Огородников с готовностью включает над столом небольшой аппарат для просмотра рентгеновских пленок. Подносит к засветившемуся экрану снимок:

— Это самый первый рентген.

Врачи разглядывают снимок, негромко переговариваясь.

Алеша, приподняв голову, с беспокойством прислушивается, но до него доле-

тают лишь отдельные, непонятные ему слова:

— Обширный очаг поражения... Типичный случай...

Няня Лиза делает уборку в коридоре. С веранды доносится громкий, бесстрастный женский голос:

— Руки вверх — руки в стороны! Раз и два и!.. Глубоко дышим!

Через стеклянную дверь веранды видно, как дети лежа выполняют упражнения лечебной гимнастики.

Няня Лиза, с ожесточением протирая оконное стекло, привычно ворчит себе под нос:

— Корпус убери и чтоб без пылинки. Детей лежачих накорми, обслужи, выкупай. А дети не слушаются...

С веранды выскальзывает Помидор. Вид у него таинственный. Должно быть, он удрал с лечебной гимнастики. Оглянувшись по сторонам, он с деловым видом идет по коридору.

— А ты чего тут шастаешь? — грозно спрашивает его няня Лиза.

— Я не шастаю. У меня дела,— небрежно отвечает Помидор, шествуя дальше.

— Каторга, а не работа,— продолжает ворчать няня Лиза.— Да я завтра же могу в «Зеленый мыс» перейти...

А Помидор подскакивает к кабинету Огородникова. На двери прикреплен лист бумаги, на котором написано: «Консилиум! Не входите!». Помидор прикикает к двери. И, видимо, ничего не услышав, дощадливо пшмыгает носом. Ему до смерти хочется заглянуть в кабинет.

Консилиум закончился.

Огородников, с трудом сохраняя спокойствие, слушает своих коллег.

— Считаю, что процесс остановлен,— выносит приговор толстяк-доктор.— Картина ясная: полное заживление. Этот юноша в скором времени сможет плясать

шейк. Как вы полагаете, Елена Георгиевна?

— Как известно, я человек осторожный. Говорят, даже излишне,— усмешается Елена Георгиевна.— Но в данном случае я согласна: процесс действительно остановлен.

— Значит, ставим на ноги? — нетерпеливо уточняет Огородников.

— Думаю, что да.

— Прямо сейчас?! — вырывается у Алеши.

И этот ликующий возглас, нарушив деловую атмосферу, вызывает у присутствующих улыбки.

— Прямо сейчас,— Огородников стремительно приближается к мальчику. Нина Николаевна тоже бросается к нему, но Огородников отстраняет ее жестом:

— Я сам.

Толстяк-доктор и Елена Георгиевна переглядываются, хорошо понимая его волнение и нетерпение.

— Я поставлю тебя на одну минуту. И у тебя закружится голова,— предупреждает Огородников мальчика.— Ты привык смотреть на людей и на предметы лежа. И сейчас тебе все покажется непривычным.

Возбужденный, сияющий Алеша не слышит ни слова. Становится очень тихо. И только за окном шумит, рокочет море. Огородников поднимает мальчика и осторожно ставит его на ноги, на ковровую дорожку. И действительно, все кружится, плывет перед глазами Алеши. Затем постепенно проступают предметы и лица. Мальчик видит их в непривычном ракурсе, будто бы он сам внезапно вырос.

— Ну пошли,— слышит он откуда-то издали голос Огородникова. И впевнившись в его руку, босой, побледневший мальчик неуверенно делает первый шаг.

В эту секунду в кабинет заглядывает Помидор.

— Потрясающе! — сердито шепчет Нина Николаевна, мгновенно выпихивая его и плотно закрывая дверь.

И в коридоре тотчас же раздается радостный вопль Помидора:

— Вячеслав Иванович поставил Алешку на ноги!

Алеша делает еще один шаг. Огородников, поддерживая мальчика, оглядывает его, словно любясь своей работой.

А за стеной шумит, неистовствует веранда:

— Алешку на ноги поставили! Алешка пошел!

...Конец дня. Тот самый «серый час», когда уже темнеет небо, но в домах еще не зажигают ламп.

В парке по-прежнему хозяйничает ветер. Не затихая, бушует шторм. Огородников выходит из «Морского». Вид у него усталый. Но видно, он доволен собой и весел. Мурлыча себе под нос «Я встретил вас, и все былое», он шагает по аллее кипарисов.

А парк полон звуков. Из открытых окон, с веранд, доносятся голоса, смех, музыка телевизионных передач.

На веранде оживленно. Шум, гам. В центре внимания сейчас Алеша. Он чувствует себя именинником. К спинке его кровати прислонены новенькие костыли.

Советы летят к нему со всех сторон.

— Сперва иди в парк! — наставляет Лена.— Там, говорят, знаменитый платан растет. Ему сто лет!

— Нужен тебе платан! Первым делом заберись на скалу «Лягушка»,— перебивает Марат,— говорят, оттуда город видно.

— Сбегай на площадку для игр! — советует Надя.— Там все «ходячие» гуляют! Со всех корпусов!

Алеша обалдело вертит головой, не зная, кого слушать.

— А я когда встану, сразу же спущусь к морю,— с затаенным волнением говорит Коля.

— Точно! — сияет Алеша.— Я же никогда моря не видел! Только из окна!

Ребята галдят, продолжая давать сове-

ты, а Коля, достав свой календарик, с удовольствием вычеркивает еще один прожитый день.

Уютная, обжитая комната Елены Георгиевны. Старомодная обстановка. Письменный стол, на котором в строгом порядке разложены бумаги и медицинские журналы. На видном месте журнал «Экспериментальная хирургия», открытый на статью Огородникова. Окна выходят в санаторный парк. На стене застекленные фотографии: старый доктор, основатель санатория, и совсем юная Елена Георгиевна среди больных детей. Елена Георгиевна в форме военврача с фронтовыми друзьями в каком-то разрушенном городе. В комнате масса цветов в горшках. Елена Георгиевна поливает их из лейки.

— Звали, Елена Георгиевна? — улыбается, входит Огородников.

— Да. Садись. — Она заканчивает работу и ставит лейку на пол.

— Что-нибудь произошло? — пристально посмотрев на нее, он усаживается в кресло.

— Произошло. Я получила письмо из Москвы от профессора Волкова, — сдержанно говорит она, — клиника нужен заведующий детским отделением, и Волков выдвигает твою кандидатуру. Одним словом, он приглашает тебя.

Огородников ошеломлен.

— Разумеется, это еще не официальный вызов, а частное письмо. — Она протягивает ему распечатанный конверт. — Волков просит, чтобы мы вместе с тобой обсудили его предложение. На это у него хватило такта.

Огородников внимательно читает письмо.

— Странная тенденция! — негодует она. — Если человек отлично работает на своем месте, его замечают и сейчас же переводят на другое! Когда к профессору Волкову в клинику привозят тяжело больных детей, он советует родителям: «Немедленно везите вашего ребенка в Крым,

к Огородникову. Он вам поможет». И теперь этот же Волков забирает Огородникова в Москву!

— Приглашает! — мягко поправляет Огородников.

— Верно. Я несправедлива, — вздыхает она. — Я обескуражена. Как твой друг я радуюсь за тебя, а как здешний старожил ужасаюсь и не хочу тебя отпускать.

Огородников, положив письмо на край стола, расхаживает по комнате.

— Я ученица Петра Петровича, — она невольно взглядывает на фотографию, — и, выражаясь торжественным слогом, получила из его рук эстафету. А потом в санаторий пришел ты. И мы отличили тебя среди других молодых врачей. Учили тебя, растили. И я была спокойна: уйду я — ты меня заменишь. — Елена Георгиевна кажется внезапно постаревшей, усталой. — Впрочем, профессору Волкову этого не понять.

Огородников продолжает кружить по комнате.

— Ну что же ты молчишь? — нетерпеливо восклицает она.

— Предложение серьезно. И фантастично, — отвечает он. — Москва. Первоклассная клиника. Возможность экспериментировать. Даже и не верится!

Он ошеломлен, радостно взволнован.

— Что и говорить! Они там, в Москве, заинтересованы твоей работой, — она берет в руки журнал с его статьей, — и, конечно, создадут все условия, чтобы ты ее поскорее закончил.

И оба замолкают. За окном уже синеют сумерки. Из парка доносится привычный гомон голосов.

— Елена Георгиевна, я ваш ученик. Я вам всем обязан, — остановившись перед ней, говорит наконец Огородников, — но такая удача выпадает не часто. А наверное, раз в жизни.

— Соглашайся, Слава. Уезжай, — не сразу отвечает она. — Мне трудно быть объективной. Но иного решения и быть не может. — По крайней мере, у меня остается возможность гордиться тобой...

На веранде вечерний свободный час. Коля с увлечением пишет дневник. Кто-то читает, кто-то разговаривает, кто-то учит уроки.

Лена громко распевает летку-енку. При этом она вертится, поводит плечами и такт, словно в танце.

— Нина Николаевна, а вы летку-енку танцевать можете? — спрашивает Лена.

— Ну, летка-енка — вчерашний день. Плюсquamперфектум! — пренебрежительно отвечает медсестра, набирая в шприц сыворотку. — Сейчас джайву танцуют!

Девочки всполошились, оживляются:

— Нина Николаевна, покажите джайву!

— Хоть представление иметь, что за джайва!

Медсестра, кивнув, ловко закатывает рукав Надиной кофточки и делает инъекцию. Надя болезненно морщится.

А Нина Николаевна, положив шприц на тумбочку и быстро оглянувшись на дверь, напевая, с явным удовольствием демонстрирует бурный лихой танец.

Девочки замирают от восторга.

Надя, забыв про боль, с восхищением глядит в зеркальце на отплясывающую медсестру. А Нина Николаевна, вдруг опомнившись и схватив шприц и склянки, выскакивает с веранды.

Надя, повеселев, наводит зеркальце на Колю, который продолжает писать. Она наблюдает за мальчиком долго-долго.

— Коля, — слегка смущаясь, негромко окликает она наконец. Он не сразу оборачивается. — Коля, а у меня книжка интересная. «Серебряные коньки» называется.

— Я читал, — небрежно отвечает Коля, — девчачья книжка.

— Коля, а почему ты никогда на своей гитаре не играешь? — жаждет завязать беседу Надя.

— Не хочется.

— А зачем же ты тогда ее привез?

— Я думал, что здесь все по-другому, — хмурится мальчик.

— А как по-другому? — не унимается Надя.

Коля, досадуя на ее докучливые расспросы, лишь пожимает плечами.

— Коля, а почему ты ни с кем из ребят не дружишь? — помолчав, решается спросить девочка.

— Это вопрос сложный, — скрывая растерянность и смущение, строго говорит Коля.

— И тебе тут никто-никто не нравится? — откровенно огорчается Надя.

— Мои друзья — в Москве, — отрезает он. И прекращая разговор, ставший ему неприятным, Коля снова утыкается в свой дневник.

— Скажите! Разговаривать не желает! — оскорбившись, вспыхивает Надя. — Гордится! Думает, если уж он из Москвы...

Но, снова уткнувшись в свой дневник, Коля не слушает ее. Достав календарик, он подсчитывает прожитые дни. И с удовлетворением вычеркивает еще один день.

И опять в белом зале репетирует ансамбль скрипачей. Музыканты исполняют «Антракт» из балета «Раймонда». У рояля похудевшая усталая Колина мама.

За окном февральская вьюга. Сквозь густую пелену летящего снега смутно угадываются белые крыши домов, маковки колокольни Ивана Великого.

Внизу оживленная московская улица. Потоки машин. Вереницы прохожих. Где-то в одном из дворов мальчишки играют в снежки. Кружит, метет вьюга...

...«Антракт» в исполнении ансамбля скрипачей продолжает звучать у моря. Тут тихий, ясный день.

Коля с любопытством и жгучей завистью наблюдает из окна за Алешей, который, опираясь на костыли, стоит на вершине прибрежной скалы и с восторгом смотрит на открывшийся перед ним вид. Морской ветер треплет его волосы.

На берегу изогнутого рогом залива — оживленный курортный городок. На горе амфитеатром раскинулись белые домики с виноградниками. Виден круглый, как блю-

це, стадион, где тренируются гимнасты. К пристани причаливает быстроходный катер «Комета», и из него высыпает пестрая толпа туристов. Все кажется нарядным, удивительно ярким.

Радуюсь вновь обретенной самостоятельности, Алеша кружится, приплясывает с костылями на вершине скалы.

Из окон «Морского» ему кричат ребята. Голоса заглушает шум моря и ветра. И Алеша демонстрирует «чудеса ловкости».

Из дома выбегают Нина Николаевна и санитар Валерий. Медсестра в панике мечется вокруг. А Валерий, мгновенно забравшись на скалу и схватив упирающегося Алешу, тут же спускается с ним вниз.

Представление окончено. И Коля, забеспокоившись, обращается к няне Лизе, которая разносит по кроватям стаканы с молоком:

— Вячеслав Иванович сегодня меня должен смотреть. Как думаете, он не забыл?

— Вячеслав Иванович сроду ничего не забывает,— строго отвечает няня Лиза.

...И вот наконец Коля лежит на каталке в кабинете Огородникова. Сам Огородников, только что закончив осмотр, склонившись над столом, что-то записывает в лечебный журнал. Коля, весь насторожившись, затаив дыхание, ждет приговора.

— Ну у нас с тобой все в порядке. Даже хорошо,— повернувшись к мальчику, довольно объявляет Огородников.

— Я встану?!— с неистовой надеждой вырывается у Коли.

— Ну нет, об этом говорить рано.

Коля потрясен.

— Но вы сказали: через два-три месяца...— убито вырывается у него.

— Я не обещал, что ты встанешь,— уточняет Огородников.— Я сказал: будет виден первый результат наших с тобой усилий. И правда, он виден.

Гнев и отчаяние охватывают мальчика:

— Я старался лежать! Никто так не старался, как я! Надо мной даже смеялись!

— Ты погоди возмущаться,— пытается его успокоить Огородников.

— Вам хорошо говорить! А я ждал! Я все терпел! — бушует Коля.

В этот момент в кабинет врывается Нина Николаевна, и Коля замолкает на полуслове. За медсестрой показывается санитар Валерий, который вводит безмятежно улыбающегося Алешу.

— Вячеслав Иванович! Он совсем от рук отбился! — сходу возмущенно жалуется Нина Николаевна.

— Что опять стряслось? — недовольно хмурится Огородников.

— Он на «Лягушку» забрался!

— Скалолаз,— вставляет санитар.

— А я там «Комету» видел! С подводными крыльями! — спешит поделиться Алеша.

— Ты что хочешь, чтобы я тебя опять уложил? — сурово спрашивает Огородников.

О Коле забыли. Он мрачно глядит на сияющего Алешу, которому сейчас даже и ругань нипочем.

На веранде большая перемена. В центре стоит классная доска, исписанная алгебраическими формулами. К потолку взлетают мячи и воланы. Мелькают ракетки.

Коля лежит на своем прежнем месте, у окна. Мальчик сломлен. Отчаяние сжигает его. На мелкие клочки он разрывает свой календарик с вычеркнутыми прожитыми днями.

Внезапно внимание его привлекает знакомая девочка с «хвостиком». Размахивая спортивной сумкой, из которой торчит теннисная ракетка, она пробегает мимо окна. И «хвостик» ее раскачивается в такт. Она оглядывается на Колю. Взгляды их на миг встречаются. И незнакомка исчезает, уносится в свою, так не похожую на Колину, прекрасную жизнь.

— Коля! — громко зовет Лена.— Ты геометрию решил?

— Решил,— очнувшись, не сразу отзывается Коля.

Кадр из фильма

— Дай списать. Меня сегодня обязательно вызовут!

Коля, рассеянно порывшись в своей библиотечке, извлекает толстую тетрадь в кожаном переплете и кидает соседу:

— Передай!

Тетрадь путешествует по кроватям и попадает в руки Нади. Девочка, любопытствует, открывает ее.

— Не задерживай, Надька! Переменка кончается! — торопит Лена. А Надя, перелистнув тетрадь, вдруг начинает громко, вслух читать:

— «Я здесь совсем один. Как будто я плыву на байдарке один в бескрайнем море».

Раздается смех.

— Ну дает! — кричит кто-то. — Читай дальше!

Коля обомлел. И вспыхнув, всполошившись:

— Отдай тетрадку! Это не та! Я перепутал.

Ребята, заинтересовавшись, с любопытством глядят то на него, то на Надо.

— «И я должен победить! Победить во что бы то ни стало!» — читает Надя. И догадавшись, оживает: — Колька дневник пишет! Как Лев Толстой!

— Не смей! Отдай сейчас же! — в бессилии мечется по кровати Коля.

Алеша, увидев его искаженное отчаянием и мукой лицо, кричит:

— Перестань, Надька!

Надя мстительно смеется. В нее точно бес вселился. Она уже не может остановиться. И перевернув страницу, продолжает:

— «Я ждал два месяца. Терпел. Но Вячеслав Иванович не поставил меня на ноги. И мне страшно: а вдруг я всегда буду лежать?! всю жизнь?!»

На секунду воцаряется тишина. Все слушают, оторопев.

— «Я ненавижу санаторий. Ребята здесь всегда орут, хохочут. Они ни о чем не думают. По-моему, они просто тупые и по-

тому им не страшно. И я, конечно, тут ни с кем не дружу».

И точно шквал обрушивается на веранду. Крик, гвалт. Ребята обескуражены и оскорблены.

— Все тупые, а он один личность!

— Санаторий он ненавидит! Пижон в мамином шарфике!

— Один в бескрайнем море! Печорина из себя строит! — зло восклицает Надя.

— Про мужество на уроках рассуждает, а сам дрожит от страха.

— И ревет по ночам! — безжалостно расправляется с Колей Марат.

Коля вздрагивает, как от удара.

— Как не стыдно! — спохватившись, возмущается Лена. — Это же подло чужие дневники читать!

— А писать так не подло?! — кричит кто-то:

— Все-таки ты вредная, Надька! — растерянно моргает глазами Помидор.

Звенит звонок, но его никто не слышит.

Коля беспомощно, затравленно озирается.

Алеша, придя в себя, на костылях подскочив к Наде, вырывает у нее тетрадь и бросает Коле. И огорченно, отчужденно посматрив на него, отворачивается.

И в это время на пороге возникает Дмитрий Дмитриевич:

— От вашего шума крыша над головой поднимается! А между тем, был звонок на урок! Дежурный!

Помидор, подбежав к доске, вытирает ее тряпкой. Шум постепенно стихает.

Коля, зажав в руках тетрадку, откидывается на подушку. Безразличие охватывает его. Он очень устал.

Надя наводит зеркальце на обитателей веранды. Лицо у нее гневное, решительное, она приготовилась к отпору:

— Что же все-таки у вас случилось? — почувствовав грозовую атмосферу, спрашивает учитель.

— Дмитрий Дмитриевич, как считаете: Печорин положительный герой или отрицательный? — невинно спрашивает Марат.

Учитель слегка озадачен:

— Печорин — образ сложный. Прежде всего, он эгоист...

— Вот и я говорю: эгоист! — обрадовался Марат. — А Колька Филатов спорит! И чего спорить!..

Кто-то хихикнул.

Учитель строго оглядывает ребят, и наступает полная тишина.

— О Печорине будете спорить в восьмом классе. А сегодня поговорим о величайшем русском поэте — учителе самого Пушкина. О Гаврииле Романовиче Державине. А для начала я прочту вам его стихи «Водопад».

Раскаживая между кроватями, учитель вдохновенно читает на память:

Алмазна сыплется гора,
С высот четырех скалами,
Жемчугу бездна, серебра,
Кипит внизу, бьет вверх буграми,
От брызгов синий холм стоит,
Далека рева в лесу гремит...

Ребята, постепенно увлекаясь, с интересом слушают. И лишь некоторые, еще не успокоившись, поглядывая на Колю, горячо перешептываются.

Потрясенный случившимся, Коля словно бы оцепенел.

На залитой солнцем реке состязание по каное. Коля впереди. Он устремляется к финишу.

И внезапно вся команда разом перегоняет его. Пронесется мимо мальчики-канойсты. Это красивые, сильные ребята. Они держатся все вместе, рядом, и только Коля отстал. Он гребет, выбивается из сил, тщетно стараясь нагнать своих товарищей. Но команда удаляется все дальше. Вот-вот лодки вовсе исчезнут из виду и Коля останется совсем один. Река становится безбрежной, огромной. И откуда-то очень издали слышен мужской голос:

— На острие атаки Коля Филатов. На острие атаки Коля Филатов...

Коля просыпается, открывает глаза. Озирается.

Во тьме белеют кровати. За окном звездное небо. Шумит море. Сияя гирляндами разноцветных огней, идет теплоход. Веселая, едва слышная музыка доносится с его борта. Нарядный, сверкающий теплоход проходит мимо, как чей-то праздник.

Приподняв голову от подушки, прислушиваясь к затихающей музыке, Коля вглядывается в мерцающие, удаляющиеся огни. Они исчезают, и море вновь становится темным, пустынным и тревожным.

В эту минуту мальчик отчетливо остро чувствует весь ужас своего положения. Отчаянная мысль приходит ему в голову. Он принимает решение.

...И еще двое не спят в этот поздний час. В комнате Елены Георгиевны накрыт стол. Она и Огородников сидят за ужином и ведут трудный для обоих разговор.

— Не понимаю, что ты медлишь, тынешь с отъездом, — досадует она. — Вызов получен. В Москве тебя ждут.

— Гоните? — усмешается он.

— Не люблю долгие проводы.

— И я тоже. Прощаться надо один раз и уходить без оглядки, — шутит он. И, помешивая ложечкой чай, не глядя на нее: — Я уже заказал билет на самолет. В конце недели отправлюсь.

Оба замолчали.

— И я стану снова москвичом, — задумчиво улыбается он. — Странно как-то. Подумать только — годы я мечтал об этом.

В голосе его слышится растерянность, и Елена Георгиевна моментально улавливает это.

— Слава, у тебя появились какие-то сомнения? — внимательно смотрит она на него.

— Ну нет. Никаких сомнений, — отодвинув чашку и поднявшись, он по своей привычке рассказывает по комнате из угла в угол.

— Никаких сомнений, — повторяет он. — Но я прослужил тут семнадцать лет. Не так-то просто оторваться.

— А ты уже сказал детям?

— Нет. Я попрощаюсь с ними в последний момент. Перед самым отъездом.

— Думаешь, так легче? — сомневаясь и сочувствуя, спрашивает она. — Ну смотри...

...Гаснут звезды. Ближе рассвет. В «дежурке» еще горит настольная лампа. Нина Николаевна, сморенная бессонной ночью, спит, положив голову на раскрытую книгу.

На веранде сонная тишина. В раскрытую дверь из коридора пробивается робкая полоса света.

Коля бодрствует. Откинув одеяло, он ножницами разрезает бинты, пытаясь освободиться от гипсовой кровати. Должно быть, он занят этим давно. Вид у него измученный. Опустившись на подушку, закрыв глаза, он некоторое время отдыхает. Затем с новой энергией продолжает свою работу. Наконец ему удается оборвать последние путы.

С невероятным трудом выбравшись из кровати, он встает на пол. Голова кружится, руки и ноги дрожат, и чтобы не упасть, он паваливается на тумбочку. Книжки с грохотом летят с тумбочки на пол. Коля, вздрогнув, озирается. Но никто не проснулся. Тишина. Коля слышит лишь бешеное биение собственного сердца. Босой, в трусах и в майке, мальчик стоит неподвижно, приходя в себя.

И держась за спинки кроватей, тяжело дыша, то и дело останавливаясь, он медленно пробирается по веранде, направляясь к Помидору.

У кровати Помидора стоят ботинки, на стуле аккуратно сложена одежда, а сам Помидор спит, зарывшись лицом в подушку.

...Коля, одетый в непромокаемую куртку, замотанный своим пушистым шарфом, ковтыляет по слабо освещенному коридору. Сейчас он одержим одной мыслью: выбраться отсюда, выбраться во что бы то ни стало! И это неистовое желание придает ему силы.

Добравшись до входной двери, он поворачивает ключ в замке и выходит на крыльцо. Оглядывается по сторонам, глубоко вдыхая свежий воздух. Он опьянен собственной победой и обретенной свободой.

Перед ним безмолвный, окутанный расцветной дымкой парк. Совсем близко снеговые вершины гор. И где-то рядом шумит море. Крепко держась за перила, Коля осторожно спускается со ступенек на дорожку, делает несколько неуверенных, робких шагов и скрывается в зарослях кустарника.

Едва слышно звучат позывные радио: шесть часов.

Включается санаторная трансляция. И в тишину врывается женский голос:

— Доброе утро, ребята!

Гремит веселый, бравурный марш.

Нина Николаевна, держа в руке стаканчик с градусниками, заходит на веранду и зажигает верхний свет.

— Доброе утро! Просыпайтесь, просыпайтесь...

Она проворно сует между кроватями, ставя сонным детям градусники. Вид у нее деловой и бодрый.

Помидор, проснувшись и потянувшись, встает с кровати. И не обнаружив на стуле своей одежды, недоуменно восклицает:

— А у меня штаны пропали!

Потоптавшись и заглянув под стул, Помидор объявляет с еще большим недоумением:

— И ботинок нету!

— Ну, значит, разбойники ночью наведывались,— насмешничает Нина Николаевна.

Проснувшиеся ребята пересмеиваются.

А Помидор вдруг замечает у себя на тумбочке записку. Дрожащей рукой карандашом нацарапано: «Помидор, не обижайся. Твою одежду и ботинки я пришлю. К. Ф.»

Помидор, ничего не понимая, устави-

лся на записку. И в эту же секунду Нина Николаевна, пораженная, застывает перед Колиной развороченной кроватью:

— Потрясающе,— побледнев, с ужасом произносит она.

В укрышемся под двумя столетними платанами доме, где живут сотрудники санатория, одно за другим тревожно вспыхивают окна. Слышны прозвительные телефонные звонки.

Из дома выходит Елена Георгиевна. Как обычно, она тщательно одета и причесана, но без пальто и с непокрытой головой. Следом за ней выскакивает наша знакомая — девочка с «хвостиком». В руках у нее пальто и пуховый платок.

— Бабушка! Надень пальто сейчас же! — кричит она.

И, догнав Елену Георгиевну, девочка забрасывает ей на плечи пальто, укрывает платком.

— Прямо беда с тобой! Ну куда ты так летишь?

— В «Морском» чепе. Мальчик пропал,— не останавливаясь, спешит по аллее Елена Георгиевна.

— Как это пропал? Куда? — изумляется девочка.

Елена Георгиевна, не ответив, убыстряет шаг.

— Бабушка, не смей волноваться! — кричит девочка вслед.— И не забывай, что нервные клетки не восстанавливаются!

Осунувшийся, потрясенный бедой Огородников слушает сбивчивые объяснения Нины Николаевны:

— В последний раз я заходила на веранду в четыре тридцать. И все преспокойно спали,— говорит она, изо всех сил стараясь не разрешеться.

В дверях кабинета толпится персонал. Тут и няня Лиза и Дмитрий Дмитриевич. Все растеряны, обескуражены.

— А после я уснула. Совсем ненадолго. Нечаянно. А он взял у ходячего Помидора одежду и ушел... Наверное, в пять утра...

— Такого у нас сроду не было, чтобы ребенок убежал,— сокрушается няня Лиза.

Врывается санитар Валерий:

— Вячеслав Иванович, я весь санаторий прочесал! У моря искал и на скалы лазил! Нигде нету!

— Весьма возможно, что Коля направился в горы,— предполагает Дмитрий Дмитриевич.— Вячеслав Иванович, разрешите, мы с Валерием в горы сбегаете?

— Нет, — отрезает Огородников. — Мальчика ищут. Уже объявлено по радио. А ваше место на веранде!

И обращаясь ко всем, приказывает:

— Приступайте к своим обязанностям. У нас рабочий день. Дети не должны чувствовать никакой паники. Ровно в восемь, как обычно, я начну обход.

Персонал молча поспешно расходится.

— Вячеслав Иванович, — задержавшись, дрогнувшим голосом взывает Нина Николаевна, — что же теперь будет, а? Он же на ногах не удержится...

И не дождавшись ответа, залившись слезами, она выскакивает за дверь.

Огородников, оставшись один, не находит себе места. Он мечется по комнате, бессмысленно перебирает на столе истории болезней. В кабинет заходит Елена Георгиевна.

— Я разговаривала с начальником воинской части. Он уже выслал наряд в горы на поиски. И милиция тоже ищет.

Она держится спокойно, и только глаза выдают ее тревогу и напряжение.

— Мальчишку найдут, — отзывается Огородников.— Он не мог уйти далеко. Страшно другое. Он ослаблен, у него тяжелый Пертерс.

Она участливо, понимающе слушает.

А он, уже не сдерживаясь, продолжает с откровенным отчаянием:

— Эту девочку-медсестру и винить нельзя. Она внимательна, исполнительна. И вела себя нормально. Случай странный, беспрецедентный. Но как я проглядел парня?! Я же видел, что он плохо приживает-

ся, мается. Думал, обойдется, все дети поначалу тоскуют.

— Теперь поздно казнить, — прерывает она.— Случай действительно беспрецедентный. Но он уже все равно на нашей совести.— И неодобрительно посмотрела на него: — Все-таки возьми себя в руки, Слава.

Огородников надевает докторскую шапочку, халат и выходит. В дверях он сталкивается с санитаром Валерием.

— Вячеслав Иванович, вы билет на самолет заказывали, в Москву,— начал было санитар.

— Какой теперь к черту билет?! — отвечает Огородников, торопливо удаляясь.

...На веранде стоит странная непривычная тишина. Растерянные, встревоженные ребята переговариваются шепотом. Готовясь к урокам, они достают из тумбочек учебники, шелестят тетрадками.

Сумрачный Алеша, сосредоточенно раздумывая, лепит из пластилина очередного коня. Няня Лиза беспшумно прибирает веранду. Входит Дмитрий Дмитриевич. Не привыкший к такой тишине, он озабоченно и тревожно наблюдает за детьми.

— Дмитрий Дмитриевич, ну что?! — увидев его, нетерпеливо спрашивает Алеша.

— Пока никаких известий, — с сожалением отвечает учитель.

Все молчат.

— А все из-за Надьки! — шмыгнув носом, вдруг обвиняет Помидор.

— Вот еще! Я-то при чем?! — Надя, вспыхнув, наводит на присутствующих зеркальце.

— А при том, что ты его дневник читала! — негодует Лена.

— А вы слушали! — парирует Надя.

— Выходит дело, Коля из-за дневника убежал?! — недоверчиво восклицает кто-то.

— Да нет же! Он санаторий ненавидел! Все говорят одновременно. Шум, спор. Понять ничего нельзя. Но Дмитрий Дмит-

риевич, видимо, все-таки кое в чем разобрался.

— Как я понял, Коле было неуютно среди вас,— огорченно говорит он.— Человек недавно приехал. Друзей еще не успел завести. Вам бы чуточку великодушия проявить...

— А он и не хотел ни с кем дружить! — с ожесточением перебивает его Надя.

Учитель долгим взглядом смотрит на нее:

— Не злись, Надя. Злой человек несчастен.

Она опускает глаза.

— Ерунда! Колька убежал, потому что струсил! — непримиримо заявляет Марат.— Сам же написал: «Мне страшно». Не выдержал. Мужик называется!

— Кончай, Марат! — обрывает его Алеша.

— А ты чего, Алешка, за этого Печорина все время вступаешься?! — возмущается Марат.

— Он салага,— отвечает Алеша. И помолчав, добавляет, насупившись: — А я, может, тоже сперва боялся. И может, тоже ревел потихоньку.

И все замолкают, пораженные этим откровенным, великодушным признанием.

Учитель по-настоящему взволнован.

— Врачи около них колготятся. Учителя над ними бьются, добру их учат,— раздается в тишине ворчание няни Лизы,— а они на тебе! Друг дружку обижают. А теперь парень, может, уж в беду попал. И Вячеслав Иванович сам на себя непохожий...

Она уходит, не оглянувшись.

— У нас в «Морском» тревожное положение,— нарушает молчание Дмитрий Дмитриевич.— И сейчас, по-моему, не время ссориться и обвинять друг друга. Напротив, сейчас надо всем крепко держаться за руки. И мы еще не знаем, что с Колей, где он.

Надя слушает его, внезапно присмирив. Глаза ее полны слез. И не удержавшись, она громко всхлипывает.

— Вот почему девочки плохо в шахматы играют. Логика у них нету,— косясь в сторону, скрывая смятение, бурчит Марат.— То злилась, а теперь ревет...

День удивительно теплый, сияющий, совсем летний.

Коля стоит на берегу, подставив лицо легкому морскому бризу. На горизонте четко вырисовывается силуэт парусного судна. На волнах покачиваются белые чайки. Невдалеке, среди густой зелени парка, возвышаются зубчатые стены и башни старого дворца. Витая лестница спускается от дворца к морю. В это время года тут тихо и безлюдно. И Коля чувствует себя, как в сказке. Мальчик впервые в жизни видит море так близко. И его поражает простор, нестерпимый блеск воды и солнца, белые чайки и парусник, возникший на горизонте.

За его спиной хрустит галька. Затем чей-то голос восхищенно произносит:

— Бригантина!

Коля резко оборачивается — перед ним незнакомка с «хвостиком». Смертвенная сумка висит у нее на плече. Коля изумленно, настороженно уставился на нее. Но кажется, она его не узнала и он успокаивается.

— А это и не бригантина. У бригантинны две мачты и прямые паруса. Это трехмачтовый барк. Старинное торговое судно,— объясняет Коля.— Интересно, как барк тут очутился?

— А этот корабль в кино снимается. В картине про Пушкина. В газетах писали,— говорит девочка.

Коля заинтересовался.

— Пушкин у нас здесь бывал. Во дворце,— кивает она на зубчатые стены.— Он приезжал из Гурузуфа. И тут его встречала одна знаменитая красавица. А потом она взяла и уплыла на парусном корабле в Италию. Пушкин ужасно переживал. И может быть, на этом самом месте он сочинил стихи:

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой,
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал над тобой...—

с удовольствием, с выражением декламирует девочка, и «хвостик» у нее на затылке раскачивается в такт.

Коля слушает, не сводя с нее глаз. И впервые видим, как он улыбается, беззаботно и весело.

— А Пушкин никогда не приезжал в этот дворец Я читал. Дворец построили позже, когда он уже погиб на дуэли.

— Грамотный, — вдыхает девочка. — А, может, я тоже читала. Только мне все равно хочется, чтобы он тут бывал. И будто бы смотрел из дворца на парусник, и катался верхом по парку, и спускался по этой лестнице к морю!

Они молча глядят друг на друга.

— Слушай, а я тебя где-то видела, — вдруг говорит она. Коля мгновенно меняется в лице, вдовь становясь напряженным, испуганно-настороженным.

— Ты в какой школе учишься? В Алушке? — простодушно спрашивает она.

— Нет, я в Москве учусь, во второй спецшколе. — Коля в смятении. И, зацепившись за свое прошлое, поспешно добавляет: — Я тут на тренировках По грелу.

— На байдарке? — живо интересуется девочка.

— Канов, — все еще в напряжении хмуро уточняет Коля.

— Разрядник?

Он кивает. Успокаиваясь, переводит дыхание: девочка его не узнала. Она уже в это время озабоченно оглядывает горы.

— Скоро дождь будет.

— А ты откуда знаешь? — снова почувствовав себя легко и раскованно, веселеет Коля.

— Горы в облаках.

И действительно, дымчатые облака закрывают горные вершины. Девочка достает из своей спортивной сумки кусок хлеба и принимается кормить чаек. Птицы мгновенно

слетаются к ней. Она скачет по берегу, бросая крошки, и «хвостик» ее трепещет и вздрагивает. Коля с восторгом следит за ней. Девочка, разделив хлеб, протягивает половину Коле. Теперь оба кормят птиц.

Стаи белых чаек, на лету хватая корм, с криком кружатся около детей. Девочка бежит, и стая устремляется за нею. Коля, забыв обо всем на свете, порывисто шагнул следом. Но сейчас же он замирает от острой боли в ноге. Поблуднев, кусая губы, он опускается на камни. Девочка, заметив это, подскакивает к нему.

— Что с тобой? — недоумевает она.

— Так просто... Оступился... — превозмогая боль, Коля пытается улыбнуться.

Боясь, как бы она не догадалась об истине, он с трудом поднимается на ноги. И, опомнившись, понимая, что праздник кончился, спохватывается:

— Мне пора... на тренировку...

Какое-то время они стоят молча рядом, и белая стая с криком еще продолжает кружить вокруг них.

— Привет... — скрывая отчаяние, прощаясь с праздником и с девочкой, проносится Коля.

— Привет... — растерянно отзывается она. И оба грустнеют.

Махнув рукой, Коля, не оглядываясь, уходит. Девочка провожает его взглядом. И только теперь, видя, как он тяжело падает на одну ногу, она догадывается:

— Ты убежал! — вскрикнув, она бросается за Колей.

Он останавливается. Лицо его становится испуганным.

— Слушай, зачем ты это сделал? — с сожалением спрашивает девочка. Она полна участия и тревоги. И неожиданно, проникаясь к ней доверием, Коля отвечает откровенно:

— Я хочу домой.

— А ты знаешь, что тебя ищут? И Вячеслав Иванович, и все врачи, и сестры, и нянечки. Они же за тебя отвечают. Они же

все испереживались. Не очень-то честно ты поступаешь!

Коля молчит. И видно, что в нем совершается мучительная борьба. Наконец на что-то решившись, он упрямо заковылял дальше.

— Куда ты? — кричит ему вслед девочка.

— В Москву!

— Как это в Москву?

— Обыкновенно. Автостопом, — он старается говорить небрежно. — Скажи им, чтоб за меня не переживали. Мне мама десять рублей оставила. Я доеду. А Вячеславу Иванычу я после письмо напишу.

Хромая, он с трудом бредет дальше по берегу.

Девочка, боясь оставить больного Колю одного, догоняет его.

Городское отделение милиции. За окном хлещет дождь.

Молоденький строгий дежурный разговаривает по телефону:

— Пока ничего положительного, товарищ Огородников. Да мы сами понимаем, что дорога каждая минута. Все меры приняты. Наши машины курсируют по всем окрестным шоссе. Конечно. Сразу сообщим.

Повесив трубку, дежурный, хмурясь, взглядывает в окно на разгулявшуюся непогоду.

Холодный, нескончаемый дождь. Коля и его спутница, вымокшие до нитки, медленно спускаются по раскисшей парковой дорожке к шоссе.

Колю бьет озноб, глаза его затуманены болью, и на ногах он держится каким-то чудом. Сказка кончилась, радостное возбуждение прошло, и силы оставили мальчика. И все-таки, стесняясь своей беспомощности, он пытается передвигаться сам, хватаясь за стволы деревьев.

— Держись за меня! — приказывает де-

вочка. — Держись, говорю! Не воображай уж!

И Коля, послушавшись, тяжело опирается на ее плечо. Девочка тащит его за собой. При этом она еще пытается разговаривать:

— У нас зимой всегда так! Утром солнышко, а потом как задует муссон! И сразу — непогода!

Они выходят на пустынное шоссе. Сквозь стену дождя темнеет лес на обочине. Ветер кружит мокрые листья. И ни души кругом. В нескольких шагах автобусная остановка с навесом. Девочка, переводя дыхание, с жалостью и тревогой смотрит на спящего Колю.

— Слушай, а как тебя зовут? — вдруг спрашивает она.

— Коля.

— А я Таня, — она подает ему руку дочечкой.

Коля дотрагивается до ее ладони. Как-то невидимая ниточка протягивается между ними, вызвав у обоих смущенную улыбку.

— Ты можешь идти? — снова забеспокоилась она. — Теперь уж близко.

— До чего близко? — спрашивает он. — Мне нужно в Москву!

Упрямо сжав губы, мальчик делает шаг к автобусной остановке. И не удержавшись на ногах, цепляясь руками за Таню, он опускается на мокрый асфальт.

Девочка мечется около него, пытаясь его поднять.

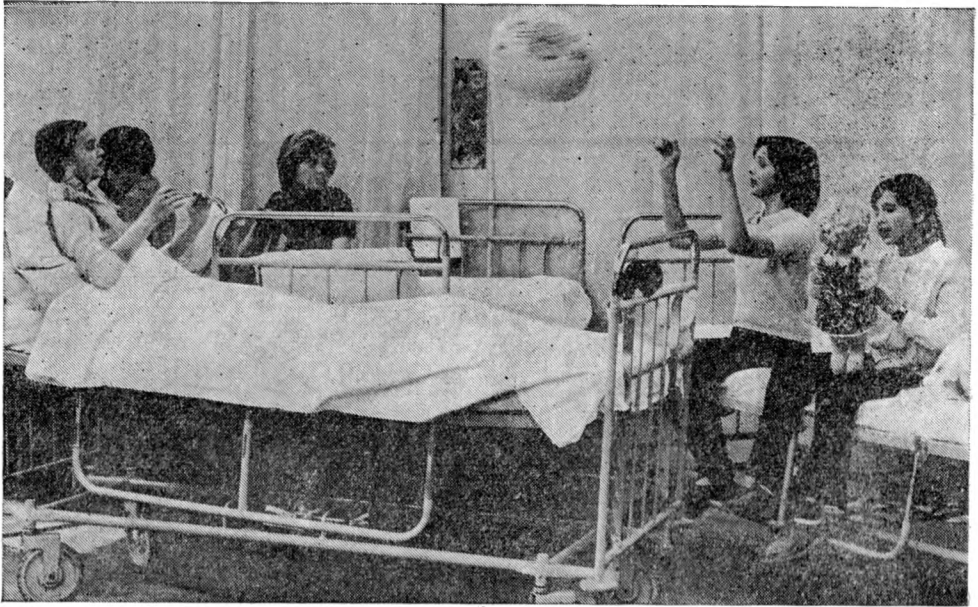
Из-за поворота выскакивает милицмейская машина, и Таня бросается наперерез.

Машина, резко затормозив, останавливается.

И опять состязание лодок на залигой солнцем реке.

Мальчики-каноисты уверенно, энергично гребут.

Блестят на солнце загорелые тела. Эти здоровые, красивые и сильные мальчики

Кадр из фильма

Фото Л. Кирпичниковой

держатся все вместе. И только Коля отстал.

Не сдаваясь, он отчаянно гребет, пытается нагнать своих товарищей. Но расстояние между ним и командой все увеличивается. Вот-вот канюи исчезнут из виду и Коля останется один на огромной, безбрежной реке.

— На острие атаки Коля Филатов... На острие атаки Коля Филатов...— повторяет далекий голос.

Коля открывает глаза. Перед ним белая, пустая стена. Затем он смутно видит лицо Огородникова, который держит его за руку, считая пульс.

— Я должен их догнать,— пытается подняться Коля. Но подняться он не может — он снова лежит в гипсе.— Я их догоню,— слабо произносит он, не то утверждая, не то спрашивая.

— Догонишь. Непременно догонишь,— успокаивает его Огородников, и Коля окончательно приходит в себя.

Он находится в белой просторной комнате — изоляторе. Вечер. Горит яркая настольная лампа. Огородников прослушивает мальчика. Серьезная встревоженная Нина Николаевна стоит у кровати.

— Десять часов на ногах продержался... Это ведь с ума сойти,— удрученно шепчет она.

— Пневмония,— убирая стетоскоп, отрывисто говорит Огородников.— Может обостриться Пертерс. Эту ночь я сам буду дежурить около мальчика.

...Близится время ужина. Няня Лиза и санитар Валерий вносят на веранду тележки, заставленные тарелками, раздают ребятам ложки и вилки.

Влетает запыхавшийся Помидор:

— Ну что?! Как там Коляка?! — набрасываются на него ребята.

— У Кольки температура высокая! Он даже бредит! Положение опасное! — докладывает Помидор.

Веранда испуганно, встревоженно притихает.

— Наделал себе делов, бедолага,— горестно вздыхает няня Лиза.— Вячеслав Иваныч от него ни на шаг не отходит... С ума сойдешь с вами. И правильно, что Вячеслав Иваныч уезжать надумал. И я от вас в «Зеленый мыс» уйду...

— А куда это Вячеслав Иваныч собрался? — настораживается Марат.

Няня Лиза, тут же спохватившись, испугавшись оплошности, предостерегающе смотрит на санитара. Но тот уже выпаливает:

— В Москву уезжает! Насовсем! Я ему сам билет заказывал...

— Ну да! — недоверчиво смеется Алеша.— Не может этого быть!

А Марат, поверив сразу и побледнев, кричит, обращаясь ко всей веранде:

— Вячеслав Иваныч в Москву уезжает! Навсегда!

— Неправда! — всполошившись, выкрикивает Лена.

— А как же мы? Как же я? — беспомощно бормочет Надя, наводя на ребят зеркальце.

И сразу парк наполняет глухой гул голосов. Это как взрыв. Гул нарастает, становясь все громче, грознее. Явственно гремит скандирующий хор:

— Вя-че-слав И-ва-ныч!

Огородников, прислушиваясь к этому реву, мчитса через парк. Врывается в «Морской».

— Что случилось?

Испуганная Нина Николаевна бросается ему навстречу:

— Ребята ужинать отказываются! Вас требуют!

Из-за ее спины выглядывают растерянные няня Лиза и санитар.

Огородников пронесится мимо них по коридору, устремляясь на веранду. Остановившись в дверях, он смотрит на беснующихся ребят. Они стучат ножами и вилками. Ходячие гремят костылями. Крики, воли, скандирующий хор голосов. Это бунт.

— В чем дело? Почему вы не ужинаете? — негромко спрашивает он.

— Вячеслав Иваныч, а правда, что вы уезжаете? — раздается взволнованный голос Лены.

И опять грохот, гвалт, рев.

— Тихо! Не веранда, а какой-то пиратский бриг! Разбушевались! — скрывая смутнение и растерянность, строго говорит он.— Да от вашей компании не то что уедешь — убежишь на край света! Сломя голову!

— Нет, вы скажите! Вы уезжаете?! — требует Марат.

И не зная, что ответить, стараясь унять собственное волнение, он стремительно расхаживает между кроватями. Перед ним мелькают ребячьи лица: суровый Марат, заревавшая Надя, изумленный Алеша, озадаченный Помидор. Тридцать пар ребячьих глаз уставились на него. И ему от них некуда деться.

В дверях стоит Нина Николаевна, няня Лиза, санитар Валерий. И тоже ждут его ответа.

— Вы знаете, что Коля в тяжелом положении. И я стараюсь ему помочь,— обращаясь к детям, как к равным, устало говорит он.— Прошу вас, не мешайте сейчас мне.

И снова тишина. Тяжелая, тревожная.

— Успокойтесь. И начинайте ужин.

Так и не ответив на вопрос ребят, он выходит. Персонал поспешно расступается перед ним. Сникшие, взволнованные дети молчат. В полной тишине няня Лиза и санитар разносят по кроватям тарелки с едой.

В белом зале на тринадцатом этаже репетирует все тот же ансамбль скрипачей. Музыканты исполняют «Чаконну» Баха. За окнами звонкая первая капель. Видны крыши домов, маковка колокольни Ивана Великого.

Внизу оживленная московская улица. Потоки машин. Вереница прохожих. В цве-

точном ларьке продают мимозу. Где-то в одном из дворов мальчишки запускают бумажного змея...

...Музыка Баха продолжает звучать у моря.

Здесь весенний, яркий день. В санаторном парке гуляют «ходячие» дети. Малыши копаются в песке.

И тут так же, как и в Москве, мальчишки запускают в небо бумажного змея.

Похудевший, осунувшийся Коля все еще лежит в изоляторе. Он очень изменился, видимо, много передумал. Огородников просматривает на светящемся экране рентгеновские снимки.

— Ну мы с тобой, кажется, выбрались,— удовлетворенно заключает он.

— Правда? — весь засветившись, вскрикивает Коля.

— Я зря никогда не говорю. Но знай: ты чудом выскочил из беды. Твоя прогулка у моря могла стать последней.

Погасив экран и явно не желая продолжать разговор, Огородников идет к двери.

— Вячеслав Иваныч! Погодите! — забеспокоился Коля.

Огородников задерживается.

— Я хотел домой... Потому что не верил... — помедлив, заставляет себя произнести Коля.

— Так. Ну а дома что?! Что дома-то?! Болезнь твоя прошла бы сама собой?!

Лицо Огородников сурово. И Коля теряется: таким он его еще не видел.

— Давай уж начистоту! Тебе здесь хотят помочь. Идет каждодневная борьба с твоей болезнью. А ты мне не союзник! И тех, кто мне мешает сражаться, я считаю своими личными врагами!

— Никакой я не враг! Вячеслав Иваныч, давайте как будто ничего не было, а? — зывает Коля.

Огородников, отвернувшись к окну, наблюдает за бегающими по парку ребятами.

— Ладно,— смягчается он.— Пусть ничего не было.

— И маме моей ничего не пишете,— сразу успокаиваясь, просит Коля.

— Маме ты напишешь сам. Обо всем.

Примирение достигнуто. И Коля смотрит в окно, на мальчишек, запускающих в небо бумажного пестрого змея. Среди них мечется Алеша. Он уже без костылей.

— Вячеслав Иваныч, а долго мне еще в изоляторе лежать?

— Нет. Ты уже можешь находиться среди ребят. Сейчас тебя отвезут на веранду.

Коля заметно обрадован. Но тут же тревожная тень пробегает по его лицу. Огородников пристально наблюдает за ним.

— Вячеслав Иваныч, объясните все ребятам... Ну, про меня... — покраснев, несмело начинает Коля.

— Парламентером хочешь послать? — посмеиваясь, прерывает его Огородников.— Привыкли: Вячеслав Иваныч, помири, Вячеслав Иваныч, заступись. Вячеслав Иваныч — золотая рыбка у них на посылках.

Он идет к двери. И уже у порога, усмехнувшись, говорит ободряюще:

— Сами разбирайтесь!

Коля озабоченно вздыхает.

...Веранда ходит ходуном. Мальчишки лежат играют в волейбол. Марат сражается в шахматы с серьезным, аккуратного вида мальчиком. Партнеры лежат в разных углах веранды и громко переговариваются:

— Я пошел с2 — с4! — объявляет «серьезный».

— Д5 — д7! — сделав ход, кричит Марат.— Французскую защиту применяешь?

Лена взахлеб рассказывает Наде:

— «Мы еще встретимся! — вскричав, он вскочил на коня. Благородное животное вмиг домчало его до таверны «Золотая лилия», где его уж давно ждали мушкетеры.»

И вдруг, как всегда внезапный и молниеносный, санитар Валерий ввозит кровать, на которой лежит Коля. Молча, помухометерски расклавившись, санитар тут же исчезает. Веранда замирает. Мяч падает на пол. Все, оставив свои дела, гля-

дят на Колю. Надя, вспыхнув, наводит на него свое зеркальце. Видно, что Коля волнуется. Долгое, неловкое молчание.

И в эту секунду врывается Помидор в шикарном сомбреро и с сумкой через плечо.

— Колька явился...— изумляется он.

— Явился... Пропаций без вести,— как бы подсмеиваясь над самим собой, смущенно отвечает Коля.

Лед сломан.

— Привет, Печорин! — первым здоровается Марат.

Коля бросает на него быстрый, настороженный взгляд. Но Марат улыбается вполне дружески. И Коля с готовностью улыбается в ответ:

— Привет...

Вероятно, с этого момента прозвище «Печорин» укрепитя за Колей прочно.

И снова крики, голоса оглашают веранду. Над кроватями опять взлетает мяч. Кто-то из мальчишек бросает его Коле, и он включаетя в игру.

Надя продолжает пристально, смущенно наблюдать за ним в зеркальце.

Ребята говорят, перебивая друг друга:

— У нас тут события!

— Алешка уже без костылей!

— Дмитрий Дмитриевич сразу два сочинения задал! Совсем уж распустился!

— А Помидор домой собрался.

И все смотрят на пришедшегося, торжественного Помидора с сомбреро на голове.

— А я вам сувениры купил. На память,— вспомнив, засуетился он.

Бегаю между кроватями, он извлекает из сумки незатейливые курортные сувениры — коробочки из ракушек, открытки с крымскими видами — и раздает их ребятам.

Шмыгнув носом, он вручает Наде лучший сувенир — рамочку из ракушек в виде сердца. Надя польщена:

— Спасибо тебе, Помидор! Исключительно красивая вещь!

Раздав все подарки, Помидор растерянно останавливается перед Колей. На него он не рассчитывал. И потоптавшись, Помидор решительно снимает сомбреро и нахлобучивает Коле на голову.

Общее веселье, смех.

Коля растроган. И поправив сомбреро, просит:

— А раз так — дайте гитару!

Гитара висит на прежнем месте, на стене.

Алеша поспешно передает ее Коле. И Коля, любовно оглядев наклеенные на ней картинки, берет первые аккорды.

— Расстроена...

— Мы без тебя ее не трогали! — завывает Лена.

— Сыграй что-нибудь! — требует Алеша.

— Если умеешь, конечно,— хмыкнув, свернул Марат.

Коля, впервые после долгого перерыва, берется за инструмент, и потому он играет восторженно, с волнением. Ребята удивленно слушают: оказывается, Коля хороший гитарист.

Одобрительно слушает Марат.

— Коля, сыграй «Морскую», — решившись, подает голос Надя.

Коля оборачивается к ней. Мгновенное замешательство. Надя смущается. А Коля, улыбувшись, отвечает ей:

— А я эту песню не знаю.

— А чего тут знать-то? — сразу обрадовавшись, оживает Надя.

И напевае мотив песенки. Помидор подхватывает. Коля быстро подбирает аккомпанемент. И вот уже поет вся веранда.

Звучит песенка про дом «Морской», похожий на корабль. Ребята поют с чувством. И песенка окончательно объединяет Колю с ними.

Неожиданно на веранде появляется Нина Николаевна.

— Вася! — зовет она Помидора.

Тот, конечно, не реагирует на свое имя, продолжая распевать.

— Помидор! — кричит Нина Николаевна.

Услышав прозвище, он оглядывается.

— За тобой отец приехал! — радостно сообщает она.

Песня обрывается. Помидор, моргая, уставился на медсестру. Все растеряны. Помидор, спохватившись, сорвался с места, пулей вылетает с веранды. Со всех ног мчится по коридору. За ним бежит Нина Николаевна. А за нею спешит Алеша.

И победный крик раздается на весь корпус «Морской»:

— Помидора выписывают! За Помидором отец приехал!

Помидор вбегает в вестибюль. Средних лет невысокий мужчина шагнул навстречу. И крепко прижал к себе Помидора.

Совсем готовый в дорогу Помидор и его отец на крыльце «Морского». Их провожают «ходячие» дети, Алеша и весь персонал «Морского».

Тут сам Огородников, Нина Николаевна, Дмитрий Дмитриевич, няня Лиза и санитар Валерий.

Атмосфера всеобщей взволнованности. Прощальная суматоха. Отец Помидора держится неловко. Новый костюм явно стесняет его, он не знает куда девать свои натруженные руки и не находит подходящих слов, чтобы выразить переполняющие его чувства.

— Спасибо вам! — кланяется он Огородникову. — Может, надумаете к нам погостить. У нас природа. Рыбалка хорошая. Рады будем...

Заметно взволнованный Огородников пожимает ему руку. С этими же словами отец обходит весь персонал, благодаря каждого.

— Приезжайте... У нас рыбалка, — кланяется он Нине Николаевне, няне Лизе.

Слегка обалдевший Помидор прощается с ребятами.

— А ты пиши! Не забывай! — шлепает его по спине Алеша.

Огородников, обняв Помидора, поворачивает его к себе лицом.

— Смотри у меня. Будь молодцом, Василий! — серьезно напутствует он.

Помидор растерянно улыбается ему.

Наконец Помидор и его отец спускаются с крыльца и идут по аллее, направляясь к воротам санатория.

Вслед им летят последние пожелания и напутствия:

— Счастливо, Помидор!

— Прощай, Помидор!

— Учись хорошенько! — кричит Дмитрий Дмитриевич.

— Поаккуратней там! Не шастай, как угорелый! — напутствует няня Лиза.

Помидор то и дело оборачивается.

У ворот он останавливается и в последний раз долго смотрит на дом-корабль.

Как паруса взвиваются на ветру белые шторы.

И кажется, будто корабль, качаясь на волнах, продолжает свой трудный и дерзостный путь.

С веранды доносится звон гитары и песенка — это ребята приветствуют Помидора.

А на крыльце еще стоят люди в белых халатах. Один из них, самый высокий, сидящий, прощально поднимает руку.

Ночь. Утомившись, заснул санаторий.

В тишине хрустит галька под чьими-то ногами. Это Огородников бродит по парку. Как бы прощаясь с санаторием, он проходит по площадке для игр, по аллеям, мимо фанерных стендов, мимо темных корпусов. И, наконец, останавливается перед своим корпусом, перед «Морским».

Рядом, не умолкая, грохочет море. Трепещут во тьме белые шторы. Дом-корабль непривычно тих и кажется покинутым. Огородников поднимается на крыльцо. Заходит.

Беспшумно шагает по длинному коридору. Дежурная Нина Николаевна сидит у столика, читая книгу.

— Вячеслав Иванович, вам из Москвы звонили. Профессор Волков,— поднявшись ему навстречу, сообщает она шепотом.— Сказал, что будет еще сегодня звонить...

Огородников, кивнув, проходит дальше. Остановившись в дверях веранды, вслушивается в сонную тишину, оглядывает ряды кроватей. Затем направляется в свой кабинет. Зажигает свет. Тут привычный порядок. На столе, в рамочке, фотография старого доктора. На стене детские рисунки. Неумелые, но сделанные очень старательно. Один из них висит криво, на одной кнопке. Это «портрет» самого Огородникова, нарисованный шестилетним художником.

Какое-то время Огородников стоит неподвижно, замерев, будто пытаясь что-то вспомнить. Он рассматривает рисунки, словно видит их впервые.

Прозвительно и длинно звонит телефон — явно междугородный звонок. Но Огородников не спешит взять трубку. Нахмурившись, он прикрепляет второй кнопкой перекосившийся рисунок — собственный портрет.

А есть другой мир. Шумный, бурлящий, где здоровые лица, где звучит прекрасная музыка.

Московские оживленные улицы. Поток машин. Вереницы по-весеннему нарядных прохожих. Сутолока.

В переполненном концертном зале выступает ансамбль скрипачей.

Музыканты во фраках и вечерних платьях выстроились на эстраде. Худой, с острым профилем дирижер, тоже со скрипкой в руке, подает знак. За роялем сидит Колина мама. Вид у нее сосредоточенный.

И музыканты исполняют «Рондо» Моцарта.

...И эта же музыка продолжает звучать совсем в другом краю, у моря.

Тут весна в самом разгаре. Все цветет. В санаторном парке полным-полно выздоравливающих детей.

Огородников в своем кабинете ставит на ноги Надю.

В дверях в ожидании застыли Нина Николаевна, няня Лиза и санитар Валерий.

Надя, держась за руку Огородникова, делает свой первый шаг.

Он придирчиво и в то же время удовлетворенно оглядывает девочку. И взволнованно переводит дыхание: еще одна работа завершена, еще одна победа.

Должно быть, ему самому не дано попасть в тот, другой мир, где бурлит жизнь, где здоровые люди, где звучит прекрасная музыка. Он возвращает в этот мир детей.

На экране письма. Их множество. Они летят со всех сторон, вагжомождая экран. И на всех конвертах один и тот же адрес: «Крым. Алушка. Детский санаторий...»

Сменяются хроникально отснятые кадры.

Детский санаторий на берегу моря. Застекленные корпуса.

Веранда. Белые кровати на колесиках. Лежат больные дети. Идет сеанс лечебной гимнастики.

Врачи осматривают мальчика.

Девочка учится ходить на костылях, и ей помогает медсестра.

В парке гуляют выздоравливающие дети.

И перебивая друг друга, звучат далекие юношеские голоса:

— Здравствуйте, дорогие нянечки, врачи и сестры. Приветствует вас ваш знакомый Помидор. В данный момент я нахожусь в рядах Советской Армии, прохожу действительную службу...

— ...Привет от Марата! Работаю на ко-

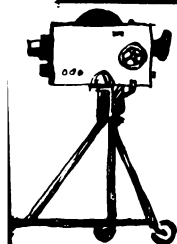
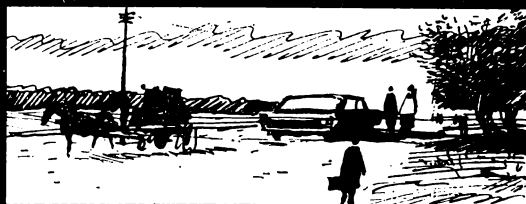
раблестроительном заводе монтажником. В этом году поступаю в мединститут. Намерен стать детским врачом. Как Вячеслав Иванович...

— ...Пишет вам Надя. Помните меня? Я-то вас в жизни не забуду!..

— ...Пишет вам Коля, бывший «Печорин», а сейчас студент архитектурного института. Я часто, очень часто думаю о вас. Вспоминаю наш санаторий и всех ребят...

Постепенно затихая, звучат юношеские голоса, веселые, строгие, взволнованные.

РОЗА ХУСНУТДИНОВА

РИШАД, ВНУК ЗИФЫ

РОЗА УСМАНОВНА ХУСНУТДИПОВА, автор многих новелл, рассказов, сказок, училась в Ленинградском Государственном университете. В 1970 году окончила Высшие сценарные курсы. По ее сценариям на киностудии «Союзмультфильм» было поставлено более десятка мультипликационных фильмов. Мультфильмы «Балерина на корабле» и «Бабочка» были удостоены международных премий.

Летний вечер в деревне Савали. К крайнему дому деревни подходит мальчик лет десяти-одиннадцати. В руках у него крынка с молоком. Он входит в калитку, ставит молоко на крыльцо. На земле, возле колодца, сидит старик лет шестидесяти с седыми нечесаными волосами.

— Семь любовей было у меня! — пропзносит старик торжественным тоном. — Семь красавиц-жен! Как остро наточенный серц, был взгляд первой из них! Где она? — Показывает пальцем в глубину колодца. — Там! А я? Я здесь... Как белый творог, как свежее сливочное масло, была шея второй! Где она? — Показывает пальцем в глубину колодца. — Там! А я? Я здесь... Как черное железо, как жесткое черное железо, была третья! Голос ее скрежетал! Где она? — Показывает пальцем в глубину колодца. — Там! А я? Я здесь...

Мальчик, не прерывая старика, оглядывает двор, заносит в дом ведро, старую овечью шкуру, собирает вещи, в беспорядке разбросанные по всему двору. Смотрит на темное небо, с которого начинает накрапывать дождик, и, подойдя к старику, помогает ему подняться:

— Дождь пошел... идем в дом, Бакый-абы...

Старик дает увести себя в дом. Мальчик сажает его на лавку, ставит перед ним молоко, включает свет, радио и говорит:

— Когда ляжете спать, выключите свет.

Выходит. Идет вдоль деревни. В сумерках замечает человека, сидящего возле пруда под развесистым дубом. Разглядывает его. Вприпрыжку бежит дальше.

За деревней на лугу пасется стадо. Па-стухок лет десяти, спасаясь от дождя,

разжег на лугу костер из щепок и сидит, укрывшись телогрейкой. Рипад подбегает к нему:

— Дождь ведь... Гони стадо домой!

Фазыл кивает на разбредшихся по зеленому лугу овец:

— А они в дождь еще лучше едят.

— Видел человека? — Рипад смотрит в сторону дуба.

— Видел.

— Кто такой, как думаешь?..

— Бритый он... или из армии, или из тюрьмы...

— Да? Ну тогда я еще пойду посмотрю.

Рипад бежит обратно, пробегает мимо человека, нарочно скидывает с ноги сандалию и, делая вид, что ищет ее на дороге, разглядывает незнакомца. Тому лет двадцать пять. Он поворачивает к Рипаду неподвижное лицо:

— Рипад?

— Я...

— Бабушка дома?

— Дома.

— Иди, скажи ей, что Мидхад вернулся.

Рипад стремглав бежит во двор, вбегает в дом. Там Зифа в сенях выливает молоко из ведра.

— Отнес Бакью?

— Да! Там, — Рипад кивает в сторону пруда, — там Мидхад вернулся!

Зифа всплескивает руками: «Астага-фирла!», выходит за калитку, взглядывает в тень человека под дубом: «Мидхад?!»

Мидхад встает, медленно подходит к ней, лицо у него напряженное. Зифа обнимает его:

— Мидхад!.. Вернулся! Молодец! — ве-

дет за руку во двор, похлопывает, приговаривает: — Ну и все... все кончилось...

Ришад с изумлением разглядывает Мидхада. Зифа вводит Мидхада в комнаты.

— Садись... я сейчас.— Накрывает на стол, несет самовар, наливает чай и усаживается напротив.— Совсем отпустили?

Мидхад кивает. Зифа подает ему молоко.

— С молоком пей... Там-то молока, небось, не давали?..— После паузы, осторожно: — Материну-то посылку получил?

Мидхад вдруг зарыдал. Зифа, пододвинувшись к нему, поглаживая по спине:

— Ну, будет... будет... ну, что поделаешь. Давно болела... болезнь у нее трудная была... все твердила: «Увидеть бы его еще разок». — Вздохнув: — Не дождалась...— Меняя разговор: — А специальность-то какая-нибудь у тебя есть?.. Не научили там?..

Мидхад горестно кивает:

— Каменщик я...

— Ну вот, каменщик! Значит, в Джумране на стройке сможешь работать: там больше всего новую строят.— Зифа встает.— Ну, ключи у меня здесь...— Остановившись в нерешительности: — А может, у нас сегодня переночуешь, в свой дом завтра пойдешь?

Мидхад с отчаянием на лице:

— Сейчас!..

Зифа достает ключи, вместе с Мидхадом выходит. Проходят через калитку в соседний двор к заколоченному дому. Зифа отпирает дверь, зажигает свет. В доме прибрано, но выглядит он нежилым. Две кровати по стенам, накрытые газетами, стои посредине, над одной из кроватей — женский портрет, видимо, матери Мидхада.

Мидхад смотрит на портрет, идет к кровати, сбрасывает газеты и ложится лицом вниз. Спина его сотрясается от рыданий.

Зифа стелет на стол скатерть, садится на стул, ждет, когда Мидхад успокоится, но он все плачет, и она, пробормотав: «Ну,

я зайду попозже», выходит. В темноте на крыльце сталкивается с Ришадом:

— Он из тюрьмы, да? — спрашивает с интересом Ришад.

Зифа увлекает его за собой.

— А сколько лет он там был? Много?

— Идем, идем...

— А что он сделал, а? — спрашивает Ришад шепотом.

— Напился пьяным и человека избил.

— А теперь он будет наш сосед?

— Конечно. Он же в свой дом вернулся!

Ришад заглядывает в щелку ставен. Мидхад сидит на кровати с красным от слез лицом и тупо смотрит перед собой.

Солнечное утро. Ришад спит в сених на кровати. Зифа пропускает через сепаратор молоко. Постучавшись в дверь, входит Мидхад.

— Здравствуйте...

— Здравствуй, сынок!

— Мне бы лопатку какую... Хотя поведно сейчас сажать, но, может, все-таки огород вскопаю?..

— И правильно сделаем! И все вещи из дома во двор вынеси — проветрить их надо... И полы вымыть... раз уж начал новую жизнь! — Достает лопату, дает Мидхаду: — Я сейчас к тебе подойду, помогу.

Ришад сквозь полузакрытые веки наблюдает за ними. После ухода Мидхада вскочил.

— Неней, а может, он невиноватый, а?..

— Как же невиноватый, когда чуть человека не убил!

— А что ж ты с ним так разговариваешь?

— Как?

— Ну как со мной — ласково.

— А что ж, я теперь все время должна думать, что он меня лопатой огреет, что ли? — Зифа протягивает Ришадку стакап.— На лучше, пей молоко и беги на улицу.

Ришад залпом выпивает молоко и вы-

скакивает на улицу. День сегодня солнечный, яркий, теплый. Ришад идет по улице и через три дома останавливается у калитки. Во дворе под деревом висит люлька. Ришад заходит во двор и идет к люльке. В люльке лежит годовалая девочка, очень живая, с веселеньким личиком. Ришад наклоняется над ней:

— Гюльбика!..

Девочка узнала его, сразу засмеялась. Ришад строит ей рожицы, она заливается смехом. На крыльцо выходит молодая женщина.

— А-а, Ришадик! — Ласковым голосом: — Побудь с ней немножко, я скоро приду...

Ришад сажает девочку в люльку и встает перед ней, изображая петуха.

— Кик-ри-ку! — кричит он и идет по двору петушиным шагом. Девочка смеется. Ришад ловит настоящего петуха и несет его девочке. Она с изумлением смотрит на его сверкающий хвост, протягивает ручки, гладит перья. Ришад отпускает петуха, срывает желтый одуванчик. Девочка радуется, хочет съесть цветок, но Ришад отнимает у нее одуванчик. Берет девочку на руки и расхаживает с ней по двору, тихонько подбрасывает.

Возвращается молодая женщина.

— Спасибо, Ришад. Приходи еще...

Ришад выходит на улицу, подпрыгивает и с громким криком бежит к зеленому лугу, где ребяташки с увлечением гоняют ворон.

Большая стая вороп галдит на зеленом лугу, на том месте, где вчера паслись коровы. Ребяташки ползком подкрадываются к воронам, один из мальчишек вскакивает и с громким криком бежит прямо на птиц. Остальные подхватывают крик и, быстро перекатываясь по траве, приближаются к стае. Стая поднимается и перелетает подальше. Ребяташки снова ползком крадутся к ней.

Ришад катится по траве и застывает, увидев на дороге девушку в городской шляпке. Девушка — беленькая, не загоре-

лая, с бледным лицом, хрупкая, лет девятнадцати — Альфия.

Девушка кивает.

— Ну как, хороший был кумыс сегодня? — спрашивает Ришад, шагая рядом с Альфией.

— Давай, понесу.— Ришад отбирает сетку с бутылками, наполненными кумысом.— Сегодня в клубе картина хорошая будет. Индийская. Все плакать будут. Приходи!

— А я не хочу плакать — не пойду,— смеется Альфия.

— Что-то ты не поправляешься от кумыса.— Ришад оглядывает Альфию.— Что-то не видно! Ты бы лучше наше молоко пила, бабушка тебе дешевле его продавала бы...

— Нет, кумыс лучше,— улыбается Альфия.

— Может, расскажешь, а? — с надеждой в голосе просит Ришад.

— Про что?

— Про что вчера начала... Про поэта Тукая, как он стихи писал, бедно жил, чухотка у него была, кумыса он не пил, вот и умер... Потом про Пушкина... Пушкинто... умер из-за того, что с французом стрелялся. Пушкин во французца не попал, а француз попал!

— Но я же тебе совсем не про это рассказывала... я же тебе стихотворение его читала «Буря мглою небо кроет...» А потом рассказывала, как он в деревне жил со своей няней и что сейчас там музей... А умер он только тогда, когда... — не найдя слов,— когда умер!

— Вот я и говорю: стрелялись они! За чем же он, Пушкин, первым не выстрелил? Надо было первым выстрелить и убить того французца!

— Когда дуэль — правила есть! Кому выпало стрелять первым, тот и стреляет, понял?

— Какие там правила?.. Надо было стрелять первым, и всё!.. — упрямо повторяет Ришад.

Вдруг Ришад в изумлении останавли-

вается. У калитки его дома стоит пре-
красная черная «Волга». Зифа отворяет
ворота. Машина въезжает во двор. Ришад
со всех ног бежит домой.

Во дворе из машины выходит мужчина
лет тридцати, красивый, полноватый, в хо-
рошем костюме, обнимает Зифу: «Мама!»
Потом из машины выходит мужчина лет
пятидесяти, в еще более хорошем костю-
ме, представительный на вид. Он несколь-
ко строго оглядывает двор.

— Вот, Абдрахман Абдулович... это, так
сказать, настоящая татарская деревня! —
говорит молодой мужчина, беря другого
под руку. — А это, так сказать, моя родная
мама! Всю жизнь, можно сказать, прожила
в этой деревне, в этом доме. Никуда не вы-
езжала! Растила нас, детей, воспитывала...
А это, так сказать, наш деревенский до-
мик, прошу! — Помогает взойти на сту-
пеньки, уводит в комнаты: — Располагай-
тесь, пожалуйста!

Мунир выходит на крыльцо, подходит
к растерянной Зифе, говорит шепотом:

— Очень строгий начальник. Очень
злой. Бялиш надо делать.

— Так ведь мяса свежего нет... — также
шепотом отвечает Зифа.

Мунир секунду размышляет, потом ог-
лядывает двор, делает внезапный прыжок,
хватает пробегавшую мимо курицу, про-
тягивает матери:

— Куриный бялиш сделаем. — Показы-
вает пальцем в сторону дома: — Очень
строгий! — Уходит в дом.

Зифа с курицей в руках идет к забору:

— Мидхад!

Показывает, что надо бы зарезать ку-
рицу. Мидхад кивает головой, идет с но-
жом в руке на помощь.

Ришад сидит на заборе, громко вещает:

— А вон наш теленок, плешивый, хро-
мой и горбатый, очень татарский теленок,
а вот наши курицы... совсем деревенские
курицы...

Мунир выходит из дома с тарелкой в
руке:

— Ришад! Быстро! Самой крупной сморо-
дины!

Ришад нехотя слезает с забора, берет
тарелку, идет в сад, садится под кустик.
Начинает собирать смородину: покруп-
нее — себе в рот, помельче — в тарелку.

— Мама, мы пока с Абдрахманом Абду-
ловичем на речку съездим, покупаемся... —
говорит Мунир Зифе.

Абдрахман Абдулович стоит посреди
двора и, втянув в ноздри напоенный липо-
вым цветом воздух, шумно выдыхает:

— Ах, хорошо! Прекрасный воздух!

...Полдень. Во дворе, в тени липы, на-
крыт стол. Зифа суетится возле него. Ри-
шад, сидя на стуле, рассматривает эти-
кетки на бутылках.

— Неней, а что дороже: водка или конь-
як?

— Коньяк.

— А сколько стоит коньяк?

Зифа берет бутылку, читает.

— Восемь рублей.

— Четыре коньяка — один велоси-
пед! — вздыхает Ришад.

— Ну беги, скажи — все готово, — гово-
рит Зифа, оглядев стол.

...Сверкающая гладь реки. В воде, воз-
бужденно покряхтывая, поохивая, пле-
щутся загорелый Мунир и незагорелый
Абдрахман Абдулович.

На обрыве появляется Ришад, кричит
во всю глотку:

— Гото-о-во!

На берегу Фазыл подогнал свое стадо
близко к «Волге» и с восхищением разгля-
дывает ее.

— Ришадик, это к вам приехали? Ка-
кая красивая машина!

Ришад наблюдает, как Мунир бережно
выводит из воды Абдрахмана Абдуловича.

— Ничего в ней красивого!

— Нет, не скажи, красивая, очень даже
красивая! — Фазыл заглядывает внутрь
машины.

Ришад наблюдает, как Мунир подносит
ботинки Абдрахману Абдуловичу, вылезав-
шему из воды.

— Барахло!

— Нет, не барахло! Очень красивая машина!

Мунир обтирает полотенцем спину Абдрахману Абдуловичу.

Ришад толкает Фазыла в плечо:

— А я говорю — барахло!

— А чего ты толкаешься? — Фазыл ударяет Ришادا в грудь.

Мальчишки сцепились и дерутся. Подошедшие Мунир и Абдрахман Абдулович разнимают их.

— Ай-яй-яй, ребята! Как не стыдно! Ришад, садись скорей в машину, поехали!

Ришад мотает головой и стремглав убегает по дороге. Мчится что есть духу кратчайшим путем, стараясь, чтобы машина его не перегнала. Добегает первым, сваливается у крыльца, задыхаясь.

— Зачем же так богат? Зачем так грудь себе надрывать? — упрекает его Зифа.

...Ближе к вечеру. За столом, уставленным тарелками с едой, бутылками с водкой, коньяком, сидят Мунир и Абдрахман Абдулович.

— Я тоже решил, Мунир, дачу себе построить, — говорит Абдрахман Абдулович заплетающимся языком. — Свежий воздух — это, действительно, прекрасно! — Обводит рукой двор: — Курочки... Смородина... Мунир, а мед у вас есть?

— Есть.

— А где же они?.. Пчелы?..

Мунир делает неопределенный жест в пространство:

— Везде!

— Везде? Гм... Почему же везде?

Мунир снова делает жест в пространство:

— А они летают! По полям! По лугам!..

— Да?.. — Абдрахман Абдулович задумывается. — Ну хорошо!.. А баня? Баня у вас есть? Настоящая! Деревенская!

— Бани нет.

— Как же так? Как же без бани?

— А мы всю жизнь у соседей моемся!..

— Это нехорошо! — не одобряет Абдрах-

ман Абдулович. — Как же так?... А я хочу мыться.

— А ты иди на речку да купайся! — внезапно вставляет Ришад. — Кто тебя держит?

Зифа шлепает его по затылку.

— И пойду! Пойду на речку! — Абдрахман Абдулович встает и, шатаясь, выходит из калитки. Раскидывает руки: — Ах, какой воздух! Какие березы!

Все выходит вслед за ним со двора. Абдрахман Абдулович замечает идущую по улице девушку.

— Какая девушка! Мед! Вот я лечу к ней! — Растопырив руки, шатаясь, он бежит за ней. — И вот я рядом!.. — Обнимает девушку.

Высокая, здоровая девушка отталкивает его и идет своей дорогой. Из-за заборов выглядывают соседи. Пересмеиваясь, наблюдают. Какая-то маленькая старушка, идущая с сумкой в магазин, увидев эту сцену, остановилась на дороге и застыла, по всей видимости, надолго.

Зифа встревоженно говорит Муниру:

— Веди его обратно! Стыдно ведь!..

Абдрахман Абдулович падает в траву и лежит неподвижно. Мунир подбегает к нему и видит, что его начальник заснул. Берет его на руки, как младенца, и несет в дом. Выходит на крыльцо, садится, утирает вспотевшее лицо платком, недовольно оглядывая соседние дворы:

— Выставились все! Вылезли! Как будто здесь свадьба какая идет!..

— Так им есть на что посмотреть! — Зифа присаживается к нему, берет за руку. — Больно уж тяжелая у тебя работа, сынок! Может, ты другого начальника себе найдешь? Которого не надо на руках носить?

— Не найду! У этого я двести пятьдесят чистыми получаю, — мотает головой Мунир.

— А зачем тебе двести пятьдесят? Пусть меньше будет.

— Меньше не хочу!.. — сердится Мунир.

— И женился бы так все-таки, а?.. — Зн-

фа проводит по его волосам рукой.— Пока волосы не поредели, пока глаза блестят. Ведь лучше молодую жену на руках носить, чем такого, а? Ведь какую хорошую женщину в прошлый раз привозил — опять не женился!..

Мунир мечтательно запел было «Уфимское танго», но неожиданно оборвал себя, помрачнел, тяжело встал:

— Ну, мама, ехать пора. Хорошо отдохнули — теперь ехать пора!

— Да куда же ты сейчас с ним? Ведь п не побыл нисколько...— пугается Зифа.

— Я супруге его обещался привезти.— Мунир не глядит на мать.

У калитки дома останавливаются женщины с мотыгами в руках.

— Зифа! Идешь, что ли?.

— Идите! Догоню! — отмахивается Зифа.

— А вы что, мама, на работу должны идти?...— растерянно спрашивает Мунир.

Зифа, не отвечая, идет к сараю, вытаскивает оттуда мотыгу, надевает тапочки похуже, перевязывает платок.

— Мама! Давайте, я доведу вас на работу! Садитесь в машину!.. Не прокатились ведь ни разу...

— Не надо... Здесь близко...— Подходит к сыну, говорит тихим голосом: — Ты бы, может, как-нибудь и один прпехал?..

— Не знаю, мама.— Мунир отворачивается.

— Ну что же,— Зифа старается говорить спокойно,— до свиданья, сынок, будь здоров, удачи тебе.— Поворачивается и идет к калитке.

Ришад испуганно смотрит, как она с напряженным лицом проходит мимо него, выходит за калитку, уходит вдоль улицы.

Маленькая старушка, не двигаясь, продолжает наблюдать за тем, что происходит во дворе Зифы.

Мунир, скривив лицо, смотрит вслед Зифе, смотрит на старушку, которая никак не уходит с улицы, ерошит свои волосы, машет рукой и, взглянув на угрюмого Ришада, сидящего на крыльце, при-

саживается к нему, обнимает его за плеч.

— Ну, Ришадик! Как ты растешь? Ну, молодец, молодец! — Помолчал.— А за неней как — следишь? Помогаешь ей?

Ришад отодвигается от него.

— Ну чего ты?...— Мунир снова при- двигается.— Я ведь тоже... хорошего только хочу ей! — Сует руку в карман, вытаскивает деньги: — Вот, двадцать рублей! Сразу хотел дать — забыл. На, передашь...

Ришад снова отодвигается от него.

— Ну, Ришад! Какой ты, однако! — говорит Мунир уже недовольно.— Она же мне мать! Мать, понимаешь?!.. Я ей тоже только хорошего желаю. На вот, возьми, передай ей... Не хочешь? Ну тогда я сам в шкаф положу.— Встает, исчезает в доме. Выходит обратно, держа на руках Абдрахмана Абдуловича.

— Ришад, открой дверцу машины. Так. Теперь носи его пиджак!.. И портфель... Ну что? Вроде, поехал я... а, Ришадик? А хочешь, прокачу тебя? Садись в машину! Через всю деревню прокачу, а? Не хочешь? Ну как хочешь!..— Садится в машину, включает мотор.

Ришад открывает ворота, машина выезжает.

Мунир, высупувшись из машины, кричит стоящей как в столбняке старушке:

— Кончился! Кончился концерт, бабушка! Идите домой!.. Отдыхайте!

Ясный солнечный день. Ришад стоит у дома Гюльбики, заглядывает во двор. Люльки во дворе не видно. Ришад идет через огород к трем большим черемухам позади дома, где расположилась на разостланном в траве одеяле молодая женщина с Гюльбикой.

— Здравствуй, Ришадик...— женщина ласково приветствует его.— А я вот черемухи набрать хочу... да боюсь Гюльбику одну оставить.

— Я поиграю с ней.— Ришад усаживается рядом с девочкой.

Мать Гюльбики лезет на дерево, собирает черемуху.

Ришад наклоняет голову и начинает «бодать» Гюльбику. Она смеется, вцепляется в его волосы, тянет к себе. Ришад осторожно высвобождается, тихонько дует на голову Гюльбике, где уже появился легкий пушок. Находит в траве жука и кладет ей на одеяло. Жук ползет, вызывая страх Гюльбики. Тогда Ришад находит маленького муравья и кладет ей на ладонку. Гюльбика сначала пугается, но потом смеется — ей щекотно.

Все это время возле дома, на крылечке, нагрывает на мандолине мужчина лет тридцати. Спокойные, незатейливые мелодии. Вот он встал, отложил мандолину в сторону, ушел в дом и вернулся с тарелкой:

— Покорми Гюльбику, Ришадик.

Ришад берет тарелку и начинает кормить девочку.

Мужчина улегся на одеяле, закрыл глаза.

Ришад несет Гюльбику в люльку под деревом, укладывает и тихонько раскачивает. Гюльбика засыпает.

...Пруд. Ришад купается. Плещется, фыркает, ныряет, как утка.

Из-за деревьев к пруду выходит Фазыл, зовет Ришада и тут же прикладывает палец к губам. Ришад, заинтригованный, вылезает на берег, надевает штаны, рубашку и идет за Фазылом. Фазыл уводит его в глубину леса.

— Тут девчонки из города приехали к Миргалиму... Что они вытворяют!..

Мальчики, пригибаясь, пробираются сквозь чащу.

На лесной полянке среди цветов кружатся две девочки. Они сделали себе высокие прически, нарядились: одна — в длинный атласный до земли халат, вторая — в покрывало, и ходят по полянке, приседая, говоря сквозь зубы как можно жеманнее.

— Здрасьте-здрасьте! Как поживаете?

— Здрасьте-здрасьте! Очень хорошо!

— Не правда ли, сегодня прекрасная погода?

— О да, сегодня, действительно, прекрасная погода!

— Мне так душно! Я потеряла свой веер!

— Пожалуйста, возьмите у меня! У меня — два! — Одна протягивает другой большой лист лопуха.

Ришад, вытаращив глаза, смотрит на них из укрытия, затем внезапно выскакивает на лужайку:

— Здрасьте-здрасьте, чьи это на вас тряпки?

Девочки испуганно переглядываются, поспешно идут в противоположную сторону.

— Стойте, стойте! — кричит Ришад. — Давайте, я вам покажу, как разговаривает Мархаба! Зарезала своего петуха, а потом причитает. — Ришад складывает руки на груди, делает «жалобное» лицо и начинает выть: — Ах, на кого ты меня оставил, мой дорогой, мой единственный, радость моего сердца! Ты был, как солнце в моем дворе! Красотой своей ты мог затмить любого петуха с нашей улицы! Ты сверкал, как новый самовар Закии или как новый электрический чайник Ханифы! Ты был, как орел!.. Как лев! Ты был мужем двенадцати моих куриц, и все они хорошо неслись!.. Зачем ты покинул своих жен? Зачем разбил мое сердце?..

Девочки, хихикая, слушают Ришада, но когда он делает шаг в их сторону, поворачиваются и убегают. Ришад и Фазыл бегут за ними. Девочки, выскочив из леса, перебегают мостик и скрываются в воротах дома. Мальчики останавливаются на опушке леса. Вдруг Фазыл толкает Ришада, показывает ему в сторону.

За оградой кладбища, среди высокой травы, у решетки, выкрашенной голубой краской, свесив голову на грудь, стоит Мидхад. Мальчики отступают в глубину леса.

— Это матери его могила? — спрашивает Ришад шепотом.

— Рядом с моим дедом,— кивает Фазыл.

Идут по лесу. Фазыл пробует свистеть на березовой коре. Вдруг опять останавливаются. Кто-то плачет в лесу. Мальчики переглядываются и горюливо спешат на голос. В высокой траве, над самым обрывом реки, ходит Альфия, в белом платье, с зонтиком в руке. Рыдающим голосом, заглядывая время от времени в книжку, читает стихотворение Цветаевой «Мой милый, что тебе я сделала!..» В глазах ее стоят слезы. Рипад испуганно смотрит на нее. Под ногами у него хрустнула ветка. Альфия вздрогнула, обернулась и, увидев испуганное лицо Рипада, улыбнулась:

— А-а, Рипадик! Это я стихи учу...

— Из-за этого плачешь? — спрашивает Рипад все еще недоверчиво.— Фазыл, выходи, это она стихи учит!

Фазыл, смущаясь, выходит. Рипад валится в траву.

— А зачем ты их учишь?

Альфия, поймав бабочку, разглядывает ее.

— Потому что я хочу их знать. Вот не будет у меня книжки, а я их буду помнить... А ты разве ничего не знаешь наизусть?

— Нет.— Рипад мотает головой.— Фазыл вон тоже не знает.

— Я знаю... «Родной язык» Тукая,— краснеет Фазыл.

— Это и я знаю! Что в школе проходили, это я не считаю! — говорит Рипад и вдруг обращается к Альфие: — А что ты все одна да одна?

— Я же одна приехала...

— Ты, наверное, потому и стихи учишь, что одна... И плачешь...

— Да нет, стихи я просто люблю. И потом — мы в институте их проходим.

— Так ты на учительницу учишься?

— Да.

— Не похожа ты на учительницу... — сомневается Рипад.

— Почему? — обижается Альфия.

— Ну!.. Вот наш директор Ислан Ша-

кирович как крикнет, как стукнет кулаком по столу, сразу на пять ответить хочется! А ты же так не можешь?

Альфия пожимает плечами, меняет разговор:

— А что это у вас за вышка? — И смотрит через реку на одинокую нефтяную вышку, возвышающуюся над лесом.

— А-а! Там нефть нашли в прошлом году.

— Фу! Значит, кругом все грязное будет,— морщится Альфия.

— Не понимаешь ты ничего! По-твоему, если нефть нашли, пройти мимо, что ли?

— Мимо, не мимо, а только здесь все нефтью будет пахнуть: и вода, и лес, и трава.

— Зато если построят здесь нефтяной поселок, наши не будут ездить в город на работу, а прямо сюда. И двести пятьдесят чистыми!

— Да? — удивилась Альфия.

— Да! А я тоже, как школу окончу, в город не поеду. И в колхоз работать не пойду. А прямо сюда!.. Нефтяник — рабочий! Нефтяник — оператор! Нефтяник — мастер!

— Ну все равно жалко, что травы не будет.

— Рипадик, а если травы не будет, то где же коровы наши будут пастись? — спрашивает обеспокоенный Фазыл.

— А они пастись не будут. Им траву будут привозить. В специальных вагонах.

— Тогда это, наверное, будет сено, а не трава. А лучше — трава.

— Ну тогда, значит, коров посадят в вагоны и повезут туда, где трава.

Фазыл чешет за ухом и говорит, укаывая кнутом на вышку:

— Тогда пусть лучше ее — в вагон, а трава пусть останется здесь.

— Слышишь, Рипад? — смеется Альфия.

— А может, ничего в ней и не нашли,— неуверенно говорит Рипад, глядя на вышку.— Может, пустая она... Альфия, пойдем с нами. Ежевику собирать!

— Нет, Ришадик, я лучше почитаю,— Альфия раскрывает книжку.

— Ну как хочешь! — Ришад вместе с Фазылом убегают в лес.

...Вечер. Старик Бакый сидит возле своего колодца, смотрит на прибирающего во дворе Ришада. Торжественным голосом начинает:

— Семь коров было у меня! Семь красивых коров! Как гора, как белая снежная гора, была первая моя корова! Белым, как снег, было ее молоко! Им можно было накормить целую деревню! Где она? — Горестно вздыхает, показывает пальцем в глубину колодца. — Там! А я?.. Я здесь. Как ночь, как бездонная черная ночь, была вторая моя корова! Ее молоком можно было накормить две деревни! Где она? — Показывает пальцем в глубину колодца. — Там! А я?.. Я здесь...

Ришад вытаскивает из карманов огурцы, кладет рядом с Бакыем. Тот продолжает:

— Как голубка, как кроткая нежная голубка, была третья моя корова! Но рогами своими она могла пропороть каменную стену! Где она? — Показывает пальцем в глубину колодца. — Там! А я?.. Я здесь...

— Ужинать идемте, Бакый-абы!

Ришад помогает ему подняться, ведет его в дом, усаживает на лавку, открывает принесенную с собой миску, в ней — горячий дымящийся картофель. Бакый начинает есть.

Ришад включает свет, радио и уходит.

Он подходит к своему дому. Видит свет в доме Мидхада. Заходит к нему. Мидхад сидит на кровати; посреди неубранной комнаты, на полу, — консервные банки, пустые пачки из-под папирос, обрывки газет. Увидев Ришада, Мидхад радуется.

— А, Ришад! Заходи!

Ришад подбирает с пола бумагу.

— Да ладно, оставь это! Нам всякие эти паркет-маркеты не нужны. Иди-ка сюда. Что-то покажу!

Ришад присаживается.

Мидхад достает из-под кровати чемодан, а из чемодана — пачку открыток:

— Ты когда-нибудь в Симферополе бывал?

— Нет.

— И я не бывал. А хочешь взглянуть, что это за город? — Мидхад вытаскивает открытку «Привет из Симферополя». — Видишь, вот памятник. Около него — фонтан! А около него — угадай, кто стоит?

— Здесь никого нет.

— Возле фонтана, Ришадик, стоим я и ты!

— Почему? — спрашивает удивленный Ришад.

— Чудак! Я же говорю, что если бы мы, например, туда поехали... Понял?

— А-а...

— А это видал? — Мидхад берет другую открытку. — Киев. По-украински написано. Красота, да? Видишь, вот памятник Богдану Хмельницкому! Вот фонтан! Вот он хлещет... А возле него — угадай, кто стоит? Я и ты! Понял? А вокруг нас... эти... украинцы... по-своему, смешно так говорят.

Ришад улыбается.

— А можно еще проводниками на железную дорогу! — Все больше воодушевляется Мидхад. — Поезда такие есть: «Москва — Крым» или «Москва — Кавказ». Я — проводник, ты — мой напарник, едем, едем, едем с тобой — двое суток! Пассажиры чаем угощаем, на остановках с флажками стоим: все, мол, у нас в порядке! Вот и вся работа. И приезжаем мы с тобой через двое суток на конечную остановку, выходим из вагона, а там — море! — Показывает на горло. — Вот столько моря! Купайся, сколько хочешь! Видал когда-нибудь море?

Ришад отрицательно мотает головой.

— Ну вот, и я не видал. А охота! — Мидхад встает, закуривает, бросает спичку прямо на пол. — А еще есть такие стройки. Настоящие большие стройки! В Сибири. На Севере. На КамАЗе! Там тебя

не спрашивают, кто ты, откуда. Работаеть хорошо — и получаешь хорошо!..

— А ты там был? — спрашивает Ришад.

— Нет. Рассказывали мне. — Мидхад садится рядом с Ришадом, обнимает его за плечи. — Так что, Ришадик, мечтать только надо! Правильно я говорю?

Ришад кивает.

...Поздний вечер. Ришад и Зифа дома. Зифа обмазывает глиной печь. Ришад, слушая по радио концерт татарской песни, усердно вторит певцу Рахимкулову.

— ...Твое синее платье... — поет Рахимкулов.

— ...Твое синее платье... — чуть отста от него Ришад.

— ...не дает мне покоя...

— ...не дает мне покоя... — продолжает Ришад с чувством.

— Это у тебя неплохо получается. И музыку не врешь, — говорит Зифа.

Ришад раскрывает тетрадку, записывает: «Двенадцатая».

— Двенадцать песен Рахимкулова выучил...

Зифа закончила обмазывать печь, вымыла руки, подошла к Ришаду.

— Дай-ка, посмотрю твою голову... Ой, да там одна глина и песок. Разве не чешется?.. У Фатьмы затопили... Пойдешь?

— Все равно завтра на работу идти, — ухмыляется Ришад.

— На ток пойдешь?

— Нет! На ток меня больше не заманишь! Пыли там!.. В глаза, в нос — так и лезет. Чихаешь, чихаешь... Я лучше в сад смородину собирать запишусь!.. Ведро наберешь — рубль, сказали...

— На новые брюки, значит, копишь?

— Брюки — что!.. Мне бы на велосипед набрать.

С улицы доносится сигнальный гудок легковой машины.

— Кто это к нам? — Зифа торопливо выбегает на крыльцо и оттуда раздается ее радостный возглас: — Ой, Фарида! Доченька!

Ришад выскакивает на крыльцо. Во

двор в темноте въезжают «Жигули». Из машины выходит Фарида, дочь Зифы, высокая женщина в костюме «джерси», в белых босоножках, в пестром атласном платке.

— Мама! Ну как вы? — Голос у Фарида низкий, басовитый. Она обнимает маленькую Зифу, оборачивается к машине: — Рафик! Неси его в комнату.

Из машины выходит муж Фарида, Рафик, лет сорока. Вытаскивает завернутый в простыню телевизор, несет в дом.

— В общем, мы, мама, купили себе новый телевизор с большим экраном, а этот решили подарить вам! — объявляет Фарида торжественным голосом; на глазах ее показались слезы. Зифа, увидев слезы на глазах дочери, тоже заплакала. — Ну не надо, мама, не надо. — Фарида обнимает Зифу. — Вы нас растили, воспитывали. Теперь наша очередь... Телевизор хороший, почти совсем новый. Мы им только семь лет пользовались... — Входит вместе с Зифой в дом. — Рафик! Ставь его сюда... Вот так!..

— Рафик, здравствуй! — Зифа идет к Рафику.

Рафик двинулся было навстречу Зифе, но Фарида направила его в другую сторону.

— Ставь антенну!

Рафик, улыбнувшись Зифе, лезет на окно, ставит антенну.

— Ну, наладил? — Фарида протягивает руку к телевизору, объявляет торжественным голосом: — Включаю! Яркость! Громкость! Звук!

Экран засветился.

— Что там, по программе-то? — Фарида вынимает из сумочки сложенную программу. — Так... Шестая серия многосерийного... Ой! Уже идет!.. Рафик! Садись скорей!

Усаживаются перед телевизором, умолкают. Зифа, поглядев на них, на цыпочках проходит на кухню, стараясь не шуметь, заваривает чай.

Накрытый стол. За столом — Зифа, Ри-

спад, Фарида и Рафик. Зифа смотрит на Фарида, Фарида — на экран.

— Попробуй лапшу-то... Ты ведь ее любишь,— робко предлагает Зифа.

Фарида ест, глядя на экран.

— Рафик, а кто этот новенький... в немецкой форме?

— Как кто? Фашист, эсэсовец.

— А второй, в форме, который с ним разговаривает?

— Этот наш.

— Шпион?

— Не шпион, а разведчик. Ты всё забыла.

— Я не забыла. Просто очень плохо видно. И потом — разве его не арестовали в пятой серии?

— Он уже выкрутился. Доказал свою невиновность.

— А-а, вспомнила!

— А как девочка-то? Что ж ты ее не привезла? — Зифа трогает дочь за рукав.

— Очень капризная. Ничего не ест,— отвечает Фарида рассеянно.— Рафик, а этот, что разговаривает с нашим разведчиком, он что, не знает, что ли, что он наш?

— Конечно, не знает. Если бы знал, давно бы арестовал!

— Скорей бы он в нашу форму оделся, и всё... А то совсем как фашист...

Вдруг телевизор гаснет.

— Ой, на самом интересном месте! Рафик, ты, наверное, антенну плохо поставил, иди посмотри! Мама, вы только не волнуйтесь, это очень хороший телевизор!.. Его, может быть, починить только надо...

— Да?..— Зифа мельком взглянула на телевизор.— А как на работе? Главный врач-то... не ругается?

— Ох, уж этот главный врач. Замучил нас! — И продолжает озабоченно: — Днем его лучше закрывать, чтобы экран не портился.

На экране снова возникает изображение. Фарида застывает, глядя на экран. Документальный фильм: море, волны, песчаный пляж.... Зифа придвигается по-

ближе к дочери, тихонько гладит ее руку:

— А ты как будто немножко поправи-лась, Фарида.

Фарида молчит.

— И эта высокая прическа тебе очень идет...

Фарида молчит.

— И сережки у тебя, наверное, дорогие, золотые, да?..

Фарида молчит.

— И кофточка у тебя очень красивая, теплая...

Фарида молчит.

Ришад, взглянув на лицо Зифы, тихонько выходит из комнаты, пробирается в сад и валит наземь антенну.

— Ой, опять все погасло! — слышится из дома голос Фариды.— Рафик! Иди, посмотри... Мама, вы только не волнуйтесь!..

Ясный солнечный день. Ришад стоит во дворе Гюльбики. Сует руку в карман и достает оттуда воробышка. Сажает его на ладонь, чтобы Гюльбика видела. Воробышек пискнул и взлетел. Гюльбика проводила его удивленным взглядом. Из окна дома на Ришада смотрит молодая женщина, мать Гюльбики.

...Полдень. Ришад бежит от пруда к своему дому. У дома Мидхада останавливается. Мидхад рубит дрова. Видно, что он сильно пьян: яростно, бестолково машет топором. Обессиленный, сел на бревно, заскрежетал зубами, опустил голову на грудь.

Ришад зовет Зифу и вместе они входят во двор Мидхада.

— А ну, вставай! Мидхад, вставай! — Зифа подходит к Мидхаду, берет его за руку и уводит в свой дом. Там она наливает ему тарелку густого супа, пододвигает:

— Ешь!

— Я им покажу! — Мидхад ударяет кулаком по столу.

— А ну ешь! Сейчас же! Чтобы сейчас же! — говорит Зифа строго.

Мидхад послушно начинает есть. Мгновенно опустошает тарелку. Зифа наливает еще.

— Ешь!

— Не хочу...— Мидхад трезвеет.

— Давай, давай!

Мидхад, вздохнув, снова ест. С набитым ртом, обиженно сверкая глазами, говорит:

— И ей тоже покажу!

Зифа несет ему чашку крепкого чая.

— А ну-ка, еще это.

— Спасибо. — Мидхад, растроганный, отпивает глоток.— Вчера этот недоносок Даниял... Протягиваю я ему сигарету, отвечает: «Я не от всякого подарочки принимаю». Ну, съездил я ему по морде, он — мне... Вызывает нас начальник и говорит: «Чтобы больше этого не было», а сам смотрит на меня. Сегодня — опять... Иду по дороге, навстречу мне девушка, симпатичная такая, медсестра. Здрасьте, говорю. А она, как будто вилы ей в бок всадили,— прыг в другую сторону! И по грязи, на каблучках понеслась!..

— А эта медсестра — она вообще пугливая. Всех боится. Вот делать уколы она не боится! Всю школу весной переколола вот такой иглой! — Ришад показывает руками с полметра.

— Ну, Мидхад, засни теперь,— говорит Зифа,— а я на работу должна идти.

— Спать? Не-ет! — встрепенулся Мидхад.— Мне бы работу какую-нибудь.

— А на свою работу разве не пойдешь?

— Там кирпичей нет, отпустили нас... А дайте, я вам дров нарублю?

— Да они у нас еще не пилены...

— Дак сейчас распилим! — говорит Мидхад с воодушевлением.— Ришад, распилим? Мы с ним вдвоем, без вас справимся!

— Да-а? Ну ладно. Справляйтесь. Дрова в сарае.

...Двор. Мидхад и Ришад пилят дрова. Звонкий звук пилы разносится далеко.

— А ты хорошо пилишь — рука у тебя не дрожит,— говорит Мидхад.

— А что ей дрожать? Она у меня не птица! — Ришад сжимает руку в кулак и вытягивает.— Вот она у меня что!

— Моей бы рукой девушек обнимать! — Мидхад вытягивает свою руку, разглядывает ее.— Да только где они, эти девушки-то?

Ришад озадаченно разглядывает руку Мидхада.

...Берег Белой. В тени берез на складном стуле сидит Альфия. Укладывает меж страниц книги стебельки полыни, душицы, кашки. От реки к березам бежит мокрый, только что выкупавшийся Ришад. Плещется в траву в нескольких шагах от Альфии. Наблюдает, как она укладывает листья.

— Для чего тебе это? — спрашивает Ришад.

— Засушиваю.

— Для чего засушиваешь?

— А я люблю букеты составлять из засушенных листьев. Разложу их потом на картон, накрою стеклом и будет у меня букетик.

— Из засушенных листьев? Да здесь незасушенных сколько хочешь.

— Зимой же их не будет. А у меня букетик будет, в моей комнате.

— Зимой снег будет, зачем букетик?

— Но я же красиво сделаю!..

— Красиво?

— Конечно.

Ришад раздумывает.

— У вас здесь вообще очень красивая местность. Вот этот луг мне очень нравится... он такой зеленый! Ровный! Будто подстриженный!

— Так ведь косили. Потому и ровный. А зеленый потому, что дождей много было. Лето ведь дождливое...

— И гора на том берегу у вас очень красивая, видишь? Когда я смотрю на нее, мне прямо хочется на нее взобраться. Горы, наверное, далеко-далеко видно. Красиво!

— Ну, если так хочется, переплывай на тот берег и забирайся. Она невысокая.

— Нет, я просто так говорю... Смотреть тоже хорошо.

— А ты, Альфия, ты красивая? — Ришад внимательно смотрит на нее.

Альфия пожимает плечами.

— Красивая! — говорит Ришад уверенно. — А ты могла бы полюбить одного тут... из тюрьмы недавно вышел?

— А почему я должна его полюбить?

— Ну, как девушка... Вон Махдия с нашей улицы полюбила в прошлом году одного приезжего — вышла за него замуж. По ночам на всю улицу кричала: «Я его люблю! Я его люблю!» Мать-то ее не хотела выдавать за этого пьяницу...

— Не знаю, — задумалась Альфия. — Я только маму и папу люблю. И они меня любят. Я у них одна...

— Больше никого, значит, не можешь полюбить? — Ришад разочарован.

Альфия пожимает плечами.

Ришад встает, натягивает на мокрые трусы штаны, рубашку.

— Ну, не хочешь, так не хочешь! Я пошел.

Идет вдоль улицы. Из ворот дома Мир-галима выезжает телега. На телеге сидят девочки, которых Ришад и Фазыл видели в лесу. Обе — с чемоданчиками. Видимо, уезжают. Ришад, заметив, что они на него смотрят, передразнивает их, показывает, как они ходили в лесу, кривляется. Девочки хихикают и отворачиваются. Телега выезжает на другую улицу.

Ришад бежит за деревню. Находит Фазыла, пасущего свое стадо. У Фазыла — безмятежный вид, он лежит на телогрейке, щурясь от солнца, и ест хлеб с огурцом. Ришад бросается на траву рядом с ним.

— Эти-то, «здрасьте-здрасьте», в город укатили.

— А у меня одна дурочка в яму провалилась, по самое брюхо! Еле ее вытащил.

— А Альфия... цветы в книжке засушивает! Сорвет цветок — и в книжку.

Фазыл молчит.

— А как думаешь, Фазыл, что она ест? Картошку, например, она ест или не ест?

— А твое какое дело, — лениво говорит Фазыл, — что она ест? Я думаю, любой человек — проголодается, все съест. — Он срывает цветок, пробует есть, морщится, выплевывает. — Вот почему я не могу его съесть? Потому что я не голодный. А если бы голодный был...

— Ну ладно, — Ришад недоволен, — давай лучше что-нибудь рассказывать. Сначала ты.

— Я? А про что? — Подумав: — Про коров можно?

— Давай.

— Ну вот... Жила-была одна корова. Она давала много молока.

— Ну и что?

— А еще... из нее сыпалось много коровьих лепешек.

— Ну?

— А ведь известно, что некоторые люди эти лепешки собирают и продают.

— Ну?

— Так вот эта корова и думала: «Эх, если бы я сама эти лепешки продавала, вот бы разбогатела!»

— Ну ладно! — Ришад фыркает. — Хватит про коров! Давай про что-нибудь другое.

— А про что?

Ришад смотрит в бездонное синее небо. По небу тянет белую нить реактивный самолет.

— Давай про самолеты.

— Ну хорошо... Жили-были два самолета: дед-самолетик и бабка-самолетик... И родился у них внучек... тоже самолетик. И вот этот внучек... он, вроде, был похож на самолетик, да?

— Ну?

— Только он летать не умел.

— Как же так?

— А вот так.

— А сам был похож на самолет?

— Да. Очень похож. А летать не умел...

— Кто ж он тогда был?

— Не знаю...

— А еще что у него было?

— Что у него было? — Фазыл задумывается. — В общем, он петь умел.

— Петь? Ну, а еще что было?

— Больше ничего не знаю.

— Так это, может, птица была?

— Нет. — Фазыл задумывается. — Птица ведь летает, а этот не умел.

— Так это, может, человек был? Если голос был, а летать не умел?

— Может, и человек... Кто знает...

Оба замолчали, уткнули головы в траву. Два барана затеяли драку, и Фазыл, приподнявшись, цыкнул на них. Снова улегся в траву.

— Теперь ты рассказывай.

— Я? — встрепенулся Ришад.

— Ну, я же рассказал...

— Ну хорошо, — согласился Ришад. — Жила-была девочка, или лучше... жил-был один мальчик. Да... И было у него что-то такое... чего ни у кого другого не было...

— Мотоцикл, что ли?

— Нет. У него у самого это было.

— Ну а что? Шестой палец на ноге, что ли? Или он был горбатый?

— Ну почему горбатый? Ну, например... было у него на животе такое пятнышко... никто про него не знал...

— Ну?

— И не было никого на свете... похожего на него... с таким пятнышком!

— Ну?

— Ну вот... жил он, жил, рос, рос, уже большим стал, уже умирать скоро пора, а так про это пятнышко никто и не знает.

— А чего про него знать? У меня вон болячка на спине три месяца не заживала. Никто про нее не знал. И хорошо! Потом зажила.

— То болячка, а то — на всю жизнь, — сказал Ришад грустно. — Как родился с таким пятнышком, так на всю жизнь.

— Чепуха какая-то... Давай, лучше в ножички сыграем.

— Нет... Не хочу...

Солнце светит, теплый ветерок веет,

треплет траву, листья на деревьях, треплет волосы Ришада, задирает рубашонку на животе, а там, на животе, виднеется темное пятнышко... Как отметинка Солнца.

Ришад входит во двор Бакыя. Начинает прибираться. Тот как будто только и ждал его, начал торжественным голосом:

— Семь сыновей было у меня! Семь красавцев-сыновей! Когда они стояли рядом, они были, как лес! Когда они расходились в стороны, они были, как ручьи! Как древний могучий меч, был первый из них! Он был сильным и смелым! Он не прощал врагу! Где он? — Показывает пальцем в сторону колодца. — Там! А я? Я здесь... Нежным, как девушка, с шелковой кожей, красивым, как цветок, был второй мой сын! Все его любили! Он был чистым, как воск! Где он? — Показывает в сторону колодца. — Там! А я? Я здесь... Быстрым, как ветер, как молния, влетающая в окно, был третий мой сын! Где он? Там! А я? Я здесь...

Ришад подходит к нему, ведет в дом, сажает на лавку, вынимает из принесенной кастрюли мясо, кладет на тарелку. Включает свет, радио и выходит.

...Поздний вечер. Зифа и Ришад ужинают. Зифа зажигает настольную лампу. На столе — распечатанное письмо. Зифа подает письмо Ришаду.

— Прочти еще разок, только помедленнее.

— «Дорогая моя мама! — читает Ришад. — Давно вам не писала, потому что не хотела огорчать. Когда я не попала в институт, я завербовалась в один северный город, но там было очень холодно. И тогда я поехала в один южный город. Но потом я решила все-таки вернуться в Уфу, и меня приняли на работу на железнодорожный вокзал объявлять по радио, какой поезд куда приходит, потому что у меня ясный голос и очень хорошая дикция, сказали. Но теперь я хочу устроиться на настоящее радио. Только это очень трудно.

Наверное, я сама к вам скоро приеду и сама все расскажу. Целую. Лейла».

Зифа в это время листает семейный альбом с фотографиями.

— Приедет, значит... Ты ее помнишь, Ришадик?

— Только я уже забыл немножко... у нее еще косячки были, да?

— Косы! Длинные косы! — говорит Зифа с гордостью и сердится: — Три года мне обратного адреса не сообщала! А то бы я ее нашла! Сколько я из-за нее расстраивалась! Ну теперь уж приедет, наверное, все хорошо. — Достает из альбома фотографию. — Видишь, какая хорошенькая. Лучше Фариды. Фариды толстая была, а Лейла тоненькая. Фариды все на тройки училась, а Лейла — на четыре и пять. И шить хорошо умела. Какие куколкам платья шила!

— А вот если я куда-нибудь уеду, — говорит Ришад, задумавшись, тоже тебе письма буду писать. На один день уеду — одно письмо тебе пришлю, на два дня уеду — два письма...

Зифа подсаживается к нему.

— Уж ты, я знаю, напишешь.

— Неней, а как ты меня нашла? Расскажи!.. — внезапно говорит Ришад.

— Ну я же тебе рассказывала. Столько раз!

— А ты еще расскажи.

Зифа поправляет керосиновую лампу, чтобы она не так коптила.

— Так я же потом все равно узнала, что ты мне родной, что ты моей родственницы сын...

— Ну да, но когда ты меня увидела, ты ведь еще не знала. А как ты меня увидела-то? Что подумала?

— Ну, иду я обычной дорогой через ельник из Тургая в Савали, — начинает Зифа нараспев. — Как раз выпал первый снег. Красиво так, чисто было. Вдруг пролетает над лесом самолет, низко-низко. Над самыми деревьями. И показалось мне — что-то от него отделилось... Будто зацепилось за верхушку дерева. И иду я

дальше своей дорогой. Дохожу до этого места, а там, под деревом, ты лежишь... В одеяле. Хорошенький такой... маленький.

— И ты захотела взять меня к себе? — спрашивает Ришад с волнением.

— Да.

— Ты захотела, чтобы я был твой внучек? — прижимается к ней Ришад.

— Да... захотела, чтобы ты был мой внучек.

...Ночь. Зифа спит на широкой кровати. Ришад спит на узенькой. Видит сон.

Летит самолет над лесом. Вот впереди показались занесенные снегом дома деревни Савали. Дверца самолета открывается и из нее появляется Ришад. Вот он отделяется от самолета и медленно, плавно летит над деревней... Как птица. Сверху ему видны дома, хлопочущие в своих дворах люди...

Он спускается ниже и летает, выбирая себе дом. Один двор, второй, третий... А вот дом Зифы, и она стоит посреди двора и машет ему рукой, как будто зовет: «Иди сюда! Спускайся!» И тогда он спускается на землю и становится рядом с ней... И смотрит на нее... И она обнимает его...

Жаркий день. По двору Зифы расхаживает модно одетая девушка в красивых туфлях и разучивает по бумаге текст. Голос девушки звонкий, ясный, звучит несколько механически.

— «Профессионально-техническое училище номер один объявляет набор учащихся. Срок обучения — два года. Учащиеся обеспечиваются стипендией. Торгово-овощной базе номер шесть срочно требуются кладовщик и уборщик. Оплата по приглашению».

Ришад в глубине двора собирает из разных частей старый велосипед. Зифа прибирает двор.

— «Сегодня в помещении Башкирского драматического театра...» — говорит Лейла и таким же голосом обращается к мате-

ри: — Мама, вы сделаете мне курицу с лапшой?

— Вы уж тут с Ришадиком сами управитесь, а я в Джумран еду,— отвечает Зифа.

— «Пятого августа начинаются гастроли Челябинского драматического театра,— продолжает Лейла.— Билеты продаются в театральных кассах и в помещении театра». А зачем вы в Джумран едете, мама?

— А газетчик там какой-то приехал — снимать нас будет...

— «Первого августа в выставочном павильоне парка имени Якутова открывается выставка цветов. Вход свободный.»

На улице остановилась машина. В кузове принаряженные, оживленные женщины. Одна из них кричит:

— Зифа! Больно долго наряжаешься! Красивее всех хочешь, что ли, быть?

Зифа, тоже оживленная, выходит из дома в длинном нарядном платье, с шерстяной кофточкой в руках, в новых, еще не расхоженных туфлях. Направляется к машине, влезает в кузов. Машина отъезжает.

Лейла по-прежнему ходит по двору, читая вслух объявления.

В своем доме проснувшийся Мидхад с недоумением смотрит на радио, которое как будто бы выключено, но почему-то говорит. Подскакивает к радио и начинает его трясти. Отходит в другой угол комнаты, но радио продолжает говорить. Посмотрев в окно, видит Лейлу. Это, оказывается, она — «радио».

...Поздний вечер. За столом — Зифа в нарядном платье, Ришад, Лейла.

Лейла сидит, отвернувшись.

— И что спрашивали? — продолжает разговор Ришад.

— Да-а... спрашивали что-то... не помню уж,— улыбается Зифа.

— И фотографировали?

— Да-а... раза три щелкнули. Я только глаза закрыла, наверное, слепая выйду.

Ришад берет со стола грамоту, рассматривает ее.

— Тебе дали, еще кому?

— Еще бригадир и Закие. Она уж больно радовалась... Может, и премию нам дадут, сказали...

Ришад вешает грамоту на стенку.

— Премия, это хорошо!

Лейла, будто внезапно очнувшись, встает, отбирает у матери полотенце:

— Мама, давайте я вам помогу.

Начинает перетирать чашки. Зифа внимательно смотрит на нее. Лейла разбивает чашку. Бросает полотенце на стул:

— Уф, устала! — Уносит осколки и возвращается.

Зифа тихим голосом, не глядя на Лейлу, спрашивает:

— А где ты там живешь? Адрес у тебя какой?

— Я снимаю комнату.

— Разве ты так много зарабатываешь?.. И зачем из общежития ушла?

Лейла нервничает:

— Ни о чем не беспокойтесь, мама. Сколько зарабатываю, столько зарабатываю — мне хватает.

— А что это у тебя за карточка в сумочке? — отвернувшись от неё, спрашивает Зифа.

Ришад застыл у стены, глядя на них.

— А это — одного человека карточка... Он обещал меня на радио устроить.

— Вот мы в колхозе работаем, карточки председателя с собой ведь не носим...

— Зачем вы спрашиваете? — кричит Лейла и начинает плакать.— Отстаньте! Отстаньте, наконец, от меня!..

Зифа смотрит на нее. Лейла уходит за занавеску, кричит отсюда:

— Дайте мне, наконец, покоя! Я отдыхать сюда приехала! Слышите, отдыхать!

...Ночь. Ришад поднимает голову. Видит, что кровать Лейлы пуста. Тихонько выходит во двор. Лейла сидит на крыльце, обхватив колени руками. Плачет. Лунный свет заливал двор. Ришад садится рядом с Лейлой, тербит ее.

Лейла поворачивает к нему заплаканное лицо:

— Да! Она думает, что я плохая... Что со мной что-то плохое случилось...

Ришад молча смотрит на нее.

— Может, я сама хочу во всем разобратся!..

Ришад берет ее за руку и ведет в угол двора. Открывает крышку колодца. Лейла наклоняется. В черной неподвижной воде отражается луна. Желтый сияющий круг. Не шелохнется.

— Ой, Ришадик, какой ты смешной! — смеется Лейла.

Отходит от колодца, оглядывает двор. Лунный свет разделил мир на черное и серебряное. Лейла подходит к сараю, заглядывает в щелку:

— Ой, куры!.. Ришадик, а сколько у нас куриц?

— Девять.

— А есть такая черненькая... старая уже?

— Нет.

— Ну вот — зарезали! Сколько я маму просила: всех режьте, а эту черненькую — не надо. Я ее очень любила.

— Да она сама умерла... старая очень была. — Обхватывает Лейлу руками. — А хочешь, я тебя подниму?

— Ты что, Ришадик, думаешь, что я маленькая? — смеется Лейла.

— Конечно, маленькая!

Лейла сама поднимает Ришادا. Опускает.

— Ришадик, а как вы вообще живете-то? Не болеет она? — Кивает на дом.

— Нет... Она только из-за вас всех расстраивается.

Лейла вдруг всхлипывает, обнимает Ришادا за плечи:

— Ришадик! Если что-нибудь срочное... Что-нибудь такое!.. Я один адрес тебе оставлю. Своей подруги. Ты мне сразу же сообщи!

Ришад, склонив голову набок, смотрит на нее:

— А я тебе тоже один адрес дам — моего друга, Фазыла... Ты мне тоже сообщи.

Вечер следующего дня. По дороге из Савали в Джумран бежит Ришад.

Деревня Джумран. Стройка. Ришад ходит по недостроенному зданию. В одной из комнат без потолка находит Мидхада. Тот лежит на мешке, рядом с ним буханка хлеба, плавленые сырки.

— Ты чего домой не идешь?

— А-а, Ришадик...

— Неней сказала, чтоб я тебя привел домой.

— А что мне там делать?

— А здесь что?

— Здесь работаю, здесь и живу.

Ришад поднял глаза к небу.

— А вдруг дождь пойдет? И потом — грязно здесь!

— Ничего. Мы тоже не особенно чистенькие.

— А потом неней говорит: что это Мидхад свой огород вскопал, а сам ничего не сажает?

— Поздно сажать, — глубокомысленно заявляет Мидхад.

— Почему? Вот посадишь лук — целую осень зеленый лук будешь есть.

Мидхад глядит в вечеряющее небо.

— А-а-а... Не сажатель я, не сеятель.

— А кто же ты?

— А ты подумай! Может, догадаешься... Если мне все время избить одного типа хочется — кто я?

— Ну если бы ты был, например, вор, ты бы давно что-нибудь украл и сбежал. Ты же не крадешь!..

— Я и не говорю, что я вор. Я только говорю, что мне избить одного человека все время хочется.

— Так ведь и мне! — говорит Ришад с жаром. — И мне иногда хочется!

— Ну ладно, — смеется Мидхад. — Садись. Хочешь сырок?

— Давай. — Разворачивает сырок и ест. — А карты у тебя есть?

Мидхад молча вынимает из кармана колоду засаленных карт.

— В дурака сыграем? — спрашивает Ришад.

Мидхад пожимает плечами:

— Можно.— Тасует карты.

— Если я подряд три раза выиграю — пойдем домой?

— А если проиграешь? — смеется Мидхад.

— Тогда драться будем!..

...По дороге из Джумрана в Савали возвращаются Ришад и Мидхад. Тепло, веет ветер, теплый и душистый, и Ришад запекает:

Твое синее платьице
Не дает мне покоя,
Не дает мне покоя,
Не дает мне покоя.

На лугу пасется табун лошадей. Старый Асхат спит возле костра. Мидхад кивает на Асхата:

— Ему, наверное, уже сто лет.

— Да, наверное.

— Так все сто лет возле костра своего и просидел, ничего не видел.— Глядя на лошадей: — Эх, прокатиться бы!

— Нельзя.

— А что? Этот будет ругаться? — показывает на Асхата.

— Сегодня на них весь день мешки с пшеном таскали... А они ведь кобылицы, весной ожеребились.

— Ну ты прямо как председатель какой рассуждаешь.

Проходят мимо кладбища. Мидхад торжественно говорит:

— Да-а, Ришадик, жизнь, она, с одной стороны — цветы, а с другой — сплошные могилы!

— Да?

— Да. А на работе? Ты думаешь, работа важна? Не-ет! Главное — не работа. Главное — это люди, которые окружают нас на этой работе: люди они или не люди!

— А если не люди — кто же они?

— Видишь ли... девять десятых красоты девушки — в ее одежде, говорит пословица... Так что смысл вещей нам не сразу открывается, понял?

Идут по пустынной молчаливой улице Савали. В одном из дворов на ветке ли-

пы висит белая с полями шляпка. Мидхад уставился на нее.

— Это Альфии шляпка, — говорит Ришад.

— А она кто такая?

— Кумыс пить приехала. Из Уфы.

Мидхад восхищенно смотрит на шляпку.

— Если у нее шляпка такая, то что же такое она сама?

— Да все время стихами говорит.

Доходят до своих калиток, прощаются. Ришад входит в дом, видит Зифу. Она сидит на стуле с письмом в руках. Лицо у нее встревоженное.

— От Мунира. В аварию попал. Машину чуть не разбил.

— А сам?

— Сам жив-здоров. Начальник погу сломал.

Ясный солнечный день. На реке, в лодке, — Альфия и Ришад. Ришад гребет. Альфия сидит на своем стульчике, разглядывает берега.

— Ришадик, не качай сильно лодку, а то перевернемся!..

— Ну и что? Поплывем, значит. Или тебе шляпку жалко?

— Да я плавать не умею.

— Не умеешь? А сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— Дай-ка шляпку!

— Зачем тебе? — Альфия снимает и протягивает ему шляпку.

Ришад вдруг изо всех сил толкает лодку. Альфия с криком сваливается за борт.

— Ну плыви же!.. Плыви! Уже получается!

Альфия вскрикивает, бьет руками и ногами по воде:

— Ой, Ришадик, тону!

Ришад направляет к ней лодку:

— Держись! Сейчас подъеду!

Подплывает к ней, Альфия забирается в лодку.

— У тебя уже почти получилось.

Альфия выжимает сарафанчик.

— А если бы я утонула?

— Да я бы тебя вытащила!.. Садись теперь за весла, я тебя грести научу.

— Грести?

— Ну да. Ты ведь не умеешь?

Альфия садится за весла.

— Ну, давай, учи...

...Лодка пристает к берегу. Рипад и Альфия выходят на берег.

— Это какая деревня?

— Джумран. Здесь мой друг на стройке работает.

Взбираются на высокий берег. У крайнего дома к плетню привязан огромный черный бык. Рипад пробегает мимо него, а Альфия останавливается, опасливо поглядывая на страшного быка.

— Рипадик, я дальше не пойду. Я тебя здесь подожду.

— Только не уходи!

Рипад подбегает к строящемуся зданию.

— Мидхад!

— Чего? — высказывает Мидхад.

— Я с Альфией. Она около быка Абдулы стоит...

— А что делать-то? — заволновался Мидхад.

— Ну...— Рипад раздумывает.— Деньги у тебя есть?

Мидхад сует руку в карман и вытаскивает пять рублей.

— Ну и вот! Теперь иди в магазин и что-нибудь ей купи.

— Зачем?

— Махдия с нашей улицы ее жених Фатхрислам всегда что-нибудь покупал.

— А вдруг она не захочет?

— А Махдия, знаешь, как радовалась! Всем нам подарки показывала. Как это — не захочет? Если бы мне, например, купили, разве я стал бы отказываться?

Идут к магазину. Рипад с пригорка кричит Альфии:

— Альфия! Я сейчас! Подожди меня! Заходят в магазин. Рассматривают при-

лавок. Мидхад нетерпеливо оглядывает вещи:

— Ну что купить-то? Что купить?..

— Триста граммов шоколадных конфет... Нет! Четыреста граммов! И вот эти духи.— Рипад показывает на красивый белый флакон.

Продавец, в зимней шапке, с флегматичным лицом, говорит:

— Это — средство от мух.

Рипад показывает на духи в коробочке.

— Тогда вот это.

— Семь рублей.

— Нет, давайте лучше эти,— Рипад показывает на духи без коробочки.

Мидхад делает знаки Рипаду, что достаточно. Продавец заворачивает покупки.

— Четыре рубля девяносто девять копеек.

Мидхад бросает на прилавок пятерку: «Сдачи не надо».

И они выходят из магазина. Мидхад, глядя с пригорка на Альфию, раскланивается с ней и медленно, картинной походкой уходит вдоль улицы.

Рипад спускается к Альфии, они идут к лодке. Вдруг Мидхад поворачивает обратно и, прячась за забор, тоже спускается к берегу.

Рипад в лодке разворачивает покупки.

— Ну как, нравится?

— Я не знала, Рипадик, что ты так любишь духи,— смеется Альфия.

— А это не мне. Это — тебе. Это Мидхад тебе дарит.

— Мне?.. Так это был твой Мидхад? — Краснеет.— А ну, сейчас же носи все это обратно!

Мидхад за забором закашлялся, руками зажал себе рот. Рипад обижен.

— Разве плохие? Тогда бы сама себе выбирала! — Смотрит на конфеты: — И конфеты, что ли, отдавать?

— Немедленно!

Рипад с мрачным видом встает, заворачивает покупки, выходит из лодки.

...Савали. От берега, оставив лодку на

воде, поднимаются Альфия и Ришад. Идут по улице.

— Альфия!.. Придешь сегодня вечером к нам?

— Зачем?

— У меня... это... по литературе переэкзаменовка.

— А мне казалось, что ты хорошо учишься.

— По остальным-то у меня — пять, а вот по литературе...

— Хорошо, приду, — Альфия машет рукой, сворачивает на свою улицу.

...Вечер. Дом Ришада. В комнате за столом сидит Мидхад в белой рубашке, в выглаженных брюках. Рядом с ним — Ришад. Мидхад держит в руках «Арифметику» за второй класс. Постучавшись, входит Альфия — в белой кофте, в белой юбке, в шляпке.

— Здравствуйте... А где же твоя бабушка, Ришад?

— Она у соседки. А это — Мидхад, он по арифметике мне помогает.

— Так у тебя и по арифметике двойка? — улыбается Альфия.

— По литературе и по арифметике.

— По самым главным предметам — двойки... Как же тебя перевели?

Ришад ставит для Альфии стул рядом со столом Мидхада. Альфия садится. Ришад дает ей учебник. Альфия читает:

— «В каком году родился замечательный русский писатель И. С. Тургенев?» — Переворачивает обложку учебника, читает: — «Учебник по литературе для седьмого класса». А ты в какой класс перешел?

— В пятый...

— А переэкзаменовка у тебя за седьмой, да? — Показывает на обложку учебника.

Ришад улыбается.

— А у вас что, задачка по арифметике не получается? — обращается Альфия к Мидхаду.

Мидхад кивает. Альфия смотрит на обложку:

— Так. Учебник по арифметике за второй класс. Значит, эта задачка, да? «Мама купила на базаре четыре килограмма картошки и заплатила за них рубль шестьдесят копеек. Два килограмма она отдала соседке по той же цене. Сколько денег у нее осталось, если вначале было два рубля?» — Мидхаду: — Что, не получается?

Мидхад кусает губы, отрицательно мотает головой. Альфия начинает учительским тоном:

— Ну давайте рассуждать так. Если за четыре килограмма картофеля она заплатила рубль шестьдесят копеек, то сколько стоит один килограмм?

Ришад быстро соображает:

— Сорок копеек.

Мидхад повторяет за ним:

— Сорок копеек.

— Так. Два килограмма она отдала соседке. Значит, сколько ей заплатила соседка?

— Восемьдесят копеек, — быстро говорит Ришад.

— Восемьдесят копеек, — повторяет за ним Мидхад.

— Таким образом, если вначале у нее было два рубля, рубль шестьдесят она истратила, а восемьдесят копеек ей вернула соседка, то сколько у нее осталось?

— Рубль двадцать, — говорит Ришад.

— Рубль двадцать, — повторяет Мидхад.

— Правильно. Ну, спасибо тебе, Ришадик, за приятный вечер. — Альфия встает.

— Подожди, Альфия! Тут Мидхад стихи хочет послушать.

— Да! — поспешно говорит Мидхад.

Альфия направляется к двери, улыбается.

— Буря мглою небо кроет...

Мидхад делает страшные глаза, изображая бурю.

— ...Вихри снежные крутя.

Мидхад крутит головой.

— ...То как зверь она завоет...

Мидхад изображает зверя.

— ...То заплачет как дитя.

Мидхад умильно улыбается и вдруг с суровым лицом приближается к Альфии:

Спи, усни, моя ты крошка,
 Бог тебя прости.
 Твоя мама — шансонетка.
 Раз, и два, и три!
 Научу тебя с пеленок
 Презирать мужчин.
 Я была совсем ребенок —
 Обманул один.
 Обманул, моя ты крошка,
 И вот твоя мать
 Ради хлеба, шансонетка,
 Стала созревать.

Альфия не выдерживает, хохочет и выскакивает за дверь. Ришад сочувственно смотрит на Мидхада. Мидхад идет в свой двор. Ришад — за ним. Входят в дом Мидхада. Посреди комнаты стол, накрытый скатертью. На столе — угощение: конфеты, печенье, бутылка портвейна.

— Садись, Ришадик, ешь. Ты не виноват, что она такая, — мрачно говорит Мидхад.

— Она разговаривала, как учительница. А представлялась еще, что учительница из нее не выйдет. Очень даже выйдет!

Мидхад кивает:

— И потом — она даже в комнате в белой шляпке. Считает, что перед нами шляпку снимать не стоит!

— Нет, вообще-то она хорошая... — уверенно говорит Ришад.

— Хорошая?

Встает и, захватив с собой бутылку портвейна, выходит на крыльцо. Ришад — за ним. Мидхад усаживается поудобнее, делает глоток из бутылки.

— Хорошая-то, может и хорошая... а только... это... жизни не знает!

— Да?

— Да! Вот она кумыс пить приехала, да? А сколько стоит литр кумыса? Семьдесят шесть копеек. А сколько она берет? Три литра в день. Вот тебе и задачка по арифметике. Скажи, кто в деревне будет

покупать кумыс за семьдесят шесть копеек? Только сумасшедший!

— Вообще-то, да...

— Это у нее мама-папа!.. Белая шляпка! И все такое!.. А жизни-то она и не знает. Э-э,—махнув рукой,— уезжать надо!

— Куда? — удивляется Ришад.

— А-а! Надоело мне все! Правильно ребята говорили: не езжай ты в свою деревню. Никто там тебя не ждет. Поезжай, говорили ребята, на стройку — в Сибирь! На Север! На КамАЗ! Там работаешь хорошо — и получаешь хорошо. И девушки. Они там все понимают. Такие только туда и едут. А эти, — презрительно кривит губы, — которые только стихи знают...

Ришад прошел через калитку к своему крыльцу, поднялся на цыпочки, пошарил на притолоке, вернулся во двор Мидхада с бумажным пакетиком. Высыпал содержимое пакетика в банку с водой.

— ...Да и на работе! Начальник глаз с меня не спускает: как хожу, как ем, с кем говорю — все его интересует! А Даниял — с каждым днем все «культурнее»... Вчера над своим местом плакат повесил «За культуру поведения». И с ходу со мной сцепился. Не может человек мимо меня пройти...

Ришад идет с банкой за плетень, наклоняется там, что-то делает.

— ...А я тоже не могу мимо него пройти!.. Как увижу его, так и хочется мне съездить ему по морде! Потому что подлый он человек! — Встает с крыльца, подходит к Ришаду. — А ты что тут делаешь?

— А я тебе репу посадил. Теперь полить надо.

— Зачем же... репу?

— А укроп сам вырастет. — Бросает горсть укропа.

Утро. Зифа, одетая по-дорожному, стоит около машины, дает последние наставления Ришаду:

— Картошку прополешь. На почь корову закрывать не забывай. Если придут скупать овечьи шкуры, сдай три штуки по пять рублей!..

— Не уезжай!

— Ну... как говорится, лучше один раз глазами увидеть, чем сто раз услышать... И Лейла... Опять ведь ничего не пишет! Как же мне не ехать?

— Так у тебя и адреса ее нет.

— А я на радио зайду, там спрошу.

— Не езжай!

— Нет, поеду.— Целует его в голову.

— Подожди!..— Убегает в дом.

В комнате Ришад достает из шкафа ключок исписанной бумаги, выбегает на улицу, протягивает Зифе.

— Вот тут... один адрес есть.. ее подружки.

Зифа молча рассматривает бумажку.

— Ну, до свиданья, мой умненький. За хозяйна остаешься! Смотри, чтобы все было хорошо.— Садится в машину, уезжает.

Ришад напряженно смотрит ей вслед, затем резко поворачивается, идет в огород. Начинает яростно пропалывать картофель.

...Полдень. Ришад бежит по лесу. Выскакивает на луг, где пасется стадо. У костра лежит на телогрейке незнакомый мальчишка.

— А Фазыл где?

— Фазыл с отцом в город уехал. К первому сентября портфель покупать.

— А ты чей?

— А я из Джумрана. Оба стада пасу.

...Ближе к вечеру. Ришад стоит у дома Гюльбики. Во дворе Гюльбики — старуха, с большим носом, беззубая. Сидит, вяжет чулок, время от времени толкая ногой люльку. Ришад входит во двор, подходит к люльке. Гюльбика, увидав его, смеется. Старуха поднимает голову:

— Не мешай ей! Пусть спит.

Ришад оглядывается на дом. Старуха замечает его взгляд:

— Уехали они — на три дня.

Ришад наклоняется над люлькой, начинает ее тихонько раскачивать.

— А что ты все ходишь и ходишь к ним? Они тебе не родня. Она тебе не сестрица.

Ришад, не обращая внимания на стару-

ху, играет с Гюльбикой. Вот поймал бабочку и поднес к самому лицу Гюльбики.

Бабочка затрепетала, Гюльбика замигала, Ришад засмеялся.

— Зачем всякую грязь ей суеть? И руки у тебя не мытые! Не трогай ее! Меня позвали в няньки, а не тебя! Я за нее отвечаю.— Она вынула Гюльбику из люльки и стала сама раскачивать ее на руках. Гюльбика потянулась к Ришаду, старуха отсела от Ришада:

— Ни брат, ни отец, ни дядя — никто. А все ходит и ходит!

Ришад только молчал и тихо улыбался Гюльбике. Старуха совсем рассердилась:

— А ну тебя! Уйду я лучше от греха подальше.

Схватила свой чулок, Гюльбику и ушла с нею в дом. Захлопнула за собой дверь.

Ришад смотрит на дверь, поворачивается и идет со двора.

...Вечер. Из города возвращается савалиевский автобус. На остановке стоит Ришад. Наблюдает за выходящими из автобуса. Вот все вышли... Ришад поворачивается и уходит в направлении своего дома.

Джумран. Стройка. Ришад ходит по недостроенному зданию, ищет Мидхада. Находит его на пустыре, за зданием. Тот лежит на траве, лицо у него хмурое.

— А-а, Ришадик! Что такой скучный?

Ришад присаживается рядом с ним:

— Неней все не едет... Сказала, на три дня, а уж пять прошло. Хочу, сказала, своими глазами взглянуть на них... Может, и остаться там решила...

— Ну! Если уж останется, тебя с собой тоже заберет.

— Ну, а у тебя как?

— А у меня тоже... Видал? — Мидхад кивает на здание. Вдоль всего здания, между первым и вторым этажами висит плакат: «Стройка — это песня. У нас поет каждый!» — Как думаешь — кто это выдумал?

— Начальство.

— Нет. Даниял! Слышишь — все поют.

Действительно, из-за стен здания раздаются голоса, поющие самые разнообразные песни.

— Вся бригада включилась!

— А ты что не поешь?

— А у нас с Даниялом разные песни.

Из здания конторы выходит начальник; шапая, направляется к машине, уезжает.

— Ну, сейчас Даниял выйдет меня искать.

Из недостроенного здания выходит Даниял. Озирается по сторонам. Увидев Мидхада, медленно, картинной походкой идет к нему, запекает: «Пусть всегда будет солнце!»

Мидхад, глядя на него, произносит сквозь зубы:

— Издевается, гад!

— Не обращай внимания.

— «Пусть всегда будет небо!» — поет Даниял.

— «С чего начинается Родина?..» — громким голосом начинает вдруг Мидхад.

— «Пусть всегда будет мама!» — продолжает петь Даниял.

— «С картинки в твоём букваре!» — яростно поет Мидхад.

И через секунду оба, сцепившись, катаются по земле.

— Мидхад! Не надо! Не надо! — Рипад, видя, что они продолжают драться, подскочил и схватил Данияла за ногу. Даниял оттолкнул его и Рипад отлетел в сторону. Мидхад, разъярившись, изловчился и нанес Даниялу короткий, но решающий удар. Даниял поднялся и, шатаясь, пошел прочь. Мидхад глядит ему вслед.

— Пошел. Пошел. Куда пошел-то?

Даниял свернул к зданию конторы.

— Жаловаться пошел, — заключает Мидхад задумчиво.

— Но он ведь тебя тоже ударил... —

Мидхад вдруг взрывается:

— В общем, не на того напали! Они думают, что только здесь стройка. Есть и другие, настоящие стройки! — Поворачивается и бежит в сторону Савали. Рипад догоняет его.

...Двор Мидхада. Рипад стоит и в изумлении смотрит, как Мидхад яростно выбрасывает из дома чемодан, ботинки, брюки, пакет с открытками. Открытки рассыпаются по всему двору. Наконец выходит и сам Мидхад, одетый в темный костюм, в котором он приехал в деревню, засовывает вещи в чемодан, закрывает дверь на замок, протягивает ключи Рипаду.

— На, отдашь Зифе... В общем, деньжата у меня кое-какие есть... паспортешко, бельишко тут. — Он приподнимает Рипада, прижимает его к себе: — Ну, прощай, сосед! Неней скажешь «спасибо». — Сует руку в карман, вытаскивает деньги: — Купи ей что-нибудь от меня на память. Ведь подарки покупать ты умеешь, а?

Рипад не берет денег.

— Да ведь вы оба дрались.

— Да не в этом дело. Надоело мне все. Хочется чего-то нового... чего-то такого!.. — раскидывает руки, сжимает и разжимает кулаки.

— Я репу тебе посадил...

— Огород — твой. Что хочешь, то и делай. Раз тебе хочется сажать — сажай! А мне хочется чего-то другого. Понимаешь, новые места... новые люди.

— А дом?

— А-а! Что дом? Вот состарюсь, тогда и вернусь в дом. Пчел себе разведу... смо родину... малину. А сейчас — не хочу! Ну, пошел я... — Идет к калитке.

Рипад бросается за ним.

— Подожди! Подожди, пока неней вернется!..

Но Мидхад, не оборачиваясь, уходит. Рипад яростно пинает открытки, разбросанные по двору: «Привет из Сочи», «Привет из Крыма», «Привет из Киева».

...Вечер. Рипад идет вдоль деревни. Лицо его невесело. Выходит к реке. Вдруг в изумлении останавливается. На воде раскачивается прекрасная голубая лодка с мотором, в ней сидит Альфия, еще одна девушка в шляпке и парень в белых штанах. Все очень веселые. Альфия, увидев Рипада, машет ему рукой:

— Ришад, спускайся! У меня гости!

Ришад молча, неподвижно смотрит на нее.

— Ну Ришадик, иди сюда!

Ришад, ничего не отвечая ей, как будто не слышал, идет в сторону, раздевается и ныряет с обрыва. Плещется, плавает, делая вид, что никого не замечает вокруг. Лодка подплывает ближе.

— Ришадик, ну почему ты не разговариваешь? Это — мои друзья. Я хочу, чтобы ты с ними познакомился. Залезай в лодку!

Ришад оборачивается к ней:

— А ты говорила, что у тебя нет друзей.

Ришад ныряет и плывет под водой до самого берега. Выходит из воды, лезет на берег, падает, поскользнувшись, и кричит:

— Я пришел сказать, что Мидхад больше не хочет на тебе жениться. Он хотел! Очень хотел! А сейчас не хочет. Он даже уехал из-за этого! Здесь, говорит, нет такой девушки, которая бы мне понравилась.

— Что ты мелешь, Ришад? Чепуху какую-то! — покраснела Альфия.

— Я, говорит, сходил с ней раза два в кино, поцеловался раза три, а больше не хочу!

— Что ты такое говоришь, Ришадик? — Альфия растеряна.

Но Ришад уже не в силах остановиться.

— Мне, говорит, такая девушка не нужна, которая жизни не знает!

Мотор взревел, лодка повернулась и умчалась на противоположную сторону.

Ришад стоит на автобусной остановке. Все пассажиры вышли. Автобус опустел. Ришад повернулся и пошел прочь. Остановился возле дома Гюльбики. Ненавистная старуха все еще здесь. Сидит посреди двора и голосом волчицы напевает колыбельную.

...Поздний вечер. Ришад с крынкой молока входит во двор Бакыя. Тот, как всегда, сидит возле колодца. Ришад ставит крынку на крыльцо, прибирает двор. Бакый громким голосом начинает:

— Семь домов было у меня! Семь крепких, как камень, домов! Высоким, как скала, с крышей, как небо, теплым, как лето, был первый мой дом! В нем жили мои папа, мама, бабушка, дедушка и остальные родные! Где дом? — Показывает пальцем в глубину колодца.— Там! А я? Я здесь... Большим, как дворец, гостеприимным, как дом Гаруна-Аль-Рашида, был второй мой дом! Все гости, все странники, все путники останавливались в нем! И всех их он вмещал! Где он? — Показывает пальцем в глубину колодца.— Там! А я? Я здесь... Крошечным, как колыбелька, легким, как перышко, был третий мой дом! Там родился мой сын, мой первенец, Ильхам! Дом качался на ветру, как гнездо птицы! Где он? — Показывает пальцем в глубину колодца.— Там! А я? Я здесь...

Ришад, во время этого монолога сидевший с мрачным лицом на крыльце, вдруг встает, подходит к Бакыю и говорит:

— Одна жена была у тебя, Амина Валева из деревни Джумран,— она умерла. Всю жизнь прожили вы в этом доме, а больше домов у вас не было. Сыновей у вас не было и корова была только одна. Зачем же ты все врешь?!

Бакый опустил голову, молчит. Ришад поворачивается и молча выходит со двора. Скрывается в ночной темноте.

Утро. Ришад, сонный, выходит во двор. Выдирает морковку, обтирает ее ботвой, ест, сидя на крыльчке. Мимо дома едет телега, доверху нагруженная сеном. Отец семейства правит лошадей, а жена и ребятишки сидят наверху. Веселый гомон, смех.

Ришад встал, открыл сарайчик, вытащил оттуда тележку, косу, брусоч...

Добрался до места, оглядел участок. Трава здесь высокая, сочная. Ришад снял с тележки косу, провел по ней брусочом, поплевал на руки и взялся за дело. Взмах, второй, третий, четвертый, десятый... Руки у Ришادا отяжелели. Пот залил лицо. Он тяжело дышал. Приостановился, оглянулся

назад. Трава была скошена не очень ровно. Ришад снова взялся за косу. Вдруг заметил в траве красный мак. Остановился. Поглядел на него. Обошел это место стороной. Увидел — по дороге несется белая легковая машина. Вот она замедляет ход и из нее выскакивает Альфия, направляется к нему.

— Ришадик! А я тебя везде ищу.

Ришад, весь красный, стоит отвернувшись.

— Вот, уезжаю. Хотела с тобой попрощаться.

Ришад все молчит. Альфия протягивает ему книжку:

— Хочу подарить тебе на память...

Ришад по-прежнему хранит молчание.

— Так ты сам косишь, Ришадик? — Делает шаг к нему. — Какой же ты молодец!

Ришад увертывается от нее, поворачивается к ней спиной.

— Ну что ж, не хочешь, значит, со мной прощаться? Ну ладно, до свиданья. Вот я кладу тебе на пенек книжку и компас. — Поворачивается, идет к машине, уезжает.

Ришад смотрит вслед машине, а потом бегом бежит к пеньку, берет в руки книжку — «Стихотворения и поэмы Пушкина». И компас. В корбочке. Ришад бережно кладет эти вещи на тележку, возвращается к своей косе и продолжает косить.

...После полудня. Ришад, обессилив, сидит на земле. Перед ним соток пять скошенной травы. Ришад еле-еле поднимается, еле-еле надевает рубашку, кладет на тележку косу, брусок, идет по скошенной траве, находит мак, срывает его и катит тележку в Савали.

...Ближе к вечеру. Ришад моется у колодца. Вытаскивает из земли морковку, обтирает ее ботвой, ест. Вытирает руки о штаны, берет цветок, сует его за пазуху, выходит со двора. Подходит к дому Гюльбики. Старуха все еще здесь. Увидев стоящего за забором Ришада, встала и ушла в дом. Щелкнул крючок двери.

Ришад повернулся и пошел к себе домой.

Утро. Ришад с косой, обмотанной тряпичей, подходит к своему участку. Останавливается как вкопанный. Травы, которую он вчера скошил, здесь не было.

Ришад бросил косу, обошел весь участок — травы не было. Ее кто-то увез. У обочины дороги лежал клочок чуть подсохшей травы.

Лицо Ришада стало жестким, глаза зло сощурились.

...Ночь. Светит луна. В темноте огорода крадется Ришад. Перелезает через низкий плетень в чужой двор, подходит к огромной копне сена, сложенной у сарая, ухватывает руками, сколько может, и уносит с собой.

Утро. Посреди двора Ришада стоит мужчина с бритой головой и кричит:

— Ах, паршивец! Украл у меня целую телегу сена и спокойно спит!

Дверь открывается, и на крыльцо выходит Ришад. Руки — на груди, лицо спокойное, глаза злые.

— А ты видел, как я украл?

— Да от моего дома к твоему дому вся тропинка сеном усеяна! Всю ночь таскал! Мое это сено, — угрюмо говорит Ришад.

Мужчина, остолбенев, смотрит на него. С громким криком убегает и возвращается в тарантасе бригадира. Бригадир поспешно входит во двор, смотрит на Ришада, сидящего на копне.

— Ты что тут затеял? Зачем унес у него сено?

— А с моего участка кто унес?

— С твоего?

— Да! С моего. Зачем украли?

— Ну вот что... Это сено, которое ты у него отнял, ты ему верни... А твое мы найдем.

— А если не найдете?

— Тогда я обещаю выделить тебе из колхозного сена.

— Нет! Пусть сначала мне мое вернут, а потом я отдам.

— Ну хорошо, сейчас я привезу тебе сена.— Уезжает.

Вскоре возвращается с тарантасом, полным сена. Въезжает во двор, останавливается, молча вываливает сено.

Ришад выбегает со двора. Бежит со всех ног по улице. Выбегает за деревню. Там бросается в зеленую траву, вцепляется в нее руками и плачет. Плачет горько и безутешно. Как самый несчастный человек на свете...

...Ближе к вечеру. Небо разделилось на две половинки. На одной сияет солнце, вторую заполняет огромная синяя туча.

Ришад, хмурый, заложив руки в карманы, идет по деревне. Переходит мостик. Возле пруда, на изумрудно-зеленой лужайке, на своем «пятачке» собрались деревенские ребятишки. Маленькие девочки в длинных рубашонках и платьицах, взявшись по-двое, по-трое за руки, кружатся изо всех сил, пока какая-нибудь из них, устав, не отдернет руку, и тогда все с хохотом валятся в траву.

Ришад подходит к ребятишкам, садится в траву. Маленькая девчужка, увидев его, радостно восклицает: «Ришадик, покатаешь?»

Ришад подходит к ней, приседает, и она, уцепившись за его шею руками, обхватив спину ногами, кричит: «Давай! До столба!»

Ришад, переваливаясь с боку на бок, как медведь, подскакивая, подпрыгивая, бежит с ней до столба у дороги. Потом — обратно.

Теперь мальчуган подбегает к нему: «И меня!». Ришад катает и его.

Вдруг в небе сверкнула молния. Раздается удар грома. И сразу же хлынул ливень.

— За мной! — Ришад вскакивает и бежит по лугу через мостик к своему дому. Мальчишки и девочки припускают следом.

Уже у самых ворот их настигает такой оглушительный раскат грома, что все они

приседают. Ришад вбегает на крыльцо, распахивает дверь:

— Скорей!

Ребята проходят и, оживленно переговариваясь, усаживаются на войлок возле печки.

Ришад входит с полотенцем в руке:

— Кто мокрый, подходи ко мне!

Маленькая девчужка, которую он катал на спине, первой подбегает к нему:

— Я мокрая!

Ришад снимает с нее рубашонку, вешает на веревку, вытирает девчужку:

— Кто еще?

Остальные тоже вскочили, подошли к нему.

Ришад, закончив обтирание, прошел на кухню, взял там хлеб, огурцы и, вернувшись, кивнул в кучу-малу. Ребята захрустели огурцами. Ришад, вздохнув, уселся на стул. Встал, прошел к проигрывателю, включил пластинку.

За окном снова грохнуло. Ришад закрыл проигрыватель:

— Нельзя, молния может ударить. Электричество.

Ришад садится в кучу-малу и говорит:

— Будем рассказывать сказки. Кто начнет?

— Ты! Ты!..— закричали ребятишки.

— Ну, хорошо. Значит так... Сказка. Она называется... ну, пока она без названия... Скажем, так. Жила-была одна девочка... или, может, один мальчик. И было у него, у этого мальчика или девочки, чего-то такое, чего ни у кого на свете не было!..

— Золото?

— Ракета?

— Кремль?

— Брошка?

— Нет... я говорю, было у него чего-то такое, чего ни у кого на свете не было... Ну, скажем... было у него на животе такое пятнышко, про которое никто на свете не знал. И вот жил он, жил, рос, рос, уже совсем большим стал, уже умирать скоро пора, а так про это пятнышко никто и не знает...— голос у Ришادا дрогнул.

Маленькая девчужка, снявшая с себя рубашонку, внимательно стала разглядывать себя. Осмотрела руки, плечи, живот. Вдруг вскрикнула: «Вот оно!» и показала Ришаду родимое пятнышко на своем животе.

Вторая девчужка держится за бородавку возле носа: «И у меня!»

Остальные тоже ищут на себе: «И у меня! И у меня!»

Один из мальчишек, безуспешно обыскавший всего себя, сунул в печку палец, испачкал его сажей и нарисовал на животе пятно. «И у меня!» — показывает он всем.

Ришад тоже задирает на себе рубашку — на животе у него пятнышко. Ришад глядит на него, произносит:

— Ришад, внук Зифы, из деревни Савали.

Девчужка, глядя на свое пятнышко, говорит:

— Зульфия, мамина дочка, из деревни Савали.

Остальные тоже загалдели: я такой-то, сын такого-то, из деревни Савали.

Ришад смотрит в окно. Ливень кончился. В небе повисла радуга. На улицу вышли встревоженные женщины. Слышны их поющие ласковые голоса: «Закяя! Назира! Нажия! Фатима! Ильдус! Ильдар! Миргалим! Ринат!»

Это мамы ищут своих детей. Ришад зовет ребятшек к окну, и они, прильнув к стеклам, наблюдают за своими мамами и бабушками.

Наконец маленькая девчужка не выдерживает. Первой распахивает окно и звонко кричит:

— Неней! Я здесь! Я здесь! — спрыгивает со стула и бежит к двери.

Выбегает на улицу. Бросается в объятия матери. И остальные ребятшки, торопясь, толкая друг друга, спешат к своим мамам и бабушкам.

Ришад тоже выходит на улицу. Смотрит на огромную радугу, повисшую в небе. Смотрит на улицу, яркую, умытую дождем. А потом смотрит в конец улицы и

расплывается в улыбке: к воротам дома Гюльбики подъехала телега, в ней сидят отец и мать Гюльбики.

...Вечер. Ришад во дворе разбрасывает подмокшее сено. Оборачивается — у калитки стоит мать Гюльбики с девочкой на руках. Ришад отставляет грабли, идет к ним. Гюльбика, увидев его, засмеялась.

— Соскучилась она по тебе, Ришадик.

Ришад взял Гюльбику на руки, поставил ее на землю. Сам побежал и спрятался за сено. Гюльбика потеряла его. Обиженно сморщила носик. Ришад выглянул. Гюльбика увидела и заспешивла к нему. Упала. Хотела было заплакать, но Ришад успел подскочить, поднять ее на ноги.

— Ришадик, приходи к нам сегодня вечером. Баню мы затопим. С отцом Гюльбики первым пойдешь.

...Вечер. По улице Савали идет Ришад. От дома Гюльбики — к своему дому. Он весь розовый, с пушистыми чистыми волосами, в чистой одежде. Вид у него умиротворенный, на лице блуждает улыбка.

...Ночь. Ришад проснулся. Кто-то стучал в дверь.

— Кто там?

— Ришад! — раздался родной певучий голос.

Ришад отдернул крючок, дверь отворилась. Ришад повис на Зифе.

— Да дай, я тебе хоть гостинцы покажу, — смеялась Зифа, но он все мотал головой и не отпускал ее.

Наконец Зифа оторвала его от себя, взяла его лицо в свои руки:

— Что ж ты... так одичал, что ли, за неделю-то?

— Больше никуда без меня не поедешь!..

— Слышала, слышала, уж рассказывали мне, как ты тут развоевался. У Латфуллы сено утащил, с бригадиром поругался, траву сам косил... Много накосил, что ли?

— Много, не много, а накосил.

Зифа поворачивается к двери:

— Лейла! Входи же.

Потупившись, входит Лейла. У нее хмурое лицо.

— Лейла! — Ришад, подпрыгнув, подбегает к ней, обхватывает ее руками, приподнимает. Лейла невольно рассмеялась.

— Ришадик, ты опять?!

Ришад скачет по комнате, делая круг за кругом.

— Приехала!.. Приехала!..

— Угомонись! Угомонись! — Зифа кивает на Лейлу. — Вон, сердится на меня. Как будто я ее здесь навсегда оставлю. Если захочет потом в город поехать — поедет. А пока — пусть поживет с нами. Правда, Ришадик?

— Правда! — Подбегает к Лейле с книжкой в руках: — Книжку тебе подарю. Хочешь? «Стихотворения и поэмы» Пушкина! Наизусть выучишь!

Лейла берет книжку, разглядывает.

— Ну-ка, Лейла, — усаживаясь, говорит Зифа, — поставь нам чай, разбери там вещи... что-то я устала. Ришадик, иди ко мне, сядь рядом.

Ришад тут же садится. Зифа поглаживает его по волосам.

— Ну а как Мидхад? Как вы с ним поживали-то?

— Уехал он.

— Как уехал? Как же ты его отпустил?

— А-а!.. Дрался он, дрался с этим... Даниялом, а потом говорит, надоело мне все, и пошел на станцию.

— Эх, непутевая голова! Непокойный какой человек. Опять в беду попадет. — Вздохнув: — Ну, что ж, как говорится, слава аллаху, что вернулась я домой живая и невредимая... Слава аллаху, что и внучек мой живой и невредимый сидит передо мной... Лейла! Включи-ка радио, что там для нас передают?

Лейла включает радио. Поет певец Рахимкулов. Ришад тут же начинает подпевать. Зифа вынимает из сумки конфеты, печенье:

— Ну-ка, Ришадик, пока чай вскипит, отнеси гостинцы Бакью, пусть порадуетса.

Бакый сидит возле своего колодца, опустив голову. Ришад подходит к нему.

— Бабушка посылает тебе гостинцы...

Бакый неподвижно сидит на земле, как будто не слышит Ришада. Ришад садится рядом с ним, ставит тарелку напротив Бакья. Вдвоем они молча сидят в темноте. Где-то кукарекнул петух и смолк. Где-то засмеялась девушка. Бакый молчит. Ришад — тоже.

Вдруг Ришад поднял глаза к небу. Ночь была теплой и душистой. На небе сияли звезды. И Ришад заговорил — медленно, тихо, странным для себя самого голосом.

— Семь звезд было у тебя, Бакый... Семь ясных звезд! Одна из них была белая, другая... зеленая, а третья голубая!

Бакый поднял глаза к небу, кивнул:

— Да, голубая...

— И одна из них была твоя сестра... вторая — мать, а третья... третья была — Амина...

Бакый посмотрел на самую яркую звезду и кивнул головой.

— Да, Амина.

— Они были, как свет, когда кругом было темно...

— Да, они были, как свет...

— И ты им был, как свет, когда было темно...

— И я им был, как свет...

— Потому что они любили тебя...

— Потому что они любили меня...

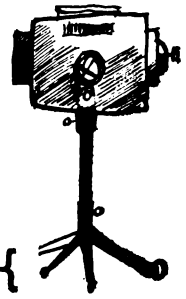
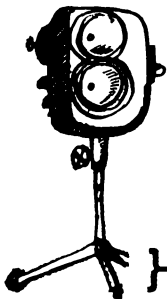
— И потому что ты их любил...

— И потому что я их любил...

Ришад тихонько встает, поднимает Бакья, ведет его в дом. Там сажает его на лавку, ставит перед ним тарелку с гостинцами, включает свет, радио и выходит.

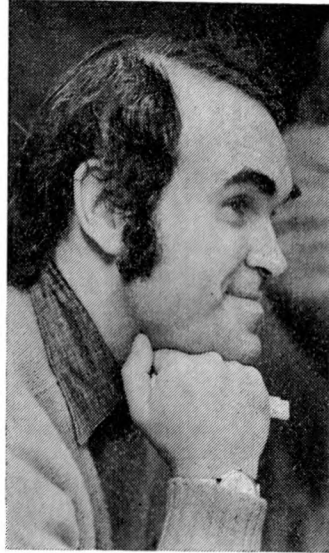
...По улице Савали идет Ришад. Входит в свой двор. Поднимается на крыльцо. Закрыывает за собой дверь.

Г. ПАНФИЛОВ

ЖИЗНЬ ЖАННЫ Д'АРК

ГЛЕБ АНАТОЛЬЕВИЧ ПАНФИЛОВ (родился в 1934 году) окончил Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова и работал инженером-химиком. Был организатором и руководителем городской студии кинолюбителей в г. Свердловске. В 1966 году окончил Высшие курсы кинорежиссеров при Госкино СССР и с тех пор работает режиссером на киностудии «Ленфильм», где поставил фильмы: «В огне брода нет», «Начало», «Прошу слова». Сценарии первых двух картин были им написаны в соавторстве с Евгением Габриловичем, фильм «Прошу слова» поставлен им по собственному литературному сценарию.

Рождение. Была тишина, и насколько хватал глаз — луга, поля, леса, перелески, холмы и овраги, дороги и тропы — все сущее, что ютилось под открытым небом, все покрывал снег.

Уткнувшись окнами в улицу, темнели на отлогом берегу незастывшей реки деревенские домики, отдавая небу скудное тепло своих крестьянских очагов. Томились во сне не привыкшие к отдыху их обитатели. Дремала, вздыхая, в хлеву рабочая скотина, спали гуси и утки, спали охрипшие за ночь собаки, спали звери в лесу и птицы. Сон сковал все и всех уравнил.

И вот над всею этой тишиной и предрасветной благодатью взметнулся крик. Истощенный, пронзительный, хриплый. Взметнулся резко и смолк. Кричала женщина. Залаяли по дворам собаки, пропел заспавшийся петух. Потом поблизости где-то хлопнула дверь и было видно, как из дома, примыкавшего к церковной ограде, вскочил всклокоченный мужчина и зашлепал по мокрому снегу через улицу к дому наискосок. Мужчина спешил, ноги его скользили, дыхание срывалось, из-под овечьей куртки торчало исподнее белье. Добежав до дома наискосок, мужчина принялся барабанить в дверь. Он колотил не щадя рук. Колотил до тех пор, пока дверь не скрипнула и оттуда не высунулась женщина. Пришелец выдохнул что-то неразборчивое — женщина исчезла и вскоре появилась вновь, но уже в чепце, в суконной жесткой пелерине и башмаках. Оба, он и она, бегом, скользя и падая, проделали весь путь обратно, и лай потравленных собак летел им вслед, пока за ними не хлопнула дверь.

И снова взметнулся над деревней крик.

Взметнулся истошно, отчаянно, бесконечно. И тут же следом, вторя ему, послышался другой, еще неокрепший голос, — кричал освободившийся из материнского чрева человек. Кричал в охотку, заливисто, властно.

В широкой крестьянской горнице у постели роженицы деревенская повитуха Лаура Готье приняла в свои толстые сильные руки четвертого ребенка в семье крестьянина Жака Дарк и его супруги Изабеллы Роме.

— Девочка, — произнесла Лаура, держа за ножки головкой вниз кричащего младенца.

— Вижу, — проронил отец, разворачивая прохладную простыню, чтобы принять на руки ребенка. — Жанетта, козочка моя! Иди к отцу...

И он протянул к дочери свои огромные шершавые руки.

Это сморщенное крошечное существо, беспомощный мокрый комочек человеческой плоти была Жанна д'Арк. Случилось это 6 января 1410 года на окраине Франции в деревне Домреми, что и по сей день стоит на берегу Мааса возле леса Шеню.

Первые шаги. Был день и был август — последний месяц лета и первый август в жизни маленькой Жанны.

Изабелла торопилась. Она заглянула в люльку, где сладко посапывала дочь. Поправила на ней одеяло, заодно шлепнула ниже спины пятилетнего Жана, который норвил ущипнуть за нос свою спящую сестренку. Потом собрала в корзину хлеб, сыр, вареное мясо, молоко. Поймала за руку Жана и вышла за порог.

— Сторожи дом, — сказала Изабелла

огромной лохматой собаке, сидевшей возле дверей.— Мы скоро...

...Семейство Дарков — отец, мать, их первая дочь Екатерина, сыновья Жан и Жак — уже вершило трапезу на обочине пшеничного поля, когда со стороны деревни на взмыленном мерине прискакал сосед.

— Беда! В деревне солдаты! — прохрипел он и ускакал дальше.

Изабелла глухо охнула и осела.

— Жанетта, козочка моя! — вскричал отец, схватил топор и, взгромоздясь на лошадь, поскакал к деревне.

Там, высоко к небу, уже вздымался дым и жар невидимого пламени рябил воздух.

Это бургундский отряд грабил Домреми.

Дом Дарков был настежь открыт. У порога лежал зарубленный лохматый пес, а рядом, скорчившись, застыл с разорванным горлом поверженный грабитель.

— Жанетта, козочка моя... — бормотал отец. — Отзовись, Жанетта!..

Никто не отзывался.

Отец подбежал к люльке и застыл — люлька была пуста. И когда, близкий к беспамятству, он обернулся, занавеска, отделявшая угол с родительской кроватью, колыхнулась, и оттуда, из своего убежища, вышла, покачиваясь на своих слабых, еще неуверенных ножках, Жанна. Она смотрела на отца и широко, безмятежно улыбалась.

Отец не двигался.

— Жанетта, козочка моя ненаглядная! Забияка, — тихо произнес он и резко отвернулся.

Он плакал, губы его шептали молитву.

Битва. Однажды тихим осенним днем жители Домреми, побросав работу, взобрались на холм, возвышавшийся на левом берегу Мааса. За рекой начинался луг, простирившийся до деревни Макса. Весной и летом луг был местом пастбищ и обильного сенокоса. Но в этот день в час 1418 года он стал местом битвы двух отрядов, встре-

тившихся здесь, в излучине Мааса, по случайной прихоти изнурительной войны.

Отряды были небольшими — по сотне копий в каждом. Бились не все сразу, а человек по двадцать-тридцать с каждой стороны. Остальные наблюдали, спешно поправляя вооружение, сбрую, доспехи.

Зрители на холме, среди них была и Жанна с братьями, видели, как один из всадников ударом своего копыя выбил из рук противника меч. И когда тот, сдаваясь, поднял руки, победитель с силою, умело пронзил его — пораженный исторгнул тяжкий вопль.

И в тот же миг, казалось, весь страшный смысл происходящего достиг сознания Жанетты — лицо ее побледнело, тело задрожало, она пронзительно закричала:

— Больно!.. Ему больно! Помогите!.. — И кинулась бежать к реке, туда, где кипел бой.

Братья и кто-то из взрослых подхватили девочку и понесли прочь. Она потеряла сознание.

В тот год Жанне минуло восемь.

Игры. Был май. На просторной светлой опушке леса Шеню, где журчал, сверкая, Смородинный ручей и рос столетний бук, дерево фэй и сказочных преданий, деревенские девочки-подростки водили хоровод.

Неожиданно одна из веток стоящего рядом дерева обломилась, и на поляну свалился Жюль, по прозвищу Рыжий Петух. И тотчас из кустов с гиканьем и свистом посыпали мальчишки. Феи кинулись наутек, оглашая лес и его окрестности криками и визгом.

Одна из фэй защищалась. Она огрела первого, за ним второго нечестивца, поймала за волосы Жюля.

— Еще будешь, будешь? — приговаривала фэй.

— Буду, буду! — твердил обидчик.

Один из мальчишек, подкравшись сзади, улегся фее под ноги. Жюль толкнул ее, она упала, но тут же вскочила, дала пинка

и подзатыльник Рыжему Петуху, потом, как это делают мальчишки, сплюнула сквозь зубы на траву. Это была Жанна.

— Трус! — сказала она.

— Кто трус?! — вскричал Рыжий Петух.

— Ты! — сказала фея и медленно пошла прочь.

Рыжий Петух подпрыгнул от гнева.

— Бургундцы! — кричал толстый мальчик, у которого несмотря на теплую погоду текло из носа. — Бургундцы! — И он ткнул пухлым пальцем в сторону дороги, ведущей в Домреми.

По ней, в облаке пыли, приближался отряд конников.

Дети попрятались.

— Трус! — крикнул им Рыжий Петух и побежал к дороге.

— Жюль, вернись! — закричала вслед ему Жанна. — Вернись!..

Жюль бежал. Бежал, не оглядываясь, не обращая внимания на зов.

— Остановите его! Остановите! — кричала Жанна.

Никто из приятелей не осмелился покинуть укрытие.

Жюль выбежал на дорогу. Отряд приближался. Солнце серебрило пыль, оружие и доспехи воинов. Мальчик стоял на дороге и ждал.

И тут все увидели, как из леса на дорогу выбежала Жанна. Она схватила Жюля за руку и потянула обратно к лесу. Он грубо оттолкнул Жанну и показал ей кулак. Тогда девочка осталась рядом.

Отряд приближался. И топот его, и лягз сотрясали воздух. Уже отчетливо различались закованные в сталь люди и серые от пыли их потные лица.

Жюль и Жанна продолжали стоять. Они лишь незаметно для самих себя все теснее придвигались друг к другу. А когда мимо с грохотом, высекая искры о дорожные камни, замелькали копыта коней, мечи, доспехи и копыта всадников, они стояли уже, крепко схватившись за руки.

— Бургундские свиньи! — крикнул

вслед им Жюль, потрясая кулаками. — Предатели!..

Отряд скрылся за лесом, минуя деревню, — по всему чувствовалось, что всадники были измучены и куда-то спешили.

— Ну что, я трус?! — торжествующе спросил у Жанны Жюль, отряхиваясь от пыли и заправляя в штаны рубаху.

Жанна холодно и как-то сквозь посмотрела на него и, не ответив, пошла прочь.

— Отвечай!..

Жанна шла.

— Отвечай! — заорал Жюль и схватил камень. — Я трус?

Жанна обернулась.

— Ты дурак, Жюль, — тихо сказала она и пошла дальше.

В тот год ей исполнилось десять.

Легенда. Воскресным днем после обедни все жители Домреми на пяточке возле храма обступили слепых странников. Это были инвалиды-воины. Сопровождал их высокий худой старик.

Слепые цели. И песня их, энергичная и простая, рассказывала о королеве Изабо, беспутной женщине, погубившей Францию изменой, и чистой девушке из Лотарингии, которая придет однажды из девственного леса спасти отечество от чужестранцев. Это была известная легенда, которую сочинил народ, передавая из уст в уста как свою мечту и свою надежду на избавление.

Люди слушали. Даже дети и те поутихли. И никто не обращал внимания на девочку, стоявшую в стороне. У девочки этой был не по-детски серьезный взгляд. Когда отзвучали последние слова песни, девочка украдкой кинула монетку в шапку старика и побрела прочь по лугу к реке.

— Жанетта! — окликнула девочку ее сверстница Катрин. — Ты куда, Жанетта?!

Жанна шла, не оглядываясь, не слыша, погруженная в свое, и вскоре скрылась из вида.

В тот год ей минуло тринадцать.

Мать. Светало. Изабелла тихо, чтобы не будить мужа, поднялась с постели и босая на цыпочках направилась к постели дочери.

Жанна лежала на кровати с открытыми глазами, устремив взгляд в потолок. Ощувив присутствие матери, она притворилась спящей.

Изабелла приблизилась, молча постояла над дочерью, потом нагнулась и ласково поцеловала ее.

— Ты почему не спишь, дочка? — шепотом спросила мать.

Жанна молчала.

— Что с тобой? — повторила мать.

— Скажи, — прошептала Жанна, — я прилежная христианка?

— Самая прилежная, — сказала мать.

— Скажи, — снова прошептала Жанна, — а я хорошая дочь?

— Я благодарю бога, дочка, за то, что ты у меня есть.

— Спасибо, — прошептала Жанна.

Она стремительно села, прижалась к матери.

— Что с тобой, милая? — с нескрываемым беспокойством спросила мать.

— Я слышала голос.

— Какой еще голос? — не на шутку встревожилась Изабелла.

— Со мной говорил голос ангела, — сказала Жанна.

— Когда?

— Минувшим днем после обедни.

— Где?

— В нашем саду.

— Это бывает, — успокоила мать. — И я в своей молодости кое с кем разговаривала. Всякое грезилось, дочка.

— С кем? — спросила Жанна.

— Да уж и не помню. Давно это было, еще до замужества... Потом прошло.

— Это не то, — сказала Жанна. — Я слышала голос архангела Михаила.

— Перегрелась ты, дочка.

— Он сказал мне, — продолжала Жанна, — что я должна слушаться своих родителей и усердней ходить в церковь.

— Помилуй, дочка, да куда ж усердней?! — воскликнула Изабелла.

— Типе! — прошептала Жанна. — Отец услышит...

— Не услышит — спит крепко, — сказала мать.

— Только ты ему ничего не говори, — сказала Жанна. — Он опять переживать будет.

— Да, уж очень вы с ним похожи, — вздохнула Изабелла.

— И еще мне голос сказал, — продолжала Жанна, — чтобы я готовилась в путь.

— Это еще зачем?! — всплеснула руками Изабелла.

— Я должна спасти Францию, мама.

— Францию?! — Изабелла застыла.

— Францию, — повторила дочь. — Все говорят, что ее погубила женщина, но спасет девушка из Логариньи.

— Ты-то причем, дочка?!

— Эта девушка — я, — сказала Жанна, и во взгляде ее отразилась недетская сила и убежденность.

Потрясенная Изабелла молчала.

— Ты что, мне не веришь? — спросила Жанна.

— Что ты, — спохватилась Изабелла. — Что ты, дочка! Как же я могу тебе не верить-то!.. Спи, милая. Проспись.

— И ты спи, — сказала Жанна.

— И я, — согласилась мать.

Она крепко обняла дочь, поцеловала ее и, уходя, прошептала:

— А про этот голос ты забудь. Всякое бывает в жизни, дочка. Вот проживешь с мое и не такого наслушаешься... Ну да спи. Спи, козочка моя неваглядная... Спи...

И она вышла бесшумно, как и вошла. Прошла в свою комнату и тихо легла с краю.

— Проморгала дочь-то! — не открывая глаз, сумрачно произнес Жак.

И стало ясно, что он не спал и все слышал.

Изабелла всхлипнула.

Жак приоткрыл глаза и покосился на жену. Жена плакала.

Теофраст. Днем отец и Жанна вышли на опушку леса, откуда сквозь кусты орешника виднелись хижина, очаг возле хижины, на котором что-то варилось, и люди у очага — человек шесть. Среди них были и дети.

— Жди тут, — приказал отец, направляясь к хижине.

Жанна опустила на траву, закрыла глаза и прислушалась. Трепали в травах кузнецы, в небе свистели птицы, прошелестела в воздухе стрекоза, застучал в лесу дятел... Но вот где-то поблизости хрустнула ветка, зашуршала трава.

Жанна открыла глаза и тотчас вскочила — неподалеку стоял босой среднего роста человек с высоким лбом, с живыми пронзительными глазами. Одет он был в суконные свободные одежды, в руках у него была торба, полная трав и цветов.

— Ты кто? — спросила у человека Жанна.

— Я Теофраст, — ответил незнакомец. — А ты?

— Я Жанна, — сказала Жанна. — Что ты здесь делаешь?

— Собираю травы.

— Для овец?

— Нет, для людей. Я врач, я делаю из трав лекарства.

— Ты маг?

— Нет, я врач, — повторил Теофраст. — Я этим живу.

— И хорошо платят? — поинтересовалась Жанна.

— Скверно.

— Мало больных?

— Нет, много нищих.

— Во всем виновата война, — сказала Жанна.

— Здравая мысль, — сказал Теофраст. — Ты наблюдательна, девочка.

Жанна улыбнулась, польщенная.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Пятнадцать.

— Ты выглядишь взрослее.

Жанна опять улыбнулась.

— А сколько тебе? — спросила она.

— Мне пятьдесят.

— На вид ты моложе.

— Спасибо, девочка, — ответил Теофраст. — Ты хорошо воспитана.

Жанна улыбнулась в третий раз.

— Приходи ко мне в гости, — сказал Теофраст. — Живу я поблизости. Вон там. — И он кивнул в сторону хижины.

— Как-нибудь на досуге, — не без кокетства ответила Жанна. — А теперь ступай, тебя там ждут...

— Кто?

— Жак, мой отец.

— Он болен?

— Что ты! Здоров, как бычок.

— А кто же болен?

— Я, — усмехнулась Жанна.

Несколько озадаченный этим, Теофраст открыл было рот, но Жанна его опередила: — Торопись, отец ждет...

Теофраст живо взглянул на нее, поклонился и зашагал к хижине.

— Люди говорят, — сказал Жак, — что ты врач и аптекарь из Парижа.

Теофраст кивнул.

— А почему ты не в Париже? — спросил Жак.

— Меня оттуда прогнали.

— За что?

— За то, что хорошо лечил.

— Так я тебе и поверил! — Жак криво ухмыльнулся.

— В Париже англичане, — пояснил Теофраст, — а я арманьяк.

— Это другое дело, — согласился Жак. — А то, хорошо лечил... Кто ж за это прогонит, какой олух...

— Представь себе, за это тоже по головке не глядят, — сказал Теофраст. — Можешь мне верить.

Жак снова ухмыльнулся.

— Да, да, — сказал Теофраст. — Я знаю, что говорю.

— А чем докажешь, что ты врач? — спросил Жак.

— Вот люди, которых я лечу, — ответил Теофраст и кивнул на людей у очага. — Теперь они могут ходить, — сказал он, — а еще

недавно их принесли ко мне на носилках.

Осмотрев недоверчиво людей у очага, Жак снова ухмыльнулся.

— И у меня есть диплом,— сказал Теофраст.

— Покажи,— сказал Жак.

— Пройдем в дом,— предложил Теофраст.

Они вошли.

Внутри хижины, в которой обитал Теофраст, напоминала лабораторию алхимика. Впрочем, она и была таковой — кругом стояли тигли, реторты, склянки и баночки с серой, углем, с кислотами и щелочами. Под потолком, вдоль стен и по углам, висели связками сушеные травы. Двое молодых помощников что-то кипятили в углу, отчего в доме стоял невыносимый чад.

— Здесь я работаю и живу,— сказал Теофраст, открывая тяжелую шкатулку.— Тут я делаю лекарства.

Жак по-хозяйски приглядывался.

— А тут...— Теофраст поманил его пальцем,— моя книги.

Когда Жак приблизился, Теофраст быстрым движением отдернул занавес, прикрывавший нишу в стене.— Жак окаменел: там, в глубине ниши, на широком дубовом столе, лежал распластаный теленок.

— Ты что,— спросил Теофраст,— не видел разъятой туши?!

— Зачем это? — насилу вымолвил Жак.

— Я изучаю печень, сердце и мозг.

Жак снова окаменел.

— Ты дьявол,— сказал он, придя в себя.

— Я врач,— сказал Теофраст.— Вот мой диплом.

Жак тупо уставился в диплом.

— Ты смотришь вверх ногами,— заметил Теофраст.

— А это что? — спросил Жак, показывая на круглую восковую печать.

— Это печать,— сказал Теофраст.

— Печать,— повторил Жак, и взгляд и голос его заметно потеплели.

Печать подействовала явно успокаивающе — Жак стал тих и задумчив, словно его подменили.

— Спаси мне дочь! — сказал он.

— На что жалуется? — спросил Теофраст.

— Она не жалуется. Она того...— ответил отец и неожиданно всхлипнул.— С ангелами разговаривает...

— По ночам?

— То-то и оно, что днем.

— К священнику водил?

— Водил — не помогло.

— Это хуже,— сказал Теофраст.

— Хуже некуда! — согласился Жак и снова всхлипнул.

— Чем думаешь платить? — поинтересовался Теофраст.

— Что есть, тем и платить,— ответил отец.

— Веди теленка,— сказал Теофраст.

— Пощади! — взмолился Жак.— У меня ж семья!

— А у меня расходы. Видел, сколько больных? И все нищие, все есть просят.

— Приведу барана.

— Двух!

— Помилуй, за что?!

— За лекарство.

— Чтоб ты сдох! — сказал Жак.— Давай лекарство!

— Сперва баранов,— сказал Теофраст.

— Живодер!

— Я этим живу.

Бедняга Жак отправился за баранами.

...— Сгиль! — прошипел он дочери, пробегая мимо и замахиваясь.

Жанна с завидной ловкостью отскочила.

Смятенный отец, треща сучьями и ломая ветки, побежал к деревне.

— Слушай, девочка, пойдика сюда,— позвал Жанну Теофраст.

Жанна подошла.

— Только честно,— предупредил Теофраст.— Насчет ангелов, о которых здесь толковал твой папаша, это, конечно, вранье?..

— Что вы, сударь, разве можно об этом врать?! — сказала Жанна.— Я слышала ангела...

— Какого ангела?..

— Вы слишком любопытны, сударь. Я вам не скажу.

— Почему?

— Я вас мало знаю.

— Но я врач.

— И все же, сударь...

— Тогда ты, может быть, скажешь, о чем он с тобой говорил, этот ангел?

— Пожалуй,— согласилась Жанна.— Но об этом никому...

— Никому. Клянусь...

— Голос ангела говорил мне, чтобы я спасла Францию, сударь,— сказала Жанна.

— Недурно! — заметил Теофраст.

— Голос ангела говорил мне,— продолжала Жанна,— что нужно прогнать из Франции всех англичан и проучить бургундцев, предателей, которые с ними заодно!

— Совсем недурно! — воскликнул Теофраст.— И как это сделать, ангел тоже тебе говорил?!

— Нет, сударь, не сказал,— призналась Жанна.

— Жаль!

— Конечно, жаль. А что же делать?

— А ты подумай! — весело предложил Теофраст.

— Я уж думала.

— Ну и как?

— Войско требуется.

— Верно!

— Конечно, верно! А где его взять?

— Как где — у короля! — усмехнулся Теофраст.

— У нашего дофина Карла?..

— Ну да!

— Я думала об этом,— призналась Жанна.

— За чем же дело стало? — весело продолжал Теофраст.— Пойди к королю и скажи ему, что ты Жанна, Дева... Кстати, ты дева? — спросил он вдруг.

— Конечно, сударь,— с достоинством ответила Жанна.

— Отлично! — сказал Теофраст.— Ты придешь во дворец и скажешь королю, что ты Жанна — Дева из Лотарингии. Что го-

лос ангела повелел тебе от имени бога изгнать всех англичан и тем восстановить Францию и королевский род. И что ты, Жанна-Дева, явилась это совершить.

— Пожалуй! — живо откликнулась Жанна.— А что потом?

— Потом король даст тебе войско и ты спасешь Францию! — рассмеялся Теофраст.— Проще простого!

— Проще не бывает! — рассмеялась Жанна.

И утихнув вдруг, она о чем-то задумалась. Потом сказала, лукаво усмехнувшись:

— А что, совет ваш недурен! Я, пожалуй, так и сделаю, сударь. В самом деле, вот пойду и скажу. И король мне даст войско!

— Ты шутишь? — улыбаясь, спросил Теофраст.

— Ничуть,— улыбаясь, ответила Жанна.— Вот пойду и сделаю. Верьте мне, сударь, сделаю!.. Я для этого и рождена! Ну прощайте, пока!..

Теофраст застыл и долго смотрел ей вслед.

— Готовь лекарство! — уже издали крикнул Теофрасту Жак, таща на веревке двух баранов.

— Поставь барапов в овчарню,— распорядился Теофраст.

Жак нехотя исполнил — поставил баранов в овчарню, и тут же огромный пес, лежавший до этого неподалеку, не спеша подошел и улегся возле дверей.

— Гони лекарство! — потребовал Жак.

— Изволь,— сказал Теофраст.— Только слушай меня и хорошенько запомни... Ты должен выдать свою дочку замуж да поскорей. И пусть она нарожает тебе побольше внучат.

— Зачем?! — удивился Жак.

— Тогда голоса пройдут,— сказал Теофраст.— Они не будут ее беспокоить.

— Как? — растерялся отец.

— Иначе дело дрянь,— сказал Теофраст.

— И это все?! — прыдя в себя, вскричал Жак.

— Самое верное средство,— сказал Теофраст.— Можешь мне верить.

— А как же мои бараны? — снова вскричал Жак.

— Они теперь не твои,— сказал Теофраст.

Сватовство. Жанна вышла к жениху по настоянию своих родителей. Одета она была обычно, в свое повседневное красное платье.

Жених и родственники жениха, восседавшие за накрытым столом, обратили свои взоры к невесте.

Жанна поклонилась всем просто, приветливо, прошла к столу и села.

— Милый Поль, ты славный парень, но замуж за тебя я пойти не могу,— сказала она своему жениху, румяному рослому дровосеку, который был лет на десять старше нее.

— Это как же? — басом спросил Поль, так, что посуда на столе задрожала.

— У меня другие намерения,— ответила Жанна.

— Это какие еще такие намерения? — сурово произнес отец, и кулаки его сжались.

— Ты знаешь, папа, какие у меня намерения,— ответила дочь и на всякий случай чуть-чуть отодвинулась.

Отец нервно усмехнулся.

— Пеййй на себя! — сказал он.— Жених подает на тебя в суд!

Жанна вскинула голову.

— Подам в суд,— сказал Поль.

— Но это глупо! — сказала Жанна.

— Вот будет суд,— сказал отец,— и мы посмотрим, глупо это или не глупо.

— Посмотрим,— сказала дочь с улыбкой.— До встречи на суде, Поль! — кивнула она, поклонилась родителям и родственникам жениха и вышла из комнаты.

Жак вскочил.

— Корова! — крикнул он дочери вслед и, сделав по комнате круг, сказал, обра-

щаясь к жениху: — Не огорчайся, мальчик, мы ее скрутим!

— Скрутим, папа,— согласился Поль.

— А в суд она не посмеет,— успокоил отец.

— Не посмеет,— согласился Поль.

— В такую даль, где наш суд, и лошади топтать лень,— сказал отец.

— Лень,— сказал Поль.

Суд. Суд состоялся в Туле за тридцать лье от Домреми в доме епископа, поскольку иного присутствия в городе не было.

Судья, пожилой чахоточный священник, кутаясь в потертый плед, попивал глоточками парное молоко, предписанное ему врачом, и ожидал, пока розовощекий писарь, подоивший только что его корову, не изготовится к ведению дела.

Поль — истец, ответчица — Жанна, и Жак — отец ответчицы, стояли тут же рядом, почтительно храня молчание.

— Суд слушает,— возвестил судья, когда приготовления наконец закончились, и, обративши взор на Поля, он прибавил: — Юноша, говори...

— Она, ваша милость...— начал было Поль, но, поглядев на Жанну, тут же умолк.

Воцарилась пауза.

— Ну что же ты умолк, юноша? — спросил судья.— Говори...

— Она, ваша милость...— слова начал Поль, но, посмотрев на Жанну, снова умолк.

Жанна улыбнулась.

— Ну что же ты? — сказал судья.

Поль молчал.

— Ваша милость, он застенчивый,— включился Жак.— А дело очень даже ясное... Моя дочь, которую я родил и вырастил, обещала этому парню пойти за него замуж. А теперь она, ваша милость, откажется!

— Это так, юноша? — спросил судья.

— Суцая правда,— подтвердил Поль.

— Это так, девочка? — спросил судья, обращаясь к Жанне.

Жанна молчала.

— Суд ждет, — сказал судья.

— Это правда, — сказала Жанна.

— Вот видите! — просиял Жак. — Она созналась, ваша милость!

— Но как же так, — сказал судья, — если твой отец, девочка, действительно говорит правду, то почему ты здесь?.. Путь столь велик, а ты, насколько мне известно, пришла пешком?

— Да, ваша милость, — сказала Жанна. — Я пришла пешком.

— Но тогда объясни, — сказал судья, — почему ты пришла?

— Потому что я не давала обещания.

— Но ведь ты только что сказала, что твой отец говорит правду!

— Да, ваша милость, мой отец говорит правду, — сказала Жанна. — Хотя я не давала Полю никакого обещания.

— Но так не может быть! — воскликнул судья.

— Все может быть, — сказала Жанна.

— Не слушайте ее! — крикнул Жак. — Она заговаривается! Зря только время теряем, ваша милость!..

— Время дорого, — сказал судья, — но истина дороже... Объясни, девочка, суд ждет...

— Хорошо, — сказала Жанна. — Я попробую... Мой отец крестьянин, — начала она. — Он всю жизнь работал, чтобы вырастить нас. Братьев и меня. И он всегда учил нас говорить правду, только правду... И всегда был примером сам. Даже если очень страдал от правды...

Жанна взглянула на отца. Отец пригрозил ей — показал кулак.

— Поэтому, ваша милость, — невозмутимо закончила Жанна, — мой отец не может лгать... Хотя я не давала обещания Полю.

— Но если отец твой говорит правду, — сказал судья, — стало быть, лжешь ты, девочка.

— Пусть будет так, — сказала Жанна. — Уж лучше я...

— Она покрывает ложь! — воскликнул писарь.

— Она защищает отца, — подумав, произнес судья. — А ты что скажешь? — спросил он, обращаясь к Жаку.

— Корова! — проскрежетал Жак и выбежал вон.

— Это кто корова? — обиженно сказал судья.

— Это я корова, ваша милость, — вежливо сказала Жанна. — Я...

— Суд, девочка, на твоей стороне, — возвестил судья. — Следующий!..

Незнакомец. В тот день Жанна пасла овец. Солнце, как обычно в полдень, стояло высоко над лесом. Журчал, как всегда, Смородинный ручей, и овцы бродили по лужайке.

Жанна опустила на траву, сорвала стебелек, огляделась.

Кружили над поляной бабочки. Присела на цветок пчела. Летела в воздухе паутина.

Жанна положила руки под голову, закрыла глаза, стала прислушиваться и незаметно уснула.

Трепали в травах кузнечи, в небе свистели птицы. Прощелестела в воздухе стрекоза. Застучал в лесу дятел. Но вот, как некогда, в тот день, когда Жанна впервые увидела Теофраста, ко всем этим звукам примешался иной — хрустнула ветка, зашуршала трава...

На поляну вышел незнакомый человек. Человек этот остановился и стал молча неотрывно смотреть на Жанну, словно желая убедиться в том, что это именно она. Казался он не старым, лет тридцати-тридцати пяти, усталым и озабоченным, роста среднего, сложения сильного. Одет человек был в свободные светлые и не очень новые одежды, под которыми виднелись панцирь и меч. Разбитые башмаки его покрывала дорожная пыль.

Жанна открыла глаза и тотчас вскочила.

— Ты Жанна, — сказал незнакомец.

— Жанна... А ты архангел святой Михаил! — воскликнула Жанна.

Незнакомец не ответил.

— Я узнала тебя по голосу, — сказала Жанна.

— Я ищу тебя, — сказал незнакомец.

— Рада тебя видеть, — сказала Жанна.

— Собирайся в путь, — сказал незнакомец.

— Как? Опять?!

— Пора.

— Но я уже ходила раз... в Вокулер. Как ты велел, — сказала Жанна. — Но меня прогнали оттуда.

— Знаю, — сказал незнакомец. — Иди снова.

Жанна молчала.

— Почему ты молчишь? — спросил он.

— Мне страшно, — призналась Жанна.

— Мужайся.

— Я боюсь, что не выдержу.

— Ты должна, — сказал незнакомец.

— Постараюсь, — сказала Жанна и, помолчав, добавила: — Я только не знаю, как это сделать.

— Подумай и реши сама, — сказал незнакомец.

— И я не знаю, — призналась Жанна, — как мне лучше начать.

— Подумай и реши сама, — повторил незнакомец.

— А как мне узнать, что я поступаю правильно?

— Подумай и реши сама.

— Подумай, подумай! — в отчаянии воскликнула Жанна. — Что ты заладил, ты же святой!..

— Успокойся, Жанна, — сказал незнакомец. — И святые тоже не все ведают на этом свете.

— Что ты!.. Что ты говоришь, святой Михаил!

— Я знаю, что я говорю, Жанна, — сказал незнакомец устало. — А если сказать по совести, — продолжал он, — то я потому только к тебе и пришел, что и святые не все знают и не все могут...

— Не верю! — воскликнула Жанна.

— А ты верь, — сказал незнакомец. — Верь, но никому не говори об этом. Никогда, — прибавил он, — даже под пыткой!..

— Ты меня испытываешь! — вскричала Жанна.

Незнакомец грустно улыбнулся.

— Прощай, Жанна, — сказал он.

— Как, ты уходишь?!

— Ухожу.

— Но ты мне будешь помогать?!

— По мере сил, — сказал незнакомец.

— Я буду очень надеяться!

Он не ответил.

Решение. В обеденный час семейство Дарков сидело за столом. Не было только Жанны. Обедали без нее. Ели молча, степенно, как это и приличествовало добропорядочным семьям. Изабелла то и дело поглядывала на мужа. Муж то и дело прислушивался — он явно был раздражен отсутствием дочери и пребывал не в духе. Когда младший из братьев Жюль, ему было шесть и он был последним в семье, залез не в свою тарелку, отец тотчас огреп его ложкой по голове. Малыш пискнул и укатился под стол. Изабелла вскочила, но муж усадил ее обратно. Малыш тем временем вылез из-под стола и, сопя, взобрался на свой табурет. Перехватив поудобней ложку, он принялся как ни в чем ни бывало уплетать дальше.

Дверь скрипнула — вошла Жанна. Она молча поклонилась всем и села к столу.

— Где была? — строго спросил отец.

— Я потом объясню, папа, — сказала дочь.

— Сейчас! — сказал отец.

— Поешьте лучше, — сказала мужу Изабелла. — Стынет все. А говорить можно и после...

— Сейчас! — вскричал отец и ударил кулаком по столу.

— Я принимала решение, — сказала Жанна.

— Какое еще решение?! — спросил отец, и взгляд его потемнел.

— Я должна отправиться к дофину.

— Что?

— Я должна отправиться к дофину, отец,— повторила Жанна.— Взять у него войско и снять осаду с Орлеана.

Отец выронил ложку.

— Ты слышишь? — вскричал он, обращаясь к жене.

Изабелла сидела, не шелохнувшись, тихо и горестно глядя на дочь.

— Я должна, отец,— повторила Жанна, и в голосе ее и в глазах была непреклонность.

— Должна?! — вскричал отец и, замахнувшись, кинулся к дочери.

Жанна отскочила.

— Отец! — воскликнула она.— Что начинается с гнева, заканчивается стыдом!..

— Держите ее! — крикнул отец сыновьям.

— Только посмейте! — предупредила Жанна братьев.

Братья не двинулись с места.

— Ах, так! — снова вскричал отец, видя в этом прямое и дерзкое себе неповиновение.— Я проучу тебя, телка! — крикнул он и выскочил из комнаты.

— Жак, опомнись! — крикнула вслед Изабелла.— Остановись! Дочка, прячься! Он вне себя, он тебя покалечит!..

Жанна не двинулась с места. Она не шелохнулась и тогда, когда разъяренный отец влетел в комнату с широкой кожаной плеей в руках.

— Получай! — Он с силой хлестнул дочь по спине.

Жанна осталась на месте.

— Одумалась?! — вскричал отец.

— Я должна, отец,— тихо повторила Жанна.

Отец пришел в еще большую ярость.

— Шлюха! На войну захотелось, к солдатам! — вопил он.— Шлюха обозная, дрянь!..

И отец в исступлении принялся хлестать дочь по чему попало.

— Жак, опомнись! — кинулась к мужу Изабелла.— Опомнись!..

— Сгинь! Сокрушу! — заорал вне себя Жак и, оттолкнув жену, продолжал избивание.

И Жанна вдруг рухнула — потеряла сознание.

— Зверь! — крикнула мужу Изабелла.— Ты убил ее!.. Зверь!..

— Да, папаша, вы уж малость того... перестарались! — сказал Жан, помогая матери и Пьеру поднять сестру.

Жанна открыла глаза. Осознав, что с ней, отстранила братьев, оправила платье и тихо сказала:

— Отец, милый, не сердись на меня... Я должна пойти к дофину. Должна взять у него войско и снять осаду с Орлеана. Я должна... Если для этого даже мне придется стереть ноги до колен...

Прощание. Это было в конце января 1429 года. Утром затемно Жанна собралась в путь.

Изабелла протянула дочери узелок и, всхлипнув, привлекла ее на грудь.

— Да храни тебя бог, дочка,— сказала она.— Пусть все будет по-твоему.— Они поцеловались.— И еще, доченька...— Изабелла замялась в нерешительности.

— Что, матушка? — ласково спросила Жанна.

— Людям не говори, дочка, что мы с отцом тебя удержать не сумели... Осудят люди, засмеют...

— Что ты, матушка! Разве я не поймаю! — воскликнула Жанна.— Никогда в жизни не скажу такого... Ты меня знаешь.— Жанна нежно и крепко поцеловала мать.

— Иди, дочка, простиись с отцом,— попросила Изабелла.— Он ведь не спит...

...Отец стоял у окна. Он был одет, и по всему чувствовалось, что не сомкнул глаз в эту ночь.

— Подойди,— сказал он, не оглядываясь, когда дочь вошла.

Жанна подошла.

— Возьми.— Отец протянул дочери кошелек.

Жанна прильнула к его руке.

— Не уходи,— сказал он.

— Я должна, отец.

— Зачем?

— Я спасу Францию.

— Да куда ж тебе, дочка,— горько сказал отец,— когда вон целое войско и наш король не могут ничего поделать!

— Они перестали верить в победу.

— И что?

— А я верю. Очень верю, отец.

— И что? — повторил отец.

— Я сделаю так, чтобы они тоже повесили.

— Останься!..

Отец опустился перед дочерью на колени.

— Я прошу тебя,— сказал он.— Очень прошу, дочка!..

— Отец, милый, пожалуйста, не проси! — ответила Жанна.— Я теряю смелость, когда ты просишь!

— Останься, дочка! Пусть другие идут.

— Это нехорошо, отец. У других тоже родители. Они тоже боятся за своих детей.

— Прощу тебя, дочка!

— Неужели ты не хочешь, отец, чтобы Франция была свободна?

— Хочу,— сказал отец.— Останься!

— Ты неправ, отец.

— Я отец. Ты взялась не за женское дело, дочка.

— На женскую работу найдется много других,— сказала Жанна.— Прощай, отец! Она поцеловала руку отца и вышла вон. Отец плакал, губы его шептали молитву.

Разговор. По дороге в Вокулер Жанна свернула к Теофрасту. Из трубы, из дверей и окон его хижины валил густой дым.

— Теофраст! — позвала Жанна.

Ей никто не ответил.

— Теофраст!

В хижине зашипело что-то и глухо рва-

нуло. В тот же миг в раскрытую дверь кубарем вылетел человек, за ним последовал второй и, наконец, показался третий. Он вышел, пошатываясь, с черным от сажи лицом, одежда на нем дымилась. Дым шел отовсюду — изо рта, из носа и, казалось, даже из ушей.

— Неvezды! Олухи! — восклицал человек в гневе.— Болваны!

— Теофраст, это ты! — кинулась к человеку Жанна.

Человек кивнул.

— Ты горюшь?!

— Я работаю,— устало произнес Теофраст и закашлялся.

— А эти двое? — кивнула Жанна в сторону распростертых на земле помощников Теофраста.— Им надо помочь?..

— Их надо убить! — сказал Теофраст.— Опять все перепутали, олухи!.. Орел только время теряет, когда учит летать ворон! — И он снова тяжело закашлялся.

— Тебе дурно? — спросила Жанна.

— Мне противно! — ответил Теофраст.— Ты ко мне?

— К тебе, проститься.

— Как, ты уходишь?

— Час настал. Я иду к нашему дофину Карлу.

— Ты шутишь?

— Какие уж тут шутки! Англичане вот-вот возьмут Орлеан.

— Кто тебе сказал?

— Пышка Тереза, молочница. Она вернулась из Вокулера.

— А ей кто?

— А ей — Кривой Жака, башмачник из Невшато. Они на рынке встречались.

— И ты веришь?

— Верю. Как же ей не верить?! У Кривого Жака брат в Орлеане и троюродная сестра.

— Если это правда,— сказал Теофраст,— тогда дело дрянь. Если они возьмут Орлеан, дофину крышка!

Жанна изменилась в лице.

— Англичане никогда не возьмут Орлеан! — сказала она резко и сильно.— За-

помни это, Теофраст. Это я тебе говорю, Жанна-Дева из Лотарингии!..

Теофраст рассмеялся.

— Что вы ржете, сударь? — холодно спросила Жанна.

— А я-то, старый осел, думал, ты уже замужем! — признался Теофраст.

— Неужто вы думаете, сударь, что я позволю себе стирать пеленки, когда Франция в опасности!

— Не думаю, Жанна, успокойся. Уже не думаю, — с сожалением сказал Теофраст и, помолчав, добавил: — Хотя это не так уж плохо — женщине стирать пеленки...

Жанна ответила:

— Каждому свое, сударь! Одним — пеленки стирать, другим — командовать армией.

— Жанна, милая, живи незаметно! — сказал Теофраст. — Не лезь на рожон!.. Учти: война многим на руку, поэтому ее никак не могут закончить. — И он повторил: — Живи незаметно, Жанна. Подальше от короля и поближе к отцу с матушкой. Ведь они не вечны...

— Ты все сказал?

— Все.

— Тогда послушай меня, — сказала Жанна. — Послушай, что я тебе скажу, Теофраст. Послушай и хорошенько запомни это... Не позднее мая я со своим войском двинусь в Орлеан. Сниму английскую осаду и пойду в Реймс. Освобожу город и в большом соборе корону нашего дофина... И тогда у нас будет свой король, а не английский. И тогда мы победим окончательно и навсегда! — закончила она убежденно и торжественно.

Теофраст молчал. Молчали и очнувшиеся после взрыва его ученики, которые теперь стояли тут же, рядом, возле своего учителя, и слышали все, о чем говорила с ним Жанна.

Жанна лукаво улыбнулась и сказала вдруг сердечно и просто:

— Послушай, Теофраст, будь другом, пойдем к королю вместе... Ты такой башковитый! Ты так мне поможешь... Пойдем,

Теофраст!.. К тому же ты врач — на войне нужны врачи... Будь другом, пойдем! Вдвоем веселее...

— Нет, Жанна, я не пойду, — сказал Теофраст.

— Почему, ты же француз?!

— Да, но я благоразумный француз.

— Тогда подумай, если ты благоразумен, — ответила Жанна. — Англичапе могут придти и сюда...

— Подумаю, — охотно согласился Теофраст. — А пока не пойду.

— Жаль, — сказала Жанна. — Очень жаль, Теофраст... Придется топтать одной.

— Придется.

— А я так на тебя рассчитывала, так рассчитывала! Если б ты только знал, Теофраст! Прощай...

— Прощай.

Жанна двинулась в путь.

Теофраст и ученики Теофраста долго смотрели ей вслед.

— Учитель, — сказал наконец один из них, казавшийся поумней, — а девица-то, похоже, того — сбрендила малость...

— А по-моему, в ней что-то есть, — сказал другой, казавшийся поглупей.

— А по-моему, сбрендила, — повторил казавшийся поумней. — А ты как думаешь, учитель?

— Если бы каждый сбрендил, как она, — ответил Теофраст, — Франция уже давно была бы свободной.

— Что же ты, в таком случае, не сбрендил, учитель? — спросил ученик, казавшийся поумней.

— Я ничтожен, — сказал Теофраст. — Я боюсь...

— Вот как, учитель?! — воскликнул ученик.

— Да, — сказал Теофраст, — и ничего с собою не могу поделывать... Стоит только мне представить, — продолжал он, — как какой-нибудь английский лучник или рубака вонзит в мой толстый живот свою стрелу или меч, так тут же я дрожу, как овечий хвост...

— Значит, у нее отсутствует фантазия,

учитель. Она глупа,— сказал все тот же ученик, казавшийся поумней.

— Олух,— ответил Теофраст.— Она не глупа, она отважна.

— И болтлива,— обидевшись, прибавил ученик.

— Запомни, олух,— сказал Теофраст.— Наиболее доверчивы серьезные люди.— И, помолчав, спросил: — А кто из вас способен следовать за нею?..

— Пожалуй, я, учитель,— ответил тот, что выглядел поглупей.

— А я, пожалуй, нет,— ответил тот, что выглядел поумней.— Я лучше с вами, учитель..

— Ты трус,— сказал ему Теофраст.

— Я учусь,— ответил ученик.

Дядюшка. Дюран Лассуа, муж двоюродной сестры Жанны по матери, был старше Жанны на шестнадцать лет и потому она звала его дядюшкой. Проживал дядюшка в деревне Бюре, что стояла на пути из Домреми в Вокулер. Был он человеком добрым, чутким и покладистым. Жена у дядюшки тоже слыла ласковой, веселой и застенчивой, как он сам.

Когда Жанна подошла к дому дядюшки, супруги загоняли в хлев овец.

— Дядюшка! — позвала Жанна.— Жаннетта! — окликнула она свою тезку кузину.

Дядюшка обернулся, увидел племянницу, и лицо его осветилось улыбкой.

— Жанна,— сказал он жене,— смотри, кто пришел!..

Дядюшка кинулся к племяннице.

— Жанетта, родная, надолго ли?! — воскликнул он, обнимая ее и целуя.

— До утра,— ответила Жанна.— Привет тебе от матушки и отца.

Подоспела кузина — она пребывала в тягости.

— Все живы-здоровы? — спросила она.

— Живы-здоровы,— ответила Жанна.

— Пошли в дом,— предложила кузина.

— В дом,— сказал дядюшка.

Они вошли.

Забутые овцы бродили по двору.

— А это вам пряники,— сказала Жанна, извлекая из узелка гостинцы.

Кузина и дядюшка просветлели. Они тут же взяли по прянику, откусили — кузина и дядюшка были сластенами.

— Неужто в Вокулер ты пойдешь одна? — спросила Жанну кузина.

— Одна,— вздохнув, ответила Жанна. Кузина выразительно посмотрела на мужа. Муж сказал:

— Почему одна?.. У тебя есть дядя, племянница. Он тебя и проводит.

— Проводит,— сказала кузина.

Крепость Вокулер. Смеркалось, моросил дождь, когда Жанна и дядюшка увидели в долине реки раскинувшийся город и крепость в городе.

— Вокулер,— сказала Жанна.

— Он самый,— дрожа от холода, согласился дядюшка.

— Скорей,— сказала Жанна.— Надо успеть до темноты..

Они прибавили шаг.

...Было уже совсем темно, когда Жанна и дядюшка достигли крепостных ворот. Моросил по-прежнему холодный дождь. Под небольшим навесом у стены толпились крестьяне окрестных деревень. Небольшой костерик тускло освещал их усталые мокрые лица и мокрые грубые одежды.

— Стучи,— приказала Жанна дядюшке и первая ударила в тяжелые дубовые ворота крепости, окованные железом.

На стук никто не отозвался.

— Не пускают,— сказал простуженный мужской голос из-под навеса.— Третий день не пускают. Вот сидим..

— Стучи! — снова приказала дядюшке Жанна.— Стучи сильнее! — И она снова принялась стучать первой.

На сей раз за воротами послышался голос:

— Кого еще там черт принес?! Сказано, пускать не будем!..

— Откройте! Я Жанна-Дева из Лотарингии!..

— А нам-то что, хоть из Парижа!

— Откройте!..

— Катись!

— Откройте! Мне нужен сеньор де Бодрикур...

— Зачем?

— По важному государственному делу!

В ответ за воротами послышался хохот.

— Откройте! А то вам не поздоровится!..

Хохот усилился.

— Откройте!..

Жанна снова принялась стучать.

Тогда со стены на нее хлынул целый водопад — это стражники вылили сверху бочку ледяной воды.

Жанна покачнулась и рухнула.

Стража покатилась со смеху.

— Жанетта, милая! — кинулся к племяннице дядюшка. — Пойдем отсюда. Уйдем!

— Иди сам! — задыхаясь от воды и гнева, крикнула Жанна. — Мне нужно видеть сеньора де Бодрикура! — крикнула она стражникам. — Я спасу Францию!..

Сверху снова хлынула вода, Жанна снова упала и снова поднялась.

— Вам будет стыдно! Очень стыдно потом! — кричала она.

— Жанетта, милая, пойдем! — уговаривал дядюшка. — Уйдем!..

— Прочь! — закричала Жанна. — Вы можете вылить на меня хоть целое море! Я и тогда никуда не уйду!..

Сверху снова хлынуло, Жанна снова упала и снова поднялась.

— Давайте еще! — кричала она вне себя, захлебываясь от воды, гнева и отчаяния. — Лейте! Что же вы медлите, рыцари? Ну?! Смелее!.. А то я опять поднимусь и проломлю ваши ворота!.. Ну что же вы?!

Смех на стене стал утихать, поутих он и за воротами.

Застыли люди у костра. Замер потрясенный дядюшка.

И тогда рассмеялась Жанна.

— Ну что же, мы так и будем стоять? — крикнула она стражникам как могла веселее, словно ничего и не произошло. — Открывайте ворота!.. Слышите, храбрецы?

Ей никто не ответил.

Жанна опять рассмеялась.

— Я жду, смельчаки! Пошевеливайтесь!..

И тут загремел тяжелый засов — ворота со скрежетом отворились.

— Входи! — прознес голос.

Жанна не двигалась.

— Входи, — повторил голос.

— Дядюшка, — тихо, чтобы никто не слышал, позвала Жанна. — Помоги, у меня ноги свело. Я сейчас упаду!..

Дядюшка подхватил ее, они постояли немного, потом медленно молча вошли. Ворота за ними замкнулись.

— Эта девушка спасет Францию, — сказал старик у костра. — Верьте мне.

— Она спасет всех нас, — сказала старуха. — Ее послал бог!

Сеньор де Бодрикур. Спустя две недели, тусклым февральским утром сир Робер де Бодрикур, балы и капитан крепости Воклер, одевался, сидя на своей широкой, необъятной кровати под балдахном, как у всех знатных особ. Ему исполнилось пятьдесят, но он, как в юности, был весел, жаден и лукав. Ходили слухи, что капитан нередко сражался за своих, нередко — против, но всегда соблюдал свою выгоду.

Благородный Бертран де Пуланжи, двадцатирехлетний дворянин, начальник караула, сохраняя почтительное расстояние, совершал свой утренний доклад. Он говорил:

— Весь город, сир, только о ней и толкует. Приходят паломники из деревень. Все хотят видеть Жанну-Деву из Лотарингии.

— Как, она все еще здесь? — сонно спросил сир Робер де Бодрикур, натягивая розовые панталоны.

— Уже две недели, сир, — ответил де

Пуланжи.— С тех самых пор, как вы с ней говорили.

— Тем хуже для нее!

— Говорят, сир, что она восстановит Францию и королевский род.

— Знаю, знаю!.. Она мне с этим все уши прожужжала.

Сир Робер полез под кровать в поисках рубахи.

— Она сказала, сир,— продолжал де Пуланжи,— что сотрет себе ноги до колен, но не позднее марта будет у короля.

— У короля?!

— У короля, сир.

— Деревенщина!.. Гоните ее прочь!

— Это невозможно, сир.

— То есть как это невозможно?! Вы что, забыли, как я ее вышвырнул полгода назад?..

— Теперь другое дело.

— Что-о?!

— А то, сир, что весь гарнизон на ее стороне.

— Ложь!

— Это факт, сир. Особенно после того, как богохульник Жак угодил в колодец.

— Бред!

— Передают, что Дева предсказала ему это еще накануне.

— Ужас!

— Так и вышло, сир.

— Вот и имей с ней дело после этого! — заключил сир Робер де Бодрикур, выглядывая из-под кровати.

— Среди населения зреет недовольство,— понизив голос, сообщил де Пуланжи.

— Какое еще недовольство?

— Вами, сир!

— Это еще почему?!

— Да потому, сир, что вы заставляете ждать Деву, божью посланницу.

— Так она еще и смутьянка! — вскричал де Бодрикур.— Ну погоди! Ну дождется она у меня!.. Я ей такое устрою!.. — И он в гневе заглянул под кровать с другой стороны.

— Напрасно кипятитесь, сир,— успокоил де Пуланжи.— Дева говорит, что вы

доблестный рыцарь и настоящий патриот.

Сир Робер де Бодрикур застыл от удивления.

— Так и говорит?

— Так и говорит, сир.

— А кому говорит?

— Всем, кто недоволен вами.

Сир Робер улыбнулся.

— Скажи пожалуйста! — произнес он.

— Она говорит, сир,— продолжал Бертран де Пуланжи,— что вы самый лучший капитан королевства и обещали непременно отправить ее к дофину.

— Я обещал?

— Обещали, сир.

— Что-то не припомню.

— Потому что, сир, говорит она, интересы Франции для вас выше всего!

— Так и говорит?

— Так и говорит, сир. Об этом уже знает весь город.

— Ну вообще-то, это правильно,— заметил сир Робер де Бодрикур.— Ошибки тут большой нету.— И он прибавил растроганно, с чувством: — Франция!.. Отечество! — И глаза его увлажнились.

А когда, пряча набежавшую слезу, он в поисках рубахи откинул одеяло — под ним, свернувшись в клубок, посапывала молодая женщина. Обстоятельство это несколько озадачило сира Робера. По лицу его было видно, что он, старательно напрягая память, силился вспомнить теперь, кто эта молодая особа и как она к нему сюда угодила. И так как память его, утомленная вином и непрерывным радением о благе вверенного ему кастелянства, не дала никаких объяснений, сир Робер обратил свой взор на начальника караула.

Бертран де Пуланжи незамедлительно пришел на помощь.

— Эта женщина, сир,— пояснил он,— просительница за своего мужа, жестянщика, который охотился на кабана в вашей роще.

— Черт бы его побрал, вор! — негодуя, воскликнул сир Робер.— Отпустите его завтра. Или нет, лучше — послезавтра..

Стыд-то какой! — И он накинул на спящую одеяло. — Ну и народ!.. Вот командуй такими!.. Мужичье, хамы!..

Сир Робер потряс кулаком, потом отлебнул вина из кубка и сказал, кивнув на спящую:

— Только это между нами, Бертран...

— Разумеется, сир, — сказал благородный начальник караула.

Сир Робер продолжал как ни в чем ни бывало:

— Так что ты говоришь, я ей обещал?

— Вы имеете в виду, сир, Жанну, девственницу? — вежливо уточнил де Пуланжи.

— Девственницу, девственницу!

— Вы обещали ей, сир, лошадь, отряд в двадцать человек и провизию для всех.

— Интересно знать, — заметил де Бодрикур, — а на какие пиши я это сделаю? Кто мне за это заплатит?!

— Придется раскошелиться, сир.

— Ты думаешь?

— А что же делать, сир? Во имя Франции... Все ждут.

— Ну и пусть ждут!.. Наша Франция принадлежит всем, а мой кошелек — лишь мне! — ответил сир Робер де Бодрикур. — Раз все хотят — пусть все и раскошеляются! — заключил он. — Франция, Франция, а плати я!.. Нашли дурака!

— Так как же быть, сир?

— А так! — сказал де Бодрикур. — Пускай сограждане раскошеляются... Пусть соберут по миру сотню-другую ливров, тогда я дам и лошадь, и провизию, и людей. — И он добавил: — Во имя Франции, конечно!

Они помолчали.

— А вдруг она ведьма?! — неожиданно произнес сир Робер де Бодрикур.

— Кто? — не понял де Пуланжи.

— Дева, кто ж еще!

— Не может быть — она же Дева!

— Ну не скажи!.. Это еще проверить надо! — и, оглянувшись на дверь, сир Робер добавил: — Упаси бог, если она ведьма! Упаси бог, Бертран! Такие будут неприят-

ности! Такие неприятности — головы не сносить!.. — И он в волнении принялся ходить по комнате, рассуждая: — Не послать к дофину — а вдруг она впрямь святая!.. Послать — а вдруг она ведьма!.. Пойди разберись! Что делать, что делать?! — твердил он. — Голова кругом! Помогги, Бертран!.. Будь другом, сослужи! Я тебе поросенка дам...

— А что, если попа позвать, — предложил де Пуланжи.

— Попа? — оживился сир Робер.

— Попа. Поп что-нибудь да придумает.

— Знаю! — вскричал сир Робер. — Знаю!.. Веди попа, Бертран. Окропим девицу святой водой — и с глаз подальше!

И, отдышавшись немного, сир Робер отер со лба пот.

— Ох, Бертран, дорогой Бертран, — произнес он. — Скажу тебе по совести, и надоела же мне она с этими своими голосами, с ангелами, с этой девственностью своей, как клистирная трубка!.. Зови попа, Бертран! И пусть она убирается к своему дофину... Хватит!.. Устал! Сердце палит! — И, тяжело вздохнув, сир Робер залез под одеяло. — Зови попа, Бертран! Зови попа!..

Святая вода. В тот же день сир Робер в сопровождении своего духовника мессира Жана Фурнье и Бертрана де Пуланжи отправился в дом угольщика Анри Леруайе, у которого квартировали Жанна и дядюшка.

Падал снег.

Все трое плавно продвигались вниз по кривой узенькой улочке, лавируя между лужами и колдобинами по щиколотку в грязи.

— Бес, он ведь как, — охотно объяснял своим спутникам святой отец. — Он любит проникать в тело девушки с едой. И особенно с хлебом. Живет бес под языком, в ноздрях или в животе... Это хуже нет, когда в животе, — заметил святой отец. — Тогда его изгнать почти невозможно... Если молодую особу, — продолжал он, — в кето-

рой поселился бес, окропить святой водой, то она тут же начнет бесноваться, извиваться и обязательно попытается бежать...

На последнем слове святой отец остутился и непременно угодил бы в лужу, если бы не расторопность Бертрана де Пуланжи, который вовремя подхватил его и водворил на место.

По ту и другую стороны улочки молча толпились люди. По мере продвижения к дому угольщика их становилось все больше и больше. Возле самого дома люди уже стояли тесной толпой. Это были жители Вокулера и окрестных деревень, сошедшие сюда, чтобы увидеть Жанну-Деву, которая спасет Францию и восстановит королевский род.

— Это что за люди? — спросил, противясь сквозь толпу сеньор де Бодрикур.

— Это паломники, сир,— ответил де Пуланжи, уступая дорогу святому отцу.— Я вам уже докладывал.

— Делать им нечего — бездельники! — проворчал де Бодрикур, озираясь.

У дверей дома все трое остановились.

— Без меня управитесь, святой отец? — спросил де Бодрикур.

— Управлюсь, сын мой. Управлюсь...

— Тогда идите вдвоем!.. — оживился балъи и, облегченно вздохнув, добавил: — А я вас тут подожду, на воздухе. Сердце что-то пошаливает.

...Жанна и дядюшка в этот час были дома. Жанна разговаривала со странниками, набившимися в комнату.

Войдя в дом и поклонившись всем, Бертран де Пуланжи сказал:

— Милейшие! Мессир Жан Фурнье, наш святой отец, просит оставить его наедине с Девой!..

С этими словами Бертран де Пуланжи настежь распахнул дверь. Люди стали выходить.

Жанна с недоумением наблюдала за происходящим.

Когда все удалились и дверь закрылась, святой отец, отчужденно и зорко на-

блюдая за девушкой, облачился в епитрахиль, извлек склянку со святой водой. Жанна наконец поняла причину появления мессира Фурнье и молча опустила перед ним на колени. Побрызгав на нее святой водой, мессир Фурнье произнес слова заклинания:

— Изыди, изыди отсюда, если ты существо злое!.. И приблизься, приблизься, если ты мыслишь доброе!..

В течение всего заклинания Жанна безропотно и печально смотрела на него. А когда святой отец закончил священнодействие, она, не поднимаясь с колен, покорно приблизилась к нему и поцеловала стопы его ног, густо покрытые грязью.

Святой отец был потрясен.

... — Чиста как младенец! — возвестил он взволнованно, когда вышел из дома.

— Стало быть, ее можно отправлять? — спросил Бертран де Пуланжи.

— Отправлять,— вторил ему дядюшка Дюран Лассуа, находившийся рядом.

— Куда отправлять?! — произнес сеньор де Бодрикур.

— К дофину, сир,— сказал де Пуланжи.

— Дудки! Я сперва от дофина разрешение получу. А уж потом и отправлять!..

— А когда это будет, ваше сиятельство? — поинтересовался дядюшка.

— А я почему знаю, когда! — ответил сеньор де Бодрикур, заметно польщенный тем, что его называли «ваше сиятельство». — Когда будет, тогда и будет... Я что — пророк?..

Уход. Когда дядюшка вошел в дом, Жанна сидела, съежившись, спиной к двери, возле очага.

— Жанетта,— позвал дядюшка.

Жанна не отзывалась.

Дядюшка подошел, заглянул ей в лицо. Она подняла глаза, полные неизъяснимой тоски и печали.

— Ты что, Жанетта? — ласково спросил дядюшка.— Что с тобой, милая?

— Как он мог?! — сказала Жанна. — Как он только мог усомниться во мне?!..

— Кто? — не понял дядюшка.

— Мессир, святой отец! Ведь я ему исповедовалась...

— Он сказал, Жанетта, что ты чистая девушка. И он ничуть не возражает отправить тебя к королю, — успокоил дядюшка.

— А этот боров сытый, сеньор де Бодрикур! — продолжала Жанна. — Побоялся даже войти! Будто я ведьма какая-то!..

— Тебе бы покушать чего-нибудь, племянница, — вздохнул дядюшка. — А то — кожа да кости!

Ничего не ответив, она поднялась и стала собирать узелок.

— Ты куда? — опешил дядюшка.

— В Шинон, к дофину! Собирайся! — приказала она.

— Я не могу, Жанетта, — виновато сказал дядюшка. — Никак... У меня жена на сносях. Я и так засиделся тут.

— Верно, дядюшка, верно!.. Возвращайся, — бормотала Жанна, одеваясь, охваченная неодолимым желанием действовать. — Ты и так мне помог... Спасибо тебе... Спасибо, родной!..

И прежде чем добряк дядюшка сообразил что-либо ответить ей и как-нибудь ее остановить, она крепко обняла его, поцеловала на прощанье, накинула на плечи выдавшую виды пелерину и вышла за порог.

Минуя людей, ожидавших ее на улице, Жанна незаметно скользнула во двор и оттуда задами двинулась в путь.

Падал снег.

Отчаяние. Темнело. К вечеру снег усилился.

Жанна шла по едва заметной тропе лесом вниз к оврагу, в котором шумел мутный ручей. Одежда и обувь на ней промокли. Она дрожала, ее бил озноб.

Спустившись к ручью и не найдя переправы, Жанна вброд, по пояс в воде, пере-

шла на другую сторону и двинулась дальше.

Она шла, шла и шла. Шла отчаянно, безнадежно. Шла, стиснув зубы. Вступив на высокий холм, Жанна огляделась.

Кругом простирался лес. Безмолвный, дремучий, спокойный...

Жанна сгребла в кучу прелые листья, залезла в них и, свернувшись калачиком, закрыла глаза.

Стояла тишина. Падал снег.

Но вот послышались чьи-то шаги, чьи-то ноги остановились возле Жанны и чьи-то руки бережно подняли ее и понесли обратно.

— Дядюшка, — прошептала Жанна, — брось меня! Оставь!.. Я не хочу возвращаться!..

— Что ты, что ты, Жанетта! — ласково сказал дядюшка. — Зачем же здесь? Здесь ведь и окочуриться можно!..

— И то лучше! — ответила Жанна. — Я не могу больше, дядюшка! Сил моих нету ждать...

— Что ты, что ты, Жанетта! — ласково продолжал дядюшка, усадив племянницу на лошадь и усаживаясь сам. — Как же можно не ждать? В нашей крестьянской жизни без этого — никак! Крестьянин всегда чего-нибудь да ждет... Зимой весну ждет, чтобы овес посеять. А весной ждет осень, чтобы овес собрать... А там ждет, когда корова отелится. Потом — когда телок вырастет... А там, когда свои дети взрослыми станут. Всю жизнь ждет. А ты такое затеяла!.. Да как же тут не ждать. Обязательно нужно ждать! — заключил дядюшка. — А уж дождешься — не зевай!..

Уткнувшись дядюшке в грудь, Жанна пригрелась и задремала. Дядюшка потеплей укрыл ее одеялом, захваченным для этой цели, и, свистнув негромко, прищипнул коня.

Падал снег.

Известие. Утром к дому угольщика подъехали два всадника. Один из них был Бертран де Пуланжи, другой — рыцарь из

Меца по имени Жан. Спешившись, воины постучали в дверь.

— Кто там? — спросил голос за дверью.

— По приказу Его величества! — ответил Бертран де Пуланжи.

Дверь открылась, они вошли.

— Сударыня, — сказал, обращаясь к Жанне, Бертран де Пуланжи, — Его величество дофин Франции Карл Валуа повелел доставить вас к нему в королевский замок в город Шиюн.

— Наконец-то! — проговорила Жанна простуженным голосом. — Наконец-то!..

— Вы нездоровы, сударыня? — спросил де Пуланжи.

— Я здорова, сударь, как никогда! Чего и вам желаю, — с достоинством ответила Жанна.

Минувшая ночь и минувшее отчаяние не оставили на лице ее ни малейшего следа.

— Нам приказано, сударыня, сопровождать вас к дофину.

— Едем! — сказала Жанна.

— Мы готовы, сударыня, — ответил Жан из Меца. — Но вряд ли ваш теперешний наряд сгодится для езды верхом.

Жанна оглядела свое красное платье.

— У меня нет другого, — сказала она.

— Можно спать мужское платье, сударыня, — предложил Жан из Меца. — В нем поудобнее...

— А сколько это будет стоить? — озабоченно спросила Жанна.

— Об этом не думайте, сударыня, — успокоил ее Бертран де Пуланжи. — Сир Робер де Бодрикур расходы берет на себя.

— Тогда другое дело! — сказала Жанна, заметно оживившись. — Тогда я согласна, монсеньоры. Давайте сошьем!.. Сошьем мужское платье...

Отъезд. Настал день отъезда. Отъезжающие — Жанна, Бертран де Пуланжи, Жан из Меца, их слуги Жюльен и Жак из Гоникур, королевский посланный Коле де Вьен, лучник Ришар — и большая толпа

провожающих собрались у Французских ворот.

Постриженная в кружок, в новом мужском платье, Жанна напоминала юношу. Она уверенно держалась в седле и теперь взирала вокруг с каким-то особым торжественным и радостным выражением.

Угольщик Анри Леруайе, его жена Екатерина и дядюшка Дюран Лассуа окружили Жанну.

— И не боюсь тебе, Жанетта? — спросила Жанну Екатерина. — В лесах разбойники, на дорогах разбойники. Нынче солдаты и те грабят!..

— Я не боюсь разбойников и не боюсь солдат! — с улыбкой отвечала Жанна. — Разве можно бояться, когда с тобой такие кавалеры! — И она кивнула на своих спутников.

— Бог в помощь! — сказала добрая Екатерина, обнимая Жанну.

— Спасибо вам за все! — ответила Жанна. — И вам спасибо! — поклонилась она угольщику.

— Бог в помощь! — напутствовал угольщик.

Дядюшка Дюран Лассуа молчал. Он не мог говорить. Жанна щекой прижалась к его куртке и тихо сказала:

— Если бы не ты, дядюшка, ничего бы у меня не вышло!.. Спасибо тебе за все, родной! — Потом добавила: — Поклонись отцу с матушкой, братьям. И пусть они меня простят, если смогут.

Дядюшка кивнул.

Подшел сир Робер де Бодрикур. Он отстегнул свой меч, протянул его Жанне и, похлопав ее по плечу, растроганно, потечески чмокнул в лоб.

— Ну ладно, иди, — произнес он. — И старайся сделать то, что ты обещала... А если вдруг станешь важной персоной, не забудь и меня, старика. Замолви словечко! — И, обернувшись к отряду, сеньор де Бодрикур скомандовал: — Поехали!..

Жанна и ее спутники сели на лошадей. Мессир Жан Фурнье окропил всадников святой водой.

— С богом! — произнес он.

Отряд двинулся в путь.

Люди кричали и махали вслед. Некоторые плакали. Кое-кто, в том числе дядюшка, угольщик и его жена Екатерина, некоторое время еще бежали за отрядом.

Выехав за ворота, Жанна оглянулась в последний раз, помахала рукой и крикнула:

— Дядюшка, если у кузины родится дочь, назовите ее Жанной. В память обо мне!..

Добрый дядюшка кивал, махал в ответ шапкой и плакал.

Отряд спустился в долину Мааса и скоро потерялся в тумане.

Так, в один из февральских дней 1429 года, стало свершаться то, к чему столь упорно и настойчиво стремилась Жанна д'Арк. И что теперь, с этого дня и мгновения, подвигаемое к цели ее усилиями, неотвратно должно было случиться и остаться навсегда в памяти потомков.

В тот год Жанне исполнилось девятнадцать.

Его величество. Монсеньор де ля Тремуиль, шамбеллан Его величества дофина Карла в Шиноне, преодолевая тучность и одышку, спешил к своему господину.

— Они купаются, — сообщил привратник у дверей Его величества, пытаясь остановить шамбеллана.

Монсеньор де ля Тремуиль оттолкнул лакея и бесцеремонно распахнул дверь.

— Кто это?! — воскликнул Его величество, сидя в бочке с горячей водой.

Он спешно погрузился в воду до самого подбородка.

— Она уже здесь, Ваше величество! — объявил шамбеллан, заходя и опускаясь на табурет.

— Кто?! — встрепенулся Его величество.

— Эта девица из Вокулера.

— Но я же моюсь!..

На лице Его величества мелькнул столь

неподдельный страх, что даже желчный шамбеллан, не склонный к юмору и шуткам, не смог на этот раз не улыбнуться.

— Успокойтесь, ваше величество, в замке ее нет, — поспешил сказать он. — И, надеюсь, никогда не будет!

— Послушайте, шамбеллан, мой дорогой, — несколько успокоившись, сказал Его величество, — давайте поговорим в другом месте.

— Нет, нет! — возразил шамбеллан. — Тут у вас поспокойнее. Никто, по крайней мере, не подслушает, — объяснил он, деловито заглядывая за портьеры и проверяя, нет ли там кого-нибудь, и, не обнаружив никого, добавил: — Ваше величество, отправьте лакея вон!

— Нет уж, это слишком! — воскликнул Его величество. — По какому такому праву, сударь, вы мне приказываете?! Я король!..

— Ну, пока еще вы не король, Ваше величество, — спокойно заметил шамбеллан. — Вы только дофин. — И, кивнув лакею на дверь, он сказал: — Убирайся!..

Лакей испарился.

— Монсеньор, перестаньте командовать! — снова воскликнул Его величество. — Хозяин здесь я!..

— Тогда верните мне долг, хозяин.

— Но вы же знаете, монсеньор... У меня теперь временные затруднения, — заметно потускнев, сказал Его величество.

— Тогда временно помалкивайте! — ответил шамбеллан. — Ведь я шамбеллан. И я у вас на жаловании, Ваше величество, которое, кстати, плачу себе сам... Я обязан советовать!

— Ну бог с вами, советуйте, — согласился дофин. — Только, пожалуйста, побыстрей, а то я озябну.

— Ваше величество, — сказал шамбеллан, переходя на шепот, — мне сообщили, что названная девица из Вокулера — английский шпион!..

— Не может быть!

— Представьте себе!

— Значит меня опять обманули! — вос-

кликнул Его величество.— Я хочу одеться, шамбеллан, отвернитесь!..

Шамбеллан отвернулся.

Вошел монсеньор Реньо де Шартр, архиепископ Реймский, он же канцлер Его величества, и Его величество дофин снова погрузился в воду до самого подбородка.

— Прошу прощения, Ваше величество! — кланяясь, сказал архиепископ.— Необходимо срочно решить, когда вы примете Девственницу, явившуюся сегодня к вам из Вокулера.

— А вы думаете, ее надо принять?

— Несомненно, Ваше величество,— ответил архиепископ.— Дева обещает снять осаду с Орлеана и короновать вас в Реймсе.

— А мой ясновидящий из Гоникур предсказывает поражение под Орлеаном,— вставил шамбеллан.

— Вы слышите, монсеньор? — сказал Его величество, обращаясь к архиепископу.

— Лучший пророк тот, кто пророчит хорошее,— ответил архиепископ.

— Но мне сообщили,— сказал Его величество,— что эта девушка — английская шпионка.

— Глупость! — сказал архиепископ.— Это глупость, Ваше величество! Подобное может утверждать лишь враг вашей короны.

Его величество выразительно посмотрел на шамбеллана.

— Это навет! — вскричал шамбеллан.— Навет!.. Я докажу!..

— Докажите,— спокойно сказал архиепископ.

— И докажу! — кричал вне себя шамбеллан.— Докажу!..

Его величество, сидя в бочке с водой, пристально вглядывается в лица своих верноподданных, пытаясь точно установить истинные стремления обоих.

— Ваша девица колдунья! — кричал шамбеллан.— Она колдунья!..

— Это мы проверим, сударь,— ответил архиепископ.

— Да, да, вы проверите! — не унимался шамбеллан.— И, конечно, девица у вас окажется святой!.. Ведь она зовет в Реймс, а Реймс ваша епархия, сударь!

— А я не вижу в этом ничего дурного,— ответил архиепископ.— Какой же хозяин не желает вернуться в свой дом?..

— Интересы Франции для меня все! — кричал разбушевавшийся шамбеллан.— Все!.. Они священные!

— Совет окончен! — решительно заявил Его величество.— Отвернитесь, монсеньоры! Я приказываю!..

Но распахнулась дверь и в комнату стремительно вошла королева, а с ней — ее мать, теща короля. При виде дам оба монсеньора незамедлительно откланялись.

— Ну что ты решил, милый? — властно спросила у мужа королева.

— Мне холодно, дорогая! — ответил супруг, по-прежнему сидя в бочке с водой.

— Так что же ты решил, я тебя спрашиваю?!

— Я не знаю, дорогая. Я замерз!..

— Вы слышите, мама! — вскричала королева.— Он опять не знает, что он решил! Тряпка!.. Если бы ты только знал, как мне надоели твои разноцветные глаза! Твое кислое лицо! Твои холодные ноги!.. Ты король или не король, я тебя спрашиваю?!

— Я дофин, дорогая.

— Вы слышите, мама! — снова вскричала королева.— Он уже смирился, что он не король, ему все равно!.. Мы нищие! — кричала она.— Мне надоело это платье! Мне надоело экономить! Мне надоело есть одно и то же! Одно и то же!.. Ничтожество!..

В отчаянии королева с силой запустила в мужа башмак. Но Его величество вовремя нырнул, и башмак пролетел мимо.

— Ты резка и несправедлива ко мне, дорогая,— обиженно сказал он, вынырнув из воды.— Хотел бы я посмотреть на любого умника в моем положении!..

— Мальчик, дорогой мой, в этом ты, конечно, прав,— включилась в разговор мать королевы,— положение твое действительно ужасное. И эта крестьяночка из Ло-

тарингии, быть может, твое единственное спасение!..

— Все не так просто, мама,— заметил Карл.— А вдруг она ведьма?

— Этого не может быть,— сказала старая королева.— Она святая!..

— Возможно даже, что она шпионка,— снова попытался возразить Его величество.

— Она святая! — повторила мать королевы.— Только святая может дать нам корону!.. Не так ли?

— Она святая! — грозно произнесла дочь.

— Ну хорошо, хорошо, святая,— согласился Его величество.— Святая...

Королевский прием. Спустя два дня, вечером 8 марта 1429 года, Жанну и ее спутников Бертрана де Пуланжи и Жана из Меца по многочисленным мостам и мостикам, лестницам и переходам провели в замок, в башню короля.

Их оставили посреди небольшого пустынного помещения без окон, в котором было несколько дверей и горели канделябры. У дверей застыли закованные в сталь люди.

Бертран де Пуланжи и Жан из Меца, начищенные до блеска, с потными от волнения лицами не спускали глаз с той, чья воля и чья настойчивость привели их из лесной глухомани сюда, в королевский замок. Сама Жанна, казалось, не видела вокруг ничего. Она стояла, наклонив голову, тихая, сосредоточенная, погруженная в себя.

Наконец одна из дверей открылась — появились граф Вандомский и господин де Гокур, сопровождавший Жанну и ее товарищей из гостиницы в замок.

— Где она? — осмотрев присутствующих, коротко спросил граф Вандомский.

— Она перед вами, сударь,— ответил старый де Гокур.

Его сиятельство граф, видя перед собой юного пажу в суконном черном полукафтоне, в серых увжих штанах и в кокет-

ливой шапочке на голове, стриженной в скобку, в замешательстве переспросил:

— Это она?!

— Она, монсеньор! Она,— ответил де Гокур,— Жанна-Дева из Лотарингии.

Преодолев замешательство, граф Вандомский сказал:

— Прошу извинить меня, сударыня, и следовать за мной!..

— С богом! — шепнул де Пуланжи.

— С богом! — шепнул Жан из Меца.

И тотчас двери, из которых за минуту до этого вышли граф Вандомский и господин де Гокур, широко распахнулись, и Жанна проследовала в зал.

...Под расписными потолками парадного зала горели факелы. Триста человек присутствующих, люди высших сословий, мужчины и женщины, пожилые и молодежь, одетые пышно и дорого,— все повернули головы в сторону вошедшей.

Среди присутствующих были Жанне дю Тиле и Аршибо де Виллар, посланцы осажденного Орлеана, граф де Клермон, господин де ля Тремуиль, шамбеллан короля, монсеньор Ренье де Шартр, архиепископ Реймский и канцлер Его величества, королева, мать королевы и сам король.

Блеск и парадность предпринятой встречи, по мнению королевского совета и монсеньора де ля Тремуиля, должны были ослепить девушку и, ослепив, разоблачить ее — сбить с толку.

Однако, случилось так, что Его величество дофин Франции Карл Валуа, ощутив неизъяснимый трепет, в который он нередко приходил по самому простому поводу, а иногда и вовсе без повода, в последнюю минуту перед самым появлением Девы, забился в гущу своих верноподданных, подальше от центрального места, где ему надлежало быть. Обстоятельство это смутило даже графа Вандомского, исполнявшего в этот вечер обязанности мажордома.

Между тем, сама Дева, войдя в зал и осмотревшись, решительно направилась к своему повелителю и, стянув с головы шер-

стяную шапочку, низко, по-крестьянски, поклонилась ему.

Его величество был поражен.

Толпа ахнула в изумлении и снова застыла. Слышно было, как потрескивали факелы под расписными потолками.

Жанна сказала:

— Да пошлет тебе бог счастливую жизнь, милый дофин!..

Овладев собой, Его величество спросил:

— Сударыня, как ваше имя? Что привело вас ко мне?

Жанна ответила:

— Милый дофин, меня зовут Жанна-Дева из Лотарингии... Я пришла к тебе по велению нашего господина восстановить Францию и королевский род... Дай мне войско, и не позднее мая я сниму осаду с Орлеана. Потом поведу тебя в Реймс и там корону... Тогда ты будешь не дофин, а настоящий король, Ваше величество...

— Тише, тише, Жанна! — поспешил сказать Его величество. — Тише, милая! Не надо так громко. Зачем?! Отойдемте в сторону, и вы мне расскажете все по порядку...

— Только очень прошу вас, милый дофин, — сказала Жанна, наградив Его величество ангельской улыбкой, — зовите меня просто на ты. Так будет проще и тебе и мне, — заключила она.

— Пожалуй! — улыбнулся дофин. — Я согласен.

С этими словами он увлек Жанну в сторону и там, в некотором отдалении, они продолжали беседовать.

Присутствующие, в том числе и граф Вандомский, и монсеньор де ля Тремуль, и архиепископ Реймский, и королева, и мать королевы, и посланцы осажденного Орлеана, — все видели, как на бледном лице Его величества скоро появилась и потом уже не сходила счастливая улыбка. Потом все увидели, как Дева, опустившись на колени, по существующему обычаю, щекой почтительно коснулась ног Его величества, потом легко поднялась, окинула

взглядом зал и, учтиво поклонившись присутствующим, направилась к выходу.

...— Ну как?! — спросил Жан из Меца, когда Жанна выпорхнула из дверей парадного зала.

— Лучше не бывает! — ответила Жанна, сияя. — Не пройдет и двух дней, как я получу войско!

— Ну слава богу! — сказал Бертран де Пуланжи. — Стало быть, не зря старались.

— Не зря!

— Говорят, ты его сразу узнала? — спросил Жан из Меца.

— Сразу!

— Тебе помогли голоса?

— Что ты! — рассмеялась Жанна. — Ничуть!..

— Тогда как же?!

— Очень просто! — призналась она. — Неужели ты забыл, что у нашего дофина самые тоненькие ножки во всем королевстве!..

И Жанна снова рассмеялась.

Ожидание. На следующий день Жанна в ожидании назначенного ей приема прохаживалась у двери Его величества.

Появился монсеньор де ля Тремуль. Жанна с достоинством поклонилась.

— Ждете? — спросил ее шамбеллан.

— Жду, — ответила Жанна.

Шамбеллан улыбнулся и, толкнув дверь, вошел в кабинет.

Проводив монсеньора пристальным взглядом, Жанна продолжала прохаживаться.

...Тем временем, Его величество дофин вышел через потайную дверь своего кабинета и последовал за шамбелланом.

Они миновали оружейный зал, лестницу, переход, каменный дворик и уперлись в железную дверь. Шамбеллан извлек из-за пояса связку ключей, отомкнул дверь, пропустил вперед Его величество и, оглянувшись, зашел сам.

...В полутемном помещении, где они оказались, была еще одна дверь, поболь-

ше, скрытая портьерой. Отворив дверь, шамбеллан снова пропустил в нее своего господина, но сам на этот раз за ним не последовал, а, плотно прикрыв дверь, повернул ключ и тут же прильнул глазом к потайному отверстию в стене...

...Его величество, замерев, разглядывал юную красавицу, возлежавшую в алькове на широкой постели. Красная вуаль прикрывала ее торс и бедра. Разноцветные глаза Его величества ожили, заискрились. Он весь подобрался, вытянулся, как легавая на охоте, и, выгнув свою слабую впающую грудь, пошел на девицу.

Красавица замерла.

...Монсеньор де ля Тремуиль задержал портьеру.

— Все еще ждете, сударыня? — спросил он у Жанны, снова появляясь в приемной.

— Жду, — ответила Жанна.

— Сегодня, сударыня, вряд ли, — сказал с сожалением шамбеллан.

— Но дело, сударь, не терпит промедления! — ответила Жанна. — Вот посланцы осажденного Орлеана, — показала она на господ Жанне дю Тилле и Аршибо де Виллара.

Оба воина почтительно поклонились.

— Что делать, что делать, монсеньоры! — вздохнул шамбеллан. — У нашего дофина не один Орлеан! Честь имею, сударыня...

Аудиенция. Спустя день Его величество принял Жанну в своем кабинете. Разговор происходил без свидетелей, при закрытых дверях.

Жанна сказала:

— Милый Карл, пора немедля выступить в Орлеан. Англичане готовятся к штурму!..

— Но это сейчас невозможно, Жанна!

— Ты передумал?! — с тревогой спросила Жанна.

— Нет, что ты, — ответил Его величество. — Напротив...

Жанна пристально посмотрела на него: — Что с тобой, милый дофин?..

— А что? — сразу насторожился Его величество.

— Ты какой-то вареный сегодня. Как судак на тарелке у моей тетушки.. У тебя неприятели?..

— А что, кто-нибудь говорил об этом?!

— Да нет, — улыбнулась Жанна. — Мне так показалось.

— А что тебе показалось?!

— Что тебя затюкали тут.

Его величество тяжело вздохнул.

— Ну что ты выдыхаешь, Карл, — улыбаясь, ласково сказала Жанна. — Мужайся, все кончится хорошо!..

Его величество устало махнул рукой.

— Вот увидишь! — сказала Жанна. — Ведь я-то знаю, что тебя гложет!..

— А что меня гложет?! — вновь встревожился Его величество.

— Ты боишься, — сказала она.

— Чего я боюсь?

— Что ты незаконный сын.

Его величество остолбенел.

— И не имеешь права на корону.

— Откуда ты знаешь?!

— Говорят.

— Кто говорит?!

— Все говорят.

— Где говорят?!

— У нас в деревне.

— Вот так известие! — выдохнул Его величество. — Приятное известие — ничего не скажешь!

— Только этому никто не верит! — поспешила добавить Жанна. — Успокойся, Карл!.. У нас в деревне каждый знает, что ты единственный и законный наследник. И никто не верит сказкам королевы Изабы, твоей распутницы мамыши. — И она добавила: — Прости меня, пожалуйста!..

— Говори, говори! Это справедливо, Жанна, — сказал Его величество. — Говори, не стесняйся!..

— Как хорошо, Карл, — воодушевившись, продолжала Жанна, — что ты совсем

не такой, как твоя мамаша!.. Ты чистый! Ты такой целомудренный!..

— Ну это ты слишком, Жанна! Это уж через край! — заметил Его величество. — Я ведь, знаешь, иногда тоже озорник.

— А я это вижу, сударь, — улыбаясь, сказала Жанна. — Вижу... У нас в деревне парни тоже озорничают. Ты мужчина молодой. Тебе впору и побеситься!

Его величество улыбнулся. Глаза его засветились, он как-то ожил вдруг и повеселел.

— Ты говори, говори, Жанна! Не стесняйся, — подбодрил он. — Эта тема меня волнует, говори!..

— Вот я и говорю, Ваше величество, — сказала Жанна, резко меняя тему разговора, — что пора уже наконец выступить в Орлеан! А то англичане возьмут город и тогда тебе — крышка! И всем нам вместе с тобой!.. Понятно?!

— Ну вот, — произнес устало Его величество, — ты опять за свое, Жанна!..

— Но я не могу иначе, Ваше величество! — воскликнула Жанна. — Орлеану плохо! Орлеан ждет!..

— А мне, ты думаешь, сладко! — сказал Его величество. — Я целыми днями только и думаю что об Орлеане!.. Но что я могу, когда у меня ничтожное войско!

— А ты собери новое большое войско, — предложила Жанна.

— Но помилуй! — воскликнул Его величество. — Как это сделать, если у меня денег не хватает платить солдатам?!

— Но у тебя в стране столько патриотов, Карл! Ты только позови, и они придут!

— Как же, дожидайся! — Его величество взволнованно вскочил и принялся ходить по комнате.

— Успокойся, Карл, успокойся!

— А я спокоен, Жанна... Я давно спокоен! — усмехнулся нервно Его величество, продолжая ходить. — Я ко всему привык... Родная мать и та считает меня уклонком!.. Мне смеются в лицо! Я слабоумный сын сумасшедшего короля! Но я спокоен!..

— Вот и хорошо, будь выше! — сказала Жанна. — Не обращай внимания, Карл!.. У нас в деревне надо мной тоже смеются. Меня тоже душой считают... Даже мои родные братья!

— Ты другое дело, Жанна. Ты мужичка, а я дофин, почти король Франции!..

Жанна затихла.

— Орлеан! Отечество! — продолжал Карл. — Да если бы у меня была сильная армия, я бы завтра же двинулся в Орлеан! Но у меня нет ее!.. У меня вообще ничего нет, Жанна, хотя я во всем себе отказываю, чтобы иметь армию!.. Ты не поверишь, но у меня дырявые башмаки!

— Не может быть! — воскликнула Жанна.

— Смотри! — Его величество показал Жанне свой дырявый башмак.

— Бедный!.. Бедный Карл! — снова воскликнула Жанна. — Я помогу тебе!.. Вот, держи. — И она вложила в руку Его величества свой тощий кошелек. — Это пока все, что у меня есть, — сказала она, — но я попрошу у отца и он даст еще — он меня очень любит... Бери!.. Карл, миленький, не стесняйся!..

Его величество молчал — он был потрясен. Умолкла и Жанна.

Наконец он сказал:

— Спасибо, Жанна, спасибо тебе! Ты единственная, кто предложил мне помощь бескорыстно... Я этого не забуду никогда!.. Возьми свой кошелек обратно... Пожалуйста, возьми.

— А как же ты?! — спросила Жанна. — Ты о себе подумай, Карл! Ты обижаешь меня...

— Спасибо, дорогая, — улыбнулся Карл. — Не беспокойся! У меня все-таки кое-что припрятано...

— Ты меня успокаиваешь! — не поверила Жанна.

— Ничуть! — ответил Его величество. — На днях я украд кошелек у нашего шамбеллана.

— Что ты, Карл! — прошептала Жанна. — Зачем ты на себя наговариваешь?!

— Я не наговариваю, Жанна,— сказал Его величество.— Такое на себя не наговаривают, такое скрывают... Вот он! — Его величество показал Жанне распитый золотом кошелек.— Теперь веришь? — спросил он и, оглянувшись на дверь, быстро спрятал кошелек обратно.

— Несчастный! — прошептала Жанна.— Бедный мой, милый дофин!.. До чего они тебя тут довели! Кто б мог подумать!.. Ну ничего... крепись! Я за тебя буду молиться. И бог, быть может, простит тебя... Ведь этот жирный ля Тремуйль, он обирает тебя в сорок тысяч раз больше!

— Он меня крепко держит! — признался Его величество.— Я у него в руках, Жанна!

— Ничего, милый дофин, ничего! — пыталась успокоить Его величество Жанна.— Подождем, время придет, мы его скрутим!..

— Скрутим,— согласился Его величество.— Скрутим!.. Я с ними посчитаюсь! — произнес он, охваченный внезапной решимостью и волнением.— Я их всех обломаю!.. Всех прижму! Всех на колени поставлю! Всех!..

Но тут что-то щелкнуло за портьерой. Его величество встрепенулся и в ужасе застыл.

— Что с тобой, Карл? — удивилась Жанна.

— Тс-сс!..

Кругом было тихо.

— Нас накрыли! — прошептал Его величество.— Мы в ловушке!..

— Что ты, Карл! — улыбнулась Жанна.

— Тс-сс!.. Нас кто-то подслушивал!

— Ты побледнел! — поразилась Жанна.

— Все! Теперь меня удавят! — прошептал он.— Конец! Крышка!..

Жанна кинулась за портьеру. Через секунду она вышла оттуда, держа на руках дрожащего от холода щенка.

— Что это?! — спросил Его величество.

— Щенок,— ответила Жанна.

— Откуда он взялся?

— Не знаю,— пожала плечами Жанна и рассмеялась.— Выше голову, Ваше величество!..

Его величество натянуто улыбнулся.

— Здесь, Жанна, чаще пользуются ушами, чем языком,— сказал он, охваченный дрожью.

— Для чего же тогда язык?

— И не спрашивай, Жанна! Лучше бы его совсем не было — с ним одни неприятности! — Его величество нервно слотнул и добавил: — Боюсь, что и щенок заговорит в руках у нашего шамбеллана! И мать его, и братья, если есть. И сестры.

— Что Вы, Ваше величество! — весело сказала Жанна.— Уж на нас-то с ним,— кивнула она на дрожащего щенка,— ты можешь положиться!.. Мы ничего не скажем даже под пыткой. Даже, если будем орать от боли!.. Клянемся тебе!

— Не надо, Жанна, не клянись,— устало произнес Его величество.— К чему эти клятвы!..

— Запомни, Карл! — сказала вдруг Жанна убежденно и сильно.— Не позднее мая я все-таки сниму осаду с Орлеана! А потом поведу тебя в Реймс и там корону... Да, да, запомни!.. Это я тебе говорю, Жанна-Дева из Лотарингии!..

Его величество вяло улыбнулся.

— Я, наверное, не выдержу, Жанна,— сказал он.

— Выдержишь! Выдержишь, милый дофин!.. И у муравья на горе вырастают крылья!

— Дай-то бог! Дай-то бог! — сказал Его величество.

— Для этого я и послана! — сказала Жанна.— Для этого я и пришла.

— Благодарю тебя, Жанна! Благодарю тебя, милая! — снова воспрянув, произнес Его величество и вдруг спросил: — А хочешь, я сделаю тебя графиней?..

— Кем? — не поняла Жанна.

— Графиней! — повторил Его величество.

— Нет, не хочу,— ответила Жанна и,

упав перед Его величеством на колени, она воскликнула: — Отправьте меня в Орлеан, Ваше величество!.. С войском!.. Отправьте!..

— Но у меня плохое войско, Жанна!

— Уж какое есть, Ваше величество. Отправьте!..

— Ну поезжай! — согласился Его величество. — Поезжай!..

— Спасибо! — сказала Жанна. — Спасибо, милый дофин!.. — И благодарно коснувшись щекой его колен, она поднялась и прибавила: — Только очень прошу тебя, Карл, не называй меня больше мужичкой, пожалуйста!.. Я понимаю, что это так. Но мне все-таки неприятно. Это грубо по отношению к девушке!..

— Ну конечно, конечно, Жанна! — поспешил заверить Его величество. — Прости меня! Прости, пожалуйста!..

— Пожалуйста! — сказала Жанна. — Ну вот и все, теперь я спокойна, — прибавила она. — До свидания, Карл! Благодарю тебя за прием! — И уже в дверях, улыбнувшись ему, она произнесла: — Не унывай, мой милый дофин, все будет хорошо! Твоя Жанна с тобой!..

Его величество проводил Жанну взглядом, и сердечная улыбка не сходила с его лица, пока в комнату не вошли монсеньор де ля Тремуль и архиепископ Реймский.

— Ну как она, Ваше величество? — спросил архиепископ.

— Милая девушка!.. Какая же она все-таки милая! — ответил задумчиво Его величество. — Прекрасное существо! Чиста, как кристалл! — И так же задумчиво он закончил: — Надо ее проверить, монсеньор!.. Тщательно проверить. Обязательно проверить! Не откладывая, проверить!..

Открытие. Через день карета, сопровождаемая отрядом всадников, закованных в железо, тагила Жанну в город Пуатье, столицу французской Франции. В городе находились парламент Его величе-

ства и собрание виднейших богословов и знатоков верховного права, бежавших туда из Парижа от преследования бургундцев и англичан.

Жанна спросила у одного из сопровождающих:

— Сударь, когда мы будем в Орлеане?

— Боюсь, что не скоро, сударыня, — ответил тот.

— Почему?

— Потому что мы едем в другую сторону.

— Как?!

— А вы разве не знаете, сударыня?.. Мы едем в Пуатье.

— Да, да, — сказала Жанна и задумалась. — Сударь, а почему вы везете меня в Пуатье? — спросила она, подумав.

— Личное распоряжение Его величества! — ответил господин.

— В Пуатье войско, сударь?

— В Пуатье суд, — ответил господин.

Жанна снова задумалась, потом сказала, заставив себя улыбнуться:

— Суд — так суд! Судиться мне не при- выкать!.. С богом!..

Испытание. В центре Пуатье у «Гостилицы Розы», в которой специальная комиссия богословов и законников допрашивала Жанну, с раннего утра толпился народ. Это были горожане и пришлые из окрестных деревень крестьяне, люди разного звания, возраста и достатка. Ремесленники, торговцы, нищие и бродяги, воины, низшее духовенство и даже дворяне. И как это было недавно в Вокулере, люди стояли молча, не спуская глаз с дверей и с окон дома, в надежде увидеть ту, которая пришла, чтобы освободить Францию и восстановить королевский род.

...Жанну допрашивали в столовой мэтра Жана Рабата, королевского адвоката, проживающего в «Гостилице Розы» за именем собственного дома.

Ученые доктора, наставники и прелаты — члены духовной палаты парламента

Его величества — сидели за широким длинным столом.

Жанна сидела напротив на скамейке одна. Она заметно осунулась со дня своего отъезда в Пуатье, но казалась неизменно бодрой и сохраняла полное присутствие духа.

Мессир мэтр де Версаль, поглядев на толпу за окном, спросил, обращаясь к Жанне:

— Говорила ли ты своим спутникам, Жанна, монсеньорам Бертрану де Пуланжи и Жану из Меца, что не пройдет и двух дней, как ты получишь войско, чтобы идти в Орлеан?

— Да, сударь, — ответила Жанна. — Я говорила это в тот вечер, когда впервые встретилась с Его величеством.

— А на каком основании ты это говорила?

— Потому что Его величество хорошо принял меня, — ответила Жанна. — Он был очень добр.

— Но теперь, надеюсь, ты понимаешь, Жанна, насколько ты заблуждалась?

— Я не заблуждалась, сударь, — ответила Жанна.

— Но ведь Его величество не дал тебе войска!.. И, более того, направил тебя к нам.

— Его принудили, — ответила Жанна.

— Это как понимать? — спросил мэтр де Версаль.

— Очень просто, мессир, — сказала Жанна, — во дворце не все хотят, чтобы Его величество стал королем. Чтобы я повела его в Реймс...

— Это неслыханно! — воскликнул мэтр де Версаль.

— Неслыханно, мессир, — согласилась Жанна. — Но пока Его величество дофин, а не король, ему приходится в чем-то уступать. А еще, — сказала она, — Его величество и вправду мало меня знает. Шутка ли — доверить девушке войско!.. На это нелегко решиться, мессир. Сперва, конечно, надо меня проверить. — И, наградив мэтра де Версаля и всех его коллег неожидан-

ной улыбкой, Жанна закончила: — Я очень надеюсь, монсеньоры, на вашу снисходительность и мудрость...

Слово взял брат Жан Эро, монах-доминиканец.

— Зачем ты явилась сюда, Жанна? — спросил он.

— Я не устану повторять, сударь, — ответила Жанна, — что я послана царем небесным, чтобы снять осаду с Орлеана и повести нашего дофина в Реймс на коронаванье!

— Но если так, Жанна, — воскликнул мэтр Гильем Эмери, — если сам бог действительно хочет освободить Орлеан и народ Франции, то зачем же тогда нужны солдаты?!

— Во имя божье, сударь, солдаты будут сражаться и бог пошлет им победу, — ответила Жанна.

Брат Гильем Эмери удовлетворенно кивнул и откинулся на спинку своего стула.

Брат Сеген де Сеген, тучный доминиканец родом из Ломожа, задал Жанне каверзный вопрос:

— На каком языке говорят твои швятые, Жанна?

Брат Сеген де Сеген шепелявил.

Жанна улыбнулась.

— Я спрашиваю, — повторил монах, — на каком языке говорят твои швятые?

— На языке, который лучше вашего, сударь, — ответила Жанна.

Коллеги брата де Сегена прятали улыбки.

— Веришь ли ты в бога, шестра? — продолжал задавать вопросы монах.

— Да, сударь, и больше, чем вы! — ответила Жанна, потеряв всякое терпение.

— Но где твое жнамение?! — воскликнул брат де Сеген. — Штало быть, бог не хочет, чтобы тебе поверили, раш он не дает тому никакого жнамения!..

— Я пришла в Пуатье, сударь, вовсе не для того, чтобы давать знамения и творить чудеса! Отправьте меня в Орлеан, и я вам покажу, ради чего я послана!.. Я сни-

му осаду с Орлеана,— продолжала она убежденно и сильно, как всегда, всякий раз, когда речь заходила о главном — о ее миссии.— Англичане будут изгнаны и разбиты! И тогда, монсеньоры, вы вернетесь в Париж на свои прежние места. И будете там аккуратно получать свое жалованье!..

Очевидно, последнее замечание Жанны возымело особое действие, и мэтр Жан Эро миролюбиво сказал:

— Успокойся, Жанна! Успокойся, пожалуйста... Неужели ты сомневаешься в нашем искреннем к тебе расположении? В большом желании помочь тебе?..

— Ну что вы, монсеньор! — ответила Жанна.— Разве я могу сомневаться в этом?.. Вот уже три недели вы допрашиваете меня каждый день. Ваше доброе отношение ко мне известно... И если вы снова потребуете у меня знамение, я снова отвечу вам, что знамение мое — Орлеан!..

Ученые доктора, наставники и духовенство посоветались о чем-то неслышно, и мэтр Жан де Ламбер сказал:

— Жанна, совет предлагает тебе отдохнуть немного и подождать.

— Благодарю, монсеньоры,— ответила Жанна, вставая.— Я подожду, конечно. Только очень боюсь, что англичане ждать не станут! Ждать им невыгодно, монсеньоры! — И, поклонившись учтиво, она вышла.

Слово взял мэтр де Версаль.

— Монсеньоры! — сказал он.— Вот уже три недели, как мы опрашиваем юную крестьянку, требуя от нее знамение, которое подтвердило бы чистоту ее устремлений. Лично для меня, монсеньоры, постоянство, с каким эта девушка повторяла нам, что знамение ее победы будет сама победа, стало не поводом для сомнений, но поучительным примером пламенной веры!.. Лучший пророк тот, монсеньоры, кто пророчит хорошее!

В этот момент сотни голосов за окном прокричали: «Нозль!» — и запели торжественную: «Veni creator Spiritus».

— Толпа приветствует Деву,— сообщил, посмотрев в окно, брат Пьер Тюлерюр.

— Отныне, брат мой, это уже не толпа, это — народ! — заметил мэтр Жан Эро.

— Простолюдины сотнями стекаются в город, чтобы записаться к ней в войско, монсеньоры,— сказал мэтр Поль де Версаль.— Она, эта Дева,— грозная сила. Она — сама Франция!

— Да пошлет ей бог великую победу, монсеньоры! — произнес мэтр Жан Эро.

Святой совет Его величества в полном молчании поднялся с мест и стоя слушал песню, которой встретил народ свою заступницу, свою Жанну.

Путь в Орлеан. В среду 27 апреля 1429 года Жанна на белом коне в состоянии величайшего ликования и воспаренности духа песлась по лугу вдоль Орлеанской дороги, по которой двигалось войско. В этот день свершилось наконец то, к чему она стремилась столь упорно, с таким великим терпением. Его величество дофин, получив благосклонный отзыв Святого совета, повелел допустить ее к войску.

Немалая свита сопровождала теперь Деву. Были в свите и Жан из Меца, и Бертран де Пуланжи, уже знакомые, испытанные товарищи, были и новые лица — пажи Людовик и Раймонд де Кут, духовник Жан Паскерель, глашатаи Амбельвиль и Гюйен, бедный рыцарь Жан д'Олон, назначенный управляющим ее делами, были и родные братья — Жан и Пьер, прибывшие к сестре по случаю внешней славы.

Закованная в белые латы, в белой накидке и в белом плаще, с развевающимся белым знаменем, Жанна приветствовала войско, воздев руку в сверкающей стальной перчатке. Солдаты кричали: «Нозль!» — и возглас этот катился дальше вдоль колонны по мере того, как продвигалась Жанна.

Братья Жанны, следовавшие рядом, беспрестанно поглядывали то на сестру, то на войско.

— Эх! — воскликнул младший из братьев Пьер.— В таких-то нарядах да на таких-то конях да по деревне бы!..

— Одна сладость! — вторил старший из братьев Жан.

— Не по тому мы делу с тобой, братец, пошли! — заметил младший из братьев Пьер.— Надо было богу почаще молиться. А ты все — пахать да пахать!.. Теперь бы тоже в славе купались!

— Типе вы! — цыкнула на братьев Жанна.— Купайтесь, кто вам не велит! На всех славы хватит!..

— Своя-то слава послаще! — не унижал младший.

— Заткнись! — потеряв всякое терпение, прикрикнула на него сестра.— Суета это все!.. А ты не ухмыляйся, Жан! — заметила она старшему.— Ты ведь старший!

— Ой-ой-ой-ой! — как и прежде, в детские годы, заикался старший.

— Замолчи! — снова прикрикнула Жанна.— Перед людьми совестно. Ты не в деревне!..

— Ой-ой-ой-ой!.. А кто варенье воровал! Я, что ли?!

— Сударь,— обратилась Жанна к д'Олоу,— отправьте моих братьев в арьергард.

— Куда? — изумился Жан.

— В арьергард,— повторила Жанна.

— Ой-ой-ой-ой! Раскомандовалась!..

Братьев препроводили в арьергард — туда, где отряд стрелков сопровождал шестьсот телег, груженных продовольствием и снаряжением для осажденных, и стадо в четыреста голов.

Жанна и ее свита двигались уже в голову войска.

Жанна спросила, обращаясь к своему управляющему:

— Д'Олон, ты заметил в обозе женщин?

— Да, сударыня.

— Они кто, жены?

Д'Олон улыбнулся.

— Они девицы, сударыня.

— Шлюхи,— уточнила Жанна.

— Они,— подтвердил д'Олон.

Жанна сказала:

— Именем царя небесного, приказываю отправить всех назад! Сегодня же!..

— Боюсь, сударыня, что это не удастся. Солдаты привыкли!..

— Вот нас и бьют! — воскликнула Жанна.— Или шлюхи, или Орлеан! — решительно сказала она.— Что-нибудь одно, сударь!..

— Слушаюсь, сударыня!

— Действуй! Вечером я проверю!..

Д'Олон отправился исполнять.

Орлеан. В пятницу 29 апреля на исходе дня Жанна, сопровождаемая монсеньором Дюнуа, Орлеанским батардом, маршалом де Буссак, монсеньорами Гюн де Кайи, Пьеа и всей своей свитой, въехала в Орлеан через Бургундские ворота.

Жители осажденного города от мала до велика высыпали в этот час на улицы встречать Деву. Тысячи факелов освещали ей путь. Сотни энтузиастов с горящими глазами, давя и калеча друг друга, тянулись к ней, желая коснуться хотя бы краешка ее одежды, хотя бы только ее коня, дабы выразить ей свое признание и свой восторг. Тысячи граждан криками приветствовали ее, сотрясая воздух до самого поднебесья.

Размах и неистовство этой встречи были столь велики, что хроникер-француз Орлеанского дома впоследствии написал: «В этот вечер и во все последующие дни пребывания Жанны в Орлеане в городе не было иного кумира, нежели Дева, и не было иной власти, нежели власть Девы», а спустя без малого пять столетий, другой француз по имени Франс справедливо заметил, что Дева «внушала арманьякским солдатам и орлеанским горожанам столько же доверия, сколько мог сообщить солдатам Луары в зиму 1871 года республиканский инженер, изобретатель бездымного пороха или усовершенствованной пушки».

Проехав через весь город, Дева и со-

проводящий ее кортеж остановились возле дома Жака Буше, городского казначея.

Хозяин дома и домочадцы, все в праздничном, вышли встречать гостей. Низким поклоном Жак Буше приветствовал Жанну, монсеньоров Дюнуа, Гюи де Кайи, Пьеа, маршала де Буссак, братьев Жанны и свиту. Жанна сошла с лошади, и Жак Буше, по обычаю гостеприимства, поцеловал ее в лоб. Собравшиеся трижды прокричали: — Ноэль! — а когда Жанна, поклонившись всем, вошла в дом, люди запели.

...В передней Жанна шепнула хозяину:

— Сударь, пожалуйста, оставьте меня наедине с моими братьями.

— Воля ваша, сударыня, — внимательно взглянув на нее, ответил Буше. — Все будет так, как вам угодно. Отдыхайте...

Он распахнул перед Жанной дверь, ведущую в просторную комнату, где накрытый стол ломился от яств.

— Это жители Орлеана, сударыня, прислали вам к ужину все самое лучшее, что у них было и что им удалось раздобыть.

...Сестра и братья втроем сидели за столом. Жан и Пьер терзали жареного поросенка. Жанна неподвижно смотрела на расшитую узорами скатерть... Наконец она сказала:

— Хочу домой...

Братья застыли.

— Хочу к отцу с матушкой, — повторила Жанна.

— А как же Орлеан?! — окинув щедрый и еще почти не тронутый стол, воскликнул младший из братьев Пьер.

— Шумно здесь, — сказала сестра. — Уедем!..

— Нельзя! — решительно заметил старший, принимаясь за жареного фазана. — Орлеан нам это не простит!

— Хочу в деревню, братики! К отцу с матушкой, — снова повторила Жанна. — Очень хочу. Поймите вы меня!

И она горестно всхлинула.

Братья ели. А за окном толпа горожан вдохновенно пела «Veni creator Spiritus».

Победа. На восходе 7 мая французское войско, высадившись на правый берег Луары, двинулось к форту Турель, ключевой позиции в системе всей английской осады Орлеана.

Люди шли молча плотной массой следом за своими командирами. По реке плыл туман, он полз по мосту, по траве, сквозь кусты и шеренги, укрывая идущих.

Жанна шагала впереди головного отряда вместе с монсеньором Дюнуа, Орлеанским батардом. Справа от нее шли знаменосец с ее белым знаменем и господин д'Олон, чуть подалее — паж Раймонд де Кут, братья Жан и Пьер, духовник брат Паскерель и вся свита.

Приблизившись к крепостному валу на расстояние чуть более полета стрелы, монсеньор Дюнуа дал знак и отряд остановился.

Крепость, казалось, вымерла — на высоких стенах ее никого не было видно.

Жанна вышла вперед, туда, где стояло сломанное ядром дерево. Д'Олон последовал за своей госпожой. Сложив ладони у рта, Жанна закричала в сторону крепости:

— Эй, Гласидас! Гласидас!..

— Правильно будет Гласдаль, сударыня, — вежливо поправил ее д'Олон.

— Да, да, Гласдаль, — кивнула Жанна и снова продолжала: — Гласидас! Гласидас!.. Именем царя небесного прошу тебя, сдавайся!.. Подумай о своих солдатах! Зачем лить кровь, Гласидас?! Это говорю тебе я, Жанна-Дева из Лотарингии!.. Отвечай!.. Я жду!

— Убирайся прочь, ведьма! — ответили со стены.

— Что-о?! — не расслышала Жанна. — Говорите громче! — крикнула она. — Я не слышу!

— Убирайся прочь, ведьма! — повторил голос со стены. — Только попадись, мы тебя сожжем, шлюха!..

— Это они мне?! — опешив, спросила Жанна у д'Олона.

— Сударыня, прошу вас, не расходуйтесь! Поберегите себя, — ответил рыцарь. —

Словами их не вразумишь. Тут нужны пушки... Вернемся!

— Нет, погоди,— сказала Жанна.— Они должны понять.— И, сложив ладошки у рта, она снова продолжала:— Гласидас! Гласидас! Именем царя небесного, очень прошу тебя, уходи в Англию!.. Там тебя и твоих солдат ждут дети и жены! Ты слышишь, Гласидас?! Именем царя небесного!..

В ответ со стены полетели стрелы. Две из них воцелились в дерево, едва не коснувшись головы Жанны. Девушка вздрогнула и, покосившись на стрелы, беззвучно сползла вниз.

— Сударыня! — крикнул д'Олон, хватая ее подмышки и оттаскивая в безопасное место.— Вы ранены?

Подбежал монсеньор Дюнуа, братья и свита.

Жанна поднялась.

— Не согласны! — сказала она, сокрушаясь и отряхивая солому с накидки.— Придется брать штурмом...

Монсеньор Дюнуа подал знак. Протрубил рог.

Обнажив меч, Жанна крикнула, обращаясь к войску:

— Все, кто верит в меня, за мной!

И она первая пошла на приступ.

Штурм начался.

Миновав глубокий ров, Жанна с помощью своего оруженосца и двух солдат прислонила к стене лестницу и полезла наверх. Но едва она достигла середины, как пущенная сверху стрела опрокинула ее наземь.

Немедля десять английских лучников спустились вниз, чтобы взять ее и доставить в крепость. Они в упор расстреляли знаменосца Девы и двух солдат, которые пытались оказать ей помощь.

Жанну ждал плен.

Но в эту минуту господин д'Олон, Жан из Меца и Бертран де Пулавжи, защищая раненую, втроем врезались в неприятеля. Когда подошла подмога, английские лучники были истреблены до последнего.

Жанну отнесли в безопасное место, опустили на траву.

Девушка застонала от боли — стрела, пробив панцирь, задела правую ключицу и на пол-ладони вошла в грудь. Кровь струилась из раны.

Печальная свита и находившиеся поблизости воины обступили раненую.

Она сказала:

— Скорей позовите моих братьев!..

Пажи Людовик и Раймонд де Кут, сдерживая слезы, отправились искать братьев.

— Сударыня,— сказал д'Олон, склоняясь над раненой,— позвольте снять ваш панцирь. Вам будет полегче.

Пока снимали панцирь, Жанна безропотно переносила боль.

Показались братья.

— Сестренка! — еще издали крикнул старший из братьев Жан.— Сестренка, родная!..

— Жан, Пьер! — увидев братьев, воскликнула Жанна.— Меня ранили! Я, наверное, скоро умру, молитесь за меня!.. — Из глаз ее хлынули слезы.— Передайте матушке и отцу, что я очень любила их!.. И пусть они меня простят!..

Братья плакали.

— Ну что же вы стоите? Идите сражайтесь! — сказала сестра.— Теперь вы вместо меня... Живо!..

Оба брата, глотая слезы, покорно бежали на позицию.

— Будьте героями! — напутствовала их сестра.— Мы должны победить!..

Братья припустили еще быстрее и скоро скрылись в дыму среди осаждающих. Кровь, не переставая, струилась из глубокой раны.

— Надо остановить кровь, — сказал д'Олон.

— Кровь надо заговорить,— сказал паж Людовик де Кут.

— Я это умею,— вызвался один из воинов.

— Нет,— сказала Жанна.— Заговор противен богу. Я не согласна.

— Это единственный способ,— возразил паж.— Умоляю вас, сударыня!..

— Это противно богу! — повторила Жанна.— Я не согласна...

— И я не согласен! — раздался знакомый голос.

— Теофраст! — воскликнула Жанна.— Ты?!

— Кажется, я успел вовремя! — сказал Теофраст, склоняясь над Жанной.— Кто это вас так? Кто это вас посмел тронуть, сударыня?!

Говоря все это, Теофраст ловко осмотрел рану, кивнул своим ученикам, расположившимся возле.

Один из них, что выглядел поумней, открыл походный сундучок, а другой, что выглядел поглупей, быстро достал оттуда кусок мягкой ткани, смочил его в масле и, дважды макнув в серный порошок, протянул Теофрасту.

— Я наверное умру? — спросила Жанна.

— Чепуха! — сказал Теофраст.— От такой ерунды не умирают. Щипцы! — приказал он.

Тот, что выглядел поумней, протянул Теофрасту щипцы.

— Это зачем? — увидев щипцы, настожились Жанна.

— Увидишь!

— Я сама!

— Нет уж, потерпи! Это мое дело...

Точным движением Теофраст извлек из глубокой раны железный наконечник. Жанна молча перенесла боль.

— Ну и Дева! Ну и молодец! — похвалил ее Теофраст, накладывая мягкий тампон и повязку.— А то — умру!.. Да где это видано, чтоб такая резвая кобылка от такой царапины умирала?!

Жанна нахмурилась. А когда боль немного поутихла, она сказала Теофрасту так, чтобы не слышали остальные:

— Что это вы, сударь, себе позволяете?..

— А что? — удивился Теофраст.

— А то, что надо быть поучтивей!..

Я вам не кобылка, сударь! И мы с вами не в деревне!.. Д'Олон, бери мое знамя, и вперед! Солдаты должны видеть его... — приказала она.— Передайте солдатам, что Дева совсем здорова и скоро будет среди них!.. Поживей!.. Что за кислые лица?! Вперед! Вперед!..

Д'Олон со знаменем и свита Жанны двинулись вперед — туда, где кипел бой.

— Теофраст,— сказала Жанна,— я хочу встать... Помогите...

— Еще не время,— сказал Теофраст.— Поспи...

— Не хочу! Там умирают,— сказала Жанна, вставая.— Надо идти!..

Она поднялась, но тотчас покачнулась и рухнула. Теофраст едва успел подхватить ее.

— Вот видишь! — сказал он, укладывая ее поудобнее.— Тебе нужны силы. Надо спать... Выпей лекарство.

Жанна выпила.

— Закрой глаза.

Жанна закрыла глаза.

...Уже не первый час с высоких стен на осаждающих летели стрелы, камни, бревна, битое стекло, лилась горящая смола.

Маршал де Буссак сказал монсьёру Дюнуа:

— Солдаты пали духом, сударь. Если через час мы не возьмем крепость, придется отступить...

— Где д'Олон? — спросил Дюнуа.

— Он здесь,— сообщил герольд.

— Пусть подойдет.

Подошел д'Олон. Вид у него был усталый, его левая рука была перевязана.

— Как Дева? — спросил Дюнуа.

— Спит,— ответил д'Олон.— Она потеряла много крови.

— Придется отступить,— сказал де Буссак.

— Монсьёор,— сказал д'Олон, обращаясь к Дюнуа,— подождем еще час.— Дева обещала вернуться.

— Хорошо, час,— сказал Дюнуа.

...Жанна открыла глаза.

Возле нее сидел человек, одетый в сво-

бодные светлые и не очень новые одежды, под которыми виднелись панцирь и меч.

— Наконец-то! — прошептала Жанна.— Я так ждала тебя, святой Михаил. Так ждала! — И она всхлинула.

— Успокойся, Жанна,— сказал святой Михаил.

— Прости меня. Я что-то часто стала реветь,— сказала Жанна.

— Это без привычки,— сказал святой Михаил.— К войне надо привыкнуть.

— Ты так нужен мне! — проговорила Жанна.— Я уж думала, ты не придешь... Ты не сердись на меня?

— За что?

— За то, что я струсил, когда меня ранили. Я только о себе и думала.

— А теперь? — спросил святой Михаил.

— Теперь я хочу встать и идти,— ответила Жанна.

— Встань и иди.

Жанна поднялась. Святой Михаил помог ей надеть панцирь, подал знамя и меч.

— Спасибо тебе, святой Михаил,— сказала Жанна.— И, опустившись перед ним на колени, она прильнула к его руке.— У тебя рука, как у моего отца,— сказала она.— Шершавая и теплая.

— Ступай,— благословив ее, сказал святой Михаил.— Тебя там ждут...

Жанна уже было пошла, но взгляд ее, скользнув по щеке святого Михаила, остановился на совсем еще свежей ссадине, из которой сочилась кровь.

— Что это у тебя на щеке, святой Михаил? — спросила она.— Кровь?!

Святой Михаил торопливо прикрыл щеку рукой.

— Ступай, Жанна! — сказал он.— Ступай!..

— Ты ранен?! — прошептала Жанна.— Ты сражался?..

— Ступай! — повторил святой Михаил.— Тебя там ждут. Ступай!..

И, не задерживаясь более, он повернулся и зашагал прочь.

...Когда Жанна появилась на краю рва, солнце уже садилось и французский трубач играл отступление. Разуверившиеся в победе войны вместе со своими командирами, прикрываясь щитами, возвращались из-под стен крепости.

— Сударыня, сударыня, остановите их! — закричал, увидев Жанну, охрипший от усталости и отчаяния д'Олон.— Сделайте что-нибудь! Помогите, сударыня!.. Сделайте что-нибудь!..

— Послушай, парень, — сказала она трубачу,— играй наступление!

— Не могу,— ответил трубач.— У меня приказ.

— Чей приказ?

— Приказ маршала де Буссак!

— Именем царя небесного я его отменяю! Играй!

— А ты кто такой?! — возмутился трубач.

— Как кто?! — вскричала Жанна.— Ты что, ослеп?! Я Жанна-Дева из Лотарингии!..

— Так тебя ж убили!

— А ты рад?!

— Что вы, сударыня, грех-то какой! Я плакал о вас.

— Тогда труби! Труби, тебе говорят! Живо!..

Трубач заиграл наступление.

— Солдаты, стойте! — закричала Жанна.— Ваша Дева с вами!.. Она здорова, как прежде!

Увидев ее, бегущие стали останавливаться.

— Англичане выбились из сил! — продолжала кричать Жанна.— У них кончаются порох и стрелы!.. Смотрите, их ядра уже не долетают до вас!.. Именем царя небесного, вперед!..

Наступление возобновилось.

Господин д'Олон, Бертран де Пуланжи, Жан из Меца, братья Жанны первыми устремились вперед.

— Все, кто верит в меня, за мной! — крикнула Жанна и, подняв над головой меч, пошла на приступ.

Видя ее невредимой и впереди, солдаты с криками устремились следом.

Англичане, спустившиеся было вниз для преследования отступающих, теперь, увидев Деву и ее знамя, в панике бежали обратно. Они в страхе взирали на нее с высоких стен, не в силах объяснить себе, почему эта ведьма не утратила чар вместе со своей кровью и как это ей удалось излечить глубокую рану.

— Когда мое знамя коснется укрепления, крепость падет! — крикнула Жанна солдатам.

— Сударыня! — сказал один из воинов, — ваше знамя уже коснулось крепости.

— Тогда входите туда! — крикнула Жанна. — Все это принадлежит вам!

Услышав ее призыв, командиры, солдаты, горожане и крестьяне ринулись на крепостной вал и скоро усеяли всю стену.

Поднявшись на укрепление, Жанна, монсеньоры Дюнуа, Жюль де Ре, маршал де Буссак, капитаны Жанне дю Тилле и Аршибо де Виллар, Жан из Меца и господин д'Олон увидели уходивших лордов Моленса и Пойнинга, господина Жифара, правителя Манта, и капитана Гласдаля, которые прикрывали отступление своего войска. Мужественный капитан, сжимая в руках меч и знамя Шандоса, не знавшее поражений, отходил последним. Он с презрением взирал на противника и ту, которая хитростью и колдовством помогла французам одолеть его солдат.

Она же, полная сострадания и печали, кричала ему:

— Гласидас, Гласидас! Сдайся царю пекельному!.. Ты назвал меня шлюхой, но я чувствую великую жалость к тебе и твоим товарищам! Гласидас!.. Гласидас!..

Когда Вильям Гласдаль, лорды Моленс и Пойнинг вместе с тридцатью капитанами вступили на горящий мост, обуглившись доски проломились под ними и они со знаменем Шандоса упали в Луару.

Жанна плакала, ее бил озноб.

— Гласидас, Гласидас! — повторяла

она, потрясенная только что увиденным. — Гласидас, я буду молиться о твоей душе!.. Гласидас!..

— Полно, сударыня, утешьтесь!.. Это победа! — сказал Дюнуа, обнимая ее за плечи. — Вы герой дня и герой Орлеана!.. Идемте, сударыня, вас ждут!..

Он взял Жанну под руку и повел. Скоро десятки рук подхватили ее и понесли вдоль ликующего войска по мосту через Луару прямо в город.

Солдаты кричали: — «Победа!... Да здравствует Дева!» — и пели.

В городе звонили колокола.

Так в субботу вечером 7 мая 1429 года была одержана решающая победа — событие, к которому с таким терпением стремилась Жанна. Впоследствии в честь этой победы благодарный народ назвал ее Орлеанской Девой.

Свидание с королем. Жанна встрети-лась с Его величеством дофином Карлом в местечке Сен-Бенуа на Луаре. Встреча происходила за высокими стенами в тени монастырского сада.

Увидев Жанну, Его величество двинулся навстречу.

Опустившись перед ним на колени, Жанна сказала:

— Да пошлет вам бог новых побед, милый дофин!..

— Благодарю тебя, Жанна! Благодарю, — ласково произнес Его величество, помогая Жанне подняться. — Я очень рад видеть тебя!.. Монсеньоры, — сказал он, обращаясь к свите, — представляю вам нашу гостью, спасительницу Орлеана.

Жанна поклонилась.

— Мы восхищены вашим мужеством, дочь моя, — сказал архиепископ Реймский, он же канцлер Его величества.

— Благодарю вас, монсеньор! — низко кланяясь, ответила Жанна. — Ваша похвала для меня особенно дорога!..

— Ну а теперь, Жанна, — ласково проговорил Его величество, — тебе надо хоро-

шенько отдохнуть. Ты что-то очень осунулась.

— Что вы, что вы, Ваше величество! — ответила Жанна. — Сейчас не время для отдыха. Мы должны спешить в Реймс! Когда вы наденете корону, вся Франция признает вас!

Его величество улыбнулся.

— Ну, положим, не вся Франция, — сказал он, взглянув недвусмысленно на монсеньора де ля Тремуйля, — но кое-кто все-таки меня признает...

— Тогда поспешим! — сказала Жанна. — Дорога на Реймс открыта.

— Эта мужичка скоро приберет к рукам нашего короля, — шепнул на ухо архиепископу монсеньор де ля Тремуйль.

— Успокойтесь, — сказал архиепископ.

— Приберет! Мужичье настойчиво...

— Ошибаетесь, сударь, — резко обернувшись к шамбеллану, сказала Жанна. — Мужичка никого не хочет прибирать! Мужичка хочет, чтобы Франция была свободна!..

Монсеньор де ля Тремуйль остолбенел — он никак не ожидал, что Дева, стоящая к нему спиной на расстоянии десяти-пятнадцати шагов, услышит сказанное шепотом.

— Мне кажется, Ваше величество, — сказала Жанна, — что кое-кто из ваших слуг не очень-то желает, чтобы вы стали королем!..

Его величество обомлел.

— Ну что ты! Что ты, милая! — торопливо произнес он. — Это невероятно! Ты заблуждаешься!.. Здесь всюду мои друзья...

Из глаз Жанны хлынули слезы.

— Ваше величество, — воскликнула она плача, — не теряйте время! Именем царя небесного, прошу вас, велите выступать в Реймс, иначе будет поздно!.. Я проживу недолго... Спешите!..

Коронация. В воскресенье 17 июля 1429 года в городе Реймсе произошло событие, завершившее собой деяния Орлеанской Де-

вы, возложенные на нее, по ее личным свидетельствам, святым архангелом Михаилом, святой Екатериной и святой Маргаритой по велению царя небесного. В этот день дофин Франции Карл Валуа был помазан святым мирром и коронован в Реймском соборе.

В девять часов утра при большом стечении народа Его величество, сопровождаемый Девственницей и многочисленной свитой, вошел в церковь.

...Стоя пред алтарем в одежде, расцеленной на груди и плечах, возложив руку на святое евангелие, он произнес слова клятвы, которые эхом прокатились под высокими сводами.

— Клянусь перед господом нашим Иисусом Христом, — говорил Карл, — сохранять мир матери нашей святой церкви и свято чтить ее привилегии!.. Клянусь неустанно чтить все привилегии и права благородного дворянства!.. Клянусь предохранять подданный мне народ от чрезмерных поборов и клятвенно обещаю не перегружать его податями!.. Именем царя небесного клянусь управлять вверенным мне государством справедливо и милосердно... Обещаю жить честно и праведно, как завещаю нам Иисус Христос!..

С этими словами Карл Валуа поцеловал золотой крест, протянутый ему архиепископом, герцогом Реймским.

Герцог Алансонский надел на него рыцарское оружие, и Жанна, все это время не отходившая от короля, коснулась его своим знаменем.

Архиепископ Реймский помазал Его величество чудесным мирром, которым дух святой укрепляет королей, священников, пророков и мучеников, и, взяв с алтаря венец, поднял его над головой короля. Двенадцать пэров — шесть светских и шесть духовных — воздели руки, дабы поддержать корону.

Заиграли трубы. Собравшиеся трижды прокричали: «Нозль!..»

Жанна опустилась перед королем на

колени и, обняв его ноги, сказала ему со слезами:

— Любимый король наш, теперь исполнено жлание господа бога, который хотел, чтобы я сняла осаду с Орлеана и привела вас в Реймс для святого миропомазания. Желаю вам, наш повелитель, долгих и счастливых лет царствования!.. Исполните же, наш господин, все клятвы, которые вы дали сегодня, здесь, перед богом нашим и нашим народом!..

Его величество милостиво поднял Жанну и, ласково обняв ее за плечи, поцеловал в лоб.

...В два часа пополудни сверкающий кортеж двинулся от собора по улицам Реймса. Жанна ехала неподалеку от короля в окружении пэров и маршалов. В этот день и час всеобщего ликования она была рассеянна и печальна.

Народ восклицал: «Ноэль!» — и, напирая отовсюду, сокрушал изгороди, тумбы, валы с ног коней и королевскую стражу, угрожая в приливе усердия и признательности снести самого государя.

Его величество милостиво улыбался и в знак своей благосклонности приветствовал подданных ладошкой.

За всей этой кутерьмой и шумом Жанна не могла увидеть дядюшку Дюрана Лассуа и своего отца, которые тщетно звали к ней, желая обратить на себя ее внимание.

— Это моя дочь! Дочка! — твердил отец соседям по толпе, показывая на Жанну. — Я родил и вырастил ее вот этими руками. — И Жак потрясал ручищами.

Над ним смеялись, не желали верить.

— Мужичье! Бараны! — восклицал Жак. — Заткните свои глотки! Из-за вас меня не слышно! — И он кричал: — Жанетта!.. Жанна! Козочка моя ненаглядная!.. Рыбка!..

— Заткнись, папаша! Хватят в отцы лезть! — кричали ей из толпы. — Если Дева услышит, она тебе покажет рыбку и козочку ненаглядную!..

— Она мне дочь! — вопил Жак. — Дочь! Вылитая — я!..

— Как бы не так! — гоготали в толпе.

— Жанетта!.. Жанна! — взывал отец. — Дочка!.. Ты что, оглохла? Дрянь ты этакая, отзовись, тебе говорят!.. Корова!

...Теофраст и его ученики с крыши дома обозревали площадь и бурлящую улицу.

— Учитель, я глазам своим не верю! — воскликнул ученик, казавшийся поглупей. — Неужели это та же самая девушка, которая приходила к нам в красном платье?!

— Это она, — сказал Теофраст. — Хотя в это нелегко поверить.

— Но что она такого уж сделала, учитель? — спросил все тот же ученик, казавшийся поглупей. — За что ей такая почесть — ехать с королем?!

— За то, что под стрелами она была первой, — ответил Теофраст.

— Мы тоже были под стрелами, — сказал ученик. — И не бегали, как она, а таскали раненых.

— Но она была первой, — повторил Теофраст.

— Но она только кричала и махала мечом, учитель, — возразил ученик. — Она не убила ни одного англичанина. Она даже пикого не ранила!..

— Но она была первой и за ней пошли остальные.

— Я по крайней мере за ней больше не пойду! — вставил ученик, казавшийся поумней. — Черт меня дернул под эти стрелы. Чуть не подох от страха!

— Вот видишь, — кивнул на него Теофраст.

— Ну и что?! — сказал ученик, казавшийся поглупей.

— Благодаря ей, — сказал Теофраст, — обычная перестрелка превратилась в решающее наступление. Если каждый из нас помышлял о себе, — продолжал он, — то она думала обо всех. И если каждый из нас прежде всего охранял себя, то она не берегла себя вовсе!..

— А что она получила в награду, учи-

тель? — спросил ученик, казавшийся поумней.

— Пока ничего.

— Вот видишь, учитель! — воскликнул ученик. — Доблесть восхваляется, но бедствует!..

— Поэтому, в первую очередь, доблестны честные люди, — сказал Теофраст.

— И глупые, — добавил ученик, казавшийся поумней. — Король предложил ей графский титул и должность тайного советника — она отказалась.

— А ты бы отказался? — спросил Теофраст.

— Нет, конечно! Что я, дурак?! — ответил ученик, казавшийся поумней.

— А ты отказался бы? — спросил Теофраст у того, что выглядел поглупей.

— Я не поверил бы, — ответил ученик. Теофраст рассмеялся.

— Ну, а если бы тебя все-таки убедили?

— Отказался бы, — ответил ученик.

— Почему?

— Потому что хочу быть врачом.

— Так вот, — сказал Теофраст, — чтобы преуспеть в должности, нужно быть умным... Ты умный, — кивнул он ученику, казавшемуся поумней. — Но чтобы отказаться от всего этого, нужно быть мудрым... Ты мудрый, — кивнул он ученику, который выглядел поглупей.

Отец. Во время праздничного обеда в честь Его величества, устроенного в доме епископа на средства герцога Алансонского и графа Клермонского, когда на стол подали жареных лебедей, со двора донесся шум. Взволнованный паж Людовик де Кут, приблизившись к своей госпоже, сидевшей рядом с монсеньором Дюнуа, шепнул:

— Сударыня, там внизу вас требуют какие-то крестьяне.

— Я сейчас не могу, — тихо ответила Жанна.

— Но сударыня, — снова шепнул паж, — дело в том, что один из них угрожает и

рвется сюда... Он утверждает, простите, что он ваш отец.

— Папа! — воскликнула Жанна и, забыв этикет, выскочила из-за стола. — Там внизу мой отец, Ваше величество, — сказала она королю. — Позвольте, я сбегаю?..

...Когда Жанна сбежала вниз, она увидела, как шестеро дюжих стражников надели на ее отца и дядюшку.

— Отец! — крикнула Жанна. — Родной! Дядюшка!..

— Дочка! Козочка моя ненаглядная! — вскричал отец и, растолкав солдат, заключил дочь в свои объятия.

— Племянница! — кинулся к Жанне дядюшка.

Сбитая с толку стража с удивлением взирала на то, как два потных, взъерошенных крестьянина бесцеремонно лобызали их святую.

— Мюго, милый! — крикнула Жанна своему папу. — Найди братьев. Скажи — отец приехал... Быстро!

...Отец, Жанна и дядюшка разместились в саду неподалеку от беседки, где пение птиц смешивалось с пением пьяной толпы, веселившейся на улицах города. В этот день по обычаю праздника королевский стол продолжался за воротами дома.

Разговор вели Жанна и дядюшка. Отец молчал — он слушал, привыкал к дочери.

— Ну как тебе здесь, хорошо? — спросил дядюшка.

— Суетно, — ответила Жанна.

Она присела возле отца и уткнулась ему головой в грудь.

— Не обижают? — снова спросил дядюшка.

— Что ты! — сказала Жанна. — Меня здесь боготворят. — Она взяла руку отца в свою и, погладив ее, прижала к щеке.

— Оно и понятно, — кивнул дядюшка.

— Только здесь котелком варить надо, — сказала Жанна.

— Дворец — не деревня, — согласился дядюшка.

— Тут чаще пользуйся ушам, чем языком, — сказала Жанна.

— Для чего ж тогда язык? — полюбопытствовал дядюшка.

— И не спрашивай, дядюшка! Лучше бы его совсем не было — с ним одни неприятности! — ответила Жанна.

Дядюшка онемел на мгновение от открывшейся вдруг перед ним истины.

Отец по-прежнему молчал. Жанна протянула ему горстку колотого сахара. Отец взял кусочек, положил за щеку.

— Бери еще, — предложила дочь.

Отец взял еще кусочек и, завернув в платок, спрятал его за пазуху.

Жанна угостила дядюшку, остальное высыпала отцу на ладонь.

Появился паж. Переводя дыхание, опустив голову, поклонился всем и что-то шепнул своей госпоже.

— Отец, — сказала Жанна, — братья сегодня не придут. Они очень заняты...

— Эй, девочка! — сказал Жак, обращаясь к пажу. — Подойди-ка поближе...

Паж приблизился.

— Я мальчик, сударь, — улыбаясь, сказал он.

— Ну так где мои детки, мальчик? — сказал отец.

Паж посмотрел на свою госпожу.

— Да ты не стесняйся, мальчик, — сказал отец. — Ты говори, говори!..

Паж молчал.

— Они у девушек, отец, — сказала Жанна. — В гостях...

Отец сплюнул.

Паж вздрогнул от неожиданности, но тут же овладел собой, успокоился.

— Ну вот что, мальчик, — сказал отец, — ты передай моим деткам, чтоб вечером были в «Полосатой корове». Мы в деревню поедем. Скоро хлеб убирать!.. А не придут — выпорю, силой возьму. Так и скажи!..

— Слушаюсь, сударь, — поклонился паж. — Все будет исполнено!

Паж исчез.

— Ну и детки у меня, нечего сказать! — произнес отец. — Вот она, городская жизнь!

Из-за них там ночи не спишь, а они тут... Срам!

И он снова сплюнул.

— Женить их надо, — посоветовал дядюшка.

— Женить! — горько усмехнулся отец. — Сперва поймать их надо да выпороть! — сказал он. — Кобели ненасытные...

Отец умолк, вздохнул тяжело и, окинув дочь с головы до ног, произнес невесело:

— И ты тоже хороша! В мужских штанах по городу... Глаза б на тебя мои не глядели!

— Мне так удобней, папа, — объяснила Жанна.

— Молчи уж, бесстыдница! — оборвал отец. — Перед людьми совестно, грех-то какой!..

И еще раз окинув дочь с головы до ног горьким взглядом, он хотел было снова что-то сказать, но передумал, махнул рукой и отвернулся.

Слышно было, как пели люди на улицах и щебетали птицы в саду.

— Тоскуешь по дому-то, племянница? — нарушил молчание дядюшка.

— Очень! — откликнулась Жанна.

— Когда ж обратно? — поинтересовался дядюшка.

Жанна задумалась.

— Когда всех англичан прогоним, — ответила она, подумав. — Тогда и домой!..

— Стало быть, нескоро, — сказал дядюшка, похрустывая сахарком, и, покосившись на Жака, добавил: — А может, все-таки поедем, племянница?.. Теперь есть кому воевать. У короля войско большое, командиры!..

— Командиры!.. Они кричат — корую, а бегут к деньгам, эти командиры! — сказала Жанна. — Нет, дядюшка, отсюда сейчас никак!.. Ведь тут все на мне держится!..

— Поедем, племянница, — сказал дядюшка. — Поедем!.. Дома хорошо! Простор, луга, благодать!..

— Нет, дядюшка, пасти овец я уже

не смогу,— сказала Жанна.— У меня теперь другие заботы... Париж надо брать! Париж!..

— Опять воевать! — горько усмехнулся отец.

— До полной победы. Если бог даст,— ответила дочь.

— И не боишься?

— Нет,— сказала она, потом добавила: — Только одного боюсь, отец, это предательства...

— Поедем отсюда, племянница! Уедем, пока не поздно! — воскликнул дядюшка.

— Поздно, дядюшка,— ответила Жанна.— Поздно...

— Да как же так, племянница? Ведь ты же сделала все, что обещала!

— Верно, дядюшка, сделала,— согласилась Жанна.— А вернуться сейчас не могу. Не могу — пойми ты меня!..

Жанна умолкла. Молчал дядюшка, молчал отец.

Тактичный паж, успевший уже вернуться, соблюдая почтительную дистанцию, охранял их уединение.

— Бог тебе судья, дочка,— сказал отец, поднимаясь.— Париж так Париж! Тебе видней — ты уже взрослая.— Он до крайности был удручен и теперь старался приободриться.— Ну прощай...

— Я тебя провожу! — сказала Жанна.

— Не надо,— сказал отец.— Иди.

Жанна не уходила.

— Иди! — повторил отец.— Что зря сердце томить!..

Жанна не двигалась.

— Иди! Уходи!.. Слышишь?!

Жанна кинулась к отцу на грудь. Он обнял ее и прижал к себе.

— Прости меня, отец! Прости, родной,— сказала дочь.— Больше жизни люблю я магушку и тебя! Но поехать с тобой сейчас не могу. Так надо!.. Прости меня, пожалуйста, если можешь! Ради бога, прости!..

...Когда отец и дядюшка вышли на улицу, отец вдруг остановился.

— Ты чего, Жак? — спросил дядюшка.

— Ноги что-то не идут,— сказал отец и опустился, где стоял.

— Ты чего, Жак? — не на шутку перепугался дядюшка.— Ты чего?! Слышишь?! Отвечай!..

Отец сидел неподвижно, сгорбившись, глядя в землю.

Дядюшка нагнулся к нему. Отец поднял на него ясные сухие глаза и тихо произнес:

— Все, Дюран. Нет у меня больше дочери. Нет!..

— Да ты что! — пробовал возразить ему дядюшка.— Бог с тобой, Жак! Что говоришь-то?! Что говоришь?! Она вернется. Вот увидишь, вернется!

— Все, Дюран! — повторил отец.— Все... Потерял я дочку! Потерял навсегда... Конец!..

Просьба короля. Через день Его величество король Франции Карл Валуа принял Жанну в доме епископа и имел с ней беседу.

— Нам стало известно, Жанна,— начал король,— что ты собираешься идти на Париж. Не так ли?..

— Да, Ваше величество, это так,— ответила Жанна.— И я прошу у вас на то разрешения.

— Я должен подумать, Жанна,— сказал король.

— Да что тут думать, Ваше величество, когда в Париже англичане!

— Пусть тебя это не беспокоит,— сказал король.— Их там немного.

— Вот и я говорю — пока немного, их надо разбить!..

— Не все сразу, Жанна, мы устали!

— Мы только-только расшевелились, Ваше величество!

— Мы устали! — повторил король, заметно раздражаясь.— Устали!.. Надо бороться с силами, Жанна, оглядеться, а уж тогда и в путь.

— Чепуха все это! — сказала Жанна.— Надо ловить момент!..

— Жанна, ты становишься неучтливой,— заметил Его величество.— Я государь и прошу тебя соблюдать дистанцию!

— Простите, Ваше величество! Я погорячилась.

— С королем нельзя горячиться, Жанна!..

— Но это все для Франции, Ваше величество! Ведь надо же когда-нибудь решить эту...— И не найдя слова, Жанна умолкла.

— Ты хочешь сказать, проблему?

— Проблему.

— Жанна, милая, пойми, проблемы не решают, с ними живут!

— Как?! — поразилась Жанна.

— Да вот уж так, дорогая,— сказал король,— представь себе...

— Я знаю одно — англичан надо прогнать! И чем скорее, тем лучше!..

— Я вполне разделяю это. Но зачем торопиться, Жанна? Мы так хорошо начали...

— Начать много легче, чем завершить, Ваше величество!

— Согласен,— сказал король. Но согласись и ты, Жанна, что мужество проявляется не в том, чтобы затеять драку, а в том, чтобы ее избежать.

— Согласна.

— Ну вот и хорошо,— сказал Его величество.— Ты достойно исполнила все свои пророчества и на этом хватит. Теперь отдохни...

— Вы хотите сказать, Ваше величество, что я уже больше не нужна? — спросила Жанна, и голос ее дрогнул.

— Что ты, Жанна, я ничего не хочу, кроме того, чтобы ты отдохнула наконец! — ответил король.— Переведи дыхание... Нельзя же все время наступать, без перерыва!.. Ты удручающе серьезна, Жанна. Будь повеселее!..

Жанна молчала.

— А может быть, тебе чего-нибудь не хватает? — спросил король.— Так ты скажи...

— Благодарю, у меня всего вдоволь, Ваше величество.

— Вот и я так думаю, Жанна. Ведь ты же теперь самый известный человек в королевстве! Тебя обслуживают лучшие портные. Ты обедаешь со мной за одним столом!.. Надо уметь жить, радоваться жизни! Ты же интересная девушка, ты невеста! Пора и о муже подумать. Пора!

— Хороша я буду с женихом, Ваше величество, когда во Франции англичане! — изумилась Жанна.— Все отвернутся от меня, и никто за мной не пойдет... Все погибнет!

Король вздохнул устало и о чем-то задумался. По всему чувствовалось, что его утомил этот затянувшийся разговор и он решал теперь, как его поскорее закончить.

— Вы знаете, Жанна... Вы знаете, что я давно вам собираюсь сказать,— начал он, переходя на «вы».

— Что? — замирая, спросила Жанна.

— Я хочу сказать вам,— продолжал король,— что вы мужественная девушка, искренняя и самоотверженная. Мы не раз убеждались в этом... Вы достойны самого глубокого уважения и даже восхищения...

— Благодарю вас, Ваше величество. Вы очень добры ко мне!

— Не надо, Жанна, не надо меня благодарить! Я еще не все сказал...

— Я слушаю, Ваше величество!

— Жанна, дорогая, поймите. Поймите и оцените мою откровенность. Только бесконечное доверие к вам побуждает меня говорить начистоту... Хотя вы понимаете, что для политика и государя это не самый лучший способ. И все же, если я к нему прибегаю, то лишь потому, повторяю, что испытываю к вам великое доверие...

— Я вам очень признательна, Ваше величество!

— Вы понимаете, Жанна, что получается,— продолжал король.— Хотя, в сущности, это, конечно, пустяк и он, конечно же, не стоит моего внимания! Но все же...

— Говорите, говорите, Ваше величество! — сказала Жанна.— Я слушаю вас. Говорите!..

— Я король Франции, Жанна, ваш гос-

подин. Но, видите ли, когда мы с вами вместе появляемся на площади, чернь все взоры обращает на вас...

— Это не так, Ваше величество! — возразила Жанна. — Это не так!

— Это так, Жанна, так! — сказал король. — И не надо меня в этом разубеждать! Иначе я упрекну вас в неискренности... Об этом уже говорят придворные. Об этом шепчутся мои лакеи!

Жанна молчала. Его величество продолжал:

— Я, разумеется, не против, Жанна, естественного к вам уважения, но, согласитесь, это не должно влиять на отношение ко мне. Ведь я король! И я не могу позволить, чтобы кто-нибудь об этом забывал, пусть даже на минуточку!.. Поймите меня правильно, Жанна... Мой престиж — это политика!

— Я никому не позволю относиться к вам с пренебрежением, Ваше величество! — воскликнула Жанна.

— Это я никому не позволю, милая Жанна! — улыбаясь, заметил король.

— Вы наш господин, наш повелитель! — сказала Жанна, склоняясь перед Его величеством. — Я никогда больше не посмею появляться с вами перед народом!..

Король усмехнулся.

— Боюсь, что вы меня недостаточно поняли, Жанна, — сказал он. — Единственное, о чем бы я вас просил, так это впредь не помышлять о наступлениях, не заявлять о битвах, о Париже... Это смущает моих подданных! Это возбуждает их! Предоставьте уж, пожалуйста, это право мне... Ведь я король и мне видней, когда и куда наступать! Когда и куда вести моих солдат!..

У Жанны навернулись слезы.

— Вы согласны? — спросил король.

Жанна кивнула.

— Ну вот и хорошо, — продолжал Его величество мягко, снова переходя на «ты». — Отдохни! Не еди никуда... Не огорчай нас, Жанна. Я прошу тебя!..

— Я повинуюсь, Ваше величество, — опускаясь на колени, тихо сказала Жанна. — Я остаюсь.

— И прекрасно, — сказал король. — Поживем спокойно, Жанна, оглядимся... Время — мудрый учитель. Оно нам подскажет, как поступать в дальнейшем...

— Ваше величество, и все-таки нельзя медлить! — воскликнула Жанна. — Вам надо брать Париж! Брать, пока не поздно, брать!.. Выиграть время — значит выиграть битву!..

— Вы опять за свое, Жанна?!

— Нет, нет, Ваше величество, я остаюсь!

— Вы учитите, Жанна, успех изменчив, а люди коварны. У вас здесь во дворце не только друзья!

— Я это знаю, Ваше величество!

— И если вы оступитесь, боюсь, что даже я ничем не смогу вам помочь!..

— Я это знаю, Ваше величество! Я остаюсь, остаюсь!..

Дорога на Париж. Пел рожок. Отряд под предводительством герцога Алансонского и Девы двигался по старой Парижской дороге.

Не в силах изменить себе и своему долгу, вопреки желанию короля, нарушив данное ему слово, Жанна увлекала войско вперед под неприступные стены неприступного города. Воодушевленная новым походом, в окружении своих единомышленников — испытанных боевых товарищей, к которым присоединился и Теофраст со своими учениками, — она держалась уверенно и спокойно.

Взглянув на герцога Алансонского, который скакал справа, Жанна сказала:

— Что это вы нос повесили, милый герцог?

Герцог Алансонский вежливо улыбнулся.

— Не хандрите, герцог, — сказала Жанна. — Нас ждет победа! Вы целехоньким

вернетесь домой!.. Можете не сомневаться!

На сей раз герцог улыбнулся повеселее.

— Мы возьмем Париж и отдадим ключи нашему королю! — весело добавила Жанна.

— Мне даже кажется, сударыня, — сказал Теофраст с несвойственным ему благодушием, — что я уже вижу Париж и свою аптеку!..

— А я вижу баню, — сказал ученик, казавшийся поумней.

— А я — свою невесту, — сказал ученик, казавшийся поглупей.

— А у меня такое чувство, будто я уже вхожу в аптеку! — продолжал Теофраст.

— А я — моюсь! — сказал ученик, казавшийся поумней.

— А я — женюсь! — сказал ученик, казавшийся поглупей.

Новость для короля. Утром монсеньор Реньо де Шартр, архиепископ Реймский, сообщил королю:

— Ваше величество, Девственница погинула двор!

— Как?! Когда?! — воскликнул король.

— Сегодня на рассвете... С отрядом вашего кузена герцога Алансонского.

— Не может быть! Она мне обещала остаться!

— Увы, сир, теперь она на пути в Париж.

— Какая наглость! Какое воровство!.. Вы только подумайте, какая ненасытность!

— Деревенское тщеславие, сир! — заметил архиепископ.

— Вернуть ее! — вскричал король. — Вернуть сейчас же!

— Стоит ли, Ваше величество?

— Вернуть! Нам не нужны ее победы! Хватит!

— В таком случае, ей не надо мешать, сир, — сказал архиепископ. — Пусть идет.

— Не понимаю!

— У нее ничтожный отряд...

— Сколько?

— Шестьсот копий.

— Всего?!

— Да, Ваше величество.

— И с таким отрядом на Париж?! — изумился король. — Это же безумие!

— Это конец, сир.

— Видит бог, я остерегал ее! — произнес король. — Остерегал! Я просил!

— Тем более, Ваше величество! Тем более...

Дезертиры. Лил дождь. В полдень войско Жанны вынуждено было отойти под прикрытие первого вала, взятого еще утром. Осаждающие уносили с собой убитых и раненых.

Дезертиров тащили на руках и волоком вдоль рва, в котором теперь укрывались солдаты. Их было двое. Они бились, кричали, кусались. У поворота, на возвышении, пойманных бросили на траву возле ног Жанны. Дева стояла под навесом из плаща, накинутого на четырех копыях, в окружении свиты.

Шумел дождь, ржали кони, кричали раненные, и где-то там впереди за валом со стен невидимого отсюда Парижа гремели пушки.

Пойманные с тоской смотрели на Жанну. Один из них был лет сорока-сорока пяти, другой — совсем еще юный — лет семнадцати-восемнадцати.

— В чем их вина? — спросила Жанна.

— Дезертиры, — ответил сержант.

— Где твоё оружие? — обратилась Жанна к пожилому.

— Там. — И пожилой кивнул на широкий ручей, бурливший неподалеку.

— А твоё? — спросила Жанна у молодого.

— Не помню, — ответил тот.

— Почему?

Юноша молчал.

— Почему? — повторила Жанна.

— Почему, почему! — вдруг зло и с ненавистью передразнил Жанну пожилой. —

Страшно было, вот почему! — прохрипел он.

Сержант выхватил из ножен меч. Жанна остановила его.

Лил дождь, слышался гул орудий. Он заметно усилился.

— Прости меня, Жанна! — прошептал вдруг юноша. — Я больше не буду так! Прости!..

Пожилый молчал и мрачно смотрел на Жанну.

Д'Олон сказал:

— Повесить предателей!

— Обоих? — решил уточнить сержант.

— Обоих, — сказал д'Олон.

— Жанна, спаси меня! — вскричал юноша. — Я больше не буду так, прости!..

Жанна молчала.

Юноша заплакал. Пожилой крикнул:

— Вейма! — И сплюнул.

Их увели.

Свита безмолвствовала.

Жанна отошла в сторону, отвернувшись.

— Сударыня, — обратился к ней д'Олон, — пора начинать.

Жанна не отвечала.

— Пора начинать, сударыня, — повторил д'Олон.

Жанна молчала.

Господин д'Олон подошел к ней, заглянул в лицо.

Жанна плакала.

— Что с вами, сударыня? — спросил он.

— Мне страшно! — прошептала она.

Ее бил озноб.

Д'Олон сказал:

— Пора начинать, сударыня!

— Мое знамя! — сказала Жанна.

Ей подали знамя. Взяв его, она поднялась на вал и, обращаясь к войску, крикнула оттуда:

— Солдаты, кто верит в меня, за мной!..

Лил дождь, гремели пушки.

Известие для короля.

— Сир, — сказал архиепископ Реймский Его величеству, — Дева потерпела поражение! Ее войско отброшено...

— Как?!

— Как и следовало ожидать, сир.

— Несчастье! — произнес король. — Ведь я же говорил! Я предупреждал ее. Я просил!..

— Она не побоялась сражаться даже в день божьего праздника!

— Какой ужас! — воскликнул король. — Какая неосмотрительность!.. Где же она теперь, скажите?

— На пути в Компьень, Ваше величество.

— Но помилуйте, зачем? — удивился король.

— Спешит на помощь осажденным.

— Безумная! О чем она только думает?!

— О Франции, Ваше величество. О чем же еще!

— Остановить ее, вернуть! — вскричал король. — Немедленно!

— Это невозможно, Ваше величество.

— Вернуть!

— У нее много приверженцев, сир. Могут начаться волнения. Нас не поймут...

— Неслыханно!.. Неужели ее никто не остановит, гордячку?!

— Никто... Разве что смерть, — сказал архиепископ.

— Несчастная, — произнес король. — Упрямая девочка!.. Возмутительное, непостижимое существо!

Пленение. В мае Жанна была в осажденном Компьене — опорной позиции французского короля к северо-востоку от Парижа.

В этот день она слушала мессу в церкви святого Иакова. Господин д'Олон увидел ее стоящей среди женщин и детей возле одной из колонн храма. Приблизившись, он сказал:

— Сударыня, противник у ворот города.

— Сколько их? — негромко спросила Жанна.

— Пятьдесят копий.

Они вышли из церкви.

...На площади у городских ворот она сказала, обращаясь к своему отряду:

— Солдаты Компьеня, только ваша доблесть и усердие спасут город от неприятеля!.. Так проявим же их, солдаты!..

И, взмахнув мечом, Жанна устремилась вперед.

Отряд миновал ворота, подъемный мост и выехал в поле. Движение его было столь неожиданным и быстрым, что противник в страхе повернул обратно. Увлеченный погоней отряд все дальше и дальше удалялся от стен города.

— Сударыня! — крикнул д'Олон. — Надо вернуться! Впереди возможна засада!..

— Вперед! — кричала Жанна. — Вперед!

Слева из-за холма показался большой отряд бургундских конников. Отряд заходил в тыл, отрезая путь к отступлению.

— Сударыня, нас окружают! — крикнул д'Олон.

— Все назад! — скомандовала Жанна. — Назад в город!

Впрочем, большинство и так уже повернуло в город.

— Я прикрою отступление! — крикнула Жанна.

— Назад, сударыня! Прочь! — закричал д'Олон и наотмашь ударил ее коня.

Конь понес Жанну в город.

Господин д'Олон остался прикрывать отступление. Когда, прорвавшись наконец сквозь кольцо преследователей, он въехал на подъемный мост городских ворот, мост дрогнул и с грохотом стал подниматься.

— Мост! Опустите мост! — закричал д'Олон. Он увидел, что Жанна и с нею человек десять-пятнадцать еще оставались в поле и теперь, оторвавшись от преследователей, приближались к воротам.

— Опустите мост! — кричал д'Олон. — Что вы делаете, безумцы?!.

Мост поднимался.

Обнаружив это, поотставшие было преследователи снова возобновили погоню.

Господин д'Олон ринулся вниз. Не имея иного оружия, кроме сломанного меча, он сумел, однако, пробиться к своей госпоже.

Но отбить ее ему не удалось. Их схватили, стащили с седла.

— Д'Олон! Д'Олон, ты видел?! — задыхаясь, кричала Жанна. — Ты видел, д'Олон, они подняли мост?! Они предали нас! Мы бы успели! Это предательство, д'Олон! Предательство!.. Это ля Тремуйль! Это все он подстроил, он! Я так и знала! Так и знала, д'Олон!.. Я говорила! Говорила!..

Господин д'Олон опустился перед Жанной на колени.

— Простите меня, сударыня! Простите! — произнес он. — Это я вас не уберег!.. Простите!..

Их связали и повезли.

Его величество Генрих VI Английский. В июне Английский двор перебрался во Францию, в город Руан. Цель предпринятого путешествия заключалась в том, чтобы увенчать десятилетнего Генриха VI, короля Англии, французской короной. Мальчика перевезли через Ла-Манш со всеми необходимыми предосторожностями. Разместив юного повелителя в парадных покоях Буврейского замка, регенты ожидали только благоприятный момент, чтобы доставить его в Париж на церемонию миропомазания.

А пока малолетний король Англии, не ведая ни забот, ни превратностей этой жизни, в окружении наставников и учителей, гонял по зеленой лужайке замка кожаный мяч. Увидев в окне своего дядю, кардинала Винчестерского, юный король улыбнулся ему и помахал рукой.

Дядя ответил племяннику тем же. Он испытывал к мальчику искреннюю привязанность и во многом заменял ему его безвременно почившего отца Генриха V.

— Его величество так вырос, возмужал! — заметил Пьер Кошон, французский епископ из города Бове, провожая взглядом юного повелителя. — Истинный король Англии, Ваше преосвященство!..

— И, милостью божией, законный наследник французского престола, — незамед-

лительно добавил Его преосвященство Генри Бофор, кардинал Винчестерский.

— Глубоко разделяю это,— ответил епископ.

— Очень одаренный мальчик! Чуткий! — произнес кардинал, и немолодое лицо его осветилось неподдельной доброй улыбкой.

Оба монсеньора стояли у распахнутого окна королевского кабинета и, казалось, с искренним интересом наблюдали за игрой своего господина.

— Я призвал вас, брат мой,— сказал кардинал,— чтобы сообщить вам, что Его величество король Генрих VI намерен передать в руки святой инквизиции некую женщину, которую французы именуют Жанной-Девой из Лотарингии.

— Да, я слышал о ней, Ваше преосвященство,— сказал епископ.— Люди вашего союзника и моего господина герцога Бургундского взяли ее в плен возле Компьеня.

— В пределах вашего диоцеза,— заметил кардинал.

— Да, в моей епархии,— сказал епископ.

— Признаюсь, брат мой,— продолжал кардинал,— гнев наших солдат к этой женщине был столь велик, что ее хотели растерзать без суда и следствия. Мы с трудом этому воспрепятствовали... Было бы преступлением позволить колдунье избежать правосудия. Это было бы лишь на руку лжекоролю, дофину Карлу, которому она служила... Вы согласны?

— В высшей степени! — ответил епископ.— Зло всегда должно быть наказано. И наказано по закону!

— Только по закону! — повторил кардинал.— И тогда все узнают, каким путем этот самозванец взошел на престол!.. Суд! Только суд! — произнес он.— И возглавите его вы, брат мой... Во имя блага нашего короля и матери нашей святой католической церкви!

— Это очень высокая честь, Ваше преосвященство,— скромно сказал епископ.

— И вы ее достойны, брат мой,— отве-

тил кардинал.— Лучшего председателя суда мы и не желаем!

— Благодарю, но это и очень высокая ответственность, Ваше преосвященство... Согласитесь, что грех этой несчастной — тяжкий грех.

— Именно! — с готовностью согласился кардинал.

— И, доказав его, этот грех,— продолжал епископ,— суд вынужден будет жестоко покарать виновную — отправить ее на костер.

— Именно!

— Поэтому, Ваше преосвященство, я должен подумать,— сказал епископ.

— Вас что-то смущает?

— Я должен подумать, Ваше преосвященство,— повторил епископ.— Слишком велика ответственность. У несчастной много сторонников — пойдут смуты...

— Вы что же, сомневаетесь в ее виновности? — насторожился кардинал.

— Не сомневаюсь,— ответил епископ.— Она виновна... Но именно это меня и беспокоит.

— Почему?

— Мое личное мнение,— сказал епископ,— не должно влиять на правосудие. Суд сам должен во всем разобраться и сам установить истину.

— Не смею возражать, брат мой.

— Только доказательства неопровержимые, бесспорные,— продолжал епископ,— способны утвердить или ниспровергнуть истину, способны уничтожить человека или оправдать его...

— Вы совершенно правы, брат мой,— снова согласился Его преосвященство.— Нам не нужна безвинная жертва. Мы обязаны публично уличить преступницу и тех, кому она служила. И сделать это надо широко, оповестив весь христианский мир... Преступница сама должна покаяться в своих грехах и сама должна признать себя виновной. И лишь тогда мы сможем заявить, что правосудие свершилось! — И, сделав небольшую паузу, Его преосвященство заключил:

— Я уполномочен сообщить, брат мой, что Его величество король назначил вам денежное вспомоществование в тысячу ливров...

В эту минуту в раскрытое окно кабинета влетел кожаный мяч.

С улицы донесся голос Его величества:

— Дядя Генри!.. Дядя Генри, киньте мой мяч!..

Услышав племянника, Его преосвященство Генри Бофор, кардинал Винчестерский, направился к мячу, который укатился под стол. Но его опередил епископ. Он с неожиданной легкостью подхватил кожаный мяч и, повернувшись к окну, точным движением послал его вниз.

— Спасибо, сэр! Благодарю вас!— крикнул снизу Его величество и, поймав на лету мяч, снова погнал его по траве.

— Какой удивительный мальчик!— глядя на Его величество, произнес епископ.— Дивный мальчик! Любезный!.. Истинный король Франции!..

Суд церкви. Жанну судили в Руане судом церкви, судили англичане руками французов — именем Церковного Трибунала Франции. Это был процесс по делу веры, что намного упрощало все судопроизводство. Суд церкви не знал ни прений сторон, ни гласности свидетельских показаний, ни права обвиняемого на свою защиту. И это более всего устраивало регентов английского короля. Суду вменялось не только физически покарать Жанну, но опорочить и всю ее деятельность в глазах доверчивых и набожных соотечественников. Судили не столько Деву, сколько дело, которому она себя посвятила. Судили любовь к отечеству. Судили освобождение Франции.

Суд заседал в капелле Буврейского замка и представлял собою пестрое, но весьма внушительное зрелище. Среди пятидесяти ассессоров были доктора Парижского университета — богословы, специалисты по гражданскому и каноническому праву, бы-

ли бакалавры и лиценциаты — были представители руанского Капитула, соборных клиров, монастырей, приходов, были и нищенствующие братья-монахи. Председательствовал на суде мессир Пьер Кошон, преподобный отец во господе, епископ и граф Бове.

Жанна сидела напротив на грубом табурете в окружении стражников.

Дознание уже началось. Спрашивал подсудимую следователь суда Жан де Лафонтен:

— Когда ты попала в плен, Жанна?

— В конце мая прошлого года, сударь.

— Где ты находилась, когда узнала, что тебя продали англичанам?

— В башне замка Бореувар.

— Зачем ты выпрыгнула из окна?

— Когда я узнала, что меня продали англичанам, я решила бежать.

— Но ведь это безумие — прыгать с такой высоты! — воскликнул д'Эстиве.

— Ты хотела умереть? — спросил де Лафонтен.

— Нет, сударь. Я хотела бежать, — повторила Жанна.

— Но ты могла разбиться!

— Лучше отдаться в руки бога, сударь, чем в руки англичан.

Появился комендант королевского замка лорд Уорвик со своим адъютантом. Он бесшумно прошел туда, где сидели ассессоры, и занял место неподалеку от епископа.

— Скажи, Жанна, — начал епископ, — что заставило тебя покинуть родной кров?

— Жалостная судьба Франции и моего народа, святой отец!

— Но ведь в писании сказано: «Чти отца и мать твою»...

— Будь у меня сто отцов и сто матерей, я бы все равно ушла, — ответила Жанна.

— И тебе не жаль было твоих родителей?

— Очень жаль, святой отец, но война есть война!

— Кто надумил тебя надеть мужскую одежду? — спросил д'Эстиве.

— Спросите о чем-нибудь другом, сударь.

— Разве ты не знаешь, что в писании сказано: «Да не наденет жена мужское платье, а муж женское»? — сказал епископ.

— Я поступила так по доброму совету, сударь.

— И кто же тебе советовал?

— Здравый смысл, святой отец,— ответила Жанна.— Кто же еще! Ведь мне приходилось ездить верхом.

— А может быть, тебе подсказали это твой голоса? — спросил де Лафонтен.

— Мои голоса не подсказывают, сударь. Они говорят.

— И что же они тебе говорят?

— Мои голоса говорят мне,— сказала Жанна,— чтобы я смело отвечала на все ваши вопросы и ничего не боялась.

— Кто говорит с тобой? — спросил мэтр де Бопер.

— Сегодня святой Михаил. А вчера — святая Екатерина и святая Маргарита.

— Мессир, пожалуйста, спросите ее,— шепнул на ухо епископу лорд Уорвик,— не говорит ли святая Маргарита по-английски.

Епископ кивнул и в свою очередь шепнул что-то на ухо д'Эстиве. Тот сказал:

— Жанна, а не говорит ли святая Маргарита по-английски?

— Зачем ей говорить по-английски, сударь, ведь она не англичанка,— ответила Жанна.

Лорд Уорвик улыбнулся. Улыбнулись и остальные.

— Послушай, Жанна, а когда ты впервые увидела святого Михаила? — вновь обратился с вопросом мэтр де Бопер.

— Сначала я его только услышала, сударь,— ответила Жанна.— Это было в деревне, в саду моего отца. Тогда мне минуло тринадцать.

— Ну а потом?

— Потом я его увидела,— сказала Жанна.— Это было года через два. В полдень. Яшла овец.

— Расскажи,— попросил епископ.

— Сначала я услышала голос. Он раз-

дался, как всегда, со стороны церкви. Потом вспыхнуло сияние и явился он.

— Кто же?!

— Святой Михаил.

— Как ты его узнала? — спросил де Лафонтен.

— По голосу, сударь.

— Он был голый? — спросил д'Эстиве.

— Неужели вы думаете, сударь, что господу богу не во что одеть своих ангелов!..

— Он был старый?

— Помоложе вас. И очень хорош собой. От него все время исходил свет. Он был прекрасен в своих сверкающих одеждах!..

— А как ты узнала, что это был святой, а не сатана, принявший образ архангела? — спросил епископ.

— Потому что он учил меня добру, мессир...

— Чему же он тебя учил, дочь моя?

— Он говорил, чтобы я поспешила на помощь моему бедному народу и королю... Чтобы я поскорее освободила Орлеан и повела нашего дофина в Реймс. Он поведал мне о страданиях милой Франции. И о том, что, если мы будем отважными, нас ждет победа!

— Он дьявол, твой святой Михаил! — воскликнул д'Эстиве.

— Он ангел. Он любит мою Францию и мой народ.

— Ты думаешь, дочь моя, что бог ненавидит англичан? — спросил де Лафонтен.

— Ненавидит ли бог англичан или любит, мне ничего об этом не известно, сударь. Я знаю только, что все они будут изгнаны из Франции, кроме тех, кто найдет здесь могилу.

— Неслыханно! — вскричал Уорвик.— Это нельзя записывать, епископ!..

— Я не имею права, милорд,— ответил епископ.

— Что за церемония, святой отец! — сказал Уорвик.— Ведь платим за все мы! Мы ее купили!..

— Милорд,— произнес епископ,— вы

должны понять, что здесь церковный суд, а не военный трибунал!.. Мы обязаны вести дело с образцовой тщательностью.— И, наклонившись поближе, он добавил:— Вряд ли Его величеству королю Англии и единственному законному наследнику французского престола нужна жертва, осужденная не по закону. Не так ли?..

— Так! — сказал Уорвик.— И все же я уполномочен сообщить вам, мессир, что ваш суд слишком затянулся!.. Мой король этого не потерпит...

С этими словами лорд Уорвик покинул заседание.

Воцарившуюся тишину нарушил брат Жан Леметр, викарий Жана Граверана, инквизитора Франции по делам ереси.

— Жанна, дочь наша,— произнес он доброжелательно и мягко, словно дело происходило не в суде, а в родительском доме среди своих,— скажи, пребывает ли с тобою божья благодать?

Услышав вопрос, судьи умолкли; наступила мертвая тишина.

— Я должна подумать, мессир,— сказала Жанна.

— Подумай, подумай,— охотно согласился брат Жан Леметр.

— Ай да вопрос! Ай да вопросик! — потирая руки, шепнул епископу д'Эстиве.— Теперь девица в наших руках. Теперь она попалась!..

Епископ молчал — он был непроницаем.

— Если она скажет «да», мы ее обвиним в гордыне. Если скажет «нет», мы обвиним ее в общении с дьяволом!

Все ждали.

Жанна ответила:

— Сударь, если божья благодать не со мной, я буду просить господ, чтобы он мне ее послал. Если же она со мной, я буду просить господ, чтобы он ее не отнял у меня.

— Безупречно! — произнес пораженный ее ответом брат Жан Леметр.

Гул удивления прошел по рядам.

Епископ по-прежнему молчал — он был непроницаем.

Болезнь. Жанна лежала без сознания на железной койке в камере тюрьмы ля Тур де Шан, прикованная цепью к стене. Вокруг больной собрались члены церковного суда, стража, граф Уорвик и врач.

— Она съела рыбу, сэр,— сказал стражник.

— Какую еще рыбу? — спросил Уорвик.

— Рыбу, сэр, которую ей прислал господин епископ.

— Рыба была вполне свежая, милорд,— заметил Жан Масье, судебный пристав.

— Это мы проверим! — сказал граф.

— Милорд,— сказал брат Ладвеню,— несчастная просила, чтобы в случае смерти мы похоронили ее в освященной земле.

— В мужской одежде?! — воскликнул д'Эстиве.— Какая наглость!

— Напротив, сударь,— сказал Ладвеню.— Когда брат Изамбар спросил ее, хочет ли она иметь на себе женскую рубашку, если умрет, несчастная ответила: «Хочу. Только бы она была длинная...»

— Если девица скончается, мы начнем расследование,— предупредил Уорвик.— Наш король ее купил, и она дорого ему стоила!

— Мы сделаем все, милорд, чтобы она выздоровела,— заверил д'Эстиве.

— Король хочет,— сказал Уорвик,— чтобы она умерла по приговору суда и на костре, а не естественной смертью!

— Она задыхается! — сказал Масье.

— Уйдите же! Дайте ей воздуха! — воскликнул брат Изамбар.

Лорд Уорвик выпел первым.

Обвинение. По выздоровлении подсудимой заседания возобновились. В этот день Жанне наконец предъявили обвинение.

Минувшая болезнь, одиннадцатимесячное заточение и многочисленные изнуряющие допросы измучили девушку. И хотя плоть ее была слаба, глаза ее, глубоко запавшие на бледном худом лице, напряженно горели.

По всему чувствовалось, что заседание

затянулось и не только Жанна, но и сами судьи были измучены своими тщетными попытками заставить ее склониться и признать себя виновной. Утомились даже стража и палач, присутствующий здесь, и секретарь суда.

— Итак, Жанна,— произнес епископ,— вот в чем мы обвиняем тебя! Выслушай и вразумись наконец! Первое — ты сражалась под Парижем в день божьего праздника... Второе — ты спрыгнула с башни в замке Бореуар, желая лишиться себя жизни... Третье — ты повинна в смерти Франке из Арраса. Четвертое...

— Остерегитесь епископ! — сказала Жанна.

— Четвертое!..

— Неправый суд вы затеяли!

— Четвертое!.. Ты носила и продолжаешь носить мужскую одежду!..

— Вы скоро умрете, епископ! Я это знаю... Остерегитесь!..

Епископ побледнел.

— Это ведовство! — вскричал д'Эстиве.— Она ведьма!

— В огонь ее! В огонь! — кричал Лефевр.

— Занесите в протокол! — потребовал Шатийон.

— Не надо! — приказал епископ и, сделав над собой усилие, спокойно добавил: — Отвечай, Жанна.

Жанна молчала.

— Отвечай, Жанна! — шепнул ей брат Ладвеню — монах-доминиканец.— Иначе ты погубишь себя, отвечай!..

— Хорошо, мессир,— сказала Жанна епископу.— Я отвечу. Хотя ясно как день, что вы только ищете повод, чтобы послать меня на костер.

— Отвечай по существу, Жанна! Упорствуя, ты подвергаешь себя еще большей опасности.

— Чем больше опасность, святой отец, тем больше чести! — сказала Жанна.— Вот вы говорите — Париж, божий праздник? Грех это или не грех, не суду решать... Разве что моему духовнику... Даль-

ше, не отчаяние меня заставило прыгнуть с башни, напротив — надежда! А что касается Франке из Арраса, то этот заслужил свое. Он сам признался, что он негодяй и предатель! Я хотела его обменять на сторонника своей партии, господина де Лурса из Парижа, но тот умер. Было бы глупо отпускать негодяя Франке на свободу!..

— Но мужская одежда!..

— Неужели вы не понимаете, епископ, что, находясь среди мужчин, пристойнее носить мужской костюм?.. Отпустите меня домой к моей матушке, и я вернусь к ней в женском платье.

— Последний раз спрашиваю тебя, Жанна,— сказал епископ,— согласна ли ты подчиниться церкви?

— Нет, вам, моим судьям, я не подчинюсь.

— Отвечай, почему?

— Потому что вы служите англичанам, святой отец!

— Мы французы, Жанна, не забывай это!..

— Вы предали Францию!

— Мы церковь, Жанна, мы выше вражды королей!

— Если это так, святой отец, судите меня там, где мой король, а не здесь, где англичане...

— Подумай еще, Жанна,— сказал епископ.— Подумай хорошенько... Несмотря на все твои жестокие слова,— продолжал он,— которые ты мне только что сказала, я глубоко уважаю тебя и глубоко тебе сочувствую. Мне понятны причины твоего раздражения. Я знаю, сколь остро ты переживаешь свое одиночество, в каком великом напряжении пребывает твоя душа и все твои телесные силы. Поверь мне... Но именно поэтому, Жанна, я особенно хочу, чтобы ты поняла одно: заявляя суду «нет», ты подвергаешь себя смертельной опасности; но сказав суду «да», ты не только спасешь себя, но при этом еще и ничем не рискуешь. Ведь отдав себя в руки церкви, ты тем самым перелагаешь на нас всю ответственность за оценку твоих поступков. Это

мы будем повинны, если ошибочно по своей гордыне или своему неведению сочтем, что твои голоса и вся твоя деятельность от лукавого. Это нам придется держать ответ перед господом. Но ты, Жанна, будешь не повинна...

— Я и так ни в чем неповинна, святой отец!

— Значит, нет?!

— Нет,— ответила Жанна.

— Жаль,— со вздохом произнес епископ.— Искренне жаль... Людям, не слушающим советов, Жанна, нельзя помочь... Господин Масье...— Епископ дал знак судебному исполнителю.

Господин Масье произнес:

— Покажите обвиняемой орудия пыток...

Стражники подхватили Жанну и увели ее за железную дверь.

Воцарилась тишина.

— Это дитя народа,— шепнул д'Эстиве своему соседу Жану Леметру,— хитрее сотни богословов!

— Вы преувеличиваете, брат мой,— сказал Жан Леметр.

— Ничуть!.. Вы обратили внимание, как она остерегалась сказать, что голоса велели надеть мужской костюм? Она понимает, что это была бы ее погибель. Ведь тогда бы пришлось признать, что голоса ее от сатаны...

— Говорят, что леди Бедфорд,— вмешался в разговор брат Лефевр,— лично убедилась, что подсудимая — девственница.

Д'Эстиве скептически поднял брови.

— Да, да! — заверил брат Лефевр.— В этом нет никакого сомнения. Говорят даже, будто сам герцог Бедфордский через специальную щель в полу тоже лично убедился в этом...

— Господа, прошу соблюдать тишину,— произнес епископ, призывая братьев к порядку.

Шепот прекратился.

Наконец железная дверь открылась и двое стражников выволокли из подземелья

Жанну. Она была без сознания. Ее усадили на табурет, плеснули в лицо водой...

Жанна открыла глаза и долго смотрела перед собой, собираясь с силами.

— Если вы даже будете меня пытать и переломаете все мои кости,— проговорила она,— то и тогда я не скажу вам ничего другого.

— Ты хочешь сказать, что не боишься боли? — спросил д'Эстиве.

— Боюсь, очень боюсь! — ответила Жанна.— Моя плоть трепещет от боли. От страха меня бьет озноб... Но моя душа... Она вам неподвластна. Она сильнее и пыток и страха... И если я скажу вам под пыткой то, что вы ждете от меня, я все равно потом заявлю, что у меня вырвали эти слова силой! Так и знайте...

— Жанна, заблудшая дочь папа,— устало произнес епископ,— на что ты надеешься? Неужели ты веришь, что кто-то придет и спасет тебя?

— Верю.

— Это сказал тебе святой Михаил?

— Да,— ответила Жанна.— Он сказал мне, что я освобожусь в день великой победы.

— Может быть, он сказал тебе, когда это будет? — спросил д'Эстиве.

— Я не знаю точно, сударь, когда,— ответила Жанна,— но я знаю твердо, что это будет!..

Отречение. На рассвете 24 мая 1431 года судебный пристав Жан Масье и с ним два доминиканских монаха — брат Изамбар и брат Ладвеню — вошли в камеру Жанны.

— Сэр, девица, похоже на то, выдохлась,— сказал, обращаясь к Масье, один из английских стражников, охранявших Жанну.— Ночью она хотела встать и упа... Так что пришлось ее поднимать.

— Ночью во сне, сэр, она все звала святого Михаила,— сказал другой.— А потом плакала, что он ее покинул. И что все ее покинули. Даже король!.. Да так жало-

стливо, сэр, она плакала, что я, признать-ся, заткнул уши.

— Кончайте уж ее поскорее, сэр,— до-бавил первый.— Она хоть и ведьма, а все же человек. Чего ее зря мучить!

Жанна открыла глаза. Увидев вошед-ших, она попыталась встать.

— Мы поднимем ее, сэр,— вызвался один из стражников.

— Не надо,—сказал Масье.— Пусть по-ложит.

— Лежи, Жанна, лежи!— сказал брат Ладвеню.— Мы поговорим с тобой и так. Лежи...

— Мы пришли к тебе, Жанна,— начал Масье,— чтобы сообщить, что сегодня суд вынесет тебе свой приговор... Мы пришли,— продолжал он,— чтобы еще раз просить тебя подчиниться матери нашей святой церкви, отказаться от голосов и снять муж-скую одежду.

Жанна молчала.

— Если ты этого не сделаешь, Жанна, тебя сегодня сожгут,— сказал Масье.

— Будь благоразумной, сестра моя!— сказал брат Ладвеню.— Ведь ты же зна-ешь, что англичане только и ждут повода, чтобы тебя сжечь... И лишь перковь, она одна может защитить тебя.

— Решайся, Жанна,— сказал Масье,— и ты будешь свободна. Ты вырвешься из этой тюрьмы навсегда...

Жанна молчала.

— Почему ты молчишь?— спросил брат Ладвеню.— Неужели ты все еще надеешь-ся, что кто-нибудь придет и спасет тебя?!

— Надеюсь,— чуть слышно ответила Жанна.

— Надежда — хороший завтрак, но пло-хой ужин, Жанна,— сказал Масье.— Ре-шайся!.. Через час за тобой придут. И тог-да уже никто не сможет тебе помочь. Ни твой голоса, ни твой король!

— Не трогайте моего короля!— сказала Жанна.— Он тут ни при чем.

— Как ни при чем?! Он предал тебя.

— Это неправда!

— Это правда, Жанна. Как ни при-скорбно, но это правда...

— Нет!

— Правда... Твой король мог бы выку-пить тебя. Но он этого не сделал...

— У него не было лишних денег!

— Допустим... Но у него есть войско, Жанна. Он мог бы тебя освободить!

— У него есть заботы и поважнее!

— Он тебя предал, Жанна! Предал!— воскликнул, не выдержав, брат Изамбар.— Пойми!

— Значит, так надо было Франции!— ответила Жанна.

— Но тебя сожгут!

— Пусть сожгут. Я и на костре не ска-жу ничего другого!..

Наступило молчание. И только стран-ный, неповытный звук нарушал тишину каземата — это звенела цепь, которой была прикована к стене Жанна.

— Ты дрожишь?— спросил Жанну брат Ладвеню.

— Мне холодно,— ответила Жанна.

Ее бил озноб.

...На кладбище возле церкви Сент-Уэн в присутствии палача, толпы горожан, многочисленной стражи, лорда Уорвика, кардинала Вичестерского и всех членов церковного суда Жанна подписывала отрече-ние. Она стояла на специальном помосте в окружении членов церковного трибунала и была столь слаба, что двое стражников вынуждены были поддерживать ее.

— Еще немного, Жанна, и ты спасе-на,— сказал ей Масье, протягивая перо и лист с текстом отречения.

— Я ничего не вижу,— проговорила Жанна.— Помогите мне...

Масье взял руку Жанны в свою и вы-вел на листе слово «Жанна». Потом нетвер-дой рукой Жанна сама поставила крестик.

— Ну вот, теперь ты спасена,— с облег-чением сказал ей Масье, забирая отрече-ние.— И слава богу!..

Он передал отречение епископу.

Взглянув на подпись, епископ торжест-венно возвестил:

— После наших многократных терпеливых наставлений ты, Жанна, наконец открыто признала свои заблуждения и публично от них отрелась. А потому церковь принимает тебя в свое лоно. Но поскольку ты тяжело погрешила против церкви, мы приговариваем тебя к пожизненному заточению в тюрьме, к хлебу горя и вину слез!.. Но при этом мы не оставим тебя нашим милосердием. Таков окончательный приговор суда...

— Мошенник! — произнес лорд Уорвик. — Вместо того, чтобы отправить девицу на костер, он снова отправляет ее в тюрьму. Плакали наши денежки, Ваше преосвященство, — сказал он кардиналу Винчестерскому. — Нас одурачили!

— Не спешите, милорд, — произнес кардинал. — Епископ Копон честный человек и знает свое дело...

— Иди с миром, Жанна, — говорил епископ. — И помни, что теперь, когда ты подписала покаяние, пути назад нет! Любой отказ исполнить наши предписания будет повторной ересью и тогда без суда тебя отправят на костер... Хорошенько запомни это, дочь моя! Хорошенько...

— Куда ее отвести, мессир? — спросил Масье.

— Туда, откуда привели, — ответил епископ.

— Но вы же обещали перевести меня в женскую тюрьму! — воскликнула Жанна.

— Спокойно, крошка, не суетись! — сказал стражник. — Пошли домой...

— Меня обманули! — крикнула Жанна.

— Пошли домой! — повторил стражник. — На тебе лица нет, ты сле держишься! Пошли...

Ее увели.

Победа над собой. В тюрьме монахини переодели Жанну в женское платье и остригли ей волосы.

Жанна была тихой, покорной и казалась равнодушной ко всему.

Ее мужскую одежду монахини положили в мешок и понесли. В дверях один

из стражников молча отнял у них мешок, а когда святые сестры удалились, он кинул мешок к ногам осужденной.

Жанна сказала:

— Джек, отомкни цепь.

— Нельзи, — сказал стражник.

— Отомкни, будь другом...

— Зачем?

— Ты знаешь зачем.

Джек отомкнул цепь.

— Отвернись, — сказала Жанна.

Джек отвернулся.

— Ты скоро? — спросил он.

— Скоро, — ответила Жанна.

— Давай быстрее! — сказал Джек.

— Готово, — сказала Жанна.

Джек обернулся — Жанна снова была в мужской одежде.

— Ну вот и слава богу! — сказал обрадованно Джек. — Теперь и мы отдохнем — недолго ждать!.. Джон, Том, Гарри! — позвал он остальных. — Обедать пора...

Джек развязал узелок, достал хлеб, луповицу, нарезал вареное мясо, посолил. Протянул ломоть Жанне.

— Ешь, девочка, подкрепляйся! — сказал он.

Жанна взяла и стала есть.

Епископ. Епископ обедал, когда к нему вошел Жан Масье.

— Ваше преосвященство, она снова надела мужской костюм! — сообщил пристав.

— Не может этого быть, — сказал епископ спокойно. — Не верю...

— Я видел собственными глазами, мессир!..

Епископ не ответил. Он молча доел рыбу, потом произнес:

— Воду!

Служка подал ему чашу с водой для омовения рук.

Епископ умыл руки.

Святые дары. Утром рано 30 мая к Жанне вошли двое — брат Изамбар и брат Ладвено.

Жанна встретила их в мужской одежде.

— Жанна, сестра наша,— сказал брат Ладвеню,— мессир епископ прислал нас, чтобы приготовить тебя к смерти...

Жанна покачнулась, ее поддержали.

Когда она пришла в себя, брат Ладвеню спросил:

— Сестра, зачем ты снова надела мужское платье?

Жанна ответила:

— Потому что судьи обманули меня. Они не выполнили своих обещаний.

— Ты расквашиваешься? — спросил брат Ладвеню.

— Только в том, что отреклась,— ответила Жанна.

— Зачем же ты отрекалась?

— От страха.

— Страшишься ли ты теперь?

— Да, очень,— ответила Жанна.

— Что сказали тебе твои голоса?

— Они сказали мне, что сегодня я буду спасена.

— Ты по-прежнему надеешься, что тебя освободят?!

— Но разве сегодня я не выйду из тюрьмы? — сказала Жанна.— И разве сегодня я не буду свободна?

Брат Ладвеню опустился перед Жанной на колени. Он плакал.

Снаружи послышалось пение — это несли святые дары.

Костер. За ночь на площади Старого рынка были возведены два помоста. Один — большой, предназначался для знати и архиепископской кафедры, на нем стояло кресло кардинала Англии, окруженное сидениями для прелатов. Второй помост был поменьше и предназначался для подсудимой, проповедника и членов церковного суда во главе с епископом. В сорока шагах от помостов был воздвигнут высокий оштукатуренный эшафот, хорошо видимый отовсюду, даже с самых удаленных мест.

Процедура казни началась с девяти утра выступлением проповедника в при-

сутствии десяти тысяч горожан и всего английского гарнизона, который плотным кольцом охватил оба помоста и эшафот. К обеду и стража, и зрители заметно устали.

Но лишь теперь, когда было уже около двух часов дня, епископ Бове Кошон приступил наконец к чтению приговора.

Жанна в эту минуту стояла в нескольких шагах от него, босая, в грубой до пят холщовой рубашке, с непокрытой головой. Она была бледна, но держалась спокойно, хотя руки и тело ее непрерывно дрожали.

— Мы, Пьер, божьим милосердием епископ Бовеский, и брат Жан Леметр, викарий преславного доктора Жана Граверана, инквизитора по делам ереси,— внушительно читал епископ,— объявляем справедливый приговор, что ты, Жанна, в народе именуемая Девой, повинна во многих заблуждениях и преступлениях...

— Я, наверное, свалюсь,— виновато улыбувшись, сказала Жанна брату Ладвеню.— Ноги что-то не держат. Устала...

— Мужайся, сестра, держись,— тихо отвечал ей брат Ладвеню, незаметно приподвигаясь и подставляя свою руку.— Обопришься. Вот так... Уже недолго.

— Мы решаем и объявляем,— продолжал епископ,— что ты, Жанна, должна быть отторжена от единства церкви и отсечена от ее тела как вредный член, могущий заразить другие члены, и что ты должна быть передана королевской власти...

— Попы, дармоеды! — говорил один английский сержант другому.— В прошлый раз из-за них без обеда и сегодня тоже... Опять без обеда!

— Моя бы власть,— произнес второй,— я бы их туда же... Куда и эту колдунью... в огонь!

— Ох, и натерпелись же мы из-за нее страху! Ох, и натерпелись! — произнес третий.— Стыдно сказать!..

— А ты не говори,— сказал второй.

— Есть хочу,— сказал третий.

— И я хочу,— сказал четвертый.

— Хотите — не хотите, а придется по-

терпеть,— заметил первый.— Она еще гореть часа четыре будет.

— Ну не скажи,— заметил второй.— Чему в ней гореть-то?! — Окинув Жанну с головы до ног, он добавил: — Пару часов — не больше!.. А если дровишек подкинуть, то и часа хватит. Факт!..

— Тогда я подкину,— вызвался третий.— Чтоб мне сдохнуть! Клянусь пресвятой девой!..

— Мы отлучаем тебя, Жанна,— закапчивал чтение приговора епископ,— отсекаем и покидаем, прося королевскую власть смягчить приговор, избавив тебя от смерти и повреждения членов...

Епископ умолк.

Притихли зрители на площади. Слышно было, как чирикали на крышах городские воробьи и плакал где-то ребенок.

Один за другим покидали помост священники. Последними сошли брат Изамбар и брат Ладвеню. Жанна осталась одна.

Трое сержантов взяли на помост и за руки стащили ее вниз.

И тотчас вздох толпы на площади сотряс воздух.

Жанну огдали палачу.

— Делай свое дело,— сказали ему.

Жанна шла, задыхаясь, едва поспевая за палачом,— ее узкая, очень узкая рубашка сковывала, затрудняла движения.

Палач помог Жанне подняться на эшафот.

— Не больно? — спросил он, привязывая Жанну к столбу.

— Чуть-чуть, сударь,— ответила Жанна.

Палач ослабил веревку.

— Теперь хорошо?

Жанна кивнула.

Закончив привязывать, палач сказал:

— Прошу прощения, сударыня, за то, что я не в силах уменьшить ваши страдания. Костер слишком высок и я не сумею поднять его...

— Зачем? — не поняла Жанна.

— Чтобы задушить вас, сударыня, и тем уменьшить страдания,— ответил палач.— Простите!..

Жанна содрогнулась.

— Прощаю,— ответила она, помолчав.— Только уж делай все побыстрее. Пожалуйста!..

— Уж я постараюсь! — воспрянув, закричал палач.— Для вас, сударыня, я все сделаю! Прощайте!.. Счастливого пути!.. — И он добавил вдруг, переходя на шепот: — Чего бы там о вас ни болтали эти попы, я то уверен, сударыня, вы будете в раю!.. Через час,— добавил он, спускаясь, и уже снизу крикнул: — Только не смотрите на огонь, сударыня! Тогда не так страшно!..

Жанна огляделась. Отсюда, с высоты эшафота, была видна вся площадь и народ на площади — великое множество лиц, а вокруг — дома, церковь, крыши и окна, и снова лица, лица, множество лиц.

Это была ее Франция, ее народ, который она столь горячо любила, за который сражалась и пошла на костер.

— Смерть! Смерть! — закричали в толпе.— Смерть ведьме! В огонь! В огонь ее! В огонь!..

И вдруг Жанна улыбнулась. Улыбнулась неожиданно ясной улыбкой.

Толпа замерла. Заголосили женщины, заволоновались мужчины.

— Дайте мне крест! — сказала Жанна.

Палач разжигал костер.

— Дайте крест! — повторила Жанна.

Начальник караула подбежал к лорду Уорвику:

— Сэр, она просит крест.

— Никакого креста еретичке! — распорядился Уорвик.

Огонь занялся. Жанна начала задыхаться, каплять — клубы дыма застилали ее.

— Дайте ей крест! — загодела толпа.— Крест!.. Дайте ей крест!

Один из стражников кинул Жанне самодельный крест, связанный из прутьев. Жанна подхватила крест, прижала к груди.

Костер разгорался.

И вдруг Жанна увидела среди тысячи лиц на площади одно знакомое лицо. Это был святой Михаил — она почувствовала, узнала его взгляд.

— Кто это? — заметив незнакомца, спросил епископ у начальника караула.

— Святой Михаил, — ответил начальник караула.

Епископ вздрогнул.

— Кто сказал тебе, что он святой?

— Все говорят, мессир...

— Взять его! — приказал епископ.

— Слушаюсь!

Огонь приближался, гудел. Одежда па Жанне дымилась, как, впрочем, и крест из прутиков, зажатый в руке.

И вдруг крест вспыхнул. И в то же мгновение стена из пламени закрыла Жанну. И оттуда, из-за завесы огня и дыма, взлетев над площадью пронзительный крик. Это был последний глас Жанны.

Ревел огонь.

Знакомый сержант, кинувший в пламя охапку хвороста, свалился без чувств. Когда его оттащили и привели в сознание, он поводил вокруг влажными глазами и все повторял:

— Я видел!.. Я видел, как у нее из уст вылетела голубка!.. Я видел!.. Мы сожгли святую!..

Толпа рухнула на колени. Люди плакали.

Плакал судья, плакал епископ.

— Он скрылся, мессир! — сообщил епископу начальник караула.

— Кто?! — не понял епископ.

— Святой Михаил! Он ушел.

— Иди прочь, болван! — сказал епископ.

Ревел огонь.

Так 30 мая 1431 года оборвалась жизнь Жанны д'Арк — дочери крестьянина Жака Дарка и его супруги Изабеллы Роме.

В тот год Жанне минуло двадцать один.

Теофраст и его ученики. Утром следующего дня к месту, на котором сожгли Жанну, пришли трое. Это были Теофраст и его ученики. С тех пор, как мы их видели в последний раз, они изрядно отощали, заросли и обносились. По всему чувствовалось, что жизнь их не баловала и путь они

проделали большой и нелегкий. Все трое молчали.

Мимо, по площади рынка, сновали первые продавцы и первые покупатели — начинался новый день. И лишь огромное черное пятно на опаленной земле да старик, собиравший остатки золы и пепла, напоминали еще о случившемся.

— Вот она жизнь, учитель, — сказал Теофрасту ученик, казавшийся поумней, — еще не убран пепел, а люди уж торгуют.

— Жизнь берет свое, — ответил учитель.

— А ее уже нет, голубки, — произнес ученик, казавшийся поглупей. — Нет... Мы опоздали!

Из глаз его покатались слезы.

— Говорят, сердце ее не сгорело, — сказал ученик, казавшийся поумней.

— Ведь я же говорил ей — живи незаметно, Жанна, живи незаметно, — сказал Теофраст. — Не послушала...

— Это ты ее погубил, учитель, ты! — неожиданно с гневом произнес ученик, казавшийся поглупей.

— Ты спятил! — сказал Теофраст.

— Нет, учитель, он в своем уме, — подержал товарища ученик, казавшийся поумней. — Это ты ее научил идти к королю и ты ее погубил! Ты!..

Теофраст ответил не сразу. Он помолчал, потом произнес:

— Вы льстите мне.

— Это почему же?! — спросил тот, что выглядел поумней.

— Да потому, — ответил Теофраст, — что я ее не учил... К сожаленью, — добавил он. — Если бы все было так, как вы говорите, — продолжал он, — я бы был счастлив. Потому что и я был бы причастен к ее подвигу... А то я только пошутил, а она взяла и сделала... Хотя у нее не было иной силы, кроме силы любви.

Теофраст умолк.

Галдели люди на рыночной площади.

Наконец ученик, казавшийся поумней, сказал:

— Наверное, ты не виноват, учитель...

Даже самые великие предприятия погибают после поражения.

— Но еще быстрее после победы,— сказал Теофраст.

Они помолчали.

— А ведь ты не верил в нее когда-то, учитель,— сказал Теофрасту ученик, казавшийся поумней.

— Я верил, но сомневался,— ответил Теофраст.

— Не хитри, учитель.

— Если бы я не мог сомневаться, я не мог бы верить,— сказал Теофраст.

— Она говорила, учитель,— продолжал ученик, казавшийся поумней,— что в жизни бывают моменты, когда сомневаться некогда, надо верить.

— Я так не умею,— признался Теофраст.— Не могу... Вера держит у себя на службе множество сомнений.

— По-моему, учитель, она умела верить даже тогда, когда сомневалась. Только не подавала вида.

— Не знаю. Сомневаюсь.

— Почему, учитель?

— Да потому, что подвиг ее — непреклонная вера. А все остальное — твои догадки. Домыслы. Предположения! Теперь ты можешь говорить о ней, что хочешь, что забредет тебе. Она не подтвердит и не отвергнет это, потому что ее нет. Она там.— И Теофраст показал на небо.

— Она не там, а там, учитель,— заметил ученик и показал на реку.— Ее прах бросили в Сену.

— Будущее покажет, где она теперь,— ответил Теофраст.— Пройдет год-два, пройдет сто лет и даже больше, и каждый, вспоминая о ней, будет судить по-своему и приписывать ей то, о чем сама она не говорила и даже не помышляла... Пройдет время, и живой облик ее сотрется, исчезнет навсегда. Но память о ней и о ее победе сохранится надолго!

— Она сохранится навсегда, учитель! — воскликнул ученик, казавшийся поглупей.

— Не знаю, сомневаюсь,— ответил Те-

офраст.— Ничего в этом мире не делается навсегда.

— Может быть, ты и прав, учитель, но я понял одно,— сказал ученик,— что ее пример сильнее, чем все проповеди в мире! Я понял это, и никакая сила меня не поколеблет...

— Вот в этом я не сомневаюсь,— сказал Теофраст.

— И я не сомневаюсь,— сказал ученик, казавшийся поумней.

Они помолчали.

— Куда же мы теперь, учитель? — спросил ученик, казавшийся поглупей.— Как будем жить?..

— Как вы — не знаю,— ответил Теофраст.— А я иду в Париж.

— К себе в аптеку?

— Нет, в армию нашего короля.

— Воевать?

— Да, продолжать ее дело.

— Тогда я с тобой, учитель,— сказал ученик, казавшийся поглупей.

— И я с тобой, учитель,— сказал ученик, казавшийся поумней.

— Но ведь ты боишься,— заметил Теофраст.

— А ты, учитель, разве не боишься?

— Боюсь, но надо,— ответил Теофраст.

— То-то и оно, что надо,— ответил ученик.

Они пошли.

Проходя мимо телеги с пеплом, Теофраст и ученик, казавшийся поглупей, взяли по горсти праха с собой.

— А ты что же не взял? — спросил один ученик у другого.

— А зачем? — ответил тот, что выглядел поумней.— Я и так ее помню.— И, помолчав, добавил: — И не забуду. И детям своим о ней расскажу и внукам, если будут... И всем говорить о ней буду всегда и везде. Пока язык не отсохнет, пока не околею...

Победители. Шло время. Была зима, падал снег.

По широкой холмистой равнине шло

французское войско. Это было большое войско, хорошо оснащенное, с большим обозом. Это шли победители.

Среди них — Бертран де Пуланжи, Жан из Меца, вернувшийся из плена господин д'Олон, Теофраст со своими учениками и еще многие и многие боевые товарищи Жанны — те, кто с ней начинал когда-то и прошел весь путь до Компьенья.

На обочине дороги, по которой двигалось войско, стояла, завалившись набок, большая, забрызганная грязью карета. Потный измученный возница метался по обочине и кричал:

— Священника! Христа ради, священника!.. Умирает мой господин!..

— Не ори, братец, тошно! — сказал ему, останавливаясь, один из воинов. — Кто тебе нужен, скажи толком?

— Священник! Умирает мой господин!

— Есть тут у нас один монах, — сказал воин и крикнул: — Эй, Михаил!.. Брат Михаил!..

— Кто меня звал? — спросил, появляясь из колонны идущих, брат Михаил.

— Умирает мой господин! — кинулся к нему возница. — Прими исповедь, брат!.. Христа ради, прими!..

— Идем, — сказал монах.

...В карете на подушках полулежал умирающий. Это был епископ Кошон.

— Мессир, пришел священник, — обратился к умирающему возница. — Мессир...

Епископ открыл глаза.

— Оставь нас, — прошептал он слуге обескровленным слабыми устами.

Возница исчез.

— Кто ты? — спросил епископ, обращаясь к монаху.

— Я брат Михаил, — ответил монах.

— Я епископ Бове Кошон, — сказал умирающий. — Прими исповедь, брат...

— Слушаю тебя, — сказал монах.

— Я сын виноградаря из Шампани, — начал епископ. — В моих жилах — крестьянская кровь... Великим трудом и милостью божией я вышел в люди и стал епископом... Много превратностей было на моем пу-

ти, — продолжал он, — много искушений, много опасностей... Но я честно служил господу и своему земному владыке герцогу Бургундскому... Вот и сейчас я, умирающий и всеми покинутый, бегу из вверенной мне епархии не по своей доброй воле, но от врага... за своим господином, дабы сохранить ему верность...

Епископ умолк, перевел дыхание.

— Ты слушаешь меня, брат? — спросил он.

— Слушаю, брат, — ответил монах. — Продолжай...

— Я судил девушку, — продолжал епископ. — И осудил ее... Хотя это было очень нелегко, судить юную и чистую... Мне было жаль ее... Она сгорела. Ее сожгли..

Епископ снова умолк и снова перевел дыхание.

— Что ж тебя мучает? — спросил монах.

— Что ее сожгли.

— Значит, она была невиновной?

— Нет, она была виновна.

— Тогда почему же тебя мучит, что ее сожгли?

— Потому что огонь сделал ее святой, а меня злодеем, — ответил умирающий. — Она безусловно умерла, и я никого не убедил, что был прав... А я был прав!

— Бог тебе судья, — сказал брат Михаил.

— Я выполнил свой долг!

— Долг — это верность тому, что приказываешь себе сам, — сказал монах.

— Я служил господу, иного себе не приказывал!

— Никакие слова не могут указать человеку то, чего он не хочет видеть, — сказал брат Михаил. — Прощай, — добавил он. — Я буду за тебя молиться.

— Постой, — сказал умирающий.

Брат Михаил остановился.

— Я узнал тебя!.. Ты святой Михаил! Ты был на площади в день ее казни?!

Монах не ответил. Он молча благословил умирающего и вышел.

... — Послушай, брат, — сказал он возни-

це,—если кто-нибудь узнает, кого ты ве-
зешь, тебя вздернут на первом же суку
вместе с твоим господином. Уезжай...

— Я мигом! — ответил возница.

И, вскочив в седло, он погнал карету
напрямик через поле, подальше от войска.

Брат Михаил постоял, посмотрел вслед,

потом свернул на дорогу, смешался с иду-
щими и скоро скрылся из вида.

По широкой холмистой равнине пло-
войско. Это было большое, грозное войско.
Это шли победители — друзья и соратники
Жанны д'Арк.

Падал снег.

О СЦЕНАРИИ «ЖИЗНЬ ЖАННЫ Д'АРК».

Тема бессмертного подвига Жанны д'Арк — это одна из тех «вечных тем» в науке и искусстве, которые заключают в себе огромные возможности идейного и нравственного воздействия. До сих пор вокруг вопросов, связанных с жизнью и деятельностью героини французского народа, не прекращаются принципиальные споры в науке, не затухает острая борьба. Реакционная буржуазная историография создала клерикально-монархическую легенду о «святой Иоанне», кроткой мученице, ниспосланной божественным провидением для спасения французского престола. В работах советских и прогрессивных зарубежных историков вскрыты корни «феномена» Жанны, показано, что этот «феномен» представляет собой наиболее яркое и полное воплощение того общенародного сопротивления иноземным захватчикам, которое развернулось во Франции на переломном этапе Столетней войны.

Эта концепция лежит в основе сценария Г. А. Панфилова. Автор выступает здесь как первооткрыватель: он впервые в кинематографии решает тему Жанны д'Арк с марксистско-ленинских позиций.

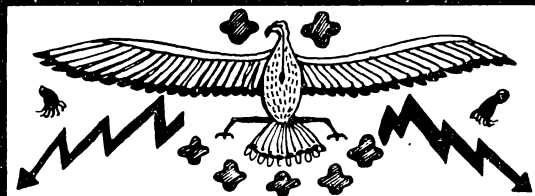
Сценарий Г. А. Панфилова представляет собой оригинальное произведение, воссоздающее исторически достоверно и художественно убедительно как образ самой Жанны, так и ту обстановку, в которой Жанна действовала. Автор ищет ответ на главный вопрос: как созрела решимость Жанны, почему этой юной крестьянке пришла мысль, что именно она призвана спасти Францию. Г. А. Панфилов решает эту проблему, показывая взаимоотношения героини с той народной средой, плотью от плоти которой она была. Образы родителей Жанны, ее дядюшки Дюрана Лассуа, ее братьев, односельчан, Теофраста, его учеников и т. д. несут на себе принципиальную идейно-смысловую нагрузку: в них зримо представлен сам французский народ с его невзгодами, надеждами и борьбой.

Безусловной удачей сценариста в этом плане является образ святого Михаила. У Панфилова это живой человек, страстующий монах, своеобразно преломленный в восприятии Жанны. Такая трактовка исторически вполне оправдана. Средневековье знало множество подобных персонажей, которых народная молва еще при жизни нарекала «святыми». Это были представители той плебейской части духовенства, которая стояла близко к народу и разделяла с ним тяготы его жизни. Из этой среды нередко выходили, по словам Энгельса, «теоретики и идеологи широких народных движений».

Образ Жанны, встающий со страниц сценария, внутренне понятен и близок советским людям, особенно нашей молодежи, как впечатляющий пример высокого патриотического подвига и нравственной чистоты.

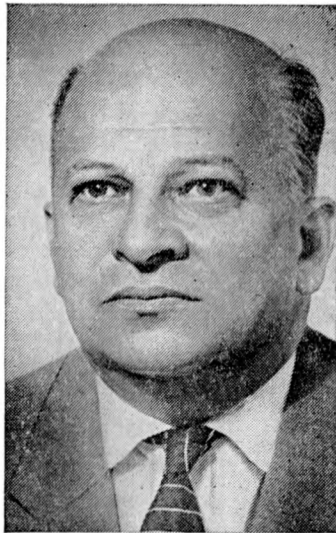
Из отзыва Героя Социалистического Труда,
академика С. Д. Сказкина.

В. ВЛАДИМИРОВ, П. ФИНН

ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ВЛАДИМИРОВ (ВАЙНШТОК) родился в 1908 году, кинорежиссер, кинодраматург, очеркист-историк. Как режиссер он поставил любимые многими поколениями советских зрителей фильмы «Дети капитана Гранта», «Остров сокровищ», «Всадник без головы». Совместно с А. Шлепяновым им написан сценарий фильма «Мертвый сезон», с П. Финном — сценарии кинокартин «Миссия в Кабуле», «Заблудшие», «Сломанная подкова», «Всадник без головы», самостоятельно — сценарий телевизионного фильма «Из Нью-Йорка в Ясную поляну», «Перед судом истории» и др.

ПАВЕЛ КОНСТАНТИНОВИЧ ФИНН (родился в 1940 году) окончил сценарный факультет ВГИКа. Сотрудничал в московских газетах и журналах, писал сценарии документальных фильмов. С 1968 года П. Финн работает в художественном кинематографе. Вместе с В. Владимировым им созданы сценарии четырех фильмов — «Миссия в Кабуле», «Заблудшие», «Всадник без головы», «Сломанная подкова».

Литературный сценарий приключенческого жанра «Вооружен и очень опасен» написан В. Владимировым и П. Финном с использованием некоторых мотивов произведений Франсиса Брет Гарта. Сценарий готовит к постановке киностудия им. М. Горького, режиссер — В. Вайншток.

Грехотали в лесу выстрелы, множимые эхом. Среди стволов металась по снегу обезумевшая лошадь. Она пела на себе всадника, привязанного к седлу веревками. Он был без шляпы, длинные прямые волосы, тронутые сединой, опускались на плечи, руки были стянуты на груди ремнем. Мужественное, умное лицо с печатью отчаяния, гнева и муки, было залито кровью.

В него стреляли из-за деревьев. То тут, то там — блеск ружейного или пистолетного ствола. Вспышка, дымок, вспышка, дымок! За ветвями мелькали лошадиные морды, а над ними — одинаковые лица в черных масках.

Наконец пуля перебила веревку. Всадник стал клониться набок и повалился с седла.

Из-за ветвей выглянула уродливая личина в черной матерчатой маске-капюшоне.

— Хотел упрятать нас в тюрьму, теперь сам подыхай, как собака! — крикнул убийца. — Мы засеем твою землю солью и порохом! Прощай, судья Флеминг!

Он издевательски помахал в воздухе шляпой, сильно хлестнул плеткой по конскому крупу. Послышался звон оружия и шпор.

Прошло несколько мгновений, и в лесу появился широкоплечий, приземистый человек. Он очень спешил, он бежал к лежащему на снегу судье Флемингу. Опустившись на колени, осторожно перевернул его.

— Мистер Флеминг, — позвал он.

Судья медленно, с трудом приоткрыл глаза.

— Они убили меня, Конрой, — со странным спокойствием произнес он.

— Не торопитесь, судья! Помереть всегда успеете. Поняли мою мысль?

Конрой вынул нож и перерезал ремни, стягивавшие руки раненого.

— Габриэль... — с трудом прошептал судья. — Здесь... на груди...

Видя, что Конрой не понимает его, судья, преодолевая боль, достал из-за пазухи какие-то бумаги, простреленные и залитые кровью.

— Здесь богатство... огромное богатство... Я десять лет... Теперь ты... ищи!.. Обязательно... Когда-нибудь... вспомнят... люди!

Он протянул тетрадь в кожаном переплете и сложенную вчетверо карту. Рука его дрогнула. Тетрадь и карта упали на снег.

Конрой склонился над мертвым, горестно проговорил:

— Мерзавцы! Мерзавцы!

А всадники в масках, держа поперек седла короткоствольные ружья, вереницей спускались по склону холма в долину. Один из них остановился, поднял руку. Остановились и другие. Видно, он был у них главарем.

— А что, если он не сдох?

— Давно уже на том свете! — нетерпеливо ответили ему.

— И не иначе как в раю, — ухмыльнулся кто-то.

— Во всяком случае, там ты с ним не встретишься, — главарь пришпорил лошадь и поскакал обратно, к лесу.

...Снег под деревьями по-прежнему был окровавлен, истоптан и примят. Однако ни судьи Флеминга, ни его лошади здесь не было.

Всадник спрыгнул на землю. Носком сапога он в ярости рыл снег и озирался по сторонам. Но вот что-то привлекло его вни-

мание. Он поднял какой-то предмет, видимо, забытый или оброненный здесь Конроем.

Это была сложенная вчетверо карта. Человек в черной маске и длинных черных перчатках осторожно развернул ее. Она была пробита пулями. Он рассматривал ее очень внимательно. Сверху шла каллиграфически начертанная красной тушью надпись: «Карта ископаемых руд округа Калаверас, разведанных и открытых мистером Генри Флемингом, эсквайром. Прилагается к подробному и научному описанию, составленному им же в 1852 году».

Прекрасным солнечным днем на обочине дороги, уходящей к далеким горам, стояла группа людей. Седой господин разговаривал с мужчиной и женщиной. В нескольких шагах позади господина трое мрачных старателей с пистолетами у поясов равнодушно жевали табак, время от времени длинно сплевывая на дорогу.

Блондинка, сидевшая на красном сундуке в горестной позе, была одета ярко, хотя и не безвкусно. На ее лице вульгарность и вызов странно соединялись с печалью и беспомощностью. Ее спутник выглядел не совсем обычно для этих мест. На нем был элегантный черный сюртук с белым жилетом и черный шелковый цилиндр. В руках он держал маленький ковровый сак. Мужчина был высок, строен, хорошо сложен. Загорелое лицо с пронизательным, проничным и умным взглядом было чисто выбрито, оставлены только длинные усы.

Тем временем веселый седой господин говорил намеренно ханжеским тоном:

— Наше общество, господа, погрязло в низменных пороках! — Он трагически поник головой и, достав из кармана плоскую стеклянную флягу, с достоинством пояснил: — Виски! Настоящий джентльмен никогда не выйдет из дома без виски. Предхраняет от холода, жары, лихорадки...

— И низменных пороков,— вставил человек в черном сюртуке.

Седой господин невозмутимо продолжал:

— Комитет Бдительности поселка Покер-Флет, который мы имеем честь здесь представлять, постановил избавить общество от соблазна! От игроков!.. Ваше здоровье, мистер Гемлин... — Он сделал большой глоток из фляги и поклонился в сторону человека в сюртуке. — От блудниц... — он указал на женщину.

— Я актриса!

— Это одно и то же!

— По какому праву вы гоните нас из поселка?!

Господин галантно улыбнулся:

— Простите, мадам, я не расслышал. Возраст, знаете ли, боевое прошлое... Несколько глуховат. Что вы сказали: по какому праву?.. Не смей орать на меня, ты, шлюха!

Женщина мгновенно нагнулась, сняла с ноги туфлю и запустила в физиономию обидчика.

— Хватит! — взорвался седой господин. — Катитесь отсюда к дьяволу и скажите спасибо, что остались целы, падаль воюющая!

Мистер Гемлин, игрок, спокойно поднял с земли туфлю. Чтобы помочь актрисе вновь надеть ее, он опустился на колени в дорожную пыль и, глядя на четверых мужчин, сказал холодно и грозно:

— Послушайте, Старботтл, вы никогда не видели, как я стреляю?

— Нет, а что?

— Стоит посмотреть, занятное зрелище. Боюсь только, что после у вас уже не будет возможности поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями.

Он отряхнул платком красную пыль с брюк и сапог и положил руку на плечо женщины.

— Вставайте, Жюли. Нам пора. Идет дилижанс.

Действительно, из-за крутого подъема дороги показался почтовый дилижанс, за-

пряженный шестеркой лошадей. Рядом с кучером на козлах дремал, надвинув шляпу на глаза, какой-то человек.

Сосны за окнами дилижанса понемногу замедлили свой ход, их ветви шуршали о бока и обшивку. Дорога шла в гору.

Пассажиров было немного. Толстый комми в пестром жилете, оберегающий многочисленные коробки с образцами товаров. Быкоподобный мрачный скотовод. Молодой, застенчивый католический священник, перебирающий четки. Две дамы, при появлении Жюли брезгливо подбравшие пышные юбки.

Жюли сняла соломенную шляпку, устало прислонилась к стенке и закрыла глаза. Гемлин, сидя у окна, держал незажженную сигару и внимательно, иногда чуть улыбаясь, читал маленький том, на кожаном переплете которого было отгиснуто: «Чарльз Диккенс».

Сосед кучера по козлам зевнул и потянулся. Это был уже знакомый нам Конрой. Он достал кисет, трубку и обстоятельно раскурил ее.

— Так и знайте, Габриэль Конрой, в следующий раз на козлы не пушу! — проворчал кучер.

— Почему, Билл? — спросил Конрой, заранее улыбаясь в предвкушении неизменно повторяемой шутки.

— Ты так хранишь, Гейб... — начал было кучер, но вдруг замолчал.

Из-за деревьев, справа и слева, медленно выезжали на дорогу всадники с ружьями в руках...

— Плохо дело, — пробормотал кучер. — Это люди Стрелка Гарри.

— А сам он здесь?

— Да, будь он проклят!

— Это хорошо. Я давно хочу с ним поведаться, — с безмятежным спокойствием сообщил Конрой.

Кучер взглянул на него как на безумца.

— Не дури, Гейб, — прошептал он. — Нам уже взяли на мушку.

Дилижанс остановился.

— Хэлло, Билл! Рад тебя видеть! — один из всадников приветливо улыбнулся и вежливо приподнял широкополую шляпу.

— Спасибо, мистер Гарри, я вас тоже, — хмуро ответил кучер.

Трое бандитов держали под прицелом дилижанс. Остальные спешили, взобрались на крышу и принялись распарывать ножами мешки, на которых было написано: «ПОЧТА. СОБСТВЕННОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ». Разноцветные конверты, медленно кружась в воздухе, падали на траву. Стрелок Гарри подъехал поближе.

— Что слышно, Билл, какие политические новости?

— Да так, ерунда, — сказал кучер мрачно. — Президент Соединенных Штатов сам не свой с тех пор, как узнал, что вы отказались войти в правительство.

— Ты шутник, — покровительственно улыбнулся главарь банды. — Ты большой шутник.

— Эй! Гарри! — крикнул один из бандитов с крыши дилижанса. — Здесь только одна любовная переписка.

— Ну шутник! — изменившимся, жестким голосом повторил Гарри и повелительно протянул руку. — Деньги!

Кучер, вздохнув, стал доставать из-под сидения ящик с гербовыми орлами, отгиснутыми на сургуче печатей.

Но тут внезапно раздался голос Габриэля Конроя:

— Стрелок Гарри!.. А по мне вернее тебя называть — бандит Гарри... Я слышал, семь лет назад ты был одним из тех мерзавцев, что подло убили судью Флеминга!

Антонио Гемлин, который до сих пор довольно безразлично наблюдал за происходящим, выглянул из окна, чтобы увидеть говорившего. Конрой бесстрашно продолжал:

— Первым делом говори, кто были твои гнусные дружки! Понял мою мысль?

— Он убьет его,— прошептала Жюли.

Гемлин отложил томик Диккенса и посмотрел на соседей по дилижансу. Все они опустили глаза. Но вот он встретил взгляд Жюли и молча пододвинул к ее ногам свой маленький сак. Жюли кивнула головой.

Стрелок Гарри с искренним изумлением рассматривал Конроя. Потом пожал плечами и обратился к кучеру:

— Я спешу, Билл. Да и ты торопись: ближайший сумасшедший дом закрывается через полчаса. Тебе нужно успеть сдать туда этого парня.

— Ты лучше отвечай мне! — настойчиво сказал Конрой.

Стрелок Гарри достал из седельной кобуры пистолет, посмотрел на него, на Конроя и задумчиво проговорил:

— Честное слово, я этого не хотел.

И поднял пистолет.

— Мистер Гарри! — Из дилижанса вышел Гемлин.

— Вот это да! — усмехнулся бандит. — Какой красавец! И, наверное, из богатой семьи. Где твои миллионы, красавец?

Гемлин подмигнул ему:

— В банке. А вот моя чековая книжка, — он ловко затрещал карточной колодой. — Сыграем?

— Сыграем, — согласился бандит. — Какая будет ставка?

Гемлин молча показал на Конроя.

— Идет, — сказал Стрелок Гарри. — Карту.

Гемлин протянул ему колоду. Гарри сунул пистолет в кобуру и, нагнувшись с седла, взял карту.

— Десятка! Теперь ты покажи свою игру.

— Два туза! — ответил Гемлин и выхватил из-за пояса два револьвера.

Одновременно с этим Жюли, доставшая из коврового саквояжа дульный пистолет, выстрелила из окна. Гемлин тоже пустил в ход свои револьверы. Он стрелял без промаха. Потом прыгнул на подножку дилижанса и крикнул:

— Гони!

Билл бешено хлестнул лошадей. Они понесли. Бандиты покатались с крыши.

Гемлин с подножки, Жюли через окно и Конрой, взяв свой короткий дробовик, безостановочно падали в преследователей...

Дилижанс наконец остановился на окраине леса. Гемлин, держась за правую руку, устало опустился на подножку. Жюли, без церемоний растолкав безумевших от страха пассажиров, вышла наружу.

— Вы ранены, Тоньо! — она спила с него сюртук, разорвала рукав сорочки и принялась перевязывать руку платком. Конрой стоял напротив них.

— Вы молодец, — просто и благодарно сказал он, протягивая игроку свою широкую ладонь. — Поняли мою мысль?

— Пустяки, — ответил Гемлин. — По-моему, это вы молодец. Но послушайте — я ведь впервые в жизни сражался из-за денег не за карточным столом!

Конрой смотрел на Жюли и взгляд его был полон восхищения.

— Знаете, мисс, — выговорил он в конце концов, — вы самая смелая и самая лучшая женщина из всех, что я видел!

— О господи! — улыбулась Жюли. — Как давно я этого не слышала! Да вы, наверное, видели очень мало женщин.

— Честно говоря — да, — простодушно признался Конрой.

Он помог игроку и актрисе войти в дилижанс, захлопнул за ними дверцу, а сам взобрался на козлы. Раскурил потухшую трубку и мирно спросил кучера:

— На чем мы остановились, Билл? Кажется, ты говорил, что никогда больше непустишь меня на козлы.

Билл вытер лоб большим красным платком и ответил ворчливо:

— Да, да, Гейб! Ты так хранишь во сне, что мои лошади отказываются работать на Соединенные Штаты.

Почтовый дилижанс, покрытый степной пылью, со следами бандитских жуль на ко-

жаных боках, добрался наконец до большого белого города на берегу океана.

Возле гостиницы «Рудокоп» («Недорогие комнаты со столом, на сутки и на неделю») дилижанс задержался. Габриэль Конрой и Антонио Гемлин попрощались с Жюли, грустно и приветливо смотревшей на них из окна дилижанса.

Маленький, сверкающий начищенным металлом паровоз с пятью вагончиками, из которых выглядывали пассажиры в цилиндрах и котелках, выталкивая из высокой трубы белый дым, подходил к станционной платформе.

На платформе было полно народа. Сдержанный гул прошел по толпе, когда в дверях вагона показались двое — мужчина и женщина.

Она — юная, очень красивая; у нее гордое, смелое лицо с прямым, но однако каким-то отчужденным и, пожалуй, невеселым взглядом. Он — мужчина лет сорока пяти, сильный, моложавый, с густыми бакенбардами, с белыми, ровными зубами; по всем признакам, человек умный, властный, несколько самодовольный, но не лишенный обаяния.

Один из репортеров, маленький рыжий человек, бойко строчил в блокноте и повторял вслух:

— «Спешим с восторгом сообщить уважаемым читателям «Утренней звезды», что наш выдающийся соотечественник, Король Горного дела, Могучая Опора, на которой зиждется благосостояние и развитие естественных богатств нашего штата, банкир мистер Джек Дамфи...»

— Знаете, коллега, что будет с вами, когда после смерти вы отправитесь в ад? — перебил его молодой и весьма симпатичный джентльмен.

Рыжий покосился на него.

— Черти заставят вас съесть без соли и уксуса все вражье, написанное вами. Подумайте о своем загробном пищеварении,

Уилкс! Пишите меньше! Я не говорю «правдивее», ибо это вам недоступно.

— Вы наглый мальчишка, Генри Йорк, вас надо выпороть! — огрызнулся Уилкс и продолжал: «...Джек Дамфи вместе со своей очаровательной молодой женой миссис Долорес Дамфи наконец-то вернулся по железной дороге из длительного вояжа по странам Европы».

Он кончил писать, вывал из блокнота листок и отдал его мальчишке-посильному, который сразу же сорвался с места. Потом назидательно проговорил, обращаясь к молодому коллеге:

— Из вас никогда не выйдет настоящий репортер.

— Вы хотели сказать: мелкий газетный сплетник?

— В нашем деле нельзя пренебрегать ничем. Вы ждете от жизни только сенсаций! Но если их нет?

— Надо искать, Уилкс! — с воодушевлением воскликнул молодой журналист. — Вокруг нас тьма нераскрытых преступлений, загадочных исчезновений, тайн, трагедий! Герои Шекспира просто сменили профессии. Леди Макбет продает джин и пиво в салуне «Усталый Джентльмен», а Яго торгует мороженым напротив Центрального парка.

Уилкс пожал плечами и отвернулся.

Мистер и миссис Дамфи, рука об руку, в сопровождении чернокожих слуг с чемоданами и коробками, шли, отвечая на приветствия, к ожидавшему их экипажу. Антонио Гемлин стоял в толпе и не отрываясь смотрел на миссис Дамфи, опирающуюся на руку своего мужа. Она почувствовала этот пристальный взгляд, подняла голову. Но Гемлин поспешно надвинул на глаза цилиндр.

Толпа расходилась с вокзала. Молодой журналист шел по улице. Кто-то тронул его за плечо. Он обернулся. Перед ним стоял седой старик в сильно поношенном сюртуке песочного цвета и больших круглых очках. Генри Йорк вопросительно смотрел на него.

— Двенадцатое июня, Медвежий Каньон. Вооруженное нападение банды Стрелка Гарри на почтовый дилижанс компании «Пионер»,— негромко и вятно, словно читая по бумаге, произнес старик.— Восемь пассажиров, четыре мешка с почтой, семнадцать тысяч долларов, собственность Горного банка...

— Дальше! — сказал журналист.

Старик молча поднял вверх палец.

— Что это значит? — нетерпеливо спросил Генри.

— Десять долларов,— невозмутимо объяснил старик.

Молодой человек порывлся в карманах и протянул ему бумажку. Тот принял ее и бесстрастно продолжал:

— Нападение было отбито. Подробности могут рассказать участники стычки — золотоискатель Габриэль Конрой и профессиональный карточный игрок Гемлин. Они сейчас в Сан-Антонио.

— И вы знаете, где именно?

— Вот это уже стоит в два раза дороже.

Журналист, подумав, снова полез в карман.

— В наше время торгуют всем. Даже людьми,— продолжал старик.— А я продаю новости, советы, тайны. С полной гарантией. Если понадобится, запомните: я принимаю ежедневно после захода солнца в баре «Чикотес»... Они остановились в гостинице «Рудокоп». — Он поклонился. Генри задержал его:

— Почему вы подошли именно ко мне? Ведь мы незнакомы.

Старик усмехнулся:

— Я слышал, как вы сказали, что герои Шекспира — живы.

Антонио Гемлин — раненая в стычке правая рука у него была подвязана — пересек подворье перед гостиницей «Рудокоп».

Старый слепой негр сидел на корточках в пыли и меланхолично играл на гитаре. Разноцветные босые ребятишки стоя-

ли вокруг и с открытыми ртами слушали грустную музыку. Огромные возчики в холщовых балахонах с важностью и степенью индейцев курили трубки. Даже мулы, привязанные у водопойной колоды, были сейчас сосредоточены и серьезны.

— Мистер Гемлин!

Габриэль Конрой, высунувшись из окна, звал его, махая рукой.

— Знакомьтесь,— сказал Конрой, когда Гемлин появился в номере.— Это писатель! — Он указал на Йорка.

— Всего лишь газетный репортер,— улыбнулся Генри и протянул руку.— Йорк, Генри Йорк из «Утренней Звезды».

Конрой возбужденно потряс в воздухе газетой.

— Он пришел расспросить нас о нашей приятной встрече с бандитом Гарри... Но дело не в этом! Поняли мою мысль? Я подписываюсь на эту самую «Звезду». Наклеиваю на стены,— простодушно пояснил он.— Теплее как-то, и картинки иногда красивые попадают... Дней пять назад гляжу — объявление!.. Читайте сами!

Он торжественно ткнул пальцем в газетную полосу, и Гемлин прочитал:

— «Лиц, располагающих любыми сведениями о бывшем судье округа Калаверас Генри Флеминге, убитом при загадочных обстоятельствах зимой 1852 года, просят обращаться в редакцию нашей газеты к мистеру Йорку».

Конрой смотрел на игрока, видимо, ожидая, что тот немедленно разделит его восторг. Однако Гемлин отнесся к прочитанному объявлению весьма равнодушно. Он пожал плечами и бросил газету на стол. Затем скептически спросил у молодого журналиста:

— Восстановим истину, справедливость и покараем злодеев?

— Да, именно так!

— А зачем?

— Судья Флеминг был замечательный ученый, человек чести, добрый и благородный. Настоящий гражданин Америки,— волнуясь, сказал Генри.— Его убили, чтобы

скрыть опасное для общества преступление. Я найду убийц!

— Зачем? — вновь спросил Гемлин, хотя ему явно были симпатичны молодость и пылкость журналиста.

— Я вас не понимаю.

— Флеминг мертв. Оставьте его земле или богу, как хотите. Справедливости в этом безумном и отвратительном мире все равно не было, нет и не будет.

Конрой, который недоуменно смотрел на Гемлина, спросил растерянно:

— А как же убийцы?

— Давно наказаны, поверьте. Они уже стары, наверняка им нагло изменяют жены, у них дети — неудачники, долги и колики в почках. Какая вам обоим разница, где умрут эти скучные мерзавцы, на виселице или в постели?

— Не надо так, мистер Гемлин, — негромко сказал Конрой. — Вы ведь говорите не от сердца. Я человек простой и никому не хочу зла. Но если справедливости уж совсем не станет на этом свете, тогда и жить ни к чему. Поняли мою мысль?

Гемлин взглянул на неожиданно серьезное и даже строгое лицо золотойскателя и промолчал. А тот достал из дорожной сумки большую кожаную тетрадь и протянул ее журналисту.

— Судья шел по следу их шайки и, видно, понимал, что они его рано или поздно прикончат. Перед смертью он дал мне тетрадь и дарственную на землю. На этой земле я теперь живу.

Журналист взял у него тетрадь, сел к столу и стал перелистывать страницы.

— Скажите, что представляет собой Джек Дамфи? — вдруг спросил Гемлин.

Не отрываясь от тетради, Генри ответил:

— Возник, словно пузырь со дна гнилого болота, как и многие наши богачи. Но деловит, предприимчив, удачлив. Приобретает земли, дома, породистых лошадей. Недавно купил жену.

Гемлин чуть заметно поморщился.

— ...Ее родители разорились, — продолжал Генри, но вдруг прервал рассказ. — Ми-

стер Конрой, я не ученый и в этих записях много для меня неясного, но я чувствую: надо искать, и я буду искать!

— И ничего не найдете, — лениво откликнулся Гемлин. — Знаю я эти провинциальные убийства — все концы в воду.

— Мистер Гемлин, предлагаю пари. Через месяц мы будем знать, кто убил судью Флеминга.

— Идет, — согласился игрок. — Дюжина шампанского. Только не покупайте «Вдову Клико». Я люблю «Мумм».

Со двора послышался какой-то шум — брань и крики. Гемлин посмотрел в окно. Официант в грязной белой куртке гвал слепого негра-гитариста. Гемлин встал и вышел из гостиничного номера.

Журналист и Конрой последовали за ним и увидели, как, взяв официанта левой рукой за воротник, Гемлин дал ему сильнейшего пинка в зад. Официант упал в грязь.

— А зачем? — улыбнувшись, спросил Генри. — Справедливости все равно нет, а негр жив, боль и обида скоро пройдет... Зачем?

Гемлин ничего не ответил, бросил негру монетку: — Пой!

Огненный закат освещал крыши и стены домов.

— Солнце садится, — задумчиво сказал Генри. — Мистер Конрой, в испанском квартале мы найдем человека, который сможет нам помочь.

— Пошли, — сказал тот, не раздумывая. — Поняли мою мысль?

Гемлин глядел им вслед и слушал, как старый негр, подтяв к багровому солнцу незрячие глаза, скорбно поет:

Куда ни поеду, куда ни пойду,
Повсюду тоска и печаль.
Покоя и счастья нигде не найду,
И родины милой мне жаль.

Испанский квартал. Обшарпанные, мрачные дома. Закоулки, тушки, дворики, увешанные пестрым бельем. Темнолипые лю-

ди в белых рубашах и бархатных куртках. Шумные сеньориты в красных, черных и желтых юбках кутаются в шали, обмахиваются веерами, курят сигары перед открытыми окнами, на балконах и галереях.

Генри Йорк и Габриэль Конрой, провожаемые недобрыми, подозрительными взглядами, спускались по ступенькам лестницы, ведущей куда-то вниз, под землю. Угрюмый кабальеро в широкополой шляпе, посторонившись лишь в последнюю секунду, пропустил их в бар «Чикотес».

Здесь было полутемно, оплывшие свечи в жестяных канделябрах смутно освещали физиономии двух-трех горьких пьяниц, сидевших за неопрятными, залитыми вином столиками. Над деревянной стойкой, уставленной бутылками и стаканами, возвышался чудовищно толстый хозяин заведения; за его спиной висело ружье. В темном углу одиноко сидел человек, лица его не было видно.

— Вот они! — безумно заорал один из пьяниц, вскочив на ноги, как только в баре появились Генри и Конрой. — Я их знаю, стреляй в них, Панчо! В прошлый четверг они вырезали сердце у моего друга, изжарили и съели!

Ни слова не говоря, хозяин протянул огромную руку и с силой опустил ее на плечо пьяницы. Тот рухнул на табурет, уронил голову на грудь и, моментально успокоившись, заснул. А толстяк враждебно следил за новыми посетителями бара.

— Это ко мне, Панчо, — спокойный голос обратился к хозяину.

Журналист и Конрой обернулись. Перед ними стоял «продавец тайн». Он смотрел на них пронизательным, мудрым и немного насмешливым взором.

— Я ждал вас, — сказал он.

Вслед за ним они прошли к столику у стены. На нем была бутылка текилы, чернильница с пером, груда каких-то ветхих фоллантов и исписанных бумаг. Старик, не предлагая гостям, налил себе рюмку, и выпил стоя.

— К сожалению, господи, — произнес

он, — в моей коллекции пока еще мало сведений о судьбе Флеминге.

— Он знает, зачем мы пришли! — удивился Конрой.

Старик улыбнулся.

— Я знаю многое, очень многое, мистер Конрой. Но не все. Вы здесь, чтобы открыть истину. А вот добро или зло принесет вам она — этого я как раз и не знаю. Впрочем, я ведь торгую только тайнами, а не судьбой. Садитесь, господа. И поговорим о благодатной жизни и загадочной смерти судьбы Флеминга.

Услышав его слова, человек, одиноко пивший за соседним столиком, незаметно придвинул свой стул поближе.

На подворье гостиницы «Рудокон» возжигали небольшой костер, попыхивали трубками и передавали по кругу оплетенную бутылку.

Возле дверей гостиницы мерцал огонек. Антонио Гемлин, прислонившись к стене, курил длинную сигару. Достав из жилетного кармана часы, он поднес сигару к циферблату. Потом вошел в гостиницу и через некоторое время появился совершенно преображенный. На нем была кожаная куртка с бахромой, синие штаны, расширяющиеся книзу и чертянугые в талии поясом с большой металлической пряжкой, на голове — сомбреро.

Раздался тихий свист. В двух шагах от него возникла темная фигура. Не сказав друг другу ни слова, двое пропали в ночи...

В баре «продавец тайн» внимательно слушал Конроя.

— Я помню его глаза, когда он умирал, — рассказывал золотоискатель. — Они связали ему руки и всаживали пули, как в мишень. Снег был весь в крови. Я положил его голову к себе на колени, а он прошептал: «Ищи, Гейб, ищи, там огромное богатство».

— Богатство? — переспросил «продавец тайн». — Вы не ошиблись?

— Да нет, мистер,— усмехнулся Конрой.— После его слов я семь лет рою на своем участке землю, семь лет ищу жилу. Все ребята надо мной смеются.

— Ищите, Конрой,— тихо и значительно произнес «продавец тайн».— Судья Флеминг всегда знал, что говорил.

— Ну, вот,— продолжал золотоискатель свой рассказ.— А потом он протянул мне эту тетрадь и карту...

— Карту?! — журналист Генри Йорк да же привстал.— Вы ничего не говорили мне про карту!

— Да, видимо, это была карта...— задумчиво произнес Конрой.— Какой-то кусок пергамента. Но я потерял ее, скорее всего оставил там же на снегу...

«Продавец тайн» снова налил себе текилы, отпил глоток и, усмехнувшись, произнес:

— Карта на окровавленном снегу. Клочок пергамента, разрисованный рукой мудреца и ученого. Малое семя добра и познания, из которого произросло древо алчности и зла! — Он повернулся к Генри.— Разве это не сцена для трагедии?

И снова человек, сидевший рядом, придвинул стул, стараясь, чтобы его лицо не попало на свет.

— Значит, карта судьи Флеминга пропала! — в отчаянии воскликнул Конрой.

— Ее могли и найти,— ответил «продавец тайн».

— Кто?

— Тот, кто теперь богат, а был беден,— еще более загадочно сказал старик.— Позавтра, в шесть вечера, в старом испанском кладбище я скажу вам все. Все, что узнаю.

— Сколько это будет стоить? — спросил журналист.

— Тысячу долларов.

Конрой и Генри переглянулись.

— У меня с собой золотого песка долларов на шестьсот,— Габриэль с робкой надеждой поглядел на старика.

Но тот развел руками.

— Вильям Шекспир тоже продавал че-

ловечеству свои великие тайны,— сказал он.— У вас есть время, обратитесь к друзьям.

— У нас нет таких друзей,— сказал Генри.

— Может, попросим Гемлина? — нерешительно предложил Конрой.

Журналист с сомнением пожал плечами.

— Молодой человек,— улыбнулся «продавец тайн»,— иногда до самой последней минуты мы не знаем, кто наш истинный друг, а кто враг. Это тоже одна из тайн. Но она не продается.

Человек, внимательно прислушивавшийся к разговору, встал из-за столика, проходя мимо стойки, бросил хозяину несколько монет и вышел из бара «Чикотес».

Джек и Долорес Дамфи в вечерних туалетах, видимо только что вернувшиеся с какого-то приема, шли по длинному коридору своего особняка. Стены были увешаны старинным оружием. Банкир гордо распахивал двери комнат по обе стороны коридора:

— Комната для гостей... Библиотека — я заказал десять тысяч книг... Курительная... Зимний сад... Тебе нравится, Долорес?

— Да, Джек. Все очень красиво. Почти как в Париже.

— Почти? — переспросил он.— Во всяком случае, денег я вложил гораздо больше, чем эти нищие европейцы. Пока нас не было, работа здесь шла и днем и ночью. Только чтобы ты была довольна.

— Спасибо, Джек,— она улынулась.— Ну, конечно же, у нас лучше, чем в Париже.

Он открыл еще одну дверь... Комната, на пороге которой они стояли, была совершенно пуста.

Долорес удивленно посмотрела на мужа.

— Комната Синей Бороды? Почему нет никакой мебели?

— Еще рано, по-моему. Я бы хотел, чтобы здесь была детская.

Долорес смущенно опустила голову. Он обнял ее и привлек к себе.

— Ты счастлива, Долорес? — спросил он.

— Джек, — она посмотрела ему в глаза, — у нас с тобой... у тебя так много денег... разве не следовало бы подумать и о тех, кто несчастен, беден и одинок?

— Что ж, ты права. Это пойдет нам на пользу. — Он подвел ее к дверям спальни, поцеловал в лоб. — Я сейчас же выпишу чек. Можешь заказывать себе самый дорогой костюм доброй феи.

К ночи тих и безлюден стал город. Только светились одинокие огни да изредка, точно с испуга, тоскливо и нервно вскрикивала невидимая в деревьях птица.

У дверей двухэтажного особняка остановился человек. Он осмотрелся, достал что-то из кармана. В слабом голубом свете газового рожка блеснула связка ключей и стальных отмычек. Человек бесшумно отворил тяжелую дверь...

Мистер Дамфи работал за огромным столом красного дерева. Он склонился над бумагами, аккуратно разложенными на вишневом сукне, и курил толстую черную сигару. Услышав шорох, он поднял глаза.

На пороге кабинета стоял человек в грубо вырезанной черной матерчатой маске, похожей на кашюшон палача.

Дамфи с проворством опытного, привыкшего к любым опасностям бойца выхватил из ящика стола длинный пистолет крупного калибра и мгновенно навел граненый ствол на неизвестного. Однако тот даже не шелохнулся.

— Кто ты? — спросил Дамфи.

— Твоя совесть, — ответил неизвестный.

— Что тебе надо от меня? — спросил Дамфи, сохраняя, во всяком случае — внешне, полное самообладание.

— Я пришел напомнить тебе, Джек Дамфи, что хотя кости судьи Флеминга дав-

но сгнили, душа его до сих пор бродит по свету без покаяния!

Дамфи мрачно прищурил глаза и взвел курок. И тогда раздался смех — довольный, совсем не враждебный, скорее иронический смех.

— Ах, Джек! Какой же ты стал нервный за эти годы!

Неизвестный сорвал с себя маску и бросил ее на ковер. Это был человек, сидевший в баре «Чикотес» во время разговора наших героев с «продавцом тайн». На нем была драная морская куртка, пропотевшая фуфайка, грязный платок на шее. Его заросшее седой щетиной лицо выдавало человека порочного, хитрого и неглупого.

Дамфи молча глядел на него. Наконец сказал:

— Ты всегда любил театральную дешевку, Счастличик Чарли. Но честное слово, сегодня ты чуть было не переиграл.

Щелкнув курком, он положил пистолет на бумагу.

Счастличик Чарли уселся в кожаное кресло. Потом, протянув руку с нечистыми ногтями, взял из резного деревянного ящика сигару, попохал ее, сладострастно прищурился, откусил кончик и сплюнул на ковер.

Дамфи пахмурился, однако промолчал.

Неожиданный гость чиркнул спичкой о подошву, закурил, выпустил дым и задрал ноги в ужасающе дырявых башмаках на письменный стол красного дерева.

Дамфи сбросил его ноги со стола. Бедняга сокрушенно покачал головой.

— Напрасно ты обижаешь мою обувку, Джек. На этих башмаках грязь и пыль всех дорог нашей великой Америки.

— И всех тюрем тоже.

— Будь мягче со мной, Джек, прошу тебя. Подумай о том, что тюрьма, как и могила, открыта для всех!

— Но не для меня! — высокомерно ответил Дамфи.

— Вот все вы, миллионеры, такие, — покачал головой Чарли. — Как, однако, богатство портит людей!

— Зачем весь этот маскарад? — жестко спросил Дамфи. — Шантаж?

Чарли с поддельным возмущением ударил кулаком о подлокотник.

— Пусть я трижды подохну с голода, пусть я буду жрать с черномазым из одной миски, если когда-нибудь посмею шантажировать старого товарища!

— Чарли! Я человек деловой. Что ты хочешь?

— Джек! Я человек добрый. Я шел к тебе с мыслью о помощи.

— Это уже другой разговор, — Дамфи достал из кармана бумажник.

— Ты ничего не понял, — Чарли отстранил протянутые ему деньги. — Не я прошу у тебя помощи. Это ты просишь, чтобы я молчал о том, как мы припили судью Флеминга...

— Где ты был семь лет? — презрительно усмехнулся Дамфи. — У нас убийством никого не удивишь.

...Долорес Дамфи открыла дверь, собираясь войти в кабинет. Услышала последние фразы разговора и в растерянности закрыла дверь, оставив лишь маленькую щелку...

— И опять ты дурак, Джек Дамфи, — терпеливо и сострадательно продолжал Чарли. — Ведь ты же не захочешь, чтобы я трепал о том, как ты вернулся в лес и подобрал карту Флеминга.

Дамфи вскочил и, перегнувшись через стол, схватил Чарли за отвороты куртки.

— Ты же не мог этого видеть, не мог! — проговорил он.

— А я и не видел, — добродушно согласился Чарли. — Я слышал. Полчаса назад. Оставь револьвер, Джек, что за шутки!

...Долорес в ужасе стояла по ту сторону двери. Наконец, придя в себя, она отвернулась и пошла по коридору сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее...

— Что ты еще слышал? — мрачно спросил Дамфи.

— Старик запросил тысячу, — деловито ответил Чарли. — А у них всего шесть сотен, но они рассчитывают на какого-то своего дружка.

— Имя?

— Антонио Гемлин... Старик будет ждать их на испанском кладбище.

...Долорес вошла к себе в спальню. И остановилась на пороге. Из обрамленного в золотую раму зеркала на нее глядело отражение Гемлина. Он спокойно сидел в углу, в кресле.

Рядом стоял молодой человек. Он был одет по-городскому, но какие-то детали одежды, прическа, цвет кожи выдавали в нем индейца.

Долорес потрясенно смотрела на Гемлина. Он молча встал с кресла.

— Госпожа, — сказал индеец, — это я привел его. Я думал, вы будете рады.

Долорес горько улыбнулась.

— А помнишь, раньше его не надо было приводить? Он всегда приходил сам. — Она дотронулась до руки индейца и попросила: — Джо, к нам никто не должен войти.

Индеец вышел.

Как только они остались вдвоем, Долорес сделала шаг к Гемлину.

— Тоньо, милый! Где же ты был столько лет?!

Он ответил церемонно и холодно:

— Миссис Дамфи, я рад поздравить вас со счастливым браком.

Долорес вздрогнула, огляделась, словно здесь мог быть кто-то еще, и сказала, понизив голос:

— Тоньо, знаешь, он преступник...

Джек Дамфи и Счастливчик Чарли стояли у потайного сейфа, скрытого в стене среди дагерротипов и гравюр. Банкир отпер сложный замок, достал карту и бережно развернул ее. Среди следов пуль и выцветших пятен крови были видны знаки рудных месторождений.

— Он все знал, — задумчиво сказал Дамфи, — в каком месте прячется золото, где лежит серебро. Только одного не предвидел: что я, которого он гнал и травил, стану его наследником. Вот бы удивился!

— А ты не боишься? — тихо и серьезно

спросил Чарли, указывая пальцем вверх.

— Бог на стороне богатых и сильных,— уверенно ответил Дамфи.— Иначе не было бы на свете бедных и слабых.

Чарли с интересом разглядывал карту.

— Подумать только! Вернись я тогда в лес, и сейчас я был бы на твоём месте — богатый и красивый, как владелец цирка.

— Нет, Чарли,— Дамфи покачал головой.— Ты на своём месте, а я на своём.

Он сложил карту, спрятал её в сейф, тщательно запер его и вернулся к столу. Растерянности и подавленности не было и следа, он снова был деловит, спокоен и энергичен, только взгляд стал мрачнее и жестче. Он позвонил в бронзовый колокольчик.

В дверях появился человек с блестящими от бриллиантов волосами и тонкими усиками на смуглом, хищном лице. Он был просто ослепителен в своём белоснежном костюме, ярком красном жилете, из кармана которого свисала массивная золотая цепь. С удивлением уставился он на странного гостя.

— Боррето, это мой старый друг, мистер Чарли,— сказал Дамфи.

Боррето почтительно поклонился оборванцу.

— Скажи ему, Чарли, как зовут наших новых любознательных знакомых? — распорядился Дамфи.

— Конрой и Генри Йорк из «Утренней Звезды».

— Запомнил, Жулиан?

— Да, сеньор.

— А теперь,— сказал Дамфи, кладя на стол сжатые кулаки,— я хотел бы знать, какие козыри на руках у друзей безвременно усопшего судьи Флеминга.

Долорес Дамфи сидела на диване, Антонио Гемлин напротив, в кресле. Не отрываясь, он смотрел на неё.

— Не надо,— сказала она, не выдержав.— Не надо, я заплачу.

Гемлин невесело усмехнулся. Потом до-

стал из-под плаща какую-то книгу, раскрыл и медленно перелистал страницы.

— Что это? — спросила настороженно Долорес.

— Некогда я знал одну смелую и добрую девочку, мы читали с ней Диккенса,— произнес он.— И более всего нас радовали страницы, где говорилось о самоотверженности великой женской любви, не боящейся тюрьм и нищеты...

— Не надо!..

Он протянул ей томик.

— Возьмите, Долорес, это ваша книга. Она осталась у меня в тот день, когда мне передали, что вы не хотите меня видеть.

— Это неправда, Тоньо, я хотела! Но отец плакал и умолял меня. Он был разорён, только Дамфи мог его спасти. Я не виновата!

— Никто не виноват,— мрачно сказал Гемлин.— Никто, никогда и ни в чём...

Он встал, подошёл к окну, раскрытому в свежий, шелестящий парк. Маленькие фонари светились в деревьях, обступающих дом.

— Тоньо,— тихо сказала Долорес.— Ты больше не любишь меня?

— Миссис Дамфи,— сказал он не оборачиваясь,— это нечестная игра.

Она вздохнула и, после неловко затянувшегося молчания, сказала намеренно светским тоном:

— Говорят, ты стал картежником, Тоньо. Но это ужасно!

— Не беспокойся, Долорес, я бы не посмел прийти к тебе, если бы превратился в шулера. Помнишь легенду о добром Робин Гуде из Шервудского леса? У него были лук и стрелы, а у меня фишки и карты.

— Ты наверное очень одинок?

— Ничуть! Я бываю в прекрасном обществе. Каждый день за зелёным столом собираются мои друзья — короли, королевы, тузы. Правда, попадают и валеты. Однако все же лучше быть с ними, чем с Джеком Дамфи!

Она заплакала.

— Я люблю тебя,— сказал он.— Уйдем отсюда, Долорес! Ты не можешь остаться в доме преступника.

— Молчи, Тоньо! — она закрыла ему рот ладонью.— Я не хочу, чтобы отец и мать снова стали нищими. Покаянись мне, что ты будешь молчать.

— Вы мне вообще ничего не говорили, миссис Дамфи,— он холодно пожал плечами.— Вам все померещилось. Вы читались госпожина Дюма.

— Нет,— горько покачала она головой.— Они называли даже имя убитого. Какой-то судья Флеминг...

— Судья Флеминг?!

— Да,— ответила Долорес.— Ты его знал?

Гемлин надел шляпу, застегнул плащ. Лицо его стало суровым.

— Я дал слово и буду молчать,— сказал он.— Ради тебя... Нет, ради той девочки, с которой мы читали Диккенса. Не ищи меня. Больше мы не увидимся. Никогда!

Свирепый рыжеусый мужчина в пестром жилете, как дрессировщик, гонял по эстраде девушек-танцовщиц, белых и мулаток, одетых для репетиции в разноцветные рейтузы и блузки. Рабочие длинными кистями густо и ярко красили задник и соединяли воедино детали декорации. А сбоку вдохновенно играл маленький оркестрик.

Мужчина хлопнул в ладоши:

— Все! Девочки, отдыхайте! — Он повернулся в сторону полутемного зала.— Жюли, после перерыва пройдем с тобой оба номера.

Жюли курила тонкую пахитоску. Она кивнула и вышла вместе с другими девушками в соседний зал.

Здесь в огромных стальных зеркалах отражались столы с картами и рулетками, и люди, обступившие их. Хор голосов звучал, как постоянный аккомпанемент, прерываемый монотонными возгласами банкетов

и крупье, звоном золотых монет, стуком костяных фишек.

Недалеко от входа, за стойкой красного дерева, четверо служителей в обмен на золотой песок и доллары охотно оделяли выпивкой и фишками всех жаждущих — и победителей, и неудачников.

Жюли вместе с приятельницей направилась туда, но остановилась. Перед ней стоял Конрой. Она была удивлена и смущена. Он обрадованно улыбнулся.

— Это она! — в восторге сообщил Габриэль своему спутнику, Генри Йорку.— Та самая Жюли. А как она стреляет! Вы бы сразу влюбились.— Он добродушно подтолкнул вперед журналиста.— Знакомьтесь.

Жюли незаметно бросила пахитоску на грязный, посыпанный опилками пол и протянула журналисту руку.

— Я всегда стояла на том,— заявил Конрой,— что все хорошие люди встречаются в этой жизни.

— Здесь не самое лучшее место для встреч,— с сомнением покачала она головой.— Умоляю вас, только не садитесь играть!

Конрой рассмеялся:

— Нет уж, сегодня я отберу у них парочку миллионов.

— Эти шакалы вас обчистят. Вы ведь совсем не такой как они.

— Конечно. Я хуже! — бесшабашно ответил Конрой и внезапно совершенно другим тоном попросил:— Пожелайте мне счастья, Жюли. Поняли мою мысль?

Она задумчиво смотрела вслед золотоискателю, направившемуся вместе с журналистом к игорным столам. Приятельница дернула ее за платье:

— Где поймала карася? Могла бы, между прочим, познакомиться. Он, наверное, такой жирный, что его хватит и на двоих.

Жюли повернулась к ней так грозно, что та отступила.

— Вот что я вам скажу, Тинки Клифффорд: не суйтесь-ка вы, когда вас не просят!

— Ну и пожалуйста! Очень надо! — пре-

зрительно протянула приятельница.— Вот что я вам скажу, Жюли Прюдом. Не стройте из себя графиню. Видали мы таких графинь, которые прыгают в постель к мужчине, даже не сказав ему здравствуйте!

И она удалилась, возмущенная и гордая.

Конрой и Генри подошли к столам, заваленным монетами, мешочками с золотым песком и белыми, красными, голубыми фишками.

— Сколько вам лет, Генри? — вдруг спросил Конрой.

— Двадцать четыре.

— А мне сорок семь, и я совсем один. Плохо одному, Генри. Поняли мою мысль? Женитесь!

— Что?! — изумился журналист.

— Ну да. На Жюли, — совершенно серьезно сказал Конрой.

— На Жюли? Но разве вы не понимаете, что она... — Генри осекся, посмотрев на невинное лицо Конроя. — Я думал, вы ко мне хорошо относитесь...

— Конечно. Вы славный парень, Генри.

— А сами советуете мне жениться на женщине, которая любит другого?

— Кого? — в свою очередь удивился Конрой.

— Вас!

— Меня?!

Несколько секунд Конрой глядел на журналиста, потом сказал терпеливо:

— Примите на ночь стакан рома с горячим чаем и хорошенько пропотейте, к утру все пройдет. Любит меня! О господи! Такая красавица!

— Я не шучу, Габриэль.

— Тогда выпейте два стакана рома... Хватит, Генри, мы не за тем сюда пришли.

Жулиан Боррето, служащий банкира Дамфи, прислонившись к стойке, внимательно наблюдал за журналистом и золотоискателем. Как только он увидел их возле игорного стола, он тоже подошел. Игроки почтительно расступились и освободили ему место.

— Кто будет ставить? — спросил Генри у Конроя.

— Я, — ответил Габриэль. — Говорят, новичкам всегда идет карта.

Он сел к столу, достал из-за пояса кожаный мешочек с золотым песком и мелкими самородками, бросил на зеленое сукно. Игра началась.

В сосредоточенном молчании ложились на стол карты. После первой сдачи Боррето, сокрушенно покачав головой, выставил несколько долларов. Габриэль с детской откровенной радостью придвинул к себе выигрыш.

Антонио Гемлин появился среди зрителей и встал рядом с Генри.

— Вы все-таки пришли сюда, — укоризненно сказал он.

— После того, как вы отказались нам помочь, мистер Гемлин, — холодно ответил Генри, — у нас не было иного выхода. Но, как видите, это не такой уж плохой способ. — Он показал на выигранные Конроем доллары.

Именно в этот момент Боррето, открыв карту, деревянной лопаточкой подгрел к себе и доллары, и золото.

Гемлин, следя за ним, положил руку на плечо Конроя:

— Может быть, дадите мне попробовать, Габриэль?

Конрой, не отрываясь от игры, отрицательно покачал головой.

— Ваша бита, — сказал Боррето, снова открывая карту.

Конрой достал еще один кожаный мешочек.

— Здесь триста долларов песком.

Боррето с сомнением подбросил мешочек на ладони.

— Как говорит мой хозяин, я человек деловой, — он положил золото на чашку стоящих здесь же весов и нехотя подтвердил: — Действительно, триста.

— Кто его хозяин? — спросил Гемлин у одного из приятелей.

— Банкир Дамфи.

Гемлин мрачно сощурил глаза.

— Сколько вы проиграли, Габриэль? — спросил он у золотоискателя.

— Шестьсот долларов,— сокрушенно ответил тот, поднимаясь из-за стола.— Все наши деньги!

Гемлин сел на место Конроя и снял белую повязку, поддерживавшую его руку, задетую пулей бандитов.

— Вот так-то лучше,— нагло сказал Боррето.— А то я знал одного парня во Фриско. Он плохо кончил. Прятал крапленые карты в такой же повязке.

Гемлин несколько раз сжал и разжал пальцы.

— Немного мешает сдавать,— спокойно сказал он.— Но стрелять я могу и левой. Ставлю шестьсот долларов.

— Как раз столько мне и не хватает, чтобы купить себе новую коляску,— самодовольно пошутил Жулиан Боррето.

— Придется вам ходить пешком,— сказал Гемлин, открыв карты. Он придвинул к себе выигранные деньги и, обернувшись, протянул их Конрою:— Возьмите и не играйте больше никогда.

Боррето наблюдал за этим с нескрываемой злобой.

— Не спешите, мистер! Вам еще пригодятся эти деньги, если вы думаете продолжать игру со мной.— И положил рядом с собой на стол туго набитый бумажник.

— Значит, правду говорят, что Джек Дамфи хорошо платит своим лакеям,— усмехнулся Гемлин.

Боррето вскочил и схватился за нож, висевший у пояса.

— Кто это говорит?! — крикнул он.

— Мой приятель. У него деревянная нога, не хватает одного глаза и двух пальцев на правой руке. К тому же он чахоточный. Сам он не может по слабости здоровья отстаивать свои слова и поручил это мне. Так вот, допустим, что это говорю я!

И положил рядом с собой на стол револьвер.

Под его пристальным и тяжелым взглядом Боррето убрал руку с ножа, сел и проговорил с ненавистью:

— Ладно, сдавайте. Но уж теперь держитесь, не будь я Жулиан Боррето.

...В соседнем зале продолжалась репетиция. Играл оркестрик. Жюли во фраке и котелке пела на эстраде в окружении танцующих девушек. Голос у нее был небольшой, но приятный — низкий, чуть хрипловатый. Лицо ее было печально, а слова песни — дурашливо веселые...

Стол был завален деньгами. Гемлин хладнокровно складывал долларовые бумажки.

— Антонио,— просительно проговорил Конрой,— старик не продаст нам свой секрет за шестьсот долларов. Поняли мою мысль?

— Я ничем не могу вам помочь, Габриэль,— ответил игрок, пряча деньги в карман.

— Вы поступаете не по-товарищески, не по-джентльменски, наконец! — забываясь, воскликнул Генри Йорк.— Вы же богаты! Почему вы отказываете нам?

— Вот это не вопрос для джентльмена. Но я вам отвечу: я не хочу, чтобы вы оказались сегодня на испанском кладбище...

Большие английские часы сыграли нежную, стеклянную мелодию и пробили пять раз.

Конрой и Генри, невесело переглянувшись, отошли от стола. Боррето тоже поднялся.

— Сидеть! — приказал Гемлин.— За вами еще тысяча.

— Будьте вы прокляты! — хрипло проговорил Боррето, стаскивая с пальцев перстни.

Гемлин подошел к выходу из салуна. У раскрытых дверей стояла Жюли.

— Жюли,— позвал ее Гемлин.

Она медленно обернулась и подняла на него большие, красивые и печальные глаза.

Гемлин сказал задумчиво и удивленно:

— Последний раз вы были в таком состоянии три года назад в Новом Орлеане, когда встретили фокусника Твинга.

— Он был негодяй, не вспоминайте о нем!

— Вы влюблены,— убежденно сказал Гемлин.

— Это ужасно, Тоньо,— она смущенно опустила голову.

— Это прекрасно, Жюли! — весело возразил он, потом стал доставать из карманов деньги.— Я выиграл около десяти тысяч долларов. Возьмите их и бегите подальше от этого сброда!

— Никуда мне от них не уйти,— горько сказала она.— Мое место здесь.

Помолчав, она грустно добавила:

— Он слишком хорош для меня, а я слишком плоха для него. Ничего не выйдет.

— Габриэль Конрой? — тихо спросил Гемлин.

— Да,— ответила она и вдруг набросилась на него:— Почему вы не запретили ему играть! Он же младенец! Я еле убедила его взять у меня эти проклятые четверста долларов.

— Вы дали ему деньги?.. — тихо спросил Гемлин и взглянул на карманные часы.— Половина шестого.

Он направился к двери.

— Что случилось, Тоньо? — воскликнула она, хватая его за руку.

— Зачем вы дали ему деньги, Жюли? — укоризненно ответил он и быстро вышел из салуна.

Гемлин пробирался среди надгробий и крестов испанского кладбища. Монахи пронесли на плечах открытый гроб. Следом шли седые кабельеры и сеньоры в черных покрывалах.

Гемлин непочтительно обогнал процессию, миновал девушку, молившуюся возле белого памятника, потом — двух могильщиков, стоявших у свежевырытой ямы. И вдруг остановился.

У его ног, лицом вниз, лежал на красной земле человек. Из спины торчал охотничий нож с костяной рукояткой. Гемлин наклонился над мертвецом.

Это был «продавец тайн».

Колокол на кладбищенской церкви ударил шесть раз. Вместе с последним ударом появились Конрой и журналист. Они с ужасом глядели на мертвого старика.

— Руки за спину. Быстро!

И наши герои увидели, что окружены со всех сторон полицейскими. Шериф выступил вперед и ткнул кольцом в Гемлина:

— Твоя работа!

— Я не убивал его,— спокойно ответил Гемлин.

— Понятно,— кивнул шериф.— Ты ковырял охотничьим ножом в зубах. А он свалился с неба и прямо на твой нож. Такие забавные случаи бывают у нас в Сан-Антонио.

— Я не убивал его,— повторил Гемлин.

— Значит, они? — шериф показал на Конроя и журналиста.

— Они пришли сюда после меня.

— Могу присягнуть, что это правда. Я шел за ними.

Это сказал банкир Джек Дамфи. Он подошел вместе с Боррето и Счастливым Чарли, на котором уже был вполне приличный костюм.

— Мистер Дамфи! — Шериф почтительно приложил два пальца к шляпе.

— Можете отвести убийство на его счет, не ошибетесь, начальник! — вмешался Боррето.— Он картежник и шулер. Только что в салуне при свидетелях угрожал мне револьвером. Я послал мальчишку, чтобы предупредить вас, а сам побежал за ним. Но не успел!

Гемлин презрительно молчал.

— Именем Соединенных Штатов вы арестованы,— сказал шериф.

Полицейские встали возле Гемлина, отделив его от остальных.

— Антонио! — крикнул Конрой.— Почему вы молчите? Скажите что-нибудь!

— Возвращайтесь в Сент-Джо, Конрой,— сказал Гемлин.— А вы, Генри, забудьте о нашем пари. Хватит и одной смерти.

Он отдал револьвер полицейским, и они увели его.

Шериф достал из кармана записную книжку и обратился к Конрою и Генри:

— Вы можете понадобиться следствию. Ваши имена?

— Я думаю, это лишнее, шериф,— значительно сказал Дамфи.

Шериф покорно козырнул банкиру и ушел вместе с полицейскими, уносившими труп старика.

— Спасибо вам, мистер,— поблагодарил золотоискатель.

— Не за что, Конрой,— дружелюбно ответил Дамфи.— Всегда рад помочь каждому парню из славного поселка Сент-Джо. Я ведь и сам из тех мест.

— Простите, мистер, не припоминаю.

— А я вот помню и вас, и вашего друга Флеминга.

— Вы знали судью? — обрадовался Конрой.

— Ну, кто же его не знал? — уклончиво ответил Дамфи и протянул золотоискателю визитную карточку.— Я и моя жена будем рады видеть вас. Приходите. Поговорим о судьбе Флеминга. Прекрасный был человек!

Широкая каменная веранда дома, увитая диким виноградом и закрытая от яркого дневного солнца кисеей, надуваемой ветром, выходила к океану. Зелено-белая водная равнина была видна за редкими черными стволами деревьев. На веранде был накрыт большой стол, и услужливые негры в белоснежных куртках бесшумно ходили вокруг.

За столом сидели четверо: Долорес, Габриэль Конрой, Джек Дамфи и Счастливчик Чарли. Обед подходил к концу.

— Решено, мистер Дамфи. Записки судьи я оставлю у вас,— говорил Конрой.— Покажете ученым людям. Появили мою мысль?

— Как хотите,— неохотно согласился Дамфи.— Конечно, я могу посоветоваться с учеными... Еще станете миллионером? А? Конрой улыбнулся.

— Скорее я стану русским царем и буду

управлять медведями в Сибири, чем найду свою золотую жилу.

— Кто знает,— пожал плечами Дамфи.— Все же дарственную на ваш участок я положу в банковский сейф. Так мне будет спокойней.

Конрой встал из-за стола и поклонился Долорес.

— Счастливо оставаться, миссис Дамфи. Наконец-то я вернусь к себе в Сент-Джо! — Лицо его вдруг помрачнело.— Мистер Дамфи, вы человек добрый, помогите Гемлипу. Быть не может, чтобы он убил старика на кладбище!

Долорес вздрогнула и уронила на стол салфетку.

— Я верю в американское правосудие! — ответил Дамфи.— Не волнуйтесь, Габриэль, все будет в порядке. Чарли, проводи.

— Спасибо вам за все,— Конрой с чувством пожал руку банкира и вышел, сопровождаемый Счастливчиком.

— Отпустите слуг,— неожиданно сказала Долорес мужу.

Дамфи кивнул головой, и негры поспешно удалились. Повернувшись к жене, он встретил ее взгляд, полный негодования.

— Что случилось? — спросил он удивленно.

— Джек,— сказала она.— Вы-то прекрасно знаете, что Гемлин никого не убивал.

— Я?! — изумился банкир.— Понятия не имею! А что за дело моей жене до какого-то мексиканского ублюдка?

— Я люблю его.

На этот раз изумление банкира было неподдельным.

— Что? — прошептал он.

— Я люблю его,— повторила Долорес.

— Занятно,— усмехнулся Дамфи.— Я женюсь на нищей, плачу долги ее папаши, исполняю любую прихоть. А она заводит любовника! Да вы просто девка, мадам! Вы кокотка!

— Он мне не любовник,— презрительно сказала она.— Хотя и не думайте, что я перед вами оправдываюсь.

— А, плевать! Все равно он сгниет в тюрьме.

— Нет,— сказала она, вставая.— Вы можете ему бежать.

Несколько мгновений он молча смотрел на нее, потом рассмеялся:

— Вы сошли с ума, Долорес?

— И пока Антонио Гемлин будет в безопасности,— твердо и властно сказала она,— я буду молчать, что банкир Джек Дамфи убил судью Флеминга и все богатство его — краденое.

Она встала и вышла.

Дамфи сидел в оцепенении. Наконец он очнулся и дважды позвонил в бронзовый колокольчик. Появился Боррето, а за ним Счастливирик Чарли.

— Жулиан,— сказал банкир мрачно,— завтра ты отвезешь миссис Дамфи на ранчо. И чтобы она шагу без тебя не могла сделать!

— Да, сеньор.

Дамфи махнул рукой. Боррето ушел. Банкир достал из кармана бумажник и стал отсчитывать деньги. Чарли молча наблюдал за ним.

Дамфи протянул деньги и сказал, глядя в сторону:

— Пятьсот долларов. Отдай их шерифу, чтобы он выпустил Гемлина. Пусть убивается ко всем чертям.

И, увидев широко раскрытые от изумления глаза Чарли, он ударил кулаком по столу так, что подпрыгнули рюмки, и заорал:

— И не смей со мной спорить! Не смей! Не смей!

Чарли только пожал плечами.

Возле гостиницы «Рудокоп» стоял дилижанс, запряженный шестеркой лошадей. На козлах сидел уже знакомый нам кучер Билл.

Журналист Генри Йорк и певица Жюльп рядом провожали Конрой. Генри протянул руку золотоискателю:

— Я рад, что узнал вас, Габриэль,— сказал он и улыбнулся.— Поняли мою мысль?

— Поехали со мной, Генри,— растроганно ответил Конрой.— Будем вместе искать золото, а? У нас гораздо спокойнее, чем в вашем городе.

— Нет, Габриэль. Я останусь здесь. Вы ищите свое богатство, а я буду искать истину. Все равно буду искать, что бы ни говорил Гемлин.

— Бедный Тоньо,— вздохнул Габриэль.— Что с ним сделают?

— Сегодня на рассвете он бежал из тюрьмы,— сказал журналист.

— Слава богу! — воскликнула Жюли.

— Габриэль Конрой, мои лошади не ждут даже президента,— проворчал кучер Билл.

— Иду, Билл! — Конрой смущенно посмотрел на Жюли.— Мисс Жюли, помните, я как-то сказал, что вы самая лучшая женщина.

Она взглянула на него серьезно и печально.

И в этот момент рядом с ними бесшумно возник индеец Джо, которого мы видели в комнате Долорес Дамфи.

— Это вам,— он протянул Конрою тетрадь в кожаном переплете и исчез.

Конрой удивленно раскрыл тетрадь.

— Документы судьи Флеминга! — сказал он.— Я ничего не понимаю.

На землю упал листок бумаги, Жюли подняла его и прочитала:

— «Истинный друг ваш, Антонио Гемлина и всех, кто ищет правду, умоляет вас, заклиная всем святым, хранить эти документы в тайне и хранить тайну!»

Жюли отдала записку Конрою и сказала ревниво:

— Это писала женщина.

Потерявший терпение кучер Билл стегнул лошадей. Конрой вскочил на подножку дилижанса, но возле афишной тумбы соскочил. На тумбе был наклеен плакат с ярким изображением женщины в мужском

костюме, котелке и подписью: «Знаменитая Жюли Прюдом — любимица Сан-Антонио». Конрой сорвал афишу, догнал дилижанс и крикнул с подножки, размахивая шляпой:

— Жюли! Я живу в поселке Сент-Джо! Поняли мою мысль?

Дилижанс двигался по крутой горной тропе. Габриэль Конрой, трясясь на козлах, покуривал свою коротенькую трубочку, улыбаясь, рассматривал афишу и думал о чем-то...

По степной дороге быстро катил экипаж, сопровождаемый четырьмя вооруженными до зубов всадниками. Этот эскорт придавал экипажу сходство с тюремной каретой. В окне видно было грустное лицо Долорес Дамфи. Правил экипажем Жулиан Боррето.

Одинокий всадник пробирался через лес и, казалось, совершенно не следил, куда именно направляется его лошадь. Это был Антонио Гемлин.

Гремела музыка в салуне, горели огни в люстрах, хорошо одетые дамы и господа пили за столиками шампанское. На эстраде в окружении девочек-танцовщиц, одетых в ковбойские штаны, куртки и шляпы, выступала Жюли. Она пела:

Кто этот человек
в черном плаще и на коне?
Лицо его закрыто маской,
а глаза мрачны.
Я боюсь его,
потому что у него злые мысли.
Я боюсь его,
потому что он давно следит за мной,
Я боюсь его,
потому что он вооружен и очень опасен.

Джек Дамфи сидел один за столиком в нише и угрюмо пил, подливая себе виски из большой бутылки.

Между столиками к нише пробирался веселый седой господин в белом полотняном костюме. Это был мистер Старботтл, который в самом начале нашей истории изгонял Жюли и Гемлина из поселка Покер-Флет.

— Джек! Старый боевой товарищ! — воскликнул он, театральным жестом простирая свои короткие и толстые руки.

Дамфи взглянул на него без особой приветливости. Старботтл, словно не заметив холодности приема, уселся за стол. Он был шумен, добродушен и многоречив.

— Я прибыл из своего захолустья, Джек, в ваш Новый Вавилон, чтобы попробовать себя на поприще американской демократии. Я баллотируюсь в Конгресс!

— Сколько она стоит? — спросил Дамфи.

— Кто?

— Демократия. Подсчитай, заверни и пришли на дом. Я заплачу, и ты будешь в Конгрессе.

— Джек!..— Старботтл, расчувствовавшись, вытер глаза платком.— Мою первую речь я посвящу тебе, и она будет блестящей. Пробудитесь, Северные Штаты! — скажу я.— Негру не место рядом с печатным станком и Библией!

Он сам зааплодировал себе и уже совсем другим тоном сказал, показывая на эстраду:

— А у той мулаточки, третьей слева, хорошие ножки. Симпатичный зверек.

— А как же Библия? — пьяно ухмыльнулся Дамфи.— Да ты, оказывается, лицемер, адвокат Старботтл!

Старботтл сделал обиженное лицо, но Дамфи успокоительно потрепал его по плечу и крикнул:

— Шампанского!

Официант принес ведро со льдом. Дамфи сам выстрелил пробкой и налил шампанского в бокал Старботтлу. Как только тот выпил, он налил ему снова, потом еще и еще.

— Пей,— говорил он зло.— Пей! Пей!

На пятом бокале у Старботтла стали

апоплексически выкатываться глаза, а вино потекло на рубашку и галстук. Он страдал, но пил. А Дамфи уже забыл про него. Он позвонил метрдотеля:

— Скажи Жюли, что я буду ждать ее у входа.

Излишне твердой походкой сильно пьяного человека он шел по залу.

Жюли пела:

Будьте осторожны
с этим человеком.
Он вооружен и очень опасен!

Танцовщицы, разом выхватив из-за кожаных поясов длинные пистолеты, прицелились в зал и нажали на курки. Грохот выстрелов и нити серпантина полетели в зал.

Возле ярко освещенного салуна в щегольской коляске, запряженной одной лошастью, сидел Дамфи. Из салуна вышла Жюли.

— Садись,— приказал ей Дамфи.

— Не надо, Джек,— попросила она умоляюще.— Я тебя очень прошу, только не сегодня.

Дамфи молча втащил ее в коляску.

— Я слышал, в тебя влюбился этот дурачок Конрой?

Жюли молчала.

— Все они мерзавцы,— хмельно бормотал он.— Конрой... Гемлин...

Это имя привело его в ярость. Он хлестнул лошадь, и она понесла.

Коляска бешено катила по темным улицам Сан-Антонио, среди домов и деревьев, пугая редких прохожих.

Наконец она вылетела на берег океана, таинственно мерцающего в ночи. Дамфи взмахнул хлыстом, и лошадь, протащив коляску по белому песку, вбежала в спокойную воду и остановилась. Дамфи упал на сидение. Жюли была рядом, лицо ее было измученным и несчастным.

Коляска стояла в воде. Перед ними простирался черный и бесконечный океан.

Джек Дамфи в расстегнутой на груди рубашке ходил по комнате. В одной руке он держал бутылку виски, в другой — стакан. Глаза его были мутны, волосы прилипли к влажному лбу.

Жюли сидела на большой кровати розового дерева. Она настороженно следила за Дамфи и слушала его.

— Это спальня моей жены,— говорил он.— Видишь, где я тебя принимаю. Тебя, девку! Впрочем, моя жена тоже девка. Все вы ни черта не стоите, предательницы и твари! А я одинок. Я страшно одинок! Меня никто не любит.

Он опустился на ковер и положил голову ей на колени.

— А ты бы могла полюбить меня?

Она молчала.

— Конечно,— горько усмехнулся он.— Всех люблю, всех... Нищих, бродяг... А я — Джек Дамфи, я одинок! А, плевать!

Он сел рядом с ней, обнял и поцеловал. Его лицо было холодным и жестоким. Ее — печальным.

Вдруг стали слышны голоса, хлопающие дверей, чьи-то поспешные шаги. Дверь в комнату распахнулась. На пороге стоял Боррето. Он с трудом держался на ногах, сапоги его были покрыты красной дорожной пылью.

Дамфи набросил на Жюли покрывало и мрачно посмотрел на Жулиана Боррето.

— Хозяин! — с трудом переводя дыхание, сказал тот и, звеня шпорами, подошел ближе.— Я скакал весь день... Сегодня утром Конрой... У него на участке...

Он достал из дорожной сумки бутылку, наполненную какой-то бурой жидкостью, и протянул ее Дамфи.

Дамфи взял ее, удивленно посмотрел на Боррето и зачем-то даже понюхал горлышко.

— Не может быть...— прошептал банкир.

Он повернулся к Жюли и опрокинул над ней бутылку. Густая, тягучая струя полилась на покрывало, на босые ноги певицы.

— Что это? — испуганно спросила она.

— Это миллионы долларов! Это богатство и власть, какую не дает даже золото! Это нефть! И она моя!

Он схватил свечу и выбежал из комнаты. Вернулся он очень скоро.

— Украли! — крикнул он. — Бумаги Флеминга и дарственную на участок Конроя!

— Ах, вот что! — неосторожно вырвалось у Жюли. — Теперь я понимаю...

Дамфи бросился к ней.

— Нет! Нет! Я не знаю, я ничего не знаю!

Дамфи выхватил нож из-за пояса Боррето. Одной рукой он держал Жюли за волосы, другой — водил ножом у ее горла.

— Жулиан отвезет твой труп за город и бросит на свалке. Псы будут жрать эти прелестные руки, и плечи, и грудь.

Слезы текли по ее лицу, и она не выдержала:

— Документы у Конроя... Какой-то человек передал их ему.

Дамфи отпустил ее.

— Ну, если у Конроя, тогда ничего страшного. Я верю в высшую справедливость. Эта нефть дождалась меня. Я ее хозяин. Просто наше свидание с ней немного задерживается... — он посмотрел на певичку и бросил Жюли ее одежду. — Ты можешь мне. Поняла?

И повернулся к Боррето.

— Возьми лучших лошадей, Жулиан. Ты повезешь в поселок Сент-Джо будущую миссис Конрой!

Несколько старателей стояли вокруг большой черной лужи. Свины с наслаждением барахтались в маслянистой жидкости, на поверхности которой выступали и лопались пузыри. А из травы пробивался, становясь все выше и выше, темный фонтанчик.

Конрой наклонился, зачерпнул ладонью нефть.

Старатели достали пистолеты, подняли их и выстрелили в воздух.

Конрой смотрел, как нефть, сочась между пальцами, большими черными каплями падает на землю.

Поселок Сент-Джо расположился у подножия горы. В конце главной и единственной улицы стояла нефтяная вышка. В одном из домов, грубо и прочно сложенных из светлых смолистых бревен, помещался салун. Возле его раскрытых дверей праздно сидели бородатые старатели.

Они с интересом и удивлением следили за тем, как мимо них медленно движется открытая повозка-платформа, запряженная волами. Возчик степенно шел рядом. А на повозке, блестя лаком и полировкой, стояло фортепьяно.

Габриэль Конрой в черном сюртуке, крахмальной рубашке, при галстукe шел по дому. Было слышно, как кто-то осторожно трогает клавиши фортепьяно. Он открыл дверь. Жюли, стоявшая над инструментом, обернулась и смущенно посмотрела на мужа.

— Теперь ты будешь петь мне каждый день, — сказал он.

— Нет, Габриэль, — тихо ответила она, — не буду.

— Тебе не нравится эта штукавина? — искренне огорчился Конрой. — Я просил Дамфи, чтобы он прислал сюда самую дорогую.

— Мне нравится все, что ты делаешь. Но, пожалуйста, не проси меня петь. Я стараюсь забыть обо всем этом.

— Ладно, Жюли, как хочешь, — сказал он, — только все это ерунда. Поняла мою мысль?

В большом зеркале отражалась его приземистая, крепкая фигура в не очень-то ладно сидящей на нем новой одежде. Скептически оглядев себя, он потрогал галстук,

стягивающий мощную, загорелую шею, вздохнул и умоляюще посмотрел на Жюли. Она отрицательно покачала головой и подтянула узел галстука. Он положил руку ей на плечо. Их отражение было похоже на двойной портрет, оправленный в золоченую раму.

— Миссис и мистер Конрой,— сказал он.

— Мистер и миссис Конрой,— поправила она.

— Если тебе противно смотреть на фортельяно, я выкину его!

— Бог с тобой, Гейб! Оно же стоит таких денег.

— Дамфи говорит, что сейчас мы зарабатываем двадцать долларов в минуту. Даже когда спим. А что будет дальше?! — Он достал из жилетного кармана часы, щелкнул крышкой.— Пойду взгляну, как выкачивают из земли наши миллионы.

С балкона второго этажа Жюли смотрела, как Конрой идет по улице. Он оглянулся, помахал ей рукой и скрылся за поворотом.

А с противоположной стороны в поселок въехал всадник. Генри Йорк направил коня к дому Конроя и остановился напротив балкона.

— Привет вам, прекрасная леди! Не откажите в приюте усталому рыцарю! — сняв шляпу, весело обратился он к Жюли.— Что с вами?

— Простите, Генри... Знаете, увидела вас и вдруг какое-то странное предчувствие. Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего особенного,— несколько замямвшись, ответил журналист.— Меня прислала газета. Американский читатель хочет знать, как живут наши новые миллионеры и их жены.

За домами поселка земля была изрыта и перекопана. Нефтяная вышка поднималась метров на двадцать. Качалка с шумом ходила вверх и вниз.

— Где мистер Конрой? — крикнул журналист одному из рабочих.

Тот неопределенно махнул рукой.

По серой жидкой грязи Генри побрел туда, где теснимые новым промыслом, жалась к горе участки золотоискателей.

— Эй, приятель! Не скажешь, где мистер Конрой? — обратился Генри к старателю в парусиновой куртке, склонившемуся над лотком.

— Кто? Мистер Конрой? — переспросил тот.— Не знаю такого. Но если вам нужен ваш друг Габриэль Конрой, то это — я! Поняли мою мысль?

Они обнялись, похлопав друг друга по плечам.

— Что это значит? — сказал Генри, оглядывая бедный участок.— Пока я шел сюда из поселка, вы разорились?

— Сегодня я даже богаче, чем вчера,— ответил Габриэль.— А завтра наверное буду богаче, чем сегодня.

— ...Сказал знаменитый капиталист мистер Конрой, окидывая орлиным взором свои владения,— с иронической напыщенностью произнес журналист.

На лице Конроя появилось виноватое выражение.

— Только не говорите Жюли, что видели меня здесь.

Они вошли в лачугу, стены которой были оклеены страницами из газет и иллюстрированных журналов. Конрой ушел за перегородку. Генри, оставшись один, задумчиво рассматривал картинки в газетах.

— Что вы делали все это время? — крикнул Конрой из-за перегородки.

— Искал убийц.

Конрой вышел. На нем снова был сюртук и крахмальная рубашка.

— Каких убийц? — спросил он, безуспешно пытаясь завязать ненавистный галстук.

Журналист молча постучал пальцем по стенке лачуги. На выцветшей и пожелтевшей газетной странице все еще были различимы строки объявления: «Лиц, располагающих любыми сведениями о бывшем судье округа Калаверас, Генри Флеминге, убитом при загадочных обстоятельствах...»

— Да, да, конечно,— смущенно пробормотал Конрой.— Не думайте, что я забыл, Генри.

Борьба с галстуком так ни к чему и не привела. Генри стал сам завязывать его на приятеле.

— Куртка из парусины вам больше к лицу,— сухо заметил он.

— Да сгори пламенем все мое добро и все мои галстуки, я не огорчусь! — воскликнул Конрой.— Мне важно только счастье Жюли!

— Счастье не измеряется количеством долларов. А если бы не было нефти, она стала бы вашей женой?

— Не надо, Генри,— нахмурился Конрой.— Это никому не разрешено. Поняли мою мысль?

Несколько золотоискателей, работавших на соседних участках, подошли к ним и остановились, опираясь на кирки и лопаты. Один из них почтительно обратился к Конрою:

— Простите за беспокойство, хозяин...

— погоди, Мак! — перебил его Конрой.— Когда мы с тобой два года назад попали в буран и я тащил тебя с обмороженными ногами, ты почему-то не говорил мне — «хозяин». Да вы что, с ума посходили, что ли?!

— Ладно, Габриэль, не сердись,— сказал другой.— В конце концов, дело не в этом. Говорят, на наших участках будут бурить новые скважины.

— Что?

— Да, и нам посоветовали убираться отсюда.

— А вы не пристрелили на месте мерзавца, который это придумал?

— Нет,— усмехнулся золотоискатель.

— Я не узнаю вас! Почему?

— Потому что этот... человек — ты, Габриэль... Так нам сказали.

Конрой в гневе сжал кулаки. Потом вынул из кармана револьвер и протянул его золотоискателям.

— Тот, кто припомнит хоть один слу-

чай, когда я был предателем, пусть всадит мне пулю в лоб. Ну!

Золотоискатели молчали.

— Идите, ищите свое золото,— сказал Конрой, пряча револьвер.— Вас никто не тронет. Поняли мою мысль?

Глядя вслед золотоискателям, расходящимся по своим участкам, Конрой спросил:

— А вы, значит, продолжали искать убийц судьи Флеминга?

— Да,— серьезно ответил Генри.— И, кажется, нашел. По крайней мере, одного из них.

— Кто же он?

— Джек Дамфи.

Некоторое время Конрой остолбенело смотрел на журналиста, потом рассмеялся:

— Никогда не пейте до обеда, Генри! Во время еды — сколько угодно, после — пожалуйста. Но на голодный желудок...

— Я не выпил ни капли,— перебил его Генри.— Послушайте, Габриэль! Будьте осторожнее с ним, все гораздо серьезнее.

— Я и слушать ничего не хочу! — рассердился Конрой.— Джек Дамфи — честный американец и мой друг. Да и не только друг. В этом вы сегодня же убедитесь. Поняли мою мысль?

Несколько человек собрались в гостиной нового дома, где на стене среди картин висела в раме афиша, изображающая Жюли в эстрадном наряде.

Кроме хозяев, Габриэля и Жюли, здесь были Счастливиц Чарли и адвокат Старботтл, как всегда веселый и довольный жизнью. Генри Йорк, стоя в стороне, наблюдал, как адвокат неспеша достает из сафьянового портфеля какие-то бумаги с печатями и раскладывает их на маленьком столике в центре гостиной.

Наконец Старботтл торжественно надел очки и стал громко читать:

— Я, адвокат Джошуа Старботтл, свидетельствую правомочность нижеследующего соглашения, заключенного между мистером Габриэлем Конроем и мистером Джеком

Дамфи в том, что отныне они являются компаньонами и совладельцами нефтяного промысла «Сент-Джо»...

— Поняли мою мысль?! — воскликнул Габриэль и подмигнул потрясенному журналисту, приглашая и его насладиться смыслом слов Старботтла.

Генри в смятении посмотрел на Жюли. Она опустила голову.

— Мистер Дамфи берет на себя все расходы по добыче, переработке, транспортировке и продаже нефти, — продолжал адвокат. — А мистер Конрой предоставляет свои земельные участки для изысканий и бурения новых скважин...

Габриэль, который все время согласно кивал головой, на этот раз решительно перебил Старботтла:

— Нет, адвокат! Все участки, кроме тех, где ребята ищут золото!

Старботтл в замешательстве обернулся к Счастливику Чарли.

— Я говорил со старателями, мистер Конрой, — вмешался Чарли, — они согласны.

— А я не согласен! — непреклонно возразил Конрой. — Впишите это там у себя крупными буквами и поставьте восклицательный знак!

— Мистер Дамфи будет огорчен, — заметил Чарли.

— Вот уж нет! Как раз Джек меня поймет! — возразил Конрой. — Валяйте дальше, адвокат. Что там еще?

Старботтл нехотя исправил документ и продолжал:

— В случае непредвиденных обстоятельств, как, например, неожиданная смерть, все права передаются прямым наследникам компаньонов и совладельцев, каковыми являются их жены, миссис Жюли Конрой и миссис Долорес Дамфи.

Старботтл протянул Конрою документ:

— Подпишите вот здесь.

— А! Выходит, Дамфи уже подписал! — сказал Конрой, макая перо в серебряную чернильницу.

— Еще бы! Мы вместе с ним составляли

эту бумагу, — неосторожно ответил адвокат.

— Идиот, — злобно прошептал Чарли и недовольно покосился на Генри Йорка.

Однако журналист сделал вид, что занят разглядыванием висящих на стене пейзажей.

Конрой поставил свою подпись. Адвокат горячо пожал ему руку.

— Поздравляю, мистер Конрой! Я всегда говорил, что богатые люди должны держаться вместе.

Конрой показал бумагу Жюли.

— Ну, довольна? — спросил он. — Когда я помру, ты не пропадешь.

— Нет, ты уж, пожалуйста, не умирай, Габриэль, — серьезно ответила она.

— Ладно, я попробую, — улыбнулся он простодушно и подошел к Генри.

— Разбудите меня, Габриэль, — тихо сказал журналист. — Что вы наделали?!

— Так хотела Жюли, и она права, — ответил Конрой. — Бизнес не по мне. Дамфи понимает в этом, пусть он и занимается нефтью. А мы с Жюли заживем теперь тихо и счастливо.

Счастливику Чарли перелез через ограду старой гасиенды и осмотрелся. Вокруг него были деревья давно заброшенного парка.

Вдруг тонко пропела пуля, посланная невидимым стрелком, и шляпа Чарли полетела на траву. Он наклонился, чтобы поднять ее, но второй выстрел, точно удар кнута, снова отбросил шляпу. Чарли вынул из кармана белый носовой платок и помахал им над головой. И сразу же он почувствовал, что в спину ему упирается дуло ружья.

Чарли поднял руки. На голову ему надели шляпу, потом накинули мешок и, подталкивая ружьем, повели в глубину парка.

Когда с него сняли мешок, он увидел, что стоит посреди заброшенного патио. Повсюду располагались вооруженные люди.

Между ними были и покрашенные женщины в ярких платьях.

Стрелок Гарри, главарь бандитов, которого мы видели в начале этой истории, во время нападения на дилижанс, сидел в кчалке. Он с удивлением смотрел на неожиданного гостя.

— Да это Чарли! — воскликнул он.—А я было принял тебя за привидение!

— В два счета мог бы им стать,— ворчливо ответил Чарли, разглядывая свою шляпу, пробитую пулями.

— Не сердись на них, Чарли. Они же совсем как дети. Радуются любому развлечению.

— Могу предложить этим милым младенцам,— Чарли покосился на своих здоровенных конвоиров,— развлечение поинтересней, чем стрельба по моей шляпе. Для этого я тебя и разыскивал, Гарри.

Стрелок Гарри жестом руки отпустил обоих бандитов и остался наедине с Чарли. Тот придвинулся поближе и стал что-то негромко говорить главарю...

— Ну что ж, работа не слишком тяжелая,— деловито сказал Гарри, когда Чарли закончил, и недобро усмехнулся:— Я уже однажды встречался с Конроем.

— Нет, нет, пока его трогать не надо,— торопливо предупредил Чарли.— Так приказал Дамфи.

— Он может меня только просить,— грозно сказал Гарри.— Запомни это!

— Ты что-нибудь имеешь против Джека? — осторожно спросил Чарли.

— Мой хозяин предлагал ему работать вместе. Дамфи отказался. Хозяину это не нравится.

— А кто он, твой хозяин?

— Чарли! — укоризненно покачал головой Стрелок Гарри.— Джентльмен должен быть скромн, как женщина.

— Которая из этих? — ухмыльнулся Чарли, кивнув на раскрашенных девиц, пивших вместе с бандитами.

Не обратив внимания на шутку, Гарри серьезно произнес:

— Во всяком случае, могу тебе сказать,

что мой хозяин стоит миллионов на пять дороже, чем твой Дамфи.

— Ого! — с уважением отреагировал Чарли.— А он случайно не хотел бы меня усыновить? Я очень послушный мальчик.

— Как будто ты не разбогател после того, как Дамфи охмурил дурака Конроя?

— Я?! — оскорбился Чарли.— Я нищ, как Иов из Библии!

— Сын мой! — постным тоном проповедника сказал Гарри.— Нет греха хуже лицемерия!

Чарли молитвенно сложил ладони.

— Говорю тебе как на исповеди, отец мой! Он платит мне жалование управляющего и ни цента больше.

— Позор! — вздохнул Гарри.— А у самого нефть льется прямо на текущий счет в банке!

— Послушай, Гарри,— голос Счастливого стал просителем.— Поговори со своим хозяином. Не хочу больше шататься по Америке с драной задницей. А я ведь кое-что знаю о Дамфи...

Гарри молча подбросил в воздух монету. Она сверкнула на солнце и легла точно на срез пня. Вынув кинжал, он сильным и коротким ударом зарубил ее на две половины. Одну из них протянул Чарли.

— Если к тебе придут и покажут другую половину, слушайся этого человека во всем, и ты не пропадешь... Увидимся в воскресенье на родео. Но ты меня не знаешь. Понял?

Он махнул рукой. На голову Чарли вновь накинули мешок.

В прохладном сумраке небольшой часовни перед деревянным распятием молилась на коленях Долорес Дамфи. Пыльный луч света, проникавший из полуоткрытой двери, за которой ослепительно белел жаркий полдень, вдруг исчез. На пороге часовни возник Жулиан Боррето.

Не поворачиваясь к нему, Долорес гневно спросила через плечо:

— Хотя бы с богом я могу говорить без тебя?

— Ни с богом, ни с дьяволом, сеньора,— с издевательским смирением в голосе ответил Боррето.— Мне приказано не оставлять вас наедине с мужчинами.

Долорес встала и, пройдя мимо посторонившегося Боррето, сказала презрительно:

— Тогда я буду молиться деве Марии! Территория ранчо Дамфи была огромна. Парк с фонтанами, беседками, мраморными скамьями окружал белый дом. За ним виднелся корраль. От остального мира ранчо было отделено каменной изгородью.

Долорес пошла среди деревьев. Боррето неотступно следовал сзади. Она опустилась на скамью. Он сел рядом. Она встала. Он тоже. Она сделала несколько шагов, потом повернулась и направилась в противоположную сторону. И он тоже. Она остановилась. Он по-прежнему был возле нее.

Долорес невесело засмеялась.

— Я стану молиться пресвятой деве Марии, чтобы она помогла мне убежать от тебя, Жулиан.

Он, тоже улыбаясь, покачал головой:

— Она вам не поможет, сеньора.

— Ты ее плохо знаешь,— Долорес что-то разглядывала за его спиной.— Я попрошу ее, чтобы она обратила тебя в камень...

Мощные руки крепко обхватили сзади Боррето и прижали к дереву. Это был индеец Джо. Жулиан не успел опомниться, как был скручен и привязан к дереву.

— ...и чтобы она сделала тебя, собака, слепым, глухим и немым! — торжествующе и мстительно закончила Долорес.

— На по... — крикнул Боррето, но Джо заткнул ему рот кляпом.

— Все готово, госпожа,— сказал он, раздвигая ветви.

За деревьями стояла лошадь. Индеец помог Долорес сесть в седло.

Боррето, пытаясь освободиться от веревки, с яростью смотрел, как Долорес направляется к изгороди.

Джо проверил, надежно ли привязан Жулиан, и скрылся.

Лошадь, оттолкнув грудью бросившихся наперерез вакерос, легко перемахнула через изгородь и бешеным аллюром понеслась по степи, подгоняемая наездницей с развевающимися длинными темными волосами.

Гемлин, небритый, скусающий и мрачный, лежал одетый на кровати в небольшой комнате. На полу валялись книги и газеты, стояла наполовину опорожненная бутылка виски. В окно была видна площадь мексиканского городка.

Вдруг послышались звуки спорящих голосов. Потом дверь открылась. На пороге стояла Долорес, сзади нее,— старая мексиканка с недовольным лицом.

Гемлин сразу же сел на кровати, вастегивая рубаху.

— Зачем ты здесь? — раздраженно спросил он.

Долорес молчала.

— Матушка, пожалуйста, оставьте нас,— ласково попросил он мексиканку и, когда она, ворча, закрыла дверь, продолжал, глядя на Долорес:— Я же сказал, мы не должны больше видеться.

— Я узнала, что ты скрываешься у своей কর্মиллицы.

— Ну и что?

— Я бы не пришла, Тоньо. Твои друзья в опасности.

— Очень жаль, но я вышел из игры, Долорес.

— Я связана с Дамфи,— с отчаянием сказала она,— но я хочу помешать ему творить зло.

— Это твое дело, причем тут я? — пожал плечами Гемлин.— Возвращайся домой.

— Раньше ты говорил, что в жизни всегда можно добиться правды.

— Если на это хватит жизни.

— А если бы мы были вместе?

— Долорес! Не надо!

Он отвернулся к окну. Два мексиканца

играли на гитарах и негромко пели — протяжно и грустно.

— Я ничего не хочу, — сказал Гемлин. — Мне хорошо здесь.

— Нет, Тоньо! — крикнула Долорес. — Тебе плохо, как и мне. Но больше я не стану скрывать правду о Дамфи. Я люблю тебя! Слышишь, Тоньо?!

Она опустилась на колени перед кроватью и обняла его.

Взгляд Гемлина смягчился, но он все же сказал:

— Я дал слово молчать.

— Ты дал это слово мне. И я освобождаю тебя от него!

— А ты не передумаешь, не испугаешься?

— Никогда!

— Дамфи страшный противник.

— Но ведь ты со мной!

— Ну что ж! — с грозным и веселым азартом сказал Гемлин. — Тогда я начинаю самую интересную партию в моей жизни и, клянусь, не брошу карты, пока не выиграю!

Судья Флеминг был похоронен на горе, среди высокой травы и желтых цветов. Отсюда был хорошо виден весь поселок Сент-Джо с его домами, старательскими участками, вышкой над нефтяным промыслом и фигурками рабочих.

Генри Йорк поднялся сюда по каменной тропе. У могилы сидел Антонио Гемлин. У его ног стояла бутылка шампанского и два бокала.

Увидев журналиста, он раскупорил бутылку, налил вино в бокалы и протянул один из них Генри:

— Я проиграл пари, Генри. Давайте выпьем в память судьи Флеминга.

— И за то, чтобы он был отомщен.

— Да будет так!

— Что с вами произошло, Антонио? — спросил журналист. — Вы наконец поверили, что в жизни существует справедливость?

— Нет, — покачал головой Гемлин. — Но я хотел бы верить, что в жизни существует любовь.

— Не понимаю, — удивился журналист.

— И не надо... Мы с вами, как и прежде, по-разному смотрим на этот безумный мир.

— Я, например, считаю, что безумие излечимо, — улыбнулся Генри.

— Ну, а я с удовольствием надел бы на человечество смирительную рубашку и не снимал бы до страшного суда. Но не будем спорить.

— Не будем.

— Конрой уже знает, что Дамфи — преступник? — спросил Гемлин.

— Я сказал ему, — усмехнулся Генри. — А он сделал Дамфи своим компаньоном.

— Ягненок попал в капкан пострашнее тех, что ставят на волков, — мрачно заметил Гемлин. — И сам его за собой захлопнул.

— Нет, это сделала Жюли, — взволнованно возразил Генри.

— Она любит его, — задумчиво сказал Гемлин.

— Она заставила его подписать себе смертный приговор! — воскликнул Генри. — Они убьют Конроя, все перейдет к ней, а значит — к Дамфи! Дамфи! Будь проклято это имя! Такие, как он, губят Америку.

— Такие, как он, создают Америку. Впрочем, может быть, это одно и то же.

— Его необходимо обезвредить, — упрямо сказал Генри. — А чего хотите вы?

— Немногого. Всего лишь защитить от него своих друзей. С вашей помощью, если вы не против.

Оркестр гремел. Красная медь духовых инструментов жарко сверкала на солнце. Над желтым овалом арены возвышалось грубое сооружение в виде амфитеатра с растрескавшимися белеными стенами и трибунами под навесом. На скамьях сидели празднично одетые старатели с женами и детьми. Здесь же на трибунах были Жюли,

Конрой, Генри и Счастливчик Чарли. Габриэль выглядел довольно комично в белом полотняном костюме.

Возле трибун толпились смуглые мексиканцы, пеоны в полосатых рубашках и широких бархатных штанах. Они курили длинные темные сигареты, оживленно переговаривались и ожидали начала родео.

А в деревянных клетках томилась молодая бычки. Клетки были так тесны, что животным невозможно было даже повернуться. Вдруг служители разом выбили деревянными молотами засовы и мгновенно отскочили в сторону. Ошеломленные внезапной свободой, ярким светом и громом музыки бычки выбегали из клеток на песчаную арену.

Родео началось. На арене появились ковбой. Выждав, когда бегущий по арене бык окажется рядом, они прыгали ему на спину и, ухватившись за загривок или за рога, пытались продержаться на нем в любом положении. Но это было почти невозможно даже для самых ловких. Чтобы сбросить непрошеного седока, быки что есть силы мотали головами, вставляли на дыбы, потом на передние ноги, а задними взбрыкивали так, что ковбой летел на песок, прямо под копыта. Однако он сразу же поднимался и продолжал опасную игру.

Один ковбой был особенно упорен. Зрители следили за тем, как он, решив предпринять еще одну попытку, пошел на быка, словно торреро, спереди. Бык остановился, уставившись на него.

И вдруг в полной тишине раздался выстрел. Бык упал, дергая ногами и вывалив розовый язык, застыл в луже крови, быстро впивающейся в горячий песок.

Старатели вскочили со своих мест, схватившись за револьверы. Но увидели, что окружены со всех сторон. Десятка два всадников целились в них из ружей. А их главарь, Стрелок Гарри, въехал на арену.

— Сядьте и слушайте,— сказал он спокойно,— а если у кого есть возражения, тот ляжет рядом с этим быком и мертвее его не будет человека на всем белом свете.

Старатели мрачно опустили на скамьи. Только один Конрой остался стоять, с ненавистью глядя на Гарри.

— А тебя мы похороним роскошно, ты же богат,— со зловещей доверительностью сообщил ему бандит.— Крышку из чистого золота на гроб, шесть плюмажей на дрогах, и негра посадим на козлы. Самого черного негра в цилиндре..

Жюли умоляюще тянула Габриэля за руку, и он сел, не отводя взгляда от Стрелка Гарри.

— Ну, вот что,— продолжал тот.— Меня попросили передать вам, господа, чтобы золото вы искали теперь где-нибудь в других местах.

Старатели были ошеломлены этим заявлением.

— Это незаконно! — с наигранным возмущением крикнул Счастливчик Чарли.— Пусть он предъявит ордер!

— Ордер? Пожалуйста! — охотно согласился бандит и вынул кольт.— Но я понимаю ваше положение и даю двенадцать часов, чтобы вы убрались с участков. Не убежитесь, тогда пусть каждый готовится к встрече со своим господом. В зависимости от вероисповедания, конечно.

— Сколько у нас времени? — вдруг спросил Конрой.

— До утра.

— Что же,— сказал Конрой,— этого нам хватит. Поняли мою мысль?

Поздно вечером в совершеннейшей темноте по улице поселка проехали два всадника в черных плащах и шляпах.

Они остановились возле дома Конроя.

Один из них спрыгнул на землю, отдал поводья своему спутнику, оставшемуся сидеть на лошади, а сам подошел к окнам. Рукоятью хлыста он постучал по стеклу. Через некоторое время в распахнувшемся окне появилась Жюли, она держала свечу в бронзовом подсвечнике.

Лицо человека осветилось. Это был Джек Дамфи.

— Где Конрой? — грубо и нетерпеливо спросил он.

— Спит.

— Это правда, что он тут затеял?

— Да.

— Разбуди его!

— Не надо. Это ничего не изменит.

— Только иднот может с оружием в руках мешать собственному обогащению. Нам нужны эти участки, Жюли. Там всюду нефть!

— Это его дело, — ответила она. — Я не вмешиваюсь.

— Ты что, забыла, кем ты была?! — крикнул он.

— Нет, не забыла.

— Почему же ты не поможешь мне?

— Я не хочу, чтобы он бросил меня!

— Жюли, я человек деловой, и не советую тебе со мной ссориться. Ты стала женой Конроя, но в любую минуту можешь стать его вдовой. Подумай об этом. Но только до утра.

...В длинной белой рубаше, держа над головой свечу и неслышно ступая босыми ногами, Жюли подошла к кровати, на которой спал Конрой. Она долго стояла над ним и смотрела на его спокойное и доброе лицо. Наконец дотронулась до плеча спящего. Он сразу же открыл глаза, увидел жену и ласково улыбнулся ей.

— Уже пора? — спросил он и, не ожидая ответа, проговорил: — Вот чудеса, Жюли! Сколько лет живу на свете, никогда не видел снов. А сегодня вдруг приснилось — и так явственно — будто я еще мальчишка, и поднимаемся мы с покойником отцом в гору. Я впереди, а он сзади. Я оглянулся, а отца-то и нет. И я один стою на горе, совсем один. Тут ты меня и разбудила.

— Гейб, — сказала она тихо, — ты меня любишь?

— Очень. Ты же знаешь.

— А что бы ты мог для меня сделать?

— Все, — просто ответил он.

Она молча взяла его ружье, стоявшее у изголовья, переломила ствол, вынула патроны и бросила их в открытое окно.

— Я не понимаю, Жюли, — удивился он.

— Скажи людям, чтобы они не сопротивлялись завтра.

Конрой рассмеялся.

— Ложись спать, Жюли. Нам рано вставать.

— Я не шучу.

— Нет, — сказал он, усмехаясь, — даже ради тебя я на это не пойду. Поняла мою мысль?

Тогда Жюли взяла мужа за руку и приложила его большую ладонь к своему животу. Несколько мгновений он в полном смятении смотрел на нее, потом улыбка блаженства и счастья озарила его лицо.

— Правда? — прошептал он.

— Правда. И пусть не будет завтра крови... — И видя, как вновь мрачнеет лицо мужа, она заговорила быстро: — А хочешь, уйдем из поселка, пока все спят? Неужели мы не найдем на свете место, где мы бы могли поставить наш дом? И не нужно ничего, ни больших городов, ни богатства, ни дорогих платьев. Только ты, он и я. Да? Да?

Он смотрел на нее с непередаваемым страданием. Потом сказал:

— Ну что ж, может быть, он когда-нибудь искупит мой грех.

Она опустила перед ним на колени и, целуя ему руки, плача, спросила:

— Ты не бросишь меня?

Он отвернулся от нее и после долгого молчания ответил глухо и тяжело:

— Не брошу, но разве в этом дело...

Утром бандиты проскакали по дороге и на рысях подъехали к золотоносным участкам.

Старатели с ружьями в руках стояли у них на пути.

Стрелок Гарри выхватил кольт.

И тут появился Конрой. Он встал между противниками, поднял руки и обратился к своим товарищам:

— Расходитесь, ребята.

Старатели с изумлением глядели на него.

— Расходитесь, я прошу вас,— повторил он.— Слишком много будет крови.

Старатели опустили ружья.

Бандиты сразу же окружили их и, толкая лошадей, согнали в одно место, держа под прицелом.

— Что же ты, Габриэль?! — с гневным удивлением крикнули Конрой.

Он только махнул рукой, опустил голову и побрел прочь.

Часть бандитов спешила и принялась рушить хижины.

Старатели, проходя мимо Конроя, с молчаливым презрением бросали к его ногам бесполезные ружья.

Жюли ходила по гостиной. Генри Йорк стоял у окна и смотрел на улицу. Улица сначала была пуста, потом на ней появились старатели.

— Похоже, что стрельбы не будет,— не весело сообщил Генри.

Вошел Конрой, лицо его было мрачным.

Жюли шагнула к нему, но он едва заметно повел рукой, как бы прося не приближаться к нему, и сказал:

— Бог тебе судья, Жюли.

Вздыхнул и, ничего не прибавив, тяжело ступая, пересек гостиную и скрылся в соседней комнате.

Жюли воскликнула с мукой:

— О господи, он не простит меня!

— Победа, Жюли! — Дверь распахнулась, и с этими словами появился Дамфи. За ним шел Счастливчик Чарли. — Эти голодранцы наконец-то убралась!

Он опустился в кресло и, самодовольно глядя на стоящих вокруг него людей, продолжал:

— Какой-то ловкач распустил на бирже слухи, что наша нефть кончается. А я плевал на это! Те, кто спускают по дешевке акции «Сент-Джо», здорово просят. — Он кивнул Генри: — Можете передать

в свою газету, молодой человек: мы начинаем бурить на новом месте!

Увлеченный собственным красноречием, Дамфи не заметил того, на что уже обратили внимание другие. В гостиной стоял Габриэль Конрой.

Дамфи поднял глаза и встретил тяжелый взор компаньона. А тот как-то сонно отвернулся в сторону и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Надо строить свой дом в лесу или в горах, там где нет золота и нефти.

— Ах, Габриэль! — махнул рукой Дамфи. — Люди всегда найдут, из-за чего им грызть друг другу глотки. Будет на земле достаточно нефти, значит, откроют что-нибудь такое, чему еще нет названия. Да и пересобачатся так, что все пойдет к чертям. А пока надо жить, Габриэль, жить и пользоваться жизнью!

— Да, да... Надо жить... — задумчиво проговорил Конрой и вдруг неожиданно спросил: — Вы видели, Джек, в наш договор я вставил условие: не трогать эти участки.

— Да, видел.

— И все-таки нарушили его!

— При чем тут я?! — возмутился Дамфи. — У Стрелка Гарри и его людей какие-то свои счета со старателями...

— Но ведь он разбойник? Так?

— Не знаю... — смешался Дамфи. — Что-то такое говорят о нем, но я не могу утверждать...

Под взглядом Конроя банкир терял свое обычное хладнокровие.

— Разбойник выгоняет честных людей с их земли, — продолжал Конрой, — потом приходим мы и ищем на этой земле нефть, чтобы получить свои миллионы...

— Ну и что?

— А то, что мы с вами, Джек, такие же разбойники, как и он. Поняли мою мысль?

Дамфи проговорил тихо и хрипло:

— Вы с ума сошли.

Габриэль покачал головой.

— Покойный судья Флеминг говорил мне: если акула раз попробует человечи-

ны, ее не приманишь больше ничем... Что сделают завтра Конрой и Дамфи? А, Джек?

Он повернулся и медленно вышел из комнаты.

Дамфи сказал в тишине:

— Конечно, он болен.

— Нет, мистер Дамфи, он выздоравливает, — ответил Генри Йорк.

Джек Дамфи посмотрел на него и странно усмехнулся.

— Что ж, так иногда бывает. Станет к вечеру лучше, вот все и думают, человек здоров. А утром подойдут к постели и...

— Что? — тихо спросила Жюли.

— Ничего, — сказал Дамфи. — Ничего, не волнуйтесь, миссис Конрой.

Дамфи и Счастливчик Чарли молча ехали рядом на лошадях.

Там, где еще недавно старатели искали золото, рабочие расчищали площадку. Под руководством деловитого инженера они сколачивали и воздвигали новую нефтяную вышку.

Возле небольшого деревянного строения, на фасаде которого был укреплен герб Соединенных Штатов, всадники остановились. Дамфи направился к строению, но задержался и заметил как бы между прочим:

— Вот о чем я хотел тебя попросить, старина. Мне не очень нравится, что ты при людях зовешь меня «Джек». Хозяин или мистер Дамфи — так, по-моему, будет в самый раз. Верно?

И он открыл дверь, оставив ошеломленного Чарли на улице.

Внутри, в помещении довольно запущенном и пыльном, висел на бревенчатой стене портрет Георга Вашингтона, покрытый темным, потрескавшимся лаком, и вокруг него — олеографии, изображающие боевые эпизоды времен великой войны за независимость.

У стены на длинном столе возвышался,

тускло блестя многочисленными медными деталями, телеграфный аппарат. Над ним дремал худой юнец в форменной куртке.

Громко стуча каблуками и звеня шпорами, Дамфи подошел к столу.

— Давай, заводи свою кастрюлю, — сказал он телеграфисту.

Юнец послушно взялся за ключ.

Дамфи начал диктовать:

— Сан-Антонио, банкирский дом «Дамфи», мистеру Кларку. Сегодня начали бурить на участках, где предполагаются крупные залежи нефти...

Чарли стоял снаружи, прислонившись спиной к дверям, и равнодушно смотрел, как к нему приближается какой-то незнакомый старик. Он был мал ростом и тщедушен, с седой, редкой бородкой, розовым, морщинистым лицом и острыми голубыми глазами. На нем был сильно поношенный, с опрятными заплатами сюртук, ветхая соломенная шляпа и грубые башмаки. Он остановился возле привязанных к коновязи лошадей, погладил одну из них по лоснящемуся крупу и сказал:

— Хорошие, хорошие лошадки. Дорогие, наверное, а?

Потом повернулся к Чарли и стал разглядывать его добродушно и с интересом.

— Ну? — грубо спросил Чарли. — А дальше что будет?

— Дай-ка мне пройти, сынок, — попросил старик, двинувшись к дверям.

— Там не подают, — презрительно бросил Чарли.

— А мне и не надо, — ничуть не обиделся старик и, сохраняя прежнее благодушие, сказал: — У меня и у самого кое-что найдется.

Он вынул из кармана и протянул на ладони половину доллара, разрубленного Стрелком Гарри.

Чарли ошеломленно переводил взгляд с монеты на старика.

А тот, очень довольный произведенным эффектом, легонько отстранил Чарли и вошел в помещение телеграфа.

Джек Дамфи продолжал диктовать под треск аппарата:

— Срочно скупайте акции «Сент-Джо». Продержитесь еще немного. Со дня на день должна появиться нефть!

Старичок деликатно кашлянул в кулак.

Дамфи с негодованием обернулся. Глаза его расширились от неожиданности. Он медленно встал со стула и стащил с головы широкополую шляпу.

— Мистер Тротт! — сказал он, почтительно кланяясь.

— Здравствуй, сынок, — сказал Тротт. — А я с тобой поговорить пришел.

Дамфи кивнул телеграфисту и тот немедленно удалился в соседнюю комнату.

— Так, так... — проговорил старик, потом постучал пальцем по телеграфному аппарату и спросил: — Не боишься проиграть, сынок?

Дамфи не сдержался: самодовольная улыбка появилась на его лице.

— Земля в поселке просто сочтется нефтью!

— Слышал, слышал, — кивнул головой мистер Тротт. — И очень рад за тебя! А знаешь, ведь это я велел Стрелку Гарри привести тебе своих ребят.

— Спасибо, мистер Тротт, но...

— Не благодари, сынок, — ласково улыбнулся старик. — Я ведь это не для тебя, я о себе беспокоюсь.

— Я вас не понимаю, мистер Тротт.

Старик приблизился к Дамфи и внушительно произнес:

— Нефтяной концерн «Тротт и Дамфи», а?оборотный капитал тридцать миллионов! Экспорт в Европу!

Дамфи молчал, глядя в ясные и холодные глаза старика, потом с трудом выдал из себя:

— Нет.

— Ну и прекрасно, — легко согласился Тротт.

Он встал и, дотронувшись пергаментной рукой до отворота нарядной куртки бакира, сказал:

— Хорошая материя.

— Из Парижа, — небрежно ответил Дамфи.

— Дорогая?

— Долларов сто, — пожал плечами банкир.

— Сто долларов?! — с неподдельным ужасом ахнул старик. — Да ты разорись на этих нарядах, сынок!

Сокрушенно качая головой, он направился к дверям, взялся за ручку, обернулся и спросил совсем иным голосом:

— Значит, нет?

Дамфи без слов покачал головой.

Старик вышел.

Счастливчик Чарли оставался на своем прежнем месте.

Надевая на голову соломенную шляпу, старик сказал ему:

— Хороший у тебя хозяин, сынок. Но, думаю, с Конроем будет полгче договориться, чем с ним. Так что ты уж побереги Конроя, сынок.

Он потрепал Чарли по плечу и пошел по улице, загребая пыль неуклюжими башмаками. Но вдруг остановился, словно что-то забыв, и вернулся к Чарли. Ласково и лгство погладил его по руке и попросил:

— Отдай мне свою половинку, сынок, а? Зачем она тебе?! Ты еще ее потеряешь! А я старенький, я себе зуб сделаю.

И, получив у растерянного Чарли монету, он вновь продолжал свой путь.

Солнце беспощадно светило с раскаленного неба. На скотоводческом равчо Джека Дамфи шла обычная жизнь.

Мустангеры, хлопая бичами, объезжали лошадей. Вакерос занимались клеймением скота. Из-за загородки корраля выпускали — по одному — быков и коров и загоняли их в деревянный станок. Человек в кожаном фартуке добела калил на бесцветном пламени маленького горна железное тавро.

В стороне, на самом солнечном жаре, стояло дерево, к которому была прибита поперечная планка, образующая подобие

креста, и к ней был привязан обнаженный человек. Это был индеец Джо.

Жулиан Боррето, волоча за собой по пыли тонкий ременный хлыст, подошел к нему.

— Ну? — спросил он. — Скажешь, краснокожная обезьяна?

Индеец молча смотрел перед собой с выражением непреклонной и беспредельной ненависти.

И Боррето начал хлестать его. Огненные рубцы вздувались на израненном теле.

— Долго еще вы будете его мучить?!

Долорес Дамфи остановилась перед мужем, сидящим в покойном глубоком кресле и благодушно покуривающим сигару. С балкона хорошо был виден корраль, двор перед ним и дерево, к которому был привязан индеец.

Дамфи пожал плечами.

— Он будет кормить мух, пока я не узнаю, куда вас вчера черти носили, милая Долорес.

— Повесьте меня вместо него! — крикнула она.

— Вот обрадуются слуги, увидев вас голой на дереве, — развеселился Дамфи. — Но что же тогда после них останется мистеру Гемлину?

— Вы чудовище!

— Возможно, — согласился он. — А вы жена, предавшая своего мужа. Вы мой враг. Вот я и отношусь к вам, как к своему врагу.

Боррето в очередной раз стегнул хлыстом свою жертву.

Долорес в отчаянии закрыла глаза руками. Потом отвела их и с решимостью сказала:

— Пусть ваш палач отпустит его. Я встречалась с Антонио Гемлином.

Дамфи бросил сигару и встал с кресла.

— Так я и думал. Значит, этот хлыщ крутится где-то поблизости. Но на сей раз я схвачу его живым или мертвым. Лучше мертвым!

Она кинулась на мужа, словно хотела задушить его.

Он крепко сжал ее тонкие запястья и усмехнулся:

— Ну, ну! Не расходитесь, сеньора.

Он направился к выходу с балкона, говоря:

— Прикажете приготовить себе маскарадное платье. Завтра у нас гости.

— Я бы с удовольствием сшила саван, — ответила она.

— Вам еще рано на тот свет, Долорес.

— Вы не поняли меня, Дамфи. Я бы сшила саван для вас.

...Разъяренный упорством индейца, Боррето схватил раскаленное тавро, бросился с ним к дереву и занес его над Джо. Но кто-то с силой перехватил его руку. Жулиан возмущенно обернулся. Это был сам Джек Дамфи.

— Развяжи его, — распорядился он.

Боррето не двигался, удивленный.

— Ты что, оглох? Развяжи!

Недовольно ворча, Жулиан стал разрезать веревки.

Индеец Джо опустился на землю, ноги его не выдержали, он упал.

Дамфи, глядя на него, сказал:

— Завтра я устраиваю праздник, Жулиан. А утром ты отвезешь хозяйку в монастырь Санта-Клара.

Индеец отполз в сторону. Вскочил и, побежав, скрылся за корралем.

Боррето устремился было за ним, но Дамфи вновь удержал его.

— Но он же все слышал, хозяин! — возбужденно сказал Жулиан.

— Я для этого и говорил, — усмехнулся Дамфи.

Антонио Гемлин и индеец Джо стояли на границе владений Дамфи. Белый дом был виден за деревьями.

Гемлин положил руку на плечо индейца.

— Все, — сказал он, — дальше я пойду один. На этот раз они тебя не отпустят.

— Будьте осторожны, это похоже на ловушку.

— Может быть,— ответил Гемлин.— Ну, а если нет, и ее, действительно, увезут? Как я тогда буду жить?

Он достал револьвер и, покрутив барабан, проверил, полон ли он патронами. Потом, бесшумно шагая в высокой траве, направился в сторону белого дома.

Реактивный свист раздался в зарослях кустарника и сразу же сверху на Гемлина упала рыбацкая сеть. С деревьев прыгнули на него люди и повалили на землю.

Индеец Джо, стоя за деревом, схватился за нож. Но понял, что это бесполезно: человек десять вооруженных до зубов охранников окружили Гемлина, подняли его на ноги и повернули лицом к подошедшим сюда Дамфи и Боррето.

— Ну, вот и все, мистер Гемлин,— сказал Дамфи, разглядывая врага.— Надеюсь, завещание у вас готово?

— Мне оно ни к чему,— хладнокровно ответил Антонио.— Я не убивал, не грабил, как вы. Мне нечего оставить.

— Отдайте его мне, хозяин! — перебил его Боррето.

— Пожалуй, я так и сделаю,— задумчиво согласился Дамфи и доверительно сообщил Гемлину: — Жулиан всегда придумает что-нибудь забавное.

— Вы вовремя меня схватили, Дамфи,— усмехнулся Гемлин.

— Почему?

— Иначе я бы вас убил,— спокойно объяснил Гемлин.— Впрочем, еще не все потеряно.

— Вот как? — искренне удивился Дамфи.

— Я ведь игрок, и жизнь для меня не более, чем азартная игра, исход которой неизвестен. Главное, не терять надежду.

— Ты потеряешь ее вместе со своей кожей и кровью,— злобно пообещал Дамфи.— Жулиан! Что ты можешь предложить нашему гостю?

Боррето, зловеще улыбаясь, приблизился к Гемлину.

В это время слуга появился из-за кустов и спешно подошел к Дамфи:

— Хозяин! — обратился он к нему.— За вами прислали с промысла. Там что-то происходит.

— Коня! — крикнул Дамфи.

Он быстро направился к дому. Но все же не забыл сказать Боррето, кивнув на Гемлина:

— Пусть он доживет до утра.

Гигантский черный столб нефти с грохотом поднимался к голубому небу и падал на землю. Нефть все прибывала и прибывала.

Дамфи бежал к фонтану. За ним спешил Чарли. Дамфи упал на колени, зачерпнул обеими руками густую черную жидкость. Он смотрел на нее влюбленно, не отрываясь. Потом провел ладонями по лицу ближайшего к нему рабочего. Тот улыбался. Дамфи достал бумажник, вынул из него купюру и с размаха прилепил ее на лоб рабочего, измазанный нефтью.

— Пятьдесят долларов премии каждому!

Рабочие подбросили в воздух шляпы и троекратно прокричали:

— Гип-гип, ура!

Только сейчас Дамфи заметил, что рядом стоит Конрой и пристально на него смотрит.

— Поздравляю вас, Габриэль! — радостно сказал Дамфи, протягивая ему черную от нефти руку.

Конрой скрытал свои руки за спину и, глядя на ладонь компаньона, сказал:

— Она как будто в крови у вас, Дамфи.

— Что? — меняясь в лице, спросил банкир.

— А, может, это кровь судьи Флеминга? — тихо спросил Конрой.— Поняли мою мысль?

Он повернулся и пошел с промысла.

— Что ж,— негромко проговорил Дамфи, провожая его задумчивым взглядом.— Что ж, в конце концов, все мы смертны. И еще не было случая на свете, чтобы лезавший в колыбели избежал гроба.

— Что ты задумал, Джек? — спросил Чарли.

— Конрой ведь тоже когда-то лежал в колыбели, — ответил Дамфи. — Ты меня понял, Чарли?

— Я тебя понял, Джек, — тихо сказал Чарли.

— Мистер Дамфи! И запомни это! — он яростно схватил своего управляющего за отвороты куртки. — Я мистер Джек Дамфи — один из самых богатых людей Америки!

Счастливец Чарли подошел к дому Конроя. Жюли стояла на ступенях лестницы, глядявая туда, где на фоне неба и гор все выше возносился нефтяной фонтан.

— Вы не видели Габриэля? — спросила она у Чарли.

— Видел час назад на промысле. Потом он пошел, по-моему, к могиле Флеминга. Наверное, он скоро придет. К несчастью!

Жюли встревожилась:

— Что случилось, Чарли?!

Он молчал, не решаясь заговорить. Наконец все же сказал, понизив голос:

— Каждый вечер, ровно в шесть, мистер Конрой садится у окна в гостиной и выкуривает трубку... Так?

— Да, — удивленная его странным тоном, ответила Жюли.

— Ну так вот, — продолжал Чарли, оглянувшись по сторонам. — Сегодня пусть он не подходит к окну.

— Почему? — тоже оглядываясь, испуганно прошептала Жюли.

— Не спрашивайте меня, я все равно ничего не скажу. Просто сделайте так, чтобы в шесть его не было у окна. Но не говорите никому о нашем разговоре. Поклянитесь!

— Клянусь!

— Никому! — внушительно повторил Чарли. — И в первую очередь ему. Я хочу жить, миссис Конрой. Мне почему-то нравится это занятие.

Он приподнял шляпу и, не дожидаясь вопросов, быстро ушел, оставив растерянную Жюли.

На чердаке дома, стоявшего напротив особняка Конроя, расположились два человека. Они были одеты совершенно так же, как все старатели: куртка, клетчатая рубаха, цветной платок на шее, шляпа.

Они достали спрятанные под куртками ружья с длинными стволами и устроились рядом у запыленного слухового окна. Один локтем осторожно ударил по стеклу. Оно разбилось с легким звоном. Теперь стал хорошо виден фасад противоположного дома и большое светлое окно гостиной.

Ружья они положили так, что они были все время под рукой и наготове. Потом поставили между собой на пол почти полную бутылку виски и два металлических стаканчика. Налили, выпили, снова налили, и все это, не отрываясь от окна гостиной, в котором сейчас была видна Жюли.

Она ходила по гостиной, а в глубине ее, у дверей, стоял Конрой.

— Почему ты все время молчишь? — спрашивала она. — Скажи мне хоть что-нибудь, умоляю тебя!

Но Конрой молчал.

— Я знаю, ты не можешь простить мне ту ночь, когда я уговорила тебя не сопротивляться бандитам. Я поступила ужасно, но ни у меня, ни у тебя не было иного выхода, клянусь! Я ни в чем не обманула тогда тебя, Габриэль!

Конрой молчал.

— Нет, я все-таки заставляю тебя говорить! Знаешь, как я вышла за тебя замуж? Дамфи приказал мне это сделать, чтобы прибрать к рукам твою нефть. Теперь обругай меня, ударь, убей, только не молчи.

Конрой по-прежнему молчал.

— Нет, не верь мне, Гейб, — говорила она. — Я сама не знаю, что несю. Я ведь и вправду люблю тебя, как никому в моей

проклятой жизни. Я никогда раньше не знала таких чистых людей, как ты. Ты не стыдился моего прошлого, хотя знал, откуда я пришла к тебе. Каждая женщина, даже последняя шлюха, мечтает о настоящей и нежной любви... И то, что я сделала,— это только ради моей любви к тебе...

Она протянула к нему руки.

Конрой молча повернулся и вышел.

Долорес печально смотрела на себя в большое стенное зеркало. Две мулатки закаливали и подшивали на ней черное с блестками маскарадное платье.

У дверей дома сидел на стуле Боррето. На коленях у него лежало ружье.

Генри Йорк и Джо внимательно следили за ним из-за угла. Наконец, Генри нетерпеливо выхватил револьвер и навел его на Боррето. Но индеец, быстро протянув руку, отвел дуло и предостерегающе приложил палец к губам. Затем снял со спины лук, вынул стрелу и натянул тетиву.

Боррето запрокинул голову, выливая в себя из фляги остатки текилы.

Индеец тихо свистнул, привлекая к себе внимание. Жулиан посмотрел в его сторону... и это был последний взгляд в его жизни. Стрела беззвучно впилась ему в горло, и он рухнул на землю.

Генри бросился к двери, рванул ее на себя. Она была заперта. Тогда он разбежался, подпрыгнул и, ухватившись за перила, подтянулся и ловко перенес тело на балкон.

Мулатки в ужасе смотрели на человека с револьвером, появившегося на пороге комнаты. Долорес обернулась.

— Прошу прощения, миссис,— галантно сказал журналист.— Но, к сожалению, я не смог заранее предупредить вас о своем визите.

Часть табуна мустангов держали на ранчо в отдельном коррале, огороженном высокими гладкими дощатыми стенами. Дикае лошади с ржанием метались по загопу. Среди них был заперт Гемлин. Вокруг

коррала прохаживались вооруженные охранники.

Долорес и Генри стояли на балконе.

— Нет, это невозможно,— с отчаянием сказал Генри, показывая на загон.— Чтобы его спасти, нужен воздушный шар!

Долорес что-то напряженно обдумывала, вдруг она торжественно улыбнулась.

— Я знаю, что делать! — сказала она.

В большом коррале лениво паслось огромное стадо быков.

Двое пастухов с бичами дремали у загородки. Увидев подъехавших Долорес и Генри, они сразу же встали и поклонились.

— Открой загон! — приказала она нетерпеливо.

— Нет, сеньора.

— Вы что, меня не узнаете?

— Узнаем, сеньора.

— Так открывайте же!

— Нет, сеньора.

Тогда Долорес верхом смело рванулась прямо на стадо. Она приподнялась на стременах и, приложив руку ко рту, издала пронзительный клич степных пастухов. Щелкая в воздухе бичом и умело лавируя лошастью среди моря бычьих спиц, она погнала стадо из загона прямо на корраль с мустангами.

Люди, охранявшие корраль, с ужасом увидели, что на них в облаке пыли несется лавина быков. Они бросились в сторону, но было уже поздно. Стены коррала затрещали и рухнули. Освобожденные мустанги вырвались на волю.

На одном из них, уцепившись за гриву, впереди всех скакал Гемлин.

Через некоторое время к нему присоединились его спасители.

Быки и мустанги промчались мимо.

Четверо людей ничего не говорили, они тяжело дышали и молча смотрели друг на друга.

— Ну что ж, приятная вышла прогулка,— сказал Генри.— Я бы с удовольстви-

ем продолжил ее, господа, но нам, Тоньо, нужно в поселок. Там что-то неладно в доме у наших друзей Конроев.

— Едем, Генри,— сказал Гемлин, глядя на Долорес.

— Едем,— сказала она.

— Но назад дороги уже не будет,— сказал он.

— Что ж, тогда значит — только вперед! — сказала она.

Они прищипорили лошадей и поскакали.

Люди на чердаке подняли с пола ружья и выставили стволы наружу. Одновременно они поймали на мушку свою цель — окно гостиной...

Габриэль Конрой в черном скюртуке, держа в одной руке котелок, а в другой — кисет с табаком и неизменную трубку, вошел в гостиную.

У окна стояло простое деревянное кресло, скамеечка для ног и маленький столик, на котором были приготовлены пепельница, спички и прочие принадлежности для курения. Габриэль направился к креслу.

— Габриэль! — крикнула Жюли.

Голос ее был так странен, что он остановился и посмотрел на нее.

— Габриэль...— повторила она, не зная еще, что скажет дальше, и вдруг неожиданно тихо спросила: — Ты еще помнишь, как я пела?

Он вздохнул и ответил:

— Да, Жюли, вот это я помню.

Она откинула белую крышку фортепьяно, пробежала пальцами по клавиатуре и начала петь, оглядываясь на мужа, точно боясь, что он передумает и не будет ее слушать.

Но он слушал, опустив голову.

Она прервала пение. Солнце светило из-за крыш поселка. Жюли взглянула на окно, ставшее багровым от закатного света, и сказала:

— Нет! Я хочу, чтобы ты по-настоящему вспомнил, как я пела тогда. Дай-ка мне свой скюртук!

Он не успел опомниться, как она сняла с него скюртук, отобрала котелок и надела на себя. Теперь она преобразилась в прежнюю Жюли Приюдом, актрису и певицу из ночного кабаре.

Она проиграла на фортепьяно первые такты мелодии и запела, словно бросая вызов судьбе:

Кто этот человек
в черном плаще и на коне?
Лицо его закрыто маской,
а глаза мрачны.
Я боюсь его,
потому что у него злые мысли...

Жюли исполняла свой номер точно так же, как некогда на эстраде. Передвигаясь в танце по комнате, она оказалась между Конроем и окном.

— Я боюсь его, потому что он следит за мной...

Конрой слушал ее, и улыбка вновь появлялась на его лице.

— Тебе вредно... тебе нельзя танцевать,— вдруг обеспокоенно сказал он.

— Можно! Мне все сейчас можно! — крикнула она и неожиданнохватила у Конроя его трубку.

— Я боюсь его, потому что он вооружен и очень опасен!

Она села на ручку кресла, положила ногу на ногу и спела, глядя на мужа:

Будьте и вы осторожны
с этим человеком,
Ведь он вооружен и очень опасен!

Она прицелилась трубкой, как револьвером. И в это время один за другим грохнули два выстрела...

Развороченная земля, поваленные бревна изгороди, кровь на песке, изуродованные группы охранников, туши быков — таким увидел свое ранчо Джек Дамфи.

Он подъехал к дому. На пороге лежал мертвый Боррето, стрела торчала из его горла.

Слуги вышли навстречу хозяину.

— Где миссис Дамфи? — спросил он.

Мулатки молчали. Вакерос и негры стояли, опустив головы.

Внезапно за деревьями насмешливо взвизгнула флейта, басом заговорили трубы, ударил барабан.

Он вздрогнул и поднял голову:

— Что это?

— Музыканты, масса, — поклонился чернокожий слуга. — Вы приказывали...

— К черту! — крикнул он.

И в этот момент появились два человека, недавно сидевшие с ружьями на чердаке. Увидев их, Дамфи встал со стула.

— Ну? — тихо сказал он.

— Все в порядке, — ответил один из них.

Дамфи схватил его за плечи, притянул к себе.

— Ты видел? Он мертв?

— Мертвее не бывает.

Дамфи снял шляпу и перекрестился.

— Позовите мистера Чарли, — уже совсем иным, бодрым, хозяйским голосом распорядился он.

— Его нигде нет, масса, — ответил негр.

— Нет? Странно... Ну, ладно! Ставьте столы, и веселей, веселей! Скоро будут гости!

Гемлин, Долорес, Генри и Джо придержали лошадей у дома Конроя. Их встретили молчаливые и скорбные жители поселка Сент-Джо.

Генри первым вбежал в гостиную. В дверях стоял Конрой, в глазах у него была тоска.

— Жив! — облегченно воскликнул журналист. — А где Жюли?

— В рая, — сказал Конрой.

Она лежала на ковре у окна в мужском сюртуке, рядом были котелок и трубка мужа.

Разноцветные фонари, спрятанные в деревьях, празднично освещали парк перед домом Дамфи. Всюду стояли столы, уставленные едой, вазами с горами фруктов и огромным количеством бутылок.

Гостей было много. Постарше и посolidнее — в белых смокингах, сюртуках, парадных мундирах. Остальные — в масках, домино и самых неожиданных карнавальных нарядах.

Мистер Джек Дамфи, стоявший во главе центрального стола среди наиболее именитых гостей, поднял бокал.

— Господа! — громко сказал он. — Пока золото и нефть, хлопок и сахар будут принадлежать нам с вами, Америка будет могущественной и процветающей, и это так же верно, как то, что завтра встанет солнце!

Под аплодисменты гостей он осушил бокал.

Грянула музыка. Над парком взорвались ракеты фейерверка. Они поднимались к темному небу, образуя заключенную в вензель огромную яркую надпись: «Джек и Долорес Дамфи».

— Почему мы не видим вашу очаровательную жену? — спросил у хозяина седой генерал.

— Нездорова, — коротко ответил Дамфи. — Она выйдет позже.

Он подозвал слугу-негра в белой куртке.

— Найди мистера Чарли.

— Слушаюсь, масса.

Огни фейерверка взлетали над парком.

На площадке перед столами появилось несколько негров с гитарами. После них на площадку ворвались мексиканцы-пеоны в карнавальных масках. Они закружились в пляске.

— Чем вы так озабочены, мистер Дуглас? — спросил Дамфи у своего соседа. — Веселитесь! Акционеры банкирского дома «Дамфи» могут себе это разрешить сегодня!

— Я получил непонятное известие из Сан-Антонио,— ответил мистер Дуглас.— На бирже паника, ходят какие-то странные слухи.

— О чем?

— О вас, Джек,— нерешительно сказал он.

— Все это ерунда, не верьте, Дуглас! Сегодня я так силен, что сверну шею любому.

Слуга-негр склонился к нему.

— Мистер Чарли просил вас подойти к нему, масса.

— Он с ума сошел! Мне? К нему?

— Он очень просил, масса. Он сказал, что совсем болен и не может идти.

Дамфи пожал плечами, поставил на стол бокал и пошел за слугой. Не упуская из виду его белую куртку, он все более углублялся в парк. Вдруг негр куда-то пропал. Дамфи остановился.

Он был на небольшой поляне, куда почти не доходил свет фонарей. Вокруг него сидели на лошадях всадники в черных матерчатых капюшонах с прорезями для глаз, поперек седел у них лежали ружья.

— В чем дело? — гневно спросил Дамфи.

Один из всадников развернул перед ним какой-то рулон. Это была простреленная карта Флеминга. Счастливчик Чарли снял маску. Сняли маски и остальные. Среди них был Стрелок Гарри и адвокат Старботтл.

— Тебе конец, Джек,— сказал Чарли.

— Думаете меня испугать? — презрительно усмехнулся Дамфи, а Старботтл перебил его:

— Как это ни печально, Дамфи, но сегодня в суд поступили подробные сведения о твоём прощом.

— Я куплю и продам этот вонючий суд со всеми его потрохами!

— Не на что, сынок,— раздался спокойный голос, и из темноты, ласково улыбаясь, вышел маленький аккуратный старик с благостным лицом — мистер Тротт.

Его появление было полной неожиданностью для Дамфи.

— Я же тебе говорил,— продолжал мистер Тротт.— Больно ты шикарно живешь, так нельзя. Я вот себе дорогую материю не покупаю, зато накопил немного деньжонок и скупил твои акции. Так что ты, сынок, не обижайся. Сегодня погуляй напоследок, а потом, если хочешь, возьму тебя управляющим.

Дамфи молча глядел на него.

— Нет! — наконец хрипло, задыхаясь, сказал он.— Нет, я еще жив.

Внезапно стих отдаленный гул голосов, смех и музыка. В просветах между стволами стало видно огромное зарево.

— Что это? — встревоженно сказал Чарли.

— Что это? — прошептал Дамфи и страшная догадка пришла к нему.— Это горит Сент-Джо!

По ночной прерии, не разбирая дороги, летели на лошадях люди. Удивительное это было зрелище! Хмельные люди в масках и карнавальных костюмах в жуткой степной тишине скакали навстречу поднимающемуся над горизонтом столбу пламени.

Горящая нефть вздымалась вверх, вспыхивала, падала, снова летела в небо и снова падала. Вся эта масса, кипящая и пылающая, превращалась в огненную реку и лавой текла по долине, закрываясь клубами дыма.

В тот момент, когда Дамфи, мистер Тротт, Чарли и гости наконец появились на горящем промысле, порыв ветра отнес поток нефти и газа в сторону и мелькнул черный скелет вышки, окутанный пламенем.

Дамфи как безумный озирался вокруг. Первыми, кого он увидел среди испуганно толпящихся здесь людей, были Долорес и Гемлин.

— Это ты! Ты! — закричал он, бросаясь на них.

— Нет,— услышал он.— Это я.

Он обернулся. Перед ним стоял Габриэль Конрой.

— Это я. Смотри! Кровь Флеминга, кровь Жюли, кровь всех, кого ты погубил, мстит за себя!

Он медленно наступал на Дамфи. Тот пятился от него, отступая к огненной реке.

— Я бы мог задушить тебя, убийца,— говорил Конрой,— но не стану марать об тебя руки. Ты и так мертвец. Ты живой мертвец.

Столб пламени и дыма поднимался в высь.

Утром розовый рассвет вставал над пожарищем. Огромное плоское солнце поднималось из-за леса. Становилась видна изуродованная черная земля.

Люди стояли молча и угрюмо смотрели на стихающий пожар.

Конрой был в старательской куртке с вапелочной сумой. В одной руке он держал

лопату, в другой — свернутую в рулон афишу с изображением Жюли.

Он грустно посмотрел на Додорес, на Антонио, на Генри и сказал друзьям громко:

— Ну я пошел. Догоню своих ребят. Говорят, они подались к Сосновой горе. Может, они простят меня.

Он отошел на несколько шагов, обернулся, поднял старую шляпу на черенке лопаты в знак приветствия и сказал:

— А все-таки я уничтожил эту заразу. Поняли мою мысль? — И побрел по дороге.

Его друзья смотрели, как невысокий, широкоплечий человек идет по большой степной дороге к далеким, голубым горам.

А в нескольких десятках метров от горевшего промысла в траве, зеленой и случайно не тронутой пожаром, сочился, пробиваясь, понемногу вырастая над землей, фонтанчик нефти.

Над ним задумчиво стоял мистер Тротт, миллионер.

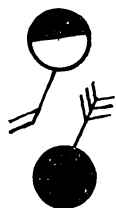
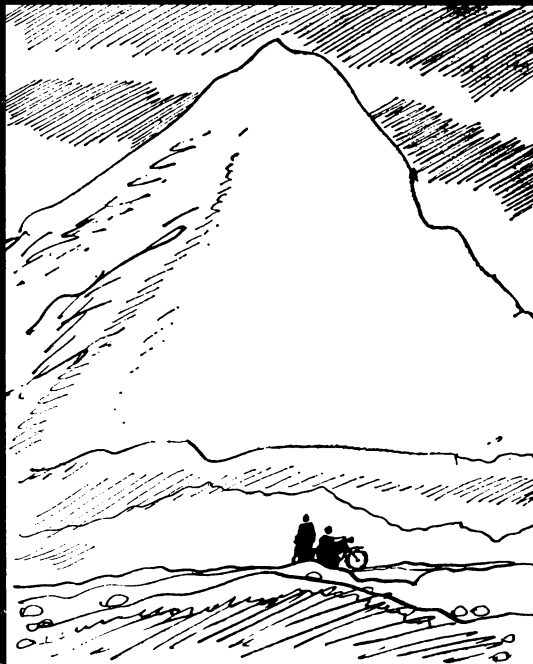
ВРЕМЯ И ГЕРОИ БРЕТ ГАРТА

Фильмы приключенческого жанра всегда вызывают горячий интерес зрителей. И тем досаднее, что таких фильмов — с благородной мыслью, увлекательной фабулой, яркими характерами — еще так мало на наших экранах. Становление и обогащение традиций приключенческого жанра — одна из задач советской кинематографии. И, конечно же, значительные произведения мировой и советской литературы здесь, как и всегда, — первые помощники.

Фрэнсис Брет Гарт вошел в историю американской литературы как романтический певец дальнего Запада США. В пятидесятых годах прошлого века он сам некоторое время жил в поселке золотоискателей. Именно здесь, по свидетельству Марк Твена, писатель научился «запечатлеть на бумаге лесные пейзажи Калифорнии и ее своеобразные черты: дилижанс, его возницу и пассажиров, костюм и все повадки золотоискателя...» Совершенно очевидно, что киножанр «вестерн» возник из этого бретгартовского колорита. Правда, создатели «вестернов» довольно часто тем и ограничивались, как бы не замечая острой социальной критики, содержащейся в произведениях Брет Гарта.

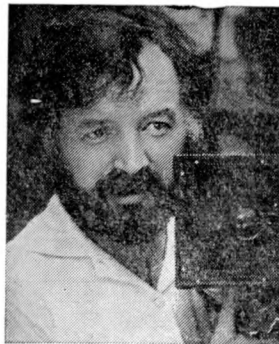
В сценарии «Вооружен и очень опасен» В. Владимиров и П. Финн, отказавшись от простого переложения сюжета, предлагают вольную драматургическую композицию. Листая страницы сценария, мы знакомимся не с каким-то одним произведением Брет Гарта, а со многими его сочинениями разом. Воскрешая с детства знакомый бретгартовский колорит, авторы создали оригинальное и увлекательное литературное произведение, обладающее определенной социально-познавательной ценностью.

Леонид Трауберг, кинорежиссер.

СЦЕНАРИИ КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ
ФИЛЬМОВ

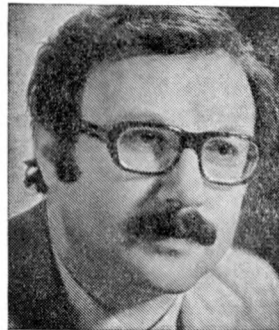
ПРАКЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ КВИРИКАДЗЕ (родился в 1939 году) окончил режиссерский факультет ВГИКа. Его дипломный фильм «Кувшин» получил ряд союзных и международных призов. На киностудии «Грузия-фильм» И. Квирикадзе снимает художественный фильм «Городок Анара — факты и вымысел» по своему литературному сценарию, состоящему из трех новелл, одна из которых «Помогите мне взобраться на Эльбрус» публикуется в альманахе.

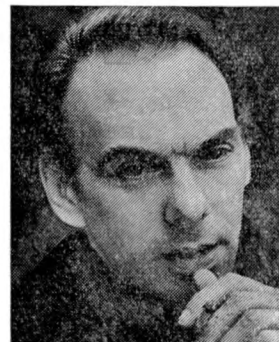
РЕВАЗ ЛЕВАНОВИЧ ГАБРИАДЗЕ (родился в 1936 году) учился на факультете журналистики Тбилисского университета, а затем работал в газетах Грузии. В 1968 году закончил Высшие сценарные курсы. Его перу принадлежат литературные сценарии художественных фильмов: «Не зорюй», «Необыкновенная выставка», «Чудаки», «Странствующие рыцари» и короткометражных фильмов: «Серенада», «Кувшин», «Феола», «Белые камни» и др.

РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ (родился в 1939 году) по образованию — инженер. Работал в Институте кибернетики Академии наук Азербайджана. С 1962 года стал выступать в печати с литературными произведениями. В 1967 году закончил Высшие сценарные курсы. Является автором ряда прозаических сборников, пьес, киносценариев. Им и при его участии созданы сценарии фильмов «В этом южном городе», «Повесть о чекисте», «Белое солнце пустыни», «И тогда я сказал — нет».

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАТАЛОВ (родился в 1928 году) окончил Школу-студию МХАТ, по профессии — актер. Снимался во многих фильмах, в том числе: «Летят журавли», «Дама с собачкой», «Девять дней одного года». Как кинорежиссер А. Баталов поставил три художественных фильма: «Шинель», «Три толстяка», «Пэрок».

Ираклий Квирикадзе

ПОМОГИТЕ МНЕ ВОЗВРАТЬСЯ НА ЭЛЬБРУС

В Анаре рассказывают одну историю, которая всегда вызывает недоверие слушателей, настолько она неправдоподобна.

История эта произошла с Варламом Вашаломидзе, коренным жителем Анары. Он единственный анарец, одетый в черкеску, старую, но всегда аккуратно облегающую его стройную стариковскую фигуру, восседающую на инвалидном кресле-коляске. Его сухое лицо на тонкой жилистой шее смотрит на вас напряженно, не дает права думать о нем жалостливо, сострадательно, он не терпит этого, он ровня вам, умеющим ходить, бегать.

Он гордо сидит в коляске, вечно затянутой в черкеску, бесшумную во все времена года, только осенью и зимой добавляет к своему наряду папаху из серого каракуля.

Таким, каким мы описали Варлама Вашаломидзе, суровым и слегка надменным, бывает он при встрече с незнакомыми ему людьми; среди друзей же он улыбкив, весел, приветлив.

Живет он на окраине городка в большом каменном доме, который когда-то выстроил сам, своими руками. Он любит рассказывать о времени, когда на склоне Свиной головы он облюбовал место для дома. Днем и ночью ломал камень, рыл котлован, возводил фундамент.

Гордостью его был винный подвал, в котором он зарыл огромные винные кувшины. Этот подвал долгое время был един-

ственным местом, где можно было спать Варламу и его молодой жене Ксении. Большая никелированная кровать стояла посреди яблок и груш, сваленных душистыми горами на цементный пол.

По утрам, ослабевшие от неистовой молодой любви, поднимались они по тоненьким строительным мосткам вверх, чтобы вместе возводить стены, строгать, сколачивать оконные рамы, укладывать пол, ступеньки лестниц, черепицу крыши.

Дом рос медленно, постепенно обретая тот вид, каким представлял его Варлам до постройки.

Виноградная лоза оплела каменные подпорки и покрыла густой занавесью весь балкон.

На пригорке, освещенном солнцем, посадил он четыреста кустов «ркацители». Все четыре времени года вращивал он их, ухаживал за каждым кустом, срезал ненужные побеги, собирал опавшие гроздья, давил их тщательно мытыми ногами, сливал сок в кувшины, слушал по ночам шум бродящего молодого вина, переливал вино из одних кувшинов в другие для хорошего букета. Так шла жизнь виноградаря. Летом — под необъятным голубым небом, зимой — у домашнего очага, разве что приходилось иногда выходить наружу и, утопая в глубоком снегу, идти к винограднику, который требовал постоянного к себе внимания и ухода.

Растил он с Ксенией двух сыновей. Когда началась война, ушел с первых дней

ее на фронт. Когда вернулся, родила Ксения ему еще одного, третьего.

Дети быстро выросли и все один за другим уехали из Анары. Опустел дом Варлама.

Ему и Ксении, как и всем родителям, хотелось, чтобы их сыновьям было хорошо в жизни. Он, как мог, удерживал сыновей подле себя, но когда они уехали и где-то там, на стороне, устроили свою жизнь, он не был в обиде на них, хотя сознавал, что остался один с женой, что стареет, что силы уже не те, и иногда, чтобы не упасть, приходится подержаться за дерево, стену, изгородь.

Рана, полученная на фронте, со временем затруднила движения Варлама, и вот настал день, когда он не мог ходить сам и пришлось ему сесть в инвалидную коляску. Несмотря на это, он продолжает хозяйствовать в доме, любить охоту и даже, более того, в душе вынашивает одну фантастическую идею, но об этом... попожее.

Сейчас мы видим на одной из лесных полян, в окрестностях Анары, Варлама и его постоянного спутника в охоте Сидамона, работающего механиком в Анарском клубе.

Варлам сидит в инвалидной коляске и держит на коленях старую двустволку. Сидамон подталкивает коляску, зорко всматриваясь в заросли.

Впереди, шурша в желтой осенней листве, бежит собака по кличке Дездемона, старая сука явно не охотничьей породы, которую анарские охотники ценят за высокий профессионализм при выслеживании куропаток, зайцев и лисиц. Однажды ее растерзал на части дикий кабан, но Дездемона выжила, хромая и одноглазая, вновь занялась охотой.

Хозяин и собака похожи друг на друга. У обоих повреждены ноги, разве что Варлам не может стоять на своих, а Дездемона стоит и даже быстро бегаёт, но как-то нелепо, через шаг приваливаясь вниз к земле. Оба они заядлые охотники.

С Сидамоном Варлама связывает старая дружба. В самом городке они редко встречаются, так как у кинемеханика много забот: сначала привезти фильм, потом прокрутить его по пять сеансов в день, а Варлам не особо большой любитель кинозрелищ. Но от случая к случаю, решившись на совместную охоту, они уходят из города, и в такой день не удивляйтесь, встретив где-нибудь в окрестностях Анары, на лесной поляне, старого человека в черкеске, восседающего в инвалидной коляске, с ружьем, нацеленным в пролетающую птицу, собаку с перебитым хребтом, застывшую в стойке, и лысоватого грузного мужчину в поношенном чесучовом кителе, молча следящего за траекторией падения подстреленной птицы.

Если день выдается неудачным и охотничьи сумки пусты, это не очень печалит друзей. Продвигаясь сквозь кустарники, меж деревьев, опускаясь к прохладным ручьям, они ведут долгие разговоры о жизни, о прошлом, о свершенных делах, увлечениях.

Вот Варлам, опустив ружье, повернулся к своему спутнику:

— Я стар! Не разубеждай меня в этом, Сидамон! Я все думаю, что осталось от меня — того, какой я был когда-то, в двадцать лет? Ничего не осталось, кроме умения веселиться и радоваться жизни... Я все осуществил, что желал, Сидамон.

Варлам замолчал, так как Дездемона застыла в стойке. Она медленно пошла к кусту. Но там никого не оказалось. Дездемона виновато посмотрела на хозяина, но тот, вновь увлекшись разговором, продолжал:

— Вот не помню, какой это был год... кажется, двадцать второй. С этого года уже больше пятидесяти лет прошло, не могу забыть обиду...

— Какую обиду?

— Было мне восемнадцать, я тогда на лесопилке работал, был силен, как буйвол. Меня взяли грузчиком один люди. Они хотели подняться на самую высокую гору

Кавказа. Сидамон, ты знаешь, какая это гора?

Сидамон, видимо, не знал, но делал вид, что задумался и вот-вот вспомнит название горы. Варлам выждал и ответил сам:

— Эльбрус!

— Да, Эльбрус! И что там случилось?

— Заплатили мне деньги, навалили свои мешки мне на голову, и я понес их...

— На самую вершину?

— Сидамон, я был так силен, что мог, не снимая их с головы, подняться на вершину Эльбруса. Но они не позволили мне. Я нужен был только как грузчик, который довес всю тяжесть до места, где велели скинуть мешки.

— А много осталось идти?

— До вершины рукой было достать. Я слышал, как они цели на вершине. Но они, видишь ли, были профессиональными восходителями, в руках специальные топоры, чтобы во льду ступеньки вырубать. А я в своих старых сапогах дотопал бы до вершины. Зло такое взяло меня. Так хотелось, так хотелось, даже заплакал, помню. Сажу один внизу, подо мной горы, облака, вся Грузия видна, весь мир... Ты знаешь, Сидамон, вот уже пятьдесят лет прошло... Но эту обиду, когда вспомню... Я дал себе слово, что вернусь обязательно и поднимусь на вершину... Но потом жизнь, дела, заботы... и все это время меня мучило, что не сдержал слово... Сейчас мне семьдесят лет. Разве что, когда умру, призовет меня господь, буду лететь вверх к богу, обязательно подлечу к Эльбрусу, посижу там на вершине недолго, а потом полечу дальше.

Озорная мысль, которая пришла в голову Варламу, как едипственный ныне способ осуществить свое давнишнее желание, рассмешила обоих друзей.

Они продолжали медленно двигаться по желтой листве осеннего леса...

Когда Варлам вернулся домой, его ожидала радость — приехал младший сын Ясон. Об этом сообщила Ксения, указав на двери винного подвала, где мылся с дороги Ясон. Ксения несла в кастрюле горя-

чую воду. По пути она шепнула Варламу, что Ясон вроде бы приехал совсем, что он рассорился с женой и ушел от нее...

Дездемона, почувствовав Ясона, с радостным лаем вбежала в подвал, откуда вскоре появился и он сам, растирая полотенцем редкие волосы. Ясон был лысоват в свои тридцать шесть лет.

До отъезда из Анары Ясон работал сторожем в виноградниках анарского совхоза. Он любил одиночество, любил молча улыбаться кому-то, невидимому для окружающих, и тихо беседовать с тем, кому он улыбался. Целыми днями сидел он на востыжении среди винограда, зреющего на ярком солнце.

Совершая долгие прогулки по горам, приносил большие мешки лечебной травы и ягод. Вместе со своей матерью варил, выцеживал густые навары во множество бутылок. Эти лекарственные снадобья от разных болезней рассылались родственникам и знакомым бескорыстно, только от желания быть кому-нибудь полезным. Умел он также чинить часы, умел шить кепки, сапоги, делать скрепки для чистки винных кувшинов, изобрел состав, выводящий всевозможные пятна. И несмотря на все это, многие считали, что Ясон не выдался умом. Неужели только потому, что не любил он участвовать в долгих разговорах о количестве выпитого на прошлой свадьбе вина, о молодой учительнице математики, приехавшей преподавать в анарскую школу, о ее бюсте и длинных ногах, так взволновавших всех анарских мужчин, и о многом другом, о чем говорили, собираясь по вечерам на площади перед киноklubом?

В отличие от двух старших сыновей Варлама, которые давно уехали из Анары и обычно приезжали раз в год, когда в подвалах отцовского дома бродило молодое вино, Ясон, считавшийся тихоней и домоседом, только прошлой зимой уехал из Анары, и то не по своему желанию, а по наставлению братьев, нашедших ему богатую невесту в Кутаиси. Невеста была дочерью начальника одного из старших

братьев, человека делового. Ей очень хотелось иметь мужа, но при том, что она была некрасива да еще не первой молодости, это было делом нелегким. Братья сделали все для того, чтобы Ясон уехал из Анары и поселился в Кутаиси, в доме жены.

Обычно Ясон молча сидел среди родственников жены и чувствовал, как они разглядывали его, одетого по вкусу жены, шептались меж собой, смеялись тайно над его нелепым видом и молчаливостью. И если кто-нибудь за столом позволял себе вслух пошутить, все равно эта шутка не доходила до Ясона.

Однажды среди общего смеха Ясон встал и, выйдя в соседнюю комнату, открыл створку большого дубового шкафа, влез в него и заперся изнутри...

Жена, родственники и гости окружили шкаф, просили Ясона выйти, кое-кто даже пытался, правда безуспешно, открыть его, но он не выходил и просидел весь вечер в темном шкафу. А в другой раз разразился скандал, после которого Ясон был изгнан из дома своей жены.

Вот об этом скандале и рассказывал Ясон своему отцу, стоя под старым грушевым деревом во дворе.

...В доме жены жила одна старуха, дальняя родственница, которая всегда сидела на кухне. По утрам, когда Ясон выходил на кухню, она хватала его за брюки, спрашивала: «Ты хорошо живешь с женой? Довольна она... а?» Все находящиеся на кухне смеялись. Вот эта старуха однажды спустилась во двор, подошла к собаке, которая лизывала разодранное в уличной драке ухо, и выжала несколько капель собачьей крови в маленький стаканчик.

Вернувшись на кухню, она тихо сказала жене Ясона и ее матери, что Ясон должен выпить это с вином и тогда он перестанет быть молчаливым, а будет, как все. Мать жены верила предсказаниям старухи и всегда слушалась ее, поэтому во время обеда вынесли из кухни стакан вина и поставили перед Ясоном. Он же, случай-

но слышавший разговор на кухне, решил разыграть семейство и сделал то, что мы с вами должны расценить как поступок совершенно нормального человека с большим чувством юмора.

Он выпил этот стакан вина. Старуха, жена, мать жены внимательно смотрели на него. Тогда, встав со стула, он опустился на пол, и, быстро перебирая руками и ногами, двинулся к середине комнаты, затем, остановившись, поднял голову и громко залаял...

Все выскочили из-за стола, старуха закричала, жена упала в обморок. Вскоре Ясон был посажен в поезд и выслан в Анару...

Варлам был рад возвращению сына. Ему не нравился мир, в котором жили два его старших сына, не нравились люди, с которыми они общались, не нравились дела, которыми они занимались и в которых, видимо, преуспевали, так как вот уже третий год приезжали они в отцовский дом на своих машинах со своими друзьями, такими же преуспевающими. Все они шумно рассаживались за столом, провозглашали чувствительные тосты за Варлама и Ксению, за апарскую землю, дающую такое чудное вино, и к вечеру так же шумно вставали из-за стола и уезжали, загрузив багажники бутылками вина из отцовского подвала.

Варлам внимательно слушал разговоры за столом, следил за сыновьями, пытался уловить, каковы же их истинные отношения с этими не знакомыми ему людьми, от которых, как он догадывался, зависели дела сыновей...

Когда Ясон уехал из Анары, Варлам тревожился за него, понимая, что младший сын никогда не станет взрослым, хотя ему уже тридцать шесть лет. И вот Ясон вернулся...

В один осенний вечер во двор к Варламу вбежал Сидамон и таинственно произнес:

— Пойдем ко мне в клуб! Я вам такое покажу!

Все вместе они вышли на улицу. Ясон привычно подталкивал инвалидную коляску Варлама, направляя ее к клубу. Отец и сын были одинаково рады общению друг с другом, прерванному несколько месяцев назад. Сейчас между ними была бесконечная близость и взаимопонимание.

...А в клубе их ожидала белоснежная вершина Эльбруса, искрящаяся под лучами солнца. Перед началом фильма показывали спортивную хроникку: спортсмены-мотоциклисты на ревущих мощных машинах покоряли Эльбрус. Всего три недолгих минуты длилось это зрелище. Варлам как замороженный смотрел на экран, где мотоциклисты, достигнув вершины, веселые и счастливые снимали свои шлемы и, обтирая свои вспотевшие лица, улыбались в объектив.

Диктор, комментировавший это зрелище, как бы призывая зрителей, говорил, что гора Эльбрус, когда-то труднодоступная для восходителей, теперь покоряется тем, кто смел, вынослив, кто хочет попытать свои силы, и что в этом году группа мотоциклистов спортивного общества «Труд» покорила высочайшую вершину Кавказа. После хроники был фильм, который Варлам с трудом досмотрел до конца.

Когда все зрители вышли из зала, к ним подошел Сидамон.

— Ну как, видели?!

— Сидамон, прошу тебя, покажи еще раз! Будь другом!

И снова засветился экран, и снова засверкала белоснежная вершина Эльбруса! Всю неделю до смены кинопрограммы Варлам и Ясон ходили в клуб смотреть на покорение Эльбруса. Всю неделю в доме шли разговоры об этом между отцом и сыном. И вот поздно вечером Сидамон, доставивший такое удовольствие, угощался вином в доме Варлама.

Хозяева и гость сидят на балконе. Ночные бабочки кружатся вокруг электрической лампочки, свисающей с потолка на длинном шнуре. Тихо, слышен только шорох множества крыльев, бьющихся о стек-

ло лампы. Сидамон наливает свой стакан до краев и долго смотрит на бабочек. Все молчат.

На балкон выходит голый мальчик лет пяти, оставленный соседями на ночь до приезда родителей, уехавших в Кутанси. Продолжая спать, он подходит к перилам балкона, и вниз, во двор, летится тонкая струйка, с тихим звуком разбиваясь о холодные камни. Сидамон, Варлам и Ясон с улыбкой смотрят на мальчика, который проходит мимо них с закрытыми глазами и исчезает в темноте комнаты.

— Дитя! — сказал Варлам, нарушив долгое молчание. Потом он повернулся к Сидамону и заговорил с жаром об Эльбрусе: — По ночам снится! Только засну, как на горячей сковородке вертит меня. Что бы я ни делал, чувствую, притягивает меня эта гора! Вот говорят, пожил ты, Варлам, и довольнo! Скоро полетишь на белых крыльях к своему Эльбрусу!

Сидамон прервал его:

— Это ты сам сказал, что скоро полетишь на белых крыльях к своему Эльбрусу!

И тут Ясон произнес фразу, с которой все и началось:

— Если б у нас был мотоцикл, я повез бы тебя на Эльбрус!

В глазах Варлама загорелся огонек, как в лампаде, в которую подлили масла...

— Ведь есть же путь, по которому поднялись эти мотоциклисты, — говорил Ясон, все более и более разгораясь. — Какая разница, их мотоцикл или наш. Водить его я умею. Если они лучше водят, то я поезжу по нашим анархическим подъемам, наловчусь не хуже их. Нам нужен мотоцикл с коляской. Ты будешь сидеть в коляске, мы пообедем все наши подъемы и горы. А потом — на Эльбрус!

Ясон говорил так громко, так возбужденно, что на балкон вышла Ксения, удивленная несвойственной ее сыну многословностью. То, что она услышала, заставило ее вскричать:

— В моем доме живут два ненормаль-

ных! Боже, за что ты так наказал меня?! Почему у всех мужья и дети нормальные, а у меня нет?!

Потом она обратилась к Сидамону, правда, не совсем трезвому, но единственному из сидящих за столом рассудительному человеку:

— Скажи мне, Сидамон, скажи хоть ты, что он оставил на этом проклятом Эльбрусе, может, какое сокровище? Почему он голову свою там не оставил, когда был в первый раз. Некому было бы возвращаться теперь за его дурной головой. Старый уже, по земле сам ходить не может, а все об этом Эльбрусе говорит... А теперь и этот заговорил! — указала она на Ясона, который при ее словах опустил глаза.

Не подумайте только, что Ксения женщина властная, крикливая, наводящая страх на окружающих, совсем нет — она жена и мать, нежно любящая своих детей и мужа, но она не может понять странную и бесконечную историю о восхождении на Эльбрус.

— В моем доме двое мужчин и оба ненормальные! — вновь повторяет она.

Варлам посмотрел на нее с таким выражением, что Ксения, прервавшись, удалилась в комнату...

Где достать денег на покупку мотоцикла? Мощного, с самым сильным двигателем?

Можно было продать двух свиней, но они еще не были откормлены; вино из кувшинов, литров четыреста набралось бы, да кур с десяток бродило по двору. Вспомнили об аккордеоне с перламутровыми клавишами, на котором когда-то учился играть средний сын Дито; сапоги хромовые, «офицерские», как называл их Варлам, выглядели новыми. Были также в доме винные рога, не такие большие, как у семейства Торшелидзе, но оправленные серебром и с серебряной цепочкой. Обеденный сервиз, приданое Ксении, решили не трогать.

Теперь осталось только продать все, что они наметили. Но как это сделать? Не

выходить же на улицу Анары с аккордеоном и, играя на нем, предлагать купить каждому встречному.

Первый энтузиазм, родившийся после подсчета на бумаге кругленькой суммы, достаточной на мотоцикл, постепенно угас.

В это время в Анару приехал Дито, средний сын Варлама. Он приехал по поручению семьи своего начальника, на дочери которого женат был Ясон. Дито сообщил родителям и брату следующее:

— Начальник и дочь простили Ясону ту сумасбродную выходку с собачьим лаем и велят ему вернуться в дом жены, так как бедная не может утешиться в одиночестве и ждет своего супруга в надежде, что он одумался и будет вести себя впредь прилично. Жена продолжает его любить, несмотря на то, что любить-то и не за что...

Ясон выслушал Дито и, когда тот кончил и велел собираться в Кутаиси, сказал, что не поедет.

Дито стал раздраженно ходить по двору и высказывать все упреки, которые заслуживал Ясон:

— Вместо того, чтобы обрадоваться, побриться, прилично одеться и помчаться в Кутаиси, выйти в люди, ты отказываешься от всего этого. До каких пор хочешь бесцельно шляться взад-вперед? Я нашел таких людей, которые свою единственную дочь отдали тебе. А ты что сделал? То залез в шкаф, то залаял как собака... Бедная твоя жена три дня в обмороке лежала, так ты ее наугад, еле отходили. Я со стыда готов был провалиться сквозь землю, когда узнал, что натворил мой брат с семейством, куда я его привел! Хорошо еще, что люди они незлопамятные. Простили. Сейчас зовут тебя назад в дом. Я бы близко не подпустил, а они зовут. И в какой дом! Не дом, а картинка...

Дито остановился, огляделся, чтобы убедиться, какое впечатление произвели его слова. Ясон стоял с обычным для него отсутствующим выражением.

Ксения, как бы принимая на себя все

вину непутевого младшего сына, смотрела на Дито с виноватым лицом.

Варлам разглядывал большого рыжего петуха, взлетевшего на перила балкона, расхаживающего взад-вперед.

Дито продолжал:

— Со временем все его будет, ведь дочь единственная, а он не хочет это понять... Ясон поднял голову, взглянул на брата:

— Не хочу... понять...

Как ни уговаривал Дито, как ни менял он грозного тона на ласковый и вновь на грозный, Ясон не поддавался, не желал уезжать из Анары. Пришлось Дито уехать одному, не выполнив поручения.

Но вскоре в Анару приехала большая группа людей — это была семья начальника, включая ту самую старуху, неприятно хватавшую Ясона по утрам на кухне. Приехало и много других людей, бывших частыми гостями в их доме.

Только что кончился сбор винограда, молодое вино перебродило в кувшинах и сейчас отдыхало, готовое для желающих насладиться им.

Ясон, загорелый от постоянного пребывания на виноградниках, босоногий, в старой рубашке, стоял посреди двора, разглядывая людей, выходящих друг за другом из трех машин. Старшие братья первыми подбежали к нему и радостными голосами зашептали:

— Жена приехала! Пойди оденься, не стой босой...

И началась шумная, суетливая подготовка к пиру.

Вынесли столы и стулья во двор, под грушевое дерево. Пока накрывали стол белой скатертью, один высокий гость взобрался на стул и стал срывать спелые груши. Он собирал их и раскидывал всем желающим. Смеясь, гости ловили, как мячики, брошенные в их сторону желтые сочные плоды.

На заднем дворе с кудахтаньем разбегались куры от преследующих их соседок, вызвавшихся помогать Ксении на кухне.

Наточив ножи, они обезглавили четырех кур. Компания дегустаторов шла в подвал пробовать вино. Предводитель их Дито вместе с Варламом решали, какой из кувшинов открыть для пробы. Маленький стаканчик обошел всех, и все, наслаждаясь, качали головами, выражая свое одобрение. Варлам сиял, польщенный...

Ксения готовила на кухне, лицо ее разгорячилось от жары. Изредка она выглядывала посмотреть, что делается под грушевым деревом, и не замечала там Ясона, из-за которого, как она понимала, приехало столько народу.

Ясон исчез. Как был босиком, он перемахнул через забор и ушел вверх по пригорку к Свиной голове.

А под грушевым деревом гости уже сидели за стол, заставленный множеством блюд. Вздурораженные, проголодавшиеся на свежем воздухе, принялись разливать густое розовое вино. Тамада наливал вино в винные рога и произносил тосты один за другим.

Жена Ясона, грустная, сидела за столом.

Отец ее отозвал в сторону братьев Ясона и недовольным голосом спрашивал у них, куда девался Ясон и где он прячется.

А Ясон в это время был далеко от дома. Он шел по скошенной траве и смотрел на большой красный шар солнца, медленно опускающийся за далекие, снежные вершины гор.

...Жена Ясона, грустная, сидит за столом.

Братья нервничают, они спрашивают Ксению уже в который раз, куда делся этот ненормальный.

А Ясон идет по проселочной дороге с большой охапкой лекарственных цветов и трав. Навстречу ему в густом облаке пыли едет мотоцикл с коляской, а за рулем — знакомый механик из совхоза. Ясон выходит на середину дороги, поднимает руки. «Посади за руль!» — просит Ясон, когда мотоцикл останавливается.

И вот уже, выбирая самые крутые подъемы, Ясон несется по дороге, оставляя за собой облако пыли. На одном из подъемов он останавливается. «Ты здесь остаешься?» — удивляется механик. Ясон молча кивает, садится на пригорок, смотрит, как мотоцикл съезжает вниз, и долго сосредоточенно думает. Потом вдруг резко встает и быстрыми шагами идет в сторону дома...

Гости встали из-за стола, небольшими группками разбрелись по двору, поют нестройными нетрезвыми голосами. Жена Ясона и Ксения одни сидят за столом. Ксения тихо говорит:

— Может, ты останешься? Он умеет так исчезать. Но потом появляется. Он очень добрый, тихий, любит работу, не ленился. Остайся, дом у нас большой, хороший. Будете вместе жить.

Жена Ясона не смотрит на Ксению. Лицо ее выражает неприязнь. Подошедший Дито тоже уговаривает жену Ясона остаться.

— Я не намерена жить в этой дыре, — говорит жена Ясона, и при этих словах ее некрасивое лицо становится еще более некрасивым. Оно вытягивается, становится злым и капризным.

И в это время появляется Ясон. Он спускается по ступенькам дома, в белой рубашке, с мокрыми, только что расчесанными на пробор волосами, с тихой улыбкой на лице. Приветливо поздоровавшись со всеми, он садится рядом с женой, которая хватается его руку и радостно смеется.

Все вернулись к столу. Тамада произнес тост за Ясона, пожурился его за долгое отсутствие. Но так как все уже собрались к отъезду, то застолье возобновилось ненадолго. Ясон легко и просто согласился уехать с женой, и вскоре, рассевшись по машинам, гости уехали, оставив одних Варлама и Ксению...

Пришла зима. Снег покрыл виноградные поля. В конце марта, когда робкая зелень выглянула из-под прошлогодней бурой листвы, около дома Варлама затарахтел мотоцикл. Выкатив коляску на бал-

кон, Варлам увидел Ясона, сидевшего на мотоцикле.

— Я приехал! — коротко сказал Ясон, слезая с мотоцикла. — Садись. Будем готовиться к штурму.

Все это было так неожиданно, что Варлам немного растерялся. Не потому, что он уже расстался со своей мечтой. Но за зиму, в одиночестве, он слегка отрезвел и стал сомневаться в возможности ее осуществления. Увидев сына, восседавшего на мотоцикле с такой уверенностью, которая не допускала сомнений в победном исходе покорения Эльбруса, Варлам снова загорелся. «Гора зовет нас», — прочел он во взгляде Ясона.

Началась подготовка к путешествию. Они взбирались на все холмы и горы в окрестностях Анары. Рев их мотоцикла будил по утрам спящих анарцев, которые, выглядывая из окон, с удивлением провожали взглядом чудовище с двумя седоками. Варлам сидел в коляске и радостно ждал дня, когда они решат начать штурм.

И этот день настал. Тайно от Ксении они открыли сундуки, где лежали щедро обсыпанные нафталином зимние вещи. Сложили все это в мешок. Запили вином малепький бурдючок, прихватили большой кусок от копченой свиной ноги, висевшей в подвале, и еще кое-что из семейных запасов.

Они выехали до восхода солнца, когда предутренний туман густым белым облаком лежал на виноградных полях.

В тот день ожидался приезд старших сыпоев Варлама, которых Ксения оповестила об ожидаемой сумасшедшей выходке ее мужа и сына. Изменником оказался Сидамон, киномеханик, который был в курсе всех приготовлений. В последний момент он усомнился в возможности благополучного исхода их экспедиции и велел Ксении позвонить старшим сыновьям.

И вот Ксения кричала в телефонную трубку:

— Вы не знаете своего отца! Он всегда делает то, что задумает. Вы говорите, куда

он денется? Чует мое сердце, в один прекрасный день он окажется на этом чертовом Эльбрусе! Я не знаю, зачем он ему сдался, но знаю, что если он вдруг исчезнет, ищите его там!

К концу разговора забеспокоились старшие сыновья и обещали приехать.

...А Варлам и Ясон мчались в лилово-красном рассвете. Навстречу им неслись радостные песни пробуждающихся птиц. В небе поднимался раскаленный диск солнца. Сияние его постепенно разливалось повсюду. На склоне горы паслись рыжие коровы, подставив солнцу свои сытые бока.

Деревни, города, леса, озера, альпийские луга сменяли друг друга... В каждом новом пейзаже была своя неповторимая прелесть...

На третий день они оказались у подножья Эльбруса.

Белоснежный гигант смотрит на две маленькие точки, взбирающиеся по его величавому склону. Мотоцикл медленно катит по снегу. Из-под колес, оббитых железными цепями, выбивается снежная пыль. Поднимаясь белыми облаками вверх, она оседает на лица путешественников.

Выглядят они немного нелепо. Варлам в старомодном черном пальто, с каракулевой папахой на голове. Ясон в толстом дотканом свитере и мохнатой овечьей безрукавке. Лица их сосредоточенны и целеустремленны.

Медленно, медленно мотоцикл поднимается вверх. Преодолевая подъем за подъемом, они приближаются к цели.

И вдруг мотоцикл остановился. Впереди была каменная гряда, преодолеть которую можно было только пешком, и то повисая над глубокой пропастью.

Ясон осмотрелся в поисках другого пути, однако, увы... его не оказалось. Пришлось развернуть мотоцикл. За одним из поворотов показался склон, по которому можно было проехать, хоть и с некоторым риском. Склон был покрыт скользкой ледяной коркой, в которой надо было рубить тропу для мотоцикла.

Это очень удручило их, особенно Ясона, который не допускал мысли, что не найдет выхода из этого положения и что придется вернуться назад, не доехав до вершины. Ведь они уже на такой высоте! Многие вершины виднеются внизу под ними! И до Эльбруса, наверно, рукой подать! Какая досада! Он вынул топор и решил рубить лед.

— Я сделаю тропу. Посажу тебя на спину. У меня хватит сил донести тебя вот до того места. Там я посажу тебя, а сам вернусь за мотоциклом и перенесу его. Дальше можно опять ехать. И я думаю, до самой вершины...

Он долго рубил лед, но отошел от мотоцикла всего на пять-шесть шагов. Варлам с грустью смотрел на Ясона, неистово размахивающего топором, теперь только понимая всю бессмысленность борьбы в одиночку с этой огромной массой льда. Он был бесконечно благодарен сыну, который несмотря ни на что, старался пробиться к вершине ради осуществления отцовского желания. Но видя, что Ясон выбивается из сил, он тихо позвал его:

— Оставь это дело. Мы поднялись с тобой так высоко. Здесь мне хорошо! Сядь, отдохни и поедem назад.

Ясон тяжело дышал, с лица его струилась ручьями пот, но он не соглашался и продолжал рубить лед.

— Не надо уезжать! Ведь мы должны, должны с тобой добраться!

— Хватит! Ты сделал все, что мог! Сядь, достань вина. Благодарим это место. Выпьем за нас с тобой... Я ни о чем не жалею. Я чувствую себя здесь сильным. Все, что было во мне слабого, старого, я оставил там, внизу...

Вино из бурдюков, которое они разлили по маленьким козлиным рожкам, и гост, который пронес Варлам, отрезвили Ясона.

Варлам говорил о том, что надо иметь мечту и стремиться к ней, и неважно, осуществил ты ее или нет. Главное — стремиться к ней. Снежное безмолвие, бескрай-

ние горизонты мощных горных вершин вполне гармонировали с высоким стилем речи Варлама. И слушатель у него был понимающий.

Два анарца в последний раз оглядели бескрайний покой и тихо покатали вниз.

К Анаре они подъехали ранним туманным утром.

Красные черепичные крыши домов об-

лепили склоны горы с неблагозвучным названием Свинная голова. Гора действительно напоминала большую свинью, которая, с трудом двигаясь от полноты, решила прилечь. И дома прижались к ней, поросята, сосущие доски на брюхе матери.

Выглянуло яркое солнце. В лучах его городок, казалось, должен был вот-вот раствориться в воздухе.

Реваз Габриадзе
Рустам Ибрагимбеков

СПАСАТЕЛЬ

На пустынном берегу моря стоит спасательная вышка с белым флажком, означающим, что на море спокойно; на вышке установлен на треноге бинокль, а недалеко от вышки, прямо на песке, лежит штанга, изготовленная из куска железной трубы и двух кубиков песчаника. У самого берега слегка качается маленькая весельная лодка.

Неподалеку, в пятидесяти шагах, за бором, домик метеоролога, тонкой, улыбчивой Девушки с прямыми плечиками.

Раннее утро. Подул легкий ветер, и море заискрилось, как побитое стекло.

Проснулся Спасатель. Привстав, сразу же, еще сонными глазами, оглядел море и убедился, что там никого нет, кто бы нуждался в его помощи. Затем он взглянул на домик Девушки, откуда доносилась ее прозрачная, как родниковая вода, утренняя песня. На тросе, крепившем флюгер к земле, висело ситцевое платье. Оно полоскалось на ветру, как флаг.

Открылась дверь домика, и на пороге возникла трогательно тонкая фигурка Девушки. Ее прекрасное, как двухнедельная луна, лицо озарилось улыбкой, обращенной к Спасателю, а гибкими руками она встряхивала шелковое покрывало, которым застилала по утрам свою постель...

Спасатель вскочил, поднял свою памятную циновку и тоже потряс ее.

Девушка еще раз улыбнулась ему и ушла в дом.

Спасатель вздохнул, поднялся на вышку и оглядел в бинокль море. Затем он сошел вниз, подошел к штанге, лежавшей на мокром утреннем песке, и три раза поднял ее.

Дверь домика открылась, оттуда с приборами в руках снова появилась Девушка. Она проверила осадки и записала нуль. Открыла шкафчик со шторами, заменила термометр и посмотрела на Спасателя.

Он напряг мышцы и поднял штангу еще раз.

Чуть позже Спасатель раздул самовар. Дождавшись, когда Девушка опять появится на пороге своего домика, налил чай в пузатые пиалы и жестами пригласил ее на чаепитие. Она рассмеялась и развела руками: мол, не могу, работаю.

Закончив работу, Девушка ушла в дом и закрыла за собой дверь.

Спасатель взял большущий кусок сахара и со вздохом опустил его в пиалу, предназначенную для Девушки.

После чаепития Спасатель еще раз оглядел море, уже покрывшееся гребешками волн, вывесил красный флаг, сигнал опас-

ности, и лег на циновку. Закинув руки за голову, он принялся мечтать.

Мчится по морю белый катер на подводных крыльях, мчится быстрее ветра, быстрее зайца. Спасатель в адмиральской форме с белой гвоздикой в петлице и белых шелковых перчатках сидит за рулем, а рядом с ним с букетом белых гвоздик сидит Девушка, прекрасная Девушка-метеоролог. На носу катера розовыми лентами закреплена кукла. Позади мчится катер, в котором квартет «Гая» поет веселую песню.

...По песчаному берегу мчится «Чайка», за рулем опять Спасатель. На капоте машины — кукла. Вот машина подкатила к спасательной вышке. Адмирал-Спасатель и Девушка поднимаются по приставной лестнице на вышку. Они устраиваются на циновке, и вокруг них возникают двенадцать детей. Все двенадцать — мальчики...

Блаженная улыбка поплыла по лицу Спасателя. Он вздрогнул, открыл глаза и посмотрел в сторону метеорологической станции.

Девушка снова деловито собирала данные. Закончив работу, она пошла к домику мимо своего маленького, величиной в скатерть, огорода. Здесь она задержалась, нагнулась к крошечному сморщенному и пожелтевшему от жары огурчику и спрятала его от солнца под лист. Она сделала это так заботливо, что Спасатель позавидовал огурчику.

Ему представилось, как Девушка столь же заботливо укрывает его, Спасателя, лежащего на гатке, прямо в огороде, около курносого огурчика.

Девушка посмотрела на Спасателя и ласково улыбнулась.

Спасатель расплылся в счастливой ответной улыбке.

Взошла луна — подруга влюбленных.

Из-за песчаных холмов появляется Спасатель. Он тащит на спине большой мешок. Осторожно приближается к метеорологической станции.

В окне домика горит свет.

Спасатель, присев на корточках, вытас-

кивает из мешка громадную дыню и необъятный арбуз. Дождавшись, когда свет в окне потух, Спасатель неслышно перелезает через забор. Садится на корточки, ниточками прикрепляет принесенные с собой арбуз и дыню к чахлым кустикам огорода. Смотрит на свое дело и умиляется. Затем перелезает через забор и идет к своей вышке.

Осматривает в бинокль море. Все спокойно. Ложится спать. Долго не может заснуть Спасатель. Лежит на циновке и вздыхает.

...Солнце уже поднялось, когда Спасатель проснулся. Он присел на циновке и... о боже! Что это такое?! Он не может поверить глазам. Рядом с ним на шелковом платке лежат пол-арбуза и полдыни и стоит вазочка с персиками.

Спасатель хватает арбуз и прижимает его к сердцу. Смотрит в сторону домика Девушки. Что он видит?!

Девушка, прекрасная Девушка, сидит на пороге и ест арбуз.

Спасатель отрезал себе кусок арбуза и тоже начал есть, чувствуя, как слезы радости льются по его небритому лицу.

Но прежде он заставил себя встать и вывесить красный флаг, запрет плавания, потому что дул ветер и по морю бежали волны.

Девушка ласково улыбнулась ему...

А ночью Спасатель подкатил к дому Девушки огромную бочку с краской. Открыв крышку, он принялся красить забор.

Он делал это всю ночь, самозабвенно размахивая длинной палкой, на которой была закреплена кисть. Так в работе он и заснул, положив подбородок на ручку кисти.

Проснулся Спасатель от звука поцелуя.

Открыв глаза и увидев убегающую Девушку, он чуть не упал в обморок от счастья.

Девушка вбежала в калитку и, звонко смеясь, остановилась на пороге своего дома...

Он хотел побежать за ней, но вдруг

услышал (или ему показалось?) чей-то слабый, очень далекий крик...

Спасатель посмотрел в море. Отсюда, кроме волн, ничего видно не было.

Девушка все еще смеялась со своего порога. Спасатель счастливо улыбнулся ей в ответ и сделал шаг в сторону калитки. Один шаг. Но потом он неожиданно для себя взбежал на свою вышку и привик на мгновение к биноклю. Только на мгновение, чтобы потом снова броситься к метеобудке, где его ждала Девушка, его любимая Девушка.

Но среди белых от пены волн Спасатель увидел тонущего человека. Было невероятно обидно, что этот человек появился в море именно сейчас, когда Девушка, любимая Девушка, смеялась ему с порога своего дома. Но что он мог поделать?!

Спасатель, горестно вздохнув, спрыгнул с вышки и побежал к своей лодке. Несколько гребков — и он, преодолев расстояние, настиг утопающего. Опытной рукой втянул его в лодку. Еще несколько гребков — и лодка у берега.

Взвалив спасенного на плечо, Спасатель вынес его на берег, уложил на песок. Тот был прекрасный парень. Стройный, сильный, высокий. Он не дышал. И Спасатель приступил к процедуре искусственного дыхания. Раз-два, раз-два, раз-два — сводил и разводил он руки спасенного.

Наконец, выпустив изо рта струйку воды, парень открыл глаза. Теперь он казался еще прекраснее, хотя и выглядел смешно, — с голой шеи почему-то свисал галстук, а мокрые белые брюки облепили ноги. Рубашки на парне не было.

Поднявшись, он пожал Спасателю руку, дернул с шеи галстук, отбросил его в сторону и пошел прочь от моря.

Двигался он быстро и решительно. И вообще все в прекрасном облике спасенного юноши говорило о том, что он человек решительный.

Выполнив служебный долг, Спасатель облегченно вздохнул и посмотрел в сторону метеобудки...

Девушки на пороге дома уже не было. Платье ее, висевшее на тресе от флюгера, ласково полоскалось на ветру.

Спасателю очень хотелось увидеть Девушку. Но ведь он никогда не переступал порог ее дома и поэтому решил дожидаться, когда Девушка сама выйдет и улыбнется ему. И тогда, может быть...

Спасатель взобрался на вышку. То, что он увидел, чуть не разбило его сердце.

Спасенный им юноша внезапно остановился, постоял некоторое время, разглядывая платье Девушки, висевшее на тресе, а затем решительно повернул в сторону метеостанции. Подошел к двери, громко постучал и — о боже! — не дожидаясь даже ответа, толкнул дверь и вошел в дом Девушки! Вошел как в свой дом!

Спасатель в отчаянии закрыл лицо руками.

Когда он открыл глаза, он увидел... белые брюки, прикрепленные к тросу от флюгера. Они гордо реяли на ветру рядом с платьем Девушки.

Позже он видел, как к домику метеостанции подъехала машина, из которой вышел спасенный им юноша в красном светлом костюме и с букетом белых гвоздик, а навстречу ему выбежала счастливая Девушка с чемоданом в руках. Они обнялись, сели в автомобиль и уехали.

А Спасатель с такой силой ударил ногой по треноге с биноклем, что тренога развалилась, а бинокль полетел с вышки на мокрый песок. Потом он бросился к своей сумке и принялся записывать в нее свой нехитрый скраб: иллюстрированные журналы, белье, транзисторный приемник «Чайка»... Потом, забыв о сумке и о вещах, схватил лист бумаги и начал писать заявление в Общество спасения на водах: «Прошу освободить меня от обязанностей спасателя, — писал он своим неровным размашистым почерком. — Надоело! Почему я должен жить один на берегу моря и спасать людей?! Найдите замену. А я поеду в город и буду жить, как все...» Написав

заявление, Спасатель спустился с вышки и пошел к метеостанции.

Он бродил по ее пустынному двору вокруг маленького, как скатерть, огорода, вдоль выкрашенного забора. И даже заглянул в домик: в нем все хранило следы торопливого отъезда: на полу валялись обрывки бумаг, пустые коробки, сиротливо темнела в углу голая кроватная сетка...

Потом он пошел к берегу и долго смотрел на море...

Возвращаясь к вышке, подобрал в песке бинокль...

Взобравшись по лестнице наверх, порвал свое заявление.

На следующий день над вышкой был поднят красный флаг, сигнал опасности, бинокль вновь был установлен на треноге... А Спасатель решил поехать. Нарезал помидоры, рассеянно посолил их, вытащил хлеб и забыл о своем намерении... Сидя на циновке с куском в руках, он то-скливо смотрел на море, по которому бегали барашки волн.

Вдруг послышалась песня, тихая и чистая, как родниковая вода. Спасатель вздрогнул. Оглянулся.

По двору метеостанции ходила новая Девушка и записывала данные.

Спасатель не поверил своим глазам.

Новая Девушка была не очень похожа на ту, любимую, но что-то в ее облике сразу же тронуло его.

Спасатель вскочил на ноги. Замахал руками.

Девушка увидела его и махнула в ответ.

Спасатель радостно улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

Спасатель бросился к лестнице, Девушка увидела, что он спешит к ней и, продолжая улыбаться, остановилась посреди двора.

Спасатель уже сбегал по лестнице, как вдруг ему показалось, что с моря донесся крик о помощи. Очень слабый крик, почти неслышный.

Спасатель остановился.

Девушка ждала его посреди двора метеостанции. Новая Девушка. Красивая. Уже успевшая понравиться. И ласково улыбающаяся!

И крик был такой слабый. А может быть даже, это кричали чайки или звук ветра и волн показался ему человеческим криком. Все могло быть.

Но сам не понимая почему и ругая себя последними словами, Спасатель бежит уже назад по лестнице и прикикает к биноклю. О проклятье! Он опять видит в волнах человека! Тонущего человека! Именно сейчас, в момент, когда возродилась надежда!

Спасатель резко отвернулся от бинокля. Нет! Нет! Нет!

Он бросил взгляд на Девушку — она все еще ждала его посреди двора.

А может быть, ему показалось, может, никого там нет, в волнах моря?!

Спасатель опять нагибается к биноклю. И опять видит он борющегося с волнами человека.

И когда глаза Спасателя второй раз заткнулись на маленькую точку, черную в белом кипении волн, он, уже не думая ни о чем, спрыгнул с вышки и побежал к лодке.

Гребок — и он уже далеко в море, среди волн, которые нещадно треплют его маленькую лодку, с силой рвут весла из рук.

Трудно Спасателю, но он делает гребок за гребком, приближаясь к тонущему человеку, а по лицу его вперемежку с брызгами волн текут слезы обиды. Потому что знает Спасатель, чем все это кончится...

Алексей Баталов

ПИРАТ

Бурля и вздымаясь, стремительно несутся мутная весенняя вода. Обломки строений, корни вывернутых деревьев, куски талого льда крутятся и скрежещут, пасакивая друг на друга у каменистого берега.

Возле самой кромки воды весело носится молодой, большеголовой встрепанный пес. Он беспрестанно тявкает, бросаясь то к одному, то к другому мальчишке, и вместе с ватагой ребят мчится мимо вытасченных на песок бревен, лодок, мостков.

Постепенно открывается вся ширь могучей, разбухшей от паводка реки.

Из воды как чудовища медленно выползают обросшие водорослями бревна.

Припав к земле, весело лает пес. Напряженно подрагивают вытянутые в нитку стальные тросы. Скребуг камень гусеницы тяжелого трактора.

Сидящий верхом на лошади человек кричит что-то рабочим, которые подкладывают чурбаки под днище старой баржи.

В обычное время баржа служит причалом, но теперь поднявшаяся вода наполовину затопила сходни и люди спешат вытянуть эту громадину повыше на берег.

Мохнатый щенок с лаем прыгает у самых ног лошади. Лошадь нервно переступает и крутится под седоком, мешая ему следить за работой.

— Уйди, черт,— всадник замахнулся на собаку веревкой, но пес только развеселился. Он отскочил, припал к земле и снова бросился к морде лошади.

— Пират... Пират! Ко мне, Пират! — слышались сразу несколько мальчишеских голосов.

Ребята с криком и свистом пронеслись мимо верхового, и Пират, в одно мгновение забыв про лошадь, еще неловко, пощеничь подпрыгивая, помчался за ними.

Из стороны в сторону летает драный резиновый мяч. Мальчишки с остервенением гоняют его вокруг перевернутых лодок. Пират как угорелый мечется среди ребят. В невероятном прыжке, перевернувшись в воздухе, он перехватил мяч и принялся трепать его по земле. Кто-то из мальчишек бросился отнимать у него добычу.

— Пусти его,— крикнул другой.— Не трогай! Не твоя собака, и не трогай,— сказал он, отталкивая приятеля и стараясь ухватить Пирата за ошейник.

— Подумаешь, хозяин нашелся,— обиделся первый и, отряхивая свою ушанку, присел на край лодки.

Игра явно захлебнулась в этой размолвке. Другие ребята тоже бросили возиться и подошли поближе.

— Если каждый ее будет хватать, потом ничему не научишь! Она и на охоте гавкать будет,— уже для всех собравшихся сказал хозяин щепка.

— Видал, охотник какой!

— С такими собаками никто и не охотится.

— Много вы знаете, да у меня отец всю жизнь с такими собаками только и ходил.

— Ладно, заткнись, знаем, как твой отец на охоту ходит,— с презрительной усмешкой проговорил мальчишка в ушанке.

Хозяин Пирата подскочил, не дав ему договорить.

— Что ты знаешь? Ну что? Говори!

Пират, видимо, уловив недобрую интонацию разговора, тявкнул во все горло.

— Иди отсюда, дрессируй свою дворняжку,— успел еще сказать мальчишка в ушанке, и тут сразу, точно по команде, вспыхнула драка. Ребята загалдели, за-

крутились клубком, и только Пират носился вокруг и беспрестанно лаял сразу на всех.

Эта мальчишеская драка кончилась так же внезапно, как началась. Кто-то поднял шапку, кто-то вытер нос, а враги разошлись.

Все молчали. Один из зачинщиков, сопя, застегивал свою куртку, другой поправлял ошейник на своей собаке.

— Коля, а ты из ружья-то умеешь стрелять? — нарушив молчание, спросил самый маленький из всей компании.

— Осенью посмотришь, — ответил хозяин Пирата. — Идем, — махнул он щенку, и тот неожиданно послушно и серьезно пошел за своим повелителем.

— Осенью... — пробурчал парень в ушанке. — Врет он все. Я правда знаю, нет у них никакого ружья, продали...

— Да брось ты, Вовка! Что же он виноват, если отец продал?

— Не виноват, а пусть не врет! Очень я испугался...

— А ты сам не нарывайся, ну что ты все время к его собаке пристаешь?

Вовка промолчал, потому что это была чистая правда.

— А ты найди себе какую-нибудь бродячую собаку и приучи ее, — неожиданно посоветовал самый маленький парнишка.

— Дураков нет таких собак из дома выгонять, — мрачно отозвался Вовка.

И тут ребята услышали истошный лай Пирата, потом какие-то крики, ругань и голос своего приятеля...

— Пират, Пират, — кричал на всю улицу Колька.

Ребята, не сговариваясь, разом побежали вверх по берегу.

Злая оскаленная, как у взрослой собаки, пасть Пирата. Задыхаясь от ярости, он бросается на человека, который, стоя у забора, неловко отбивается от него палкой.

— Пират, ко мне! Ко мне! — кричит

Колька, стараясь вырваться из рук матери, которая тянет его к дому.

— Коля, Коля, уйди ты, ради бога. А то и тебе попадет...

— Он пьяный...

— Молчи, не твое дело. Говорила тебе, привяжи...

Наконец мать затащила сына во двор.

Встревоженные лаем и руганью у ворот соседних домов стали появляться люди. Переговариваясь и посмеиваясь, они широким кругом обступили то место, где подвыпивший хозяин воюет со своей собакой.

Снабженная огромной ржавой пружиной калитка — и так-то серьезное препятствие для пьяного человека, а когда у него под ногами еще путается лающий пес, попасть во двор совсем трудно.

— Ах ты, предатель! Ты на кого? Уйди, говорю!

Тем временем к месту происшествия спешили Колькины приятели.

— Брось палку, — еще издали крикнул Вовка.

— Тебя тут не спросили, — строго оборвал один из соседей, поймав Вовку за рукав пальто.

— Пусти! Он же щенок, он зубы переломает!

— Не лезь ты. Мал еще учить, — не выпуская Вовкин рукав, проговорил сосед, но Вовка, резко повернувшись на месте, выскользнул из своего пальтишка и исчез.

Отворив ворота, на улице появилась хозяйка дома. Она бросилась к собаке, прямо под палку мужа и, схватив в охапку щенка, прижала его к земле.

— Иди домой, оставь его. Иди...

— Сбежались, интересно... Цирк устроили, — теперь уже обращаясь ко всем собравшимся, бубнил отец.

Кто-то из мужчин, успокаивая, повел его к дому.

— Надо же, щенок, а какой злой...

— Он пьяных страсть как ненавидит... Он тут на одного бросился. Вот шуму было!

— А чего их любить? Радость-то какая, и правильно, горе одно...— рассуждали соседи, пока мать молча, не поднимая глаз, привязывала обрывок веревки к ошейнику пса.

Она увела его в калитку, и тогда нехотя и продолжая обсуждать случившиеся, толпа стала расходиться.

— Эй, возьми свое пальто,— крикнул тот парень, который поймал Вовку. Пальто до сих пор было у него в руках.

— Сам носи,— огрызнулся стоящий поодаль в окружении друзей Вовка.

— Смотри какой сердитый! Бери, а то с матерью за ним придешь,— улыбнулся парень.

Вовка остался на месте, а самый маленький из всей компании молча подошел к парню и забрал пальто.

— Без отца растет, и управы на него нет,— сказал кто-то.

Колька изо всех сил трясет запертую снаружи дверь сарайчика. Сквозь щели видно, как подошла мать, отложила засов, и притихший пес с виновато опущенной головой предстал перед своим хозяином.

На глазах у матери слезы, Колька, шмыгая носом, принялся гладить собаку.

— Отдай ты его куда-нибудь, ну! Ведь каждый раз из-за него стыд такой.

— А пусть не пьет,— буркнул Колька.

— Да ты-то что понимаешь? Не пьет! Он отец твой...

— Не надо мне такого отца.

— Ты что, ты что говоришь?..— Но вместо того, чтобы обрушиться на сына, мать отвернулась, уткнувшись в платок.— Иди есть,— сказала она уходя.

Колька усадил собаку в угол сарайчика и, выйдя во двор, аккуратно заложил дверь засовом.

Издали, в полуоткрытую калитку, за ним молча наблюдали ребята. Он заметил их, подошел и захлопнул калитку.

Ребята двинулись обратно к реке.

— Дура это, а не собака, если она на хозяина бросается...

— А может он ее пьяный стукнул, а она запомнила и теперь мстит!

— Пират вырастет, больше волка будет, тогда он узнает. Эти собаки никого не боятся, по телевизору показывали, как они овец охраняют. Знаешь, какие умные?

— Если такая собака ученая, за нее сколько хочешь денег дадут...— тоном знака сказал Вовка.

Колька медленно идет по двору, искоса поглядывая в окна своего дома. Оттуда доносятся резкие голоса взрослых. Сквозь стекла видно, как, размахивая руками, отец что-то горячо доказывает матери, а тот, кто увел его с улицы, стоит между ними и успокаивает то одного, то другого.

Подставив лестницу, Колька залез на чердак. Там, в темном углу, среди пыльного хлама, он отыскал обрывок тяжелой лодочной цепи и принялся отбивать скобу, которая болталась на последнем звене. Вдруг послышался лай. Колька замер, но лай прекратился, и он снова принялся за дело...

В это время мать выводила из сарайчика веселого, ничего не подозревающего Пирата. Он прыгал, хватал зубами веревку, а мать, с заплаканным лицом, быстро шла к калитке. Там с куском хлеба в руке стоял тот человек, который только что был в доме. Мать сунула ему конец поводка и, не оборачиваясь, пошла обратно.

...Скоба уже отбита. Теперь на ее месте кусок старого ремня, который Колька примеряет на свою собственную шею. Ржавая цепь висит посередине его груди и длинным хвостом вьется по полу чердака...

Убедившись, что все в порядке, Колька собрал цепь и спустился на землю. Он сразу увидел открытую дверь сарайчика, но точно ожидая, что из двери сейчас кто-то появится, еще несколько секунд стоял совершенно неподвижно.

Дальше все произошло в одно мгновение. Колька сорвался с места и помчался, как гончая по свежему следу, точно повернув в ту сторону, куда повели Пирата.

...Он бежал молча, обгоняя людей, и не обращая внимания на машины.

Человек, который вел собаку, почувствовал, как кто-то резко дернул веревку. Обернувшись, он увидел бледного, дрожащего всем телом парнишку.

— Отдай!

— Да ты что?

— Отдай, он мой,— повторил срывающимся голосом Колька и снова дернул веревку.

— Вот глупый. Ты пойми, отец все равно прибьет его не сегодня, так завтра. Жалко же. Пес-то, правда, хороший... Ну...

— Я его кормил! Отдай!

— Ух ты какой! А я, если хочешь зпать, вам деньги за него заплатил! Так что теперь мой! Беги отсюда по-хорошему, а то...

Договорить он не успел, потому что Колька вдруг изо всех сил вцепился зубами в руку, державшую на веревке Пирата.

Покупатель пискливо вскрикнул, скорчился от боли и отбросил парня на дорогу. В эту секунду Пират был уже на свободе и мчался к берегу реки.

Колька вскочил на ноги и пустился вслед за собакой. Играя, Пират пробежал по мосткам и теперь прыгал среди прибившихся к берегу бревен. Проваливаясь по колено в воду, Колька отчаянно звал его к себе.

Когда тот, кто купил щенка, подошел к берегу, Колька, отступив подальше, влез на затонувшие доски, так что теперь он и Пират очутились на хлипком качающемся островке.

— Уйди оттуда! Уходи, слышишь! Унесет! — забеспокоился покупатель и шагнул было на доски, но они сразу пошли под воду, и ему пришлось прыгнуть обратно на берег...

— Уходи, говорю тебе. Не нужна мне твоя собака.

На шум прибежали ребята. Еще на берегу сообразив, в чем дело, они загалдели на разные голоса, стараясь отгородить своего приятеля. Маленькие, в растегнутых куртках и пальтишках, сейчас они походили на встревоженную стайку птиц, отчаянно защищающих свои гнезда.

То ли от того, что качнулись доски мостика, то ли проплывшая льдина зацепила прибившиеся обломки, но когда Колька обернулся, он увидел, что плотик, на котором стоял виляя хвостом Пират, медленно поворачивает по течению реки.

— Пират, ко мне! Пират!

Не помня себя, Колька шагнул к краю досок и едва не потерял равновесие. Мужчина бросился к нему на помощь и, вымокнув почти по пояс, вытащил Кольку на берег. Ребята стали толкать бревна, пытаясь добраться до собаки.

— Дяденька, достаньте его! Достаньте! — начал реветь Колька.

— Теперь «дяденька», — щупая свои мокрые ноги, пробурчал тот.— Вон, беги туда, к причалу, там чем-нибудь зацепят.

Колька вместе с двумя приятелями бросился вдоль берега.

Возле мостков остались только Вовка и самый маленький парнишка. Встав на колени, Вовка длинной доской прицепился к уходящему плотнику Пирата.

— Иди сюда! Ну! Иди, иди, Пират! Ну! — звал он собаку, стараясь удержать ускользающие по течению бревна. Но пес никак не мог решиться ступить на этот узенький мост.

— погоди, его подтолкнуть надо... Я сейчас...— кричал второй парнишка, вытягивая на камни здоровенную мокрую палку.

Но он не успел. Конец доски плюхнулся в воду. Потеряв опору, Вовка едва удержался на мостках, а плот, легонько качнувшись на волне, отошел еще дальше.

Пират тыкался в разные стороны на своем маленьком острове, нюхал воду, пробовал ее ногой, а течение медленно уносило его к середине реки.

— Все, теперь не достанешь! — сказал маленький парнишка. Но Вовка даже не обернулся. Он быстро поднялся на ноги и к ужасу своего приятеля спрыгнул в воду. Сделав несколько шагов, Вовка вцепился руками в бревна, которые другим концом были ближе всего к Пирату и, дернувшись всем телом вперед, лег поперек стволов.

Теперь по воде совсем рядом, почти с одинаковой скоростью двигались два живых существа. С берега казалось, что они плывут на одном невидимом островке, но на самом деле пес находился отдельно и его плотик шел чуть-чуть быстрее.

Бросив работу, люди, среди которых мечется Колька, тащут к берегу жерди, веревки, багры. Тот, который командовал с лошади, ругается и кричит больше всех.

— Лодку! Лодку! Стаскивайте, черт бы вас побрал...

— Чей мальчишка-то там, господи, да скажите кто, — причитает плачущим голосом какая-то баба, толкаясь у самых перил причала.

Сняв с себя ремни, мужики быстро связывают из жердей длинный шест с багром на конце.

Вовка никак не может зацепить плотик Пирата. Он подобрал обломок деревяшки и, стоя на коленях, расталкивает им льдины, стараясь подгрести вплотную... Но как только бревна приближаются к Пирату и пес подходит к краю досок, они, не выдержав его веса, погружаются в воду, а он шарахается назад.

Несколько человек поднимают привязанный к шестам багор. Раскачиваясь гигантской удочкой, он нависает над водой.

Бревна вот-вот поравняются с пристанью. Багор действительно почти доста-

ет до того места, где должны пройти плоты. Его еще немного выдвигают вперед и он, качнувшись, с треском ломается по середине прогиба.

Вовка на своих бревнах проплывает мимо того места, где плюхнулся обломок багра. С отчаянием смотрит он на берег, на людей, беспомощно застывших вдоль перил причала.

У телефона в конторе столпилось несколько мужчин, среди них и тот, кто купал щенка. Через окно видно, как к крыльцу подъехал верховой и, бросив повод на руль мотоцикла, скрылся в дверях.

— Алё... Алё... Станция! Алё... — надрывается старичок, у которого в руках трубка. — Да они здесь, против поселка. А? Какой катер! Сейчас все на берегу... Лед кругом...

— Какой к черту катер. Звони войкам или в пожарную, там вертолеты... — крикнул, входя, тот, кто приехал на лошади.

— И то, с берега теперь не поймать.

Мать отыскала Кольку в толпе у причала. Крепко обняв сына, она не то плачет, не то смеется.

— А я уж подумала, ты там... Все говорят, парнишку с собакой унесло...

— Пусти меня.

— Куда?

— Там Вовка, он за Пиратом прыгнул. Пусти!..

Вырвавшись из рук матери, Колька исчез между людьми.

У самого берега молодой крепкий парень быстро раскладывает длинную веревку, на одном конце которой привязана ржавая шестерня. Потом широким движением он раскручивает тяжелый конец и с силой посылает его к середине реки.

Подавшись всем телом вперед, Вовка приготовился своим веслом зацепить канат, но груз плелся в воду далеко позади его бревен.

Парень перебегает на повое место вниз по течению. Люди и Колька помогают ему заново собрать веревку.

Вовка со своего плота жадно смотрит за тем, что происходит на берегу.

Снова гудит в воздухе груз. Снова летит веревка. На этот раз она легла поперек стволов. Вовка изящными руками закрутил ее вокруг конца одного бревна, потом зацепил за сук. И плот послушно повернулся концом к берегу. И тут Вовка вдруг услышал жалобный вой Пирата. Он оглянулся: островок, на котором стоял пес, заметно ушел вперед.

— Стой! Стой! — замахав руками, закричал Вовка, но люди на берегу поняли его сигнал по-своему, и парень стал выбирать конец.

Плот развернулся поперек течения. Снова не то завыл, не то залаял Пират. И тогда Вовка, преодолевая натяжение каната, снял его с сучка, поднял из воды мокрую шестеренку и бросил ее позади своих бревен.

Люди на берегу растерянно стоят вокруг остолбеневшего парня. А Вовка изо всех сил гребет обломком доски к Пирату.

С вертолета далеко видна сверкающая лента разлившейся реки.

— Где-то здесь, — показывая вниз, говорит штурман. — Вот из этого поселка звонили.

Вертолет снижается. Все четче видны на воде бревна, обломки, серые куски льда и Вовкин плотик.

С ужасом прижав уши, смотрит на вертолет Пират. Он, как и прежде, на своих досках, но теперь они плотно прижаты к Вовкиным бревнам.

— Слушай, я ведь собак боюсь до смерти, — кричит в ухо пилоту здоровенный парень-спасатель. Пилот хохочет.

— Возьми пистолет и маску надень — нос откусит...

Открылся люк вертолета. Внизу вода,

Вовка и Пират. С вертолета ползет трос, потом лесенка. Грохот мотора.

Поток ветра от винта рябит воду. Вовка жестами показывает висящему над ним человеку, чтобы тот брал собаку.

Пират и Вовка, захваченные широкими ремнями петлями, болтаются вместе со спасателем на лестнице. Вертолет бережно несет их на берег.

Как только Пират оказался на свободе, он отряхнул шерсть и, точно сбросив с себя этим собачьим способом ужас всего случившегося, весело подбежал к смущенному Кольке. Пират прыгал ему на грудь, вилял задом, скулил, облизывал руки.

— Ну что вы плачете. Все хорошо. Он жив, здоров. Я растер его спиртом, только и всего, — говорит, собирая свой чемоданчик, спасатель. Рядом с ним мать Вовки, она изо всех сил старается улыбнуться, но слезы неудержимо катятся по ее щекам.

— Ну хотите, дам таблетку. Выпейте и успокойтесь.

— Нет, нет, это так... я уже... Хорошо. Отец у нас утонул тут на реке... Вот я все-го и боюсь, а Вовка-то нарочно все делает, говорит: «Мама, я спасти всех буду, чтобы больше никто не тонул».

— Вон как.

— Ну мальчишка он еще, глушость одна...

Спасатель улыбнулся.

— Ну-ка, вот. Потом отдайте ему на память, — и он протянул матери свой, обтянутый резиной, непромокаемый фонарик.

Вокруг вертолета толпа оживленных людей. Среди них и мать Кольки. Видно она ищет кого-то.

Тот, кто покупал Пирата, разговаривает с летчиком... Она заметила его, подошла.

— Степан Кузьмич, уж вы, пожалуйста, возьмите Пирата-то, хватит нам от него горя.

— Так это все из-за твоей псины сырбор...— засмеялся летчик.

— Чёрт меня дернул связаться с этой собакой!— вздохнул Степан Кузьмич.

— Нет, Кузьмич, забери. Ей богу нет моих сил. Уж и Колька обещал, что отдаст. Подожди, я сейчас их найду...

Через двор в сопровождении Вовкиной матери идет спасатель во всем своем облачении. Только он повернул к калитке, как на него из-за будки с лаем бросился Пират. Спасатель шархнул в кусты. Хозяйка, ничего не понимая, остановилась посреди дороги, и тут появился Колька, обеими руками вцепившийся в веревку, привязанную к ошейнику собаки.

— Пират, куда ты, назад...

— Ну и злой,— криво улыбаясь, из-за куста пробормотал спасатель.

— От вас водкой пахнет,— оттаскивая собаку, сказал Колька.

— Да ты что болтаешь?!— возмутилась Вовкина мать.

— А ведь верно,— засмеялся спасатель.— Только это не водка, а спирт... которым я растирал...

На шум из окна высунулся закутанный в меховую шубу Вовка.

— Ты чего?— спросил он Кольку.

Колька молча подошел, достал из-за пазухи картонную коробочку от сигарет и положил ее на подоконник.

— Что это?— спросил Вовка.

— Деньги. Я на ружье копил.

— А мне зачем?

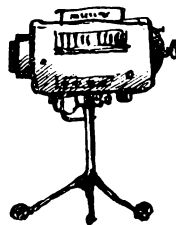
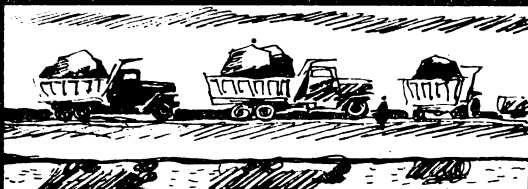
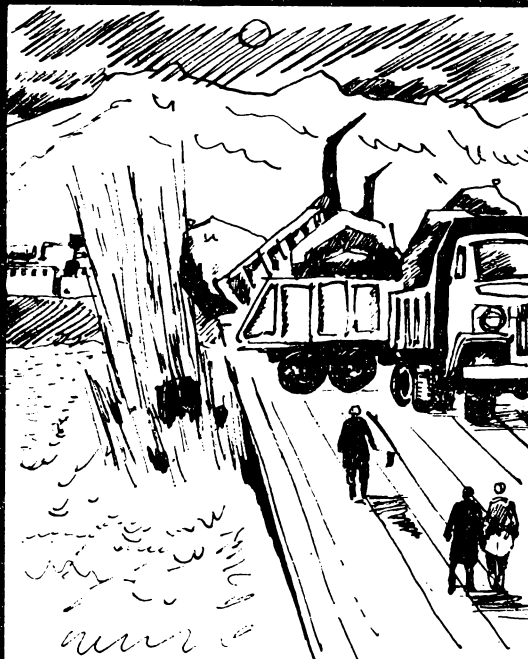
— Кузьмич за Пирата платил, если придет, отдай ему... А собака пусть у тебя живет. Я там к будке привязал его.

— Колька, стой...

Но Колька, ничего не слушая, уже бежал по двору. Он свернул с дорожки и, взявшись за сук, ловко перемахнул через забор...

А Вовка смотрел, как вдали, за деревьями, начал подниматься вертолет. Сперва он повис, точно стрекоза на одном месте, потом боком поплыл в сторону и, быстро набирая высоту, пропал за рекой.

А. ВИДУГИРИС

ТОКТОГУЛЬСКАЯ ГЭС

АЛЬГИМАНТАС СТАСЕВИЧ ВИДУГИРИС (родился в 1936 г.) закончил операторский факультет ВГИКа. Кинематографический дебют состоялся в 1962 г., когда на киностудии «Киргизфильм» А. Видугирис выступил как соавтор сценария и сопостановщик документального фильма «Обращенные к солнцу». Продолжая работать в Киргизии, А. Видугирис снял больше десяти лент, в том числе киноновеллу «Зámки на песке», документальный фильм «Нарынский дневник», получившие ряд Всесоюзных и международных призов, художественные фильмы «Очкарик», «Сказка о Человеке, Колесе и Чинаре» и др.

Литературный сценарий документального фильма «Токтогульская ГЭС» написан автором на основе обильного фильмотечного и фонографического материала, собиравшегося в течение нескольких лет. Фильм ставится А. Видугирисом на киностудии «Киргизфильм».

Над поселком Кара-Куль высится скала,
на ней портрет акына и слова:

Вижу: рядом казах, русский,
Киргиз, узбек,
Вижу, стоят вокруг,
Все мы — одна семья,
Каждый мне брат и друг.

Токтогул.

Дикое безжизненное ущелье. Внизу неторопливо катит свои мутные от протертых в порошок камней Нарын. Медленным неторопливым бег реки кажется издали. Вблизи река бурлит, грохочет, неожиданно выбрасывая к небу языки брызг...

У самой воды горстка людей смотрит вверх — ох, до чего же мал человек по сравнению с этими неправдоподобной высоты отвесными скалами! Красные буквы надписи: «Токтогульская ГЭС».

Стоят люди, сверху похожие на муравьев.

По насыпи ползет муравей, взбирается выше — из-под его лапок сыпятся песчинки и катятся вниз. Вот муравей толкнул камешек, и он, подпрыгивая, покатился вниз. Вот задел камешек с голубиное яйцо, и тот, набирая скорость, со звонким цокотом поскокал по скалам.

Летят камни, булыжники — вниз, немолимо, увлекая за собой другие... Камнепад! Долго (уж больно высоко) летят обломки скал и с бульканьем падают в реку.

На берегу, на камне, лежат авоська с термосом и сверток с обедом бульдозеристов; рядом стоит «Репортер», крутится диск:

— Говорят, здесь ГЭС будет?

— Пишут...

Пауза. Другой голос, весело:

— Где я могу сразу встать на ноги? Резко так? Раз, и встал? Только на стройке! Так оно или не так? Отслужил — у тебя хабе одно: брюки. Оно парадно-выходное у тебя и оно же рабочее. Бензинчиком шмырк — пошел в кино. Как оно щекотит тебя — нет? Здесь временная остановка, друг мой. Здесь так: подколотить деньгу, твердо встать на ноги. Все. Чего еще надо? Вопросы есть?

Плывут белые облака, натываясь на скалы. Из-за бурой вершины палит жаркое солнце.

— Где гребень плотины пройдет?

— Да где-то тут... лодки стоять будут... чайки кричать...

— Да...

— А где мы стоим — дно моря будет, рыбы плавать будут...

— Пишут...

Стихает гул кампепада, один бульдозер вытаскивает из-под горы щебня другой, засыпанный камнями. Молодой киргиз, хозяин засыпанной машины, идет рядом с тросом. Бульдозер вытасчен. Выпрыгивает из кабины пожилой бульдозерист и садится отдыхать. Делятся сигаретами. Закуривают. Молодой и старый: русский и киргиз.

— Меня Бакай зовут. Я здешний — тут родился, за поворотом — в Токтобексае. Дорогу бьем...

Медленная панорама по опаленным скалам. Видно, как по правому берегу, по залитому солнцем полутораклометровому склону ползут тени облаков, а на левом, семисотметровом отвесе еще лежит утренняя тень, стоят неподвижно редкие ели. То тут, то там возникают черно-белые квадратики — полиэкранные изображения работающих на склонах верхолазов. Вот верхо-

лазы поднимают доски, по лотку затаскивают мешки с аммоном. Молодой бурильщик — сосредоточенное лицо, перфоратор прыгает в руках...

— Добровольцы, два шага вперед!

Поднимаются по лесенке молодые парни — русские, киргизы, украинцы. Далеко внизу блестит река...

Ползет по Пионерской тропе бульдозер — Эбазир Караев за рычагами... Взмах флажком — прячутся под скалами верхолазы. Взрыв, один, другой наверху у самого Нарына. Летят вниз сызуну.

Главная задача гидростроителей — обеспечить безопасность работ внизу. Впервые на Токтогульской ГЭС родились новые профессии: верхолаз-монтажник, верхолаз-взрывник, верхолаз-бульдозерист... Лозунг: «Каждому гидростроителю — III разряд по альпинизму!»

Панорама по горам. Склоны изменились — забелели тоненькие цепочки лестниц, сетки ловушек, прилипли в крутизне домики.

По желтой отвесной стене, раскачиваясь, поднимается портрет акыпа Токтогула. Рядом с портретом маленькая букашка-верхолаз: раскачиваясь на репшнуре, он руководит подъемом. Через три дня — перекрытие Нарына! Наконец-то!

Гремит металлом гараж. Люди ремонтируют выдавшие виды, помятые в нелегком бою с горами КраЗы. Самое важное слово в предстоящем — за шоферами. Машины повезут «негабариты» и тетраэдры, которые приостановят тысячелетний бег реки.

Двое шоферов в замасленных ватниках ремонтируют рулевую колонку КраЗа, что не ладится... Дальше — молодой парень в кепочке кувалдой выпрямляет подъемник кузова.

...Непоседливый вечно мечтатель,
Рвущийся на линию огня,
Он вперед всегда стремится... мится... —

неустоявшийся мальчишеский голос слагает стихи, — стремится...

К двоим шоферам подходит третий — ищут неисправность в коробке передач.

...Он вперед всегда стремится,
Горизонт перед собой гоня!

Чуть косолапя, несет на плечах надутую камеру добродушный великан. Двое продолжают ремонтировать рулевую колонку.

...Он выносливый, и он упорный,
Он романтик яростный и непокорный.

Звучат стихи. Евгений Мельников посвятил их шоферам и готовится прочесть их во время перекрытия.

Транспарант: «Нарын будет покорен!» Гудит собрание — водители выбирают лучших, тех, кто перекроет Нарын. Выдвигают Василия Чухрая. Встает гигант и смущенно улыбается, друзья увесисто хлопают его по плечу.

Чухрай важно сидит на ящике, рядом стоят вымытые КраЗы, а кругом — отвесные скалы, и он, замороженно глядя на микрофон, гордо выпячивает грудь. Торжественно звучит: «Вот моя биография: Каховская ГЭС, Каневская ГЭС, Киевская ГЭС...» На изображении улыбающегося Чухрая, ремонтирующего задний мост самосвала, продолжает звучать: «...**Бруштинская ГЭС... Днепродзержинская ГЭС и Токтогульская ГЭС... Це я делал — Чухрай Василий.**»

Собрание шоферов постановило: первым бросит «негабариты» в Нарын комсомольско-молодежный экипаж Станислава Радюкова и Бориса Амиранова. Последним в списке утвержденных был Эдик Алексеев, но ему еще предстояло сделать невозможное — поставить на свой КраЗ мотор. Одному, без напарника. Раной зияла дыра, где обычно стоит мотор. Задумчиво оглядывал покалеченную машину Алексеев и принял решение: умрет, но себерет КраЗ и поедет перекрывать Нарын.

До перекрытия оставалось 48 часов. В ве-

черних сумерках стояли застывшие 65-тонные БелАЗы, а между колес гигантов прыгала на одной ножке маленькая девочка в белом платье.

Говор, шум, радиокоманды... Сотни строителей обступили проран. Несется машина с красным флагом — за рулем счастливый Станислав Радюков. Началось перекрытие Нарына! Снимают корреспонденты. С воем поднимается кузов КраЗа — катится многотонный «негабарит». Всплеск воды — и Нарын уносит его как пушинку. Сыпят БелАЗы связки тетраэдров — 40 тонн! — а бурная река уносит и их.

Экскаваторщик Александр Агеевич Ткаличев, кавалер ордена Ленина, ловко загружает 10-тонными глыбами и подпрыгивающие под грузом КраЗа. Издали доносится гул сражения с бурной рекой.

— Сдал смену, одел костюм, иду на праздник. Подбегает напарник и просит: «Агееч, поработай часок за меня — там моя девушка», и убежал. Хорошо, что лимоны повезли на проран. Купил два килограмма — пообедал, — смеется Ткаличев. — Он молодой, пусть смотрит...

Летят обломки скал, ликуют строители. Шофера пробуют качать Чухрая, тот смущенно держится за дверку КраЗа.

Крики «Ура!» доносятся до опустевшего поселка. Идет грустный Эдик Алексеев, звучит его рассказ:

— Ну чего меня снимать? Не гожусь! Перекрытие проспал! Пришел, смотрю: речку без меня перекрыли, взял машину, поставил и опять спать пошел, — наигранное бахвальство только подчеркивает его грусть. Вдруг он становится серьезным и скороговоркой добавляет: — Я к этому перекрытию так готовился! Проспал по чистой случайности. Я просто наглухо устал. Я целиком ее сделал, чуть тепленький в два часа кончил работу. Еле ноги тащил... — Гладит собаку и продолжает: — Он как за сына, за родного у меня проходит...

Летят в Нарын «негабариты», река замедляет бег. Подпрыгивает КраЗ Ампра-

нова. «Товарищи, трехлетний труд завершен! Поздравляем с перекрытием Нарына!» Строители качают главного инженера. Смех, оживление, разговоры сливаются с криками: «Горько!»

Первая комсомольская свадьба: Лариса и Станислав. Радюков весел. Рядом с ним его напарник Амиранов. Танцуют молодые, летят искры бенгальских огней, горят свечи на новогодней елке. Радюков рассказывает:

— Ларка пристаёт и пристаёт: «Не вижу тебя»... Что с ними поделаешь — женщины. Я говорю: «Машину делать надо. Машина — она тебя кормит». Другой после смены домой — к жене, а я могу неделями торчать в гараже...

Праздничное веселье, шум свадьбы, песни киргизские и русские неслыш над поселком, эхом отражаясь от горных вершин, а к перемычке, где тихо журчал Нарын, стесняясь друг друга, по одному, по двое подходили люди и бросали камешки в реку. Вот подошли два аксакала, приехавшие из Токтогула. Прихрамывая подошел Чухрай — постоял, бросил камень и отошел.

Выплывает красного цвета надпись: «6 января 1966 года». Булькнул кем-то брошенный камень и опять стало тихо. Копчился праздник, пошли будни. Знакомые нам два шофера опять ремонтируют колесо КраЗа.

Надпись: «7 января 1966 года», побежали даты — 8, 9, 10, 11, 12 — череда дней.

В АТК объявили субботник — строят столовую, подсобное хозяйство, оранжерею для цветов.

— Зачем цветы? Маниловщина! У нас серьезная, ответственная стройка — предстоит уложить 3 600 000 тонн бетона! А тут розочки! Отрыв от жизни! Я спрашиваю: зачем розочки?

— Зачем мы строим ГЭС? Вот из-за этих розочек, чтоб зимой, когда снег кру-

гом, можно было их подарить матери, жене. Мы не ГЭС строим — прежде всего мы нового человека строим, и это главное! Три с половиной миллиона тонн бетона нельзя уложить без новой психологии, — запальчиво говорит Вячеслав Прокофьевич Добротворский, который должен обеспечить эти колоссальные перевозки.

По тяжелым горным дорогам несутся КраЗы с грузами. Пронесся громадный БелАЗ, вот он уже спускается по серпантину, и мы видим, как он игрушечно мал по сравнению с горами.

— Основа основ программы девятой пятилетки: «Обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня народа», — продолжает Добротворский. — Чтоб требовать у человека культуры производства, надо думать о его быте, о времени его отдыха. Это не только утилитарный вопрос, не только забота о легком куске хлеба, это забота о его морали. Один за всех — все за одного!.. Не моя машина, а наша машина! Скажут: своя машина ближе к телу. Труд должен быть творческим! Готов ли наш водитель сегодня к этому или нет?

Рассказ Добротворского иллюстрируется: черно-белый кадр — вчера противопоставляется цветному — сегодня. Видим: среди разобранных деталей заднего моста, на пыльных колесах сидит Чухрай, рядом с ним на газетке бутерброд. Цветное изображение светлой столовой. Рассаживаются водители, среди них и Чухрай. Дежурные разносят обед. Справка: цена трехразового питания, бери любые добавки, 40 копеек, остальное дает построевное своими руками подсобное хозяйство.

Видим: дом отдыха на берегу горного озера, профилактории, водители облицовывают кафелем плавательный бассейн. Реплика скептика: «Знаем этот рай: я вас вмиг счастливыми сделаю!.. А попробуй не прийти на субботник!..»

А что, лучше работать так? Врезка кадра: те двое измазанных маслом водителей, что ремонтировали рулевую колонку. Цвет-

ное изображение: они же, чистенькие, опрятные садятся в вымытые машины. Принцип «наша машина» оправдал себя. Каждый делает свое дело: шофер водит машину, механик ремонтирует. Видим: светлый зал, где среди цветов стоят ремонтируемые машины. Механик, электрики в рабочих халатах. Нет суеты, нет беготни, ни лягза железа, ни стука кувалды.

Несутся машины, освещая фарами горные склоны. Ночная вахта — «собачья», как говорят моряки. Развозят кофе, водители, тормознув, пьют, не вылезая из кабины. И через минуту красные огоньки подфарников скрываются за поворотом.

Уложен первый кубометр бетона! Строители бросают монетки, часы. Тикают часы, а на них струится тяжелая масса бетона. 30 сентября 1968 года.

В кафе репетирует оркестр. Музыканты, певцы — сами строители. Реплика скептика: «Лучше бы и не пели. Терзают слух...»

Нет уж, пусть поют, пусть сочиняют стихи, хотя они и несовершенны.

Остановились на привал,
Рассвет над нами трепетал.
Река дымилась молоком
И к берегу березняком
спускался лес.
Ржаное поле под луной
Казалось морем...

Читает стихи прораб Гидромонтажа. Видим: чрево плотины-тоннеля с огнями сварки, скалу, в которую когда-нибудь будет врезан машинный зал, а сейчас, раскачиваясь на скале, здесь бурят верхолазы. Еще выше идут бетонные работы.

...Петух зарю проклюнул вдалеке,
Шептались волны на песке.
Вдруг жаворонок, точно бес,
Горсть колокольчиков
Швырнул на землю в тишину.
Я думал, лежа на песке,
Как в этом вот березняке
Ломились танки напролом,
Все превращая в бурелом.

Стеною саранча плыла,
 За лесом рожь в цвету была.
 Тогда один из сыновей
 Великой родины моей
 Сказал: простишь былое, мать,
 Но рожь

я не могу отдать
 На поругание врагу.
 Я постарюсь! Я могу!

Стихи, хорошие или плохие — не в этом дело, — создают особый контраст с изображением строящейся ГЭС, и вдруг понимаешь, что тут тоже бой, не с танками — со скалами.

Разбился Чухрай — отказали тормоза, и груженная машина полетела по серпантину вниз. Чуть не сшиб автобус с людьми. КраЗ — вдребезги, сам отделался синяком. Жалуются:

— Слушай, когда человек погибает — венки весут, а меня сопливки разные тащили на экспертизу! Два раза! Меня, Чухрай! Не пьян ли? Я двадцать один год отдал этой работе. Порядок такой, говорят... Горы, будь они неладны. Я был в таком авторитете, бригадиром был, на перекрытии...

Ссадина зажила, машину ребята помогли восстановить, а страх перед горами остался — работает завскладом.

— Зато какую ГЭС строим! Я и на складе полезен буду... Раз начал, кончать ГЭС надо...

Уложено 100 000 тонн бетона!

Освоен бескрановый метод его укладки. Полиэкранный образные людей, бетонизирующих плотину, авторов проекта. Метод официально назван «токтогульским».

Знакомый пам гараж АТК. Среди зеленых свечек тополей стояла шеренга БелАЗов, рядышком — профилакторий.купаются в бассейне водители, а сразу за бассейном — голая красноватая скала и ленточка лестницы, уходящая к вершине. Насмешливые реплики: «Сдохнуть можно — лестницу в небо отгрохал!», «Памятник себе строит: лестница Добротворско-го!»...

купаются водители... Возникает фонограмма падающих авиабомб и голос Добротворского:

— Однажды лежал я в окопчике. Бомбили нас здорово — думал, не выживу... распроцался я с жизнью тогда, — рассказывает он тихо; по-прежнему слышны звуки бомбежки. — Дал клятву, если останусь жить, ничего не буду откладывать на потом. Мне надо сейчас, сегодня!.. Я выжил, а мой товарищ, что рядом лежал, — убило осколком... Я должен и за себя, и за него... Это мой долг коммуниста. Только вы меня не снимайте, опять скажут, за славой гонюсь, как с лестницей!.. Понимаешь, наши водители по восемь часов сидят за рулем, потом столовая, все готовое, но опять сидят, а вечером у телевизора. Результат — пониженный мышечный тонус. Возникла целая проблема, новая, сегодняшняя... Вот они и нагуливают аппетит, под наблюдением врача... А потом, полезно иногда взобраться на вершину и посмотреть на то, что сделал: посмотреть на себя сверху и с вершины, вы меня понимаете?

«Токтогульский» метод укладки бетона потребовал создания новой машины — бетоновоза, маневренной, способной работать в ограниченном пространстве плотинных конструкций, почти кругового разворота. Вот она — серая, безносая, некрасивая, названная «Нарын». Но плотина растет — 4 метра в месяц, все выше и выше. На 0,04 миллиметра за одну ходку КраЗа, как объясняет Амиранов, и вот тупоносый «Нарын» уже плывет над горами — бетонщики переправляют его краном повыше.

Появился «Нарын-2», чуть изящней первой модели, тоже сделанный умельцами АТК... Шестой, седьмой...

Через голую красноватую скалу, на которой белая лестница к вершине, еле различимым контуром возникает Вавилонская башня кисти Брейгеля Мужичко, а ее вытесняет изображение плотины Токтогульской ГЭС и задевающие вершины гор белоснежные облака. Как завороченный смотрит вверх Мамасалы Сабиров. На

земле лежит моток репшнура, перфоратор и «Репортер» с крутящимися катушками... «Зачем человек во все века строил всякие там Вавилонские башни? Человечество доказывает себе, что невозможное — возможно...»

Мамасалы — верхолаз, альпинист, носящий почетное звание «Снежный барс», поднимает перфоратор.

— Ты счастлив?

— Да, — отвечает он просто, — для дружных спорт отдушина от работы, у меня и спорт, и работа слиты вместе, не отличишь, где начинается одно и кончается другое.

— Твоя мечта?

— Джомолунгма, на «Крыше мира» я уже был.

— А зачем?

— Посмотреть на землю сверху, это такое счастье... Кто не поднимался на вершину, тот не поймет — слова тут бессильны.

— Ну покоришь ее, что тогда станешь делать?

— Тогда человечество построит новую вершину — в двадцать километров высотой, чтоб было куда стремиться...

Начался монтаж водоводов — по ним полетит вода Токтогульского моря и раскрутит турбины.

Четверо людей несут длинную ржавую трубу. Строители решили сделать подарок детворе — построить карусель. Свалка металлолома, человек вытаскивает еще одну трубу. Инициатором был экскаваторщик Ткаличев. Не для своего ребенка, сын у него в армии, — для чужих детей.

— Почему говоришь «для чужих»? Все дети мои.

И вот старое ржавое железо, согретое руками человеческими, превратилось в ажурную карусель. Она крутилась, и прыгала на ней счастливая детвора...

Режим коптрастом — черно-белый кадр, уже знакомый нам: среди застывших

БелАЗов, меж громадных колес прыгает маленькая девочка.

— Ты кто?

— А я девочка Надя. А я уже все буквы выучила. Надо вам рассказать, вот только я по азбуке расскажу: а, б, в... нет, потом: ж, з... А я люблю солнце и не люблю ветер. Вот послушайте: мы были в Перми и там такая большая трава, что мы побежим, и нас уже не видно. Один прибегает, бухнется в траву, не видно же. Ляжет, трава на него ляжет, и не видно совсем...

Последние слова ее ложатся на двугорбую желто-сизую, без единой травки гору, по которой вдали пылил БелАЗ...

...Улыбается Наденька-восьмиклассница.

— Трава! Какая трава? — удивленно переспрашивает она.

— Забыла. А кем ты будешь?

— Мы тоже решили всем классом пойти на стройку.

Та же двугорбая знакомая гора, но зеленые тополя выросли уже вплоты, внизу блестит озеро с визжащей детворой, и кругом трава, зеленая трава.

Детишки гоняются друг за другом, ныряют, плавают на кразовских латаных камерах. Купает своего младшего, третьего, Бакай, бульдозерист, которого мы видели в первых кадрах пробивающим дорогу к створу.

Скрываясь за вершинами тополей, проносится букашка БелАЗ... Да, здорово изменилась двугорбая гора...

Заметка из газеты «Огни Нарына». «Школьник Мегальников Г. украл и разобрал мотоцикл. Неужели родители не видели, что делает их сын?»

Да, все не так-то просто. Еще многое предстоит сделать, многое построить, многое изменить...

«Даю пятиминутную готовность. Всем приготовиться к заполнению моря...» Короткий репортаж первого дня Токтогульского моря. Ребятишки, удравшие с уроков и собирающие рыбок с сухого дна Нарына. Какие они? О чем они мечтают, эти

мальчишки, у которых на глазах перекрываются Реки, а от нажатия кнопки рождаются Моря?

Молния: «Досрочно изготовить рабочее колесо для токтогульцев!» Сварщики ленинградского Металлического завода имени XXII партсъезда. Рабочее колесо — это турбина, внешне она похожа на беличье колесо, только громадная — двухэтажное цельносварное сооружение. Необходимо избегать внутриметаллических напряжений. Поэтому варит его одновременно бригада сварщиков, по одному человеку на лопасть, а потом несколько дней равномерно нагревают и дают остыть. Длится процесс снятия напряжения недели две, а затем турбину красят в оранжевый цвет.

Фотография лучших сварщиков, отличившихся в изготовлении турбины, в газете «Турбипостроители».

Нарын неузнаваемо изменился: из бурного, желто-кирпичного, вдруг стал стеклянным и голубым, только белую пену несет ветерок да булькают пузыри.

...Токтобексай: здесь стояли когда-то первые палатки гидростроителей. Вот стоит покинутый саманный дом, добротный, только без окон, вот мост через речушку. Первый час моря... Десятый... Скрывается мост, и крыша дома торчит из воды. Двадцатый час — тихая гладь, впору на лодке кататься. А вот и она, первая лодка нового моря.

...Ленинградский Металлический. Изготавливают вал для турбины. Токарный станок видели? Вот точно такой же стоит и здесь, только это — станок-великан, станок-цех, самый большой токарный станок в Советском Союзе. А вал генератора — обыкновенная железная болванка десять метров длиной и два метра в диаметре. Мастер двигается на специальной платформе, где-то на высоте третьего этажа...

Плывут внизу горные пики, только они не белые, а голубые, и над ними плавают косяки молодняка маринки. Море лижет

скалы, с тихим бульканьем насыщается влагой земля. Тишину нарушают только редкие жесткие всплески падающих с гор камней. И пока не упадет то, что должно упасть, и не установится равновесие, лучше к младенцу-моря не подходи.

Вот оно уже отхлынуло от гор и заблестело в пропыленной Кетмень-Тюбинской долине. К Токтогулу, уже покинутому жителями, которые переехали в новый город Токтогул, что сейчас стоит на отвесном берегу, море подойдет еще не скоро — когда наберется 3 миллиарда кубометров парынской воды.

А тем временем бригады бетонщиков Феттаева, Апарбаева, Андреева и Усубалиева начали соревноваться — кто первым выйдет на гребень и водрузит красное знамя на плотине. Наконеч-то паряды, чертежи, опалубки, ловушки, ходки, забытые гвозди, кубы бетона слились в осязаемое — в ГЭС, в Море. Победа близка.

...Первая турбина, светясь оранжевыми лопастями, поплыла по Неве, мимо крейсера «Аврора», а потом по Ладожскому озеру вниз по Волге, где волжские речники передадут ее морякам Каспия, те — железнодорожникам Туркмении, и она поплывет по песчаному морю Кара-Кумов.

Разобранный генератор отправили на ГЭС рабочие завода «Сибэлектротяжмаш». На боку генератора надпись мелом: «50-ю Киргизии от рабочих Сибири».

...«Запорожье — Киргизии» — надпись на трансформаторе. В платформы с 415-тонным трансформатором «впряжены» четыре тепловоза, провозаёт его в дальний путь заводской оркестр. Комсомольцы завода отработали субботник и изготовили трансформатор раньше срока.

...Нефтяники Грозного, азербайджанцы и грузины, заготавливают масло для трансформатора — нужное масло дает единственная скважина в стране.

...Идет монтаж электронного оборудования — пульта управления для каждой турбины. Рижане в белых халатах священнодействуют над сердцем станции.

...Таджикские гидростроители прислали 300-тонный трайлер для перевозки негабаритных грузов.

Вся страна — русские, киргизы, грузины, украинцы, азербайджанцы, таджики, латыши, туркмены — все они согрели теплом своих рук холодный металл, не пожалели сил, нервов, времени, чтоб жила и несла людям радость и свет Киргизская ГЭС, чтоб она сделала человека еще более могучим и добрым... Но все это надо еще смонтировать, согласовать каждый винтик, каждое сопротивление, каждый конденсатор этого громадного механизма, который называется ГЭС, чтоб он приобрел гармонию и смысл. Надо проверить, надо наладить... А времени остается все меньше...

На площади в Кара-Куле большой красный плакат: «До пуска первого агрегата осталось 97 дней».

Горная дорога вдоль Нарына, по которой движется караван из семи автотягачей и 300-тонного трайлера, сконструированного Нурекскими гидростроителями. Впереди на мотоцикле инспектор ГАИ Толигенов. Красным флажком останавливает, просит свернуть на обочину встречные машины и автобусы, из которых высыпают люди посмотреть на необычный караван. За мотоциклом Толигенова — красная пожарная машина. За ней «Рафик» ответственного за перевозку Бойко, его машина, кажется, свободно может пройти меж колес тягача.

Проплывают сосредоточенные лица водителей, у каждого наушники и ларингофон. На ведущей машине Володя Большой, за ним — самый молодой, Володя Маленький. Потом — Борис Васильевич, Валентин, Болот и грузин Полторайя. Высятся желтая махина трайлера. Меж непривычно выгнутых вверх рессор закреплена турбина. На трайлере Дмитрий и Ренат, а выше их, примерно на высоте двухэтажного дома, разгуливает бригадир. Главное в работе водителей полная, можно сказать, ювелирная согласованность. Потому что все 64 колеса автопоезда должны поворачи-

ваться синхронно на одинаковые доли градусов, а расстояния между тягачами выдерживаются с точностью до нескольких сантиметров.

Бойко поднимает руку и жестом показывает: «влево». Володя Большой командует: «Я первый, полтора влево!» И рвуший, весь в сизом дыму автопоезд мгновенно отходит влево, подальше от Нарына. Срывается из-под колеса обломок скалы, летит вниз. Бойко метнулся к краю дороги, чтоб под обрывом, успокаивающе подвля руку и пятак, показывает: «на меня». Двигается поезд, а камень летит к Нарыну, далеко вниз.

Голоса в наушниках:

— Слышь, Вовик, жене-то скоро рожать?

— Скоро. В декрете уже.

— Гляди-ка, когда успел!

— А он такой молодой да прыткий!

— Гляди, чтоб на тебя похож был, — последнюю фразу перекрывает хохот.

— Не поспеть нам за месяц.

— Нет. Не управимся.

Мост. Поезд осторожно ползет через него, проседают под колесами балки. Тревожная команда по телефону. Завыли тормозные колодки. Поезд стал. Люди соскакивают с машин, бегут к трайлеру, перебранка, спешная аварийная работа, кто-то с силой бьет кувалдой. Бум-м... Бум-м...

Становится понятно, что в бригаде не все в порядке, что Дмитрий выпадает из общего строя, что в задержке виноват он. Перебранка между ним и остальными.

Бойко прыгнул на ходу в свой «Рафик» — поехали дальше. Напряженность прерывает голос Володи Маленького:

— Тебе, Борис Васильич, жена-то пишет?

— Какая? Ташкумырская, шамалдысайская, нурекская? Какая?

— Даешь, Борис Васильич!

Борис Васильевич — любимец бригады. Он знает, что только шутка может разрядить обстановку, снять напряжение. И еще понимает, что в шутке важен такт. «Надо

вовремя перевернуть пластинку, чтобы человек не обиделся».

Двигается поезд по шпрокой долине. С высоты кажется: маленькая муравьиная тропа, поезд — не больше гусеницы на яблонево́й ветке и почти неразличимые песчинки — люди.

«До пуска первого агрегата остался 71 день!»

Сегодня везут вал генератора, он полечче. Впереди — два тягача, сзади — три. Но ощущение мощи то же. Неповоротливое тело автопоезда выворачивает от вокзала к дороге, бегут дети, смотрят из-под руки стоящие у калиток женщины.

Впереди, как всегда, инспектор Толигенов, сзади — водовозка, за рулем ее — Дмитрий. Почему?

Характеристика бригады: Дмитрий — самый лучший водитель из всех, самый опытный — и поезд принимал, и учил всех. Только считает, что должен выделиться, слава ему нужна. А нам цены нет; когда мы действуем согласованно, как один. Такова специфика работы.

«Нам цены нет, когда мы действуем как один...»

Автопоезд в Рязан-Сае. Остановка. Несветельный обед. Бригадиру Валентину передали телеграмму — умер младший брат. Уже неделя минула, а телеграмма только теперь их нашла.

Недалеко под деревом сидят мототуристы. Поломка. На рюкзаке гитара. Ренат берет гитару и поет песню о море и доле моряка и о любимой, что ждет на берегу.

Обед на траве, лежит гитара. В надежде развеселить понурую бригаду кто-то просит Толигенова спеть.

— А что, я могу! — И плотный Толигенов начинает петь и выделять смешные колена.

— Во ГАИ дает!

Голос Толигенова:

— Чем поможешь? Плохо, очень плохо... Потанцую, веселей будет, скоро ехать дальше...

На реве уже готовых к отъезду тягачей слышится рассказ Валентина:

— У каждого свое. У Вовика жена вот-вот родит. Пишут, что приходила к нам его Светка, плакала.

Автопоезд трогается, проплывают один за другим: сосредоточенный Володя Большой, хмурый Володя Маленький, за ним Виктор, дальше Полтора́йя... Голос Бориса Васильевича в наушниках:

— Сын будет, Вовик, помани мое слово.

— Борис Васильевич, а в Ташкумыре твои дети?

— Какие?

— На вокзале.

— Не знаю. В мазуте они купаются, разве поймешь?

И снова дорога. Длинный поезд. Зной ползет по хлопковым полям Узбекистана. Нестерпимо яркое солнце. На пыльной желтой площади очередь с ведрами, тазами — ждут водовозку с водой.

«До пуска первого агрегата осталось 58 дней».

Везут 400-тонный трансформатор. Везут с поломками, ночевками посреди дороги. Володя Маленький заведен до предела, по его подсчетам жена должна уже быть в роддоме, вот-вот. Не бросил и не уехал. Поэтому все 64 колеса работают синхронно. Будь трансформатор на сто тонн легче, не лопнула бы серьга на трайлере при погрузке. И они бы привезли его на два дня раньше. Будь трансформатор на сто тонн легче, не просела бы балка. И они бы выиграли еще два дня. Будь... Неделя! И уже неделю он был бы дома. Он еще не знает, что у него родился сын. Он еще не знает, что он родился восемь дней назад и телеграмма лежит в Кара-Куле. И не знает, что в этот момент его жена звонит жене Валентина:

— Теть Клав, хоть вы за нами приезжайте, а то я вроде безродная какая, никому не нужная...

Ведет машину Володя Маленький — простит Света, поймет, что нельзя было

бросить бригаду — «нам цены нету, когда мы все как один». Поймет...

...Палит солнце. С тоской смотрят люди туда, откуда должна показаться водовозка. Так в Куршабской степи, в Голодной...

«До пуска осталось 57 дней!»

Мост у Кара-Куля. Остановка. Просто последняя передышка перед оставшимися десятью километрами до стройки. Последняя проверка. Зной. Водители обливаются водой из шланга водовозки. Подходит старик-киргиз, качает головой, дивясь на технику. Бережно подставляет руки под сильную струю воды. Дима предупредительно прикручивает кран, чтоб старику было удобней пить.

Команда: «По машинам!» Снова ревут, одновременно трогаются с места тягачи.

Автопоезд движется по правобережной дороге. На желтом склоне Гнилой горы ниточка поезда совсем не внушительна, и шум от него тоже почти сливается с шумом реки. Громадное ущелье скрадывает масштабы и звуки.

Токтогульская ГЭС. Поезд движется мимо котельных, компрессорных, высоковольтной подстанции. Из-за поворота показалась плотина. Медленно втягивается поезд в сумеречную прохладу тоннеля, ведущего к зданию ГЭС. Замелькали звезды-фонари, по степям мечутся гигантские тени электросварщиков — идет монтаж первой турбины!

Пуск первого агрегата намечен по плану на 16 октября 1974 года. По согласованной с гидрологами схеме, весенние расходы реки должен пропускать левобережный тоннель (это 200—250 кубов). Ко времени полива рисовых и хлопковых полей (20 июня примерно) уровень воды в водохранилище, за счет весеннего и летнего паводков, должен подняться до отметки глубинных водоводов. Совместная работа глубинных водоводов и тоннеля должна обеспечить расход 500—550 кубов, необходимых для полива лежащих внизу хлопковых и рисовых полей.

Но, вопреки всем прогнозам, год выдался катастрофически маловодным. Такого маловодья Азия не знала за последние полвека.

Ночь. Ферганская долина. Не только мирабы, но и работники райкомов партии дежурят у разводных затворов Ферганских каналов, регулируя распределение воды. Звон цикад и журчание живой воды. Резкий металлический звук опускаемых затворов, убивающий голос воды, цикад. Усталые, хмурые лица. Шум отъезжающей машины.

Свет фар скользит по хлопковому морю... резкий щелчок опущенного затвора, топот убегающих ног.

— На два часа позже закрыл!

— За это раньше стреляли!

— Стреляли. Судить надо!

— Плату надо за воду ввести, вот что!

Тогда не будет хлебать выше горла.

...Утро. Управление стройки. Советание. Хмурые лица людей, раздраженные голоса, резкие жесты рук, рубящих воздух, каждый доказывает свое с горячей убедительностью. Как помочь земледельцам Средней Азии? Как быть с ГЭС? Как ликвидировать последствия засухи? Как? Принять правильное решение в столь сложной обстановке нелегко...

Главный инженер перво ходит вдоль длинного стола. Говорят несколько голосов сразу.

— Да поймите же, левобережный тоннель не рассчитан на напорный режим!

— Под ним транспортный вход в маззал! Течет при 300 кубах, а что будет при 450?

— Трещина, и концы! Механизмы, люды...

— Забьем вход бетонной пробкой.

— А пуск? Спустим воду, чем пускаться будем?

— А вот об этом пусть у тебя голова не болит. Я повторяю, у нас есть три дня, чтоб подготовиться к консервации маззала. Завести, проверить вентиляцию и забить пробкой. Все!

Прошло три дня.

Пятидесятиметровый водопад водо-сброса. Мощный, торжествующий шум па-дающей воды.

— А ничего фонтанчик соорудили.

— Брызг много, а всего 40—50 кубов.

На фоне водопада, через мост, в транс-портный туннель движутся тягачи, везу-щие шестерни.

Постановление: «В суточный срок дать воду на полив».

Собрание актива стройки в летнем ки-нотеатре. Речь министра энергетики Непо-рожного:

— А сейчас надо отдать воду на полив хлопка, полностью открыть затвор и про-должать работать. Условия тяжелые. Но такому коллективу они под силу...

На экране кинотеатра показывают го-стям фильм «Нарынский дневник». Но что это? Люди поспешно покидают зал. Силу-эты уходящих проецируются на экран.

Небывалый напор воды, хлещущий из левобережного тоннеля, подмывает ком-прессорную, и опоры моста не выдержи-вают. Аврал на автобазе.

Ночь. Машины одна за другой подвозят тетраэдры, их вяжут меж собой тросамп, сбрасывают у берега в бушующий водово-рот. Резкие команды, реплики:

— Размонтировать рессиверы!

— Где Новицкий?

— Отойди, зашибу! Трос!

— Нет, на этой стройке не соскучишь-ся!

В свете прожекторов усталые, возбуж-денные лица людей.

Черные силуэты машин, сбрасываю-щих тетраэдры, силуэты людей на белом фоне свирепо бушующей воды, мечущиеся громадные тени на скалах.

...Раскрывающиеся навстречу солнцу цветы хлопка. Сидят на плотине рабочие, ужиная.

— Я сегодня рядом с министром снял-ся.

— Нашим?

— Не. Водяным. Глядел, полностью ли затвор поднят. Не надули б.

— Чего теперь. Все одно пуска не бу-дет. Год воду копили.

— Теперь еще год копить будем.

— А там опять заставят спустить.

Молодой киргиз робко вмешивается в разговор.

— Ата говорит, шесть лет воды не бу-дет.

— Не каркай.

Площадь перед управлением. Закатное небо. Сумерки. Площадь забита машина-ми. Среди них — черные «Волги», «Чай-ки». Яркий свет во всех окнах, крутятся вентиляторы.

Воды мало. Воды только-только хватает на Ферганскую долину, а еще она нужна рисовым полям Голодной степи в Узбеки-стане, Кулундинской степи в Киргизии, Казахстану.

...Еще одно совещание. Энергетики, пр-ригаторы, представители Узбекистана и Казахстана.

— Мы бы рады отдать все, только не знаем, как это сделать.

— А если открыть правобережный тон-нель?

— Бред. Затвор разового действия на глубине семьдесят пять метров.

— Вызовем водолазов.

— А сам тоннель забит бетонной проб-кой.

— Серый сказал, там есть патерна диа-метром два метра.

...Бригада на плотине. Рабочий, лежа-щий вверх лицом на щите, руки под го-ловой, говорит:

— Поехать бы куда-нибудь. В Брази-лию, что ли...

— Зачем?

— Заработать мешок долларов...

— Ну и че?

— И обклеить ими спальню.

— А рублями нельзя?

— Не... долларами,— нехотя подвлял-ся.— И чего разгуделся, гад!

24 июля. Дорога к плотине. Двигаются военные машины, на них — солдаты, понтоны, в одном из кузовов кверху колесами стоит машина «амфибия». Цвет «хаки» странно выделяется среди яркой окраски строительной техники.

Машины поднимаются по серпантину плотины. Рабочие останавливаются, смотрят им вслед.

— Наш-то говорил, что пока он министр, не даст рвать правый.

— Значит, переговорили его.

— Да нет, начальник сам сказал про патерну.

— Не может быть!

— Все равно докопались бы до нее...

— Пока бы копались... А он сам, на блюдечке, — осуждали начальника стройки рабочие.

— Вот он, легок на помине.

Рабочие отворачиваются. Серый идет по плотине, даже поздороваться не с кем, одни спины. Звучат другие голоса, словно в ушах начальника:

— Зосим Львович, зачем же так сложно? Я знаю пятнадцать более легких способов взорвать эту плотину к чертовой матери!

— Если бы каждый... каждый хорошо работал на своем месте и заботился о будущем своего хозяйства... пользы... пользы было бы... больше — зачем нам беспокоиться об узбекском хлопке? Поймите, я против узбеков ничего не имею — прекрасные хлопкоробы, но своя рубашка ближе к телу...

Помните, мы уже слышали: «Моя машина. Свой КраЗ ближе к телу... Твои дети большие, зачем вам карусель для других строить?..»

Идет начальник стройки, тяжкое бремя ответственности давит на плечи, а голоса встревоженных строителей по-прежнему звучат:

— Ирригаторы не вложили ни копейки, ни дня. Пришли на готовенькое.

— Взорвать пробку в самой плотине!

— Это, знаете ли... это уже удар ниже пояса.

— А как мы его затыкать потом будем?..

Резкий удар ладонью по столу. Планерка. Начальник стройки Серый говорит, еле сдерживая себя:

— Хватит! Хватит этих местнических разговоров! ГЭС наша! Хлопок тоже наш! Вся страна наша! Ищите пути, как сделать, вместо аргументов, как не делать! Я повторяю: в конфликты не вступать! Давать и делать все, что водолазы бы ни потребовали... И привести в порядок базы, покрасить краны, на бетонном заводе убрать разбитые стекла... Покрасить мост... Чем сложнее положение на стройке, тем мы должны быть опрятнее... Прююшкин, ты почему до сих пор не вывез металлолом?

Крап через плотину спускает на воду понтоны. Водолазы на плотине, у самого трапа к воде. Знакомятся со строителями. Водолаз вытаскивает помятый букет белых мальв откуда-то из-за опалубки, протягивает девушке-геодезистке.

Молодой парень с широким добрым лицом готовится к спуску, это водолаз Гена Волков. Местные, услышав где-то, что Гену приглашал сам министр, зубоскалят:

— Личный друг. Говорят, ехал в отпуск, в Москве проездом, позвонил министру, ну так — отметить, друзья же. А он его сюда, говорит: Гена, выручи токтогульцев, тебе одному доверяю, ага, — со смаком рассказывал бетонщик Валера.

— А жена должна на взморье ехать. Министр жене его телеграмму — потерпи, без него как без рук, мол, так и так...

Каково же было удивление всех, когда приехавший министр действительно попросил поднять водолаза Гену, чтоб посоветоваться с ним, как взрывать затвор. И публично добавил: «Для вас лучшего эпроновского водолаза привез».

Владимир Ильич Минервин, старший мастер по водолазным работам с Волгоградской ГЭС, говорит:

— Сколько работаю с водолазами — ни одного нормального не видел. Ну какой нормальный человек под воду на семьдесят метров полезет?

— Чего? — говорит Гена. — Сколько угодно. Вон туда я не полезу. — И поднимает голову вверх, на склон ущелья. Высоко-высоко уходит отвес скалы, на нем трапы, альпинист на репшнуре. — Что я, козел? Вон куда ненормальные лезут.

Минервин смеется:

— Что-то много ненормальных в одном месте.

Геодезистка Таня уговаривает Гену:

— Ребята, вы поныряйте поныряйте, а затвор поднимать не надо.

— Как это?

— Ну так. Жалко. ГЭС. Не поднимите затвор, а?

— Еще чего! — вклинивается возмущенный. — Вода нужна? Нужна! Это ж правительственное задание! Вы себе не представляете, что там в пизинах делается. Гибнет труд тысячи людей!

— А вы откуда?

— Из Узбекистана.

— А...

У плотины, на поверхности нового Токтогульского моря, появилось первое судно с водолазами и понтон.

Озадаченные лица. Не хватает оборудования. Водолазный бот из Червака еще в дороге.

Мотор для поднятия затвора на глубине 70 метров установлен! Это первая маленькая победа.

У всех заискрилась надежда — вдруг удастся затвор поднять и тогда, взорвав маленькую пробку в тоннеле, там где до 1966 года, до перекрытия Нарына, текла река, и хлопок спасти, и не причинить ущерба самой ГЭС.

В бывшем искусственном русле Нарына, в узкой двухметровой палатке (тоннеле), проходчики готовят взрыв пробки. Бурят шпур, закладывают взрывчатку. Кругом темные стены бетонного мешка, гнетет узость пространства.

Понтонный плот. Из глубины возвращается Гена-водолаз. В шесть рук отворачивают шлем, рывком сдергивают костюм.

— В кессонную камеру, быстро!

Хватит ли мощности мотора, чтоб поднять одноразового действия, трехсоттонный, уже проржавевший затвор, на который, в придачу ко всему, легла вся тяжесть моря?

Спускается следующий водолаз.

— Как чувствуешь себя?

— Нормально, — доносится из глубины.

Начальник стройки Серый с напряженным вслушивается в переговоры водолазов.

Второй день. Для помощи токтогульцам прибыли военные. Под водой одновременно три водолаза. Настроение заметно улучшалось.

Нервно ходит взад-вперед по понтону Серый. Надо, надо поднять затвор. Во что бы то ни стало!

Поднять затвор не удастся. Не хватает мощности мотора.

Еще один день.

Сидит на краешке у трапа Серый, босиком. О чем он думает?

Оборвался трос крана. Едва не пострадал водолаз. Идет вниз другой. Закрепляют новый трос. Водолазы не теряют надежды. Они справлялись и не с такими задачами.

Гена Волков лежит в кессонной камере — слишком долго сидел под водой, все надеялся поднять затвор.

Штаб. Министр, представители правительств Киргизии, Казахстана, Узбекистана, руководители стройки, моряки и взрывники. Принято решение взорвать затвор. Надо спасать урожай, труд миллионов людей.

С рассвета начали закладывать мешки с аммоналом. Непривычно пуста плотина, так тихо, что слышны шаги взрывников, старательно монтирующих магистральный провод.

Вчера взрывники стройки потребовали, чтобы эту операцию провели не моряки, а они сами. Ответственный за взрыв — Кучапин.

Подъездная дорога перекрыта милицией, а весь штаб далеко внизу, у железного моста. За последние двенадцать лет в этом ущелье не было такой звенящей тишины.

Взрыв! Плотина под ногами у Кучапина дрогнула. Второй взрыв. Из тоннеля потекла сначала чистая, затем мутная вода. Кто-то из гостей заплодировал, оглянулись на хлопки строители. Толпа нестройно двинулась к порталу, окружила Кучапина.

— Вон ему руку жмите, это он взрывал.

Гостижимают руку Кучапину, улыбаются в объектив. Кучапин пробирается сквозь толпу, идет к машине. Вслед ему несетя: «Черный прищ!» Кучапин будто спотыкается. Идет дальше. «Сделал свое черное дело и пошел.» — «Ладно тебе. Не он, так другой.» — «Легче тебе было бы, если бы чужой?» — «Знаешь, легче.»

Течет донная вода из правобережного тоннеля, не смешиваясь с чистой верховой водой.

Фонограммы застолья:

— Я хочу выпить за коллектив, которому по плечу любые задачи, даже такие, какие нам не очень imponируют.

— Я хочу выпить не за тех, кто взорвал то, что мы построили, а за водолазов и гидромонтажников, которые пытались нам помочь...

Кучапин не выдержал:

— Надо говорить: не мы построили, а вы взорвали, а мы строили, и мы взорвали!

Урожай был спасен. Вот оно, Токтогульское море, которое превратилось в миллионы тонн хлопка, в радость миллионов земледельцев Узбекистана, Казахстана.

А на Токтогуле царило уныние, пустыли сухие берега мелководного жалкого моря. Плавали щепки, выкорчеванные рекой

кустарники. Тишина, только иногда плюхнется камушек, и опять все тихо...

Пуск ГЭС перенесен на осень следующего года.

Да, урожаем спасли... А ГЭС не пустили...

Пустили красавицу Чиркейскую ГЭС в Дагестане. Арочная... Радуются гидростроители успеху коллег, но нет-нет колет зависть: должны были пускать почти одновременно. Счастливики чиркейцы...

Бетонировали плотину, но как-то вяло, без души.

Ползли слухи. Поговаривали, что, может, удастся пустить ГЭС и без воды...

Но это же невозможно! Любой пятиклассник знает, как работает гидроэлектростанция: вода, падая с высоты по водоводам, раскручивает турбину. А воды нет.

— А вот была экспедиция гляциологов, они посыпали угольной пылью ледники, и таяние увеличилось в несколько раз!..

— Что, если тьяншанские ледники посыпать... а?

Рабочие в перекурах обсуждали: а вдруг?

Проектировщики наводили справки. Ответы отрицательные.

Ледниковый сток Нарына всего 40 процентов, а ледники разбросаны. Неэффективно.

— А если поставить на водоводы втяжные сопла? Вода поднимается и под тяжестью падает вниз — раскручивает турбину, дает ток, часть его идет на поднятие воды, а часть потребителю!..

— Вечный двигатель? Проверьте затраты мощности, сравните с выдачей...

— А что если от глубинных водосборов?..

— Уровень воды чуть выше турбины — проделать тоннель из водосброса в водовод?

— Тут что-то есть!

Собирались штаб, собирались проектировщики — сколько бумаг перевели, считая!

21 октября подписано разрешение на

пуск по временной схеме! Уговорили-таки, но вот получится ли? Случай небывалый — пускают гидроэлектростанцию без воды!

Приказ Кучапину: «Ты эту дырку сделай, ты ее и затыкай!»

Легко сказать — трудно сделать. Фонтаном вытекает река из тоннеля. Октябрь. Вода — плюс четыре. Уже двадцать человек заболело воспалением легких...

На выжженных летним солнцем склонах ставят опоры ЛЭП-500, по ней пойдет энергия Токтогульской.

Пробивали взрывом в самой плотине, в четырех метрах от машзала, тоннель для воды. В четырех метрах от людей пойдет река в турбину!

— Куда спешить? Не в этом году пустим, так в следующем! — скажет трезвый скептик.

Нет, энергия человеку нужна сегодня, сегодня надо сделать землю красивой, а человека добрее, сильнее. А завтра? Завтра, может, этот вид энергии уже устареет — техническая революция быстро старит идеи.

До конца года оставалось два дня.

На хребте, что разделяет створ плотины и поселок строителей, на заснеженных скалах выше машинного зала на целых 700 метров, устанавливала высоковольтные опоры и тянула ЛЭП-500 на крутых отвесных скалах бригада Мамасалы Сабирова. Осторожно, чтоб не вызвать лавины, опускают вниз провода. Работа трудная, требующая большой выдержки и мужества. Вдох. Выдох. Облачко пара превращается в маленькую тучку, стынут руки.

Откуда приближается шум экспресса, проносающегося на громадной скорости? Откуда в горах поезд?

Слетела лавина, ударилась, зазмеилась по противоположному склону ущелья и с запоздалым грохотом превратилась в об-

лако снежной пыли. Ничто и никто не устоял бы, окажись на пути стихии...

Страшная весть. Сошла лавина и смяла бульдозер, и не наверху, а внизу. Погиб прекрасный человек, открывавший в 1963 году Пионерскую тропу на горной вершине, — Низаев Наиль.

— Я его знала еще с Учкурганской ГЭС... такой славный... он давно здесь... улыбался всегда...

Сумерки опустились на покрытое снегом кладбище, где в безмолвии застыла женщина и двое мальчиков у свежей могилы. За их спинами в суровом молчании стоят товарищи.

— Прощай, товарищ. Прощай, друг! Мы работаем за того парня, что погиб на фронте, мы доведем и твое дело до конца.

И снова — крутой склон. Буквально облеплена людьми и растет на глазах опора. На самом вершине хребта, на фоне неба — опора с гроздьями людей.

И вспоминается хроника 20-х годов, когда лопатами рыли каналы, носили землю в мешках, когда строили еще голыми руками, на одном энтузиазме.

31 декабря. День пуска. Машинный зал.

Рядом с агрегатом — панели управления, на столе до десятка телефонов. В углу елка.

Возвышается над толпой дед Мороз в красном облачении.

Усталые, осунувшиеся лица монтажников, проходчиков.

Главный инженер разговаривает по телефону. Вокруг фоторепортеры и газетчики. Рука протягивает микрофон. Главный кладет трубку. Репортер, улыбаясь, спрашивает:

— Леонид Азарьевич, что здесь происходит?

— Здесь собрались страждущие, жаждающие, чтоб эта машинка закрутилась. — Он показывает на громадный агрегат, отдаленно похожий на головку космической ракеты.

Последние приготовления. До Нового года осталось четыре часа.

Фонограмма:

— Четыре дня дома не был. Звоню же-не, хочу сказать, что к Новому году буду. Не слушает: «Гуляй, гуляй!», и бросила трубку.

Ходят толпой строители, ждут, не пойдешь же домой, хоть там праздничный стол уже накрыт. Десять лет ждали этой минуты.

Рассказывает жена одного из готовивших пуск:

— Вчера столкнулась с главным инженером на площади, он мне говорит: «Твой сейчас в управлении, можешь его увидеть». Господи, я даже испугалась: что-то случилось? — Нет, говорит, ничего. Просто можете увидеться. Я его действительно уже неделю не видела — приезжает за полночь, а в пять уезжает. А перепугалась почему. Приезжает на днях Петя, шофер. Несет сапоги. Мокрые. Там портянки, носки, даже не выжал. Петя говорит: «Дайте что-нибудь сухое, а то ваш муж в машинном зале босиком планерку проводит. Провалился где-то». Вот я и испугалась — опять куда-то провалился? А Леонид Азаревич смеется: «Я просто хотел свидание вам устроить»...

Панорама по усталым, осунувшимся лицам. Грохот репродуктора: «Присутствующим покинуть «рифленку» агрегата!» Посыпались реплики:

— А она что, крутиться будет?

— А вдруг?

Бригада монтажников стоит меж крыльями крышки, ставят на ребро пятки, полтинники. Такова традиция. Если устоят при пуске, значит агрегат сработал как надо.

Репортер спрашивает у них:

— А почему вы не покидаете рифленку?

— А мы не присутствующие. Мы сегодня здесь самые главные.

— А Новый год?

— Вот это и есть Новый год, поняла? Ты-то почему сама не дома?

— Устроили вы Новый год и себе и нам.

— Плохой, что ли?

— Хороший, только холодно у вас тут под землей.

— Посидеть за столом, выпить, таких Новых годов сколько угодно бывает. Вся жизнь. А вот такой — в машзале, на пуске, такой на всю жизнь запомнится.

...Плотина освещена прожекторами. Снег. Идут последние часы старого года. Светятся в окнах огоньки новогодних елок. Женщины вынимают последние пироги из духовок.

Машинный зал. Репродуктор: «Водолазам подойти к пусковому штабу! Повторяю: водолазам подойти к пусковому штабу!»

Монтажник говорит:

— Ваши киношники тут снимали нас... Здоровый такой, Володя...

— Ага. Володя Котов.

— Дал мне ключ, говорит: закручивай. Ну, кручу. Камера загудела, я бросаю ключ, повернулся к камере, улыбаюсь, плечи развернул, грудь вперед. Он ругается. Зачем мне твоя рожа, говорит, мне труд ваш снять надо. А я ему: хочу, чтобы меня моя мама в Запорожье увидела, какой я и где. Что ей мой затылок? А так, вот он я, здоровый, веселый...

Репродуктор: «Товарищу Ратникову спуститься к камере турбины.»

Другой голос:

— Что надо в праздник? Я вот стихи писал про ГЭС...

Видно, песне по сердцу
Те люди, что тут
Побеждают упорство
Рески и камней.
И ущелье раскованное,
Где цветут золотые тюльпаны
Веселых огней!

Нет, не так. Не вмещается ГЭС в слова. Хочется так сказать, чтоб всем было это понятно.

22 часа.

Репродуктор: «Приготовиться к пуску. Начать заполнение водоводов!»

Сидят за праздничным столом нарядные женщины, вокруг — пустые стулья.

— Устроили себе праздничек, а мы тут сиди. Эх, бабоньки!

— Тоска-то без мужиков.

— А придут — спать повалятся.

— Мой вчера завалился на диван в сапогах, в ватнике. И будильник в руке зажат.

— Нет, я позвоню, как там у них!

— А что, может, тоже рванем в машзал!

— Попроси, чтоб машину прислали!

— А детей куда?

Машзал. 22 часа 30 минут.

Репродуктор: «Открыть затвор! Пуск!»

Хлынула вода с потолка. Ахнула толпа, подалась в стороны. Общий шум. Темнота. И спокойный голос:

— Опустите затвор! Спустить воду. Спокойно. Ничего страшного! Я говорю, ничего страшного!

Струя воды опадает, только струится по стенке.

Что же случилось?

— В плотине кое-где остались трубы охлаждения бетона, вот и все. Сейчас их забьют.

Реплика:

— Первое всегда все ненадежное — первая любовь, первый пуск...

— А агрегат все-таки крутнулся на полоборота.

— Москва еще дает нам фору три часа.

— Да, разница во времени.

...У накрытого стола, свернувшись клубочком спит на диване в красивом платье хозяйка.

Другой дом. Знакомые уже женщины.

— Я вот что скажу, бабоньки. Тост. Вот — за тех, кто в машзале!

Она залпом опрокидывает рюмку.

— Бабоньки, постановили: Новый год откладываем на один день!

1 января. В машзале строители. Их много. Снова звучит команда:

— Приготовиться к пуску! Пуск!

Медленно пошел вал. Первый оборот.

Второй... Быстрее, еще быстрее... Та-та-та-та-та-та...

Волшебно освещаются улыбками лица строителей. Как они ждали этого момента!

Быстро, уже в пужном ритме бьется сердце турбины. Стоят на ребрах монетки. Все правильно!

Люди обнимаются, целуются, жмут друг другу руки, поздравляют.

— Ну вот, а ты боялся!

По репродуктору голос парторга стройки:

— Товарищи! Первый агрегат Токтогульской ГЭС вступил в строй. С победой, товарищи!

Взлетает на сильных руках монтажников начальник стройки. Еще и еще. Победа!

Взлетает в воздух тучный начальник Гидроэлектромонтажа. За ним — прораб, бригадир... взлетает и самый молодой из бригады, щуплый паренек.

Голоса:

— С победой, товарищи!

— Токтогульская ГЭС работает на коммунизм!

Решено начать заполнение водохранилища 1 сентября.

Детишки пойдут в первый класс и будут праздновать свой первый учебный день, а их папы и мамы — первый день моря. И с каждой написанной на доске буквой А, Б, В уровень моря будет подниматься.

Когда наполнится море? Никто не знает. Ожидают, что к весне. Чабаны говорят, что будет снежная зима, потому что яки спускаются с горных вершин. А правы ли чабаны, будет ли снег, никто не знает.

Непреложно только, что к осени будут смонтированы все четыре турбины и их при малейшей возможности пустят. Ясно и то, что строители уже сейчас уезжают, кто на Курпсай, кто на Камбарату, а после монтажа турбин уедут еще дальше. Оста-

нутя бетонщики наводить декоративный лоск на плотину, покрывать мрамором машзал.

А сегодня последний штурм — 245 метров плотины построено, осталось последних пять метров!

Темп бетонных работ все нарастал и нарастал. Машины, освободившись от бетона, спускались вниз по серпантину, что на плотине, ныряли в идущий вниз тоннель и выныривали ниже, у самого Нарына. Когда следующая машина высыпала бетон, первая уже неслась по мосту, а третья с ревом выползала из транспортного тоннеля.

Скоро вершина! Кто поднимает красный флаг? Уже год соревнуются самые опытные бригады: Феттаева, Анарбаева, Усубалиева, Андреева. Кто будет первым?

Мы не можем сегодня сказать, как будут развиваться события, мы только знаем, что в тот день, когда самый достойный водрузит знамя, будет большой праздник.

Среди победителей мы увидим знакомых нам строителей: Бакая, Чухрая, Ами-

ранова, Радюкова, повзрослевшую девочку Надю, Ткаличева, Добротворского, начальника стройки Серого, главного инженера Толкачева, «Снежного барса» Сабирова, Володю Маленького...

Радостные лица, поздравления, песни.

Победа!

Звуки праздника доносятся до подножия ГЭС, где из турбин белым скакуном вылетает Нарын. Стоят строители и смотрят вверх — туда, где высоко-высоко, среди белизны облаков с одной вершины на другую перекинут мост — гребень плотины, и где гордо реет красный флаг.

Пурга размыва горы, застывшие БелАЗы и дома. Из светлого проема выходят строители, бережно пряча в ладонях красные розы. Те самые розочки, о которых спорили, ради которых долбили ломом скудную гору, ради которых, собственно, строили и самую ГЭС и море в горах.

Несли они розы сквозь метель. И розы, казалось, светились, как звезды в голубой мгле. Несли, стесняясь и подшучивая друг над другом, стараясь скрыть новое непривычное чувство.

Главный редактор *В. СЫТИН*

Редакционная коллегия:
О. АГИШЕВ, С. АНТОНОВ,
Е. ГАБРИЛОВИЧ, С. ЖГЕНТИ,
В. СОЛОВЬЕВ, В. ТРУНИН,
С. ЮТКЕВИЧ.

АЛЬМАНАХ «КИНОСЦЕНАРИИ»
ГОСКИНО СССР, МОСКВА, 1976 г.

Редакторы *Е. Клейнер, О. Горбачева*
Художник *В. Медведев*
Техн. редактор *Н. Рюрикова*
Корректор *Т. Покровская*
Мл. редактор *М. Сергиенко*

Подписано к печати 29/XII-1975 г. А14077. Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 22,0. Усл. печ. л. 25,7. Уч.-изд. л. 30,42. Тираж 50 000 экз. Заказ № 652. Цена 1 р. 61 к. Всесоюзное объединение «Союзинформкино» Главного управления кинофикации и кинопроката Госкино СССР. 119285, Москва, Мосфильмовская ул., 1, блок 2. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

1р. 61к.

КИНОСЦЕНАРИИ

● АЛЬМАНАХ 1976